

ПЕТР ЕЛИЗАРОВ

ОДНАЖДЫ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

I

ЧРЕЗМЕРНОЕ
УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ
ВРЕДИТ ВАШЕ
МУЗДОРОВЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Петр Анатольевич Елизаров

Однажды в Челябинске.

Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68915403

SelfPub; 2023

Аннотация

Юниорская хоккейная команда из Магнитогорска приезжает на две выездные игры в Челябинск. Из-за бутылки дорогого виски, которая случайно разбилась в одном богатом доме, хоккеисты становятся участниками череды хитросплетенных событий, курьезных и смертельно опасных, которые в морозные декабрьские дни 2011 года происходят с жителями самого сурового города России. В книге представлены: пролог и первые две части романа.

Содержание

ПРОЛОГ	6
«Бегущий мальчик»	6
«Блюющий мальчик»	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «АПЕРИТИВ: ПРИБЫТИЕ»	27
История первая. «Mr. Jack Daniel's»	27
История вторая. «Приезд»	37
История третья. «Мужское и женское»	98
История четвертая. «Смерть хоккеиста»	153
История пятая. «Первая игра»	218
История шестая. «Менты»	252
История седьмая. «На свободе»	259
История восьмая. «История с собачкой»	267
История девятая. «Птички в клетке»	291
История десятая. «Стенка на стенку»	333
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ДЕГЕНЕРАЦИЯ»	380
История одиннадцатая. «Срочное заседание клуба любителей ретроавтомобилей»	380
История двенадцатая. «Деловые люди»	404
История тринадцатая. «Отвертка»	412
История четырнадцатая. «Хамелеон»	466
История пятнадцатая. «Усни, но не сейчас»	487
История шестнадцатая. «Холодный чай... 40 градусов»	518

История семнадцатая. «Разговор с совестью»	544
История восемнадцатая. «Бегство»	553
История девятнадцатая. «История с «Победой»	579
История двадцатая. «Противостояние»	631
История двадцать первая. «Две полосы»	661
История двадцать вторая. «Меж двух огней»	671
История двадцать третья. «Разговор о счастье и деньгах»	784
История двадцать четвертая. «Преступление и наказание»	817

Петр Елизаров

Однажды в Челябинске.

Книга первая

«Челябинск – я (не) люблю тебя!»

Большинство жителей Челябинска

Минздрав предупреждает:

«Чрезмерное употребление алкоголя
вредит вашему здоровью!»

Хоккейная команда «Магнитка-95», персонажи и описанные в книге события являются художественным вымыслом автора, а совпадения случайны.

Упоминания реально существующих персон, наименований географических мест, организаций, органов власти, торговых марок и брендов не несут в себе рекламных целей, намерений запятнать их деловую репутацию или оскорбить кого-либо.

ПРОЛОГ

«Бегущий мальчик»

Прожекторы, парящие где-то в небесах, ярко освещают параллельные и пересекающиеся вены железной дороги – рельсы и шпалы, которые резво перепрыгивает невысокого роста худощавый голубоглазый парнишка, спеша к первой платформе, побаиваясь споткнуться и упасть на припорошенный снегом щебень. Белобрысый беглец будто огорчен, раздосадован чем-то. Жадно глотая морозный ночной воздух, он не сбавляет скорости, перелетая через полотно как заправский гимнаст, высоко задирая ноги и крепко придерживая за лямки выдавший виды рюкзак, видимо, набитый под завязку чем-то жизненно важным. Паренек, преодолевая своеобразную полосу препятствий, скользкую и холодную, лавируя между пассажирскими и грузовыми вагонами, стрелками и семафорами, держится за поклажу, как скалолаз держится за спасительный трос на отвесной скале.

После бесчисленных перегонов, линий, фонарей и столбов парнишка наконец взобрался на ровную вымощенную платформу и из последних сил устремился к оговоренному месту встречи – у часовни на перроне. В округе, кажется, нет ни души – еще бы, на дворе глубокая декабрьская ночь. Пах-

нет углем, где-то на путях то и дело гудит маневровый локомотив, неподалеку с дребезжанием тронулся в путь бесконечный товарный состав. Сбавив ход, парнишка зачерпнул в ладони горсть снега и умыл разгоряченное лицо. Пирамида «Синегорья» затерялась в тумане и легкой измороси.

Часовня. Именно здесь они условились встретиться. Наверное, он прибежал раньше, поторопился, не рассчитал, ибо возлюбленной еще нет. Без устали бьющееся сердце выдало подозрение, что девушка не смогла выполнить свою часть оговоренного. А может быть, она не настолько любит его, чтобы вот так все бросить, собрать манатки и убежать черт знает куда – в новую жизнь, жизнь с чистого листа: без этого города, без этих проблем и предрассудков, без этих обязанностей, без этих надоевших людей вокруг. Любит или не любит? Решится или передумает? Поедет или бросит? Парень тоже долго метался, ибо не каждый день собираешься сбежать: от родителей, учебы, подработки – одним словом, от всего, что осточертело. А каково же ей сейчас? Какие у нее аргументы? У нее ведь на порядок меньше причин сваливать из этой дыры.

«Даже если меня оставили одного, мне не привыкать. Подумаешь, будет немножечко больно и грустно. Главное, что я сам для себя решил сбежать. Я уже совершил то непоправимое, что не позволит мне задержаться в Челябинске ни на секунду», – думал он, как вдалеке показался чей-то изящный одинокий силуэт, еле проглядывающий из тумана. По-

зади слышались шаги, прервавшие безмятежность и смазавшие предвкушение долгожданной встречи. Почему они сзади? Парень проделал длинный путь, не оглядываясь: он смотрел только вперед – в новую жизнь.

Неужели она? Нашла время для сюрпризов со спины.

Обернуться он не успел. Его резко отдернули так, что обе ноги оторвались от земли. Некто больно схватил бедолагу за шею и плечи. Чья-то волосатая рука, словно кляп, опустилась на маленькое личико и почти полностью закрыла его – не вдохнуть и не выдохнуть, будто на засорившийся слив ловко накинули вантуз. Его вырубил, накинули на голову непроницаемый мешок, провонявший землей и гнилью, поволокли куда-то. Безымянный силуэт еще долго маячил перед глазами мальчугана.

Очнулся парень от пронизывающего ледяного холода вокруг. Он связан по рукам и ногам, рот заклеен скотчем. Куда он попал? Огромный мусорный бак? Нет, валяется он в какой-то холодной промасленной мясорубке с искрящимися крапинками инея на стенках. Ее жернова больно давят на спину. Пленник попытался задрать голову: черные, как смола, стены металлоприемника мало отличаются от цвета ночного неба. Однако наверху то и дело шныряли туда-сюда два силуэта: тонкий высокий и пухлый низкий – даже в кромешной темноте парень узнал этих людей. Вскоре они прекратили движение: видимо, принялись глазеть на паренька, лежащего на дне.

Первым подал свой хриплый с ярким кавказским выговором голос (такой, будто кто-то горло без остановки полощет) низкий и пухлый:

– Ну чего, браток?! Думал, что самый умный?! Думал, что мы не найдем тебя?! От дяди Тиграна еще никто не убежал. Дядя Тигран всех ловил.

– Руки у нас длинные, – звонко и самодовольно вставил высокий.

– За свои поступки надо отвечать, Андрей, – продолжил Тигран. – Дай-ка, – высокий подал кавказцу несколько пачек банкнот (они вытрясли рюкзак Андрея). – Что это, Андрюша?! Откуда столько?! Не из нашего ли сейфа, а?! – снизу послышались жалобные стоны. – Чего ты мычишь там?! Нормально отвечай!

– А как он вам ответит? – шепнул на ухо Тиграну Гордей, его подручный. – У него хлебальник скотчем заклеен.

– Это риторический вопрос! Я знаю ответ. Это все мое! – крикнул в резервуар толстяк так, что у пацана на дне зазвенело в ушах. – Разве так поступают?! Особенно с теми, кто дает тебе работу, обеспечивает достойными условиями труда, подходящей зарплатой без лишних вопросов и безграничным доверием. Я считал тебя нормальным в отличие от прочих твоих коллег. Им лишь бы нажраться, чего-нибудь стащить да подражаться. Выходит, с ними накладок меньше, чем с тобой, – тряс купюрами Тигран. – Воровать деньги – это я еще могу понять. Но зачем тебе понадобился ствол?!

С хитрым прищуром напарник Тиграна протянул ему пистолет. Странно, но в огромных волосатых ладонях пистолет и деньги не уместились. Одна пачка купюр даже спикировала на дно прессовочной машины для лома. Именно в ней и лежит Андрей. Тигран выругался.

– Залезешь потом и найдешь, – поручил Гордею он.

– Если не расплющит, – сквозь губы выцедил тот.

– Чего же ты хотел с ним сделать?! – Тигран продолжил расспрашивать Андрея. – Пришить кого-то? Или от нас отстреливаться? Иронично: я приобрел это оружие, чтобы базу охранять. А ты хотел применить его против меня.

– Это же травмат, – вновь вмешался Гордей, сунув руки в карманы своих облегающих джинсов, словно они ему впри-тык. – Максимум синяк бы заработал.

– Поверь, – спокойно ответил хозяин металлобазы, – если я сейчас приставлю эту игрушку к твоим яйцам и шмальну, ты их лишишься подчистую. Стой молча или составишь компанию Андрюшке, – Тигран вновь заглянул в резервуар. – Слишком много грехов за тобой сегодня. Ты не оставляешь мне выбора. Предоставляю тебе отличную возможность узнать, как работает пресс изнутри, – Андрей, осознав неминуемый конец, забился в истерике. – Поступали предложения разрезать тебя болгаркой, но это чересчур. И заметно слишком. Да ты кричи, кричи. Ты прекрасно знаешь, что тебя никто не услышит. Вообще я бы сначала пристрелил тебя из этого пистолета и только потом бросил в пресс, но ты да-

же не удосужился его зарядить. А до будки идти далековато, так что... – Тигран развел руками под еще одну безуспешную попытку Андрея взмолиться о пощаде.

«Какого хуя тогда я тащил это тело на своем хребте, если ты тупо хотел его пристрелить?!» – думал Гордей.

– Понятно, почему ты, Андрюха, хотел сбежать. Житуха у тебя – не сахар, работа – рабская, родители – алкаши, помочь и поддержать некому, надежды нет. А куда пропадешь, никто и не хватится. Нехорошо одиноким быть – это тебе по-смертный урок, студент. Прощай! – махнул рукой Тигран. – Врубай!

Гордей вприпрыжку кинулся к рубильнику, хотя оба планировали вальяжно спуститься по лестнице под предсмертный рев пленника. Только Тигран шагнул на первую ступеньку, как его недалекий телохранитель нажал на кнопку запуска пресса. Со скрипом и скрежетом шестеренки машины двинули навстречу друг другу два огромных поршня. В пространстве между ними лежит Андрей, успевший пару раз обделаться. Ничего страшнее огромных тисков, которые сейчас превратят его в брикет, он не видел. И, видимо, уже не увидит.

Шум механизмов поверг Тиграна в шок.

– Вырубай пресс, сучонок! Ты чего творишь?!

– Но ты же сказал... – удивился тот.

– Я сказал, что нужно припугнуть, а не мочить пацана!

Выключай быстро! В тюрюга захотел?!

Парень надавил на красную кнопку экстренной остановки оборудования – должного эффекта не последовало, отчего глаза у мужиков чуть не выкатились из орбит. Свободного пространства внутри остается все меньше. Андрей визжит все сильнее. Кнопка не работает, как бы сильно на нее ни нажимали.

Изящнее болгарки. Проще повешения на крюке крана.

«Блюющий мальчик»

– Выпьем? – предложил Данил, элегантно открыв припасенную для такого случая бутылку виски «Jack Daniel's».

«Сегодня все должно быть хорошо. Это точно. Я чувствую, что сегодня все будет хорошо. Все будет пучком», – мысленно убеждал себя Даня перед первым глотком.

«Плохая вода» – так нарекла алкоголь мама, когда Данил был маленьким.

Даня осторожно поднес бокал к своим устам, не спуская глаз с сидящей напротив Леночки, симпатичной и длинноногой (потенциально доступной). Гостья, отвечая пареньку взаимностью, с усладой потягивает напиток. А что же он? Он лишь увлажняет им губы: волнуется, боится принимать внутрь. Часто первый бокальчик становится для него последним.

Паренек считал, что, хряпнув виски именно сейчас, ожидаемого, неконтролируемого, внезапного ухудшения не последует – эта напасть его оставит, и далее все пойдет как по маслу. Он беспрепятственно откроет для себя дивный мир, который дарит алкоголь, вольется в нужные ему компании, будет гулять и пить без ограничений, как и остальные. Если же облегчения не наступит, то он вновь станет посмешищем. Весь ужас проявится через рот и распотрошит его, словно пойманную рыбешку, которую срочно ждут к столу. Чего он

только не делал для борьбы с этим недугом. Пробовал начинать с малого и постепенно повышать дозировку, чтобы выработать иммунитет, словно к яду. Из раза в раз результаты отличались друг от друга: то удавалось продержаться долго, то рвало немедленно. Вот ведь позорище, думал он. Сын Челябинского алкогольного короля, а к спиртному не прикасается (опустим нравоучения про возраст).

– Ты чего такой напряженный? – ласково поинтересовалась Лена. Неужто зомбировала мальчишку притягательным нарядом? Молодец, не прогадала.

– Ничего, – опомнился Даня. – Просто засмотрелся на тебя.

Он действительно не мог глаз от нее оторвать.

Та улыбнулась – на первый взгляд смущенно, но на самом деле очень хитро. Она, оценив комплимент, которого толком не прозвучало, дала понять сидящему напротив пареньку, что не против. Конечно. Ее привели в роскошный особняк, поят дорогущим алкоголем, потчуют закуской, будто из лучшего европейского ресторана. А обаятельный и притягательный Данил всюю раздевает ее глазами. Через несколько приятных мгновений, медленного танца и задушевного разговора, он ее неловко приобнимет. Вот тогда держись, парниша: запустит к себе в домик и получит тем самым весьма выгодную партию.

Данилу едва удастся утихомирить дрожащую руку с бокалом. Сколько лет он борется с самим собой? Еще и нава-

лилось столько в последнее время – вот и пригласил Ленку, чтоб расслабиться.

Эх, пан или пропал. Была не была.

И вот терпкий вкус виски «Jack Daniel's» заполнил рот, разжег в горле умеренно сладкий огонь. От трепета все внутри сжалось. Даня больше сосредоточен на собственных внутренних ощущениях, чем на даме. «Надо бы отвернуться от нее, чтобы не запачкать», – мелькнуло в мыслях, но вида он не подал, лишь плотно сжал губы. Если желудок запротестует вновь, это станет последней каплей, которая потопит не только свидание, но и его репутацию. «Да ни одна девушка сюда носа не сунет. Чем их заманивать тогда?» – задался вопросом Данил. Давненько он над этим размышлял. Хотел даже пойти в церковь, поставить свечку за здоровье, встать под купол и спросить, что необходимо сделать, дабы недуг оставил его.

Прошло несколько секунд. Ничего. На удивление первый бокал зашел без последствий, но не факт, что следующий пройдет так же гладко. Неужели организм сегодня благоволит хозяину? Далее нужно быть предельно осторожным и чередовать активности с выпитым.

Даня ослепительно улыбнулся девушке. Напряжение спало – неужели он наконец-таки может быть самим собой и включить обаяние на полную катушку?

– После первой и второй... – произнес он, вновь откручивая бутылочную крышку.

– Как-то это по-деревенски, – ответила гостья. Ей не нужно быть чересчур доступной и во всем потакать кавалеру – нечего ему расслабляться раньше времени. Следует немного высказать свое фи. Но бокал она все же протянула. – Мне буквально капельку. Много не буду.

Данил плеснул ей столько, сколько счел нужным, коварно посмотрев на дамочку: «У-у, кого ты строишь из себя? Знаю я тебя, – ехидно думал он. – Видел, как ты любишь убухиваться в хлам и вытворять всякое с первыми встречными. Пей, пей. Ты здесь как раз для этого».

Студент все еще не мог поверить в успех – чем дальше развивалось общение, тем слабее была бдительность. Вскоре гостья уже всю стала размышлять, как незаметно избавиться от нижнего белья. Даню же несло вперед: он желал покорить сегодня обе вершины – он постепенно развязывался, ощущая приятное успокоение.

Гостья на поверку оказалась несколько выше Данила. Ныне полноправного хозяина дома – худощавого брюнета с немного вытянутым личиком, черными глазами, маленьким носиком и таким же миниатюрным ротиком – сие нисколько не смущало, даже подзадоривало. Он провел девушке экскурсию по семейному особняку, обставленному богато и со вкусом. Побывали в винном погребе, посмотрели на джакузи и бассейн.

Главная достопримечательность дома (за такие в музеях берут отдельную входную плату) – кабинет отца Данила, вы-

полненный в викторианском стиле и чем-то напоминающий царский кабинет: картины на стенах, антикварная мебель, а также позолоченные стеллажи, подсвеченные лампочками. Заставлены они всякими разными бутылками и склянками – вся алкогольная география мира: вино, коньяк, текила, sake, водка, шампанское. От изобилия рябит в глазах – экспонаты редкие, коллекционные, непочатые. Кажется, к каждой из бутылок разных цветов, форм и наполнения подключена сигнализация.

Кабинет до глубины души поразил девушку. И тут Данил на полном серьезе заявил:

– Что из этого мисс желает попробовать?

– Да ла-а-а-дно?! – у гостьи отвалилась челюсть. – Можно?!

– Мне все можно.

– Это же... твоего отца коллекция, – недоумевала она. – Он тебе голову свернет, если узнает, что ты к чему-то прикоснулся. Сам же говорил, что...

– Во-первых, я его наследник – все это потенциально мое. Во-вторых, все свои проблемы, если они возникнут, я смогу решить с ним лично. Тебя это не должно волновать – ты моя гостья.

– Тут бухла на миллион... не меньше.

– Эксклюзивно предлагаю вкусить прекрасное. Не стесняйся, выбирай, обо мне не думай.

– Не прикалываешься?

– Нет. Смелей.

У девчонки загорелись глаза. Она стала присматриваться к бутылкам на стеллажах, удерживая дистанцию от сосредоточения хрупкого, но такого притягательного стекла. За ней с интересом наблюдал Данил, сохраняя уверенную и серьезную мину на лице.

– Вон ту. Всегда мечтала попробовать, – Леночка указала на длинную прозрачную бутылку с жидкостью необычного цвета.

– Хм, абсент, – Данил жестом велел гостье отойти в сторонку. Он аккуратно отворил дверцу и, театрально задержав дыхание, медленно потянулся к бутылке, словно хирург в ответственный момент сложнейшей операции. Парень ювелирно выудил абсент с задних рядов.

– Вау, – выдохнула она, с замиранием сердца наблюдая за проделками бесстрашного парня. – Ты, наверное, в детстве обожал игрушки из автоматов вылавливать.

– Было дело. А потом загонял их втридорога менее ловким друзьям, – улыбнулся он. – Шучу, конечно. Хотя стоило попробовать.

На расписном столике у окна стоял поднос с двумя рюмками. Вот совпадение. Как раз для дегустации. Невооруженным глазом видно, как трепетно девушка ждет пробы абсента: вся взмокла, дыхание затаила.

– Ты давай только залпом, – предупредил Данил, проведя необходимые манипуляции с абсентом.

Попробовали. Необычный вкус.

– Боюсь, я несколько пьян, чтобы проделать эту операцию вновь. Отложим на потом, – произнес Даня, оставив заветную бутылку на столе.

Наблюдая за реакцией Лены, он ликовал: «Теперь ты точно моя!» Схема работает безотказно: всем пришедшим в гости друзьям и подругам он читает лекции об алкоголе и водит в отцовский кабинет, показывает все это великолепие и сообщает о том, как его папаша серьезно относится к коллекции и запрещает ее трогать, а затем неожиданно предлагает что-нибудь продегустировать. Все ошарашены. Удар по сердцу тем, кто не пил ничего дороже разливного пива. Соображалка у гостей мгновенно отключается, и все выбирают самое заметное – абсент. Сам по себе он (по сравнению с другими экземплярами) никакой ценности не представляет – обыкновенный абсент из магазина, заранее поставленный Данилом на полку. Папина коллекция остается в целостности и сохранности. А гости сражены наповал: пацаны уважали еще больше, девчонки дополнительно к восторгам еще и давали. Так планировалось и сегодня. Сбоев не было.

Даня расхаживал по дому в обнимку с Леной и умудрялся подливать ей вискаря. Вскоре стало очевидно, что нужная кондиция достигнута и следует переводить встречу в горизонтальный интенсив. Игривому настроению паренька подыгрывала и впечатленная гостья, которая не прочь порезвиться, ибо тоже занятно подпила. Впрочем, долго ждать не

пришлось.

Свалились на диванчик в столовой, где и сидели вначале. Растянувшись на девчонке во весь рост, Даня покрывал ее знойными, но слегка неумелыми поцелуями, одновременно елозя по ее стану как утюг по гладильной доске, ненасытно стягивая с нее не по сезону легкую одежду. Пассия Данила в свою очередь распахнула руки, раздвинула ноги, зацепившись икрами об его бедра, словно самка богомола, жаждущая отужинать самцом еще до спаривания. Будто осьминог, не встречающий препятствий, парень ласкал и целовал ее. Она же будто свободно падала в бездонную пропасть: закрыла глаза и сексуально вздыхала, смирившись с неизбежностью грядущего полового акта. Для нее сейчас приемлемо немного потерпеть, постонать для вида, дабы парень поверил в себя. Даня же в алкогольном угаре не мог совладать с собственным счастьем – добрался наконец до настоящей женской плоти. Он не знал, как объять ее всю и что нужно сделать в первую очередь для наибольшего наслаждения. Глаза его неистово горели, дышалось тяжело. Он словно яростная ненасытная собачка, которой кинули в подарок сладкую косточку: та накинулась на угощение и готова поглотить его полностью, лишь бы не отняли.

Когда штаны от спортивного костюма в области паха стали прилично жать, Данил решил завершить предварительные ласки смачным и развязным поцелуем в губы (со вкусом ранее выпитого виски). Он отвлекся от инспекции живота и

груди Елены, многозначительно взглянул ей в глаза и мгновенно впился в губы своей пассии, желая больше не лицезреть это личико, а обратиться к другим, более аппетитным частям ее тела.

И именно в этот самый момент природа решила отыграть упущенное: наказать за безалаберность и непредусмотрительность. В центре живота Даню схватил внезапный спазм. Парень мысленно шлепнулся с седьмого неба на отрезвляющую твердую землю со скоростью первоклассников, бегущих в столовую. При этом без отрыва от губ партнерши. Он за доли секунды попытался осознать, что же произошло? Он так кончил? Или сейчас случится непоправимое – то, чего он остерегается весь вечер?

Времени на размышления нет. Данил вытаращил глаза, и всем, чем только можно, вдавил возбужденную девку в диван, оттолкнувшись от нее, чтобы подняться и убежать по-дальше, придав себе хорошее ускорение на старте. Он почувствовал, как из глубин капризного желудка ищет выход взрывная смесь из выпитого и съеденного, словно лава во время извержения вулкана. Он метнулся в сторону уборной, но забег завершился досрочно: от резкого подъема в глазах у Дани потемнело, ноги подкосились так, будто он неделю на диване валялся. Данил шлепнулся на пол, чуть не надломив своего маленького друга из штанов, принявшись из последних сил ползти к туалету на четвереньках. Силы мигом оставили его, на фоне чего сдерживать желчь и кислоту во рту и

в пищеводе не представлялось возможным. Данила обильно вывернуло красно-желто-коричневой жижой на сверкающий пол.

– Озеров, что с тобой? – воскликнула Лена. Он не слышал ее.

Из его рта лилось как из прохудившейся лейки, которую вприпрыжку пытаются донести до грядок. Позабыв про приличие и брезгливость, Данил полз к унитазу, окуная ладони и колени в дорожку собственной рвоты. А на повороте он, пытаясь подняться, не удержался и влетел в это месиво лицом, слегка всплакнув от досады.

Вечерняя засидчица, отойдя от шока, сначала прикрылась собственной блузкой как щитом. Ее face скривился от омерзения и стал похож на лицо древней парализованной старухи, которую забальзамировали и сунули на тысячу лет в саркофаг. Она боялась не то что прикоснуться, а даже смотреть на это недоразумение. Хотя ничего не предвещало беды. Не скрывая отвращения, она принялась одеваться, оглядываясь на Данила, лежащего посреди коридора в собственной блевотине, со сверкающей из приспущенных треников задницей. Она мигом унесла ноги, хлопнув дверью. А подойди она к Дане и помоги ему подняться, помыться, оклематься, привести себя в порядок, он бы женился на ней без раздумий. Плевать, что до совершеннолетия еще почти год. Это и есть настоящая любовь, а не тупые потрапушки из-за дорогого алкоголя и джакузи.

Данил Озеров с изможденной и измазанной мордой склонился над унитазом, ожидая продолжения приступа, но изо рта, как назло, не вылилось ни капли. Все осталось на его одежде и на полу. Данька с грустным видом и приоткрытым ртом сидел на холодном кафеле в обнимку с приятно охлаждающим фаянсом, словно умирал от жажды, медленно и мучительно.

– Ну и беги! Беги, шлюха! – что есть мочи крикнул он. – Поверь, я видел, какая ты, когда бухая в дым. Еще похуже меня. Мне-то не удастся напиться как следует, чтобы это забыть! Блять! – он вознес голову к потолку – его мигом ослепили яркие лампы. От досады он ударил ладонью по унитазу – тот соизмеримо ответил по третьему закону Ньютона. – И только попробуй всем растрепать, что я подсунул тебе паленку, мразь. Тогда мне вообще пизда наступит... Бля, все вы одинаковые! Хоть бы кто-нибудь из вас взял да и остался... По-дружески... По-человечески...

Ничего не скажешь, Данилу хреново. Однако вскоре упаднические настроения стали уходить. Пацан повеселел. Но пуще прежнего хотелось внимания и тепла именно к его душе, а не к дому, отцовской коллекции и отцовским деньгам.

Замыв все в коридоре и закинув спортивный костюм в стиралку, Данька, оставшись в одних боксерках, продолжил диалог с самим собой уже на кухне, ибо кушать опорожненному животу хотелось сильно:

– Ничего, Данька, – успокаивал самого себя он, попи-

вая минералочку и подогревая ужин в микроволновке. – Ты справишься. Я... я справлюсь! Переборю это... «Индивидуальная непереносимость алкоголя» – как-то так. Главное, – он посмотрел на себя в зеркало, – не импотент вроде бы как, верно? Ты настырный парень. Любой на твоём месте давно бы сдался, а ты все пытаешься: выпить и присунуть. М-да... Убить двух зайцев одним выстрелом пока не выходит, – с сожалением констатировал он.

Зазвонил мобильник.

– Алле! ... О, здорова-здорова! Вот кого не ожидал услышать, так тебя. Как сам? – он уселся за стол, прижимая телефон к уху плечом, и по привычке врубил кухонный телевизор в углу. Выпуск новостей – показывали какие-то митинги: куча народа, транспаранты, флаги, какие-то знакомые лица вещают со сцены. Но Данил не мог сосредоточиться на двух делах сразу. – А как поживают кандидаты в молодежку? ... Ага. Как там она у вас называется? «Ржавые листы»? ... Ах, «Стальные лисы». Ясно-понятно! ... Как я? Ну-у... как сказать. 50 на 50! ... Что, приезжаете?! Огонек! Давно не виделись. Когда? ... Агась... Да мы б вам наваяли, если б я еще играл, но я ушел, если ты забыл! ... Сам ты слабак! ... Ой, иди ты в баню, мудака! ... Ха-ха-ха, да, было дело... А вот это норм извинение – принимается! ... Да нет проблем – почему бы не организовать. Могу заняться, соберу чего-нибудь из запасов на черный день. Посидим, пошумим, как обычно... Да, конечно. Обнял... На связи! Мужик-

кам мой пламенный привет! Бывай...

После разговора Даня заметно повеселел, ибо его знакомые по хоккейному прошлому из Магнитогорска заваливаются в Челябинск в следующую пятницу.

Пятницу? А ведь в следующую пятницу у него запланирован тот самый день X – день рискованного эксперимента, заключенного им пари, которое станет генеральным сражением в противостоянии с изъятиями собственного организма, не принимающего алкоголь ни под каким предлогом. И не только. А уверен ли он после сегодняшнего инцидента, что его задумка выгорит? Как-то не очень. Вот и приподнятое настроение куда-то улетучилось: «И кто же здесь сам себе копает репутационную могилу? Правильно», – Данил вновь посмотрел в зеркало. Хотел отвлечься новостями про митинги, но по ящику уже показывали что-то другое. Хочешь показаться умным – трепись о политике.

Открыв холодильник, Данил протянул руку в приятную прохладу и выудил оттуда бутылку с холодным чаем и вдруг обратил внимание на цвет содержащейся внутри жидкости. Так засмотрелся, что холодильник начал отчаянно сигналить с требованием прекратить его выхолаживать. Махнув локтем, парень прикрыл дверцу и метнулся в столовку, где на столе все еще стояла початая бутылка виски, которая и стала объектом грядущего пари, из-за которого так переживает Данил. Странно, никакого отвращения после свидания с унитазом – даже снова тянет хлебнуть немного.

– Нет уж, повторять я не хочу. Только ведь поел, – отказался от соблазна Даня. Однако он все равно налил виски в бокал, а в стакан рядом – сладкий холодный чай. – Крышку не закрыла, курва. Ну разве можно так? – ругался Данил в адрес давно ушедшей Лены.

Вывод: по цвету две жидкости практически неразличимы.

– Бинго! – возрадовался Данил. Теперь он знает, что нужно делать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«АПЕРИТИВ: ПРИБЫТИЕ»

История первая. «Mr. Jack Daniel's»

«Родниковая вода. Кукуруза, дающая сладость. Ячмень – для золотистого оттенка. Рожь – для пикантности и остроты. Дрожжи. Дубовые бочки, – рассказывал теоретик Данил, словно видел все воочию. – Тенессийская уникальная технология рождает этот аромат, – вдохнул он, – и этот вкус... самого продаваемого виски в мире. Не все понимают, к сожалению. Из уважения к тем, кто придумал сие великолепие, и для собственного удовольствия нужно знать, как его грамотно пить, чтобы прочувствовать. Нужны правильные бокалы, приемлемая температура. Попивать надо без лишних добавок, небольшими глотками. В качестве аперитива. Или, наоборот, дижестива, – собеседница терминологии не знала. – Можно поэкспериментировать с содовой, «Кока-колой», яблочным соком. Шоколадкой или лимоном можно закусить, но не увлекаться. Следует концентрироваться исключительно на напитке. Попробуем».

Уже позже, гуляя по дому, Даня продолжил:

– Как известно, церковь против алкоголя. Был один люте-

ранский священник по имени Дэнн.

– Ой, прям как ты, – рассмеялась девушка.

– Да уж, прям как я, – согласился он. Не те, конечно, выводы она делает. – Днем Дэнн занимался спасением чужих душ и проповедями, наставляя прихожан на путь истинный. А ночью с большим успехом занимался производством не совсем богоугодного напитка – виски, который очень нравился местным мужикам. Как-то раз на его вискокурню нанялся помощником бойкий и смекалистый мальчик. Он впоследствии стал учеником священника и продолжил дело старика. И весьма успешно. Мальца звали Джаспер. Или Джек, если по-простому. Фамилия – Дэниэл. Этот мальчик и довел скромное предприятие до промышленных масштабов, о которых его наставник мог только мечтать...

У любого человека, который мало-мальски разбирается в дорогом алкоголе, нижеприведенные операции, совершенные Данилом с этим священным напитком, покажутся форменным кощунством.

Новая бутылка виски «Jack Daniel's» проделала долгий путь из США до России: стояла на таможне, переезжала со склада на склад, ожидала муторные процедуры растаможки и маркировки, распределения и транспортировки. Именно эту занесло в Челябинск – прямиком в один из алкомаркетов, сеть которых опоясала весь город. Сетью руководил отец Данила – Владимир Аполлонович Озеров.

Хотя все не так. Бутылка приехала в Челябинск не со сво-

ей заокеанской родины. А с кустарного завода в Подмоскowie, на котором бадяжили алкашку мигранты из Средней Азии, завезенные в грузовом вагоне уроженцем Северного Кавказа, что наладил этот бизнес и надежные каналы бесперебойных поставок, в том числе и в Челябинск к Озерову-старшему. А уже челябинские ласточки завезли партию в несколько магазинов в местах наибольшего спроса: в самых значных районах города и в непосредственной близости от крупных промышленных предприятий (что часто совпадает).

«Учись, пока я жив. Этот бизнес никогда не потеряет актуальности, сынок, – говорил Озеров-старший. – Так же, как и парикмахерские с похоронными бюро. Тем более в нашем городе». Сынок это усвоил, но достоин ли он своего отца, челябинского алкогольного магната, если не может без последствий распробовать ни капли продукции, благодаря которой озолотился отец. Данил испытывал некоторый дискомфорт по данному поводу, однако никогда не задавал своему вечно занятому папаше закономерный вопрос: а нужно ли ему это? Дешевый алкоголь ведь для быдла, это отравка для спаивания – негоже наследнику солидного бизнеса таким увлекаться. Штуки, которые доставляют такое несказанное удовольствие, по определению не могут быть полезны. Люди ведь пьют не когда плохо, а когда хорошо. «А когда плохо, хочется употреблять. Алкоголики хотят – пьют, не хотят – тоже пьют. Выхода нет. Это уже болезнь. А когда есть деньги на

хорошее пошло, то хочется его смаковать – это точно не болезнь, а признак достатка», – так бы рассуждал его отец.

Пользуясь привилегированным положением, Данил мог беспрепятственно посещать отцовские торговые точки и склады, откуда парень периодически таскал товар. Он не выносил в открытую, а делал все как профессиональный вор-ришка – тихо и скрытно. «Возглавлю сеть и первым делом прикрою все лазейки», – размышлял Данил. Может, он и не в ладах с употреблением алкоголя, но бизнес на нем Даня организовал достойный: все, что вынес, он сбывал в своей среде (через друзей и знакомых) – быстро завелись деньжата и постоянные клиенты.

Молодежи среди клиентуры – с избытком. И многих напрягал один-единственный вопрос. Нет, все прекрасно знали, что парень торгует продукцией из папиных магазинов. Но почему же он отказывается выпить со своими заказчиками, публикой весьма презентабельной? Алкоголь вроде бы наивысшего качества, но парень всегда берет самоотвод. Давно бы уже стал маленьким королем этого города, если бы не один неприятный нюанс.

По смазливой мордашке и важной выправке и не поймешь. Известные нам обстоятельства (индивидуальные особенности организма) отравляют Дане жизнь: «Неужели нельзя добиться расположения крутых и достойных людей без танцев, алкоголя, сигарет, наркоты, машин и прочей дури? – задавался закономерным вопросом он. И сам же на него от-

вечал. – Нет, нельзя. Либо очень сложно. Время такое». Вот и приходится довольствоваться соками, газировками, безалкогольными коктейлями. И смотреть, как все по пьяной лавочке веселятся. О нем уже ходят толки. А невинные шутки с подмешиванием алкоголя в его бокал заканчиваются прискорбно. Хочется уже решить эту проблему раз и навсегда. И вот подвернулся шанс.

Вышеупомянутая бутылка готовилась тщательно и в полнейшей тайне. С резного горлышка аккуратненько содрано защитное покрытие. Крышка откручена. Несмотря на пьянящее благоухание изнутри, содержимое бутылки беспощадно перелито в опустошенную бутылку из-под холодного чая, а чай залит в бутылку из-под виски. Крышка крепко закручена обратно, держатель лег на место, защитная обертка заклеена. Найдите теперь десять отличий.

«И как только мои внутренности не приемлют этого чуда света, не пойму? – думал Даня. – Какое во всем этом может быть зло? Это ведь приносит людям счастье, радость, эйфорию – хоть какая-то услада в нашем сером мире. Как выжить без выпивки, когда кризис на дворе и ни единого проблеска света: что в жизни, что в новостях?»

Пари было не совсем пари, а чисто спор «на слабо». Его исход с большой долей вероятности предрешен: в грядущую пятницу при солидном скоплении свидетелей в клубе Данил не сможет выдуть бутылку виски (до последней капли). Да, он согласился в этом участвовать! Самоубийство, скажете

вы? И чем он только думал, прекрасно понимая, что не сдюжит? Он бы ответил, что еще более изощренное самоубийство – слиться со спора в присутствии всей тусовки. Стоит хотя бы попробовать уделывать другую сторону спора в лице наименее приятнейшего хозяина одного златного клуба, ибо Данил мужик (в свои 17 лет) и ему слабо. Однозначно, сильнее женской логики только мужское самолюбие. Недавний конфуз с девушкой пошатнул самоуверенность Дани. Но ее подбавила авантюра с чаем и виски. Если все раскроется, страшно подумать, до чего может прийти.

А почему он вообще согласился? Решение вынужденное по нескольким причинам. В последнее время Озеров решил перейти к радикальным методам настройки собственной пищеварительной системы. Считал, что силы организма наверняка мобилизуются при острой необходимости или стрессе – ему хотелось искусственно создать такие условия, не оставив выбора своим внутренним ресурсам. Подобная публичная сцена весьма кстати. Ее благоприятный исход снимет все вопросы и развеет нелепые (правдивые) слухи о его болезни. Нужно лишь позаботиться о том, чтобы никто не заподозрил подмены, подговорить знакомого бармена. Данил старался не думать об очевидных слабостях плана, которые могут выстрелить. Надеялся на авось.

Хотя этот аспект всего лишь на поверхности. Есть и иная причина...

Подготовив плацдарм для аферы, Данил успокоился и от-

правил заветную бутылку ждать наступления пятницы в холодильник. Однако бутылка из затемненного стекла оказалась не такой простой, какой ее задумывали. Ведомая хитроумной судьбой она запустит череду последующих необратимых событий.

Казалось бы, что может случиться?

А случилась спустя несколько дней самая обыкновенная домработница по имени Гульназ. Она работает в доме Озеровых с незапамятных времен, дело свое знает, все обязанности выполняет усердно, качественно и в срок.

Очередной самый обыкновенный день ничего особо нового не предвещал – каждый день в жизни Гульназ схож с предыдущим. В большом богатом доме, который она знает вдоль и поперек, практически ежедневно должна проходить тщательная уборка, напоминающая генеральную по многим аспектам. Причем все должно быть убрано, а Гульназ должна бесследно испариться к возвращению жильцов, поэтому она всегда следует заранее намеченному плану.

В тот день в него входила помывка холодильника. Гульназ решила заняться этим после полудня – она уже достаточно натрудилась, а высоченная машина так присосала к себе дверь, что Гульназ своими тоненькими ручками не смогла отворить ее с первого раза. Даже не задумываясь о каких-либо последствиях, она схватилась за ручку двумя ру-

ками и дернула ее на себя. Отворила так резко, как порыв ветра бросает в сторону неприкрытую калитку, бьющую по забору, словно музыкант по тарелкам. Холодильник распахнулся, и со средней полки на дверце в мгновение ока со свистом спикировала заветная бутылка виски «Jack Daniel's». Этот полет, который никак нельзя было остановить, совершенно вывел из равновесия выдавшую виды тетушку. Гульназ зажмурила глаза и поджала ручки как парализованный от испуга сурок, которого вот-вот прошьет охотничья пуля.

Звонящий треск.

Мир перевернулся в ее глазах. Хлипкая бутылка приземлилась на пол и раскрошилась. Одна лишь этикетка сдерживала передний бок бутылки от полного разрушения. А помещенная в нее жидкость устроила на полу грандиозный рисунок всплеска, окропив как мебель вокруг, так и саму Гульназ по щиколотки. У нее не было сил лицезреть сей кошмар, который она сотворила, наверное, впервые в жизни что-либо испортив. Обездвиженная Гульназ опомнилась только тогда, когда заметила, что жидкость из бутылки стала стремительно растекаться по полу, грозя заполнить все ближайшие стыки между напольной плиткой и попасть под кухонный гарнитур.

Домработница принялась с усердием заметать и замывать следы непреднамеренных разрушений, попутно соображая, что нужно сделать, чтобы никто ничего не заметил. Времени до возвращения хозяев не так уж и много. «За это и выгнать

могут – как пить дать!» – женщина уже подсчитала ущерб в денежном эквиваленте – без сомнений он ударит по ее и без того пустому из-за предновогодних трат кошельку. Но должно хватить (впритык).

Душок образовался на всю кухню. Она вытерла разлившуюся жидкость тряпкой, выжимая ее над ведром. Аккуратно сложила осколки в мусорный пакет. Туда полетела и влажная благоухающая тряпка. Протерла полы, вытерла подтеки на гарнитуре. Побрызгала освежителем. Поглядела недовольно на пол. Еще раз помыла его с чистящим средством посильнее. Прикатила пылесос и хорошенько прошлась им по углам и прочим закуткам кухни, ибо маленькие незаметные осколки разлетелись повсюду. Если их не собрать, то они обязательно вопьются кому-нибудь в пятку. Отдышавшись, она оценила дважды вымытую кухню: визуально нареканий нет, но вот если открыть холодильник, то в нем кое-чего не достает. Гульназ на всех ветрах бросилась в ближайший винно-водочный. По дороге избавилась от стекла и тряпки: «Пусть бомжи выжмут из нее немного – будет, чем отметить Новый год», – успокаивала себя домработница, ведь если не успеет вернуться, то все пропало. Она металась по магазину, разыскивая нужную бутылку, то и дело напрягая свою не совсем фотографическую память на этикетку, черную и с белыми витыми буквами. Нашла и приобрела – едва не расплакалась, когда лишилась парочки хрустящих купюр, отложенных на провизию и подарок самой себе к грядущим праздникам.

Гульназ успокоилась окончательно (как и Даня ранее), когда поставила новую бутылку на место ее предшественницы в холодильнике, и уселась за стол, ликуя, что успела.

Женщина и вообразить себе не могла, как много завязано на предыдущей бутылке. Они с новой идентичны только внешне, но у той внутри был просто чай, ныне подмененный обратно на настоящий алкоголь. Что ж, последствия будут намного серьезнее, чем банальный выговор за неаккуратность. На волоске повисли нормальная жизнь, достоинство, честь и репутация человека, его здоровье, которое вряд ли выдержит убойную дозу чистого вискаря внутрь. Она никак не могла знать всего этого. К тому же Гульназ больно и не разбирается, какой должен быть запах у виски, а какой – у бутылочного чая.

Впрочем, она закончила свое бдение и вскоре покинула дом, довольная тем, что никто ничего не заметил. Прямотаки идеальное преступление вышло. Однако улыбка сошла с ее лица, когда она поняла, что кошелек практически пуст и на что-то нужно жить дальше, а до полочки еще целых полмесяца.

История вторая. «Приезд»

Среда, 14 декабря 2011 года, вечер.

Тренер юниорской хоккейной команды «Магнитка-95» Виталий Николаевич Степанчук сидел за своим столом в тренерской, похожей на подсобку комиссионного магазина. Я же, водя ручкой по бумаге, что-то устало объяснял, сидя напротив. Приходилось лицезреть недовольную гримасу тренера ежедневно. Казалось, что в ней сосредоточена вся вселенская злоба.

Коуч был человеком с отталкивающей наружностью – сразу видно, что он не любит церемониться, а сразу посылает: поглубже и подальше. Степанчук с легкостью мог обложить любого попавшего под горячую руку человека так, что тот под землю провалится и в другом полушарии вылетит. Никто и не видел Виталия Николаевича в ином состоянии. При любом взаимодействии с тренером всем хотелось, стиснув зубы, просто (ради всего святого) пережить столь неприятные секунды. Но я неведомым образом нашел с ним общий язык. Ох, какая же это тонкая грань: шажок на миллиметр в сторону – сразу же очередь снарядов из зенитки прямо промеж глаз. Благо со мной он еще как-то пытается сдерживаться. А вот что касается хоккеистов... Их-то Степанчук из игры в игру, с тренировки на тренировку (в том числе и с моей подачи) без остановки трет как грязные портки об стираль-

ную доску. Настаивает, что и мне тоже стоит присоединиться и не противодействовать, никого не оправдывая. Он уверен в себе и в собственной правоте, решителен; внешне в меру упитанный, седой.

– ...А вот здесь отражены броски каждого за последние игры, количество силовых тоже, – вещал я, перекладывая бумаги. – По поводу тренировок: количество выполненных упражнений и потраченного времени также здесь есть. По-фамильно.

– Угу, – буркнул тренер. Он смотрел куда угодно, но только не в мои бумаги, над которыми я (по его просьбе) каждый вечер головы не поднимал.

Я смирился.

– Для сравнения с предыдущими периодом я добавил столбики с процентами прироста или убыли. Вот вам и демонстрация усердия, – говорил я, ожидая, что похвалит, ибо до моего прихода так пристально за командой не наблюдал никто – все было бессистемно.

– Угу.

– А также списки по пятеркам: оптимальным и тем, которые у нас сейчас.

– Угу.

– По итогам последних семи дней доклад окончен, – я захлопнул папку с нацарапанными на бумаге наблюдениями за играми и тренировками.

– Все это, конечно, прекрасно, – заявил он неискренне,

отодвинув бумаги в угол стола. – Но я все никак понять не могу: в чем, собственно, толк?

«Снова-здорово», – разочарованно подумал я.

– Как же? Найти баланс, нужные сочетания, оптимизировать, стимулировать, мотивировать...

– Ой, – скривил рожу Степанчук, – так хочется тебе сказать: засунь ты уже в жопу свой научный подход...

– Но-о-о...

– Да-да, я знаю, что все это ты развернул по моему приказу. Черт побери, не знаю, что тогда на меня нашло. Угрозило же тебя попасть мне под руку... Ладно. А знаешь, как раньше было? Раньше нас учили пахать, пахать и еще раз пахать. Тренеры с нами не церемонились, никого не заставляли, не уговаривали, подход к каждому не искали. Не хочешь – не надо. А если так, то «пошел-ка ты на хуй»! Поэтому пахали, ебашили, выполняли установки и не спрашивали, не возникали.

– Но так ведь в спортсменах любую инициативу можно пресечь на корню.

Моего выпада не заметили.

– ...Какие раньше были хоккеисты! Глаза радуются. А что сейчас?! Тьфу! Плюнуть да размазать. Эти, – махнул тренер в сторону раздевалки, – прошлым и в подметки не годятся. Понял?!

– Ладно, не будем горячиться. К тому же, на дворе уже XXI век.

– Я вижу, ты напрашиваешься на полемику. Хорошо...

– Нет, я не...

– Правильно, нечего себя до слез доводить. Выпускаю этих мудаков и сваливаю! Надоело! – на секунду наступила небольшая пауза. – Ты лучше мне скажи: как в команде с межличностными отношениями?

Я оживился и, как образцовый стукач-наблюдатель (эти-ми умениями я гордился, но выдавал информацию в меру, исходя из ситуации, тем самым невольно регулируя репрессии в команде), доложил обо всем: кто с кем в ссоре, кто братается, у кого и что в личной и школьной жизни творится и так далее.

– ...Вот эти поссорились на днях хорошо, – показал я на две фамилии нападающих в списке. Они играли в одной пятерке.

– Отлично.

– Врозь их? – спросил я.

– Ни в коем случае. Пусть в одном звене бегают.

– Я слегка не понимаю.

– Они соперничать будут, лететь вперед, себя показывать: кто круче, кто сильнее. Но защей в их звено надо нормальных поставить, чтобы прикрыли понадежнее. Посмотри на послезавтра.

– Хорошо, – записал я в блокнот. – А как же команда в целом? Разве такой перестановкой мы не делаем звено зависимым от индивидуальных действий двух игроков? Это мо-

жет кончиться отрицательным результатом для всех.

– Часто здравый эгоизм вытаскивает игры. Зная этих двоих, могу с уверенностью сказать, что они помирятся. Пока они петушатся, надо пользоваться. Ты бы на досуге их как-нибудь натравил друг на друга похлестче.

– Я подумаю, что можно сделать.

– Как тебе известно, я решил немного изменить режим тренировок на льду.

– Я заметил.

– Как в команде восприняли новшества?

Я ответил не сразу, ибо нововведения не понравились абсолютно всем.

– Иногда молчание лучше всяких слов, – произнес Степанчук. Догадался. По его лицу я понял, какая ядовитая злость сейчас в нем кипит. – И как меня называли после первой тренировки?

– Может, не стоит...

– Нет, ты скажи. Мне интересно.

Материться я, честно говоря, не люблю – цитируя игроков, я все же сделал это. Поджав губы, Степанчук гневно выцедил:

– С великов у меня не слезут, гондоны.

– Может, стоит дать команде передышку перед выездом? – осмелился предложить я.

– Давай я буду решать! Не заслужили! Ни на йоту, понял?! – он поднялся с места и стал ходить взад-вперед. –

Кстати, о выезде. Как у бездарностей с настроем? – как ни в чем не бывало поинтересовался он, хотя пару мгновений назад получил исчерпывающую информацию о мнении каждого из хоккеистов, в частности тех, у кого после тренировки еще оставались силы говорить.

– Неопределенно.

– Потому что у всех уже хаты на Новый год на уме. И бабы! Особенно бабы, – акцентировал внимание тренер. – Видел я их телок. Какие хоккеисты, такие у них и телки – ни о чем.

Я кивнул.

– Я тут подумал и принял решение...

– Разогнать команду к чертовой матери? – продолжил я, ибо тренер часто грозился так сделать, хотя это явно не в его ведении. К тому же год выпускной: сворачивать уже поздно и особенно некуда.

– Ты завтра едешь с нами в Челябинск.

– Что вы сказали?

– Что слышал.

– Но я ни разу с вами на выезды не ездил.

– У всех когда-то бывает в первый раз, – засмеялся он.

– А кого за это нужно убить? – уточнил я, не понимая, радоваться известию или нет.

– Никого. Хотя нет – хоккеюг. Потому что от них постоянно несет, понимаешь?

– Да от любых спортсменов после тренировки несет.

– Несет какой-то подлянкой. Причем за километр. И

именно на этом выезде. Я чувствую, понимаешь? Так что ты мне нужен. С тобой у них меньше шансов что-нибудь выкинуть. Отказы не принимаются.

– А если...

– Никаких «если». Мы стартуем завтра после тренировки. С тебя, – стал загибать пальцы Степанчук, – сходить к этим кабинетным крысам и забрать все доки на выезд, на гостиницу и прочую белиберду. Там все скажут.

«И вы, конечно же, палец о палец не ударите?» – вопрос сугубо риторический.

– Проблем в школе не будет? Звонить классухе надо? – спросил он.

– Думаю, нет.

– Хорошо. Я и не собирался особо.

– Спасибо за искренность.

В паре дверей от тренерской, в раздевалке хозяев, после тяжелой вечерней тренировки избавлялись от экипировки, освежались в душе и облачались в гражданское 16-летние игроки «Магнитки-95». Команда доигрывала свой последний год в Первенстве России по хоккею среди юношей, в первой группе региона «Урал». Команда шла по чемпионату весьма уверенно, но каких же невероятных усилий это стоило. Однако класс магнитогорской школы – одной из лучших в стране – необходимо поддерживать наряду с юниорами из

«Металлурга» (командой «Металлург-95» соответственно). И чем ближе выпуск, тем чаще каждый из хоккеистов старается выделиться, проявить себя, ибо впереди их ждет Молодежная хоккейная лига – серьезная и ответственная ступень профессионального хоккея. Понятно, что до нее доберутся не все.

После изнурительной тренировки в зале и особенного жесткача от Степанчука на льду большинству из молодых и горячих сейчас хотелось поразмышлять не о продолжении карьеры, драфте, будущих клубах и контрактах, а всего лишь о плотном ужине и мягкой постели.

А тут еще Тоша Малкин (не родственник, а однофамилец именитого магнитогорского хоккеиста), мельком проходивший мимо тренерской, услышал, что помощник Степанчука на общественных началах Петр Елизаров завтра едет с ними в Челябинск. До этого ведь не ездил, чем в разы облегчал их участь, позволяя игрокам хоть немного перевести дух и остерегаться гнева одного только коуча.

Огласив новость в раздевалке, Антон, худощавый, но бойкий, трудолюбивый черноволосый нападающий, разве что не вышедший подходящим ростом и достаточной массой, многих в тот вечер окончательно выбил из колеи.

– Чего-о-о?! – возмущенно протянул Артур Гайтанов, смуглый форвард со сбившимися в кучу восточными чертами лица. Многие, кто натыкался на его данные при просмотре списка игроков команды считал, что имеет место опечат-

ка: в дате рождения стоял 1996 год, но ошибки не было.

– Чего слышал, Артурчик, – недовольно буркнул Малкин, опустившись на скамейку. – Получи фашист гранату, – он закрыл ладонями усталое лицо.

– Съездили в Челик, бля, – расшнуровывая коньки, выдал кудрявый блондин Андрей Волчин, капитан команды, всегда мысливший спокойно, трезво и философски. Он в меру начитан, однако чересчур самолюбив.

Андрюха – единственный, кто всегда спокойно и адекватно реагирует на выпады и злодеяния как самого Степанчука, так и его помощника Елизарова. Меня, как и любого человека, сооружающего хитроумные перипетии, дабы вывести из равновесия других, отсутствие обратной реакции задевает. Повторные заходы насолить, вызвать кого-то на словесный поединок заканчивались лишь наглыми усмешками, мол, меня это не берет, но ты старайся, строй из себя неадекватное посмешище. Таков этот Волчин – к нему я питаю особенные «чувства». Заключаются они еще и в том, что спортсмен Андрей умудряется успевать еще и в школе. Да так, что тянет на золотую медаль. Мне же пророчат только серебряную. Серебряную, Карл!

– Готовимся к грандиозной... – еще один кудряш Паша Брадобреев, весельчак и заводила команды, изобразил пальцами и ладонями жест, означающий жесткое совокупление. – Неужели вы еще не разработали свои задницы, пацантрэ?!

– Арс, может, ты поговоришь со своим одноклассником?

Больно он распоясался. Мало я этого говнюка в школе дрючил, что ли? – рассуждал Артем Абдуллин, основной страж ворот «Магнитки-95».

Для вратаря Тема чересчур высок и худощав. Но, когда он облачается в экипировку, то умеет концентрироваться так, что вмиг закрывает ворота на замок. Так вышло, что Артем учился в параллельном с моим классе и слыл таким задирой, что хоть в окно выпрыгивай, когда он наведывался к нам в класс здороваться. Нет, он не лез на кого-то с кулаками – ему стоило лишь открыть рот и выпустить на свободу свой острый язык. Поверьте, это хуже любого сокрушительного удара по носу.

– Так что ж ты, Тема, не добавил соперника на его территории? Убил бы в зародыше идею оказаться у нас – сидел бы он в своей школе и носа оттуда не высовывал, – резонно выступил Никита Зленко, габаритный короткостриженный бугай, играющий в защите.

– А я знаю почему, – резко вмешался достаточно плотный, рельефный, круглолицый паренек невысокого роста с крупными чертами лица, узкими карими глазами, золотисто-русыми непричесанными волосами, из-под которых выглядывают уши. Держится он важно и спокойно, демонстративно играет мышцами на руках и прессе. Паренек без стеснения считает себя негласным лидером этого разношерстного коллектива. – Абдуллин школу-то не особо часто посещал.

– Как и ты! – парировал голкипер.

– Почаще тебя будет, – ответил Арсений Митяев, результативный и перспективный форвард, по совместительству мой одноклассник, с которым у меня в свое время завязались какие-никакие дружеские отношения. А вообще там долгая история.

– Давай. Скажи, что ты еще и учился там?! – хохотнул Степа Кошкарский, самый высокий из всех присутствующих хоккеистов, отчего невольно стал объектом своеобразной «любви» Степанчука, который выдумывал для него все новые и новые обидные прозвища.

Плечистый и длинноногий с самого детства Кошкарский никогда не обижался. Он – человек улыбчивый и неунывающий – обладает при всех своих параметрах звонким детским голосочком. Хоккеист из него вышел техничный. При чем осваивать хоккей в Магнитку он прибыл из далекого и холодного Сургута. А это подразумевает нахождение с 14-ти лет на протяжении всего сезона (с сентября по апрель минимум) в общежитии-интернате с прочими приезжими. Степка подолгу не видит родных и очень по ним тоскует, ибо сильно привязан к семье, особенно к отцу. Именно батя после тщательного обследования всех условий в разных клубах выбрал для сына «Магнитку». Мальчик без лишних слов подчинился и ради спорта уехал от близких за тысячу километров в абсолютно незнакомый город, в незнакомую команду, перешел в незнакомую школу. В Магнитогорске ему, совершенно одному, нужно было привыкнуть, адаптироваться и начать

играть, показывать себя, зарабатывать доверие. Степа быстро освоился: по большей части помогло чувство юмора. У него с Митяевым и Брадобреевым вышло весьма сильное и сыгранное звено нападения.

– Конечно! Только на пятерки, – с улыбкой заявил Митяев.

– Дай угадаю. По физкультуре? – вставил Никита Глыба, защитник с запоминающейся фамилией и такими же запоминающимися внешними данными: прямыми, как спагетти, русыми волосами, массивным, словно булыжник, лицом, безэмоциональным взглядом, уставившимся куда-то в пустоту.

– Хотя бы так, – развел руками Арсений, поправляя на шее золотую цепочку с крестиком. – А ты, Абдулла, хоть раз был в своей шараге?! Или там была только твоя мама?

– Чего сам-то в училище не свалил? – спросил нападающий Сергей Соловьев, обтирая полотенцем свою практически бритую голову, по форме напоминающую орех.

– Сам не знаю. Бес попутал.

– Мне вообще в этом году ЕГЭ сдавать, – сказал Кошкарский, словно только что вспомнил об этом.

– Наши соболезнования, – произнес за всех второй вратарь Иван Пирогов, который на фоне эмоционального, энергичного, неутомимого шутника и прониры Абдуллина выглядел напуганным, тихим, замкнутым и забитым ребенком, пришедшим одним глазком глянуть на хоккеистов постарше.

– Пацаны, кто в десятом – зачем это вам вообще нужно? – спросил Кошкарский.

– По той же непонятной причине, что и тебе, – высказался форвард Богдан Чибриков, несколько самодовольный, предприимчивый парнишка с бледновато-чистым лицом, чем-то напоминающим кошачью мордочку, острыми скулами, черными неподстриженными волосами, глазами, усталыми сейчас, но горевшими диким огнем, когда необходимо задействовать хитрость, расчетливость и недюжинную сообразительность на полную катушку.

– Мне до фени по большей части. Но у меня, в отличие от Артема, хотя бы есть человек, который поможет.

– Ты это на Елизарова намекаешь? – решил уточнить Антон Филиппов, которого частенько путали с Глыбой: тоже блондин, тоже защитник, однако его внешность в небесной канцелярии рисовали более искусные художники, нежели дилетанты, которым достался Никита. Да простит он меня.

К тому же Филиппов по своей натуре помягче и имеет более сложную душевную организацию и подход к играм, чем Никитос. Правда, в данной ситуации Глыба в большинстве игровых моментов Антона превосходит, пресекая пробивными и разрушительными силовыми приемами практически все поползновения соперника на зону «Магнитки». Частенько выходит неаккуратно, отчего штрафной бокс для него как дом родной. Тем не менее это ценнее для рисунка игры, чем усилия Филиппова, отчего он близок к переходу в другую

команду и в последнее время не очень-то и упирается. Такое безразличие не приветствуется – Степанчук считает дни до ухода Антона. Будь у тренера полномочия, напомню, он сплавил бы всех.

Тут с другого угла раздевалки грубым голосом взревел достаточно крупный хоккеюга:

– Тебе самому-то не стремно, Арсен?! Ты команду на какое место ставишь, когда с нашим врагом в школьников играешь?! – грозно и вызывающе спросил тафгай.

Это кончилось терпение у Алексея Бречкина – быть может, самого бесшабашного, беспринципного, яростного, опасного и неуравновешенного игрока «Магнитки-95», которого или ненавидели, или боялись... или признавали его превосходство и уважали. А быть другом Бречкина означает находиться за самой стойкой из всех каменных стен – Великая Китайская нервно курит в сторонке. Пацан готов пойти на немыслимые подвиги ради себя любимого, когда трезвый, и ради своих братишек, когда пьяный или, что еще хуже, разъяренный. Не гнушается как понтами высотой с небоскреб, так и реальными действиями, порой кровавыми. Богатырской силушки ему не занимать. С ним у меня не задалось с самого начала. При этом Леха тесно дружит со многими в команде, с Митяевым в частности, что никак не мешает ему ставить на место «друзей», ссориться с ними и даже бить им морды. Однако позже можно все загладить: проставиться, потусить вместе, что Леша тоже делает с размахом и

абсолютно непредсказуемой развязкой. Думаю, с его рвением, недюжинной силой и неординарной внешностью больше подошли бы бои без правил.

Леха наводит страх на многих – чувство собственного достоинства и постоянная тяга защищать свою точку зрения даже в самых неуместных ситуациях бурлят в нем как в раскаленном котле. Сам по себе парень невысокого роста, но достаточно массивного телосложения без ярко выраженного рельефа, которым щеголяют многие в команде. Бречкин же со своей мышечной массой мог с легкостью тащить за собой грузовик с песком в кузове и не замечать этого. Особенно запоминается лицо, смахивающее на квадратный герб, заостренный снизу: мясистый нос, жирные брови, узкие серо-голубые глаза, разведенные друг от друга чуть ли не на противоположные края лица, а также огромный рот, который проще назвать пастью, словно для поглощения самых больших и сочных кусков мяса. О манере вести себя промолчу – это бесцеремонно, вульгарно, хамовато, грубо и производит отталкивающее впечатление (некоторым дамам, кстати, очень по душе).

– Ты берега не путай, Бреча. И вообще. Мудрее надо быть, мужики, – таинственно произнес Митяев, надевая чистую одежду.

– Лично меня он заебал! – злобно высказался Бречкин, небрежно бросая форму в баул.

– Тебя любая мелочь выводит. Это правда, – справедливо

отметил Сергей Богатырев, во внешности которого многие постоянно находят знакомые черты, якобы форвард очень похож на «одного актера», после чего все отчаянно пытаются вспомнить имя знаменитости. Ответы всегда разные. Как по мне, внешность у хоккеиста весьма заурядная. Но что-то есть от Эштона Катчера.

– Может, наш тренерский штаб таким образом хочет твой пыл померить? – предположил Саша Патрушев, еще один нападающий с наружностью карикатурного и недалекого гопника, словно из 1990-х годов, но при этом всегда с задумчивыми и серьезными гримасами. Черты лица миниатюрные, поджатые тонкие губы, сосредоточенный и несколько дерзкий взгляд из-под бровей. Глядеть на Бречкина таким взглядом он, естественно, не рискует.

– Я им умерю! – грозно рявкнул Бречкин.

– Судя по настрою Лехи, пока получается плохо, – принял участие в разговоре Дима Коротков, обладающий густой шевелюрой, вышедшей из моды в годах так 1960-х, бледным кукольным лицом со стеклянными глазами, крупными щеками и постоянно приоткрытым ртом.

– Что же мешает разобраться? – вышел из душевой художавый и высоченный блондин Никита Зеленцов, пытаясь на ходу управиться со своими длинными волосами, напоминающими бесформенную копну соломы, высушить которую не удастся и турбине авиалайнера на полной мощности. Неряшливость в части прически отвлекает от правильно очерчен-

ного, чистого, невинного личика, которое, однако, скрывает за собой личность абсолютно безбашенную.

– Мой мир рухнет, если я увижу тебя с короткой стрижкой. А если бритым, так вообще атас, – признался переоделяющийся рядом Толя Костицын. Нападающий обладает узким лицом, впалыми щеками, острым носом и угнетенным, изнеможенным, вымученным взглядом. Его светлые волосы всегда кажутся мокрыми и слегка завитыми от шлема, словно лапша в «Дошираке».

– Не зарекайся! На парики продам, – отреагировал Зеленцов.

– Ага, для бритых овец сгодятся! – заржал Толя.

– Боюсь покалечить случайно, – ответил Зеленцову Бречкин. – Проблемы еще потом иметь из-за этого мудака. А ты бы поддержал меня, Зеленка?!

Никита ответить не успел.

– Считаю, нужно сосредоточиться на вещах посерьезнее, – вернулся в разговор капитан.

– Факт остается фактом, – напомнил за Малкина мягкий, уравновешенный и всегда немногословный курносый брюнет Сергей Смурин, обладающий таким светлым и добрым взглядом, что создается впечатление, будто он весь светится. Сергей – это некий моральный камертон коллектива (в нем не вашим и не нашим, что называется). Однако я уверен, что свои секреты есть у каждого, а он умело их скрывает – когда-нибудь я до них обязательно докопаюсь. – Он едет с на-

ми, так что забудьте о своих планах.

– Не порть настроение лишний раз. Есть кинуть? – спросил Митяев.

– Даня там, наверное, уже наготове, – предположил Паша Мухин, прислонившись спиной к стенке и обрисовав в мечтах вечеринку в Челябинске, которую они планировали. Но, кажется, все планы летят к чертям. Сейчас он еще больше возненавидел выскочку Елизарова.

– Печально, – разделил общее настроение массивный защитник Вова Шабашкин, вышедший из душа последним.

– Лошадей не гони, я сказал, – повторил Митяев. – Это всех касается. Ничего не надо отменять, – он повернулся к Брадобрееву. – Ты кинуть дашь или нет?!

– Бери. Только немного, – заскулил Павлик, – у меня чуток осталось, а еще весь вечер впереди.

– Отсыплю столько, сколько сочту нужным. Будет время, и тебе возьму.

– Ты, как всегда, в себе уверен, Арс, – недовольно и свысока произнес Гайтанов. – Наверное, у тебя есть гениальный план, как нарушить режим, чтоб никто не заметил?

– Уж побольше соображений, чем у вас, – хвастливо заметил Арсений.

– Еще бы, ты ж у нас эксперт. Знаешь Елизарова как облупленного. И Степанчука вокруг пальца обведешь как не фиг делать, – издевательски констатировал Костицын.

– А он знает тебя, – ударил с другой стороны Денис Ак-

мальдинов, о котором до этого словно позабыли, а он есть: маленький да удаленький паренек, уже давно потерявший интерес к хоккею, но команду почему-то не покидавший.

– Это вряд ли, – уверенно отмахнулся Митяев.

– Какое-то неуважение к нему – он тебе все, а ты ничего. Не находишь? – произнес Зеленцов.

– Не изволит ли его высочество поделиться, что же гениального родилось в его светлой головушке? – картинно поинтересовался Волчин.

– Все просто, – заявил Сеня и выждал интригующую паузу, прежде чем выдать свой план. – Мы тупо свалим и никого не спросим, – сказал он и довольно развалился на скамейке под ошарашенные взоры окружающих.

– Упасть не встать!

– Ебать-копать! Да ты стратег, щенок, – выцедил Бречкин.

– Гениально, мать твою! – театрально сыграли своеобразный «восторг» другие. – Ты серьезно?!

– Абсолютно, – спокойно ответил решительный Митяев. – Пора уже дать им понять, что никто не вправе нас удерживать. Мы ходим, где захотим. Как это и было до появления... сами знаете кого.

– Придите же в себя, мужики! – выступил в поддержку Митяева Чибриков. – Какие-то два говноеда способны нам помешать?! Вы только вспомните, из каких ситуевин мы выходили сухими. Самые классные именно те дни, когда мы с вами, парни, наплевали на все и отжигали на полную ка-

тушку. Без оглядки на тренеров, родителей, учителей. Я прав или нет? Кто мы, в самом деле, а?! Рабы?!

– Да, потрепало нас знатно. Уже за дверь выйти боимся, – согласился Филиппов.

Тут все повально стали вставать на сторону Митяева.

– А последствия? – резонно спросил сомневающийся Волчин.

– Переживем. Кто они нам такие, по-твоему?! Мама с папой, воспитатели, надзиратели? Последствия, говоришь? Поорут, мозги повыносят. Может, на трене пожестят и успокоятся. Нам не привыкать. Будто это что-то решает. До лампочки вообще! Зрелища-то на льду устраиваем мы, а не они.

– Нет, – не унимался капитан команды, – я предчувствую что-то неладное. Неспроста это.

– Да брось ты!

– Капитан нас вперед должен вести, – напомнил Кошкарский.

– А ты зассал как сучка.

– Кто за то, чтобы выбрать нового капитана?! – предложил Брдобреев, зная, что это заденет Андрея.

– Ты с нами? Или так и будешь сомневаться? Можешь, в принципе, остаться в гостинице – тебя никто не заставляет. Согласись, это ненормально, брат. Как мы без тебя? – произнес Митяев.

– Конечно, я в деле, – без особого энтузиазма согласился Волчин.

– Во-о-о-т, совсем другой разговор. Выше нос, Андрюша! – все принялись жать руки кудрявому, но Волчин все равно предчувствовал опасность. Интуиции ему не занимать – нечто в грядущей поездке его настораживало. Либо таким образом проявляется его внутренний протест из-за участия Пети в выезде.

– Так что все в силе – никакой отмены, понятно?! Когда мы под кого-либо прогибались?! Ни под кого и никогда! – объявил Арс. – А если кто-то еще хочет слиться – самое время...

– Чего отменять собрались?

От неожиданности все чуть не подпрыгнули на месте и дружно обернулись.

В раздевалке возник помощник тренера: незаметно подкрался, как и всегда.

– Что там у вас в силе? – поинтересовался я.

Воцарилась гробовая тишина, непривычная для раздевалки, не считая, конечно, первых минут после провальных игр. Белые стены, деревянные вешалки со скамьями и полками, заполненные под завязку всякой хоккейной всячиной: рюкзаками, баулами, клюшками, сумками, поилками, крагами, блинами, щитками. Казалось, что все это навалено хаотично до потолка и готово свалиться на тебя и придавить насмерть.

Тишь да гладь продержались буквально пару мгновений.

– Полнейший разнос «Мечела», конечно, – уверенно ответил Сергей Соловьев, разрядив обстановку. Все зашевели-

лись и вернулись к делам, которые бросили – всем хотелось поскорее уйти (и без того задержались).

Я же никуда не делся – считал наслаждением лишний раз поторчать на виду, зная, что хоккеюгам это, мягко говоря, не по душе.

– Радуется, что настрой на выезд подобающий. Будет очень плохо, если уделать ближайших соседей не получится.

– Если проиграем, скажем, что ты накаркал, – исподлобья зыркнул на меня Патрушев.

– Зачем постоянно проговаривать очевидное? – недовольно спросил Волчин.

– Думаю, что быстродействие головного процессора у некоторых может слегка отставать от твоего гениального мозга, Волчин. Что ж, тогда до завтра! – выкинул я последний на сегодня козырь, думая, что они не в курсе моего участия.

Волчин резко ударил Кошкарского локтем в бок – тот мигом сообразил, что надо сделать:

– В смысле «до завтра»?! – выразил недоумение Степан.

– В коромысле, – торжествовал я. – Я еду с вами в Челябинск, ребята. С единственной целью. Чтобы до каждого дошло: выезд – это серьезное мероприятие, а не увеселительная прогулка с целью перебеситься вдалеке от дома. И я сделаю все, чтобы не допустить неповиновения. Это ясно? – количество недовольных взглядов увеличилось в геометрической прогрессии. – Чего ж вы так поникли? Здорово же! Чао

бамбино, – махнул рукой я и с самодовольной ухмылкой удалился.

– Не дождешься, – еле слышимо фыркнул Зеленцов.

– Степанчук явно что-то почуял, – заключил Брადобреев, оттопыривая нижнюю губу, чтобы закинуться.

Четверг, 15 декабря 2011 года, три пополудни.

Ярко светит солнце. Не согревает нисколько. Клонится к закату в столь ранний час, как это и бывает в середине декабря. Всюду искрится снежок.

На пустой парковке у старого Ледового дворца в Магнитогорске стоит автобус. Все мигом перебежали в него из помещения, на ходу закинув баулы с формой в багажник. Надевать шапки и перчатки ради пары метров никому не хочется, а ведь после душа и тренировки можно в два счета простудиться на таком трескучем морозе. Ничего страшного, сунул руки в карманы и побежал, попутно зачерпнув в кроссовки свежего снега.

Все организационные моменты выезда на мне – я всеми силами старался ничего не упустить. После подсчета хоккеистов, занявших свои места в автобусе, а также объяснения водителю проезда к пункту нашего назначения я заметил затянувшуюся возню снаружи.

Степанчук уже извелся:

– Митяев! Ты мешок с говном! Нет, ты говно с мешком!

Шевелись!

– Что здесь такое? – вылез на мороз я.

– Я хочу выехать через минуту. Разберись, или оба тут останетесь, – рявкнул тренер и залез обратно в салон. – Без вас управимся.

«Это вряд ли», – мысль промелькнула синхронно и у меня, и у Митяева.

– Ну чего, умник, получил? – улыбнулся Арсений. – Помогай.

– Не думал я, что ты такой тормозной, Арся. Знаешь, особо не хочется в темноте там шарохаться.

– Видишь, место ищу – не лезет, блядь такая, – Митяев придерживал коленкой бесформенную сумку, одновременно пытаясь запихнуть ее голыми руками между чужими баулами.

– Дорога и без того выматывает всех. А вам бы еще выспаться и сыграть нормально. Ради вашего же блага, – констатировал я. – Так что быстрее доберемся – больше будет времени на... А чего это у тебя за машина такая, скажи-ка мне на милость?

– Сухпаек.

– Для целой роты солдат?!

– Для всех.

– А ну-ка покажи.

– Петь...

– Открывай – не задерживай остальных, – настоял я.

Митяев и не думал сдаваться, лишь безысходно бросил на землю тяжеленную сумку так, будто в ней ничего особо ценного нет. Подумаешь, пару бутылочек для разогрева в потайных карманах, а остальное всего лишь продукты. И Елизарову необязательно сообщать, что продукты не на ужин, а в качестве закуски (спиртным их на месте снабдит Данил Озеров).

– Колбаска, лимоны, апельсины – не слишком роскошно? – осмотрел содержимое сумки я.

– Белки и витамины. Да что ты вообще понимаешь в правильном питании?! – недовольно топтался на месте Митяев.

– И всегда на выезды вы так серьезно затариваетесь?

– Спрашивает человек, который едет с нами в первый раз, – твердил он. – Петь, не задерживай остальных.

Вдвоем мы все же всунули провиант в багажный отсек.

– Можем отправляться, – зашел в автобус я, проводив взглядом Митяева, присевшего рядом с Брадобреевым. – Педаль в пол.

Я кивнул в сторону тренера, ожидая подтверждения.

– А ты ничего не забыл? – словно намекая на очевидное, спросил Степанчук.

– Нет, – уверенно заявил я.

– Смотри мне, – с презрением протянул он и отвернулся к окну.

«Черт, зачем он так? Это как спросить, а выключил ли ты утюг в собственной квартире на другом конце города, кото-

рую второпях покидал. Зато есть повод еще раз перебрать бумаги. Все однозначно будет при мне, ибо я завел привычку собираться с вечера. А если б тренер промолчал, я бы не озадачился, – подумалось мне. – Эх, плакала спокойная дорога».

– Ну как там? – все в округе развернулись, привстав с мест и взявшись за спинки кресел, устремив взгляды на Арсения.

– Порядок. Но чтоб я еще раз тащил все это добро.

– Оно и твое тоже.

– Потише, – шикнул Акмальдинов.

– Упаковывать вас надо учить, недотепы, – бросил Митяев, оглядываясь в мою сторону. Я же ушел на свободное сиденье позади и принялся рыться в рюкзаке.

– Мне кажется, он все равно что-то подозревает, – поделился Коротков.

– Да брось ты. Я все сделал чисто, – заверил Митяев.

– Он уже собаку съел на нас – думаешь, ничего не найдя в сумке, он успокоится? Ты debil, если так считаешь, – произнес Абдуллин.

– Мне лучше знать, – заявил Митяев, понарошку замахнувшись на Артема своим тяжелым кулаком. Тот демонстративно задрожал, прикрылся руками и плюхнулся на место, не скрывая улыбки.

– Не на том вы сконцентрированы, мужики, – с выражением полнейшего безразличия заявил Волчин. – Расслабьтесь.

– А кто тогда вчера дрожал больше всех, а? Закинул успо-

коительного, капитан? – спросил Андрея Антон Малкин.

– Предчувствие и сейчас есть, – не подал вида Волчин. – А этот человек не стоит ваших переживаний, поверьте. Загнались вы, ребята. Причем конкретно.

– Кэп прав, – согласился Глыба. – Пора завязывать.

– Тебе лишь бы поспать, – отметил Бречкин.

– Кто, чем любит, тем и занимается в пути.

– Тогда спокойной ночи! – из-за спинки кресла Глыбы выскочил Кошкарский и натянул шапку Никиты ему же на глаза.

Выезд – рядовое мероприятие для хоккеистов. Именно так они и бывают во множестве мест, причем не единожды. И дело даже не в осмотре достопримечательностей. Часто все ограничивается гостиницами, ледовыми дворцами и кафешками на выезде. Но в каждом из таких городов хоккеисты оставляют частичку себя (особенно в молодые годы). Там случаются знаковые игры, проходят беспощадные летние сборы. Или же команда попадает в передряги, благодаря которым становится ясно, кто и из какого теста сделан. Либо, наоборот, происходят уморительные, порой сумасбродные истории, которые сплачивают хоккеистов, оставляют после себя незабываемые воспоминания. Случаются и мимолетные знакомства с девушками.

Стоит лишь обозначить название города, как, например,

Арсений мигом припомнит что-либо памятное оттуда. «А что для парней значит Челябинск? Надо бы спросить, – подумал я. – Ах да, вспомнил – со мной, наверное, только Митяев нормально поговорит».

Переезды – неотъемлемая часть жизни спортсменов. В изнурительных дальних поездках хоккеисты знают, чем заняться: кто-то вдоволь высыпается, кто-то читает, кто-то зависает в телефонах. Вот и сейчас все при деле. Автобус едет неторопливо. Я же решил поразмышлять. Над чем? Как обычно: а что, собственно, я тут делаю?

Я словно делал очередную запись в дневнике (когда-нибудь уже напишу книгу): *«Шел третий месяц моего пребывания в хоккейной школе. Нет, не в качестве спортсмена. Вы мне льстите. По стечению обстоятельств я – помощник тренера на общественных началах. Да, из той же возрастной категории, что и хоккеисты «Магнитки-95». Но из совершенно противоположной среды. Поэтому ожидаемого совпадения в мыслях и действиях не случилось, но было нечто другое, что я открыл в себе и что пришлось по нраву тренеру. У меня полный воспитательный карт-бланш, поле для интриг и экспериментов над пацанами, которых я считал зазнавшимися и тщеславными. Я испытывал их, пользуясь положением, заставляя работать, не отлынивать и повиноваться, показывая, как они не правы. Без оглядки на себя – человека с ворохом проблем и комплексов. Что ж сказать: приходится, иногда даже нравится. Чего я только не*

придумывал, чтобы заставить их работать – на пару с тренером прекрасно получается страшить, поучать, манипулировать, издеваться. Ради дела, ради успеха, ради их же блага. У парней ведь гормональный взрыв, корона на башке, необоснованная установка на усиленное сопротивление, собственную неповторимость и превосходство. Но с каждым днем я все больше осознаю, что это условности, стереотипы о хоккеистах. Люди, конечно, разные бывают, но... правильно ли мы поступаем? Парни ведь сами по себе нормальные – порой удивляют, открывают мне новый мир, невольно заставляют под другим углом смотреть на хоккей, на них самих и на собственную жизнь. Сложно что-то доказать закрывшемуся и нелюдимому человеку, вбившему себе в голову единственную цель и единственную правду, основанную на непроверенных домыслах. Пока что я собственноручно сделал себя их главным врагом. При этом стал где-то смягчаться, защищать, страховать, наставлять. Тренер находил эту работу необязательной: они не дети, чтобы их воспитывать – пора бы уже соответствовать (не в детском саду ведь). А они все ему наперекор, вот он и обозлился пуще некуда, возненавидел их. И совершенно случайно нашел меня. Случился своеобразный «ход конем», когда появился и когда до них дошло, что я собираюсь здесь вытворять. Они подумали, что это шутка. Они могли с легкостью выбросить такого ботана, как я, из хоккейной школы. Однако я задержался, меня оказалось не так просто отодрать – прям как

жвачку от линолеума. Я так хотел этого общества, и вот оно кинулось в мои объятия и поглотило с головой. Задача стояла ясно: любыми способами навести порядок, поставить дисциплину, отслеживать результаты расхлябанных и разнузданных парней, думающих только о себе, сделать из них команду, дать им понять, как нужно настраиваться и бороться. Несогласных следовало подавить. Или, как я интерпретировал это, «убедить». Спору нет, я хорошо продвинулся: Митяев, Глыба, Кошкарский, Вольский (с последним, конечно, жуткий перегиб вышел). Объемное досье на каждого со всей подноготной я перегибом не считал – это, скорее, необходимость. Мне интересно выяснять, выслеживать, вживаться в роль, которую я играл для них и для себя самого. Но я с каждым разом все сильнее осознавал, что это лишь спектакль. Команда оставалась командой, и перевес, благодаря моей работе с отдельными людьми, пока не превосходил всеобщего мнения о том, что я враг и от меня нужно избавиться. Когда мы жестили, стремительно росли показатели, побед прибавилось, как и борьбы, как и конкуренции внутри коллектива. Пацаны стали дисциплинированы, мотивированы, стали покорнее. Едиными стали, наверно, в общем порыве сопротивления мне и моим методам. Тот же результат. Но какой ценой? Мне оставалось продолжать в том же духе – закрыться панцирем строгого, неадекватного, ненормального циника-мизантропа и попирать приличие и здравый смысл в работе с хоккеистами. Стоило ли об

этом размышлять сейчас? Неужто я посмел размякнуть, будто сухарик в бульоне? «Заигрался, Петь!» Кто так сказал? Арсений? А ведь к этому невозможно привыкнуть, но мне нравится, ибо хоть где-то я имею вес, власть какую-никакую. Играя в неуравновешенного сатрапа, я стал превращаться в него в реальности. Пока отвлекался грязной работой, которую тренер делать не хотел либо просто-напросто не успевал...», – мы чересчур заговорились – не время поддаваться унынию из-за собственного желания выделиться. К тому же сейчас, кажется, будет остановка.

Остановились в Степном (на середине пути между Магнитогорском и Челябинском), чтобы размяться, перекусить и хлебнуть согревающего кофея.

Пока тренер полетел в сортир, а я оглядывал бескрайние заснеженные поля, раскинувшиеся вокруг автостанции, хоккеисты незаметно сбились в кучку в одной из столовок.

– Говорю вам, все накрылось, – переживал Мухин – ему прямо-таки не терпится пуститься во все тяжкие. Остальные сохраняли внешнее спокойствие.

– Надо бы спросить у Волчина успокоительные таблеточки, которые он принимает, – шепнул Короткову Богатырев. – И Мухину предложить.

– Еще кто-нибудь задумает посеять панику, – злобно высказался Митяев, – того я в асфальт закатаю.

– Я тебе помогу, – поддержал Бречкин.

– Вы оба хороши, – вставил Волчин, – кто ж зимой ас-

фальт кладет?

– Известно кто – российские дорожники. И в дождь, и в снег. Так что все нормально, – хохотнул Брандобреев.

– А знаете, Арсен вчера дело сказал, – начал Сергей Смурин, взяв пару пирожков в буфете.

– И в чем именно оно заключается? – поинтересовался Абдуллин.

– Что твоя мама за тебя учится в шараге! – вставил Кошкарский с ухмылкой до ушей.

– Нет. В том, что нужно действовать просто и ничего не выдумывать, – продолжил Смурин.

– Будто он когда-то поступал нестандартно, – выразил недоверие Зленко.

– Ты считаешь меня скучным?! Пойдем-ка выйдем, – демонстративно похрустел костяшками на пальцах Митяев.

– И какой же у тебя план? – спросил Соловьев.

– Надо просто взять его с собой, – предложил Смурин.

Все замолчали.

– Кого?

Елизарова – с собой. С собой – Елизарова. В голове не укладывается.

– Да вы рехнулись. Оба! – воскликнул Леша Бречкин.

– Я вижу его насквозь, – продолжал гнуть свою линию Смурин. – Все, что нам нужно сделать – это предложить ему выпить, расслабиться, повеселиться, поглазеть на баб...

– Прошу – остановись, – даже фантазер Брандобреев не мог

представить себе такого расклада.

– ...А уже потом, – Смури́н загадочно улыбнулся, – мы предоставлены самим себе.

– Ты, Серега, до этой части наших вечеринок обычно живым не добираешься, – хвастливо отметил Чибриков.

– Думаешь, прокатит? – задумался Кошкарский.

– К гадалке не ходи, – заверил Смури́н.

– Напоминает сюжет какой-то тупой комедии, где двоечники набухивают ботанов, – скептически отнесся к предложению Патрушев.

– В серой жизни таких экземпляров, как он, огонька-то как раз и не хватает. Все, что мы запланировали, ему и не снилось, – убеждал одноклубников Смури́н. – Арс, чего скажешь?

Митяев задумался:

– Отчасти ты прав.

– Вы польнь, что ли, курите?! – считал затею глупой Филиппов. – Ха-ха, хотел бы я посмотреть на того смельчака, кто предложит Пете такое.

– А если он откажется, но отпустит нас в благодарность за предложение, которое ему никогда никто не делал?

– Так делать не стоит, – решительно хлопнул ладонью по столу Митяев.

«Лучше я проделаю это сам. И в другой раз», – идея ему приглянулась.

17-й номер продолжил:

– К этой работе он относится очень серьезно. Даже если ему реально нужны такие развлечения, даже если он очень захочет, все равно не пойдет на такое. Знаете, какой кондратий его хватит. Да и таких слов никому из нас не подобрать. Рано ему пока... В данный момент он с удовольствием заложит нас Степанчуку, – констатировал Митяев.

– Но попытка не...

– Никаких попыток!

– А чего это ты раскомандовался?! Ты кто здесь?!

– Я тот самый человек, который лучше всего знает, с кем мы столкнулись. А если кто-то хочет поэкспериментировать – пожалуйста! Но если я не схожу в клубешник в Челике, то этот человек, кто нас предаст, будет отвечать передо мной по всей строгости. И я уверен, что так же думают все здесь присутствующие. Я не прав?

Все промолчали.

– Вы даже представить не можете, насколько это странный, догадливый и принципиальный человек, – продолжил Митяев.

– Да в жопу! Какие у очкастого могут быть принципы?! – терял терпение Бречкин.

– Знаешь, в чем сложность, Леха? – спокойно отвечал Арсений. – Эти принципы нам, наверное, не понять никогда. Как и этого человека. Я, кажется, чего-то начал понимать, когда стал тесно с ним общаться в школе. В людях я, безусловно, шарю, но даже это неподвластно моему пониманию.

Многое для него не так, как для нас. И наоборот.

– Да уж, в изложении материала тебе нет равных, – саркастически заявил Волчин.

– Пора идти, – напомнил Пирогов.

Позже в автобусе, мчавшемся по заснеженной трассе дальше, разговор продолжился:

– У нас явно дефицит идей, братва, – констатировал Вова Шабашкин.

– У меня идеи появляются, когда я бухаю, – заявил Бродобреев.

– А как же игры? – спросил Гайтанов. – Там же выдумывать надо.

– Это другое, – капризно ответил Паша.

– Только вот идеи нужны сейчас, – вздохнул Никита Глыба.

– Так ведь у нас же есть в багажнике, – осенило Павлика.

– Заткнись на хрен! Ты совсем идиот? На хуя так орать? – процедил сквозь зубы Чибриков.

– Я еще и не орал толком.

– Тихо, – шикнул Малкин. – Мы так палимся, что он уже обо всем просек.

– Надо же что-то делать, – вернулся к актуальной теме Зеленцов.

– Если сваливать из гостиницы незаметно, это заведомо проигрыш – нас много, – начал рассуждать Костицын.

– Чур, я не останусь, – воскликнул Тема Абдуллин.

– Ты, Толик, мистер очевидность. У этого засранца не то что пара глаз – их аж четыре.

– А это вариант. Очки раскрошить, – предложил Костицын. – Типа случайно.

– Чтоб он потом раскрошил тебе мозги? – отреагировал Коротков.

– Не получится, – парировал Митяев. – Он запасные очки носит с собой. Чего размышлять? Будем действовать по ситуации. Как на игре.

– Я к другим играм привык.

– Эх, как я хочу гульнуть, – потянулся в предвкушении Брадобреев.

– Не ты один.

– Это вообще самоубийство – делать такое на выезде, – внезапно выдал Пирогов.

– Всегда же так делали, – Абдуллин не понял коллегу по вратарскому цеху.

– Ты забыл. Он же в гостинице засыпает постоянно, потому и не в теме, – напомнил Артему Зеленцов.

– Точняк.

– Хочу напомнить, что у нас впереди две игры так-то, – дабы отвлечься, объявил Смурин.

– В Челике полным-полно зачетных хоккеистов. Многие о них говорят, – начал Зеленцов.

– Например? – попросил уточнения Митяев, чтобы знать фамилии потенциальных конкурентов.

– Шаров и Закарлюкин в «Тракторе» смотрятся неплохо, – ответил Смурин.

– Я слышал, что самый лютый там Валера Ничушкин.

– О нем мы все слышали, – отреагировал Митяев.

– Претендент в сборную. Нас вот почему-то не приглашают никого.

– Меня только в форме сфоткали, – сказал себе под нос Кошкарский.

– Сборная – это не главное.

– Говори за себя.

– Скажите лучше, что там по «Мечелу»? – попросил Арсений. – Мы же не с «Трактором» пластаться едем.

– Цапаев там защ неплохой. Лучевников еще.

– Э-э, защита! Пасите завтра своих коллег, – предупредил Митяев. – Что по нападающим?

– Борисенков, говорят, ничего.

– Не помню такого, – сказал Митяев.

– И вообще, – ворвался в разговор Никита Зленко. – Зачетные они там или нет. Какая разница? Ведь их целый автобус из Магнитки едет рвать!

– Аминь!

– Вы чего, на утреннике, что ли?! Цыц! – пробудился от шума Степанчук.

– Отличный тост, кстати, – тихо заметил Степан Кошкарский.

– Говорите тише, в самом деле, – Малкин взглядом указал

на Елизарова, сидящего позади с задумчивым видом.

– Сбежать от него – это как играть на уровне «эксперт».

– Когда он нам мешал? – уверенно произнес Митяев.

«Снова-здорово», – огорчился Смурич. Опять все вернулись к теме, от которой он их отвлек.

Краем уха слушая диалоги, Волчин – голос разума и здравого скептицизма – тихо прошептал:

– Добром это все не кончится.

«Мы адресом не ошиблись?» – тем вечером этот закономерный вопрос возник у всех без исключения. Один я был уверен, что все верно.

– Товарищ помощник тренера, протрите свои окуляры и посмотрите адрес еще раз, – выдал во всеуслышание Волчин.

Его поддержали:

– Ну и хуйня.

– Сколько раз были в Челике и ни разу тут не останавливались.

– В первый и в последний раз согласен с дефективными, – недовольно признал тренер. – Ты куда нас завез? – Степанчук обратился к водителю.

– Куда он сказал, – отмахнулся водитель, указывая на меня.

Мой растерянный взгляд встретился со взглядом разъяренным:

– Вот же, бумага из клуба. Черным по белому: город Челябинск, улица Комсомольская, дом 18, пятый этаж, гостиница.

– К твоему сведению, гостиница и общежитие – это небо и земля. А это, – показал пальцем Зленко, – общага!

– Смысл тот же. И чего ты куксишься, Зленко?! Скромнее нужно жить – ты не английская королева.

– Меня нет в этих списках, – заявил Степанчук, хотя ни к одной из бумажек даже не прикасался.

– Ну как же нет, когда вот.

– Нет!

– А вот и есть!

– А вот и нет!

– Как дети, в самом деле, – недовольно цыкнул позади Глыба.

– Хлебало завали! – рявкнул на него Степанчук.

– Вот же написано: «Степанчук», С-т-е-п-а-н-ч-у-к!

– Ишь подстава, вашу в душу! – заглянул в бумаги тренер и мигом переобулся. – Чего застыли?! Марш на выход, фигуристы! И чтоб ни слова! А кому не нравится и есть свободные деньги, пожалуйста – весь город к вашим услугам. Хоть на все четыре стороны. Поставим прогул.

Все принялись выгружаться.

– Деды ваши, – вещал я, – когда строили Магнитогорск, вообще в землянках жили.

– В XXI веке неуместно приводить такой пример, – недо-

вольно отметил Волчин.

– Неуместно не уважать память ушедших, – буркнул Степанчук, растолкав хоккеистов на пути к багажному отделению автобуса.

Уже стемнело – ехали долго. Но даже в потемках все смогли узреть злачную, пошарпанную, блочную девятиэтажную общагу с деревянными окнами, решетчатым крыльцом, похожим на тюремный КПП, и с черной пожарной лестницей, что выделяется на фоне грязно-белых стен до самой плоской крыши.

Всюду неприветливые завалинки, стоянки, ржавые гаражи. И многоэтажки тут как тут. Позади пролегает улица Цвиллинга, освещенная оранжевыми огнями; по ней с грохотом пронесся трамвай. В глубине квартала сверкает бело-красная вывеска магазина «Пятерочка». В воздухе витает запах угля – рукой подать до вокзала. Из общаги вышла покурить какая-то шпана и уставилась на подъехавший автобус и хоккеистов.

– Все злачные места этого города уже собрали, – недовольно констатировал Чибриков.

– Ну и дыра-а-а, – протянул Абдуллин.

– Ты только такие дырки у нас собирать и умеешь. Они-то разные бывают, так что нечего вздыхать, Тема! – троллил Абдулина Митяев. – Как насчет других дырочек, а?!

– Отставить разговоры! – громко скомандовал я.

– Кто-то хорошенько сэкономил на нас, – приговаривал

Смурин.

– Не исключено, – поддержал Волчин.

Я подошел к водителю автобуса.

– Вы разве не с нами?

– Нет, родственники живут недалеко. Перекантуюсь у них, – ответил водила.

– Вот! Самый прошаренный из нас – это водила. Ни за что не будет ночевать в этой помойке, – заявил Бречкин.

– Хватит ныть! – обернулся я. – Вы мужики или кто?! Вам из зоны комфорта иногда полезно выйти, чтобы жизнь медом не казалась.

– Чего ты ему пытаешься доказать?! – обратился ко мне Степанчук. – Этот хер больше всех здесь охерел.

– Будто у нас есть выбор, парни, – трезво взглянул на ситуацию Малкин.

– Это понятно. Но я буду из принципа злить этого козла, чтобы больше на выезды не совался.

– Ха, удачи!

– Завтра к десяти часам подъезжайте, – договорился с водителем я.

– Заметано. Спокойной ночи, парни, – саркастично выдал тот, отгоняя неповоротливую махину.

– Проходим, проходим, – скомандовал хоккеистам Степанчук. Ему хотелось поскорее покончить со всем этим.

– Только после вас, – галантно выдал Абдуллин.

– Хм, словно там японку делают, – ответил я, проходя впе-

реди. – Курам на смех.

Внутри хуже, чем снаружи. Окрашенные густой зеленой краской стены, тусклый свет, местами растрескавшийся бордовый кафель на полу. Потрепанный жизнью вахтер, сидящий за столом меж решеток, выполненных в виде распускающихся цветов. Впереди узкие коричневые двери лифта и лестницы по обе стороны от него. Обстановка – будто в морге.

– Я недавно играл в «S.T.A.L.K.E.R.». Чернобыль отдыхает по сравнению с этим местом.

– И как только люди здесь живут?

Разговорчики в рядах хоккеистов не могли пройти мимо меня:

– Радуйся, что тебе повезло родиться, вырасти и до сих пор проживать в отдельном доме. А кто-то и такой роскоши не видел. Так что захлопнись и иди.

От большого количества разом зашедших гостей охранник вскочил с нагретого места, чтобы лучше видеть. Баулы шумно грохотали; хоккеисты же гоготали о своем.

– Куда это вы... все? – спросил вахтер, подойдя ко мне – я стоял в сторонке и отмечал всех в списке по фамилиям.

– В гостиницу. Вот бумаги, – махнул я каким-то побочным документом у носа охранника, не обращая на него внимания.

– Вам на пятый этаж. Не ошибетесь.

– А разве этот дом не целиком гостиница? – поинтересо-

вался я.

– Только пятый этаж. И немножечко четвертый.

– Оформляться где?

– На пятом.

– А остальное тогда что?

– Общежитие Челябинского государственного колледжа.

У меня сразу же возник животрепещущий вопрос:

– Дамское?

– Нет.

– Это радует.

– Общее.

– Уже полбеды.

– А вас откуда так много?

Я решил проигнорировать вопрос вахтера – вдруг он фанат «Трактора» – и протиснуться поближе к лифту через толпу хоккейщиков.

Чуть только двери лифта стали со скрипом распахиваться, мы со Степанчуком синхронно юркнули в кабину (внутри тесновато). Видели бы вы физиономии остальных.

– А вот хрен вам, а не лифт, – воскликнул я. – Идете пешочком. Вместо вечерней пробежки. Пятый этаж.

Брадобреева аж передернуло:

– Ух, гнида! – сорвался с места Павлик, бросив баул на пол. Только пятки засверкали. Он понесся вверх, перепрыгивая по две, а то и по три ступеньки. И все ради того, чтобы на каждом этаже успеть нажать кнопку вызова лифта.

Не успела кабина набрать ход, как тут же застопорилась. На втором этаже нам показалось, что лифт умудрился вызвать какой-то лентяй, которому быстрее спуститься вниз на своих двоих. Остановка на третьем этаже насторожила меня и начала злить Степанчука, ибо лифт медленно притормаживал, а скрипучие шестерни натужно открывали дверцы, при этом кнопки их автоматического закрытия в таких допотопных устройствах еще не изобрели. А команда уже всю поднималась на нужный этаж, проходя мимо открытых дверей лифта, еле сдерживая смех. На четвертом этаже Степанчук вытолкнул меня из кабины. В холл гостиницы на пятом этаже я ворвался как отряд ОМОНа – тяжелые створчатые двери от моего удара чуть с петель не слетели.

Кто-то стоит у закрытой двери с табличкой «Комендант», кто-то сидит на больших черных диванах в холле, а кому не досталось места, задумчиво мнут баулы. Сканируя упырей грозным взглядом, я заметил затейника тупой шутки с лифтом – самым развеселым и хихикающим был слегка запыхавшийся Брдобреев, сидевший на корточках у стены.

– Я так и знал, что это ты, недоразумение! Обоссайте его кто-нибудь!

– С чего бы? Мы разделяем его поступок.

Я взглянул на Митяева:

– Ну хотя бы ты, Арсений. По-братски.

– Э-э, нет, Петь, так не пойдет, – увильнул он. – Сейчас мы с тобой в служебной поездке, поэтому ты не мой друг, а

помощник тренера. Сам же так говорил, помнишь? Так что прости. Ничего личного.

– Понятно, – досадно вздохнул я. – Попроси у меня еще помощи в школе.

– Да я тебя знаю. Все равно поможешь.

– И ты этим пользуешься, – я ткнул ему в грудь указательным пальцем.

– Жалкое зрелище, – не мог смотреть на нас Бречкин, поэтому закатил глаза и отвернулся.

– БРАДОБРЕЕВ!!! – взревел Степанчук. Он стоял меж дверей, словно голодный медведь, спячку которого бесцеремонно прервали. – Лег и отжался 50 раз! На кулаках! И чтоб пол целовал, глиста кудрявая!

– Но... тренер...

– Лег, я сказал!!! А если сейчас кто-нибудь из вас, пидарасы, хоть слово выплюнет, будет на улице ночевать!

Его строгий клекот, кажется, услышали на всех этажах и перекрестились.

– Что тут происходит?! – визгливо-протяжным голосом, напоминающим звук лобзика, произнесла низковатая бабулька с крашенными в ярко-рыжий цвет волосами, уложенными стрижкой боб. Она возникла с помытой кружкой в руках в темном коридоре, ведущем в первый блок. В противоположном конце главного холла, аккурат по диагонали, такой же коридор уходил в другой блок. Хоккеры загораживали женщине не то что обзор, а весь белый свет. – Что вы так

орете? Надо же. Откуда ж вы свалились на мою голову? – она протиснулась к своей комнатухе и отворила ее, озираясь на отжимающегося Брადобреева.

Я мигом принялся решать вопросы, пройдя следом. Интерьер ее комнаты перенес меня в СССР (хоть я его и не застал): чисто советский письменный стол со стеклом, под которым лежат какие-то записочки; настольная лампа, источавшая желтый свет и одновременно служившая обогревателем; мерно считающие секунды часы с маятником; чисто советский стул для посетителей, жесткий и без излишеств; кресло для коменданта, получше стула, но не конкурент нынешним диванам, поглощающим пятые точки своей мягкостью. Платяной шкаф в углу; холодильник, способный выдержать ядерный взрыв; телевизор, способный этот взрыв спровоцировать; калорифер посреди комнаты, советские занавески, тахта, подкладка которой уже давно превратилась в пыль, как и одна из ножек, под которую подложены ветхие книги. На стене ковер, узоры которого можно разглядывать часами. И все перечисленное исполнено исключительно в оттенках красного: от темно-бордового до цвета разбавленной томатной пасты.

– Здравствуйте, товарищ комендант! Вот мы и прибыли.

– Меня сейчас больше заботит то, что вы мне там натоптали в коридоре всей толпой.

– Тысяча извинений, – раскланялся я. – Ну-ка все живо тапки надели!

Бабулька уселась за стол, надела очки, висевшие у нее на шее, и с упреком спросила, недоумевая, почему говорю я, а не кто-то из «взрослых»:

– И кто ж вы такие? И почему вас так много? – вроде бы она недовольна, но в то же время заинтригована множеством прибывших в ее смену гостей.

Я обернулся и обнаружил, что хоккеисты стоят прямо за моей спиной (в комнате, в дверях, в коридоре) и приветливо смотрят на коменданта, чего-то ожидая. «Ждут, когда к ним выйдет носильщик или портье? Или как этих мальчишек называют, которые подхватывают твой багаж в отелях, а потом кланчат чаевые?» – подумал я.

– И чего ты глаза вытаращил? – крикнул мне откуда-то из толпы Степанчук. – Разбирайся!

Я достал все необходимые бумаги, приветливо улыбнулся коменданту и уселся на стул с противоположной стороны стола:

– Вы, верно, не поняли, сударыня. У нас забронировано.

– Не знаю, не знаю, – выделывалась она. – На всех вас комнат не хватит. У меня тут должны металлурги из Магнитогорска приехать.

– Так это мы, – воскликнул Абдуллин.

– Больно вы молодые для такого производства, – не поверила комендант. – Мой муж всю жизнь ЧМК отдал. Так его в горячий цех только в 40 лет запустили.

– Ну, – ответил я, – до настоящих металлургов нам дале-

ко, но тем не менее мы команда «Магнитка-95». Хоккейная. Почти «Металлург», но слегка иначе.

Бабушка удивленно посмотрела на меня. Затем на толпу в дверях.

– Ей-богу, не разбираюсь я в этом вашем хоккее.

– Очень, кстати, зря, – продолжил располагающую беседу я. – Я тоже раньше относился к нему равнодушно. Но вскоре изменил мнение... благодаря кое-кому.

– Ага! Из-за твоих убеждений и из-за кое-кого, – Соловьев презрительно посмотрел на Митяева, – мы тут вешаемся третий месяц.

– Я мог бы сегодня с превеликим удовольствием за чашечкой чая с шоколадкой объяснить, почему хоккеем заслуживает вашего внимания. Не конкретно это нелепое отродье позади меня, а вообще, – сказал я и выудил из кармана припасенную плитку шоколада.

– Ой, а вот этого не надо. Сейчас просьбы последуют – не хочу, – отвернула нос она. – Я вообще взяток не беру.

– Не в России, что ли, живете? – ляпнул кто-то из пацанов.

– Это не взятка, а подарок. И вообще она уже лежала на вашем столе, когда мы пришли. У меня целых 25 свидетелей это подтвердят. Да? А ну-ка закивали быстро, – хоккеюги подчинились.

– А ты, я смотрю, еще тот, – с улыбкой пригрозила мне комендант.

– Это ради наших хороших отношений в последующие

два дня. От чистого сердца и от всей команды.

– Я ведь на работе.

– Вряд ли ваше место относится к должностям государственной, муниципальной, военной или правоохранительной службы. Так что никакого криминала. Дайте угадаю: вы бывший партийный работник?

– Да. А как вы...

– Случайно догадался. Перейдем к делу: как насчет хороших комнат для этих богатырей, готовых доблестно ковать победы на земле челябинской?

– Поможем, чем сможем, – заверила комендант и ловко скоммуниздила шоколадку. Я повернулся и одним только взглядом дал понять присутствующим о том, как нужно решать дела – сейчас нам все сделают по высшему разряду, если такой речевой оборот вообще можно применить к данному месту.

– Лучше б ты обольстил администратора в отеле получше, – с недовольством высказался кто-то. Похоже на голос Волчина.

– Что ж, заселим вас, как полагается. Не пять звезд, конечно, но...

– Не переживайте. Мы привыкли к спартанским условиям.

– Я еще подумала, чего ж вас так много – в Магнитогорске, что ли, полкомбината оголили? Хоть воздух там немного очистится. А вы, оказывается, спортсмены, – приготавли-

вала потрепанные журналы она.

– Паспорта гоните, – подошел я к хоккеистам. Все принялись лазить по ручной клади. – Можно было и заранее приготовить.

– А если ты кредит на нас возьмешь? Я не доверяю тебе свой паспорт, – заартачился Абдуллин.

– Эта тетушка не похожа на сотрудника банка, так что давай в темпе, – торопил вратаря Степанчук.

– Если только сберкассy, – хохотнул Бречкин.

– А недееспособным, Абдуллин, кредиты не выдают. Тебе бояться нечего, – я выхватил паспорт из его рук под улюлюканье окружающих.

Она принялась заглядывать в паспорта, заполнять журнал, а также мелом вписывать фамилии в разлинованные клеточки с номерами комнат на коричневой доске на стене, напоминающей школьную.

Все ожидали окончания процесса в холле. Когда почти все паспорта были просмотрены, комендант внезапно отвлеклась и пристально посмотрела на меня.

– Вас что-то беспокоит, Галина Степановна? – так ее звали.

– Беспокоит, – пробурчала она.

– Ну так скажите. Решим любую проблему, – заверил я.

– Мальчики ваши беспокоят, – стучала ручкой по столу она.

– Поверьте, они вызывают смешанные чувства у всех. И

они не совсем мои, слава Богу. Только в меру. Но я гарантирую, что неудобств они не создадут.

– Вы, Петр, сами-то от них недалеко ушли, – намекнула на мой возраст она.

– Я вообще-то человек ответственный и приличный.

– А я не об этом.

– Понятно. 16-летие никак не помешало мне стать ассистентом тренера и политруком этой своры, – немного оскорбился я.

– Я же, в отличие от вас, многое повидала в жизни. В том числе и на этом месте, – сложила руки на груди она, откинувшись на спинку креслица. – Чего я только не видела. А пацаны молодые. Симпатичные. На этом этаже гостиница, а вокруг все-таки общежитие. Не совсем спортивное. И не совсем мужское.

– И в чем проблема?

– Вы зря ему объясняете. Он не понимает связи, – произнес заглянувший в комнату Митяев.

– Прикуси язык!

– А девчонки на этаже симпатичные живут? – шутливо (или вполне серьезно) поинтересовался у коменданта Бradoбреев.

Я хлопнул кулаком по столу:

– Вышли отсюда. Оба!

– Видите, – показал на меня пальцем Арсен. – Об этом я и говорю.

– Галина Степановна, уверяю вас, что после игр и тренировок им будет не до девушек. Я переговорю с тренером, и эти двое получат особую программу.

Пока я уламывал коменданта не смотреть на нас подозрительно, в холле состоялась следующая сценка. Из дальнего коридора, ведущего в один из блоков, на хоккеистов поглядывали две девчонки в совершенно домашней одежде, с полотенцами, мылом и зубными щетками в руках. Улыбались, о чем-то шептались, поглядывали то на одного, то на другого. После долгой дороги многие пацаны притомились и девчат не заметили. Кроме Никиты Зеленцова и стоящего рядом Вани Пирогова.

– Гляди-ка, – ткнул локтем второго вратаря Зеленцов, указывая на девчонок. Те были не то чтоб писанные красавицы, но омерзения не вызывали.

– Ага, – без особого интереса отреагировал Пирогов. – Только не говори, что ты...

– Ты подумал о том же, о чем и я? – не спускал глаз с дам Зеленцов.

– Как раз наоборот, – ответил Пирогов. – Не думаешь ли ты, что сейчас, мягко говоря, не та ситуация, чтобы путаться с кем-то?

– А что мешает? – голова Зеленцова наполнилась всевозможными стратегиями физического овладения той, что слева, низенькой и светленькой девчонки. Вторая же обладала восточной внешностью: жгучая, смуглая, черноглазая. Такие

Зеленцова не привлекают – по крайней мере, трезвого.

– И что, и кто, – негодовал Пирогов. – Во-первых, у коменданта сидит человек, который тебе не только кайф, но и хребет за такое ломает. Или еще кое-что нужно, – взглядом Ваня указал на штаны. – Во-вторых, у тебя же девушка, разве нет?

– По первому пункту – пошел он в баню. По второму – думаю бросить ее.

– Как у тебя просто все.

– Вань, у тебя ракушка хоть что-нибудь защищает? Не до твоих проповедей сейчас, – отмахнулся Зеленцов и громко произнес. – Девчонки, вы из какой комнаты?!

Хоккеисты мигом обернулись в их сторону, а девушки тем временем стеснительно хихикнули и скрылись из виду.

– Если возникнут какие-нибудь проблемы, можете смело обращаться ко мне, – говорил я коменданту. – Можно на «ты».

– Прости, – с усмешкой твердила комендант, – но ты никак не производишь серьезного впечатления. Как-то не укладывается все это у меня в голове.

– А вас никто не просит понимать, – несколько злобно принялся вещать я. – Вам только нужно мне поверить. Но моя история слишком длинная, чтобы рассказывать ее сейчас. А сводится она к тому, что я умею находить подход, быть настойчивым и убедительным. И влиять на людей любыми, даже самыми изощренными средствами. Но исключительно

для их же пользы. И эти пацаны – не исключение. Они порой распущены, много отвлекаются, много думают, что держат мир на своих плечах и все им обязаны. А результат нужно показывать независимо от того, какое у тебя настроение, болит ли у тебя голова, дала ли тебе подружка вчера или нет. Мой подход приводит к заметным результатам, нежели простая тренерская установка – она действует в рамках ограничений в пространстве и времени. Я же распространяю свои установки на все остальное. Мне остается только приглядывать за ними и корректировать свою работу в зависимости от результатов. А что до собственной учебы – не волнуйтесь, я успеваю. Мне часто кажется, что я родился не в ту эпоху, знаете ли.

– И слушаются?

– Я работаю над этим. А если все выходит из-под контроля и люди не подчиняются, то моя задача всеми средствами дать им понять, как они заблуждаются, сделать так, чтобы они пожалели. И мой возраст здесь не помеха. За возрастом обращайтесь к тренеру. Порой и спортсменом можно не быть. Они лишь кажутся неуправляемыми – у каждого есть то, за что можно зацепиться, что заденет, поломает или поможет.

Командант молчала, переваривая сказанное.

– Я не тренер, чтобы бегать за вашими хоккеистами, учти, – предупредила она.

– Предоставьте это мне.

– Долго вы там еще?! – крикнул с холла Степанчук.

– Какой он у вас нелюдимый.

– Просто устал, – соврал я. Не говорить же, что он такой по жизни.

– Собственно, мы закончили, – сказала она и вышла со мной в холл, где огласила свод правил. – Мальчики! В комнатах не курить, кушать аккуратно, не сорить, огонь не разводить, в туалетах смывать, в душ по двое не ходить, окна не открывать, не шуметь, по этажам без дела не бродить...

– В азартные игры не играть, девок не водить, – резво продолжил Кошкарский под возмущенный взгляд коменданта.

– Тебе виднее, чем они любят заниматься, – обратилась ко мне Галина Степановна. Я пригрозил Степе кулаком. – У нас порядки такие: отбой в 22 часа, двери на этаж закрываются, ясно? Еще момент по заселению. Команда у вас большая, а полностью свободных комнат не так много, поэтому парочку человек придется отправить на другой этаж, а вас с тренером – в противоположный блок, в недавно отремонтированную комнату для особых случаев. Учитывая ваш приезд сегодня...

– Ха-ха-ха, надо же, «особый случай».

– А чем не особый? Путин вряд ли захочет туда заселиться, если приедет, – сказал Чибриков.

– Не очень хорошая дислокация, – выдал я, глядя на хоккеистов. Сторожить свору из другого конца общаги будет затруднительно.

– Учитывая ваше рвение, вы справитесь.

– Мы благодарим вас, – сказал я коменданту.

– Надеюсь на ваше благоразумие, – ответила женщина и удалилась в свою комнату, передав мне паспорта, списки и ключи. Выходило пять комнат здесь и одна внизу.

– Дабы не соединять самых буйных из вас в одних и тех же номерах, мне пришлось прибегнуть к сегрегации, – объявил я.

– К чему-у-у?

– Типа как с неграми в Америке? – спросил Глыба.

– Тебя за язык никто не тянул. Теперь будешь у нас ниггером, – произнес я и принялся раздавать ключи, попутно называя фамилии будущих соседей. Первым ключ у меня отобрал недовольный условиями гостиницы Степанчук.

– Мы же не в поезде, чтоб нас по билетам рассаживать, – заладил Волчин. Я проигнорировал его замечание.

– Так, кто там дальше? Пашу и Арса точно рядом селить нельзя. Иначе они камня на камне от этого здания не оставят, – комментировал я, зная, что они все равно подселятся друг к другу. Вскоре раздача ключей закончилась. – Все! Марш по палатам, – добавил при этом, что хоккеистам выдадут недавно купленное свежее постельное белье (благодаря моим стараниям). – Не засрите его, пожалуйста.

– Зря ты это сказал.

Тем временем самые любопытные уже провели разведку на местности:

– Общий туалет. Общий душ. Это треш, пацаны!

– Да, давненько не видал такого.

– Вы, бля, еще в комнаты не заходили.

– Кухня вообще как в коммуналке.

– Ладно, хватит, – прервал вздохи я. – Время позднее. В темпе раскладываемся и можно на боковую. Сил на две игры еще нужно набрать. Проверю всех через 15 минут.

– А как насчет поесть? – спросил ненасытный Никита Зленко.

– И помыться? – добавил Зеленцов.

– Да, Зеленый, согласен. С твоей шевелюрой из ванной лучше вообще не вылезать. Хорошо, – решил я, – 30 минут вам на все про все. Кто там кричал про душ? Отведите туда Зеленцова. И со всеми мерами предосторожности – мало ли, кто в нем подмывался. А Филиппов вон знает, где тут кухня... Пстойте-ка, у вас же целый баул жратвы? Или нет?

– Зачем ты про еду брякнул, дурачок? – сквозь зубы прошептал Митяев Никите Зленко. Арс опасался полноценного досмотра баула с едой, который не состоялся перед отправкой.

– Чего затихли?

– Боимся, что Зленко уничтожит весь наш стратегический запас за один вечер, – влез в разговор Митяев.

– Кажется, я начинаю понимать, зачем берете так много. Надеюсь, в нем не чипсы – это за еду не считается. Еда – это то, что можно приготовить вон там, на кухне, какой бы

допотопной она ни была.

– Разберемся, – сказал Патрушев.

– Чудно, – хлопнул в ладоши я. – Кстати, осталось 29 минут.

Толпа спортсменов на пятом этаже разбрелась по своим комнатам. Оставшихся я отвел на четвертый этаж и поселил в отдельную комнату, указанную комендантом. Я заметил, что она находится точь-в-точь над блоком, где расположились другие хоккеисты. За окном виднеется пожарная лестница – не отвесная, а с пролетами, образующими что-то вроде балконов на каждом из этажей, к которым по диагонали спускаются перила со ступеньками. Для верности я подергал створки древних окон: присохли намертво, а щели еще и заклеены газетами, чтоб не дуло. Форточка же довольно-таки узкая, чтобы протиснуться. Кажись, надежно, подумал я.

Сама комната немного вытянута. На стены нанесены жидкие обои голубоватого цвета, которые оставляют следы на руках и одежде. Дверь деревянная и, судя по всему, кривая либо просевшая – шоркает об приступок с характерным звуком: чтобы ее закрыть, нужно хорошенько дернуть за ручку чуть вверх. Однако желтый свет с коридора все равно просачивается в комнату через щелки. В номер влезает аж четыре кровати. Слава Богу, не панцирные (наверху как раз такие), хотя нынешние ушли не очень далеко от своих легендарных предшественников. В углу шкаф для одежды, благоухающий музеем древностей. С обеих сторон комнаты уста-

новлены две тумбочки, дверцы и ящики которых дышат на ладан. У подоконника стоят стол и два стула. Столешница наполовину пыльная, наполовину липкая. Клеенка прилагается. На каждой из кроватей лежат подушки и накрахмаленный набор белья: наволочки, простыни, полотенца, пододеяльник, а теплые зудящие одеяла прячутся в шкафу, где активно поедаются молью, хотя своих обогревающих свойств не теряют. Одеяла явно понадобятся, ведь в номерах прохладно, однако чугунные батареи при прикосновении обжигают, словно адский огонь. Неестественно громко гудит вентиляция. Занавески слегка покачиваются от сквозняков. Коридорный линолеум настолько изорвался и истончился, что под ним скрипят половицы, словно пол липкий, а каждый шагающий с трудом отрывает от него подошвы. А ходок вразд и вперед как слонов на водопой – предостаточно. Периодически слышатся чьи-то разговоры, шаги, стуки; веет куревом и нафталином. «Могло бы быть и хуже», – смекнул я.

По дороге обратно я надеялся, что наша со Степанчуком комната будет хотя бы на йоту лучше той, которую мне посчастливилось наблюдать. Я решил осмотреться в блоке: два холла соединены узкой перепонкой с аркой на кухню в центре. Кажется, там только вчера демонтировали печку: три раковины с вечно капающими кранами, три маленьких электрических плиты на ножках, два холодильника, гремящих как тракторы на посевной, вечно неприбранный общий стол, разбросанная посуда и утварь, разномастные табуретки во-

круг, полки для посуды, облетевший местами на полу и на стенах кафель, наспех сколоченный шкаф. В холле, помимо двух зашторенных окон, натыканы двери в номера. Там же на полу остались следы дивана и телевизора, исчезнувших в неизвестном направлении. Их место теперь занимает раскидистое дерево в кадке. Узким проходом зал соединяется с центральным холлом, выходящим на лестницу. В этом проходе таится укромный закуток для уборной. Общим помещением служит комнатка с раковинами и зеркалами – в ней, словно путеводный маяк, всегда горит свет. По обе стороны от нее узенькие двери ведут к унитазам такого вида, будто их разбирали и собирали обратно на скорость. Другие двери прикрывают темные душевые. Внутри имеются: кран с вентилями посреди стены, подвесной душ с засаленным шлангом и засорившейся лейкой, которая то и дело угрожает сорваться с крепей и поставить тебе фингал или шишку, а на полу зияет бездонная дырка. В противоположном блоке все как под копирку. Про легкий флер вообще молчу.

Когда я покинул комнату, Акмальдинов, Пирогов, Филиппов и голодный Зленко переглянулись.

– Вы не ощущаете ничего странного? – задался вопросом Денис.

– Да нет. Это ж общежитие.

Когда я зашел в нашу комнату, меня постигло разочарование: ремонт действительно свежий, но все остальное прежнее, лишь слегка освеженное. Степанчук с ходу заявил:

– Ты был прав. Это прямо, мать его, президентский люкс! Для главы банановой республики.

– Крыша есть, и хорошо, – я тихо опустил рюкзак с вещами на тумбочку, чтобы не производить лишних движений перед разъяренным тренером. Он явно ожидал отдельный комфортабельный номер. Никак не такой.

– Ты вот говоришь, мол, спартанские условия. А сам на спартанца не очень-то и похож.

– Главное, заснуть. И вообще я думаю о деле.

– А я типа не думаю?!

– Я этого не говорил.

– Знаешь что?! – Степанчук не в духе – все толкает его спровоцировать ссору с кем-нибудь поближе. Не свезло, как обычно, мне. – Это я буду думать о деле. А ты подумай об этом стаде. Самое время их проконтролировать.

– Но я только что от них, – запротестовал я.

– Голубчик, – в хамской манере парировал Степанчук, – пока ты шел сюда, эти оборванцы уже перетрахали половину общаги, ужрались в хлам и поразбивали друг другу носы. Надо – значит надо! Иди с миром, – уселся за столик лакомиться собственными припасами тренер.

У меня урчало в животе. Но я повиновался.

История третья. «Мужское и женское»

Здесь так все смешалось за последние годы, что толком никто уже не может сказать наверняка: где общежитие колледжа, а где гостиница, где студенческая столовка, а где замшелая парикмахерская. Именно из-за этой неразберихи две студентки Челябинского государственного колледжа Света и Амира оказались в своей комнате – не со всеми студентами этажами ниже и выше, а именно на пятом этаже. Как-то не задалось с простейшей арифметикой у тех, кто делил имущество колледжа и имущество гостиницы. Комната девушек стала статистической погрешностью, которую, исходя из норматива, необходимо оставить в распоряжении образовательного учреждения. Но это девчонкам только на руку. Вокруг гостиничных номеров, часто пустующих, все же спокойнее, чем среди сверстников на других этажах. Бывает, конечно, всякое и здесь. Вот, к примеру, сегодня умеренная общажная жизнь разбавилась приездом хоккеистов. Вокруг то и дело шушукались об этом, стараясь поделиться всем, что увидели, услышали или придумали о приезжих. Некоторые восприняли гостей негативно, мол, покоя никому не будет (хотя это получше дембелей или парочек, снимающих номер на час, или еще кого). В основном постояльцы гостиницы и обитатели общежития восприняли спортсменов с ин-

тересом.

Перед сном Света с Амирой обсуждали повседневные вещи, не выпуская приезжих из головы.

Укладывание в постель, как, впрочем, и подъем, у дам и у джентльменов различаются кардинально: первые устраивают тщательный и длительный церемониал, ибо столько нужно сделать, дабы выглядеть красиво; вторым же порой хватает двух минут на все про все (еще и с запасом), поэтому они особо не заморачиваются, не считая тех, кто фанатично следит за собой, упиваясь собственным нарциссизмом.

Девушки сидели на своих пока еще застеленных кроватях, заканчивая дела. Так, Амира, прищурившись, изучала тетрадь с конспектами, а Света ухаживала за собственным утонченным личиком, держа перед собой круглое зеркальце с улыбающейся китаяночкой на задней стенке. Во время подготовки ко сну – девушки спали в пижамах под теплыми одеялами – завязался непринужденный разговор. Часто такие диалоги сводятся к некоторым заезженным женским темам, в частности к обсуждению личной жизни.

Такая жизнь была у одной лишь Светочки, отчего Амира, естественно, подружке завидовала, пытаясь временами (из благих побуждений) указать ей на несовершенство этой самой жизни. Тут опять-таки вмешиваются различия между мужчинами и женщинами: если есть крепкая мужская дружба, где любые возникшие разногласия решаются обоюдным проставлением фингалов и последующей примирительной

попойкой, то у женщин в данной ситуации тысячи вариантов, включая нож за спиной и улыбку на лице. Не подумайте ничего такого – они подружки не разлей вода: за время совместного проживания притерлись друг к другу, потому что ссориться на общей площади невыгодно ни морально, ни экономически.

Света приехала учиться из Коркино. Оттуда до Челябинска рукой подать, но девушка настояла на самостоятельной жизни в общежитии вместо ежедневной траты времени и денег на дорогу туда-обратно. Однако каждые выходные она тактично смывалась в родительский дом с целью пополнения запасов для продолжения «самостоятельной жизни».

Амира приехала из Средней Азии. В ее ситуации по родителям больно не поездишь. Она хотела вырваться от религиозных предрассудков и отсталости по-особенному ярко – это тебе не на автобусе от Коркино до Челябинска кататься. Что бы ее не ожидало в России, Амира была готова с этим мириться. В противном случае – выводок детишек в свои 18 лет, широкий халат с паранджой и шароварами, неоконченная школа в кишлаке, безмолвие и бесправие на всю жизнь. В России многие все больше заикаются об эмиграции в Европу или Америку. Для Амиры, денег у которой хватило доехать лишь до Челябинска, столица Южного Урала стала глотком свежего воздуха, как бы дико и парадоксально это не звучит. Она всеми силами ухватила за этот шанс. А в лице своей соседки Светаньки она видела некий путеводный

огонек в чужой стране. Но чем дольше она жила в России, тем меньше оставалось стеснения и тем больше проявлялся ее горячий восточный нрав. Язык Амира знает хорошо: в их кишлаке к тому времени еще не выветрился советский душок. А когда начала учиться в шараге, выяснила, что знает его лучше некоторых русских.

Миниатюрная милашка и недотрога Светлана тоже не так проста, как кажется на первый взгляд. Ее жизнь периодически выдает такие невероятные кульбиты, что бывалые циркачи глаза зажимают. Девчонка она хозяйственная, легко увлекающаяся и тонко чувствующая натура, которую часто бросает то в жар, то в холод. Амира то успокаивает подругу, ревущую сутки напролет, то оберегает свои длинные черные волосы от цепких Светиных ручонок.

Очередной кульбит связан с амурной стороной жизни Светланки. Выразилось это в слегка затянувшейся интрижке с 23-летним Витей. Зародилась она благодаря парочке лишних бокалов, которые на следующее утро обеспечили Светочке легкий шум в голове и тихую панику от опутавших ее стан объятий незнакомого паренька, к тому же противно храпящего. Витя – неотесанный и недалекий проходимец, дите своего района. Как говорится, бери больше и кидай дальше.

После инцидента Света пару дней не выходила из комнаты – Витек же ходил по белому свету вприпрыжку, задирая нос к солнцу, ибо Светочка на всем потоке была самой сладкой, красивой, вожаденной и неприступной. Откуда ж он это

знал, если уже который год как не учился в шараге? Ответ на этот вопрос идентичен ответу на другой: а где, собственно, Светочка позволила себе такую вольность? На дне рождения Глеба, знакомого Светы и Амиры по колледжу и по совместительству младшего брата Витька. Амира тоже приложила к этому руку, правда, совершенно случайно. Она затащила соседку на тусу, дабы развеяться за компанию, хотя шла на мероприятие исключительно для общения с парнями, внимания которых ей вечно не хватает. Амира из кожи вон лезла, чтобы завести хоть какие-нибудь отношения с противоположным полом, но узбекская внешность почему-то многих отталкивала, привлекая одних лишь нелегалов-соотечественников, что Амиру нисколько не прельщало. В итоге она невольно сделала подруге какую-никакую личную жизнь, вновь оставшись не у дел.

В тот злополучный вечер на хате хитрый, пронырливый, ядовитый, низкорослый, с коротко стриженными обесцвеченными волосами Глебушка как специально подливал Свете в бокал – уж больно она зажата на его безудержной вечеринке. Однако в самый разгар веселья поздравить именинника завалился уже поддатый Витек. Глеб, будучи младшим ребенком в семье, в тысячу раз смысленнее и хитрее своего недалекого родственника. Видимо, в качестве шутки он то и дело обращал внимание братишки на Свету, подсаживал к ней, подстрекал. И случилось то, что случилось.

Светлана хотела под землю провалиться. Жертва обсто-

ательств переживала, плакала, не могла поверить в свою ошибку. Совсем не так она представляла своего суженого и свой «первый раз». Витек, кстати, искреннее недоумевал, почему Светочка исчезла с радаров. И как такого родителям показывать? Испортил девку, скажет мама. Пойду возьму топор, скажет папа. Витек перебивался случайными заработками, попутно скрываясь от военкомата. Не самая лучшая партия для обладательницы титула «Маленькая мисс Коркино-2006». Но вы недооцениваете Свету.

Однажды она все же собралась с силами, вытерла слезы, попросила Господа Бога дать ей твердую уверенность в том, что засранец предохранялся, взяла за шиворот Глеба и узнала, где можно поймать его горе-брательника. Спустя минуту она уже на всех парах неслась к Виктору, твердо решив обрубить порочную связь, забыть об этом недоразумении и жить дальше. Важно было обозначить, что их дальнейшие отношения по определению невозможны. А если он начнет докучать или возмущаться, следовало вежливо напомнить ему, что в противном случае он сядет за интим с несовершеннолетней без обоюдного согласия.

Света летела в указанное Глебом место, приговаривая про себя заученные фразы и пытаясь предугадать ответы Вити. Но вот незадача. Выбежав из-за угла, она остановилась как вкопанная. Перед ее взором раскинулась стройплощадка. Наступление холодного времени года стройку заморозило практически на нулевом уровне. У залитого наполовину

фундамента и у заколоченной будки сторожа, в снегу, перемешанном с грязью, беспомощно валялся Витек, из последних сил прикрываясь от разящих ударов. Трио неизвестных отморожков нехило дубасили его руками и ногами. Вроде бы не ее это дело, так ему и надо и все такое прочее. Но девушка воспитывалась порядочными, добрыми и отзывчивыми людьми и не могла остаться в стороне. Она прекрасно понимала, что это намного серьезнее, чем перевести бабушку через дорогу. Но что-то внутри нее замкнуло. Она набрала воздуха в грудь, расстегнула единственную зимнюю куртку, распростерла руки в разные стороны и с истошными криками понеслась в сторону дерущихся:

– Стойте! Стойте! Перестаньте! Ради Бога! Прекратите!!! – кричала она.

Напавшие на Витю увальни даже слегка опешили от неожиданности, как, собственно, и сам виновник происшествия, когда запыхавшаяся девчонка со слезами на глазах всем телом рухнула на Витю, закрыв его как от гранаты, несвязно и с надрывом умоляя нападавших сжалиться и прекратить. Света не помнила себя – ползала вокруг них на коленях, месила грязь, жадно хватая ртом морозный воздух.

Предводитель налетчиков жестом остановил сообщников и проронил одну-единственную фразу:

– Женщин не трогаем.

Он отозвал своих парней – нападавшие мигом скрылись, будто ничего и не было. От облегчения Света охнула и снова

свалилась на лежащего Витю. У нее бешено колотилось сердце, от глубоких вдохов вздымалась грудь. Девушка внезапно ощутила невообразимую легкость, приятную сладость от миновавшей угрозы и выполненного морального долга. Виктор, впечатанный в землю где-то под ней, показался Свете таким беспомощным, таким слабым, нежным, униженным, словно маленькое дитя, потерявшее из виду маму и нуждающееся в опеке и любви. Обычному человеку – никак не возбужденной Свете – такой 90-киллограммовый боров, как Витя, беззащитным ребенком априори показаться не может. Она же даст ему эту любовь, помощь, защиту, опеку.

Самого виновника побоища одолевали смешанные чувства: так бы его отмудохали сейчас, и должок погашен. А теперь его еще и презирать будут за то, что он прикрылся девчонкой, и все равно отмудохают позднее. Тем не менее приятно, что именно Светик свалилась ему на голову в столь неожиданный момент – буквально и фигурально. Откуда она взялась, его как-то не заботило. Ее не беспокоило, по какой причине Глеб оказался поразительно точен в определении места нахождения брата. Виктор тоже проникся к спасительнице истинными чувствами (представляете, до этого момента он сомневался). Так проникся, что чуть не словил стояк. Света же так распереживалась, что напрочь забыла о своих изначальных намерениях.

Светик и Витя – яркий пример невнятных отношений: он держался за надежный тыл в лице Светы, которой можно

прикрыться. Либо упоминать о ней можно как о супруге с целью разжалобить врагов; иногда от нее перепадает немного неуклюжего интима. Ей же управляет чувство долга как перед подобранным в канаве котенком – никак не чувство любви к неотесанному бугаю, к которому она, к сожалению, успела прикипеть и которому сохранила пару ребер: куда ж он теперь без нее, пропадет ведь. Получился какой-то челябинский ремейк мультика «Красавица и чудовище», очень неуклюже интерпретированный.

Как выяснилось позднее, Витя, в отличие от брата, умевшего выплыть из любой передрыги да еще и перевернуть ее в свою пользу, был человеком-карикатурой, человеком-катастрофой. Он с завидной регулярностью вляпывается в различного рода истории. Одним словом, попадает: в передрыги, на деньги, в ментовку. А Света каждый раз беззаветно несется за ним, то и дело пытаюсь наставить непутевого на путь истинный. Витя же напоминает того самого кота: подросшего, избалованного и продолжающего систематически гадить в горшок с фикусом, совершенно не понимая, что хозяйка когда-то спасла его от гибели. Не лишним будет заметить, что больше половины всех Витькиных проблем – результат тонкого подстрекательства Глеба.

Не вынося тягот молчания, Света делилась с Амирой перипетиями своих «высоких» отношений.

– Как там у тебя с Витей? – как бы невзначай спросила Амира.

«Зря ты спросила, – недовольно подумала Света. Вернее, лучше так. – Уж лучше б ты не спрашивала».

На сей раз непутевый Витька задолжал: по глупости и по-крупному. Чтобы отдать долг (с нехилыми процентами), он носился сломя голову по платежеспособным друзьям и родственникам, примечал любую деланку, где гарантирована оплата. Зная губительное усердие суженого, Светлана замечала, что денежного выхлопа от его метаний практически нет. Прибавлялись только синяки, а силы уходили. Она, естественно, тоже подключилась к поиску денег для неизвестных кредиторов. Счетчик тикает, а собранная сумма за ним не поспевает.

Выслушивая подругу, Амира недоумевала, а почему Светик не спросит у него, с какой целью он вообще занимал: «Наверняка скажет, что ей на подарок. А по дороге украли, обманули и все в этом роде. Осел!» – думала она.

– ... Вот он мне вчера заявил, что нашел какое-то там сто-процентное дело, которое закроет финансовый вопрос, – поделилась Светочка.

– И что за дело?

– Не говорит.

– Нечисто все это. Вяжется твой Витя в большой криминал, и пиши пропало.

– Не вяжется, – отмахнулась Света.

– Не слышу уверенности в голосе. Разве можно ему верить?

– Нечего на него наговаривать. Ты вот бесишься, что у тебя нет никого. Завидууй молча.

– А чему завидовать, Свет? Оставила бы ты его. Так ему и надо. Сколько он нервов из тебя вытянул? Глядишь, он и тебе криминал какой пришьет – не отмоешься, – твердила с небольшим акцентом Амира, расчесывая свои волосы.

– Какие слова-то ты знаешь.

– Бобо в милиции в Ташкенте работал еще при СССР. Честное слово, – отвлеклась от расчески она, – тебе не надоело так жить? Каждый день – история. Каждый день – волнения. Ты только все о нем да о нем. А о себе подумать не хочешь? – Светик молчала. – Помяни мое слово. Однажды он нас обнесет или тебя под удар подставит.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Ты еще и спрашиваешь? – удивилась Амира. – Ты симпатичная, усердная, талантливая кыз. Найди себе достойного парня, а не это недоразумение. Ты не заложница.

– Да где ж их сейчас найдешь? – Света задумчиво посмотрела в окно, впервые за долгое время допустив мысль о разрыве с Витей.

– Тебе труда не составит. Полный колледж парней. Да и посмотри, сколько хоккеистов вокруг, – намекнула Амира.

– Еще чего.

– Ничего ты не понимаешь.

– Больно ты понимаешь. Давай, расскажи мне тогда. Ташкент ведь самый хоккейный город на планете.

– Хоккеист – это идеальный вариант.

– Они же с другого города.

– Они команды меняют как перчатки. Не перебивай меня.

Я слышала, что они всегда при деньгах, всегда в отличной форме и целый год при деле. Мечта.

– У этих вряд ли многомиллионные контракты, – выразила сомнение Света.

«Высоко же ты себя оценила, подруга», – подумалось Амире.

– Все еще впереди. Чтобы что-то получить, нужно что-то вложить. Поверить и сделать первый шаг.

– А сама чего не попробуешь?

– Ты что, нет-нет, – смуглая Амира покраснела. – У меня религиозные убеждения, ты знаешь.

– Прекращай лапшу мне на уши вешать. При чем тут они? Убеждения убеждениями, но я видела, как ты на того кудрявого поглядывала...

И тут откуда ни возьмись именно тот, о ком идет молва, возник перед двумя девушками практически в неглиже: в одном лишь полотенце и сланцах, обаятельно и вальяжно упершись локтем об дверной косяк и поигрывая бицепсами. А будь дверь закрыта на щеколду, Зеленцов выдрал бы ее с корнем.

Сразу же в душ и сортир выстроилась очередь. Многие

постояльцы, заметив такой ажиотаж к самому популярному месту на этаже, решили повременить с визитом туда, а в некоторых случаях – перетерпеть.

В очереди на водные процедуры всех обошел Паша Бладобреев, одним махом скинув с себя шмотки и вскочив в душ прямо перед Зеленцовым. Неутомимый Паша при этом еще и язык со средним пальцем всем показал.

– Говнюк, блять! – выругался Зеленцов.

– Знаешь, – подошел к нему Зленко, – ты пока весь свой корм для скота на голове переворозишь, час пройдет. А мы искупаться хотим. И поскорее.

– Я, кстати, за Паханом занимал, – вальяжно прошагал мимо Митяев.

– Да вы издеваетесь?! – выцедил Зеленцов.

– А я давно тебе говорю – избавься уже от этой прически, – в довесок напомнил о себе Толя Костицын, сидевший на диванчике в холле.

– Вот вы, значит, как?! Хорошо, – стиснув зубы, Зеленцов принялся за дело: под нечленораздельные напевы Бладобреева из душа Никита резво собрал все вещички хитреца и завернул их в его же полотенце. – Поделитесь с ним чем-то своим – я вас порешу, – пригрозил он. – Посмотрим, как он из ситуации выпутается... с голой-то задницей, – Никита побрел в сторону противоположного блока.

– Куда ты?

– Это, наверное, не единственная душевая на все здание,

так? – ответил Никита. Зленко с Костицыным переглянулись – почему они не догнали об этом сразу?

В душевой соседнего блока несколько получше, нежели в предыдущей, у которой толпится вся команда. Главное, в этой никого. Зеленцов расслабился и смог наконец неторопливо принять душ, чтобы никто на пятки не наступал. Под обильной струей горячей воды, заполнившей всю душевую паром, вместе с потом и прочей накопившейся за день грязью Зеленцова мигом покинули и навязчивые негативные мысли, в последнее время довольно часто его посещающие без причины. Вместе с ними ушла и злоба, которая бурлила в нем постоянно, то и дело захлестывая на необдуманные поступки, причинение кому-нибудь боли или яростное крушение всего вокруг. Ох, как же он любил силовые тренировки в зале – там это все уходило в небытие. Все чаще в последние месяцы нервишки Зеленцова поигрывали внутри него тяжелый рок. Хотя внешне и не скажешь. Однако невольная выходка Брадобреева с душем едва не вывела Никиту из себя – он почти что решился схватить кудрявого проходимца за волосы и разбить ему рыло об умывальник.

Вода вернула Никиту в нормальное состояние. Длинные волосы мигом окутали его голову, будто платок. Раздвинув их руками перед зеркалом, Зеленцов посмотрел на себя и коварно улыбнулся. Он принялся старательно тереть свою шелуху – обычно после такой процедуры полотенце можно отжимать. Прodelывая привычные процедуры, паренек вне-

запно оживился, припомнив, что где-то в этом блоке проживают те самые девчонки, которые не спускали с него глаз в холле.

Повесив полотенце на шею, он погладил себя по щекам и подбородку, отошел подальше и вновь посмотрелся в зеркало. В отражении он увидел высокого, стройного, атлетичного и обаятельного блондина:

– И кто же посмеет тебе отказать, а? – спросил у своего отражения он.

Не зная наверняка, в каком из номеров живут девушки, Зеленцов мог проверить каждую из комнат, пока не обнаружит нужную. Расправив плечи, он неторопливо зашагал по коридору, оглядывая двери номеров с прищуром хищника-обольстителя, разыскивающего жертв почти что по запаху. В левой руке он сжимал сверток – полотенце с вещами Брадобреева, воображая, сколько ору последует от Пашки.

Зеленцов разгуливал по общежитию в одном лишь полотенце – в какую бы дверь постучать? «А чего стесняться?» – подумал он, как бы наперед отвечая на безмолвный вопрос о его виде от какого-либо случайного постояльца.

Полноценное общение с девушками и сигнал на взаимность сделали бы его день. И, кажется, он выбрал ту самую дверь, приготавливаясь к штурму, напору и бесцеремонности.

«Облачи его в костюм, и хоть сейчас под венец», – Света уставилась на полуобнаженного хоккеиста в дверях. Ее мыслям вторили соображения Амиры: «Ты о чем? Какой костюм?» Светланка пояснила: «В полосочку». Амира воскликнула: «Какую, блин, полосочку?! И так огонь».

Вождеделение на своих лицах девчонки хотели скрыть удивлением и испугом. Безрезультатно. Их выдали глаза – они впились в Никиту как стрелы.

Зеленцов такие взгляды распознает на раз-два: «Легкая добыча!»

– Привет, девчонки!

Такое впечатление, что две подружки вот-вот обратятся в ненасытных зомби, набросятся на Никиту и сожрут его, словно тот только из армии демобилизовался: «Да уж, вы обе явно по кое-чему изголодались. Вот и ваше спасение пожаловало».

– У вас случайно... фена не найдется? – спросил он, врубив развязность и обаяние на полную. Среди вариантов были: мыло, гель для душа, кондиционер для волос. Хоккеист ждал, что дамы сорвутся с места, чтобы угодить объекту желания. Самодовольный черт. – А то с этим по-другому не справиться, – улыбнулся он, показывая на бесформенную копну волос на голове.

Света с Амирой переглянулись. Не успел Зеленцов продолжить атаку, как из соседнего блока послышались звуки возни и дичайшего смеха. Кажется, Пал Палыч соизволил

наконец покинуть душевую, прикрывая ладошками самые непотребные места под громкое ржание братьев по оружию.

Судя по хлюпающим звукам мокрых тапок, Брадобреев летит сюда. «Кто-то явно меня сдал», – подумал Никита. Неугомонный Павлик может и голышом сюда заявиться – тогда-то план Зеленцова по обольщению девчонок пропал.

Разъяренный Брадобреев, зацепившись за угол, проскользил на повороте, чуть не шлепнувшись на пол. С него обильно стекала не успевшая высохнуть вода. В его поле зрения – один только Зеленцов, с которым необходимо поквитаться: стереть загадочную ухмылочку с его лица. Комплекции у них не совпадают, однако Пашу это никогда не смущало.

– Ну чего, мочалка ходячая, готовить умеешь?! Забрало свое приготовь мне! – потребовал Брадобреев, угрожающе приготовив кулаки.

Однако Зеленцов уже потерял к Павлику интерес и хотел отдать ему вещь, за которой тот и прилетел – трусы. Никиту возмущало другое:

– Какая скотина одолжила тебе полотенце?!

– Неважно! Сейчас я твое спущу!

– Валяй! – раскинул руки Зеленцов, играя на публику. – Мне стыдиться нечего. А вот тебе голышом прогуляться бы не мешало.

– С удовольствием выкину тебя на мороз, гнида! – прорычал Паша и в неистовстве бросился на Зеленцова, словно на зазевавшегося у бортика соперника.

Прижимная сила у Брадобреева достойная. Они сцепились напротив открытой двери как борцы сумо. Однако Павлик первым ослабил хватку, увидев, что за ними наблюдают. Он выпрямился, провел пальцами по мокрым волосам, напряг мышцы пресса. Как и Никита ранее, он расслабленно облокотился об косяк, вызвав смущенные смешки у девчонок.

– Добрый вечер, девочки, – ласково поприветствовал Брадобреев.

Света с Амирой все же решились начать диалог:

– Мы не хотели мешать вашим разборкам, мальчики. Продолжайте, – пошутила Амира.

Паша зашел в комнату и тихо спросил:

– Хотите, чтобы я крови пустил этому столбу? – он показал пальцем на Зеленцова.

Света захихикала. Брадобреев с серьезной миной повернулся к ней, уточнив, сказал ли он что-то смешное.

– Прости. Просто ты не похож на борца. Не знаю твоего имени...

– Павлик. Паша. И лучше вам не знать, каков я в гневе, – заявил он, что вдобавок рассмешило и Зеленцова.

– Знаете, это вообще разовая акция, – заявил Никита, пройдя в комнату. – Вообще мы в команде друг за друга горой. Бывает, иногда подкалываем коллег для стимуляции, – Зеленцов внезапно взял Брадобреева в удушающий захват и принялся усиленно тереть кулаком тому по макушке. В

мгновение ока Паша освободился – теперь уже Зеленцов, свернувшись в три погибели, невинно улыбался в захвате 55-го номера «Магники-95».

– Да-да, – подтвердил Брადобреев, – мы друзья. Определенно.

– Кстати, это твое, – Зеленцов протянул Паше боксерки с какими-то аляпистыми мультяшными рисунками и надписями, чем слегка вогнал кудрявого в краску перед дамами.

– Я и без них справлюсь, – заверил Брადобреев, ослабив хватку. – Как видите, девчонки, дело не в размере, а в силе.

С этого момента меж парнями началось негласное соревнование за обладание женским вниманием. Никто не хотел отставать друг от друга в остроумии. Света и Амира точно не заскучают: давненько им не было так весело и занятно, давненько их персоны не пользовались столь настырным мужским вниманием.

– Ты не прав.

– Хочешь проверить? Девчонки же нас рассудят? – Пашка, загадочно улыбаясь, поочередно посмотрел на каждую игривым взглядом.

– Не будем ссориться, мальчики. Ситуации разные бывают.

– Паша просто мелкий. Вот и комплексует, – провоцировал товарища Зеленцов.

– Иди потолки обтирай, увалень! – ответил Никите Брადобреев. – Здесь на вкус и цвет, как говорится. Все это теория.

А вот на практике... – Пашка пододвинулся к Амуре практически вплотную – от оголенного мужского тела (еще и после душа) она таяла как мороженое в жаркий летний день. – Вот скажите: кого из нас двоих вы бы выбрали? Меня или Никиту?

«Не в бровь, а в глаз», – подумал Зеленцов.

– С какой целью интересуешься? – включилась в разговор Светка, прекрасно понимая, к чему тот клонит – быть легкой добычей она не желает. – Хорошая компания – это главное. Вы нам симпатичны оба.

– Это все лирика! – объявил Павлик. – На этот вопрос только один ответ. Мы хотим узнать – это принципиально для нас. Кого бы вы выбрали?

– А ты настойчивый, – отметила Амира.

– Они бы выбрали меня! – послышалось со стороны дверей. Все резко обернулись и узрели третьего хоккеиста в одном лишь полотенце, опять же облокотившегося на пресловутый дверной косяк.

«Чего ж ты дверь не закрыла?» – взглядом спросила Светик.

«Аналогичный вопрос к тебе», – тем же взглядом ответила Амира.

«Я третьего не переживу, честное слово, – мысленно забеспокоилась Света. – Еще немного, и они всей командой сюда припрутся. Как пчелы на мед. Не отвертимся».

Амира же позиционировала себя гостеприимнее и развяз-

нее. Ибо у нее этим вечером сектор «Шанс» на барабане.

– Ну и стриптиз! – воскликнула Амира.

В дверях стоял Арсений Митяев. Демонстрация силы и тела, словарного запаса и умения кадрить девок пошла по третьему кругу.

«Неужели опять?» – подумала Света.

«Расслабься и получай удовольствие. Когда еще у нас будет такое общество, – мысленно парировала Амира. – Это тебе не подзаборный сброд Витька твоего».

Митяев прошел в комнату в свойственной ему манере: неприлично повиливая бедрами, вырисовывая окружности широкими плечами, слегка оттопыривая пятую точку. Вернее, он лишь хотел так продефилировать перед всеми, но боковым зрением заметил, как из комнаты в конце коридора выхожу я, уставший и раздосадованный. Все как-то позабыли, что находятся в непосредственной близости от собственных надзирателей. И что они здесь собирались творить? Прямо под носом у тренерского штаба?

Под конец дня я был разбит, оттого особо не приметил, как засверкали пятки Арсения и как захлопнулась дверь за ним. Митяева спасла мгновенная реакция.

– Твою мать... – прошипел он.

От неожиданности Никита и Паша соскочили с кровати. Света с Амирой настороженно переглянулись.

– Устроили здесь выборы, значит? – выцедил Арсений. – А ничего, что Степанчук с Елизаровым через три двери? –

пацаны молчали. – Понятно, нечего сказать...

– Сам-то чего сюда приперся? – начал Зеленцов. – Неужто к Петьке шел?

– Ебало завали, – Митяев припал к дверям и прислушался: самый трескучий линолеум в мире возвестил о том, что я, минуя злополучную комнату, переместился в центральный холл.

– Кто там? – Света спросила выпрямившегося как стрела Зеленцова.

– Дьявол, – сказал он без капли шутки.

– Тише, – прислушивался Арс.

– Ежу понятно, что он уже ушел. Нечего там слушать. У двери сердца нет, – сказал Брადобреев.

– Я тебя сейчас на разведку отправлю...

Я миновал центральный холл и прошел к коменданту, дабы узнать, где тут обитают девицы, которые потенциально могут ответить взаимностью хоккерам. Спортсмены чересчур открыто и развязно разгуливают по этажу в неглиже.

Только я очутился в комнате Галины Степановны, как она с ходу набросилась на меня:

– И что это за дела?!

– Вы о чем?

– Тут еще, слава Богу, приличное место. Но то, что в коридоре творится...

Я еле сдержал зевок:

– Людям же надо ополоснуться с дороги. А в ваших ду-

шевых и туалетах помещается только по одному моему бандар-логу. Да и не видит никто.

– Я вижу!

– Рад за вас. Вспомните молодость.

– Ты мне еще и хамить вздумал? – сложила руки на груди нахмурившаяся комендант.

– Виноват, – извинился я. – Это было лишнее.

– Говорю тебе, сейчас все вертихвостки района сюда слетятся. Нужно срочно принять меры.

– Кстати, о вертихвостках. Есть ли такие в непосредственной близости от нас?

– Здесь тебе не бордель.

– Я этого не говорил. Вы первая употребили это слово.

Комендант осеклась.

– За постоялиц я, конечно, ответа держать не буду. Но на этаже в одной из комнат студентки колледжа живут.

– Вот оно! – встрепенулся я. – Номер комнаты?

– Но я за них ручаюсь. Девушки приличные, надежные.

Ни в чем порочном не замечены.

«А вы наблюдательны, Галина Степановна, – подумал я. –

Даже излишне».

– Ясно. Чистота и пугает больше всего. Хлопцы способны на все. И неважно: чисто или грязно, хотят или не хотят, умные или тупые, – я выудил номер комнаты студенток с намерением переговорить с ними.

– Переговори сначала со своими.

– Будет сделано.

– Девчонки у себя. Ключей нет. Они у меня их оставляют.

– Было бы странно, если б такие хорошие особы где-то шлялись поздним вечером, ведь так?

Я проследовал к душевым и заметил, что уже практически все успели насытиться местными бытовыми условиями (несколько специфическими) и уже рассредоточились по номерам. Оставшимся я сказал:

– Я понимаю, конечно, что гормоны, тестостерон и все такое. Тянет показать себя, похвастаться...

– Тут не монастырь, – прервал меня Патрушев. – Никто не запрещает.

– Делайте это сдержаннее. А то внизу уже потоп, – подмигнул я.

– Поменять бы тут сантехнику, и потопов не будет, – отметил Вова Шабашкин.

– Да он про девчонок, голова ты садовая! – догадался Кошкарский. – Не бзди – никого не тронем, – он похлопал меня по плечу (рука была мокрая).

– Я не верю ни единому твоему слову, Степа. Сотри эту улыбку со своего лица и вали в номер, а то развалился тут на диване. Иди-иди, – согнал его я. – Никто не клюнет на тебя.

– Я бы дал тебе пару уроков, Петруха, чтобы кто-нибудь клюнул на тебя, – бросил он мне напоследок.

– У вас меньше пяти минут! Где Митяев, кстати? Давно его не видал, – озадачился я.

– На толчке, наверно, – ответил Чибриков, машинально прикрывая товарища, даже когда делать этого не требуется.

– Богдан, попрошу тебя проконтролировать, чтобы он там не уснул, – сказал я и отправился к заветной комнате, в которой проживают студентки колледжа.

Брадобреев наблюдал за моими передвижениями, на миллиметр высунувшись из-за угла. Говорил я громко, что помогало ему держаться от меня на расстоянии, но при этом все слышать. Стало ясно, что они в ловушке, ибо любое их появление в том крыле могло быть истолковано неправильно.

– Мы пропали. Он выяснил, где на этаже девчонки живут, – доложил Брадобреев. – Сейчас придет.

– Мы еще кого-то ждем? – якобы ничего не понимая, уточнила Светлана.

– Такого гостя нам точно не хватает, – съязвил Паша.

– Окна не открываются? – уточнил Зеленцов.

– Ты смеешься? – повертел пальцем у виска Митяев.

– Не открывайте никому. Скажите, что не одеты, что уже спите, – обратился Никита к девушкам.

– Кому? – не понимала Света.

– Что будет, если вас застукают? – к сути дела Амира приблизилась больше.

– Даже знать не хочу, – огрызнулся Митяев.

– Если совсем просто, то будет не очень хорошо, – пояснил Никита. – С недавнего времени в нашей команде особый

режим – строгий.

Амира предложила:

– Надо ему открыть.

– Да, – поддержал Паша. – Я его вырублю, и мы спасены.

– Ты придурок?! – не сдержался Арсений.

– Если мы откроем, он убедится, что тут чисто, и потом не сунется. Кто бы это ни был, – поддержала подругу Света.

– Если все обойдется, то я тебе обязательно расскажу, – пообещал Зеленцов.

– Это сработает, если тут есть погреб, куда мы все поместимся, – отреагировал на идею Митяев.

Павел прильнул к двери, прислушиваясь к треску линолеума.

– Как тебя зовут, красавица?

– Света.

– Света дело говорит.

– Мы спрячем вас, – заверила Амира.

– Чтобы мочалку спрятать, надо его на три части разрезать, – сыпал скептицизмом Митяев.

– Арсен, очнись. Она хоть что-то предлагает, – заявил Зеленцов.

– Ладно. Если спалимся, в табло ему дам я, – решился Митяев. – Свои люди – сочтемся.

– Сильно, – оценил решение Арсения Никита.

– Кажись, идет.

– Паш, – вдруг сказала Амира.

– Чего?

– У тебя вот-вот полотенце слетит.

– Не беспокойся, дорогая. Ему есть, за что держаться, – подмигнул ей Брадобреев.

Амира со Светой указали хоккеистам, где схорониться. Паша с Арсением нырнули под кровати, а Никиту запихнули в шкаф, который своим скрипом и хрустом молил девушек сжалиться над ним.

– Сучонок ты, – прошептал Брадобрееву Митяев за фразу про полотенце.

– Прикройся одеялом – типа не одета, – толкнула Света Амиру.

Зеленцов трещал вешалками в шкафу.

Света выпрямилась у дверей, подготавливаясь схватиться за ручку, ибо звуки шагов слышны все отчетливей.

– Он, как и вы, мастер стремительного пикапа?

– Как раз наоборот, – заметил Митяев.

– Это мы еще не размялись, – отреагировал Брадобреев, выглядывая из-под кровати.

– А это был сарказм, – кинула в ответ Света.

– Черт, она мне нравится все больше и больше, – произнес Павлик.

– Т-с-с-с!

Я подошел к двери указанного комендантом номера. Постучался. И мне сразу же открыли. На лице утонченной блондинки с губами бантиком и заплетенным хвостиком я

будто узрел некое разочарование. Света ожидала увидеть внушительного, грозного, злобного надзирателя. Но никак не меня. «Да какой же из него мучитель? Типичный школьный ботан», – подумала она.

– Вечер добрый! Дико извиняюсь, что поздно. Не помещал? – вся моя харизма от усталости практически выветрилась.

– Мы почти уже легли, – недовольно отметила Света. Другая особа восточной внешности позади нее тряслась под простыней.

– Тем не менее открыли вы мне за секунду. Кого-то ждете?

– Комната маленькая так-то, – пыталась объяснить она, а потом и вовсе пошла в наступление. – Что вообще за допрос? Ты кто?

– Странные вы. Сначала открываете, а потом спрашиваете.

Неужели Светин соперник (то есть я) уже все понял и раскусил ее?

– В таком случае я имею право закрыть дверь.

– Прошу прощения еще раз, – отключил подозрительность я. – Мне не стоило так говорить. Меня зовут Петр. Я ассистент тренера хоккейной команды «Магнитка-95». Мы приехали на выездные игры и заселились здесь.

– Я знаю.

Ее выпады жутко отвлекают – слова и без этого трудно вяжутся в моей голове перед столь симпатичной особой.

– Так вот, мои ребята...

– Постой-ка. За кого ты нас принимаешь? – возмутилась Света. По ней прямо-таки плачет МХАТ.

«Во дает! – думалось Арсению. – На уровне она его дрючит». Петр толком ничего не сказал, а она уже обвинила его в том, что он принял их за проституток.

Меня вынудили извиниться вновь. Надо срочно брать себя в руки.

– Вы не поняли. Все как раз наоборот. Я хотел бы обратиться к вам и к вашей подруге с предостережением. Вернее, с добрым советом: не путаться с этими парнями.

– Надо же – пришел откуда-то и оскорбляет. Что ж ты так своих хоккеистов оберегаешь?

– Я призван следить за дисциплиной в команде.

– Они заразные, что ли? Почему нам запрещено с ними путаться?!

У Паши чуть не вырвался смешок.

– Нет, все здоровые. Э-э, стоп. Мне сказали, что вы приличные девушки. Я не хочу, чтобы парни вам докучали. Но и вы тоже проявите, пожалуйста, сознательность и не давайте поводов заглядываться на вас. Иначе рискуете быть использованными. Словам не верьте, какими бы они ни были. Тупых подкатов не воспринимайте.

– И умных подкатов тоже?

– Всех. Гарантированно пожалеете.

«Опоздал», – подумал Митяев. Девчонки уже в игре.

Света задумалась. А если очкастый правду говорит?

– Мы примем к сведению. Не беспокойся. Кавалеры у нас уже есть, – у спрятавшихся хоккеистов сейчас одновременно екнуло в груди. – Есть, кому защитить.

– Чудесно. Все у вас будет хорошо, если не будете поддаваться на провокации. Они способны на многое. Особенно, когда девушки красивые.

– Я поняла. Прости, но ты сам-то еще...

– Все задают один и тот же вопрос. А я не устаю на него отвечать, что дело не в возрасте, а в ответственном подходе. Мне поручили навести порядок в команде, и я с этой задачей справляюсь.

Света важно закивала.

– Мы достигли взаимопонимания?

– Конечно.

– Если что-нибудь понадобится – я к вашим услугам.

– Очень мило с твоей стороны. Спокойной ночи!

– И вам, – я раскланялся и пошел прочь, не оборачиваясь.

А стоило, ибо Света не сводила с меня глаз. По ее сигналу все трое мигом освободились из укрытий и побежали к себе, как только я зашел в уборную.

– Мы еще не закончили, – произнес Паша.

Зеленцов же обратился к Свете:

– Я думал, ты стесняешься и не будешь много болтать. А ты вон, оказывается, какая.

Троица прошла мимо сортира на цыпочках, ибо линоле-

ум мигом известил бы меня о множестве тяжелых шагов. Я пребывал в туалете около минуты – достаточно, чтобы блудливая троица проскользнула в свои номера.

– И что это было? – поинтересовалась Амира.

– Было весело.

– И грядет продолжение. А ты не хотела.

– Сегодняшняя ночька без сна...

– Я только за!

– Тебя не смущает, что их аж трое. Мне вот некомфортно.

– Тебе же сказали, – ответила Амира, – к кому ты можешь обратиться в случае опасности. Это их точно остановит, – прихорашивалась Амира.

Я же отправился на заключительную инспекцию. Все спокойно – аж подозрительно. Напоминает сон-час в детском саду: воспитатель уходит, а дети начинают шуметь, бегать, прыгать и так далее. А сегодня ничего такого: некоторые укладываются, кто-то уже лежит. Вопросы возникли к Митяеву, Зеленцову и Брдобрееву – они до сих пор не застелили свои кровати, отчего получили замечания от меня. Хотя я сам свою еще не застелил. В целом я удовлетворился обходом и скомандовал всем спать, ибо завтра: ранний подъем, тренировка и первая игра. Все уже привыкли к такому режиму, но лишняя встряска никогда не помешает.

В 22 часа вечера, как и обещано, двери в центральный холл закрылись на ключ. На этаже воцарился покой. В тишине вентиляция шумит громче обычного. На пустой кухне по-

трескивают включенные светильники. Возвращаясь к себе, я заметил, что свет в комнате Светы и Амиры еще горит. Странно. Главное, в моей зоне ответственности все улеглись.

Я вернулся в нашу комнату. Степанчук тем временем уже отправился в мир сновидений. Очень хочется спать, но не сделать несколько записей в свой дневник я не мог. Тезисно зафиксировав на бумаге события дня, я ради интереса перелистнул ежедневник на случайную страницу и прочел то, что выпало, попутно укладываясь:

«...плюхнулся на стул да стукнул двумя руками об стол. Закрыв глаза – тишина вокруг ласкала уши. Но... тонкой раздражающей нитью из раздевалки доносились разговорчики хоккеистов, пришедших на тренировку. Я зажмурил глаза посильнее и решил внушить себе, что это не разговоры, а капельки дождя, барабанившие по окнам. И ведь поверил – верил и не замечал, как в коридоре мимо дверей сновали хоккеисты с баулами. Хотелось спать. Стоило усесться поудобнее, как кресло подо мной несчастно заскрипело.

«Почему бы сразу не приобрести нормальную мебель для сотрудников? Это кресло чересчур широкое и неподъемное, скрипит, да и спинка у него туговата», – я облил грязью ни в чем не повинное тренерское кресло, чья жизнь и так одна сплошная задница, и совершенно не услышал, как кто-то остановился напротив тренерской.

Я обернулся. В коридоре, освещенном угрюмым октябрьским светом, стоял крупный парень. Наши взгляды встре-

тились. Я за долю секунды осмотрел его с ног до головы. Выражение лица посетителя, вызывающее и страх, и отвращение, похоже на первую работу неумехи-габитоскописта, который жестоко поиграл в программе по составлению фотороботов.

«Хоккеист. Кто ж еще?» – предположил я.

– Ты не похож на тренера. Ты кто такой? – предъявил мне незнакомец.

– А ты не похож на хоккеиста, – бесстрашно съязвил я. – Это ты кто такой?!

Он усмехнулся, позволил себе вальяжно пройти в тренерскую и сесть напротив – нас разделял только письменный стол. Гость принялся осматривать меня с презрением: «Вот так штука!» – наверняка подумал он, не ожидая увидеть вместо Степанчука какого-то школьника. Школьник заговорил:

– Не беспокойся. Это всего лишь базовый страх. Обычно он плохой помощник в беседе, но зато я вижу, что он помог тебе сосредоточиться, – произнес я, поставив в замешательство гостя. Он не понимал, о каком страхе идет речь. Неужели ему стоит остерегаться меня? Что за чушь?!

– А ты не слишком борзый? – спросил хоккеист.

– Это тебя интересовать не должно.

«Кажется, самый борзый из нас двоих точно не я, – подумалось мне. – Посмотрим, что ты выдашь на трене».

– Так уж и быть. На первый раз я прощу твою дерзость.

– По-моему, ты первый начал задираться, – сказал я. – Да и прошел в комнату без разрешения.

– Это я у тебя должен разрешения спрашивать? – не успел я ответить, как визитер продолжил. – Я скажу тебе вот что, – видно, что парень еле сдерживал агрессию. – Если ты сидишь здесь, наверняка немного шаршишь в хоккее. Я тебе расскажу, кто я такой, – я лишь делал вид, что увлеченно слушаю его. Произношение у гостя – полный атас. Нос поломан; не все зубы на месте. – Команду «Автомобилист» знаешь? С Екатеринбурга которая, – я смекнул, что товарищ является одним из тех хоккеистов, которые живут, так сказать, на два города – не могут найти себе достойное пристанище, как переходящие из рук в руки истертые сапоги. Их берут, возвращают, продают, выгоняют. – Она недавно играла дома с «Мечелом». Гости знатно выпендривались и вообще возомнили себя королями поначалу. Мы им семь шайб захуярили. Пять из них закинул я.

«Нашел, чем гордиться, в самом деле. Одной игрой? А они вам сколько забросили – десять?» – подумал я и решил унизить эгоиста.

– Да ладно?! – выкрикнул я, театрально привстав с кресла и вытаращив глаза. Зрители тут же закричали бы, что не верят. – Дай-ка я отойду от шока! – заявил я и, забыв скрыть издевательскую улыбку, на минутку удалился в коридор. Оттуда без промедления раздался мой нарочито демонстративный оглушительный смех. Бросив переодевать-

ся, самые любопытные хоккеисты выглянули в коридор.

Приезжий возмущился таким поведением не на шутку. Я вернулся в тренерскую – тот посмотрел на меня, как красный смотрел на белого в году так 1918-ом. Я убедился, что на расстоянии вытянутой руки у меня есть то, чем можно прикрыться и оглушить нападающего в ответ.

– Как, говоришь, тебя зовут? – поинтересовался я, толком не отойдя от смеха.

– Я не называл имени, – хоккеист уже вовсю думал, какую часть моего лица размозжить. От первого удара я бы увернулся, а второй бы меня догнал.

– А вот это плохо. Ничего, я в документах посмотрю. Должно же что-то прийти в нагрузку к тебе, – нужную бумагу на столе я искал недолго. Помню же, что-то из Екатеринбурга было. За таких кадров надлежит присылать бумаги и поценнее: рубли или доллары, например.

Только я принялся разглядывать первые буквы фамилии на бумаге, чувствуя, как гость уже тянется, чтобы схватить меня за грудки, за открытой дверью тренерской раздался сначала спокойный, а потом уже сорвавшийся от неожиданности голос Сени Митяева: «Его зовут... ЛЕХА БРЕЧКИН!!!»

Приезжий развернулся и вскочил со стула. Предмет мебели чуть не отлетел в угол. Леша кинулся в объятия к другу. Ну и сцена – вокзал отдыхает.

– Вернулся, вернулся! – звал остальных Митяев. – Паца-

ны, Бреча вернулся...»

Я заснул.

– Ты представить себе не можешь, как он меня заебал, – ходил взад и вперед по комнате Алексей Бречкин.

– Не тебя одного, – поддакивал ему Сергей Смури.

Естественно, речь шла о помощнике тренера.

– Хочу все делать ему наперекор. Хочу выжать его отсюда!

– Арс тебе за это спасибо не скажет.

– Из-за Митяева он тут и возник. Арсен сам уже пожалел, что допустил это.

– Да не обращай ты внимания, Лех. Елизаров ведь, по сути, ничего плохого и не делает.

– Калит просто!

– Надоедает, конечно, немного. Но некоторые вещи весьма здравые. Я даже как-то читал о них в книжке...

– В какой, на хуй, книжке?! Вспомни, что он выдал в первый день. Вы сами мне рассказывали. А его номер с Вольским? Ты считаешь это адекватным?

Смури промолчал.

– Хер с этим Вольским. Он слабак. Но я же в сотню раз сильнее Елизарова. Как ему вообще хватает смелости тявкать в мою сторону?!

– Значит, не видит в тебе угрозы. Ты же бесишься постоянно – твои действия можно легко просчитать. А вот те, кто

спокоен, могут в нужный момент сотворить такой сюрприз, что мало не покажется, – произнес Смурин.

– Такие, как ты?

– Пока что я не вижу смысла вмешиваться. Меня сейчас больше беспокоит, почему ты так сильно завелся.

– Да потому что с этой мразью надо что-то делать.

– Для начала ты бы успокоился, – Смурин пытался вразумить и утихомирить Бречкина, но эффект от этого, как от тушения огня бензином.

– Я не ты. Мириться с этим не собираюсь.

– Ты вообще меня слышишь? – вещал из-под одеяла Смурин. – Многие ржут над ним тихо. Весело же иногда наблюдать за его психами, скажи? Да и без него есть вопросы поважнее.

– Ржут, говоришь? Весело им? А, может, вы все за него?! – рявкнул Леша.

«Это уже какая-то паранойя», – устало подумал Сергей.

– Я ни за кого. Я со всеми, – изрек Смурин.

– Вот я со всеми и подниму этот вопрос.

– Поднимай. Но я заметил тенденцию: какой бы треш от них с тренером не исходил, мы стали лучше играть в последнее время. Это факт. Какая-никакая, а польза от этого человека все-таки есть.

– Эта целиком наша заслуга, а не их! Морду я ему все равно набью.

– Тогда будешь иметь дело с Арсом. Или еще с кем по-

хуже. Ты, видимо, периодически забываешь, что за пьянки, драки и прочее твое любимое дерьмо могут и выгнать.

– Не помню, чтобы кого-то выгоняли.

– Больше всего предупреждений у тебя... одного...

– Спасибо Степанчуку. Его я тоже не перевариваю! А тут еще и второй нарисовался. Может, это он меня сливает?

– Вряд ли.

– Но ко мне он прилип с самого моего возвращения.

– Читал, наверное, твою характеристику из «Автомобилиста». Как бы там ни было, твоя эмоциональность до добра не доведет. Тебе же и выйдет боком.

– Не знал, что ты такое сыкло.

– Я бы предпочел слова «осторожный» и «предусмотрительный».

– Однозначно надо проситься обратно в Ебург. Или в Тагил. Там хотя бы этого маразма с помощниками не разводят.

– Вот именно. Ну и где они в турнирной таблице?

– Может, в Пермь?

– Тебе бы к психиатру попроситься.

– Да пошел ты! Я разберусь, вот увидишь.

– Ага, да-да. Ты это хотел услышать? Сосредоточился бы на чем-нибудь важном – на завтрашней игре, например.

Тут дверь распахнулась, а гримаса Бречкина злобно сморщилась. В комнату воинственно заглянул я, проверяя наличие личного состава. Убедившись, что все на месте, я хлопнул дверь.

– Наверное, ты прав.

– Еще бы.

– Но все равно я не могу чувствовать себя спокойно, пока он тут командует.

– Придет еще твое время. Но я бы попросил тебя лечь спать. А то ты уже марафон по комнате прошел. Не знаю, какие тебе еще аргументы привести.

– Никаких не приводи! Помоги подлянку ему сделать.

– О-о, нет, это без меня, – отмахнулся Смурин. – Я не считаю этого человека такой уж великой проблемой, на которую стоит тратить время. В отличие от тебя. Ведь в обыденном общении он вполне себе нормальный...

– Ничем нормальным там и не пахнет! И точка!

– Не горячись. Хлебни вон... Что там у тебя? – Смурин показал на кружку.

– Заварил себе кофеек. Остыл, правда, – отпил немного Бречкин.

– Откуда у тебя кофе?

– С банки. Со здешней кухни.

– Так он, наверное, чей-то.

– Спроси вон у Степы. Откуда он там, с Сургута? А живет в общежитии у Политеха. Так вот: в общежитии твоя еда на общей кухне только тогда твоя, когда подписана. Все остальное – общее.

– Банка с кофе была подписана?

– Я не проверял, – признался Бречкин.

– Главное, чтобы это реально кофе был.

– Да кофе как кофе, – успокаивал себя Бречкин, невольно принохиваясь.

– Ну смотри, – улыбнулся Смурин.

– Кстати, о кофе, – вспомнил Леша. – Этот мудака говорил нам простыни не засрать? Они якобы новые?

– Что ты собрался... – Смурин не успел договорить, как Бречкин с упоением плеснул содержимым кружки на белую простынь, мигом пропитавшуюся крепким напитком. Образовалось раскидистое пятно коричневого цвета.

– Сожри, тварь! Сколько раз ты сдавал меня Степанчуку?! Опаздываю, кидаю, пью, матерюсь – все тренеру на ушко, сука!

– Это ты зря, – протянул Смурин, удивляясь поступку Бречкина.

– Вот пусть теперь и решает с этой теткой.

– Цены бы тебе не было, – начал загибать пальцы Смурин, – если б ты не опаздывал, не кидал, не пил, не матерился. По сути, Елизаров прав.

– Тут еще чуток осталось. Сейчас в тебя полетит, – пригрозил Бречкин.

Сергей решил не нагнетать, а лишь лучше укрыться одеялом и отвернуться от неадекватного соседа к стенке, а то реально сорвется. Напоследок Смурин не мог не сказать:

– На чем ты, правда, спать будешь?

– Твою мать! – растерялся Алексей, увидев, что уделал

свою же постель. – Ну-у, сейчас Богатырев с толчка придет – пусть ложится.

– Не ляжет он туда.

– Я его заставлю.

«Ярость и гордыня. Они тебя погубят, Лешка. К гадалке не ходи», – подумал Смурин, засыпая под злобное бормотание Бречкина, перестилающего постели, свою и Богатырева.

В одной из комнат все-таки не спали. Шебаршение продолжилось. Митяев, Зеленцов и Брадобреев выжидали, когда можно продолжить охоту. Усидеть на месте никак не получалось, но и попасться мне на глаза тоже никто не хотел.

– Хоть бы у задрота не было бессонницы, – произнес Зеленцов.

В темноте все трое пытались накинуть на себя приемлемую одежду.

– Кажется, нет, – ответил Митяев.

– А откуда ты знаешь? Свечку возле него держал? – съязвил Брадобреев.

– Часто он сегодня нарываемся. Согласен, а, Никит?

– Поддерживаю. Так и хочется его проучить.

– Лучше сразимся на другом поле, братцы-кролики, – предложил Пашка. – Сами знаете где...

– Ты так в себе уверен? – свысока уточнил Зеленцов.

– Завалю любую в два счета.

– Размечтался.

– Я один иду чисто поговорить? – поинтересовался Митяев.

– Хорош заливать. Это на тебя совсем не похоже, – разволновался Зеленцов.

– Заранее сливается просто, – сказал Брдобреев.

– Коплю силы на завтра, – спокойно ответил Арсений.

– У Егорки одни отговорки.

– Вы не понимаете. Я вам уступаю дорогу, чтобы вы оба смогли потарабаниться сегодня. Просто, если я буду в игре, можете даже не пытаться, – заявил Арсений, отчего Никита с Пашей чуть не залились громким смехом.

– Не зарекайся.

Митяев тем временем принялся рыться в том самом бауле с припасами.

– Чего ты делаешь? – забеспокоился Паша.

– Надо захватить допинг для вас, – произнес Сеня и выудил из баула бутылку вина.

– Мы в допинге не нуждаемся, – заверил Никита.

– Не зарекайся, – Митяев вернул Зеленцову его же собственную фразу. – Без этого вы вечность телок уламывать будете. Да и несолидно с пустыми-то руками идти.

– А мы не спалимся с бутылкой?

– Кто не рискует, тот не пьет, – произнес Митяев. – Думаю, Елизаров уже давно пускает слюни на подушку. Либо пишет. Либо читает. Зуб даю.

– Удивляюсь твоим познаниям, честное слово.

– Или ты хочешь, – обратился к Паше Арсений, – перелить это в другую тару прямо здесь, чтобы вся общага на запах сбежалась?

– Что за глупость? – не одобрил Зеленцов.

– Рабочая схемка, – облизнулся Брадобреев. – Я про перелить.

Абдуллин дрых без задних ног. Однако разговоры разбудили Кошкарского:

– Вы куда?

– Спи давай, – скомандовал Митяев.

Их колонна смахивала на отряд разведчиков, которые должны проникнуть в тыл противника.

– Надо же, мальчики, – воскликнула Амира. – У нас кружек на всех не хватит, – девушку смутило появление четвертого хоккеиста с натянутой улыбкой, Степы Кошкарского. И его тоже тянуло облокотиться об дверной косяк.

– Кружек?

– Мы решили, – продолжила Амира, поглядывая на Свету, – что в одних полотенцах вы могли замерзнуть. Топят у нас так себе. Поэтому согрели чаю.

– Ничего себе подробности, – присвистнул Кошкарский (это он про полотенца).

– Не было нам холодно, – отрезал Брадобреев. – Как раз наоборот. Полотенца временами даже хотелось скинуть, – сказал он, состроив глазки Свете.

– У нас есть кое-что покрепче, – Митяев предъявил публичке бутылку вина.

Амира весело всплеснула руками, а ее подруга напряглась еще больше. Зеленцов не спускал глаз со Светы: «Не бойся, дорогая, – приговаривал он. – Со мной ты расслабишься», – вместе с Серегой он подсел к ней. Арсен с Павликом опустились на кровать Амиры.

– Ой, вот я растяпа, хлеб порезала и на кухне забыла. Надо принести, – засуетилась Амира.

– Сиди, сейчас принесу, – сказал Митяев, а Степа зачем-то поплелся за ним.

Хороший момент, чтобы их прижучили из номера тренажера, но обошлось.

– Узбечка. Арсен, ты серьезно? – спросил на кухне Кошкарский.

– А чего такого? В темноте все женщины одинаковые. Больше всего мне интересно, почему ты здесь и что об этом думает Алина? – спросил Митяев.

Они вернулись в комнату к девчонкам.

– ...А ничего Алина не узнает, – Степан закончил начатую в коридоре фразу.

– Алина? – уточнила Амира.

– Наш дядя Степа просто не расслышал твое имя.

– Я Амира, – улыбнулась она и протянула Степке свою смуглую ручку.

– Степа, – легонько пожал ей руку Кошкарский и безмолв-

но кивнул Свете. – И я не такой уж и глухой. Амира, наверное, что-нибудь да означает? – спросил он, попутно думая об Алине, про которую ему напомнил Митяев. В команде Кошкарский, можно сказать, побил рекорд по времени отношений с одной-единственной девушкой. Пока остальные заводят мимолетные недельные романы, а потом бросают девчонку и переключаются на свежее мясо, Степан души не чаял в Алине. О каких-либо ссорах и расставании речи не шло.

Амира ответила:

– Это означает: лидер, красавица, ведущая за собой, ведущая к победе.

– Классно. Мне нравится, когда имена что-то значат.

– Каждое имя что-нибудь значит, – произнесла Света.

– Что же значит твое? – нежно спросил ее Зеленцов. Та слегка покраснела.

– Предлагаю тост, – перебил их Брადобреев. – За победу!

Пили из разномастных кружек, которые только удалось раздобыть, поглядывая друг на друга. Винишко должно унять стеснение и развязать языки. Однако у Светы уже есть негативный опыт – к подобным посиделкам она относится с осторожностью. Проснуться утром в постели с одним из этих четырех мушкетеров, конечно, лучше, чем с Витей, но едва ли.

– Неужели спортсмены пьют? – спросила Света, застенчиво отпивая по капельке вина из своей кружки.

– Это же чуток всего, – ответил Паша. – Для крепкого сна

на новом месте.

– Да ладно скромничать, – сказала Амира, указав Кошкарскому подлить ей вина. – Вы же на игры приехали, правильно? И когда же они?

– Завтра и послезавтра, – ответил Степан, закусывая нарезкой, приготовленной девчонками из оставшихся пожитков.

– А вы бывали когда-нибудь на хоккее? – спросил Зеленцов, глядя на Свету.

Не успели девушки ответить, Паша предложил:

– Приходите посмотреть, как мы разнесем «Мечел».

– Что-то я совсем в этом не разбираюсь, – призналась Света.

– Так мы вас научим, – тихо ответил ей Зеленцов.

– Расскажите нам все, – предложила Амира.

– С большим удовольствием, – согласились парни.

– И самый главный вопрос: от кого вы, четыре взрослых парня, прятались?

Судачили непринужденно. Рассказ о хоккее периодически прерывался тостами. Серьезность и обеспокоенность посетили лица хоккеистов только раз – когда они затронули тему тренерского помощника, выдавая себя невинными жертвами положения.

А чем дальше в лес – тем больше дров. Намеки стали прямее, а полуночные гости – развязнее и нетерпеливее:

– Знаете, девчонки, в чем выражается хоккейный ор-

газм? – вещал Митяев. – Когда хватаешь шайбу на крюк и со всех ног несешься в чужую зону, обходишь одного, второго, откидываешь от себя третьего. Выходишь один на один с кипером и засовываешь шайбу в ворота с мясом, всаживаешь ее как оголтелый! Вот это, – твердил он, – полнейший экстаз, высшее наслаждение. Тысячу раз так делал. И хочется еще и еще... И не только на льду, – Митяев недвусмысленно подмигнул Светочке.

– Страшно подумать, что за экстаз у вратаря? – задала вопрос Амира, желая сфокусировать внимание Арсения на себе.

– У вратаря? – задумался он. Абдуллин бы с удовольствием ответил (правда, он баб как огня боится). – У вратаря, получается, садомазо, – на этот раз Митяев подмигнул Амуре.

– Даже не думай, Арсюша, – весело отмахнулась она, – даже не думай об этом. С нами так просто не пройдет. Защита в нашей со Светой команде не даст вам этого сделать.

– А мы большинством возьмем, – поддержал друга Паша.

– О защите позаботимся. Не переживайте, – заверил Зеленцов.

От таких разговоров Свете обычно не по себе, однако с увеличением количества выпитого вина ее стали посещать и противоположные мысли. Особенно когда она поворачивалась в сторону Зеленцова или поглядывала на Америку, которая весело поддерживает беседу и, кажется, согласна на троих сразу, ибо четвертый (тот, что с копной соломы на голо-

ве) почти не принимает участия в разговорах, а лишь ловит каждое слово и движение одной только Светланы. Девушка на полную катушку принялась воображать, какой Зеленцов по характеру, какой он в обыкновенной жизни. Она поглядывала на его лицо, руки, стан, дивилась его сдержанной манере, размышляла о нем как о кавалере. Поскольку сравнивать ей особо не с кем (кроме Вити), она противопоставляла минусы своего парня достоинствам Никиты (о наличии которых не знала наверняка). Естественно, по каждому из пунктов Витя проигрывал Зеленцову. Но боязнь у Светы никуда не делась. Повторения той скверной истории хотелось избежать. Но он же здесь. Как же он смотрит на нее. Как же трепещет ее размякшее от красного вина сердечко при одном лишь мимолетном взгляде на этого паренька. Так на нее еще никто не смотрел – тем более Витя, из рук которого Света начала стремительно выскользывать, ведь держаться особо не за что.

С каждой минутой девушки теряли самообладание. В плане выпить пацаны явно покрепче дам. Внезапно Светина растерянность показалась Амуре тревожной, и она – может быть, и в ущерб себе – решила сбавить обороты:

- На голы, мальчики, пока не надейтесь, – важно подчеркнула она. – На случай угрозы мы возьмем тайм-аут.
- А ты схватываешь на лету.
- Возьмем тайм-аут и обратимся, к кому следует. Через несколько дверей. Нас заверили, что помогут.

– У-х-х, – с досадой протянул Брадобреев, чуть не пролив вино на постель Амиры, – как грязно и нечестно!

Что-то цокнуло на пожарной лестнице за окном.

– Тише, чтоб тебя, – шикнул Митяев.

– За такие действия на льду... жестоко наказывают, – отреагировал Кошкарский.

Время действительно позднее.

– Это не стоп-сигнал. Просто еще немного, и ваши надзиратели могут проснуться.

– К тому же, мальчишки, нам завтра рано вставать, – добавила Света.

– Так и есть, – согласилась Амира.

– Это, кстати, тоже запрещенный прием. Так кайф обламывать, – произнес Митяев.

– Приходите завтра на игру.

– У нас завтра занятия на весь день.

– Но про этот момент с оргазмом ты подумай, – не отставал Паша. – Это надо видеть вживую.

– Тогда в субботу?

– Скорее всего. Но не обещаем.

Квартет хоккеистов, распрощавшись с девчонками и слегка позабыв про осторожность, неуклюже побрел восвояси. На полпути до номера Брадобреев ни с того ни с сего очнулся:

– Мужики. Мы же с этой болтовней забыли их елдыкнуть.

– Согласен. Давненько такого не было, чтобы сваливали

тупо после разговора.

– Предлагаю зачесть всем техническое поражение в споре.

– А был спор? – удивился Степа.

«Еще есть завтра. Я начал. Я и закончу. Вы, друзья мои, только мешаете, – Зеленцов размышлял без устали. – Света. Ее зовут Света».

– Есть еще завтра, – вслух повторил Зеленцов.

– Пойди подрочи и успокойся.

– Сам иди!

– Не надо. Это точно кто-то заметит.

– Ух ты, какой смелый!

– А знаете, что я понял, – вдруг заявил Арсений. – Завтра мы с такой же легкостью свалим отсюда на тусу.

– Да будет так. Аминь!

Диалог между Арсением, Никитой и Пашкой никак не цеплял зевающего Кошкарского, который мигом завалился на свою койку и отключился. Другие тоже последовали его примеру, совершенно позабыв о девушках и о том, что выжрали целую бутылку из стратегического запаса.

А вот визит четырех симпатичных парней не на шутку всколыхнул девушек.

– Страшно подумать, что случилось бы дальше, – произнесла Света. – Еще бы минута...

– Чему быть, того не миновать. Пора уже взрослеть, – твердо заявила Амира.

– Еще бы минута, – продолжила Светик, – и я бы поцело-

вала его, – она, кажется, пребывала в шоке от этого.

У Амиры отстегнулась челюсть:

– Что ты сказала?! Ты перепила слегка, я смотрю. Ложись-ка спать, – непонятно, какой стратегии все-таки придерживается Амира по отношению к подруге?

Свету развезло – она плюхнулась на койку и продолжала говорить, витая в облаках:

– Может, ты и права.

– Ты не обольщайся слишком.

– Я не могу не думать об этом.

– Если честно, я говорила тебе о разрыве с Витей, чтобы... ну... подбодрить, раззадорить. Никак не...

От сказанного Света ни с того ни с сего неистово взбесилась. Тогда-то Амира поняла, что наделала, однако поздно пить «Боржоми»...

– Вита мне противен! Я уже достаточно натерпелась. Я готова уйти от него... к любому!

– Очнись.

– Все ему назло делать буду! Уголовник. Я ему всю себя. А он что? Что он мне дал?! Проблемы! А мне романтики хочется, внимания хочется. Хватит уже долгов – я ничего ему не должна, понятно?! – Света чуть ли не кричала в лицо Амуре, на полном серьезе желая покончить с Витьком.

– Ты слишком громко кричишь.

– Да пусть все слышат!

– Потихе. Успокойся, – пыталась урезонить разбушевавав-

шуюся подругу Амира. – Ты чересчур торопишься.

– Не тебе меня судить. Не делай вид, что это не твоих колдовских рук дело!

– Не надо было тебе выпивать.

– Ты, я смотрю, себя не сдерживаешь! Только и ждешь, чтобы на тебя набросились?!

– Света, не надо так.

– Приятно тебе?! Нет?! Так же хреново и мне было, когда со мной поступили как с какой-то вещью. Ладно, если бы любили. Так мой парень просто безмозглый пень. У меня вон кто теперь есть! Узрела?!

– Что ты хочешь этим доказать?

– Что он урод, Амира! Думаешь, он что-то предпримет и будет за меня бороться? Да как бы не так! Зачем он такой мне сдался?! Я любви хочу, большой и чистой.

– Да разве есть такая?

– Я создам ее. Вот увидишь.

– Давай-ка ложись, – настаивала Амира. Светик, кажется, потратила остатки энергии на яростные реплики. – А я сейчас приду.

– Куда ты?

– Схожу носик припудрить, – Амира сказала первое, что пришло в голову, нетерпеливо пошла в сторону уборной, тяжело вздыхая и держа обе руки внизу живота... сторя от нетерпения.

– Только и умеешь, что мозги с носами пудрить, – Света

не уверена, что подруга ее услышала.

Блондинка немного всплакнула от досады и уселась на постели, дабы ее слезы не намочили подушку. Светлана глянула в темноту за окном и задумалась: «Правильно ли все это? Нужно ли все разрушать из-за минутной слабости? Может, я слишком тороплю события с этим хоккеистом? Но как же он на меня смотрел... А, с другой стороны, Витя спрашивал меня, когда использовал? Нет!» – она медленно опустилась на подушку, повернулась к стенке и попыталась уснуть, хотя чувства лились через край.

В крошечной темноте за окном кое-где виднелись желтые точки – отблески окон соседних домов. С течением времени эти огоньки исчезали: все ложились спать и тушили свет. Когда посвежевшая и немного воспарявшая духом Амира вернулась и выключила свет в комнате, накрывшись одеялом, за их окном на мгновение зажегся еще один маленький огонек оранжевого света и через секунду погас. Еле-еле послышалось звяканье замерзших металлических прутьев пожарной лестницы.

На морозе снаружи Глеб, брат Витька, нервно и ненасытно втягивал в себя дым из дешевой сигареты, сжимая ее замерзшими пальцами. До того он, поднимаясь по пожарной лестнице к корешам (в обход вахтера), чтобы подымить дурманящей травой, наткнулся на занятную картину в комнате девушки его брата. На протяжении всего вечера Свету и Амиру обольщали трое, а потом и четверо неизвестных па-

цанов. Непорядок!

Глеб мигом сложил все в единую мозаику. Следить пришлось долго – он заморозил соплю в носу, но не оставил наблюдательный пост и увидел достаточно. Никто его в пылу беседы и не приметил. Он сидел с весьма кислым выражением лица – обида за брата переполняла его, что Глебу несвойственно. Он жил ради себя и сооружал все низости исключительно для собственной выгоды и собственного наслаждения. Той ночью он приговаривал, глядя на Свету: «Вспомнила бы, кто ты такая и откуда, сучка!» – он трясся от холода, кусал губы, но кипевшая внутри ярость от того, как какой-то длинноволосый мудака строит Свете глазки и мимолетно прижимает ее к себе, мигом согрела Глеба.

Что же предпримет Глеб? Для начала он поведаст все брату, молчать не станет. Но кто, по сути, этот Витек? Болван, недоумок. Светочка досталась ему только благодаря оплошности Глеба. А где же братская благодарность, спрашивается? Выкуси, брательник! Глеб заключил, что нужно действовать быстро. Витя не удержит у себя такой лакомый кусочек свежего девичьего пирога – да, именно так 16-летний Глеб позиционировал девушку родного брата. Хороший повод сделать так, чтобы соскочила. А что, если, соображал Глеб, на смену Вите придет его же братишка. Вот тогда-то он ему за все отомстит... и Свете тоже. Его тело покрыли мурашки от одного лишь предвкушения успеха.

Решено. Витьку надо все рассказать, да побольше подроб-

ностей: мол, целовались, обнимались, лапали друг друга, она называла своего нынешнего лохом и неудачником. Такое точно снесет Вите башку. Если у него есть хоть немножко гордости, братец побежит разбираться и наверняка «случайно» поднимет руку на свою девушку. Но Глеб как по волшебству окажется рядом и защитит бедняжку. Если кто-нибудь не уделает Витю раньше – например, эти же самые спортсмены.

Глеб заключил, что это недурной план. «Отличный подарок на день рождения!» – подумал он и бросил докуренную сигарету на снег внизу.

История четвертая. «Смерть хоккеиста»

«Обычно я стараюсь не вмешиваться в педагогические методы Виталия Николаевича, однако совсем не поддерживать их я не могу. Одновременно я воплощаю в жизнь свою стратегию, что гарантирует ненависть хоккеистов уже не к одному, а к двум надзирателям.

За месяц моего пребывания в хоккейной школе все присутствующие уже успели ко мне привыкнуть. Поэтому нужно постоянно изворачиваться и придумывать что-то новое, дабы все не расслаблялись. Находясь в обществе спортсменов практически ежедневно, я испытывал смешанные чувства: с одной стороны, мне нравилось командовать и всяческим образом воздействовать на хоккеистов; с другой же стороны, я понимал, что порой заплываю за буйки. Пора меняться: быть в их глазах не только злым и жестоким сторонником еще более злого и деспотичного тренера, но и кем-то вроде помощника, советчика, человека, на которого можно положиться, к которому незазорно обратиться в трудную минуту просто за помощью, за поддержкой. Битва внутри меня продолжалась – пока верх брала плохая сторона.

В один из ноябрьских дней 2011 года магнитогорская ледовая дружина играла с аутсайдером первенства – коман-

дой «Молот» из Перми. Казалось, что может быть проще – легко и элегантно выиграть. Еще проще сделать это на домашнем льду. Магнитогорские хоккеисты настроились на победу без боя. Однако игра откровенно не шла.

Как известно, фортуна – штука переменчивая. В тот день она внезапно отвернулась от нашей команды. Конечно, времени вернуть ее обратно оставалось более чем достаточно. Но сыпалось абсолютно все, чем доводило некоторых ведущих игроков до бешенства. Легкие и спонтанные шайбы воодушевили «Молот» – соперники находились на подъеме, на кураже и с еще большим рвением отправлялись штурмовать ворота, охраняемые Темой Абдуллиным. С первых минут игры наш кипер пребывал в недоумении от несерьезных голов, пропущенных на протяжении двух периодов. Не во всех плюхах виноват Артем. Быть может, «Магнитка-95» просто недооценила противника. Вот и удача в сговоре с обстоятельствами и случайностью решила проучить зазнавшихся и легкомысленных пацанов.

После сорока минут счет на табло «3:4» – не в пользу «Магнитки-95». Впереди еще целый период – он мог принести магнитогорцам победу, но об этом будто забыли. Степанчук негодовал, а я негодовал с ним за компанию, попутно размышляя, какие действия лично я могу предпринять, чтобы команда перевернула ход матча. В свою очередь, Виталий Николаевич думал только о защите и о реализации моментов.

Оказавшись в раздевалке, хоккеюги (даже те, кто всю игру просидел на скамейке) стали негодовать, возмущенно высказывать свое недовольство, искать виноватых и ругаться друг с другом. Все были разобщены как никогда. Теперь (обычно это продолжается недолго) каждый здесь сам за себя: все будто плюют на общность действий и командный дух; каждый считает себя жертвой неграмотных действий партнеров, толком не обращая внимания на самого себя. В такой обстановке белой вороной стал Ваня Пирогов, который молча дремал в углу, запрокинув голову. Ставить его в рамку в третьем периоде рискованно, ибо может пропустить еще.

Передо мной задача особой сложности, со звездочкой. Дано: куча злых хоккеистов, множество противоречащих друг другу суждений по поводу практически слитой игры и виновников еще не случившегося позора. Условие: предельный накал ситуации вплоть до полного разобщения команды. Вопрос: когда до точки кипения дойдет команда и переменные X и Y ? Решение: введем X и Y (Елизарова и Степанчука соответственно).

Степанчук летел в раздевалку со скоростью света – я не поспевал за ним. Тренер смахивал на разъяренного быка, который вырвался из загона: он топтал землю копытами и искрил глазами. Виталий Николаевич рвался растерзать мальчишек, которые отбились от рук и не выполняют его установок.

Только Степанчук зашел в раздевалку, хоккееры сразу вытаращили на него глаза, замолкли и приготовились к неистовству тренера. Виталий Николаевич мгновенно перенесся в центр помещения как вихрь. Вслед за ним в раздевалку просочился я и с недовольным лицом занял позицию в сторонке, сложив руки на груди и слушая матюги Степанчука, обращенные к непрофессионализму, тупости и бездарности команды. Попутно наставник умудрялся делать замечания, поправлять и инструктировать. Мне пришлось слушать внимательно, дабы не повторяться. Все знали: последует и мое слово, и оно ни в коем случае не будет уступать тренерскому.

Кошкарский первым попал под горячую руку коуча, получив подзатыльник. Потирая голову, Степа протяжно спросил:

– За что?!

– За дело, небоскреб ты недостроенный! Каждый из вас достоин удара кувалдой по башке. И не раз! А еще лучше – большого пенка под зад вон из хоккейной школы за такую игру! Вам ведь еще дальше идти. Игра, которую вы показываете – ужасна и отвратительна! Против вас аутсайдеры, представляете?! Я надеюсь, вы, сборище фигуристов некомпетентных, больше не рискнете меня расстроить и забьете наконец две поганые шайбы! – Степанчук еще и активно жестикулировал. В руке он держал бумажку со списком команды и еле сдерживал себя от того, чтобы, поддав-

ишь бешенству, швырнуть ее в кого-нибудь или разорвать на миллион маленьких кусочков и заставить хоккеистов ею отобедать. – Сегодня с вами играет команда субтильных мальчиков. А у меня складывается впечатление, что это вы компания этих самых мальчиков, а не «Молот». Они зацепились за эти заброшенные шайбы, они воодушевили их. Появился настрой. Они что, у вас его стянули? Они атакуют – вы стоите, они забивают – вы стоите. Они умудряются простейшими финтами вас обманывать, потому что понимают, что вы опять будете стоять. Где прессинг, где перехваты, где защита, где нападение, где контратаки, мать их за ногу?! Вы что-то в конце охуели! Я этого терпеть не буду. Если сегодня до ваших деревянных голов не дойдет, будете батрачить у меня круглые сутки как рабы! Мало вам не покажется – мы сделаем так, что после тренировок вы даже в зеркалах отражаться не будете. Подумайте – пораскиньте мозгами... или что там у вас вместо них? Это первое! – все тяжело вздохнули, что, кажется, разъярило тренера еще больше. – Ага! Вы еще и дышать в состоянии – значит, выложились недостаточно! Ясно с вами все – симулянты, сука! Митяев!

– Да, тренер, – произнес Арсений. Степанчук подошел к нему. Сидящим рядом стало не по себе, когда они виновато взгляделись в лицо тренера, изуродованное гневом.

– Устал, наверное? Можешь не отрывать свою задницу от лавки. И вообще, в разговоре с тренером – молчи! – Арс

с недоумением посмотрел на него. – Скажи, звездац: ты в конце опиздоумел?

– Почему? – вылутился на него Митяев, однако разгневанный Виталий Николаевич уже вернулся в центр комнаты. Естественно, Арсений раздражен не только сложившейся игрой, но и таким обращением. Он больше думал о том, что нужно быть внимательнее, больше суетиться на площадке и дорабатывать моменты, ведь он сегодня еще не отличился.

Степанчук завопил не своим голосом:

– Молчать! Завали ебальник! Ты такой крупный баран и заступиться за себя не можешь! Они совсем от рук отбились – хуячат вас локтями в голову, а вы ничего сделать не можете, только лед после них целуете! Пиздец, блять! – Степанчук вошел в раиш. – Кошкарский! У тебя как раз подходящие пропорции, чтобы делать из противников котлеты и размазывать их по бортам. А сегодня будто не ты котлеты из них делаешь, а они из тебя антрекот готовят. Как сосиску тебя по льду раскатывают! В чем дело?! Давно по башке не получал?!

– Да вот было уже, – вновь потер затылок Степка.

– Не сомневайся, еще добавим – потерпи 20 минут.

Тренер направился к Абдуллину, утопившему лицо в полотенце, встал перед ним, согнув колени и раскинув руки. Степанчук игриво произнес по слогам его фамилию, оперся на плечо вратаря, повернулся и, показав на него пальцем, за-

явил:

– Посмотрите, изверги, что вы сделали с нашим ценным (это слово прозвучало очень неестественно) вратарем! Как же ваши клешни кривые дорвались до такого?! Наш вратарь устал, он изнеможен и к тому же весь в дырках. И не потому, что он неопределенного пола, а потому, что все без исключения посланные «Молотом» шайбы попадают в него и дырявят, на чем только свет стоит! – Абдуллин сдержанно улыбался. Тренер продолжил свой спич. – Товарищи, поработайте над этим! – Виталий Николаевич чуть-чуть смягчился и тихо стал разгуливать по раздевалке. Я молчал.

Сквозь тишину все услышали веселый и уверенный говор игроков «Молота» из гостевой раздевалки. Тренер соперника хвалит своих ребят и подбадривает их на продолжение противостояния. «Молот» явно в хорошем настроении и настроен выигрывать – совершенной противоположностью была раздевалка хозяев.

Услышанное очень не понравилось Степанчуку:

– Видите, дети, что творится?! – он показал рукой в сторону коридора. – Видите, что они себе позволяют?! Они настолько не привыкли к этому, что от победы свалятся и умрут на месте. Мы должны свершить благую миссию по сохранению их жизни и выиграть. Господи, не слушай, что я несу! Так... как известно, рыба начинает гнить с головы. Все неудачи зависят не только от ваших личных действий, но и от действий вашего капитана. Где эта кудрявая сви-

нья?! Волчин! Ты куда спрятался?!

– Я здесь, – тихо сказал Андрей, сидящий на лавке в дальнем краю раздевалки тише воды ниже травы. С его кудрявых волос как из крана лился пот. Парень то и дело вытирался полотенцем и моргал глазами.

– Волчин, ты капитан или шлюха?! – спросил Степанчук.

– Не понял.

– Как же это ты меня не понял?! Ты же у нас великий умник, отличник! Можешь засунуть все свои знания в задницу, которой ты не умеешь шевелить ни на льду, ни в школе, ни даже дома! А теперь к главному вопросу. Эти неучи выбрали тебя капитаном, а ты, я смотрю, один час команду обслужил и убежал, бросил, переметнулся.

– Вообще пиздюк! – вмешался Зеленцов, видимо, желая таким образом согласиться с позицией Степанчука, то есть неуклюже подлизаться. Но не вышло.

– От такого же слышу! – свернул Степанчук.

– Почему же? Вы правильно сказали: капитан является лидером и должен вести команду вперед. Когда же нормально играть, если наш хваленый кэп...

– Ой, ладно, Зеленцов, хватит! – отмахнулся Степанчук. Тема ему уже наскучила. Волчин тем временем злобно взглянул на Никиту. – Кто там у нас еще остался?!

Виталий Николаевич принялся разглядывать список (он называл его «расстрельным»), называть фамилию и высказывать все, что думает о человеке. Похвалы и благодарно-

стей не предусмотрено.

– Ага, Брадобреев!

– А что сразу Брадобреев?! – оживился Паша. – Я как бы две шайбы забросил, – нападающий рассчитывал на благодарность.

– Изыди, сатана! – буркнул Степанчук. – Надо же, а! Он «как бы» забросил. Тогда ты «как бы» молодец! А если ты «как бы» молодец, то с тебя еще «как бы» две шайбы: будут шайбы – будет зарплата, не будет шайб – будет расплата! Ты не вылезешь из качалки, понял?! – после этих слов Пашка слегка приуныл и стал пристально разглядывать свою клюшку.

В раздевалке возник местный врач и поинтересовался, все ли у всех хорошо в плане здоровья. Степанчук ничего не имел против этого милейшего человека, но изредка подшучивал над ним и выражался при нем как неадекватный:

– Ты это, подожди-ка немного за дверями – минут пять. Скоро я здесь всех убью и потребуются твоя помощь! – произнес Степанчук, разглядывая список. Доктор улыбнулся и исчез.

Сделав еще пару ремарок, Степанчук спросил у меня, сколько осталось времени.

– Минут семь до начала периода, – ответил я.

– Отлично! Значит, я еще успею дать эту... как ее, установку.

– Мы же все равно не слушаем, – словно нарывался Ми-

тяев.

– На льду вы как псы на собачьей свадьбе – срываетесь с цепи и делаете все, как сами считаете нужным, – говорил Степанчук. – Тем не менее я попробую...

– Все, что мы делаем на льду – это основа того, что мы отрабатываем с вами на тренировках, – выдал Арсений (наверное, он хотел добавить, что порой не получается осуществить задуманное).

– Плохо вы, значит, относитесь к тренировкам, если на играх такое говно выдаете, – разочарованно добавил тренер. – Я вас такому не учил.

Спустя несколько минут установка на решающий период все-таки была дана. В оставшиеся минуты перерыва хоккеисты могли перевести дух и расслабиться. Все быстро забыли о том, что творилось в раздевалке до прихода тренерского штаба. Лишь самые злопамятные держали в себе ненависть.

Можно вздохнуть с облегчением, но не тут-то было: оставалось слово помощника тренера, которое окончательно размажет хоккеистов по стенке. Торжественно мне это слово предоставил Виталий Николаевич:

– Что ж, я не знаю, как по-другому вам объяснять. Надеюсь, мой помощник достигнет до вас, – сказал он и убрался в тренерскую, погрузившись в думы о предстоящем периоде. Я медленно стал ходить по раздевалке взад-вперед.

– В наше время люди могут целую речь написать, чтобы

оправдать себя. Зато не могут вымолвить простые фразы: «прости, я был не прав» или «признаю, это моя ошибка», – начал я.

Однако с уходом Степанчука исчез регулятор смирения в команде, и все оживились, а Арсен, утомленный невезением, попросил меня:

– Петь, не грузи! И так после Степанчука тошно.

– Я бы с радостью, но не могу. Я, как и все вы, горю желанием разобраться в происходящем. Также я имею особую цель добраться до ваших мыслей, достучаться до вас, повысить вашу производительность и понять, чего вам вообще нужно.

– Срать нам в мозги ты уже научился! Не знал, что ты планировал еще что-то делать, – произнес угрюмый Илья Вольский. Я медленно приземлился на свободное место на скамейке напротив и стал вглядываться в форварда: худой, высокий зеленоглазый парнишка с русыми волосами, бледным лицом прямоугольной формы.

– Понимаешь ли ты, Илюха, что значит жить на самом деле? – тихо спросил я, а он лишь печально опустил голову. – Как я смотрю, жизнь у тебя в последнее время вообще не вяжется. Несомненно, это отрицательно сказывается не только на тебе, но и на всем, что ты делаешь и на что хоть как-то влияешь. Я ведь все о тебе знаю. Со школой не получается, личная жизнь не складывается, родные и близкие далеко (Илья родом из Орска, что в Оренбургской области),

а те, кого ты считаешь друзьями, каждый день только и делают, что кидают тебя, – я знал подноготную каждого в этой раздевалке, – и это еще больше тебя бесит. Естественно, все отражается на хоккее. Кому это нужно? Зачем вообще жить, когда все наперекосяк, когда ничего не получается, даже самое простое, когда ты ложишься спать в плохом настроении, умоляя Господа Бога, чтобы следующий день стал лучше, а он еще хуже предыдущего? В голове творятся вещи, которые ты не способен понять. Откуда-то извне приходят страшные мысли, словно серые тучи. Это мысли о том, что так жить нельзя, что мудрее будет умереть... Это лучше, чем жить на свете и мучиться от каждой секунды...

Я отлично знал, на что надавить – я попал в точку, потому что после долгих наблюдений за Вольским понял, что именно с ним происходит. В нем бушевала битва между жизнью и смертью; он стоял на перепутье, которое сжигало его изнутри, и он не мог ничего с этим поделать. Навалилось все и сразу. Как только он услышал мои слова, мысли в его голове разгорелись с новой силой. Терпеть их невыносимо, но они не покидают его, все глубже пуская свои ядовитые корни.

Вольский загрустил и ничего мне не ответил. Я наслаждался тем, что вновь вызвал у него упадническое настроение, хотя прекрасно знал: в Илье дремлет вулкан, который может начать извержение в любую секунду – направить бы

его ярость на ворота «Молота».

– Давай поговорим об очевидном, – призвал я. – Что ты ерундой занимаешься?! Как ты играешь, как свою зону защищаешь, как на чужие ворота лезешь? Это трудно назвать игрой на приемлемом уровне – ты не нападающий, а какой-то вонючий проводник, который любезно сопровождает чужих игроков к своим же воротам. Да пьяная обезьяна будет лучше защищать и перехватывать шайбы, нежели ты! А я уверен, что ты способен на большее, – аргументы о том, что я далек от хоккея, не могли меня задеть или хоть как-то остановить.

Тем временем Вольский медленно копил злость и желание разубедить меня, доказать обратное: он мог показать себя на льду, но с моментами ему сегодня не везет. А вдруг у него не получится, вдруг что-то пойдет не так? Больше его занимали мысли о «плохой и недостойной для Ильи Вольского жизни».

– Голова странными мыслями забита... Что-то со мной творится не то, – решил признаться Илья, но я все равно продолжил наступление (может, вместе с ним и другие заведутся).

– А ты помнишь вообще, что в хоккее играешь?! Что 13 лет им занимался?! Максимум, что тебе можно доверить, так это снег лопатой убирать, а не в хоккее играть. Мне все ясно. Ты еще раз доказал, что слабак и неудачник – ты недостойн ни звездного часа, ни последнего шанса! Снача-

ла разберись со своими проблемами, а потом приходи сюда! Хотя я уверен, что подобный мусор хранится в каждом из вас, – я переключился на остальных, поднявшись со скамьи и продолжая разгуливать по раздевалке. – Я вообще не понимаю, как вы все попали в хоккей и умудряетесь держаться на плаву?! Сегодня у вас напрочь отсутствует сплочение. Вы словно друг друга впервые увидели!

Вольский внезапно вскочил с места и схватил меня за предплечье:

– Зачем ты все это делаешь?

– Потому что мне нравится смотреть, как в тебе умирает маленький мальчик и пытается родиться сильный, волевой и ответственный мужчина, – выдал я.

Илью терзали смешанные чувства: с одной стороны, он крайне разъярен и недоволен моим ответом; с другой стороны, он изумлен формулировкой, которую я использовал для объяснения его мук.

– Для чего вы орете друг на друга?! – продолжил я. – Вы явно не чемпионы мира, а думаете, что все умеете, все знаете. Звезды одни собрались, е-мое! А вы раскройте глаза и оглянитесь вокруг. Что же сейчас творится? И что творилось на льду в течение двух периодов? Ведь это же уму непостижимо!

– Да сегодня день такой: что-то потустороннее постоянно вмешивается. Игра плохо идет. Чуть что – так в ссору, мелкая ошибка – большая проблема, – пытался объяс-

ниться Антон Малкин. Нечего добавитъ: мне, к сожаленiю, тоже не удавалось найти приемлемого объясненiя столь неудачной игре.

Время поджимало, а у меня не получалось уложить все то, что хотелось сказать, в несколько минут. Хоккеюгам нужна передышка, но гордыня не позволила мне дать им отдохнуть:

– Отставить панику и продолжать играть! «Молот» своему счастью поверить не может, – говорил я. – Они не делают ничего особенного – вы можете лучше. Так переверните же игру, наконец! И плевать на то, что на их стороне сегодня какая-то там неведомая сила, затаскивающая шайбы в ворота к Артему.

– А, что? – очнулся Абдуллин.

– Ничего. Ты молодец. Ты все делаешь правильно, – успокоил его я.

– Стараюсь подчищать, где получается, – произнес Артем и подумал: «Конечно же, я все делаю правильно. А разве может быть как-то по-другому?»

– О чем я говорил? – спросил я сам себя. – Вспомнил! Отдадите моральное превосходство – они мигом это почувствуют и нейтрализуют вас. Вы сами не знаете, чего хотите. А может быть, и знаете, но желаете так много всего, что сами никак определиться не можете. А хотеть всего и сразу – это прямой путь к тому, что вы равным счетом не получите ничего. Получается, вы пожинаете плоды всего

того, что вы вроде бы лелеете – страдаете и ни черта не ведаете. Не спорю, что промежуточных успехов вы добились, но им грош цена – они только тянут вас в яму, которую вы сами себе роете. Не заметите даже, как туда свалитесь, потому что живете в мире, который сами для себя создали из легкого и доступного. Но без труда не вытянешь рыбку из пруда. То же самое и в хоккее. Допустим, мы говорим о победе – сколько всего вы закладываете в эти шесть букв: слава, деньги, девушки, готовые вешаться на вас только из-за того, что вы хоккеисты. Добавьте сюда тщеславие, бесконечные понты, совершенствование физической формы одновременно с захламлением морального состояния. Все это можно назвать одной из ваших главных слабостей, которой, несомненно, надо пользоваться... что и делают ваши сегодняшние противники. Вы их недооценили с высоты вашего мнимого величия. Но на вершине ли вы, судя по счету на табло? Не думаю. Можно приводить уйму подобных примеров – даже я этим пользуюсь. Вы настолько слабы и невнимательны, что не замечаете элементарных вещей, а хоккей – это только повод пилить вам мозги...

Я осекся. Меня так понесло, что я только опосля сообразил, что несколько последних фраз вообще не следовало говорить. Поток аргументов – непрерывная цепочка, в которой каждая последующая мысль выходит из предыдущей. Грех не дойти до логического завершения.

Ужаснувшись, я спросил себя: «Я сказал это вслух?» В

ту же секунду я решил как ни в чем не бывало мигом оправдаться, но получилось не очень:

– Вы этого не слышали, – грозно заявил я.

Все без исключения хоккеисты хотели в тот момент меня отмудохать, но я настроился на режим непробиваемой стены. Но всех опередил один-единственный человек...

Адская смесь из чувств и мыслей, бурливших в Вольском, вырвалась наружу в порыве доказать всем мою неправоту, биться за свое имя насмерть. Он старался терпеть мои выпады, ибо первый из всех понял мою необходимость в команде, но сейчас и его нервы сдали:

– Еще как слышали! – вспыхнул Илья и с размаху кинул свою клюшку на пол, от которого она еще и пару раз отскочила с характерным звуком.

– А что это ты клюшками разбрасываешься?! На себя посмотри! Судя по твоим действиям на льду, ты просто жалкое и некомпетентное существо. Ничтожество, а не хоккеист!

Вот мы и достигли точки кипения. Словесный конфликт грозил перейти в физический. Однако отведенные на перерыв минуты пролетели – в раздевалку вошел Степанчук и командовал:

– Шевелитесь, рептилии! Перекур окончен! – он произнес это с необыкновенным воодушевлением. Гарантированный проигрыш обеспечивал карт-бланш для последующей взбучки – пацанам не поздоровится.

– И помните, – объявил напоследок я, – вы должны выйти с высоко поднятыми головами и сделать их!

Все схватили клюшки, надели шлемы и с задумчивыми лицами побрели на лед. Вольский шагал впереди всех, на ходу застегивая шлем и надевая краги.

– Вольский! Не смей распушать перья на хвосте! Ты ничего не сможешь мне доказать! – Вольский не слышал меня: у него свои планы на третий период. Он хотел продемонстрировать всем, что он сильный и способный хоккеист, что не нуждается в других и не заслуживает оскорблений и обвинений. План Ильи прост: забросить такую нужную сейчас шайбу исключительно за счет индивидуального мастерства.

Хоккеисты «Магнитки» и «Молота» уселись на жесткие скамейки в отведенных местах; первые пятерки вышли на лед. Стартовое вбрасывание – третий период стартовал. Никто ни до, ни после перерыва не хотел идти на уступки. Разница в счете минимальная.

Виталий Николаевич, прежде чем занять свое место, прошел мимо хоккеистов на скамейке запасных и произнес:

– Не дай бог – проиграете! Тогда осознаете в полной мере, что означает выражение «не работает голова – работает все остальное». Нужен гол! Поехали!

Я же стукнул Илью по шлему и пригрозил:

– Не смей ничего делать наперекор установке! Никакой самодеятельности! Я прекрасно понимаю, что ты задумал!

Выпендриться хочешь – не выйдет! Все, как сказал тренер. А попытаешься что-нибудь выкинуть, знай – ты труп, – сказал я, но Илья даже ухом не повел – он был холоден и сосредоточен как никогда в жизни. Ни я, ни кто-либо другой на свете уже не мог повлиять на порядок действий, который сложился в голове у Вольского. Паренек горел желанием выделиться и исправить сложившееся положение не только в игре, но и в собственной самооценке. До его «звездного часа» оставалось ждать буквально несколько минут. Не для команды, а только для себя.

Я, настороженно поглядывая на непослушного форварда, встал рядом со Степанчуком, продолжая вести статистику.

– Знаете, вот начался третий период, а я чувствую себя неудобно – какая-то нездоровая обстановка складывается среди наших игроков, – признался я.

– Я всегда себя так чувствую, когда нахожусь рядом с этими дегенератами.

– Может, стоило перетасовать пятерки?

– Поздно пить «Боржоми». Это шоковая терапия, – хладнокровно выдал тренер.

Прозвучал свисток.

– Смена! – крикнул тренер.

Нападающие и защитники сменились, играючи преодолев бортики. Свежая пятерка распределилась по нужным позициям на площадке. Вольский с ними. «Хоть бы чего лишнего

не вытворил, сумасшедший!» – я справедливо считал, что самодеятельность выйдет боком не только ему, но и всей команде. Все, что с ним творится – это закономерный процесс, который пройдет сам собой. Такой уж возраст.

Илья глянул на партнеров по звену, один из которых застыл в полушагате на круге вбрасывания. На секунду Илья присмотрелся и к игрокам «Молота-95». Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох – холодный воздух детского ледового дворца проник в легкие.

– Понеслась... – произнес он и услышал звук пронзающей воздух шайбы и щелчок скрещенных на точке клюшек.

Вбрасывание выиграл противник, что разозлило Вольского – он ринулся за нападающим «Молота» вместе с остальными. Пас за пасом, и вновь пермяки в позиционной атаке – хмурый Абдуллин готовится тащить. Команда нервничает, тренер с помощником напряжены до предела, а тут следующая картина...

– Гляньте на него! – вырвалось у кого-то.

Я, Виталий Николаевич и все наши примкнули к бортику, чтобы лучше увидеть то, что происходит на льду. Вольский, будто сам не свой, рассекает по льду, отрабатывая в защите за троих. На его пути возник мчащийся с шайбой в сторону ворот Артема Абдуллина нападающий «Молота». Вольский догоняет его и сбивает с ног. В пределах правил, показывает арбитр. Шайба достается Илье. Он цепляет ее на крюк клюшки и несется в противоположную сторо-

ну площадки, а форвард «Молота» продолжает лежать на льду – глядишь, все же назначат двухминутный штраф. Арбитры непреклонны, поэтому приходится подниматься. Желая отомстить своему визави, нападающий «Молота» бросается вдогонку за Вольским. Илья же, никого не замечая, мчит к чужим воротам, не отдавая шайбу ни своим, ни встречающим его чужим.

– Во дает!

– Один в ноль будет.

– Отдай! 17-й открыт! – истошно орал с трибуны Степанчук.

– Начались в деревне танцы, – отреагировал я.

– Демон! Сейчас забьет, – сказал Брадобреев.

– Нет, не забьет, – парировал Сергей Соловьев.

– Спорим?

– Забились.

– Блин, нашли время! – ворчал я.

Арсений Митяев в недоумении стучит клюшкой, требуя передать ему шайбу. Они с Вольским летели в зону «Молота» на параллельных курсах. Арс недовольно озирается в сторону скамейки запасных «Магнитки-95». Видит недоумение и там – это явно ни с кем не согласовано. Вольский полностью дистанцировался от посторонних взглядов и восклицаний. Его волнует реакция только одного человека – того, кто побудил его на совершение этого марш-броска. Илья уже не в силах остановиться: очень хочется доказать

всем, что он достоин уважения.

Вскоре Илья позабыл и про это – он на пределе сил и возможностей. С него ручьем лился пот, дыхание опережало обыкновенное тиканье часов. Он перебирал ногами по льду так быстро, что это движение невозможно уловить глазами. Он вцепился в клюшку; его глаза чуть ли не взрывались от напряжения, веры и желания. Взгляд устремился на вратаря команды противника, к которому Вольский с каждой секундой подлетал все ближе и ближе – казалось, что ему уже никто не сможет помешать. Оставалось несколько мгновений до прицельного удара клюшкой по шайбе, которая точно попадет в ворота. Должна попасть в ворота! Обязана!

– Где защита?! – истошно кричал тренер «Молота».

Он направил всю энергию своего тела в одну точку – все для прицельного щелчка, от которого наверняка сломается клюшка. Его сердце билось в таком бешеном ритме, что разгоряченное тело дрожало. Резкая остановка игры или промах стоили бы ему жизни. Кровь в Илье вскипела. Тут и наступил самый важный, волнующий момент... Он уже не видел преследующих его хоккеистов, защитников и нападающих, своих и чужих. Он видел только вратаря впереди и несущуюся шайбу, которую Илья подгонял клюшкой. Она казалась ему сверхбыстрой кометой с блестящим хвостом, которая вот-вот устремится во вражеские ворота. Вольский даже на секунду представил, как он феноменально забросит

шайбу без посторонней помощи, ни разу никем не остановленный; вообразил, как объедет чужие ворота, всплеснет от радости руками, цинично улыбнется вратарю, окунется в объятия и похвалы одноклубников, а потом невольно поймает мой недовольный взгляд, взгляд побежденного человека, который убедится в том, что чудовищно ошибался. Потом Илья весело отобьет подставленные кулаки всех сидящих и запрыгнет на скамейку через бортик. И никто уже не вспомнит про то, что он весьма эгоистично провел шайбу до чужих ворот через всю площадку под ошалелые взгляды товарищей, с которыми должен был поделиться. Предвкушение гола на секунду стало самым важным моментом в его жизни, но... желаемому не суждено сбыться.

Внезапно Вольского поразило, словно ударом молнии. Ее воображаемый электрический разряд прошелся по всему раскаленному телу хоккеиста – от головы до ног и рук, по каждой клеточке. Он прошел по ногам, которые затряслись и перестали держать его, по рукам, которые мигом ослабили хват, по спине, которая не удержала осанку. Он даже не успел понять, откуда последовал удар. Его источник – нападающий «Молота», которого в самом начале атаки неловко опрокинул Илья. Парень настиг обидчика и со всей силы отомстил дерзкому форварду, исподтишка зарядив по нему клюшкой.

Сокрушительный удар. Защиты на Илье будто и не было вовсе. Парнишка из «Молота» невольно вырубил Вольского:

удар по плечу и частично по шее достиг мозга и сердца, что миг отключило Илью, как короткое замыкание отключает электрическую сеть. Вольский никак не предвидел такого исхода, поэтому до ужаса напугался столь странному состоянию. Все его ощущения и мысли мигом улетучились куда-то в небытие, за пределы телесной оболочки; ему показалось, что и душа тоже покинула тело... И это тело просто свалилось как старое пальто с вешалки – напрямик под свисток арбитра, зафиксировавшего грубое нарушение. В глазах у Ильи потемнело; ноги надломались, словно спички. На скорости Вольский рухнул на лед и врезался в борт за воротами «Молота».

Единственное, что Илья успел сделать, прежде чем потерять сознание, – это прикрыть решетку шлема крагами. Пронзительную боль от столкновения с бортом он уже не почувствовал. В этот момент все затихло, все потеряли дар речи и устремили свои взгляды на то, что произошло на льду. Тишина продлилась пару секунд, затем по скамейкам и трибунам прошелся шумок негодования. Такое периодически происходит, поэтому все до последнего думали, что Илья лежит и по-мужски терпит сковавшую его боль и сейчас непременно поднимется. Но Вольский продолжал лежать неподвижно.

– Этого еще не хватало. Вольский, вставай же, вставай, – сквозь зубы приказывал ему я, но тщетно. Степанчук как ответственный за ребят и их здоровье уже мысленно

сел на нары.

Страх, пробежавший неприятным холодком по спине, неизвестность, удивление, томительное ожидание и абсолютно неуместный интерес – что только не витало в воздухе. Среди хоккеистов наконец-то проснулось сопереживание, волнение и сострадание к другу. Присутствующие на льду уже давно обступили лежащего без сознания Вольского: даже хоккеисты из другой команды, даже арбитры – все просто стояли и смотрели...

Когда человек видит умирающее животное, ужас охватывает его: то, что есть он сам – сущность его – уничтожается на глазах, перестает быть. Но когда нечто умирающее есть человек, человек знакомый, близкий, любимый – тогда, кроме ужаса перед уничтожением жизни, чувствуется смертельная печаль, надрыв и духовная рана, которая так же, как и рана физическая, иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит и боится прикосновения извне.

Для всех Вольский – неотъемлемая часть команды, часть единого кулака. И эта часть исчезла. Что же, спрашивается, будет с таким неполноценным кулаком? Ответ очевиден. В особенности тогда, когда команда и так не в очень хорошем состоянии. Что же, спрашивается, будет с тренером, с его ассистентом, если этот надрыв, полный боли и сострадания, постиг абсолютно всех, кто стал неволь-

ным свидетелем разыгравшийся в тот день драмы?

Я и Степанчук чуток помешкали и, поскользываясь на льду, спешно устремились к Илье. Он лежал на животе и не шевелился. Вокруг него сомкнулось плотное людское кольцо, но ближе всего к нему стояли и сидели хоккеисты его команды. Не каждый день сталкиваешься с таким.

– Врач, где врач?! Где он, когда так нужен?! – спрашивал кто-то с дрожью в голосе.

Словно танк и бульдозер, Степанчук и я растолкали столпившихся хоккеистов в разные стороны. Увидев воочию лежащего Вольского, мы тоже ощутили тот самый страх, витавший вокруг травмированного (или чего похуже) 16-летнего хоккеиста. Будто вся неопределенность и грусть момента сосредоточилась тогда именно в этом месте. Я с каменным лицом оглядел хоккеиста – остальные ничего не предпринимали. Рот немного приоткрыт, глаза закрыты, но плотно не зажмурены, кожа побелела от холода, на щеках, лбу, бровях и ресницах блестели капельки пота, дыхание едва уловимо. До пульса еще нужно докопаться через толстый слой экипировки. При беглом осмотре можно заключить, что Илья безмятежно спит. Но это хуже, чем сон. Все стояли в недоумении.

– Что же вы стоите?! – растерянно и одновременно злое рывкнул Степанчук, сварганив фирменную физиономию (все мышцы его лица напряжены, а глаза вытаращены).

Чибриков с Бречкиным искали виновника происшествия в

толпе. На первых порах они хотели хорошенько его отде-
лать, положить рядом с Вольским. Плевать на штрафы и
возможную дисквалификацию.

Мое же лицо не выражало абсолютно никаких эмоций –
я стоял перед Вольским на коленях, ощущая жуткий холод
от исцарапанного льда: «Этого ты хотел, засранец?» – ду-
мал я, аккуратно снимая с него шлем. Подложив ему под
голову крагу, я прощупал пульс на руке и на шее – слабый
и неровный. Я раскрыл его веки, стараясь не делать резких
движений, – увидел бессознательно потемневшие глаза.

Я поднялся и спокойно объявил:

– Пошлите скорее за доктором – человек без сознания, –
меня поразило, что обозначенная профессиональная по-
мощь только лишь коснулась льда где-то позади. – Промед-
ление может стоить нам очень дорого. Надеюсь, вы пони-
маете, о чем я?

Хладнокровие, бессердечность и отсутствие хоть како-
го-нибудь сострадания от моего имени поразили присут-
ствующих. Магнитогорских хоккеистов особенно. Они, ко-
нечно, догадывались, что я способен на такое, но никак не
ожидали того, что я останусь в стороне от беды. Я и сам
не ожидал. Роль, всего лишь роль... От собственного пове-
дения мне самому стыдно и тошно, но ненужные эмоции я
подавил и внезапно словил злобно-серьезный взгляд Митяе-
ва, который стоял ближе всех ко мне. Я посмотрел на Кош-
карского и Брадобреева – их глаза говорили мне: «Ты не че-

ловек – ты бессердечная машина!» Я отвернулся от них и вышел из толпы. Наверное, полкоманды хотело положить рядом с Ильей меня, а не форварда «Молота». Предысторию знали все.

Это одновременно спокойное, тихое, мирное, размеренное, сонное, умиротворяющее чувство окрыленности и пустоты, радости, смертельной скованности, отчаяния и печального осознания конца, который постепенно переходит в страх, привычку, а затем и в телесное и душевное тление. Вольский чувствовал, что находится в каком-то глубоком сне, полном неизвестности: все перед его глазами заблестело, словно в облаках. Его одолевало приятное чувство отторжения от прежней жизни, от всех ее трудностей, условностей, проблем, границ – пришло осознание того, что все кончилось, мучения и недоразумения позади, волнения завершились, как и напряжение с нервяками – все это в прошлом, все кончилось.

Странно, но в последнее время все хорошее в жизни Илья начисто забыл, поставив перед собой только самое негативное, поэтому в первые минуты пребывания в новом и необычном для него состоянии он не вспомнил про хорошее, а когда вспомнил, то это заставило его занервничать, напрячься, открыть глаза и не поверить тому, что происходило вокруг. Состояние странное и волшебное, даже пугающее; к тому же Вольский погрузился в него неожиданно – он мог сию секунду нарушить тонкую незыблемость, поме-

шать окружавшему его равновесию. В первые минуты явно не хотелось производить столь значительные изменения, побаиваясь не пережить их. Либо он просто обрадовался этому, хотя и внезапная радость заставила его ужаснуться.

Вольский так и лежал на холодном льду, на том же месте. Он лежал и не хотел ничего менять, был спокоен и равнодушен, будто все знал и со всем смирился, что бы с ним ни приключилось дальше. Время остановилось. Вокруг царил обилие света и холода, так что Илья даже немного замерз... мысленно: он знал, что ему холодно, но не чувствовал этого – его голова не дружила с телом. Еще бы, покойники ведь существа бесчувственные. Форвард лежал неподвижно, словно он спит и видит прекрасный сон. Но неизвестный голос пробудил его...

Вначале шумы, которые слышал хоккеист, издавались тихо и неразборчиво. Но потом их источник резко приблизился к нему, и непонятные звуки стали похожи на голос, рождающий отдельные слова, которые органично образовывали предложения:

– Я чувствую, что ты боишься. А ведь секунду назад бесстрашным был. Желал ведь распрощаться с жизнью, которая тебе надоела, наскучила, замучила тебя. А сейчас все свершилось так, как ты и хотел. Ты не рад? Наверное, еще не понял, где ты и в каком состоянии. Так уж и быть, я дам тебе пару минут отдышаться и прийти в себя. Хотя... о

чем это я? Здесь никто не дышит, и времени как такового нет, – голос показался Илье знакомым, но он никак не мог собрать все разлетевшиеся на осколки мысли в одно целое и постараться идентифицировать его. Хоккеист чувствовал пугающее опустошение, будто вся его память, все его мысли, характер, поведение и инстинкты стерлись, поэтому полагаться ему не на что. Даже свой голос, ставший тихим, хриплым и грубым, Илья не узнавал. Хоккеист не мог пошевелиться: наверняка пролежал на этом месте целую вечность и вмерз в лед.

А лежал он на знакомом ему катке в хоккейной школе, на том же льду, за теми же воротами «Молота», у бортика. Ледовый совершенно опустел. Илья слышал один только странный посторонний голос и ненавязчивый гул то ли холодильного оборудования, то ли ветра снаружи. Поразителем для него стало также то, что на обычно плохо освещаемом катке теперь стало ослепительно много белого света. Куда-то подевались немногочисленные зрители, исчезли команды и обслуживающий персонал.

Чувства медленно возвращались к Вольскому – неизвестный голос нарушал ласкающую уши вечную тишину. Илья впервые постарался подняться, но не получилось – тело его не слушалось, он его попросту не чувствовал, ему просто внушалось то, что тело у него есть. Присутствовали всего лишь вольные мысли, простейшие умозаключения и свободная душа. Вновь послышались слова, исходящие от рас-

пльвчатого силуэта, глядевшего на Илью сверху вниз:

– Не вставай, – Человек словно ощущал все чувства и мысли, одолевавшие Илью. – Не надо этого делать, – спокойно твердил силуэт, подошедший к хоккеисту. – Лежи спокойно, наслаждайся умиротворением, пока есть время – ты всю свою жизнь ждал этого момента. А тот мир, из которого ты ушел, никогда бы не предоставил такой возможности, – Илья крепко зажмурил глаза и медленно открыл их снова. Ярчайший поток света на секунду ослепил его. Человек весело и удивленно произнес еще одну реплику. – Не узнал, что ли?

Неизвестный отошел в сторонку, облокотился об бортик и спросил:

– Итак, что ты хотел этим доказать? – собеседник пристально изучал Вольского. Сам Илья лишь слушал его и старался узнать говорящего, но пока был не в силах этого сделать. – Чего ты хотел этим добиться? Доволен теперь? Видимо, ты всегда мечтал закончить свою жизнь именно так. О карьере вообще молчу.

– Я умер? – смог вымолвить Вольский, не узнав собственного голоса. Он понимал, что его желания стали явью, а когда он произнес свою догадку вслух, то удивился и одновременно испугался как ребенок. Вот до чего доводят безрассудные желания.

Вольский задал вопрос с нотками вины и сожаления в голосе. Непривычная, неведомая ситуация – все человечество

бьется над вопросом, что же нас ждет там, после земной жизни, и вот он здесь, но извечный вопрос волнует его в последнюю очередь. Ему казалось, что он говорил первые в жизни полноценные слова. Он хотел закричать или заплакать от отчаяния и безысходности, но ни того, ни другого сделать не получилось. Заплакать и одновременно закричать ему также хотелось от ошибки, которую он совершил, желая очутиться здесь: он не успел достаточно пожить, чтобы в полной мере осознать смысл жизни, ее ценность и красоту. Он прекрасно понимал, что отныне не почувствует себя хорошо, не увидит и не услышит родных и близких, не вернется в родной город, не встанет на коньки и так далее. Также он недоумевал, почему его натренированный организм дал сбой в самый неподходящий момент. То, что его сломали извне, он попросту не успел понять.

Транс, кома, бессознательный бред, глубокий сон – не равня тому, что происходило в том странном месте. Воображение такого тоже дать не сможет. Если лежать на льду, то рано или поздно становится холодно – Вольский это знал, но не ощущал ничего кроме тишины и режущего ее на куски голоса. Вскоре он поймет, кто его собеседник, и ему станет не по себе еще больше. Илья просто не готов увидеть этого человека в таком месте и в такое время и тем более разговаривать с ним на серьезные темы. Почему именно он? Может быть, это и есть тот предсмертный сон, та магическая стадия, когда нужно выбирать: погружать-

ся во тьму смерти или идти к свету жизни (умереть ведь можно в любой момент, а жизнь нужно заслужить, в том числе осознав свою неправоту), а ведь у каждого этот сон, наверное, свой собственный, особенный? Где же тоннель?

Илья был в ужасе, что так рано и внезапно с этим столкнулся. Человек тем временем продолжал говорить, медленно разгуливая по катку. Наружность и голос Человека хоккеисту знакомы. Этот персонаж ходил за ним по пятам, заставлял его сомневаться в себе, грустить и радоваться, уставать и нервничать, доводил до бешенства, олицетворял недоверие, обман, жестокость и наглость, но одновременно подталкивал преодолевать себя, совершенствоваться, думать головой и играть в хоккей. Вольский не раз задумывался, что от этого человека все-таки есть польза и что он неслучайно появился в хоккейной школе. Наверняка все уже догадались, о ком идет речь.

Да, это вполне объяснимо, но одновременно невозможно. Данный факт никак не поддается простейшей вере в свою реальность, но в тот момент реальность была жестока, а стечение обстоятельств – беспощадно. Илья закатил глаза, будто обращаясь к небу: «По-моему, ты смеешься надо мной. Замечательно! И этот человек – даже не знаю, называть его человеком или нет – поможет мне сделать самый главный выбор в жизни? Или он здесь, чтобы поглумиться надо мной?! А, может быть... может быть, он здесь из-за того, что когда-то я поверил в него первым из всех, а теперь

он поверит в меня? – размышлял Вольский. – Но в чем же он может мне подсобить? Он не способен верить, не способен понимать и помогать, не способен чувствовать? Или я ошибаюсь? Боже, за что? Почему это происходит со мной?»

Итак, это действительно было нечто с внешностью Петра Елизарова. Все остальное – мысли, эмоции, чувства и суждения – издавались будто не от него, а от кого-то на стороне. Язык не повернулся бы назвать Человека его земным именем, так что будем называть его некой таинственной сущностью, Фантомом или просто Человеком. Он продолжал говорить, отвечая на заданный Вольским вопрос:

– Да-а-а. Ситуация, конечно, на грани безумия, но тебе в первую очередь нужно осознать, что это немного не такая, но все-таки реальность... какая бы страшная она ни была. Их вообще много... этих реальностей. Конкретно в этой только красного занавеса не хватает... Здесь тебе остается лишь принять решение, сделать выбор. Простое на первый взгляд действие: решиться, выбрать между двух слов, двух миров – жизнью и смертью. Что эс, волнующий момент, но долго продолжаться он не будет, – строго отрезал собеседник.

Илья понял, что от него ждут ответа, хотя он толком и не определился.

– Что же я должен сделать?

Вольскому стало страшно: неужто он такая безвольная тряпка? Паренек запутался и усомнился во всем настоль-

ко, что не способен найти подходящих и стоящих доводов для того, чтобы жить, и для того, чтобы умереть. Он стоял на распутье. Фантом дал ему немного времени подумать – мыслительный процесс станет для Ильи мучительным и одновременно самым важным в жизни. Для начала нужно поверить в то, что с ним происходит.

– Для начала я повторяю вопрос: с какой целью тебя понесло забрасывать эту чертову шайбу? Зачем ты это сделал? Что хотел, на что рассчитывал? – спросил Вольского Человек, хотя прекрасно знал ответ.

– Я хотел победить. Победить себя, победить других. Хотел доказать, что я далеко не тот слабый и ни на что не способный человек, каким меня считают другие, – поведал Вольский, но потом подумал и заключил. – Но получилось в точности наоборот: я ничего не доказал... вернее, доказал обратное, ничего не добился, сделал только хуже.

– Победа – это приз, а боль – это цена, которая прилагается к этой победе, – изрек собеседник Ильи. – А тебе больно всю жизнь. Может быть, твоя победа заключается в том, чтобы жить?

– Я сейчас встану и прекращу этот кипиш! – бесцеремонно объявил обессиленный хоккеист, понадеявшись на авось – это рассердило Фантома.

– Прекратишь?! Ха, ты уже десять минут на льду валяешься. Попробуй, смельчак! А вообще: зачем тебе это надо?! Лежал бы спокойно, не рыпался. Умереть при исполнении

любимого дела – каждый творец о таком мечтает. Пора уже завязать с этим жестоким миром. Надо жертвовать жизнью ради жизни, и эта жизнь может стать твоей, – не щадил его Фантом.

– Хватит так говорить: ты явно хочешь, чтобы я страдал!

– Да, – выкрикнул Человек и тут же шепотом промолвил, – а вот умирать – это только тебе подвластно.

– Какая разница? Можно считать, что сейчас я пожертвовал собой.

– Нет находки без потери, а облегчения без трудностей. Мы вечно чем-то жертвуем – без этого никак. Мы все в этом мире отчасти страдаем, но некоторые страдают одновременно с любовью, счастьем, удачей, богатством. Все звенья этой цепи – от страдания до счастья – неразрывно связаны. Твоя жизнь, как тебе казалось, состояла из долгих и изнурительных страданий, поэтому у тебя пропало желание жить, но его можно перебороть. Но сначала поблагодари и покайся – тебя проверяют... и проверяют оттуда, – Фантом указал пальцем куда-то вверх. – Ты обязан преодолеть эти испытания. Иначе, выходит, они сделали неверный выбор. А они не должны ошибаться: люди перестанут в них верить... и тогда ничего не останется, – Фантом призадумался, а потом продолжил. – Если испытывают, следовательно, ценят – значит, чего-то ты еще стоишь в этом мире. В мире, в котором большинство людей можно уже не

считать людьми по-настоящему.

Слушая Фантома, Илья размышлял: «Спокойно. Без паники. Меня будто вербуют, и я ничего не могу с этим поделать, потому что силы покинули меня. Я хотел стать сильнее, а на деле стал беззащитным и уязвимым. Душа моя плачет, а тело изнывает – я сам довел себя до такого состояния. Я в смятении – от неожиданности и мнимой торжественности момента мне становится страшно, больно и досадно. Кто же это? Чьи лапы пытаются ухватить мою душу? Кто защитит ее? Либо я сам, либо никто! Да, кажется, здесь заблудшие души небо принимает. Обеими руками держусь за себя, за душу свою, за ангела-хранителя, умоляю его не оставлять меня, не покидать мое немоющее тело». У него родился закономерный вопрос, произнесенный с толикой сомнения:

– Мне умирать?

– Нет, тебе еще рано умирать. У тебя будет долгая замечательная жизнь, но когда-нибудь умирать и надо. Будь, пожалуйста, живым! – Человек словно играл с Ильей.

После этих слов Вольский не выдержал, напряг мышцы и попытался встать, но их будто свело. Свело и не отпускало. Тело будто огрело током, и он едва незаметно дернулся – ему стало больно, боль вывернула его так сильно, как выворачивают мокрую тряпку. Илья плотно сжал веки и губы. Но все-таки успел яростно произнести:

– Прекрати это!

– Не могу! – ответил Фантом. – Лишь тебе под силу это чудо!

– Боже, как я ненавижу эту жизнь!

– Быстро, однако, ты сдался, – разочарованно покачал головой Человек. – Испугался, как только почувствовал приближение смерти, ее ледяное дыхание. Испугался такой ответственности. А решать только тебе. Я здесь лишь для того, чтобы ты сделал правильный выбор – в зависимости от него ты поймешь, что нужно делать дальше.

– Мне нужно встать – мое место явно не здесь! – заскулил хоккеист.

– Стой! Ты еще не понял всей ситуации до конца... Ага, вот и появились зрители (в тот момент вокруг Вольского уже скопилась толпа). Посмотри на них, на их глаза – они ведь просто смотрят из любопытства, а не из сострадания, – какие-то полупрозрачные силуэты действительно окружили его на несколько мгновений. – Никто из тех, кто сбегался посмотреть на тебя, даже не стремится хоть чем-то помочь. Вот ты очнешься – все твои мечты о хоккейном будущем растопчут. А твой обидчик, который сейчас прячется за спинами остальных и нервно озирается, избежит наказания, дадут максимум «5+20», а потом он станет богатым... знаменитым, возможно. Но то, что он с тобой сделал сегодня, будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

– Так вот, кто меня так, – вымолвил Илья. – Это был

не я.

Вольского продолжали посещать различные мысли: «Почему эти люди смотрят на меня такими пустыми и беспомощными глазами и ничего не делают? Почему продолжается действие, когда герой на грани жизни и смерти? Вытащите меня отсюда! Пожалуйста! Хотя они глухи, ничего не слышат. Сменяются декорации, по-новому засияет свет, музыка не прервется, а жизнь не остановится. Действительно, едва ли она изменится для остальных, если я уйду. А как же мои родные? Они верят, ждут, любят. И все хоккеисты мне тоже как родные!» Подумав об этом, он произнес:

– Но хоккей – это смысл моей жизни. Моя судьба тесно с ним связана, – наивно отметил хоккеист.

Фантом предполагал, в какую сторону будет склоняться Вольский. Интересно наблюдать за самим процессом терзающего парнишку выбора. Правда, даже сам собеседник Ильи толком не определился, какую сторону занять в этом случае – жизнь или смерть?

– Хоккей. Команда. Друзья. Пора бы это оставить! Я понимаю, близкие, а что здесь? Для чего тебе все эти люди? У одного – тщеславие, у другого – деньги, у третьего – девушки и секс, у четвертого – понты. Несерьезно все! Я раскрою тебе страшную тайну: не каждому из твоих друзей в дальнейшем посчастливится сыграть в хоккей по-настоящему. Меньше половины пробьются в МХЛ, единицы – в КХЛ. А за бугор – про это вообще говорить не хочу.

– А я?

Человек молчал.

– Ответь же!

В ответ молчание. А потом:

– А знаешь ли ты вообще, что такое коллектив? Коллектив – это когда люди подлые пытаются взять то, что одиночке взять не могут, чтобы под одним флагом и общими целями спрятать свою слабость и трусость, сесть на шею тем, кто сильнее и лучше. Я за одиночку: чтобы жить так, как хочется, чтобы никто не указывал, чтобы позволять себе все, что хочешь, получать от этого кайф и ни с кем не делиться, – Вольского поразила такая интерпретация – он задумался, прищурился глазами, но согласиться не мог – ненароком ему вспомнился и разговор с настоящим Елизаровым на точно такую же тему. – Хочешь жить в предрассудках? Пожалуйста. Тебе решать! Только тебе... Где и как играть, кстати, тоже.

Тут Илью вдруг посетил проблеск истины, который то ли пробудил его, то ли еще глубже опустил в забвение.

– Своей жизнью распоряжаюсь я и только я! – отчеканил он.

Илья постарался изо всех сил подняться, но лишь поморщился – вновь ничего не вышло.

– А ты не торопись – подумай хорошенько. Хочешь ли ты возвращаться в эту жизнь, которая состоит только из мучений, жестокости, тьмы, вероломства и несправед-

ливости – это просто ломанная судьбы. Я знаю, ты много об этом думал. Сейчас наступил такой момент, когда нужно прийти к заключению, завершить мучительные и долгие размышления. Остаться живым и продолжить мучиться. Либо выбрать другой путь, на котором тебя больше никто не побеспокоит... вечно.

Рвение Вольского пропадало: он опускал руки, переставая мысленно карабкаться к свету и падая во тьму, из которой вновь старался выбраться через какое-то время. Приходилось очень трудно, но он держался изо всех сил: подобную моральную нагрузку, особенно когда она причиняет тебе нестерпимую моральную боль, способен выдержать не каждый.

– Может, мне и незачем подниматься с этого льда, на котором меня и не стало, на который я возлагал большие надежды... когда-то. Он должен был возвысить меня, заставить любить, гордиться, ценить жизнь, а в итоге на нем я и умер, как когда-то впервые встал на коньки и поехал, – Вольский отлично помнил тот момент – воспоминания немного согрели его. – Это было мое второе рождение – теперь оно станет моей смертью.

– Хорошую ты, однако, провел параллель, – похвалил его Человек. – Попробуем проанализировать вкратце твою жизнь, которую ты предпочел бы до нынешнего момента потерять, с двух сторон.

– Можешь выпустить последнюю каплю яда. Она меня

точно добьет.

– Что ж, представь, что будет, если вдруг бац! и тебя не станет. Ну прям как сейчас – ты в двух сантиметрах от смерти. Несомненно, своим уходом ты причинишь боль не только родным и близким, но и тем, кто каким-либо образом с тобой связан, например, друзьям или еще кому-нибудь. Стоит заметить, что ни все из вышеперечисленных желали тебе добра – лишь единицы верили и доверяли тебе, только они по-настоящему ценили и любили тебя. Кому-то совершенно до лампочки, существуешь ты или нет. А остальные просто тобой пользовались, утоляли свои первичные потребности. Например, те же мнимые друзья-хоккеисты...

– Им я не посмею причинить боль! Даже не смей говорить о них ничего плохого! – разозлился Вольский и тут же почувствовал острую боль в голове, от которой потемнело в глазах.

– Не надо меня поучать – это тебе не поможет. Не забывай, что здесь ты под моим контролем, поэтому слушай. Я хочу, чтобы ты понял все, дабы не наступить на одни и те же грабли дважды.

Боль прекратилась, и Илья вновь почувствовал душевное и телесное опустошение. Фантом продолжил:

– Сначала они твои друзья, а потом при первой же возможности они с большим удовольствием превратятся в твоих врагов, кинут тебя, оставят погибать в одиночестве.

Их основное оружие – хитрость и твое чрезмерное доверие. Ты, может, и не захочешь причинять им боль, но они причинят ее тебе, если ты не сделаешь это первым. В данном контексте человека бережет одиночество, даже если он находится среди других людей... в команде.

– Это не так, – прошептал Вольский.

– Хорошо. Не хочешь про это, давай про хоккей. После твоей скоростной смерти ты станешь знаменитостью, обретишь такую славу, о которой ты не мечтал даже в самых смелых грезах: все будут говорить о тебе и о том, что с тобой произошло, будут лелеять, хвалить, вспоминать, терзаться, почему тебя больше нет, плакать и скорбеть. Будут разбираться, заведут дела, найдут виновных, те откупятся, посему накажут крайних. Возможно, снимут фильмы, документальные по большей части. Никогда не проливали столько слез и так о тебе не говорили, как будут говорить и плакать после твоей кончины. Будешь звездой – стараться здесь особо не нужно. Нет жизни – нет проблем. Ты же этого хотел. Разве я не прав?

Вольскому показались странными и необъективными доводы его собеседника, но факт, что ему хотелось уйти в мир иной, хоккеист отрицать не мог, поэтому отделался общей фразой человека правильного и принципиального:

– Никогда не слышал ничего абсурднее.

– Но это правда. Ужасно – через каждую секунду «хоккей» да «хоккей»! Для чего ты вообще связался в этот хок-

кей – это опасный спорт, он совершенно тебе не подходит. Такому, как ты, нужно заниматься чем-нибудь другим – творчеством, спокойным и размеренным.

Собеседник хотел, как и Елизаров в реальности, подавить моральную стойкость Ильи, наталкивая на дурные мысли. Фантом ничуть не разочаровался, когда услышал критику в сторону доводов о смерти, хоккее, друзьях. Нечто, говорившее с Вольским в то время, сделало вывод: что-то светлое в нем осталось, причем эти чувства сильные и искренние. Когда же они собираются пробиваться наружу и нести его обратно к жизни?

Илья думал недолго – из всех прелестей занятия хоккеем он выдал только одну, самую характерную для себя:

– Когда конек касается льда, я забываю обо всех своих проблемах и невзгодах. Это другой мир и другая жизнь – непосвященным не понять, – с легкой усмешкой сказал он, но она быстро исчезла с его бледного лица. – А сейчас вроде бы все в порядке, а внутри хуй знает что происходит. А ведь тело нужно содержать в таком виде, чтобы душе не хотелось... его покинуть...

– Да, с этим трудно спорить – уроки жизни не прогуляешь, не то что уроки в школе.

– Как же хорошо было тогда, до всего этого.

Собеседник опустил на корточки перед Вольским:

– Если ты стоишь лицом к прошлому – значит, ты стоишь спиной к будущему. Не оглядывайся назад – иди толь-

ко вперед. Прошлое на то и прошлое, что оно в прошлом, а наше будущее еще не написано, потому что зависит от дня сегодняшнего. Жить надо настоящим, даже если это больно и неприятно. Все у тебя получится – люди ведь учатся не по теории, они учатся на ошибках. Жизнь есть и тогда, когда этих ошибок вагон. Какой вывод можно сделать из первого варианта развития событий: свобода в смерти – уход от всего. Каждый из нас свободен! Я не говорю о свободе внешней, я говорю о внутренней свободе – внутри мы свободны! Это исключительно наш выбор, а не выбор нашей судьбы или еще чьей-то. Но свою жизнь надо контролировать, ведь некоторые люди умирают в 25 лет, а в могилу попадают только в 75. Я вижу, что тебе трудно, но жизнь такая; не было бы трудностей и испытаний – не было бы жизни. Вот сейчас ты на распутье и совершенно безосновательно. Ты можешь сомневаться в ком и в чем угодно, но только не в себе. Такой вариант собственной смерти, я вижу, тебе не очень симпатичен. Поэтому есть и другая сторона этого вопроса, и она, наверное, тебя сейчас очень интересует. Представь, что будет, если ты вернешься и продолжишь жить. Здесь далеко не все так сказочно, как ты себе воображаешь. Это не наивный детский мультик все-таки... Ну, вернется к тебе сейчас жизнь: очнешься ты в больнице, терзаемый мучительной болью. Спустя некоторое время ты узнаешь, что твое здоровье окончательно подорвано не только физически, но и морально. Пройдут ме-

сяцы восстановления, и в один прекрасный день ты придешь на тренировку, а твое место уже занято другим и в тебе больше не нуждаются, потому что ты отныне серьезно болен – любая мало-мальски тяжелая нагрузка сделает тебя инвалидом окончательно. Да и к тому времени твоей команды уже и существовать не будет. Ты окажешься у разбитого корыта, на выжженной земле, в опустошенной жизни, потому что все, что связывало тебя с хоккеем, отныне ушло в небытие – на это была потрачена вся твоя сознательная жизнь. Хоккей настолько прижился в ней, что вместе с этим несчастным случаем и травмой, которая надолго поселит тебя в больничной палате, от твоего сердца оторвется солидный кусок. И никуда ты не сможешь пойти, не сможешь что-то изменить, заняться другим будешь не в силах, потому что главная цель твоей жизни – хоккей – отныне недоступна, а освободившееся место в кратчайшие сроки трудно заполнить чем-то серьезным. Жизнь без цели опустеет. Тем самым круг замкнется – все вернется к мыслям о смерти. И старуха с косой придет к тебе охотнее и быстрее, чем сейчас. Поверь, последний вариант намного хуже.

– Да, никудышная у меня жизнь, мало чего в ней хорошего: одна серость да уныние. И ведь я же не хотел делать чего-то неправильного... И вот результат моего безрассудства. Зачем тогда жить, если мое жалкое существование и настоящей жизнью назвать трудно? – произнес Вольский.

– Наверняка ты уже понял, что жизнь надо ценить за то, что она есть, а оскорблять и сомневаться в ней никто не имеет ни малейшего права. Потому что это величайший дар, за пренебрежение которым предусмотрены серьезные последствия.

– Это и было моей главной ошибкой – я много сомневался. А всего-то надо было жить, невзирая ни на какие трудности.

– Если не научишься ценить то, что есть – никогда не станешь счастливым. Ценить надо не только что-либо большое и важное, но и самое маленькое и незаметное, – казалось, что Фантом был то за белых, то за красных. – Важно все: каждая мелочь, каждое действие, каждая мысль, каждая минута и секунда прожитого. Совокупность этих мелочей и есть жизнь, и, как видишь, мелочи играют огромную роль в людском существовании, а иногда – в твоём случае – могут сыграть злую шутку с человеком: на них ведь никто не обращает внимания, а они вон что творят... иногда даже убивают. Вся жизнь состоит из мыслей – как из молекул. Имеющие впоследствии огромное значение мысли всегда просты по своей сути. Ведь так просто сослаться на сложность, которая на самом деле коварна, двулична и обманчива. Просят и жалуется слабаки, а сильные терпят, идут и добиваются цели.

– Но ведь в жизни было и хорошее, – понадеялся Илья.

– Это да. Но на фоне мыслей и событий последних ме-

сыцев ты сам затмил все хорошее в себе; твоё хорошее по сравнению со всем плохим – просто ничто. Надо уметь наслаждаться минутой счастья – второй такой может и не представиться.

– Что ж, поживу – увижу, доживу – узнаю, выживу – учту, – заключил Илья.

– Ага, но к прелестям земной жизни ещё необходимо вернуться, так что главная ступень – здесь и сейчас. В твоё нынешнее состояние люди впадают именно тогда, когда находятся на перепутье. На данный момент у тебя много мыслей о смерти, поэтому я имею право поддержать и их. Тебе в сотни раз труднее – не всем под силу за несколько минут уговорить себя жить. Многие на этом моменте уже давно концы отдали.

– Я смогу...

– Довольно амбициозное заявление. В тебе-то я не сомневаюсь, но готов ли мир, готовы ли остальные к твоему возвращению?

– Не понял? Я же сознание потерял всего лишь на минуту – к чему им готовиться?

– Ты в этом состоянии можешь проваляться не только минуту, но и день, неделю, год, а то и всю жизнь. Не факт, что все вернется на круги своя.

– Нельзя все вернуть?

– Нет. Твоя жизнь уже не будет прежней. Если ты и попытаешься что-то восстановить, то будет катастрофи-

чески трудно. Ты сам завел себя сюда – это твоя битва, твой поединок, ты борешься с самым сильным и коварным противником, который знает о тебе все... С самим собой. Как раньше уже не будет никогда. Все в этом мире тянет тебя в разные стороны: переманивает на свою и опровергает противоположную. И каждый раз мы делаем выбор и идем избранной дорогой к поставленной цели, часто немислимыми путями соединяя воедино эти противоборствующие стороны и направляя их в нужное русло, дабы юлить и выживать. Столкновение этих сторон наступает неожиданно, как землетрясение или цунами. А есть принципиальные вопросы, по которым необходимо занять одну сторону и устоять на ней. Момент выбора наступает в жизни каждого.

– Почему именно сейчас? Почему сегодня?

– Так совпало. Вероятно, это всего лишь плохой день, а не плохая жизнь. Она только кажется хуже всего на свете, но при этом является бесценным сокровищем для людей, источником их существования – к сожалению, логику этих существ, которые не замечают очевидного, не понять, – собеседник Ильи помолчал немного. – Значит, ты после долгих размышлений и анализа первого более или менее серьезного жизненного опыта и всех бед и страданий, которые тебе пришлось пережить в жизни, дошел до того момента, когда получишь ответ: человек ты или просто оболочка? Еще существует истинный путь: по нему идут праведники, кото-

рые игнорируются обществом или признаются умалишенными. Некоторых в свое время даже на крестах распивали. Смысл в том, что истинный путь – он на земле, при жизни, а не там, где смерть и вечный покой, – собеседник Ильи все-таки выбрал сторону, хотя с легкостью мог бы разубедить Вольского и направить парня в сторону смерти. Что-то в Илье понравилось Фантому, поэтому он не мог просто кинуть в бездну заплутавшего человека. – Жизнь – это череда сложностей и испытаний, это бытие, судьба, а по ту сторону – тишина и умиротворение. Подумай еще раз, стоит ли возвращаться? Чтобы начать новый путь, нужно сойти со старой дороги, и этот переход здесь, Илья. А касаясь всего, что там, что вокруг тебя, то бояться не нужно: не надо сторониться ни Степанчука, ни человека, чью маску я надел, ни кого-либо еще, врага или конкурента... ибо все мы тоже с кем-то бываем ласковыми, а какого-то боимся и ненавидим.

– А ты и Бога знаешь?

– Хм, – усмехнулся Человек. – Каждый из людей сам по себе бог, коль управляет своей жизнью, ведь ей по-настоящему никто управить и не сможет.

– Скажи мне, ты ангел?

– Может быть, я и смахиваю на ангела, но не смей даже предполагать этого, особенно при мне.

– Я знаю, что ответ тебе уже известен: должно же все это закончиться когда-то и чем-то?

– Хорошо! Давай, попробуй все закончить! Прямо сейчас! Вставай! Но помни: тебя поднимет не тело, а душа, а она у тебя разбита. И разбил ее ты. Но, с другой стороны, выхода нет только из гроба, – Илья яростно поверил в то, что это дурной сон, несуразное видение, бред сумасшедшего, будто он вел беседу сам с собой, и решительно собрался выйти из этого состояния, но все окружающее было и реально, и абстрактно одновременно, то есть относительно – в голове не укладывается. – Это сложно, сложнее всего материального и духовного – поднять себя из ямы, которую сам выкопал.

Илья чуть шевельнул веками, но никто из окружающих наяву не заметил этого. Подняться у него не получилось, а Фантом продолжал угнетающе давить на свою жертву:

– Вот видишь! Даже самое простое действие для тебя оказалось невыполнимым, – Фантом оживился, будто перенесся в реальное время и оказался в толпе обступивших Илью людей. – Смотри, сколько глаз смотрят на тебя! – с усмешкой сказал он, а потом заявил серьезно. – Пора решать! Жить или умирать. Прямо сейчас! Давай же!

Вольский застонал:

– Я уже ничего не могу. Поздно что-то делать и о чем-то думать. Я по горло увяз в этой жизни. О, что же творится?! Я уже ничего не знаю!

Илья растерялся – ему хотелось заплакать от безысходности, но ни одна слезинка так и не выкатилась.

– Обидно, Илья, когда у тебя есть шанс все изменить, а ты просто струсил. Ты сам подписываешь себе приговор. Мне искренне тебя жаль – распорядись собой сам! Выбрал путь – иди по нему до конца, никогда не сдавайся. Те, кто сильны духом и волей, тому и владычица тьмы, Смерть, не конкурент. Именно в такие моменты, Илья, понимаешь, как классно жить, так что у тебя два варианта: подниматься и жить либо умирать.

Внезапно Илья почувствовал, как по его жилам медленно начала растекаться надежда, что он выживет, что сможет наслаждаться жизнью, любоваться миром незамысленными глазами, вдыхать свежий воздух полной грудью, что сможет играть в хоккей, увидиться с любимыми и так далее. Ему хотелось как можно дольше избегать повторения этого разговора.

– Значит, у меня есть выбор? – повторил вопрос Илья.

– Глупый вопрос. Выбор есть всегда, даже если тебе кажется, что это безвыходная ситуация. Так что решай. Поиск пути – обязанность каждого человека. Главное, найти его, пойти по нему и не свернуть в сторону. Все от тебя зависит.

Хоккеиста осенило – в нем проснулось желание жить, в первую очередь из-за красоты жизни, которую он однажды перестал замечать. Здесь и наступил перелом, ради которого все перевернулось с ног на голову – Илья отлично понимал, что жизнь после поменяется и наверняка не в лучшую

сторону. Он верил, что все преодолет, несмотря на грядущие трудности.

– Я готов – я хочу обратно! Я хочу жить и радоваться жизни. Плевать, что она мне готовит. Я буду жить и не сдамся, не пойду на поводу ни у людей, ни у губительных мыслей про ничтожество этой великой... величайшей жизни, – одухотворенно произнес Вольский, хотя силы его на исходе.

Но прежние мысли и ближайшее будущее, сулящее проблемы со здоровьем и прощание с хоккеем, не теряли надежды задушить Вольского, будто обхватив его толстой ржавой цепью вокруг шеи. Илья внезапно погрузился и подумал: «Я бездарность! Что же я могу? – он задал себе вопрос и тут же на него ответил. – Все! Я способен на все! Я человек, божество, и своей судьбой управляю только я один, только я один контролирую свою жизнь! Я буду жить. Никто не сможет мне помешать!»

Он понял, что на этом свете нет ничего идеального – у всего сущего есть и другая неотделимая сторона: она сложна при близком рассмотрении и легка при рассмотрении поверхностном. Если есть хорошее, присутствует и плохое, негативное, но от этого никуда не деться – без баланса и вечного противостояния не появилось бы ничего дельного. Это вечная борьба, вокруг которой все и строится – она порождает великие трудности и испытания, приводящие к развитию.

Третий закон Ньютона гласит, что действие равно противодействию. Также известно, что каждая элементарная частица, будь это фотон или глюон, имеет свою античастицу. Аналогичное происходит не только с людьми, но и с их мыслями и чувствами. Каждая мысль, зародившаяся в человеке, имеет свои положительные и отрицательные стороны, имеет разное влияние на самого человека и окружающую его действительность. Каждая мысль имеет противника – их борьба происходит непосредственно при столкновении, жить вместе долго они не могут, потому что какая-нибудь мысль, светлая она или темная, обязательно вытеснит другую. Но не убьет. Подобный процесс при становлении личности весьма мучителен, сложен и неоднозначен, ведь существование самого человека времени может быть поставлено на карту из-за каких-то микроскопических идей, имеющих разрушительное действие.

Долгожданый перелом произошел – сторона выбрана! Вольскому хотелось жить дальше. Он хотел строить будущее. Но предстоящий путь невозможен без естественной жизнедеятельности организма, мозга в частности. И никакая смерть здесь никогда не помогла бы – ничего бы она не облегчила.

Илья Вольский, переживая непродолжительную клиническую смерть, словно переродился. Он стал другим человеком. И момент перерождения у каждого свой, и приходит он неожиданно, хотя подготовка идет месяцами и даже го-

дами – он заставит переосмыслить жизнь, измениться, думать о другом и совершать иное, вести себя по-другому, не как раньше. Вольский не поддался мыслям о привлекательности смерти – здесь жизнь оказалась сильнее. Но все в этом мире находится в балансе. Аналогично термодинамической системе, которая будет изменяться до тех пор, пока не произойдет равного распределения теплоты между горячим телом и холодным. Сегодня в нелегкой битве жизнь одержала победу над смертью. Бывает и наоборот.

Собеседник Вольского смотрел на него и знал все, что происходило в его голове, читал его мысли. Фантом понял: выбор сделан в пользу жизни. Он задумчиво помолчал и шепотом начал говорить:

– Что ж... Вот тебя уже грузят на носилки, хотя, я уверен, твои товарищи по команде могли бы отнести тебя прямо на руках. Очнешься ты уже в больнице. Твоей жизни уже ничего не будет угрожать... кроме тебя самого. Я дарю тебе жизнь! Вернее, ты сам себе ее подарил – ты ее добился, заслужил. Теперь ты знаешь, что не всегда нужно применять физическую силу, чтобы чего-то добиться. И ты, надеюсь, поймешь сам, как это сделал и для чего. Ты выбрал сторону жизни – проживи ее достойно, даже если она будет труднее, чем прежде. Если ты еще раз окажешься в подобной ситуации, то времени на раздумья у тебя не будет. Твоя жизнь и жизнь любого, какие бы они ни были – это сокровище, и его не губят, а преумножают, им дорожат, его

ценят таким, какое оно есть. Все будет так, как ты хочешь – только подожди. Пройдет время, и жизнь покажет тебе, что все было только к лучшему.

Фантом подошел к Вольскому, нагнулся и посмотрел ему в глаза. Илья натужно улыбнулся и услышал последнюю реплику собеседника, с которым он больше никогда не увидится – разве что в бреду или пьяном угаре:

– Я уверен, что ты понял все. Так что будь хорошим мальчиком.

«А вот насчет отличного хоккеиста – не знаю», – этого Фантом говорить не стал.

Вольский закрыл глаза и вновь погрузился во тьму. Фантом – судья-посредник, направляющий заплутавшие души – исчез. Илья вновь оказался в терзающем его беспомощности и судорожной горячке. Очнуться он не мог, но уже слышал голоса вокруг, крики и разговоры тренеров, арбитров, хоккеистов, врачей скорой помощи – все смешалось в один общий шум вместе со звуками скрежета коньков по льду, топота, звяканья носилок, грохота двигателя.

Илья вновь почувствовал холод, дуновение ледяного ветра, дыхание людей, вновь почувствовал свое тело. И вдруг ему снова стало больно. Болит – значит, живой! Он почувствовал, как трещит голова, как ноет плечо, пульсирует в шее, но внешне он еще не пришел в себя. Правда, внутри уже давно бурлят процессы становления нового жизненного этапа – именно так он распрощался со старой жизнью, хо-

тя в самом начале дня был убежден, что ни жизни старой, ни жизни новой для него не существует. Сейчас ему хотелось жить – чувство такое сильное, что даже в бессознательном состоянии он готов улыбнуться, ибо ему удалось спастись.

Диалог с кем-то знакомым, но в то же время весьма далеким он пытался запомнить дословно, но, к сожалению, тот постепенно улетучивался из памяти Вольского, как и наружность того, кто находился рядом в моменты отчаяния, ответственного и важного выбора, кто вел с ним беседу и помог вернуться обратно, а не продолжать путь в никуда.

Наконец прибежали медики, и я удалился из толпы.

– В рубашке родился паренек. Живой. Но медлить не стоит, – сказал один из фельдшеров.

Публика вокруг Ильи расступилась. Сотрудники неотложки вместе с хоккеистами аккуратно подняли Вольского и водрузили на носилки. Илюха ощущал присутствие пациентов: Арсения Митяева, Сереги Кошкарского, Паши Брадобреева и Тохи Филиппова. Товарищи были рядом вплоть до кареты скорой помощи: шли молча, ведь не знали, что будет дальше, будет ли эта дорога для Ильи смертельной или спасительной. Все провозжали их растерянными взглядами. Никто не смел что-либо выкрикнуть или засмеяться. Виновнику трагедии хотелось просто самоуничтожиться – если бы таинственный Фантом разговаривал с ним, то точно

бы соблазнил выбрать сторону смерти.

В голове Ильи не было ничего кроме слов: «Выбор за тобой». А он отвечал себе: «Поэтому и стоит жить. Чтобы делать выбор», – Вольский продолжал парить в состоянии между сном, комой и реальностью. За минуты провала в памяти (он не помнил, как его донесли до скорой, как везли в больницу, как над ним колдовали врачи) перед ним пролетела вся жизнь – ее итоги грамотно вклинились в яркие картинки из прошлого и настоящего. На секунду ему даже захотелось домой. Он понял, каков он был, и теперь знал, каким он хочет стать. Он усомнился в себе, усомнился в жизни, но после этого происшествия многое понял: его прежние мысли, рассуждения и доводы в пользу лозунга «лучше смерть, чем такая жизнь!» грешны и безосновательны. Он переборол смерть, стал относиться к ней и к жизни по-новому, с правильной точки зрения. Ему хотелось жить, но впереди его ждет жизнь, наполненная последствиями всего, что сейчас произошло.

Попутно его одолевали мысли: «Быть мишенью, виновником собственной смерти, подопытным тицеславным и одновременно усомнившимся кроликом драйвова, очень интересно и... смертельно опасно. Когда ты ранен в сердце, когда твоя душа искорежена, рождается надежда, дается шанс выбрать. А после – новое видение, новые мысли, новые чувства и ощущения. Но однажды наступит точка невозврата. Каждое мгновение, каждый вздох, каждый шаг должны

обретать смысл и содержание. Жизнь течет по рукам, по ногам не завтра, не вчера, а только здесь и сейчас! Именно сейчас я могу простить самого себя и попросить прощения у других, поблагодарить их за шанс вернуться к жизни. Сердце становится бесконечно добрым. Какими замечательными кажутся люди вокруг. Сколько добра и помощи я ощущаю рядом. Все силы, волю, каждую каплю крови, каждое движение мысли я обращаю в благодарность, в молитву, в слезное покаяние за то, что не позволили мне умереть. О чем хочется молиться, когда осознаешь реальную опасность смерти? Какие моменты жизни следует припомнить, а какие, уходя в мир иной, можно забыть? Никакая лирика не посещала мое воображение, не туманила мне голову – лишь череда воспоминаний... и людей, чья любовь способна вернуть к жизни. Пытаясь примириться с маской побежденного, я не винил себя в том, что проиграл. Одновременно я не соглашался погасить огонь жажды жить. Все мое существо превратилось в единый, почти неистовый вопль к Богу о помиловании, о прощении грехов. И меня услышали. Мое истощенное сердце посетил покой, мысли потекли размеренно, а душа начала каяться. Какими ничтожными и мелкими открылись мне разногласия с ближними, все мельчайшие недовольства жизнью, весь ропот и отчаяние развращенной души. Мы недовольны жизнью? Да кто нам дал право оскорблять дар Божий? Чьи же козни разрушают нашу любовь и благодарность к жизни? Не свои

ли собственные? Человек ведь рождается в муках и умирает в сомнениях. А некоторые люди, существа тупые и самоуверенные, даже не пытаются найти ответы на эти вопросы: они живут без сомнений и переживаний, а в душах этих человекообразных бездонная пустота. Им никогда не осознать того, чего постиг я. Все это можно понять, единожды побывав на грани жизни и смерти и вернувшись оттуда живым...»

Скорая мчалась с мигалкой по проспекту, пронзая холодный осенний воздух; мелкий снег, колкий и противный, обсыпал капот и стекла ледяной крошкой. Вечер опустился на город – за окнами хоккейной школы, которые находились под самой крышей, виднелось темно-синее небо позднего вечера. Мне стало холодно – я обнял себя двумя руками, потер ими кофту и встал на пустую лавку. На табло застыли: оставшееся время третьего периода («15:29») и счет остановленного матча, который наверняка надолго задержится в памяти присутствующих («3:4»).

«Он не забросил свою шайбу...»

Гости уже давно удалились в раздевалку (грандиозного конфликта между командами удалось избежать, ибо все были в неведении, выкарабкается ли Вольский), немногочисленные зрители разошлись.

Какой уж тут играть? Хоккеисты «Магнитки-95» ожидали одноклубников, которые отправились на улицу вместе с медиками. Я с важным и непреклонным видом всматри-

вался в белый лед. Степанчук то принимался ходить взад и вперед, то убегал беседовать с врачами и арбитрами. Магнитогорцы не уходили со льда. Я неторопливо читал их фамилии на свитерах, а потом посмотрел в сторону ворот – возле них неподвижно сидел Абдуллин, положив руки на колени, опустив голову и закрыв глаза. Неужто молится?

Как ни странно, но я почему-то ждал продолжения игры, которое будет нелегким испытанием для всех. А будет ли оно? Что в таком случае делают? У нас ведь недобор игроков в итоге. Техническое поражение? Без понятия. Важно другое: предпринятая мной моральная атака Вольского, свидетелями которой стали хоккеисты «Магнитки», была ужасной ошибкой. Я потерпел сокрушительное поражение и покорно ожидал реакции пораженных до глубины души и поэтому чертовски разъяренных хоккеистов.

Четверка тех, кто помогал врачам неотложки, угрюмо вернулись и вместе со всеми проследовали в раздевалку – какой тут бить морды вероломному врагу, какой уж тут хватать кураж, выигрывать или проигрывать?

Я стоял у скамейки запасных. На все злобные взгляды хоккеистов я лишь виновато опускал глаза. Кто-то проходил молча, кто-то вздыхал и отворачивался, кто-то просто не замечал меня и смотрел вперед.

– Большой ублюдок, – внезапно услышал я от последних. Внутри я признал это, отчего мне стало погано на душе.

– Пес ебаный.

Вскоре лед опустел.

Все пребывали в странном состоянии: шок, страх, неопределенность и боязнь за жизнь Вольского, с которым сейчас неизвестно что творится. Пугало то, что на наших глазах началось сражение между жизнью и смертью, что совершенно невыносимо для психики людей, которые обычно далеки от этого. Такое ведь может приключиться с кем угодно. Хоккеисты безмолвно садились на лавки, понуриив головы и пытаясь сообразить, что хуже: бессознательное состояние Ильи или мой нечеловеческий и бездушный поступок, который спровоцировал случившееся.

Я продолжал неподвижно стоять, размышляя о произошедшем. Степанчук нервно убрался в тренерскую, уселся в кресло и замер там в недоумении: он был удивлен и одновременно напуган происшествием. Его поразило то, что он так чувствительно все воспринял: несомненно, что-то подобное Виталий Николаевич испытывал ранее и думал, что привык, но это не так – привыкнуть к этому невозможно. «Вот те на! Вот картинка складывается! Как же я мог быть таким легкомысленным и не замечать очевидного? Как снег на голову! – восклицал коуч. – Что же теперь будет? Как теперь быть?» Наш долг состоял в том, чтобы поехать вдогонку за скорой и быть рядом с хоккеистом, но все происходящее сковывало не только тело, но и голову, не привыкшую к такому развитию событий. Признать ошибку публично все боялись, как и пытаться ее исправить.

В это время Арсений Митяев не мог усидеть на месте (он обескуражен ситуацией и моим поступком в том числе) – он в сердцах отбросил полотенце, которым вытирал пот, резко поднялся, выбежал из раздевалки и устремился по коридору прямо в коньках и массивной экипировке на лед, где в тот момент находился я. Сеня подлетел ко мне, схватил за плечо и резким движением своей большой руки развернул лицом к себе. Все случилось так неожиданно, что я не на шутку напугался и ошарашенными глазами взглянул на него; сердце застучало в бешеном ритме. Сам Митяев тяжело дышал и от ярости не контролировал себя. Он поражен бессердечием собственного друга и одновременно посчитал всю ситуацию оскорблением святого для него спортивного духа, духа команды. Арс схватил меня за ворот кофты и поднял перед собой так, что мои ноги оторвались от пола, а одежда затрепала по швам.

– Что же ты творишь?! – рявкнул он, а я продолжал испуганно, как нашкодивший щенок, смотреть на его свирепое лицо, которое напряжено до такой степени, что пот на нем, кажется, шипит, словно масло на сковороде. В порыве ярости он со всей силы припечатал меня к стене. Внезапная боль (прямо как у Вольского) сковала мне спину – я готов был взречь от нее, но не издал ни звука, лишь сморщился и стиснул зубы. Арс еще раз взглянул мне в глаза, увидев в них боль и вину. – Не мог промолчать в перерыве, сука бессердечная?! – не дав мне опомниться, он внезапно разжал

хватку. Я свалился на пол у стены и мигом свернулся в комок, дабы защититься от возможных ударов. – Это все из-за тебя! Все видели, – Митяев махнул в мою сторону и побрел в раздевалку. Кажется, он сжал кулаки до крови.

Я расплакался, сидя на холодном полу. В эту самую минуту, когда я закрыл лицо руками, Вольский, будучи без сознания, ответил на мой вопрос, поставленный еще в раздевалке, тем самым заканчивая свою мысль: «Я рад, что я здесь! Пусть ты считаешь меня идиотом и ни на что не способным хоккеистом, но я ношу эту форму, играю за эту команду, принадлежу ей целиком и полностью. Пусть ты каждый божий день выносишь мне мозг и втаптываешь в грязь мою личность, я все равно останусь верен принципам, которым я посвятил всю свою жизнь, и тем урокам, которые выучил сегодня. И самое главное... Я верю – верю в себя, в тебя, верю во всех...»

В хоккейной школе вновь воцарилась тишина – мысли о Вольском не покидали никого...»

«Черт возьми!» – я вскочил с постели в холодном поту.

Все та же комната. В той же челябинской гостинице.

«Надо же! Не знал, что сны могут возвращать в прошлое, – подумал я, протянув руку к бутылке воды, дабы промочить горло. – Да еще и так реалистично! – страшно не от ощущения реалистичности, а как раз оттого, что это все действительно происходило.

Я пробудился машинально – за несколько минут до бу-

дильника. На дворе уже новый день, 16 декабря 2011 года.
День первой игры.

История пятая. «Первая игра»

Раскатка близится к завершению. До начала первой игры с челябинским «Мечелом» меньше получаса.

Местный дворец спорта несколько больше магнитогорского. В нем намного холоднее, отчего я невольно обнял себя – со стороны же создается впечатление, что я сложил руки на груди и сосредоточенно наблюдал за хоккеистами, как и Степанчук рядом. А еще здесь светлее – видимо, за счет стен, выкрашенных в желтый с зеленоватым оттенком цвет (против магнитогорского серо-буро-малинового).

Как и на сухой тренировке, так и сейчас на льду хоккеисты выполняли привычный набор упражнений: катались, разминаясь, гоняли шайбу, прицельно бросали по воротам. Я соскочил с лавки и подошел к бортику – шайба от мощного щелчка вылетела на скамейку:

– Потише, Митяев, потише, – подмигнул Арсению я, выбросив шайбу обратно.

Обычно он улыбочив и приветлив. Однако когда сосредотачивается на игре или разминке, вот тогда его лучше не беспокоить. Я даже и не подозревал, что, оказавшись у бортика, стал отличной мишенью.

С противоположного края площадки в сторону вратаря полетел грузный нападающий – Ваня Пирогов в полуприседе приготовился отразить намечавшийся бросок. Но форвард

прицеливался в совершенно другую сторону. И вот, сменив опору с одной ноги на другую, он остановился и мощно замахнулся клюшкой, вложив всю силу в прицельный щелчок.

Я и вскрикнуть не успел. Меня будто копьем прошило. Все тело пронзила острая боль, будто пушечное ядро сняло скальп с правого бока, обнажив ребра. Словно что-то взорвалось внутри и в ключья разворотило меня, откинув на лавку. Неуправляемый каучуковый диск врезался в меня и отскочил в сторону. Стиснув зубы, я схватился за больное место. Источник боли пульсировал. Все нервные окончания будто взбесились, прорезая грудную клетку мощными электрическими разрядами. Дышится с трудом. Вот-вот сердце вылетит из груди.

Разъяренный снайпер, затаивший на меня обиду, торжествовал.

– Глянь, Елизарову в бочину прилетело.

– Хотел хоккеей прочувствовать? Получи, – перешептывался кто-то.

– Вы хотя бы в защите, а он нет, – вразумил напарников Чибриков.

Мне солидно прилетело.

– Я в порядке, – заверил я Виталия Николаевича, однако меня контузило так, что я на первых парах и шевельнуться не мог. Думал, что, если оторву руку от больного места, мне станет хуже.

– Не ври. Нечего свои типа стальные яйца демонстриро-

вать, – Степанчук не хотел меня слушать – как и всегда, впрочем. Удивительно, что сжалился и все понял... по моему-то перекошенному лицу и ужасу в глазах. – Быстро в медпункт!

– Да все со мной нормально, – запротестовал я, пытаюсь скрыть волнение в голосе. – Кто только эта...

– Марш, я сказал! – скомандовал тренер. – Я разберусь.

Степанчук видел замах виновника. И не он один.

– Зря ты, – проехав мимо Бречкина, произнес Кошкарский.

Леша даже не пытался отнекиваться. Он садистски любовался моими муками, а упреки для него сродни комариному пisku. Официально Бречкин, конечно, героем не будет, но он надеялся, что все тайно благодарят его за решительный поступок. Бречкин рассчитывал, что отныне я буду сторониться его, а если и вовсе завяжу с хоккейной школой, то он будет считать себя отомщенным. Многие здравомыслящие сразу сообразили, что Леша даже и не думал о непоправимых последствиях своего поступка, которые закономерно могут последовать.

– Тебя не спросили, – огрызнулся Леша. – Спасибо скажи, балбес!

– Ты специально?! – подлетел к нему Митяев, крепко сжимая клюшку.

– И что будет, если я скажу «да»?! – издевательски поинтересовался Бречкин.

– Ты перешел все границы уже! – все больше бесился Арсений.

– Брось его защищать, сучий потрох! Выглядишь жалко.

– Как ты меня назвал?! – Митяев схватил Бречкина за грудки – оставалось сорвать с него шлем и прописать кулаком прямо по губам.

– Кому же ты продался?! – продолжал провоцировать Леша. Митяев еле сдерживал себя. – Давай, Арсюша! Ну же! Врежь мне! Чего ждешь?! Перечеркни наши с тобой отношения. Давай! Но сначала вспомни, сколько лет мы знакомы и сколько всего я сделал для тебя. Вспомни, как вместе на коньки вставали. Давай же, ну! Предай нашу дружбу ради придурка, которого знаешь без году неделя! Решай скорее! Да скидываем краги!

– Я защищаю человека, Бреча! По-братски! Ведь так правильно.

– Тогда ты еблан!

Многие смотрели на перепалку и не понимали, что нашло на пацанов. Но подсознательно каждый выбрал сторону. Вообще это неслыханно – разукрасить одноклубника на раскатке, еще и на глазах у другой команды.

Арсений отшвырнул Бречкина от себя. Леха рассмеялся и оттолкнулся ото льда, желая обрушиться на Митяева град ударов. Но грозный рык тренера со скамейки запасных прервал побоище:

– А ну-ка оба прекратили!!!

– Вы лицемеры все! – кричал Бречкин, обращаясь к команде, катаясь в стороне, будто испуганный пес, который не находил в себе силы подойти ближе, но отчаянно лаял. – Один я правду-матку мечу. Очнитесь! Вы сами хотели так сделать! Каждый, сука, из вас!

– Бречкин! – кричал тренер. – Пулей сюда!

– Митяев – ты сыкло! Как и вы все!

Алексей злобно подлетел к борту и перевалился через него, нарочно не глядя в сторону тренера.

– Ты что творишь?! Ты меня уже достал! Все твои психи достали! Вот вернемся в город, я тебя...

– И что с того?! – огрызнулся Бречкин. – Что вы сделаете?!

– Ну-у ты и гнида, малец! Увидишь! Сегодня ты на лавке, уяснил?! В глаза мне смотри! Понял?!

– Да! – рывкнул Бречкин и широкими шагами отправился в раздевалку, ударив клюшкой по защитному стеклу и сбросив краги в разные стороны.

«Не дожدهшься», – приговаривал он, попутно соображая, как вернуться в игру.

– Чего вылупились?! Продолжаем! – распорядился тренер, возмущенный дерзостью Бречкина.

«Ничего, – думал Виталий Николаевич, – посидит на лавке, посмотрит, как играют без него, почует, как жопа затекает, и по-другому запоет, петушок!»

Редко когда местный фельдшер принимал людей до начала игры. А тут к нему с натянутой улыбкой заполз я, сутулясь

и держась за грудь, будто у меня сердечный приступ. Моложавый медработник кинулся помогать мне снимать одежду, чтобы провести осмотр.

«Не прощу, если покалечил... тварь!» – мысленно бесился я.

Фельдшер тщательно изучал полученные мной увечья и молчал при этом, что меня, человека нетерпеливого, выбивало из колеи.

– Ну что там у меня?

– Здесь больно?

– Везде больно, – ответил я.

– Не ври, – спокойно отреагировал фельдшер. – Сюда приходили со сложными переломами и умоляли разрешить им играть.

Умеет разрядить обстановку, ничего не скажешь.

– Сейчас возьму лед, – сказал фельдшер.

– Спасибо, – устало поблагодарил я.

Тем временем закончилась раскатка. Команды вернулись в раздевалки.

– Давай-ка глубокий вдох, – слушал меня фельдшер, сунув в уши стетоскоп. Я немного вскрикнул при вздохе. – С сердцем все нормально. Работает, конечно, как ошпаренное. Но сейчас вернется в обычный ритм.

– Полной грудью, правда, не вздохнешь.

– Не переживай. Крепче держи, – сказал фельдшер, и я сильнее приложил к ране пакет со льдом, предназначенный

для хоккеистов. – Ушиб. Кости целы. Но для подстраховки снимок все же надо сделать. Сейчас наложу мазь и повязку. Походишь пока так.

– Хорошо.

– Ты еще легко отделался, – продолжил медик. – Эта штука могла и кости поломать, и в сердце угодить, и в шею.

– Не то слово, – вздохнул я.

– Может поболеть. Гематома будет знатная, – приготовил бинт фельдшер.

Когда меня забинтовали, я узнал у медработника адрес близлежащего рентгена, поблагодарил его и вылез из медпункта.

– Полный покой этому месту, – напомнил фельдшер напоследок. – Жаль, если раздерут мою повязку в травмпункте. Хорошая получилась.

В коридоре я застал выходящих на лед хоккеистов за несколько минут до начала первого периода. Я взял себя в руки и заглянул в раздевалку, надеясь посмотреть в глаза своему обидчику, показать ему, что я в строю. На что я надеялся? Все ведь ушли играть. Или нет?

Бречкин был там. И не один. Вместо глаз я увидел его затылок – склонившись над чьими-то вещами, он производил странные манипуляции. Задержав дыхание, я наблюдал за Алексеем из-за угла. «Чего он творит? Кто еще здесь?» – думал я, не отрывая взгляда от...

Почуввав постороннее движение, я отлетел в коридор. Ры-

вок обжог мне грудины. В сторону раздевалки летел Степанчук:

– А тебя не убить, – воскликнул он.

– Нужно знатно постараться.

– Именно поэтому ты и работаешь со мной. Чего там у тебя?

– До свадьбы заживет. Но нужно сделать рентген.

– Вот и делай.

– А как же игра, статистика?

– На одну игру разрешаю тебе забыть об этом, – смягчился

Степанчук. – Вон у нас... Пирогов записи сможет сделать. А ты иди.

Внезапно тренер вновь вернулся к своему обыкновенному возбужденному состоянию и крикнул в раздевалку:

– Филиппов! Бречкин! Вам особое приглашение?!

Из раздевалки вышел Бречкин и пошел в сторону льда, сделав вид, что не заметил нас.

«Да-а-а, отвык тренер. Стоило мне выбить на одну игру, так некому команду в полном составе на лед вывести, – думал я. – Но все равно странно», – наблюдал я за запоздалым выходом двух хоккеистов. Эпизод особенно подозрителен тем, что в нем замешан Бречкин. Но если я сейчас выскажу хотя бы одно соображение тренеру... На сегодня событий достаточно, решил тогда я.

– Филиппов! Ты какого хрена еще шнуруешься?! – негодовал Степанчук. – Пулей на лед! Гимн петь, – он чуть ли не

за шкирку выкинул Антона из раздевалки.

Я же побрел в сторону выхода и собирался попросить водителя нашего автобуса метнуться со мной на его машине до ближайшего рентген-кабинета. На протяжении всех разъездов мне не давал покоя только один вопрос: «Что Бречкин, черт возьми, там делал?»

Опасения относительно тяжести моей травмы оказались напрасны. Ни перелома, ни трещин, ни смещений, слава Богу. Тем не менее обидно... и больно. Снимать верхнюю одежду, братья за ручки, чтобы открыть двери, и вообще задействовать правую руку и правую сторону собственного тела неприятно. Еще и бинты немного сковывают движения. Хорошо хоть, что я левша, и данное обстоятельство меня особо не выбило из колеи.

Я вернулся в нашу гостиницу-общагу. Днем в ней тихо и практически безлюдно. Я посетил столовую внизу – кормят сносно, особенно когда умираешь с голоду. Я неторопливо поднялся в номер и до возвращения команды попытался обеспечить себе рекомендованный врачом покой. Однако думки об игре не давали расслабиться. Увидев свой дневник на тумбочке, я вообразил, сколько туда запишу на страничке с сегодняшней датой – день при этом еще в самом разгаре. Потянуло что-нибудь прочесть. Как и минувшим вечером, я открыл ежедневник на случайной страничке:

«...неожиданно появилась стройная эффектная блондинка, одетая в недлинное черное пальто, которое отлично гармонирует с ее сапогами на высоком каблуке. Светлые-светлые волосы и миниатюрное лицо, голубенькие глазки.

Не успел я открыть рот и набрать воздуха для какой-нибудь пространной фразы, в которой планировал объединить и комплимент, и приветствие, и восхищение, и удивление, как особа целеустремленно прошла в тренерскую, стуча каблуками.

«Важная штука! Что привело ее сюда?» – подумал я, не отрывая взгляда от ее изящного стана.

– Алина Вильде, – сходу представилась она. – Я в курсе, как нужно разговаривать с такими, как ты.

– Здравствуйте, Алиночка, – фамильярно и с неестественной улыбкой поприветствовал нежданную гостью я. – А я наслышан о вас.

– Я являюсь... – начала она, присев на стул напротив, положив ногу на ногу, но я бесцеремонно ее перебил.

– Девушкой Степана Кошкарского, нападающего «Магнитки-95» с джерси под номером 27, ростом 190 сантиметров, весом пока в пределах 80-ти килограмм, уроженца республики... жаль только, что не нашей.

– Знаешь, значит, – она одна из первых людей в мире, кого нисколько не удивили мои глубокие познания.

– 1:1! Я тоже не дурак. Также могу важно ворваться. Что

вас конкретно здесь интересует? Мне нужно работать, – проговорил я официально. Про работу я, естественно, наврал.

Тут мы оба услышали из коридора, как Степанчук драл глотку на хоккеистов на льду.

– Да какая у тебя здесь работа? Прихвостень тренера, – возмутилась она.

– Я как истинный джентльмен сдержусь от непроверенных высказываний о вашем роде деятельности, – сдержался я.

– Послушай меня. Я уверена, что ты в глубине души совсем не подонок, а умный человек, который поможет мне в одном деле, – смягчилась она. – Моя встреча со Степой была подарком судьбы, который я ни за что не упущу. Я люблю его. И я хочу знать только одно...

– Он тебя тоже любит. Вопрос решен!

– А любит ли его кто-нибудь на стороне? – закончила фразу Алина. – В твоих силах втихаря понаблюдать за ним. Не отвлекается ли на кого-нибудь?

«Ах, ревность. Не доверяешь ты ему. Хе-хе, нашла ведь, к кому обратиться. У тебя прям глаз-алмаз, милочка», – подумал я.

– С уверенностью заявляю, что с ним все в порядке. Он всецело твой, – я припомнил все случаи, когда Кошкарский вспоминал свою пассию. – Любовь, подобная вашей, нынче большая редкость. В таком-то возрасте.

– Но ты в нее не веришь, по тебе видно, – меня раскусили. Я молчал и внимал каждому ее слову. – Наверное, ты в курсе, что производишь впечатление очень уж грустного человека...»

В дверь неуверенно постучали. Я отложил чтение. Спустя секунду в комнату стыдливо, словно нашкодивший щенок, вошел поникший Антон Филиппов. Но поникшим он был лишь на первый взгляд – в его тихом омуте уж точно водились разъяренные черти. Он был в верхней одежде – из правого рукава почему-то ничего не выглядывало. На груди под застегнутой спортивной курткой виднелся бугор неизвестного происхождения.

«Знакомая картина», – подумал я, погладив свой забинтованный ушиб.

Я медленно поднялся с места и сочувствующе посмотрел на него:

– Что случилось?

Все стало ясно, когда Филиппов расстегнул куртку, под которой скрывалась его правая рука. Согнута в локте и прижата к груди. На повязке. В гипсе.

Степанчук вышвырнул Филиппова на лед, на котором уже давно выстроились команды: «Мечел» в темной домашней форме и «Магнитка» – в гостевой светлой. Антон хотел, легко оттолкнувшись от бортика, проплыть до своего места в

шеренге, как внезапно коньки и сантиметра не проехали. Застыли на месте как вкопанные – валенки и то резвее по льду скользят. Ноги Филиппова из-за плохо зашнурованных коньков чуть не оголились. Парень потерял равновесие и смачно припал к ногам Арсения Митяева под смешки окружающих. От такого конфуза он уже готов был вздернуться, но подавил гордость и как ни в чем не бывало заставил себя подняться. Ему повезло, что он не заметил, как покраснелся Степанчук, словно в солнцепек заснул на пляже в Египте: тренерские желваки нервно шевелились, губы задрожали, извергая невнятные проклятия.

– Тоха, – поглядывая на российский флаг, еле слышимо выцедил Митяев, – шнурки завяжи.

Он серьезно или глумится?

– Странно, на раскатке все было норм, – попытался оправдаться Филиппов. Его прервал государственный гимн Российской Федерации.

После него команды уселись на скамейки – на льду остались первые звенья.

– Филиппов, – Степанчук подобрался к защитнику, – ты что, в яслях?!

– Никак нет, тренер, – готов под землю провалиться Антон.

– Мигом шнурки завязал, дурень, – сказал ему Степанчук и прокричал всем. – А ну-ка собрались, обормоты! Вывели мне из строя помощника и расслабились?! А не тут-то было.

Я еще здесь!

Антон принялся перевязывать шнурки, даже не подозревая, что дело не в них. Парень мельком отмечал на себе чьи-то взгляды – паршивое чувство, однако.

– Филиппов! – окликнул его тренер. – Модник ты наш! Ты готов?!

– Да. Я в деле, – неуверенноотреагировал он.

– Еще раз такое увижу, – пробормотал Степанчук, – и будем прощаться. Честное пионерское.

Команды обменялись неопасными атаками. И вот, казалось, парни что-то дельное соорудили в зоне «Мечела». Но прозвучал свисток – вбрасывание в зоне соперника.

– Смена!

На лед вышло звено с Филипповым. И вот до него дошло: без разницы – что шнурки завязаны, что развязаны. Кошмар продолжился. До своей позиции он добрался с большим трудом, будто не катался на льду, а взбирался по отвесной скале, нелепо и неумело. Антон будто столкнулся с невидимой стеной, которую натужно двигал вперед всем телом.

– Он издевается, – прошептал Степанчук, прикрыв лицо ладонью.

– Коньки тупые, что ли?

– Их владелец тупой, – переговаривались хоккеисты.

Как только шайба вылетела из рук арбитра и коснулась льда, ее забрал нападающий «Мечела». Антон мог легко его обокрасть, но его коньки магическим образом успели зату-

питься за каких-то 15 минут между раскаткой и игрой. Или нет? Он рвался вперед, чуть ли не падая, надеясь, что вот-вот все вернется на круги своя. Выигранное вбрасывание мигом переросло в атаку «Мечела» – на переднем крае обороны находился растерянный Филиппов. Бойкий Антон Малкин умудрился отобрать шайбу у противника – его мигом окружили защитники «Мечела», и Малкин в последнее мгновение отдал диагональную передачу Филиппову. Тот спокойно принял шайбу – до чужих ворот рукой подать, но к нему уже несутся игроки челябинской команды.

Излишнее трение не позволило Антону даже сгруппироваться. На него набросились, сцапали, будто он зазевался. Один из форвардов «Мечела» развил приличную скорость и неудачно сшиб беднягу с ног. Вдобавок Филиппов хорошенько получил от бортика и бессильно сполз на лед – его обидчик развел перед арбитром руками. Спустя мгновение путем простейших комбинаций «Мечел» забросил первую шайбу в этой игре.

Филиппов почувствовал накрывающую его боль (не от досады): кости на руке, кажется, либо покинули место своего постоянного нахождения, либо раскрошились в пыль. Каждая пульсирующая судорога сковывала его и не давала подняться – через секунду боль обрела характер постоянной и невыносимой.

Пока челябинская команда радовалась голу, Филиппова аккуратно тащили в медпункт. Любое сотрясение, любое

прикосновение откликалось нестерпимой болью – все вокруг как специально обращались с ним точно с мешком картошки. Он был готов откусить собственный язык. Слезы на глазах выступили сами собой.

Все тот же фельдшер, с которым ранее познакомился Елизаров, встретил хоккеиста с распростертыми объятиями. Шабашкин и Малкин дотащили до кушетки корчившегося от острой боли и толком не успевшего взмокнуть от игры Филиппова. Поломанный только и твердил:

– Парни, я, правда, не специально, – таким скованным и беспомощным он не был никогда. – Коньки... Что-то с коньками... Что-то не то...

– Хорош себя жалеть, – отрезал Малкин. – Возвращайся скорее.

Партнеры по звену оставили Филиппова один на один с медработником: «Будь на моем месте Митяев или Брэдобреев, – досадно подумал Антон, – все было бы по-другому. Они бы остались, доктору ассистировали, пылинки с них сдували. Бля, как же больно», – Филиппов чувствовал себя чужим в «Магнитке-95».

Степанчук рвал и метал – пяти минут еще не сыграли. Арбитры подъехали к скамейке запасных гостей для выяснения состояния здоровья защитника. По мнению тренера «Мечела», все в пределах правил.

– Он как в неравных составах нас оставил, – ругался тренер. – Малкин, чего там?!

– Минимум растяжение, если судить по его жалобам.

– Малкин, а ты, что ли, врач?!

– Вы спросили – я ответил.

– Мне до лампочки твое мнение. Чего профессионал говорит?!

– Да там...

– Ясно. Не жилец, – заключил Степанчук. – Он издевается сегодня.

Но игра должна продолжаться. И тренер, скрипя сердцем, принял очевидное решение, ибо выхода не было:

– Гори оно все огнем! Бречкин! Играешь вместо Филиппова.

Бречкин коварно улыбнулся и победоносно взглянул на тренера.

– Сейчас увидите, кто здесь решает, – хвастливо объявил он окружающим. На него глянули с недоверием.

Как только прозвучал свисток, Леха ринулся в бой и всю игру носился по площадке как угорелый. Однако он понял, что одноклубники взаимодействуют с ним неохотно.

– И когда Тоха успел в коньках по асфальту прогуляться? – спросил Зеленцов.

– Не к добру это, – выдал Волчин.

– А давайте играть, а не болтать, – рявкнул Митяев, принявшись обсуждать с Кошкарским очередную схему, как зажать «Мечел» в зоне.

– Просим прощения, ваше преосвященство!

Как не пыжилась «Магнитка-95», первый период целиком и полностью остался за «Мечелом».

Антон Филиппов сидел на кушетке в медицинском кабинете, согнув больную руку и грустно уставившись в пол, поглядывая на коньки, которые сегодня так подвели. Фельдшер готовил шину – опять молча. Еще пара минут, и Филиппов на скорой без мигалок поедет в травмпункт.

– Грустно. Понимаю. Но бывало и хуже.

– Куда еще хуевее? – не сдержался Филиппов.

– Давай не будем выражаться. Так больно? – спросил медработник. От его легкого прикосновения Антон чуть не проломил головой потолок. – Ясно, – больше не предпринимал попыток фельдшер.

Филиппову было больно не только физически.

– Я искренне не понимаю почему...

– О чем ты?

– О коньках. Их как подменили.

Фельдшер нагнулся, чтобы хорошенько приглядеться:

– Выпрями-ка ногу, боец, – попросил тот. Антон выпрямил. Медработник схватил его за пятку и потрогал лезвие конька на левой ноге. – Кто-то над тобой хорошенько подшутил, парень, – сочувствующе сказал он, что-то соскребая с лезвия.

– Что там?

– Скотч.

В тот момент Антону стало еще больнее: «Кто?!»

Как раз грянул первый перерыв. В медкабинет ворвался Степанчук. Его опередил фельдшер:

– Вы прям сегодня мне клиентуру поставляете.

Степанчук проигнорировал его фразу.

– Что по моему защитнику?

– В ближайшие пару-тройку недель можете на него не рассчитывать.

Виталий Николаевич матюгнулся и покинул комнату.

– И вам спасибо, – растерянно произнес в пустоту молодой фельдшер.

Проиграли.

Виталий Николаевич влетел в наш номер – заряженный как никогда прежде. Хоть опрокидывай стол и отстреливайся.

– А эта паскуда чего тут забыла?! – указал на Филиппова он.

Ранее Антон не без скованности поделился со мной историей, что с ним приключилась, а сейчас резко захотел удалиться.

– Там не все так просто, – начал я.

– Не знал, что тебе так легко можно лапши на уши навешать.

Моими выводами на основе рассказа Антона и увиденного в раздевалке я вновь делиться не стал. Как ни странно,

сжалился над Бречкиным и его будущим. За полдня он напакостил жутко. За сим в довесок последовал проигрыш.

– Тем не менее...

– Мне до фонаря! Сложно или просто! Результат отрицательный!

«Видимо, я невольно стал талисманом команды, – подумал я. – Нет меня – проигрыш. Есть я... Там уже от других причин зависит».

Тренер продолжил яростно размахивать руками:

– В жизни не видел такой отвратительной игры! – он громко выдохнул. – Так, уроды сейчас внизу в столовой жрут. Соберай их в холле через пять минут. Я еще не все им высказал, – распорядился Степанчук.

Оказавшись в столовой, я сразу же заметил, что в команде царит уныние. Почти никто не обратил внимания на мое появление. Хоккеисты сидели с такими кислыми рожами, что посторонним страшно было заходить. Мне пришлось звать всех наверх – Степанчук явно решил их добить.

– С каждым днем вы меня удивляете все больше и больше, – вещал тренер в холле без оглядки на постояльцев гостиницы. От такой громкой и злобной речи все сидели в номерах, молчали в тряпочку и боялись выходить. – Вы дегенераты! После такого провала возникает вопрос: вы способны вообще хоть на что-нибудь внятное?! Откровенно слабый 1996 год вас в два счета разнесет. Когда вы перестанете собачиться и членами мериться? Когда до вас дойдет? Когда вы

уже сообразите?! Петь, ты знаешь, когда настанет этот светлый момент?

– Даже предположить боюсь, – ответил я.

– А говорил, что все знаешь, – вмешался Волчин.

– Все проще – все из-за тебя, – тихо произнес Бречкин в мою сторону.

– Даже он не знает, представляете? – продолжил тренер. – Я не буду говорить об ошибках – сегодня плохо было абсолютно все! По глазам некоторых вижу, что самим тошно. Поганое чувство, да? Вдвойне поганее, когда осознаешь, что это ваша вина. Целиком и полностью. Но один из вас сегодня отличился, – я стал размышлять, кому же достанется? – Филиппов, ты меня прости... хотя чего я извиняюсь?!

– Виталий Николаевич, – вступился Митяев, – здесь наша общая вина – мы могли сыграть лучше и без оглядки на травму Тохи.

– Думаю, что не все с тобой согласны, – вставил я.

– Во-о-о! – продолжил тренер. – Он думает, а я вижу. Похвально, Митяев, что ты, когда капитан язык в жопу засунул, постоянно заступаешься за друзей, выгораживаешь команду, прикрываешь всех своей задницей. Но твои же коллеги тебя в эту задницу и трахнут – помяни мое слово. Поэтому не хуй распыляться. Нечего тут свою значимость показывать, звезда ты наша! «Молчание – золото», знаешь такое выражение? – Степанчук переключился на Филиппова (почему же не на Бречкина, не мог сообразить я). – Знаешь, Филиппов,

ты после сегодняшнего просто не хоккеист! Ты поломойка! Вечно ползаешь на коленях. Кто тебя так кататься учил?!

– Виталий Николаевич, меня... – попытался оправдаться Антон.

– Захлопни пасть! Ты выбыл на неопределенный срок. И подставил команду.

– Мне кто-то коньки скотчем залепил!

– А я думал, тебе рожу дерьмом обмазали, – в стане хоккеистов слышались смешки. – Экипировку проверять нужно, если ты не знал. И вовремя шнурки завязывать – ясно тебе, мудила?! Поняли теперь, что в хоккее как в танке – на-срал один, а плохо всем. Дальше думайте сами, что с ним делать. Но это еще не все, – опомнился тренер. – Вы все должны осознать свою вину. Она ведь общая, да, Митяев? Осведомлен о том, как вы любите шляться на выездах, так что выкусите в этот раз! Сегодня сидите здесь взаперти. Вы наказаны. Никто никуда не выходит. Кто нарушит запрет – пеняйте на себя!

– А если случится пожар? – спросил Зеленцов.

– Те, кто выживет, могут на тренировки больше не приходиться, – ответил Степанчук. – Даю вам время хорошенько подумать над сегодняшними ошибками. В связи с этим задание: в этой дыре наверняка должен быть телек – садитесь и смотрите жесткую порнуху. Заодно увидите со стороны, как вас драли сегодня. А если завтра посмеете повторить – я с вас живьем кожу сдеру. Доброго всем вечера, – отправился

восвояси Виталий Николаевич.

– У меня есть дополнение, – выступил я, когда все намеревались расходиться.

– А не послать ли тебя куда подальше? – выдал Патрушев.

– Я смотрю, у кого-то еще и смелости хватает дерзить, – спокойно отреагировал я.

– Поверь, – огрызнулся Бречкин, приближаясь ко мне, – у меня еще есть силы, чтобы закончить начатое. Ребятки помогут.

– Леха, да ты серьезно, что ли?! – спросил растерянный Кошкарский. – Все с тебя началось.

– Еще заплачь, тряпка! – огрызнулся Бречкин. – Мне вот насрать, что там и у кого. Игра есть игра! Нужно работать до победного.

– Вот, значит, как? – лез на рожон я, видя, как впился взглядом в нас с Бречкиным Арсений Митяев.

«Если он не успеет, я труп», – думал я.

– Ты и без этого много сегодня вложил в игру, не так ли? – с намеком спросил я.

– Убрать тебя хотя б на время – уже победа, – ответил Бречкин.

– Дело не во мне.

– Рот закрой свой.

– Кому интересно, о чем я?! – во всеуслышание объявил я. Уходящие по номерам хоккеисты задержались. Я убедился, что Филиппов в их числе. – Антон, ты говорил пацанам, что

произошло с коньками?

– При чем тут я?! – занервничал Бречкин.

– Говорил, – спокойно ответил Антон.

– Петь, не томи, – требовал Митяев.

Какая же загадочная улыбка была у меня в тот момент – я мог размазать Бречкина по стенке на глазах у всех и отомстить за посланную в мою сторону шайбу.

– Бречкин, ты так пыжился на льду сегодня. Скажи, что ты сделал для победы?

– Больше, чем ты!

– Ты хорошенько меня ранил. Таким макарком ты и убьешь кого-нибудь случайно. Так что ты сделал, дабы удостоиться чести играть сегодня?

– Прекрати нести ахинею! – взорвался Бречкин. – Ты кем вообще себя возомнил?!

– Я, может, и не имею большого влияния. Но я хотя бы не мотал скотч одноклубнику на коньки, чтобы выйти на лед вместо него!

– Лжешь, сука!

– Собственными глазами видел.

– Надо было целиться выше, – выцедил Бречкин. Его распирало от злости. – Парни, он... он мне мстит. Что этот слепой книжный крот мог видеть и где?!

– А чего ты оправдываешься сразу? – вмешался в разговор Малкин.

Антон Филиппова осенило. Видимо, от болевого шока

он не сопоставил очевидные факты.

– Я тебе голову оторву сейчас, мразь! – зарычал Леша.

– Только притронься к нему, – предостерег Митяев, но Бречкин уже кинулся на меня. Молниеносно Арсений вместе с Кошкарским и Зленко схватили разбушевавшегося форварда.

«Мы остались с ним в раздевалке одни. Там больше никого не было. Все уже вышли», – вспоминал Филиппов. Он снял коньки, отлучился к умывальнику, вернулся. И тут залетел тренер. А то хитрое выражение лица Бречкина. Это он? Это сделал он!

– Гнида! Это был ты! – выкрикнул Филиппов. – Там больше никого не было! И ты это сделал! Псих! – теперь уже Антон хотел наброситься на обидчика и прибить его (даже одной рукой).

– Ебанный в рот, Бреча, ты ненормальный, – выдал Бродобреев.

Стоявший в стороне Сергей Смурин, припомнивший вчерашние речи Бречкина, даже и предположить не мог, как стремительно тот перейдет от слов к делу: он чуть не покалечил Елизарова, сломал Филиппова и за счет этого пытался получить игровое время. Дело пахнет керосином.

– Докажи, что это был я, урод!

Бречкин пытался вырваться из хватки трех человек. С другой стороны Костицын и Абдуллин пытались удержать свихнувшегося от такого удара в спину Филиппова. Антон

не мог поверить, что во всех его муках виноват брат по оружию.

– Там был только ты и никого больше!

– А если меня подставили?! Если это все он?! – Бречкин кивнул в мою сторону. – Он уже делал такое!

– Тебе лучше заткнуться, – посоветовал Кошкарский.

Я не растерялся:

– У меня были важные дела после того, как ты чуть не зашиб меня шайбой.

– Это я еще плохо прицелился!

Арсений не мог больше терпеть и прописал Бречкину упреждающий удар в живот.

– Любишь слабых обижать, да? – приговаривал Митяев. – Тебя казнить мало. Все же могло закончиться хуже...

Внезапно Бречкин плюнул прямо в рожу Арсению и дьявольски засмеялся. Взамен мигом получил по носу, откуда тут же хлынул поток бурой крови, что ничуть не смутило Лешу:

– Я сгупил, Арс, – приговаривал Бречкин. – Надо было твои коньки заклеить.

Теперь всем миром держали еще и Митяева. Я подал Сене платок, чтобы он вытер лицо, произнеся при этом:

– А вы еще из меня сделали врага. Раскройте глаза! Взгляните, кто играет рядом с вами.

– Оба хороши, – выцедил Гайтанов.

– За такое судят, – заметил я.

– Ну и денек, – отвлеченно произнес Сергей Соловьев.

Спустя пару минут все немного остыли. Бречкин сидел на полу, прижавшись спиной к стене и вытирая тыльной стороной ладони кровь из носа.

– Живые остались. Уже хорошо, – заметил Зеленцов.

– Удивляюсь я с тебя, – истерично отметил Филиппов. – Что бы ты сказал, если б оказался на моем месте?

– Не знаю, как вы, но я просто в ауте от всего этого, – произнес Малкин.

– Напоминаю, пока что это все сугубо между нами, – сказал я, удивляясь, как на такой шум не слетелась половина общаги, включая коменданта и тренера.

Остыл и Митяев. Хотя многие сейчас хотели по очереди сделать из Бречкина котлету. Хотя этот медведь мог сопротивляться и с десятью пулями в брюхе.

– Извинись хотя бы, – потребовал Арсений.

– Выкусите, – поднялся Бречкин, чтобы пройти к умывальнику. – Может, им еще и отсосать, а?!

– Гребаный дурдом! – не сдержался Чибриков.

Богатыреву и Смурину теперь как-то не по себе ночевать в одном помещении с Бречкиным. Все отныне вели себя очень настороженно по отношению к нему. А в Антоне бурлило такое негодование, что мысли о плече ненадолго покинули его.

– Игра развалилась. Два человека пострадали. А у него даже духу не хватает покаяться, – не унимался я. – Он неис-

правим, – отказ Бречкина признать вину чуть не заставил меня дать законный ход столь вопиющему делу. Мало ему не покажется – все против него.

– Отстань от него – пусть проветрится, – попросил меня Волчин.

Ко мне подошел Арсений и отвел меня в сторонку. На лестничной клетке у нас состоялся разговор.

– Есть просьба, – начал Арс.

– Какая?

– Не нужно о Лехе распространяться. Особенно Степанчуку.

– Ты шутишь? – опешил я.

– Какие уж тут шутки, – с сожалением ответил Арсений.

– Сеня, дружище, после вашего конфликта на льду он бы взял твои коньки. Только вообрази, что бы произошло?

– Я не такой растяпа, как Филиппов. Я все проверяю.

– Бречкин нашел бы другой способ унижить тебя. Или еще чего похуже – поломать. У него отлично получается. Его надо остановить. К тому же я мог все предотвратить, но промолчал. В молчании нет ничего хорошего.

– Знаешь, почему мы повздорили с ним?

– Предполагаю.

– Я защищал тебя. Ты хороший человек, хотя и ведешь себя порой как идиот, – признался Митяев. – Сейчас я защищаю перед тобой Леху. Да, он вспыльчивый, но все же отличный товарищ, который любому моему обидчику башку

снесет.

– Арс, он плюнул тебе в лицо, – пытался образумить Митяева я.

– У каждого свои недостатки.

– Мне очень хочется смешать его с грязью. Но я не стану. Так уж и быть, – я взглянул на Арсения. – Надеюсь, вы найдете способ пристыдить его сами.

– Разберемся.

– Но если я сейчас вернусь в холл, а он опустит тумбочку мне на голову или сломает Филиппову вторую руку, это будет на твоей совести.

– Не будет он этого делать. Я с ним поговорю. Может, поменяюсь комнатами со Смуриным или Богатыревым.

– Ты ему пару минут назад по носу съездил, – напомнил я.

– Поверь, Петь, это ничего не значит, – произнес Митяев. Я, наверное, никогда этого не пойму. – Пойдем.

Пятница медленно клонилась к завершению. В общаге прибавилось людей. За окном постепенно наступал очередной холодный декабрьский вечер.

– И с чего он дьявол? Вон они как мило общались, – недоумевала Света, поднимаясь с Амирой по лестнице.

– Пацаны часто любят преувеличивать, чего еще сказать, – заявила Амира.

Девчонки поднялись на пятый этаж, где отчетливо услышали мой голос.

– Я с вас всех глаз не спущу! – я намеревался обеспечить

беспрекословное исполнение тренерского приказа – хоккеисты реально могли подохнуть со скуки.

– Зачем нас так сторожить? Мы уже не дети, в конце концов, – возмутился Богдан Чибриков.

– А ведете себя как младенцы. Я ни в коем случае не препятствую. Вам никто не мешает взрослеть, набираться сил, опыта и мастерства, но мне кажется, что вы далеко не все спецзаказ природы. Если хотите быть победителями по жизни, нужно чем-то жертвовать. А спортивные достижения – это сплошные жертвы и испытания, постоянное преодоление... себя в первую очередь. Если вас не ограничивать, вы расслабитесь, распуститесь и не сможете настроиться на плодотворную работу и обязательно наделаете глупостей. И то, и другое потенциально может привести к неминуемому краху на пути к цели. Нынче у каждого из вас ответственный год, и ваши результаты, в том числе и личные, под пристальным вниманием – кто лучше, тот и на коне, кто хуже, тот пешком, а кто-то вообще без ног останется. Дабы вы уяснили, что нужно поднапрячься, я, собственно, здесь и тружусь, стимулирую вас на свершения. Не даю дурью маяться, так сказать. Клуб следит за многими из вас – от каждого шага зависит ваша будущая карьера. Все вы мечтаете о славе, богатстве, достойной команде, великих результатах, а этого очень трудно достичь, пиная воздух и отмахиваясь от лишних нагрузок, верно? Чем больше испытаний сейчас, тем легче будет адаптироваться потом. Еще спасибо скажете. Не спорю,

что у вас сейчас период такой, когда хочется погулять, повеселиться, побухать. Но вы не должны забывать, что все, вашими трудами построенное, в один миг можно и разрушить. Все вокруг отвлекает: клубы, гулянки, девчонки. Как тут думать о тренировках, правда? А я ваш надежный и постоянный пенек под зад.

– Тебе бы тоже дурью помаяться хоть раз, – предложил Кошкарский. – В этом тоже есть смысл.

– Смысл сейчас в том, чтобы каждый из вас провел работу над ошибками и, не дай бог, не нарушил запрет. Завтра нужен реванш.

– Нельзя всегда быть на службе, – тихо вторил Степе Филиппов.

Антон сидел на диване в холле, грустно уставившись в экран телефона. Я подошел к нему.

– Как ты?

– Бывало и лучше. Скажи, зачем нужно было все это выносить?

– А ты хотел разделаться с ним как-то иначе? Общественное порицание сделает свое дело.

– Значит, личная месть? – задумался Филиппов.

– Да. А чего хотел ты?

– Поговорить с ним один на один.

– Серьезно? Ты хотел его шантажировать или хотел для симметрии поломать и вторую руку?

– Зря ты все это затеял. Я бы не позволил сделать такое со

мною, если бы ты сказал, что видел Бречкина в раздевалке.

– Ты тоже его видел.

– Это да.

– Но ты, Антон, сильно не расстраивайся. Помни, что у нас еще остался человек, который ни о чем не подозревает

– Степанчук.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что ты еще можешь поговорить с Алексеем один на один. И поставить условие. И пожелать, чего сердцу угодно. Он сейчас вразумит, что к чему, и будет готов на все. Анализируй это. Все в твоих руках... вернее, в руке, – я подкинул Филиппову отличную идею для шантажа и, кажется, Антон мог решиться на нечто подобное, ибо еще долго не сможет простить Бречкина.

– А доказательства, что это был он?

– Общественное мнение – твое главное доказательство. Я как раз отлично его сформировал.

Все потихоньку разбрелись по своим номерам. Кто-то действительно думал, рассуждал, пытался разобрать игровые моменты минувшего матча. А кто-то, наоборот, стремился забыться, расслабиться и не загружать голову. Действовать нужно завтра на льду. Однако абсолютно все в пятницу предвкушали, что, несмотря на запрет, их намеченная тусовка состоится. И неважно, приедет ли она сюда или им нужно будет добираться до нее самостоятельно.

– Вот безнадега, а! – протянул Митяев. – Как в тюрьме.

Пива, что ли, попить?

– Смеешься? – спросил зашедший в их номер Сергей Соловьев.

– Вовсе нет.

– А у тебя есть?

– Пусть заливаает дальше. Но я могу сгонять, – совершенно серьезно заявил Бradoбреев.

– Может, дожидаться Даню? Зачем осквернять хмелью привкус настоящего алкоголя? И вообще: стоит ли куда-то рыпаться, раз мы наказаны? – задал закономерный вопрос Кошкарский.

– Я не ожидал услышать такое от тебя, – сказал Митяев, повернувшись на скрипучей кровати.

– Так даже интересней, – воскликнул Паша Бradoбреев. – Не просто уйти, а оставить двух этих говнюков с носом. А утром в субботу мне уже будет глубоко до пизды, какое наказание последует.

– Да никуда ты, Пашка, сейчас не выйдешь, – махнул рукой Соловьев. – Ночи надо ждать.

– Ты во мне сомневаешься? – Бradoбреев с прищуром посмотрел на Соловьева.

– Ну давай, – готовился спорить Сергей, – яви чудо!

– Будет тебе пиво, Арсен, – уверенно заявил Бradoбреев, поднявшись с койки.

– И «Дошик» мне, – шутливо попросил Кошкарский. – Из запасов взять нельзя?

– Это на вечер, – предупредил Митя.

– Мазохист ты, Брадобреев, – качал головой Соловьев. –

Тебя сейчас порвут.

«Заодно проверю обстановку», – думал бесстрашный Павлик, направляясь в логово льва, ибо лучшая защита – это нападение.

Никита Зеленцов тем временем планировал одиночный визит к Свете и Амуре с целью завершить начатое и одновременно успеть к бурному продолжению наискучнейшего вечера.

История шестая. «Менты»

– Спокойного дежурства! – театрально произнесла укутанная в вязаную кофточку полненькая бабулька прямо у проходной районного отдела полиции.

Свое пожелание она адресовала низкорослому и стремительно лысеющему мужичку в овечьей шапке и в полном зимнем обмундировании. Вызывающее омерзение пучеглазое и слегка небритое лицо мужчины с массивной челюстью сделалось чертовски злым. Он остановился, обернулся и насупил на тетку.

– Марья Константиновна! – командирским тоном произнес он. – Идите вы в задницу!!! – ППСник продолжил целеустремленное движение в сторону выхода под удивленные взгляды окружающих. Женщина на дух его не переносит.

Тут же к ней подлетел ППСник помоложе – высокий паренек, черноволосый и круглолицый.

– Марья Константиновна, – растерянно произнес он, – зачем же вы так?

– Тьфу, ненавижу поганца! – с омерзением ответила она.

– Я не о том, – поправил ее молодой человек. – С ним же я дежурю сегодня. А желать такое – плохая примета.

– Господи, я ж не знала, – изменившись в лице и положив руку на сердце, ответила дама в годах. Кажется, ее задело, что она потенциально обрекла на беды и подающего надежды

сотрудника отдела.

– Мало ли что может произойти. Знаете же, как беспокойно сейчас, – заволновался парень.

– Прости меня. Не знала, не хотела.

Новеньких сотрудников архивариус примечала. А этот еще и симпатичный, правда, немного летает в облаках и многое принимает за чистую монету. «Ничего, – думали в отделе, – с такой гнидой подежурит и мигом научится».

– Я думала, ты домой идешь, – женщина постучала по деревянному столу дежурного и трижды плюнула через левое плечо. – А тебе разве не дали другого напарника?

– Нет, – ответил парень, – да я и сам не хочу другого. Валерий Александрович, конечно, своеобразный, но очень много дельного знает по службе.

– Мерзость – вот он кто! – отрезала женщина. – И ты меня не разубедишь в этом, мальчик, – архивариус удалилась.

– Честь имею, – молодой мент поспешил за напарником к патрульному «УАЗику», который на грядущую долгую декабрьскую ночь станет их пристанищем.

Архивариус вывела Валерия Александровича Барзило из равновесия, хотя этот человек никогда в нем не пребывал. Он уже сидел в машине и ругался:

– Вот ведь коза старая. Умеет подлянку сделать. Сколько раз ты, моль библиотечная, мое личное дело теряла, а? А на новое наверняка кружку с чаем ставишь. Весь день выжидаешь, чтобы вылезти из своего подвала и спокойного дежур-

ства пожелать.

– Это она не со зла, – за руль запрыгнул молодой патрульный-стажер Виталик.

– Ты придурок. Без году неделя работаешь – всего не знаешь. А я тут еще со времен динозавров пашу. И знаешь что? Все это здание, – он показал пальцем за спину, – создано для того, чтобы портить мне настроение. Ты только таким не будь сегодня, ладно?

– Есть не быть таким!

– А то знаешь, перед отпуском хочется спокойно отдохнуть и свалить, а там и новогодние праздники, – мечтательно вещал Барзило.

– Вас отпускают? – удивился Виталий.

– Конечно же. Пусть только попробуют не отпустить – пожалеют, – его невозможно было слушать – голос у него громкий, тон вызывающий и неприятный. – Пушку-то взял?

Виталий побледнел и принялся ощупывать пояс.

– Забыл.

– Начин-а-ется! – протянул Барзило. – В стране революция без пяти минут, а он пистолет в кабинете оставил, дурень! Это в Москве все политкорректно: с дубинками и щитами. У нас народ церемониться не станет. Тебя этой дубинкой на ЧТЗ или в Ленинском так отмудохают, что сидеть на стуле месяц не сможешь!

– Понял, – с дрожью в голосе ответил Виталик, открывая дверцу.

– Ты куда собрался?!

– За табельным оружием.

– Машину-то заведи, а то я сейчас окоченею здесь.

Виталик залез обратно:

– Дайте, пожалуйста, ключи.

Барзило злобно взглянул на стажера и выудил из куртки ключи. Виталик завел мотор и побежал за оружием. Его уверенность в том, что нехорошая примета сбудется, крепла с каждой секундой.

Декабрьские деньки 2011 года в жизни блюстителей правопорядка Валеры и Виталика были, наверное, одними из самых трудных, ответственных и бессонных в их карьере, как и у других служивых по всей стране. Особенно после волны известных событий на Болотной площади в Москве и прокатившихся по стране протестов. Своя «Болотная площадь» случилась и в Челябинске. Исходя из этого, все силовики приведены в состояние боевой готовности. На местах все сустились, метались, чуть ли не на голове стояли, не отлипали от спецсвязи. Ведь совершенно неясно, где может полыхнуть и как в таком случае правильно действовать. Поэтому все силы брошены на то, чтобы вовремя выявить и пресечь любое более-менее подозрительное движение или сборище. Такая установка вменялась как специализированным подразделениям, так и всему личному составу полиции вплоть до патрулей и участковых, обязанных докладывать и реагировать о любом сотрясении воздуха в городе: от шалопаев, поджига-

ющих кнопки в лифтах, до скопления бабушек на стихийных рынках, где то и дело заводят разговоры о политике. О-о-о, подобное мирное сборище мигом может переqualифицироваться в митинг. Все держали ухо в остро, порой забывая о других частях тела. На передовой же – рядовые патрульные и оперативники, по первому чиху выбегающие отмораживать пальцы и щеки на мороз.

Вот и в эту пятницу на ночное дежурство (объезд и патрулирование) на один из самых захолустных и безжизненных участков заступили двое полицейских: бывалый и начинающий. Их поставили в пару ради шутки и из-за банального недобора личного состава, нежели из педагогических соображений.

Виталик и Валерий Александрович – люди совершенно разные по темпераменту и жизненным ориентирам. Когда их захотели разъединить, старший намертво вцепился в молодого и настроился вырастить из него «идеального полицейского» (по своему образу и подобию), хотя каждый день жаловался коллегам в курилке, что Виталий – безвольный и безмозглый пацан. Противиться решению Барзилы никто не стал. Руководство сообразило, что это даже к лучшему, ведь с Валерой работу никто особо делить не хотел, ибо фамилия звучная и очень ему подходит. Он человек с тяжелейшим характером, гигантским самомнением и магистерской степенью по борзоте. Такой набор мало кому приходится по душе – откровенного провокатора и возмутителя спокойствия

терпели, а иногда хотели начистить ему рыло всем отделом. Но пока что желали терпения и удачи смазливому, но трудолюбивому и смышленому выпускнику колледжа МВД Виталику, который ни на шаг не отходил от старшего коллеги и внимал каждому его слову, решению и действию.

Даже старожилы отдела не могли точно сказать, пребывали ли когда-нибудь Барзило в хорошем расположении духа. Сегодня настроение у него слегка приподнятое для вечно недовольного и хамоватого человека, неведомым образом выбившего себе отпуск в столь непростое время. «Пусть остальные подпрыгивают, – думал он. – От моих прыжков уже батут сломался». Однако и это хрупкое настроение было испорчено старушкой из архива.

Виталик пулей вернулся. Барзило же продолжил ранее поднятую тему:

– Наконец-то! Запомни, шкет: мы всегда на стороне государства, которое платит. Почему в наших кабинетах висят портреты президента и министра внутренних дел, а не главы города? Нам зарплату не народные избранники отстегивают, а государство. А люди, которые выходят на площади пошуметь, только на шум и способны. Потом же, когда им достанется немного власти, которую они так хотели, ничего не изменится. Еще хуже станет, ведь они ничего нового не предпримут, только продолжают бабло грести. Они люди новые – кошельки у них пустые. А в защите нуждаются все. Были мы на тех выходных с тобой в оцеплении, помнишь? И где

только в Челябинске этот спрут пиндосовский смог тысячу человек откопать? Я окончательно разочаровался в людях – кто-то же еще повелся? Так что установка на сегодня, Виталя: чуть кто подозрительный – сразу брать без разбора. Сам понимаешь, от маленькой искры вспыхивает пламя, которое с легкостью выжигает огромные города, – произнес Валерий Барзило. – А сейчас повсюду как бензин разлили. Полыхнет так, что мало не покажется.

Повисла неловкая пауза. Один лишь движок мерно гудел.

– Но я надеюсь, что все эти ужасы обойдут нас стороной.

Поэтому делаем все по той же схеме и по тому же маршруту. Ты за баранкой.

– Боюсь спросить: а вы?

– Правильно боишься. А я подремлю, пока будем ехать.

Но сначала нужно как следует подкрепиться.

– Шаурма? – у Витали загорелись глаза.

– Она, родимая, – сложил руки у себя на груди для тепла

Барзило.

– На вокзале? Может, стоит разыскать точку поближе?

– Чего ты возникаешь?! Тебе же не пешком туда идти. Будем есть там. По крайней мере, я в том месте ни разу не травился. Чего булки мнешь?! Газ в палас, студент! – скомандовал капитан.

Виталя снял «УАЗик» с ручника. Машина тронулась в путь.

История седьмая. «На свободе»

– Могу я выйти в магазин? – с ходу заявил Брадобреев, появившись в нашем номере.

Виталий Николаевич вытаращил на него глаза. Паша же стоял с таким наивным выражением лица, будто не понимал, что такого криминального в банальной просьбе.

– Ты бессмертный, что ли? Давно уши чистил, ублюдок?!

– С какой целью? – поинтересовался я.

– А с какой целью еще ходят в магазин? Еды купить.

– У вас же там целый чемодан жратвы. Я помню, как вы его грузили вчера.

– Так мы все съели.

– Пиздец вы обжоры, – не сдержался Степанчук.

– Растущий организм и все такое.

– Ой, – скривился Виталий Николаевич. – Петь, реши вопрос, только убери его отсюда.

Мы с Пашей вышли в коридор. «Либо он совсем на голову отбитый. Либо что-то затевается», – предположил я, но необходимы основания посерьезнее.

– Комбикорма вам нужно прилично – это я знаю. Немудрено, что вы все уже схомячили, – сказал я.

– Рад, что ты это понимаешь.

– Я добрый только потому, что ты сегодня шайбу забросил, – предупредил я. – Не знаю, что стало бы со всеми, если

б ворота «Мечела» не удалось распечатать.

– Вот видишь, какой я, – хвастливо заметил Брадобреев.

– Поэтому иди.

– Реально? Если ты пудришь мне мозги, я знаю, куда тебя ударить, чтобы было больно, – не поверил Паша, указав на место моей травмы.

– Кроме шуток, – заверил я.

«Слишком просто», – думал Брадобреев, сощурившись и сканируя взглядом мое невозмутимое лицо.

– Только одно условие.

– Во-о-о-т в чем подвох! – воскликнул он. – Как же без старого доброго Пети?

– Идешь ты за едой, – акцентировал внимание я. – А чипсы и бич-пакеты – это не еда.

– Ты просто хороший бич-пакет не пробовал.

– Четверть часа тебе.

– Я туда и обратно, – устремился к лестнице Брадобреев.

– Куртку надеть не забудь, – крикнул я вдогонку.

Брадобреев шустро лазил по отделам ближайшего продуктового магазина, зная наперед, что именно ему необходимо и в каком количестве, буквально сметая с полок нужные товары и обгоняя прочих неповоротливых покупателей. Уверенно управляясь с тележкой, Паша продвигался к кассам. По уже отработанной схеме закон подлости поместил его в

самую медленную очередь. Паренек нервно топтался на месте, оглядывался по сторонам и невольно пытался подгонять стоящих впереди. Соседняя очередь, что подлиннее, конечно же, двигалась быстрее.

Паша спешил, поэтому стремился поскорее расплатиться, загрузить покупки в пакеты, вернуться в общагу, припрятать все и при этом не спалиться.

– Вам 18 лет есть? – пробивая пиво, спросила кассирша птичьим голосочком чисто для протокола – она даже не взглянула на Пашу.

– Уже давно, – уверенно ответил Брადобреев с нотками недовольства в голосе (якобы от очевидности возраста). По внешности навскидку и не скажешь. Впрочем, людям вокруг это безразлично.

«По-хорошему, конечно, – думал Брადобреев, – прижучивать бы таких, как я. Но все тут думают только о себе. Рот лишний раз не раскроют – себе дороже выйдет».

Увлечшись фасовкой купленного по пакетам, Брადобреев совершенно не обратил внимания, как на него удивленно пялится магазинная уборщица. Женщина в тот момент, кажется, напрочь позабыла о своих обязанностях, а именно о неэффективном и бесцельном размазывании уличной грязи и растаявшего снега по полу торгового зала. Стоило начисто вымыть, как через секунду в магазин зайдут новые покупатели и натопчут снова. Уборщица выглядела так, словно узрела перед собой призрака: вытаращила глаза, раскрыла

рот, побледнела, выпустила швабру из рук. Та упала на пол, вытолкнув тряпку из ведра с черной водой. О своем орудии труда она больше не помнила, как и о магазине, о робе уборщицы, о низкооплачиваемой работе и вообще об отсутствии каких-нибудь радостей и перспектив в жизни.

Бабенка внезапно сорвалась с места, выбежала из лабиринта полок и стеллажей с овощами и фруктами, растолкала посетителей на входе и с криком бросилась за кудрявым пареньком, который тащил два толстых пакета в сторону гостиницы по узкой тропинке. Она неслась прочь... на улицу... на трескучий отрезвляющий мороз... без накидки... под недоумение пожилого охранника и кассиров. Она издавала истерично-жалобный крик. Крик отчаявшейся женщины, желающей разом выплеснуть наружу все томившиеся чувства. Неужто помешалась?

– Гриша! Пстой, Гриша-а-а!!! – в слезах вопила уборщица.

Брадобреев спокойно семенил дальше. Уборщица, не чувствуя холода, упорно преследовала его, не уставая звать:

– Гриша! Гришенька, подожди! Не уходи от меня! Только не сейчас, Господи, – задыхаясь, приговаривала она.

Паша ничего не замечал: звали там за спиной какого-то Гришу. Каково же было удивление хоккеиста, когда плачущая и всхлипывающая тетка из магазина нагнала его и прикоснулась костлявыми пальцами к атлетичной спине спортсмена. От этого Паша вздрогнул, развернулся, чуть не пропи-

сав обидчику хук с правой, и увидел перед собой измученную дамочку с совершенно неадекватным взглядом, устремленным прямо на него.

– Ты чего, мать?! – проронил он.

У тетки подкосились ноги. Павлик двумя руками поймал женщину, умудрившись удержать и пакеты. С какой же надеждой и одновременно с разочарованием та взглянула на хоккеиста. Брадобреев растерянно посмотрел на нее, не зная, что предпринять. Пашу удивило, какая же она легкая – как пушинка. А какие же у нее измотанные и заплаканные глаза, осунувшееся лицо, тоненькие волосы, сухие и ледяные руки, обветренные губы. Она явно выглядит старше своего возраста. Измучена жизнью и немощна не по годам. «Сама себя довела? Или так вышло?»

– Гриша, Гриша, – продолжала молвить в забытьи она.

– Меня Паша зовут, – улыбнулся Брадобреев.

– Ох... Как же ты похож на него...

– На кого? – спросил Павлик, отчего женщина вздрогнула и залилась горькими слезами. Аккуратно приобняв ее, Брадобреев поставил тетку на ноги. – Может, помощь какая нужна? – учтиво поинтересовался он.

– Да какая тут помощь, – оправившись, угрюмо ответила она. – Его нет. И уже не вернешь, – она смахнула слезы.

– Соболезную, – все понял Пашка.

– Оксана! Ты куда с рабочего места подевалась?! – администратор магазина бежала в их сторону: особа в красной

безрукавке явно злобная, строгая и пренеприятная.

Заплаканная дамочка взяла себя в руки и ощетинилась:

– Я имею право на технический перерыв, – злоба так и перла из нее.

– Ну-ка быстро возвращайся и домывай. Я уже сыта по горло твоими перерывами, – ругалась администратор, – и твоими срывами.

– Сейчас вернусь, – огрызнулась женщина. – Покурю только.

– Понабрали...

Уборщица и администратор, забыв про Пашку, зашагали обратно, обмениваясь взаимными упреками. Хоккеист пожал плечами, убедился, что пивные бутылки не пострадали, и продолжил путь. А потом подумал и сунул их под куртку – те приятно охлаждали разгоряченный от спешки стан.

Тем временем в магазине уборщица Оксана, не сбавляя крейсерской скорости, пролетела мимо ведра со шваброй и мимо витрины с водкой, стащив оттуда первую попавшуюся бутылку. Женщина через склад выскочила на разгрузочную площадку на заднем дворе, где залпом глотнула из бутылки, сколько сдюжила, и со всего маху разбила ее об стенку. Уселась на автоматический подъемник для ящиков и закурила в затылок. Закашлялась и зарыдала, вспомнив о пережитом горе. Теперь по-настоящему, навзрыд. А грузчики и кладовщики вокруг спокойно продолжали работать.

Подходя к общежитию и прижимая руки к бокам, дабы бутылки не выскользнули из-под куртки, Паша Брадобреев заметил фигуру, быстро идущую навстречу. Пашка думал юркнуть в общагу, но так можно вызвать лишние подозрения.

Я с недовольной гримасой резво шагал со стороны другого продуктового супермаркета. Павел прятал пиво под курткой – я же укрывал под курткой иное.

Мы встретились.

– Вау, Петь, – такого Павлик точно не ожидал увидеть, – что это у тебя?

– Не твое собачье дело, – огрызнулся я.

– Но оно явно собачье, так?

Брадобреев подошел ближе, чтобы посмотреть на сидящую за подолом моей куртки миниатюрную собачку породы той-терьер. Она вся тряслась и скулила, но явно пригласила за паухой у помощника тренера.

– У кого псину отжал? Ути-пути! – хотел было погладить собачонку Брадобреев, но я не позволил.

– Пакеты показывай, умник, – распорядился я.

– Петь, что за паранойя?

– Давай быстрее, – потребовал я, убежденный, что сейчас разоблачу его и найду что-нибудь запрещенное. Явно такое было и у Митяева во вчерашнем бауле, а я просто не проявил должной настойчивости.

Пошарив по пакетам, я опять остался с носом.

– Вы что-то скрываете от меня, – заявил я.

– Учись уже верить людям. Или будешь шманать меня?

Учти, – предупредил Брадобреев, – я сразу прописываю в торец тем, кто тянет ко мне свои шаловливые ручонки.

– Возвращайся в свой номер. В темпе.

«Я явно что-то упускаю», – думалось мне, когда я смотрел в сторону уходящего 55-го номера. Еще я заметил, что к входной двери общежития идет и мелкий озлобленный блондинчик в шмотках дворового хулигана. Переведя взгляд на собачку, я решил закончить ранее начатое дело. А то еще уделает мне одежду со страху. Кто ж ее знает?

Я пошел в противоположную от общежития сторону. Внутри ведь остался Степанчук, который, в случае чего, сможет усмирить ораву хоккеистов. Лишние полчаса моего отсутствия ничего не решат: «Чем я рискую? Да ничем».

Сосредоточившись на том, как бы ни рухнуть большим местом на лед и ни раздавить миниатюрную псину, я не заметил медленно проехавшее мимо такси. У общежития из него с важным видом вышел парень, вытащив с заднего сиденья (с характерным стеклянным звоном) квадратную коробку белого цвета. Приехал Данил Озеров.

История восьмая. «История с собачкой»

– Ослабил ты хватку, – констатировал Степанчук, когда я вернулся в номер после того, как отпустил Брадобреева в магазин. – Я думал, что у тебя с Митяевым особые отношения, а не с Брадобреевым.

– О чем вы толкуете? – спросил я. – Скорее, вы теряете бдительность.

– Вздор! – соскочил с кровати тренер. – Это к тебе привыкли! Читают тебя как открытую книгу. Предугадывают. Еще и шутить пытаются. Два месяца назад ты не был таким предсказуемым. Камня на камне бы не оставил. А сейчас ты берешь и отпускаешь Брадобреева?!

– Лучше одного, чем всех, – произнес я.

– Здесь нет иных подтекстов кроме одного: ты проявил слабину, заставил усомниться в строгости режима. А в нашем деле это недопустимо, повторяю тебе еще раз. Думаешь, они оценят? Думаешь, сработает? Да никогда! Мат и грубая сила – вот что для них закон. Вот, чему надо подчиняться. Работает на любом языке и в любой точке мира. Даже собаки выполняют приказы, когда ты строг с ними – они не понимают слов, а только интонацию.

– Значит, мне уже давно тут нечего делать, так?

– Ты помогаешь мне с дополнительной работой, которая

отвлекает от главного, – ответил тренер. – Заодно ты смотришь за всем и опыта набираешься.

– Я перестрою вопрос: с какой же целью вы пригласили меня?

– Повлиять на команду и дать результат. А не рассусоливать тут.

– И результат есть, – сказал я и подумал, что уж больно много обязанностей этот человек переложил на меня, а сам частенько прохлаждается. – Думаете, я Брадобреева просто так отпустил?

Тренер не услышал последней фразы:

– Брадобреев в условиях жесткого приказа даже и думать о свободе и пайке не должен. Нужно так: прикажешь им шайбы забрасывать – забросят, толкать – толкнут, подраться – изобьют, убивать – убьют. В остальном – молчание и повиновение.

– А как же метод кнута и пряника?

– Не должно быть выбора. Либо играешь в полную силу, выходишь и отдаешься игре целиком, либо идешь вон. Вот это ты и призван доносить, чтобы поняли: это не придирки, а данность. И дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина! Их надо до такого состояния доводить, чтобы они просыпались по утрам и спрашивали себя, на кой черт они вообще проснулись.

– С таким подходом вас, Виталий Николаевич, мягко говоря, не любят.

«Люто ненавидят», – пролетело в мыслях у меня.

– Что ты сделал, чтобы исправить это?

– Перенес на себя как минимум половину этой ярости. А то и больше.

Тренер продолжил речевые излияния:

– И вот такова их благодарность, представляешь? А я столько усилий приложил... Только наказания они и заслуживают. Особенно после сегодняшнего. По всей строгости контракта. Чтобы соблазна не было. Иначе десять лет мучений впустую. Но большинство и этого не заслуживает. Эти лохи даже не понимают, как им повезло. Только издеваются над нами, получают удовольствие от неподчинения, хотя у самих молоко на губах не обсохло. Не будь нас с тобой, в любой мало-мальски серьезной ситуации они могут таких дров наломать, что мало не покажется. Стоит только их распустить, – я считал, что Степанчук уж больно сгущает краски. – Шляются по чужим городам без устали – не поймаешь. За это мудачье еще и отвечать? Их мамки и папки, значит, взрастили дерьмо, а я крайним окажусь, чуть что случится. И никто разбираться не станет.

– Другое дело, если бы абсолютно все саботировали приказ. Паша хотя бы разрешения попросил.

– Каковы гарантии, что он ничего там сейчас не вытворит?

Я медлил с ответом.

– Вот стучишь по ним, шлифуешь, стараешься, а выбьются единицы. Наша задача – сделать их приспособленными и

мастеровитыми. Здесь все средства хороши. А демократией никто успеха не добивался, – я не мог полностью согласиться со Степанчуком. – Сейчас же возвращаешь Брадобреева и следишь, чтобы остальные носов своих за порог не высовывали.

– Хорошо.

– Если же произойдет акт неповиновения, то можно на всем ставить жирный крест. Если они что-то натворят или пострадают, пиши пропало. Почему тебе постоянно нужно напоминать прописные истины?

– Этого не повторится, – заверил я.

– Хочется верить. Я надеюсь, за тобой хотя бы присмотр не нужен?

– Обижаете, Виталий Николаевич.

– Помни: ты здесь не чтобы брататься, а чтобы работать. Был бы ты непоколебим и придерживался моих рекомендаций, эта шайба никогда бы в тебя не полетела. И что же мы имеем? Мой сотрудник травмирован. А этот козел Бречкин сейчас наверняка понтуется своим поступком вместо сожаления. Это не те люди, с кем ты, как человек неординарный, должен дружбу заводить. Не из их ты компании. Не надейся на понимание – от них ты его не получишь. Нашел бы себе ровню.

Эти темы всегда меня задевали, и я заторопился на улицу, дабы разыскать Брадобреева.

– Вы все еще дети. Хотя считаете себя взрослыми. Учить

вас надо.

– Я могу идти?

– Ступай, – отпустил меня Степанчук.

Я вышел на улицу, оказавшись перед выбором, в какую сторону пойти. Выбор зависел от того, какой из двух близлежащих сетевых супермаркетов выбрал Пашка. Я напряг интуицию и решил пойти налево.

Степанчук своими речами только задержал меня. Отчего моя задумка могла и не осуществиться. Я, желая подтвердить свои подозрения, отпустил Павлика, чтобы инкогнито за ним понаблюдать – его действия наверняка приведут меня к разгадке того, что замышляют хоккеисты. Они могли ничегошеньки не планировать, но в таком случае это жалкая пародия, а не хоккеисты «Магнитки-95», которых я знаю как свои пять пальцев.

Подходя к магазину в ближайшем доме по улице Цвиллинга, я только и думал, как застану Брдобреева враспloch и выбью из него признание. А в дальнейшем гнев мой будет страшен, и увидит Степанчук, что я еще способен на суровые наказания.

Итак, около нужного магазина самый суровый человек на свете (то есть я) обратил внимание на следующее: в бескрайнем море обледенелых и заснеженных дорог, тротуаров и тропинок выглядывает своеобразный островок сухого ас-

фальта – пышущий спасительным теплом колодец. На его крышке сидит маленькая собачонка в розовом ошейнике. Экземпляр той самой породы, которую любят таскать по маникюрным салонам богатые и модные дамочки. Собачонка маленькая и несурзая. Она тряслась от холода, поочередно задирала маленькие лапки, соскакивала с места при виде выходящих из магазина покупателей, с надеждой всматривалась в них, пыталась унюхать знакомые запахи. Хозяев среди них не было. Люди игнорировали маленькое существо у крыльца – тогда собачонка грустно скулила и с надеждой продолжала вахту.

– Ты потерялась, что ли? – бросил я в сторону собачки. Такие обычно гавкают как резаные – эта, видимо, уже выбилась из сил.

Тут с улицы в квартал резко завернул солидный черный «BMW» последней модели без номеров. Вид у машины такой, будто только с конвейера сошла. Водитель хотел ловко зарулить как раз на свободное местечко у магазина – на тот самый колодец, где ютилась бедная моська. Я мигом преградил дорогу автомобилю, выставив ладони вперед:

– Осторожно! – не позволил припарковаться я.

Шины закрипели от резкого торможения. Черно-коричневый гладкошерстный той-терьер знатно напугался, но с подмороженными лапками так и не заставил себя отпрыгнуть на лед.

Не то чтоб я был человеком сердобольным – эта порода

собак из-за своего характера меня раздражала. Однако откровенно домашние собачки в данной ситуации вызвали бы жалость у любого. В отличие от тех же котов, которые на улице порой выглядят увереннее: у них хотя бы шерстка подходящая (не считая мерзких сфинксов), они знают в округе все места, где тепло и где подкармливают.

Здесь коты дали бы леща этой беспомощной собачонке. Все ясно – потерялась. Ибо вряд ли те, кто держит таких собак, имеют привычку оставлять их на улице без привязи и без присмотра, когда сами шастают по магазинам, тем более зимой. На таком морозе и в одиночестве даже привязанная наиумнейшая немецкая овчарка взвывает. А как у такого игрушечного песика вообще сердце не остановилось от приближения машины – неизвестно.

– Чего за своей шавкой не следишь?! – высунулся из окна водитель.

– Лучше смотри, куда паркуешься! – ответил я.

За рулем сидел смугловатый фронт с черными вьющимися волосами и ухоженной бородкой, одетый в деловой костюмчик и летние мокасины. Всем своим видом он показывал, как респектабелен и крут. Конечно, на такой-то тачке. Да и на вид он довольно-таки молод.

Только я потянулся за той-терьером, как песик юркнул под соседнюю машину: «Вот зараза, – подумал я, слушая, как собака умудряется глуховато рычать в мою сторону. – Я тебе жизнь спас, а ты...»

Автохам, к моему удивлению, смирился с тем, что не доехал на своем новеньком авто несколько метров до бордюра – багажник его тачки выглядывал из общего строя машин и на треть перекрывал выезд из квартала. С учетом того, что на дороге образовалась колея, у этого засранца, если кто-нибудь попытается там протиснуться, уши точно будут гореть (либо икота прикончит).

– Ну и что-о?! – вылез из машины парень, сжимая в руке кожаный клатч. – Твоя псина не только слепая, но еще и тупая, что тебя боится. Верно говорят, что собаки похожи на своих хозяев.

– Мне сейчас стоит сделать пару движений ногами, чтобы уделать твой костюмчик так, что ни одна химчистка его не возьмет. Хочешь покажу? – злобно выцедил я.

– А ты чего такой борзый, а?! – спросил хозяин «Бэхи», хотя вид у него совсем не пугающий. Он держался от меня на расстоянии – чтобы вовремя увернуться от возможного удара и дать деру. По глазам видно, что ситуацию он не контролирует, но что-то внутри так и толкает его показать собственную важность.

– Ты, я смотрю, у нас больно крутой, – ответил я. – Раз такой крутой, что ж ты до обычного магазина-то опустился? Смотри, как бы за такой вид тебя местные гопари в очереди не уделали, пижон!

– Завидно тебе, собачник?! Вот и прозябай здесь, мурло вонючее, – сказал он и грациозно побрел к магазину.

– Конфликтуешь так же, как и паркуешься, – добавил вдогонку я. Он показал мне средний палец.

«Что за люди? – подумалось мне. – Собаки получше будут».

Спустя пару секунд свое мнение о собаках я готов был изменить, ведь мне пришлось нагибаться и заглядывать под машину, чтобы разыскать потеряшку. Чуть я нагнулся, как мне в грудь выстрелили, словно из ракетницы. Я и позабыл, что у меня там синяк на полгруды.

– Черт с тобой, – смирился я. – Хочешь замерзнуть – как хочешь. Не особо ты мне и нравилась.

Плюнув на исчезнувшее невесть где животное, я вспомнил про Брэдобреева. Взлетев на крыльцо продуктового, я размышлял, как мигом просмотреть все продуктовые ряды и не упустить из вида Павлика. И не столкнуться при этом с владельцем «Бэхи».

На стенах вокруг входа наклеено бесчисленное количество объявлений на любой вкус: работа, волосы, фото-роботы, муж на час, жена на час (последние сопровождались обилием имен – в большей степени сказочных героинь, а не обычных русских девушек). Сосчитать нереально, сколько там наклеено слоев из цельной и оборванной бумаги всех цветов радуги – на хорошенькую теплоизоляцию фасада точно тянет.

Я никогда особо не просматривал подобное великолепие, где бы оно ни находилось: на стенах, столбах или деревьях. Однако одно из явно свежих объявлений на бумаге розового

цвета привлекло мое внимание:

«Внимание!!! Пропала собака. Той-терьер, два года, девочка, черно-коричневый окрас, розовый ошейник. Ласковая, откликается на кличку Буся. В семье очень переживают. Прошу добрых и неравнодушных откликнуться. Нашедшему гарантировано вознаграждение».

Там же указан почему-то не номер телефона, а адрес дома в паре кварталов отсюда. Также прилагается немного расплывчатый снимок собаки.

Вот те раз!

Я резко повернул голову в сторону стоянки – той-терьера нигде не видно. Я готов отстегнуть себе пощечину: не хватило прыти сразу же изловить собачонку. Лишние деньги и добрые дела никогда не помешают – особенно когда они плывут прямо в руки. Мне резко захотелось во что бы то ни стало исправить оплошность – я сорвал объявление и вгляделся в фотографию. Несомненно, это та самая собачонка.

– Где же ты? – стал медленно бродить вокруг магазина я, приглядываясь к стенам, углам, урнам, машинам, колодцам. – Буся, Буся, Бусинка!

Из квартала неуклюже вырулил мусоровоз. Ехал он медленно и натужно, поскольку загружен мусором со всего Советского района. Чумазый водитель достаточно сурового вида стремился поскорее вывалить всю эту дрянь на свалку, до которой нужно еще доехать. Дорога неблизкая. С учетом пятничных пробок время в пути превращается в дорогу чуть

ли не до Москвы. Естественно, такое положение дел водителя мусорки не очень веселит. Да и какое здесь веселье, когда какой-то остолоп, прогулявший уроки парковки в автошколе, бесцеремонно перегородил путь. объезжать некогда – здешние дороги и их чистота гарантируют, что мусоровоз либо опрокинется, либо зацепит парочку машин. Водитель спецавтотранспорта иногда грешил легкими касаниями с прочими машинами, но дорогой «BMW» его настораживал по большей части из-за возможного обладателя, от которого можно ожидать проблем.

От усталости и безнадеги шофер выругался и со всей силы ударил кулаком по клаксону, напоминавшему оглушительный свисток тепловоза. Его услышали все в радиусе километра. Кроме того самого счастливого обладателя «BMW». Я должен сказать спасибо водителю мусоровоза, ибо от столь резкого звука из-под одной из машин на тротуар пулей вылетела нужная мне собачонка. Кажется, она еще и обделалась со страха. Пока Бусинка осознала, что к чему, я подлетел к ней и схватил двумя руками:

– Попалась! – возрадовался я. Она побрыкалась немножко, попыталась вырваться, царапнуть, куснуть меня, но я гладил ее, называя по имени, и она успокоилась – смирилась, наверное. Голодная и холодная с удовольствием полезла ко мне под куртку, с интересом выглядывая оттуда, наострив ушки.

– Парень! – из мусоровоза выглянул грузный водитель. –

Помоги проехать, а!

– Да нет проблем, – откликнулся я. Как же мне не помочь ему, если он невольно помог изловить Бусинку.

«Я смотрю, ты у нас в прятках хороша. Ладно, вроде спокойная. Сородичи на твоём месте устроили бы ор на весь двор. Не далась бы чужим в руки. А ты ещё и умная – понимаешь, что жить тебе недолго, если продолжишь на колодце куковать. Благодарю, что я не китаец. И не владелец киоска шаурмы, – приговаривал я. – Сейчас отнесу тебя домой».

Водитель мусорки попросил меня взглянуть со стороны, сможет ли он протиснуться между машинами. Тяжеленный мусоровоз на глаз еле проходил.

– Чтоб этому умнику псы на колеса нассали! – ругался водитель мусорки, глядя на «Бэxu».

– Полностью согласен! – махнул рукой я. – Давай чуть влево, – принялся руководить процессом я.

В глубине души мне очень хотелось, чтобы громадина шаркнула как следует машину грубияна в костюмчике. С другой стороны, заигрывать с неизвестными в чужом городе по второму разу мне не очень хочется. Да и вдруг водителю мусорки достанется. Тот аккуратно подал громадину вперед и влево – пришлось наехать на бугорок, под которым прячется бордюр.

– Теперь прямо! – крикнул я.

Водитель подчинился. Какие-то несколько сантиметров отделяли «BMW» от мусоровоза. Такое ощущение, что по-

следний принялся соскальзывать с пригорка. Одно неаккуратное движение, и мусоровоз ляжет, накрыв собой (и вдобавок одеялком из мусора) все припаркованные автомобили.

Груженная хламовозка, подпрыгнув на невидимой кочке, стряхнула небольшой кусок скопившейся на крыше вязкой массы из снега, каких-то тряпок, пищевых объедков, стекла и бумаги – одним словом, всего, что зацепилось за люк мусоросборного бункера. Под наклоном все это великолепие скатилось и нашло пристанище на крыше автомобиля мужика в костюмчике.

Я был этому несказанно рад: «Так тебе и надо. Жри!»

– Что там?! – крикнул шофер мусоровоза.

– Все нормально! – ответил я. – Руль вправо теперь!

Когда мусоровоз освободился из тисков, его водитель в благодарность посигналил мне и поехал дальше. Я же, напоследок взглянув на кучу мусора на крыше «BMW» (словно кто-то опорожнил на машину одну из местных урн), зашагал обратно, придерживая найденную собачонку и воображая последующую реакцию автохама на столь неприятный сюрприз.

«Пашка бы давно уже выперся из магазина прямо в мои лапы, – заключил я. Его здесь нет. Следовательно, я выбрал не тот магазин. – Если тебя и там не будет, Бладобрев... Прибыю», – думал я, шагая к следующему магазину, что означает вновь пройти мимо общежития. На этот раз я не один.

Чтобы дойти до указанного в объявлении дома, я преодолел несколько кварталов. В итоге вышел к нужной мне десятиэтажке на улице Орджоникидзе. Чем ближе я подходил к ней, тем чаще у собачонки билось сердечко. Она периодически взвизгивала, дрожала, судорожно оглядывалась по сторонам, а однажды и вовсе предприняла попытку выпрыгнуть и пуститься наутек. Следовательно, я двигаюсь в правильном направлении. Темнота тем временем уверенно напоззала на город – окрестности становились все более таинственными и устрашающими.

Вычислив, в каком из подъездов располагается нужная квартира, я воображал, как же обрадуются хозяева собачки, кем бы они ни были. Одновременно со мной к двери подъезда подошли два медика из подъехавшей скорой помощи – мужики в синих костюмах и с ярко-оранжевым чемоданчиком.

Я набрал номер квартиры. Видимо, фельдшер, что помладше, хотел проделать то же самое, поэтому удивленно спросил:

– Вы тоже в 39-ю?

– Да, – обернулся я. – И вы?

– Верно. А вы не оттуда?

– Нет, – удивленно покачал головой я. – Я по делу.

Медик постарше нахмурился:

– Как вы только умудряетесь быстрее нас приезжать, гады?!

– Я вас не понимаю.

– Все ты понимаешь, – наезжал на меня второй фельдшер. – Кто тебе информацию сливает, а?!

– Отстаньте, – сказал я, – я не ритуальный агент.

– И приехали мы лечить, а не смерть констатировать, – напомнил фельдшер помладше, останавливая порыв старшего коллеги.

В домофоне послышался дрожащий мужской голос...

Поднимаясь с медиками на лифте, я размышлял, что же могло приключиться в квартире. Ладно, если кто-то приболел или кому-то поплохело. Не застрять бы тут до глубокой ночи: не очень-то и хочется на трупы глядеть. На пару мгновений я даже забыл про той-терьера, которого вез отдавать. К месту ли сейчас это?

Невозмутимые работники скорой первыми вышли из лифта и прошли в сторону нужной двери. Я же скромно пристроился за ними. Кромешная темень в подъезде вскоре озарилась ярким желтым светом из тамбура. Дверь квартиры отворил высокий молодой человек. Мы даже растерялись немного, ибо одет он в форму гаишника – вплоть до салатого светоотражающего жилета. «Только жезла не хватает, – подумалось мне, – а еще пожарных и службы газа для полного комплекта».

– Проходите, пожалуйста, – промолвил растерянный ра-

ботник ДПС.

Медики поспешили внутрь, попутно о чем-то спрашивая хозяина квартиры и производя отработанные до автоматизма действия. Меня бы никто и не заметил, если бы не Буся, которая убедилась, что находится на пороге родных пенатов, и залилась радостным лаем.

Гаишника, проводившего медиков в комнату и принявшегося грызть ногти, передернуло. Он посмотрел в мою сторону и вытаращил глаза. Я, предъявив Бусю, объявил, что пришел по объявлению. Молодой человек из квартиры в тот момент превратился в ликующего пятилетнего мальчугана, которому родители сделали сюрприз – подарили собаку, о которой тот мечтал всю жизнь. Вряд ли, конечно, он мечтал в детстве именно о такой.

– Господи, – сломя голову гаишник побежал ко мне, чтобы принять пропажу в трясущиеся руки, будто это не собака, а древний глиняный сосуд. Как же он сиял – чуть не расплакался, ей-богу. Буся явно признала паренька и принялась извиваться, облизываться и вертеть своим обрубленным хвостиком.

– Мама, мама! Буся нашлась! – гаишник запрыгал от счастья. Прежде я ни разу не видел такого неистового ликования. Победа в финале Кубка Гагарина, конечно, не в счет.

Я прошел внутрь квартиры, оглядываясь по сторонам. Очевидно, что в двушке обитают пожилые люди. Все вокруг прибрано, запустения не наблюдается, присутствует неболь-

шой старческий душок. Некоторые вполне современные вещи соседствуют с дорогой сердцу рухлядью. В комнате, куда зашли врачи скорой помощи, пахнет медикаментами. Стараясь особо не отвечивать, я заглянул туда. Небольшая спальня с шифоньерами, тумбочками, старыми креслицами, ковром на стене и застеленной кроватью, на которой лежит седовласая морщинистая женщина в поношенном халате. Медики осматривали ее: один измерял давление, другой что-то искал в своем чемоданчике. Молодой человек в полном обмундировании радостно тряс собачку в руках. Схвативший правой рукой собственный подбородок худощавый, но жилистый дедок стоял в углу и наблюдал за действиями врачей. Мигом он перенял ликование сотрудника госавтоинспекции, всплеснув руками. Теперь оба радостно пытаются донести слегшей хозяйке, что ее любимица вернулась. Лишенная сил старушка, завидев Бусю, прямо на глазах стала возвращаться к жизни и даже тянуть немощные руки к собачке.

– Нашлась, – прохрипела она.

Свистопляска вокруг собачки и ее хозяйки отвлекала медиков, которых интересовало, принимает ли пациентка какие-либо лекарства и какое у нее обычно давление.

– Теперь понятно, отчего весь сыр-бор, да? – сказал фельдшер поопытнее.

И действительно: осознание того, что пропажа возвращена, выгоняло из дома уныние, навеянное внезапным присту-

пом у женщины. Мне даже стало неловко здесь находиться. Скромность требовала мигом удалиться, но я не сдвигался с места, наблюдая, как внезапно нахлынувшее счастье омолаживает жильцов квартиры: заставляет стариков забыть о болячках и чуть ли не вытанцовывать на месте давно забытые ритмы зарубежной эстрады. Больше всех возвращению радовалась собачка, с удовольствием высунув язычок. От такого умильного зрелища мне стало несколько легче на душе.

Только я захотел уйти (меня же могли хватиться в общезитии), гаишник и сухощавый дедушка кинулись осыпать меня благодарностями:

– Спасибо тебе, спасибо! Мы же места себе не находили. С ног сбились в поисках...

Опытные в лечении хронических болезней друг друга старики от госпитализации отказались. Фельдшеры тоже не нашли для нее особого повода и распрощались. Их благодарили не меньше.

– Наверное, мы больше не нужны, – сказал напоследок медик помоложе. – Положительные эмоции – это лучшее лекарство, – его старший напарник уже вызывал лифт.

После ухода медиков домочадцы накинулись на меня с новой силой, желая всяческих благ. Приятно, хоть и чересчур настырно.

– Как нам тебя отблагодарить?

– Спасибо, ничего не нужно.

– Тем не менее, – настаивали дед и паренек в форме.

– Мне вполне достаточно вашей искренней радости, – сказал я, мысленно поблагодарив хозяев собаки, что не заподозрили меня в краже животного.

– Пап, ставь чайник, – настоял гаишник. Дед зашаркал на кухню.

– Не нужно, – отнекивался я.

– А я настаиваю, – улыбался гаишник, провожая меня к столу, на котором за секунду образовалась целая гора всевозможных лакомств.

Мне 16 лет, но, фигурально выражаясь, за шоколадную конфетку я готов Родину продать:

– Ну как же можно отказать, когда человек в форме настаивает.

Люди из квартиры № 39 оказались добродушными и гостеприимными.

– Я так тебе благодарен, – не затыкался гаишник. – Ты прямо спас жизнь, – я состряпал озадаченную гримасу. Молодой человек пояснил. – Я подарил родителям эту собачку. Чтобы заботились о ней, чтобы она их радовала – хоть какое-то развлечение на старости лет.

Стоящий у плиты дед буркнул:

– Будто кроме телека, сада и ЖЭКа нам развлечений не достаёт, – я принял его замечание за шутку и лишь спустя несколько реплик осознал, что дед не шутит.

– Мама души в Бусе не чает. А сегодня утром Буся убе-

жала.

– Она практически сама мне в руки прыгнула, – подул на горячий чай я, заметив несколько подозрительный взгляд пожилого мужчины.

– Где же ты ее нашел? – спросил дед.

– У магазина на Цвиллинга. В одной остановке от вокзала.

– Где-то там Тоня ее и потеряла, – произнес старик и отвернулся к плите.

– Поначалу, – заговорил сын пожилых родителей, – мама надеялась разыскать Бусинку сама... в ее-то возрасте. Ей противопоказано далеко ходить – максимум с собачкой по двору. Отец пошел в пенсионку, а она прямо себя пересилила: вернулась домой, вынула из альбома фотографию Буси и побрела по улицам прохожих опрашивать. М-да, аж в голове не укладывается, – гаишник задумчиво почесал затылок. – Благо, что ей не стало плохо на улице... Потом она пошла в копицентр. Там ей набили текст объявления, отсканировали фотографию, дали клей. Неравнодушные школьники, как мама сказала, помогли расклеить объявления по округе. Она им все деньги, что были в карманах, отдала.

– Главное, чтобы паршивцы не наполнили этими объявлениями соседние урны, – вымолвил дед.

– Ну одно объявление они точно повесили, – сказал я.

– С передышками мама дошла до дома, рассказала все отцу, а потом... Ну ты в курсе, – инспектор печально опустил голову.

– Я тоже сегодня знатно побегал, – перехватил инициативу старичок. – Сначала-то хотел Тоню идти искать, коль дома ее не застал. А выяснилось, что нужно Бусю искать. Чертовка всегда слинять хотела. И чего ей нейдет? Но сейчас она уж точно осознала, что лучше места ей не найти, – улыбнулся дед, открыв форточку и закурив папиросу.

– Отец Бусю не нашел. Когда он вернулся с пустыми руками, маме стало плохо. Давление подскочило, встать с кровати не смогла: все плыло перед глазами, тяжело дышалось. Папа звонит мне, а я в скорую сразу... и сюда. Врачи сказали, что криз, – еле слышимо всхлипнул парень в форме.

– Почаще бы приезжал, сыночек, – вспыхнул старик, с укором взглянув на отпрыска. Тому явно стыдно. – Может, мы хотели бы тебя видеть почаще, а не с собачкой водиться, которую ты нам для отвлечения внимания подарил. Матери стало худо – вот только и повод для тебя примчаться.

– Пап, давай не сейчас, ладно? – вежливо попросил гаишник.

Старик махнул рукой и ушел из кухни, приговаривая:

– Нам скоро на небо, а мы внуков даже не нянчили.

– Прости, – парень схватил конфетку, – со стариками порой тяжко. Но я тоже не могу круглые сутки с ними находиться.

Я кивнул, поразмыслив над этим: выходит, его мать сознательно подвергла себя опасности – видимо, не захотела занятого сынка беспокоить по таким пустякам и в итоге до

изнеможения себя довела.

– Так или иначе, я твой должник.

– Это лишнее, – допил чай.

– Если по моей части что-нибудь понадобится, – он указал на свой жетон, – я всегда помогу.

– Спасибо, – меня немного огорошили таким одолжением. – Неожиданно. Правда, мне еще ра...

Я не успел договорить про возраст, как мой собеседник вскочил с места, увидев в коридоре свою мать. Та одной рукой держала собаку, а другой опиралась на стенку в коридоре. Сын хотел подскочить к ней и взять за руку, но та его остановила, мол, сама справлюсь.

– Мама, зачем ты встала? – трепетно поинтересовался он. – Тебе лежать нужно.

– Все нормально, Игореша, – заверила сына она. – Глядишь, через пару лет належусь вдоволь. Надо же мне поглядеть, кто нашел нашу Бусю, – она протянула мне свою руку, которую я легонечко пожал, привстав с табуретки. – Дай бог тебе здоровья. Без животины и жизнь не та, – сказала она, внезапно осеклась, грозно взглянула на сына и спросила. – А ты-то хоть сказал спасибо?! – такой реплике я удивился, ибо парню навскидку уже почти 30 лет, а мать спрашивала с него как с маленького невоспитанного мальчишки.

Гаишнику стало неловко. От стольких благодарностей неловко и мне.

– Я рад был вам помочь, – я не дал Игорю ответить на

претензию старушки. – Спасибо огромное за угощения.

– Тебе спасибо, что не прошел мимо, – изрек гаишник.

«Не знал, что я альтруист, – думалось мне. – Помогаю-то многим, а настоящая и искренняя благодарность поступает от единиц».

– Боюсь, мне пора идти.

– Удачи тебе, милоч, – сказала пожилая женщина.

– Она мне пригодится, – почему-то сказал я, обуваясь в тамбуре и немного хмурясь от сдавливающих грудь бинтов и побаливающей раны. Буся обнюхала меня напоследок.

– Надо же, не лает на тебя, – в прихожей появился дед.

– Конечно, не лает. После всего почему бы и за своего не признать, – ответил ему сын.

После возвращения Буси домой у меня заметно прибавилось энергии. Добро, бесспорно, всегда останется самым высокооплачиваемым товаром в мире, даже если после расплаты твои карманы остались пустыми. Сейчас я ощущал нечто более ценное и возвышенное, чем прибавка к карманным расходам. Больше всего меня поразило, как оклемалась хозяйка при одном только виде собачки.

Что бы случилось здесь, если б я пошел искать Брადобрева в противоположную сторону? Ответ очевиден. Нашел бы его и вскрыл возможный заговор в стане хоккеистов. «Хотя можно часик-другой и без этого прожить, верно?» – заключил я, стоя у дверей лифта.

За закрытыми дверями квартиры № 39 я мельком расслы-

шал разговор между отцом и сыном:

– Мне тоже пора, – заявил молодой человек.

– Куда это ты собрался?!

– Пап, у меня вообще-то уже час, как идет дежурство.

– У тебя мать чуть не окочилась! И ты даже не останешься?!

– Останусь... без работы.

– Ну и вали, неблагодарный!

– Пап...

Двери лифта захлопнулись.

Температура снаружи заметно опустилась. Либо просто за пазухой не было собачьей грелки.

«Да уж, – пустился в обратный путь я, обдумывая увиденное, – не все у них там в порядке в семье. Кстати, моим нужно позвонить, – я решил сделать звонок предкам. – Надеюсь, за время моего отсутствия в общегае ничего серьезного не произошло», – я невольно ускорил шаг.

Эх, знал бы я, что там творится... Волосы бы встали дыбом.

История девятая. «Птички в клетке»

Только я скрылся из виду, Пашка Брадобреев подумал: «Тип вообще не с этой планеты. На кой хуй ему сдалась эта собачонка? Куда он с ней поперся? Чудак-человек!» Он медленно побрел в сторону крыльца общаги-гостиницы – Брадобреев чувствовал, что опасность не миновала, однако ждал ее совсем не с той стороны.

Груженный под завязку хоккеист, державший вдобавок в узких внутренних карманах куртки пивные бутылки, стал аккуратно взбираться по ступенькам ко входу, как оттуда вылетел какой-то мерзкий белобрысый парнишка в маленькой черной шапчонке – явно на взводе и с претензией на крутость. Столкнувшись с Павликом, парень стал извиваться как уж на сковородке, пытаясь предъявить претензии коренастому Брадобрееву, зная, что в поле зрения находится группа поддержки. Пашу же печалило другое: при столкновении с борзым Глебом одна из пивных бутылок выскользнула из куртки и вдребезги раскрошилась об крыльцо. Павел зажмурил глаза, ведь думал, что вместо несуразного хулигана перед ним сию секунду возникнет табло Елизарова и придется объясняться – это станет вершиной айсберга в череде будущих экзекуций и унижений. Благо, что ассистент тренера уже достаточно отдалился и не мог услышать звон раскуроченной бутылки.

– Ха, – усмехнулся Глеб, – тебе и без меня хреново, поц, – злорадно отметил он и отвалил от расстроенного Паши.

Темнело рано. Глебушка сторал от нетерпения, отчего дергался пуще обычного. Еще бы: забить на учебу (так себе повод, конечно) и на прибыльные делянки, чтобы проторчать здесь полдня, забыть о еде (но никак не о сигаретах), дабы проверить очередное злодеяние.

Его хитроумный план изящен до зловония. Он со своими подручными бандюками в качестве наружного наблюдения патрулировал округу, подстерегая Свету и того мудака, который вчера наглее всех подкатывал яйца к Витиной девчонке. Вскоре вернулись хоккеисты – несколько удрученные, как показалось Глебу. Однако двух закадычных подружек, Светы и Амиры, до сих пор не видно. Это в некоторой степени напрягало и Зеленцова – агентура докладывала Глебу, что хоккеист то и дело проверяет дверь в комнату девчонок. Когда рядом с ней не было Никиты, там был Глеб: как со стороны коридора, так и со стороны окна, разрисованного морозными узорами. Глеб заключил, что настырный хоккеюга готовится к более убедительному подкату – значит, все идет как по маслу. Оставалось подкараулить их вдвоем и сообщить старшему брату об измене Светланки. Главное, чтобы братишка не подкачал со скоростью – ему все равно нечего делать, хоть найдет себе цель на вечер. «А может, отбросить предрассудки и тройничок замутить? – размышлял Глеб. – Думаю, кудрявому не привыкать. Спортсмены ведь все та-

кие, разве нет?» – он надеялся, что у Зеленцова хватит таланта дотащить Свету до постели, а та не станет орать и звать на помощь, как это часто делали с Глебом. Так или иначе, любой компрометирующий Светочку эпизод подогреет в глупом и подсознательно неуверенном в себе Вите ревность вселенского масштаба. Эмоции, конечно же, будут бить через край, а изменница захочет соскочить, обернет ситуацию против Вити, будет стоять на своем. Зная нрав брата, Глеб предполагал, что тот может оскорбить ее и даже ударить. И вот тогда прикрывающий тыл брательник ворвется в комнату и хорошенько отделает Виктора, защитив Свету. В итоге та останется без ума от новоиспеченного защитника и поцелует его (минимум) или переспит с ним (максимум). Что в это время будет делать Зеленцов, Глеба почему-то не интересовало. Кухонный тиран должен быть повержен, а дама должна уйти к Глебу, благородному, но на самом деле расчетливому, гадкому и желчному. А не надерет ли хоккеист задницы двум братьям? А что с него взять: он явно преследует цель удовлетворить низменные потребности и со дня на день свалить из этого города без оглядки на эмоциональное состояние своей однодневной суженой. Глеб мог бы подобрать ее и так, но он привык завоевывать, плести заговоры подобно пауку, в паутину которого постоянно залетают недалекие мухи. К тому же кто, если не он, является идеальным спутником для Светы – не будь та девушкой брата, Глеб не питал бы к ней столько симпатии (если чувства, которые он способен испы-

тывать, можно назвать таким словом).

«Я подберу за другим. Я не брезгливый. Нужно просто быть рядом, ибо часто все получают те, кто вовремя высказывает из тени», – грел себя мыслями подлый гаденыш, отплясывая канкан на морозе. В грядущих событиях он не видел какой-либо серьезной опасности для брата – сейчас ревнивцу надо лишь угодить в ловушку, а основную суть замысла он и за тысячу лет не разгадает.

К хоккеисту, который разбомбил бутылку у входа, подскочил другой (тот самый) – оба кудрявых встретились. Глеб припал к стеклу. Вряд ли он что-то сможет услышать – только примерзнет до весны.

Дорогу Брадобрееву действительно перегородил Зеленцов, чей разум беспросветно сосредоточился на грядущем совокуплении со Светочкой.

– Ты купил то, что я просил?

– Конечно, – Пашка выудил из пакета солидную коробку конфет. Зеленцов выхватил ее, даже не поблагодарив курьера. – А ты разве не с нами? Я тут столько всего накупил, – Никита не отреагировал. – Ни пуха ни пера тебе, казанова! – бросил Пашка вслед Зеленцову – тот вновь ничего не ответил, улепетывая вверх по лестнице. В том же направлении потащил покупки Брадобреев.

«Вряд ли ты сладкоежка, лось», – думалось Глебу.

– Можно пройти? – внезапно зазвенело около левого уха. От неожиданности Глеб отпрыгнул от дверей и машинально

приготовил кулаки. Мимо него прошел темноволосый паренек с изящной стрижкой, надменной миной и с белой коробкой в руках.

«Явно у кого-то ожидается нехилый алкогольный трип», – смекнул Глеб, глядя на Данила Озерова.

Молодой псевдобизнесмен с важным видом проследовал по фойе первого этажа, минуя вахтера. До старичка порой доходило как до пыльного допотопного компьютера.

– Ты куда? – опомнился он.

Озеров остановился и надменно посмотрел на охранника. Серьезное выражение лица пацана чуть не исказилось чихом от разношерстных запахов, летящих из столовки, где для вечерней клиентуры всю готовился ужин. Даня вытащил из своей коробки бутылку винишка и молча передал ее вахтеру. Старичок успел трижды подавиться слюной. Сколько же раз он проходил мимо искомой витрины в винно-водочном магазине, но находил силы умерить аппетиты, заглядывая в кошелек, в котором едва хватало на хлеб и колбасу. А тут вот оно! Что радость для архитипичного вахтера, то обыденность для Данила: у него всегда припасен веский аргумент в конфликтах и спорах, пропуск на любые объекты с безвольной охраной, уместная и терпкая взятка – бутылка чего-нибудь недорогого и распространенного.

– Вы только не сильно там... – обмолвился старичок на посту, принявшись заворуженно рассматривать бутылку – подарок, свалившийся с небес, да еще и в пятницу.

– Не переживай, отец, – Озеров продолжил свой путь. – Я не употребляю.

Тем временем снаружи Глеб дождался-таки своего: со стороны остановки к общаге шагали Света с Амирой. Не отсвечивая, Глеб и его команда пропустили дамочек внутрь. Все грядущее зависело от действий Светы и Никиты, которые упорно не замечали слезки, порой очень неуклюжей.

– Мы в столовку, – объявил Митяеву Коротков.

– А смысл? – не отрываясь от телефона, парировал Арсений. – Сейчас Пахан жратвы притащит.

– А мне... надо, в общем, – слился из номера Зеленцов.

– Мы порубаем и вернемся, – продолжил Дмитрий.

– Нам же больше достанется, – вмешался Степа. – Пусть идут.

– Мы вернемся, и придется делиться.

– Может, с тобой еще бабой поделиться?! – недоброжелательно спросил Митяев.

– Как знаешь, – Коротков не стал провоцировать раздраженного 17-го номера.

– А я бы не отказался, – вставил Соловьев и, увидев злобный взгляд Арсена, решил поскорее уйти в другую комнату.

– Кто успел, тот и съел, ребята. Идите, ну же, – спровадил компанию Степан и молчаливо посмотрел на задумчивого и недовольного товарища.

– Ты чего такой мрачный? Из-за Бречкина? – Степе не ответили. – Или из-за проигрыша?

– Глупый вопрос, – Арсений всегда склонен рефлексировать, особенно после неудавшихся игр, в которых ему в полной мере не удалось блеснуть талантом, посему он винил в проигрыше собственную никчемность, которая по факту существовала только в его воображении.

– Скукота-а-а, – немного погодя протянул Кошкарский.

– Терпение, мой юный падаван, – очнулся Арсен.

Наконец-то в дверях появился Брадобреев.

– Я не понял, а куда направились эти трое?

– Жрать.

– Зачем же я тогда в магазин бегал?

– Так тебя отпустили?! – не поверил Кошкарский.

– Глаза разуй. По мне, что ли, не видно?!

Митяев заметно оживился:

– Вот и наш купец! Ты чертяга. Как тебе удастся?! – он налету принял пакеты из рук Брадобреева.

– Эх, брат, знал бы я ответ на этот вопрос, – вздохнул Павлик. – Кстати, есть новость.

– Узнал, что Луна состоит не из сыра? – хихикнул Кошкарский, за что чуть не огреб от Паши, который воинственно схватил клюшку в углу и пригрозил ей шутнику.

– Выкладывай.

– Елизаров скрылся в неизвестном направлении.

Оба мигом отвлеклись от осмотра содержимого пакетов.

– Гонишь?!

– Век воли не видать, – поклялся Брадобреев.

– А не шанс ли это... слинять? – у Кошкарского загорелись зенки.

– Степанчук здесь.

– Он глухой как тетерев.

– Не нужно их недооценивать, – Арсений решил трезво взглянуть на ситуацию. – А если это подстава, отвлекающий маневр? – он с подозрением зыркнул на Пашку.

– С каких пор ты стал таким параноиком, Арс?!

– За кого ты меня принимаешь?! – возмущенно спросил Паша.

– Не подал ли ты мысль тренерскому штабу, чтобы нас в чем-нибудь подозревать? Так они взяли и отпустили тебя... просто так.

– В глаза мне можешь посмотреть. Я всегда на вашей стороне! – твердо заявил Брадобреев и приблизился к Митяеву.

Арсен снял обвинения, но спросил:

– Он шманал тебя?

– Да, прежде чем уйти. Но пива не нашел.

– Пива?! – услышав ключевое слово, из коридора в номер завалились Волчин с Абдуллиным.

– Пашка, да ты просто бог! – похвалил друга Митяев.

– С девчонками было, но вот парни... Парни мне такое еще не говорили. Но ты коней-то попридержи. Оно теперь мое. За необоснованное обвинение.

– Это мы еще посмотрим, – пригрозил пальцем Арсений. – Разговор шел про две бутылки: тебе и мне.

– Неужели?! Знаешь что, я не намерен больше терпеть такого обращения, – театрально заявил Павлик.

– И «Оскар» уходит к... – не переставал генерировать реплики Степа.

– Не для того я на улицу просился и не для того я там на Петю наткнулся...

– А он чего там делал?! – Волчин не в теме.

– Хуй его знает! Он поймал меня у входа, когда я возвращался из магазина...

– Тебя отпустили?! – не поверил Абдуллин.

– ...Он осмотрел пакеты, – продолжал Паша, – ничего не обнаружил, поплевался слюной и ушел. А с ним еще была собачка... маленькая такая, противная... ну, которые гавкают еще постоянно по поводу и без повода.

– Чего-о?!

– Кончай ломать комедию! Гони мою бутылку, – потребовал Арс.

– Их было две, мне и тебе. Одна разбилась.

– Осел криворукий!

– Ты их в стекле, что ли, купил?

– Я, может, криворукий временно, а ты петух по жизни!

– Понял, – снова влез в разговор Кошкарский, – он эту бутылку не разбил, а по дороге выжрал. Раз ему собаки всякие чудятся.

– Может, Петьке шайба в башку попала, а не в бок? Вот он умом и повернулся, – рассуждал Артем.

– Думаю, он всегда был таким, – ответил ему Волчин.

– Вторая бутылка все равно моя, кто бы там башкой ни тронулся, – Митяев продолжал настаивать на своих правах.

– Не беспокойтесь, здесь всем хватит, – объявил новый голос.

Все обернулись и приветственно зашумели. В дверях стоял Данил Озеров.

– Здорова, бандиты! – улыбнулся Озеров и чуть не выронил коробку с выпивкой, ибо практически вся «Магнитка-95» высыпала из своих апартаментов, чтобы поприветствовать его.

– Ладно, парни, тихо. Не надо Дэнчика палить перед нашими надзирателями, – напомнил о конспирации Тоха Малкин. – Лишь бы этот черт из табакерки нас не застукал.

– Ушел он, кстати, – невзначай напомнил Брадобреев.

– Странно все это, – сказал капитан команды.

– Кэп, прекращай маразм – бесит уже, – сказал Гайтанов.

– Куда он ушел?

– Собаку выгуливать, – облизывал обертку купленного йогурта Павлик.

– Узнаю Пашку, – произнес радостный Озеров. – Не изменился нисколько. Накидался еще по пути сюда.

– Нет, мы еще вчера приехали.

– А-а-а, сегодня, получается, была первая игра. И как? – поинтересовался Даня.

– Мы ее проебали в пух и прах, мой маленький бизнесмен, – заявил пришедший на огонек Бречкин.

– Капец вы лохи, – заржал Озеров, не понимая, чего все так напряглись при виде Бречкина. Дабы разрядить обстановку, Данил продолжил. – Но это ладно... кхе-кхе... бывают в жизни огорчения. Но сегодня пятница, ребятки. Не забыли, что у нас планы?

– Нет, не забыли, но... – неуверенно посмотрел на Митяева Серега Смуринов.

– Вы чего такие, я не пойму?! – недоумевал Даня. – Я вам тут целую флотилию подогнал. Отказы не принимаются. И вообще: почему вы еще не свалили?!

– Мы типа наказаны за слив игры.

– Вам когда-то это мешало?!

– Никогда, – решительно заявил Митяев.

– Во-во, Арсен в теме, молорик!

– Напоминаю, – вмешался Пирогов, – тренер сказал: тем, кто уйдет – прогул и исключение из команды.

Арсений Митяев не хотел останавливать свой лидерский порыв:

– Напоминаю, что я сказал ранее: у кого очко играет, вправе остаться здесь. Нам больше достанется, – подмигнул он Кошкарскому.

– Согласен, – соскочил с койки Богдан Чибриков. – Вот сейчас самое время окончательно решить, кто с нами, пацаны. Я в деле.

– Чик-чирик герой. Уважуха тебе, – оценил Озеров. – Решайтесь, мужики – вряд ли у тренера поднимется рука всех игроков из списка вычеркнуть. За такое ему самому попадет. Да и это не в его компетенции. Ну же!

Хоккеисты одобряюще закивали.

– А я чего-то не вижу Глыбы, Короткова, Фили и Зеленки? – насторожился Даня.

– Жрут, – произнес Брадобреев, уплетая булочку с помадкой.

– Так пусть поднимаются пить.

– Могут не торопиться – у нас все равно единогласно, – констатировал Патрушев.

– Что скажет капитан? – Данил обратился к Волчину.

– Лучше помолчи с умным лицом, – посоветовал Андрею Митяев.

– Только заикнись про чуйку – я тебе рот зашью, – пригрозил Волчину Бречкин, но капитан команды был в тысячу раз сообразительнее бугая Лехи.

– Я за безопасность, – высказался Волчин. – Думаю, надо линять, когда будет меньше препятствий и свидетелей и когда мы будем точно знать, что тренер и его шавка видят сны.

– После отбоя? Когда закрыты все двери? – уточнил Смурин.

– Так даже интереснее, – Митяев дождался, пока Пашка откроет пиво, отобрал у него бутылку и отпил из нее.

– А что делать до отбоя? – спросил Богатырев.

– Как «что»?! – изумился Озеров, указав на ящик с алкоголем. – Пить! Давайте же, смелее!

– Братка, мы так рады тебя видеть, – Митяев добродушно пожал руку Данилу, обнял его и шепнул на ухо, что до клуба должны добратся от силы десять человек.

– Не учи меня спаивать, – так же тихо ответил ему Озеров. А потом продолжил уже громче. – Расскажите-ка мне, что есть у вас?!

– Мы тоже кое-что притащили догнаться, – сказал Арсен.

– Ты про пиво?

– После тяжелого рабочего дня самое то, – ответил Митяев.

– После таких слов и становятся алкашами, – предостерег его Даня.

– Сказал торговец алкоголем, ха-ха-ха, – отметил Артем Абдуллин.

– А я с такими пропащими кадрами не работаю, – деловито отбился Озеров.

– Знаешь, что я скажу, – подошел к нему с бутылкой Митяев. – Надо уметь вовремя остановиться. И это не только к бухлу относится.

– Поверь, я знаю, когда остановиться, – с болью в душе ответил Данил.

– Да завтра все на тренировке выйдет... с потом, – сказал Мухин.

Даня, глянув на алкогольную записочку магнитогорцев, взялся за голову:

– Вот вы варвары, а! Я оторвал от сердца лучшее, что смогу стащить. И это чистое золото вы хотели смешивать с самопальным дерьмом из лужи?! Да в вас сердца нет, как и чувства прекрасного.

– Я тоже самое говорил, – отметил Кошкарский.

– Будь ты невзъезженным эстетом, – обиделся Толик Костицын, – пошел бы не в хоккей, а в фигурное катание.

– Кто его знает, может, он сейчас туда ходит и бросил хоккей из-за этого, – предположил Соловьев.

– А будь ты, Данил, – продолжил Шабашкин, – ценителем чистоты – записался бы в керлинг.

– Я вот не помню, чтобы ты хоть раз бухал, Озеров, – отметил важную деталь Волчин. – А в твоём ящичке прямо многовато.

Данил желал поведать парням про пари, но решил повременить.

– Ты чего, это ж только на первое время.

– Боевой настрой у парня, – позавидовал Малкин.

– А я думал, что бутылка пива у Арса – это для затравочки, – недоумевал Волчин.

– Затравочка, кстати, все, – сообщил Митяев, с улыбкой предложив пустую бутылку Брадобрееву и пристально взгля-

нужно на Озерова.

– Начнем здесь, а потом рванем...

– Вот вы где! А я-то думал, куда все испарились? – отворил дверь Антон Филиппов.

– Я тоже тебя потерял, Филя, – поздоровался с ним Озеров. – Что с твоей рукой?

Антон злобно взглянул на самодовольного Бречкина (тот ведет себя так, словно ничего не случилось) и почувствовал, как жарко в комнатухе, в которую набилась вся команда.

Неловкое молчание прервал Митяев:

– Да ничего такого, Дань. Тоха просто пытался сделать интимный массаж токарному станку в школе.

– Выходит, ценный он игрок, раз его покалеченного на выезд взяли, – хохотнул Озеров.

– Как ты вообще сюда пробрался? – Филиппов не желал лишней раз судачить о травме.

– Использовал неоспоримые аргументы, – Озеров щелкнул пальцем себе по шее. – А бабка на этаже тупо отвернулась.

– Какой был жучара, такой и остался, – с улыбкой произнес Филиппов.

– Ага, но жучара желает знать, чего у вас нового, басмачи?!

– Садись, расскажем.

– Да вы открывайте уже бутылки – только что-нибудь попроще для начала. А чего, родаки с вами уже не ездят?

– Уже нет. Во-первых, нам до херища лет. Во-вторых, хватит им уже бухать.

– Будь здесь наши родаки, твой ящик, Даня, уже давно бы выжрали... причем не мы.

Данил Озеров уселся на тумбочку и следующие пару десятков минут с интересом слушал. Хоккеисты весело разговаривали, обменивались байками: про хоккей, про баб, про школу. Постепенно принесенные алкогольные запасы стали таять, однако некоторые персоны пили немного, поскольку рассчитывали весело провести не только вечер, но и ночь. Некоторые этого не предусмотрели, поэтому рисковали завалиться дрыхнуть еще до отбоя. Чем дальше, тем истории шли развязнее и пошлее:

– ...И после всего того, что я натворил, я подхожу к бате и говорю: «у нас в школе завтра сокращенное родительское собрание». Отец спрашивает: «что это за нововведение такое?» А я ему отвечаю, что «это ты, я... и директор...»

– ...Когда пришла моя очередь ее пялить, этот педик захотел нас заснять на память! А там темнота жуткая. Только он камеру врубил, как у него на телефоне автоматически фонарик врубился. А та шалава как заорет, мол, нечего меня снимать. Засранец – да-да, я про тебя говорю – был бухой, у него там стояк, а он не нашелся сказать ничего умнее, чем «да пошла ты, я в игрушку играю!» Он, говнюк, в игрушки там играет, а у нее внутри так все сжалось, что у меня на конце до сих пор синяк...

– Весело живете, – отреагировал Озеров. – Но меня мучает другой вопрос: как вы допустили то, что это неадекват все еще с вами? Стареее, парни.

Истории, связанные с помощником Степанчука, хоккеисты рассказывали не с таким рвением. Зато их заворожено слушал Данил, крепко схватившись за подбородок, как зритель в кинотеатре цепляется в ручки кресла, когда смотрит ужастик. Ему пересказали самые сочные моменты моих походов в хоккейной школе: кровавое приветствие, учет каждого слова и каждого шага, сбор компромата на игроков, запрет девушкам хоккеистов посещать тренировки, сумасшедший кросс, происшествие с Вольским. А как их насильно угоняли с тренировок молодежной команды, в которую все так стремятся попасть, вообще сказка. Всего и не упомнишь.

И в самый разгар негодования игроков «Магнитки-95» по поводу меня Абдуллин выудил из ящика бутылку виски «Jack Daniel's»:

– А как насчет...

– Не тронь! – пробудился Озеров. – Это для меня.

– Да брось ты, бухач в одного – первый признак алкоголизма. Не ты один осведомлен в этой теме, – отметил Павел Мухин.

– Тут другое, – замялся Данил.

Митяев сразу все понял:

– Давай-ка выкладывай: что тебя гложет?

Выхода нет. Озеров как на духу поведал хоккеистам, что забился с одним влиятельным челом выдуть бутылку виски залпом сегодня в клубе, но, поскольку его прошлые употребления ни к чему хорошему не приводили, он опасается последствий, потому и совершил с бутылкой небольшие манипуляции.

– Думаешь, прокатит? – спросил Волчин.

– У меня нет другого выхода. Я слово дал. На кону честь и достоинство.

– Я бы на твоём месте вылил всю бутылку на голову этому выскочке, который с тобой забился, – оценил ситуацию Брэдбурев. – Вот это честно и достойно. И со стороны зачётно смотрится.

– А я за Дэна. Кто не рискует, тому грош цена, – поддержал знакомого Кошкарский.

Волчин продолжал нудить:

– Я бы для чистоты спора сначала убедился, что в бутылке именно виски, а уже потом стал бы смотреть, как ты вливаешь в себя её содержимое. Если этого не будет, твой соперник просто болван.

– Я договорился – бутылка будет якобы из бара.

– Ещё один лишний элемент в цепочке тайны в виде бармена только все испортит. А если он перепутает бутылки?

– Часто я задумываюсь, как такой ботан и зануда вообще оказался в хоккее? – поднял тему Никита Зленко.

– Мы с тобой играем вместе с четырех лет – медленно ты,

однако, думаешь.

– Хорош собачиться! – заткнул их Митяев. – Это же находка: и спортсмен, и отличник. Он, наверное, один такой во Вселенной.

– Не давайте Митяеву больше пить. Ему достаточно – он уже дифирамбы ботаникам поет. Своему-то школьному помощнику тоже, небось, лъстишь как дышишь? – выступил Гайтанов.

– Да, Арсен, низко ты пал... Волчина да в задницу целовать, – добавил Бречкин.

– Только сомкните сегодня ночью глаза, я вам устрою...

От двусмысленности сказанного Абдуллина прорвало на безудержный смех.

– Если кто забыл, – вмешался Малкин, – мы говорили о Даниле.

– Да, – вспомнил Арсений Митяев, – я про него тоже хотел сказать. Эта сумасшедшая идея с переливанием... не лишена смысла, – его взгляд упал на задремавшего Ваню Пирогова. – А-а-а, Пирогов!!! Пожар!!! Подъем!!! – заорал Митяев, дабы пробудить второго вратаря, который очень испугался сигнала тревоги. – До отбоя еще далеко. Как думаете, когда Елизаров вернется?

– Чего это ты удумал?

– Давненько нас не проверяли. А если сейчас ворвется Степанчук и застанет нас в таком виде?

– Ближе к телу, – поторопил Волчин.

– А где Зеленцов? – нарочно злил капитана Митяев, отвлекаясь и прикидываясь слегка пьяным.

– Твою мать, приколист!

– Короче, ищем пустую тару: бутылки из-под чая, сока, газировки. Меняем все жидкости местами и сидим дальше. Лишние бутылки летят в окно.

– Так нельзя, – забастовал Озеров, – это кощунство.

– Ты первый переступил черту, – напомнил Пашка Брадобреев.

– Душок в номере будет, – резонно отметил Чибриков.

– Форточку откроем.

– Денис, постоишь на стреме.

– А почему я?

– Ты все равно не играешь. Хоть какая-то от тебя будет польза, – объяснил Митяев – обидевшийся Акмальдинов отправился дежурить в коридор. Арсений продолжил. – Дэнчик, сколько там у тебя бутылок осталось?

– Вы вообще без тормозов.

– Не прикидывайся, что ты только узнал об этом, – подмигнул ему Кошкарский.

– На что только не пойдешь ради острых ощущений, – объяснил Митяев.

– Только «Джека» не берите, – попросил Озеров.

– А если кому-то захочется настоящего чайку? – озадачился Малкин.

– Шутки за 300 и кот в мешке, Тоша, – вскочил ногами на

кровать Митяев, чтобы руководить всем процессом свысока.

– Я про Елизарова, – уточнил Антон.

– Паша же купил. Положи на видное место, брат, чтобы попробовал, если на слово не поверит. Он все равно не шарит в алкоголе. Смурин, ты ответственный за чай у нас.

– Заметано.

– Запах перегара ни с чем не спутаешь, – вставил Волчин.

Процесс поиска подходящих емкостей и неуклюжего переливания жидкостей внезапно прервал забежавший в комнату Акмальдинов со словами:

– Там... это... наших бьют!

Зеленцов уже сбился со счета, сколько раз тянул за ручку закрытой двери. И наконец-то ему улыбнулась удача: дамы вернулись, а он уже во всеоружии, то есть с выкрученной до упора харизмой, гостинцами и, конечно же, укромно припрятанным контрацептивом. Правда, цель Никиты сразу же упорхнула в столовку, где в то время отсиживались и другие хоккеисты – хорошо, что многие не посвящены в легкую интрижку Зеленцова, однако косых взглядов все равно не избежать. Зеле нужна лишь маленькая победоносная война, которая уже успела мобилизовать его интеллект и обаяние. Однако после взятия неприступной крепости в лице Светланы он с высокой долей вероятности потеряет к ней всякий интерес. Зато выйдет из начатого пацанами соревнования безого-

ворочным победителем. А моральная сторона вопроса его заботит несильно. Зеленцов, конечно, поступает по-скотски, но пацаны в его возрасте, наделенные хоть одним атрибутом внешней привлекательности (лицом, глазами, руками, мышцами, гибким языком и всяким прочим), за редким исключением видят в каждой представительнице прекрасного пола лишь объект интимного интереса. А когда ты еще и пытаешься переплюнуть в этом деле других самцов, успешное соблазнение вообще становится делом принципа.

Светин ухажер влетел в столовку, не обратив внимания на стоящего на стреме гопника. Не заметил он и Короткова с Глыбой и Филипповым, которые посчитали, что он желает к ним присоединиться. Потеснившись за столом, парни удивились, когда Зеленцов предпочел подсесть к девчонкам, кажется, с их этажа.

– Посмотри-ка на него, – завистливо выдал Антон Филиппов. – Сейчас обработает девок, мама не горюй.

– Вот что бывает, когда долго не чпокаешься. Ты готов броситься на первое попавшееся – неважно, бревно она или богиня, – поведал Никита Глыба, с аппетитом уплетая второе блюдо.

– Ублюдок видит дырок больше, чем очко унитаза, – Дима Коротков довершил порицание одноклубника.

– Чего только они находят в этих Зеленцовых, Митяевых, Брадобреевых?

– Ты не удовлетворен женским вниманием к своей персо-

не?

– Не то чтобы...

– Да ты зажрался, братец!

– Надо свою нишу занять – вот и все.

– Мы же ничем от них не отличаемся, а питаемся объедками.

– Ни разу не слышал, чтобы баб так называли.

– Не обращай внимания. Это травма так на Тоху действует, – твердил Коротков. – Когда боль не утихает, в голове всплывает весь негатив: дерьмо всякое вспоминаешь, жизнь ненавидишь – недовольным, в общем, ходишь. Бречкин урод, конечно.

– Давайте не будем об этом, – настоял Филиппов, но потом, подумав, произнес. – Вот Бречкин, да? Еблан, какого свет не видывал. А вы заметили, какие крутые бабы с ним ходят? Что в нем такого их привлекает, чего нет в нас?

– Немереное родительское бабло?

– Скорее, отсутствие морали и головы на плечах. Девчонкам же плохие парни нравятся...

– Погодь. У нас у всех есть девушки – по крайней мере, бывают периодически. И ничего в них нет плохого. Как у всех. Подумайте, а какво прыщавым девственникам, которые и двух слов связать не могут? Если с этого угла смотреть, то жаловаться не на что.

– Моя от меня без ума, – признался Глыба.

– А она смотрела на фамилию в паспорте и на твое лицо

без решетки на шлеме? – злобно спросил Филиппов.

– Скажи спасибо, что я калек не бью, а то я б тебя...

– Антон, я понять не могу, чем ты недоволен? Тут нечему завидовать. Ревность и зависть – удел неуверенных в себе.

Зеленцов весело общался с девушками – туда то и дело поглядывал Филиппов.

– Самое интересное, что у Зеленцова есть девушка.

– Они разве не разбежались?

– А вот он, видимо, ищет повод. Не удивлюсь, если он все еще на телефон записывает и своей потом отправит в качестве прощания.

– Дико. Но похоже на него.

– Каким же уродом надо быть?

– Все в порядке вещей, – рассуждал Антон. – Собственную значимость показывает.

– Ты хотел бы вести себя так же? – спросил Коротков.

– А вы бы не хотели?! Оглянитесь вокруг. Кто-нибудь хотя бы чего-то достиг в этой жизни честным путем? Все обманывают, используют, глумятся... и им за это ничего не будет: Зеленцов переберется – ему ничего, по вине Бречкина я в гипсе – ему ничего, Митяев подговаривает всех сбежать – разве ему что-то грозит?! Ничего не будет – они лидеры, любимчики. А мы так... проходняк...

– Так кто ж тебе не дает: иди и доказывай.

– Меня вот все устраивает, – взялся за компот Никита.

– Тогда ты и останешься на том же уровне. Чтобы под-

няться выше, одного таланта и благих намерений мало. Нужно быть отпетым козлом, проституткой среди проституток! Вот, что нужно.

– Ты не прав, – не согласился Коротков.

– Я больше терпеть не намерен. Вот вернемся в город, и я устрою нашим лидерам веселую жизнь. Вот увидите, – пообещал Антон.

– Залечи сначала руку.

Филиппов поднялся из-за стола.

– Ты чего к еде-то не притронулся?

– Не хочу, – раздраженно произнес Филиппов и удалился.

– Что это с ним?

– Говорю же, травма.

– Руки, – обратил внимание Глыба, – а не головы.

– Да там все связано. Как рот с носом.

– Надо бы приглядеть за ним, а то наворотит дел, – предложил Никита.

– Думаешь, он способен заложить всех сегодня?

– Все может быть.

– Пойдем тогда, – они поднялись с места, задвинув стулья и снова посмотрев в сторону Зеленцова, который остался один на один с симпатичной миниатюрной девчонкой.

– Гулливер и Дюймовочка, – прошептал Глыба.

Они прошли мимо другой девушки, которая ранее сидела с Никитой и объектом его воздыхания, а сейчас общалась с какими-то пацанами с улицы. У лифта Коротков кое-что

ВСПОМНИЛ:

– Тоха такой нервный не только из-за травмы. У бедняги в последнее время черная полоса в жизни.

– Разве?

– А ты не замечал? Неспроста он про девушек высокого полета заговорил, – вещал Коротков. – Все знают, что с такими нужно держать себя по-особенному. Как тот же Бречкин. Эти фифы еще те – при неверном подходе с ними проблем не оберешься.

– При чем здесь наш Филя?

– А вот при чем. Он же не так давно подцепил себе такую... всю из себя.

– Да-да, припоминаю что-то.

– Тоша хотел крутую девчонку. За что боролся, на то и напоролся. Как я понял, они недавно не очень хорошо разбежались. Антон по дурусти ей наговорил лишнего. А она еще той стервой оказалась. Неужели ты не слыхал об этом? Девчонка затаила обиду на Филиппова и, чтобы отомстить, начала рассказывать и писать про него всякие небылицы. Сначала она требовала публичных извинений, а потом и денег за то, что его секреты не станут достоянием общественности.

– И чего там за секреты?

– Когда, правда, она успела всю подноготную Антона вскрыть? Это загадка. Пока все узнали, что он якобы сильно комплексует из-за размера своего инструмента, о чем постоянно просил ее не напоминать. Особенно в постели. Также

он якобы ходил налево, а потом нагло ее обманывал, продолжая переписываться с какой-то там казашкой. А из недавнего было то, что Филя, оказывается, просил называть его во время секса...

– Остановись, пожалуйста. А что же Антон?

– Все отрицает.

– Правильно. Может, все это неправда. Допустим, по первому пункту – мы же все были с ним в душе...

– Знаешь, мне как-то не особо интересно, что у кого ниже пояса, – Коротков предвосхитил продолжение мысли Никиты.

– А где же ее доказательства?

– В таком противостоянии, друг мой, доказательства – это не самое главное. Важна сама шумиха, а она растет с каждым днем.

– Пацан-то в переплет угодил. Так и кукухой двинуться можно.

– Поэтому кто знает, чего можно ожидать от тех, с кем поведешься. Сегодня они одни, а завтра – совсем другие. Так что лучше довольствоваться тем, что есть. И не прыгать выше головы, особенно в интимном плане.

– Как же тогда достичь вершины?

Парни вошли в фойе пятого этажа.

– Просто. Идти по проторенной дорожке, которую кровью и потом проложили лидеры и выскочки. В итоге все окажутся в одном и том же пункте назначения. Понимаешь, о чем я?

– Кажется, да.

– Смотри-ка, а вот и Озеров к нам пожаловал.

Глеб от вожделения готов бить ногами об пол, как собака бьет лапами об землю, когда ей гладят пузико.

– Мы вовремя, – не без удовольствия выцедил Глеб, выглядывая из-за дверей столовой. – Расчехляй телефон и фотографируй красивую парочку.

– Почему я?

– Ты видишь еще кого-то, кому я сказал это сделать? А кто нам целую неделю понтуется трубкой с камерой? И у какого только дебила ты ее подрезал?

Сподвижнику Глеба с кликухой Серый ничего не осталось, как выполнить приказ главаря. Глеб ждал момента, чтобы сообщить брату о происходящем здесь безобразии.

– Попалась, Светочка. Наша птичка в клетке, – приговаривал Глеб. – Сделай папочке подарок на днюху.

– У тебя же вроде завтра? – уточнил Серый. – А подарки заранее – это пло...

– Ты больно умный?! Хлеборезку завали. Фоткай давай, урод!

Зеленцов явно в ударе, что аналогично состоянию Глеба.

– Привет, девчонки! – произнес Никита, когда только-только подошел к столу Амиры и Светы.

– Приве-е-т, – театрально протянула Амира, улыбаясь и

строая глазки Зеленцову. Светлана лишь смущенно опустила глаза и едва улыбнулась, ибо понимала, что он пришел к ней. А среднеазиатская чикса только все портит. Надо бы спровадить ее.

– Вкусно здесь готовят, правда? – произнес Никита.

– Ага, мы тут часто бываем, – вещала вместо подруги Амира, пытаясь всеми силами переключить внимание хоккеиста на себя. Зеленцов же глаз не спускал со Светланы. Однако Амира не сдавалась. – Я вот вчера забыла спросить: какое у тебя любимое блюдо? У меня борщ.

Никита присел за стол, но с ответом не торопился.

– А что предпочитает Света? – спросил он бархатным голосочком, от которого у девчонок внутри запорхали бабочки.

– Мне нравятся... сосиски, – от такого ответа Амира чуть не поперхнулась, а Никита осознал, что фраза-то с двойным дном. – А что нравится тебе, Никита? – скромно спросила Света, озираясь на Америку, которая как будто специально прилипла к стулу.

«Помнит мое имя, – думалось Зеленцову. – Отлично, полдела уже сделано».

– Мое любимое блюдо – макароны с сыром. Потому что его название содержит в себе и рецепт, и список ингредиентов.

Все рассмеялись – громче и оттого неуместнее всех ржала Амира. Никита и Света переглянулись.

– Какие планы на вечер?

– Пятница, – инициативу вновь перехватила Амира. Зеленцов смекнул, что не только среди пацанов имеет место ожесточенная конкуренция – это ему льстило. – Света собиралась к родителям в Коркино. А я, как всегда, буду мучиться от безделья и одиночества, – печально вздохнула она.

– Кажется, ты говорила, – включилась в диалог Света, – что планировала пойти в парикмахерскую, – Светлана даже ткнула соседку в бок, чтобы та наконец отвалила.

Никита сообразил, как предать Амире должное ускорение:

– Кстати, Арсений с Пашей передавали тебе огромный привет. Готов поспорить, с новой прической ты очаруешь их еще больше.

Амира понимала, что ее выпроваживают. А если она действительно приведет себя в порядок, чего уже давно капитально не делала, то ей может перепасть от двух знойных парней (лучше Никиты, на ее вкус). Они вчера сидели практически вплотную к ней в одних полотенцах. И как только девчонки умудрились их упустить? Эту мысль Амира не могла выкинуть из головы весь день.

– Правда? Я и забыла. Не буду задерживаться, – она улыбнулась Зеленцову и, уходя, стала вспоминать график работы здешней парикмахерской.

Как только она ушла, голубки вздохнули с облегчением.

– Отлично ты придумал. Иначе она бы доконала нас.

– Всегда она такая прилипчивая?

– Вообще она хорошая подруга, но иногда я просто стреляюсь.

– Но теперь мы одни, – настроивался на флирт Никита.

– Да, – ответила Света. Она светилась от счастья. – Как дела?

– Вообще так себе, – театрально пригорюнился Зеленцов. – Но когда увидел тебя, то все наладилось, – знала бы она, как нетерпеливо он поджидал ее полдня.

– Мне приятно.

– Это тебе, – протянул конфеточки Никита. – Может, что-нибудь закажем?

– Никита, это же столовая, – рассмеялась она. В этот момент у Серого получился отличный снимок.

– Надо же, я и забыл совсем, – Зеленцов сделал вид, что говорит серьезно, и принялся обрабатывать Светочку.

– А почему настроение так себе? – поинтересовалась она.

– Да есть повод.

– Не расскажешь?

– Игра сегодня не задалась.

– Проиграли?

– Угу, – мрачно ответил он.

– Жаль, это плохо.

– В некотором роде это даже хорошо.

– Как так? – озадачилась Света.

– Потому что без поражений не бывает побед. Каждый

проигрыш стимулирует развитие, поэтому вечно выигрывать невозможно. Проигрыш заставляет сделать лучше, мотивирует биться и побеждать. Завтра мы их раскатаем с большим преимуществом. Ставлю сотку.

– Да я и без спора уверена в вашей победе... твоей победе.

– Спасибо. Болельщики – это наш шестой полевой. Поддержка всегда чувствуется... и не только вовремя матча, – он невзначай накрыл ее кисть своей ладонью.

– Я смотрю, ты любишь побеждать.

– А кто ж не любит?

– Но и к поражениям относишься философски.

«К чему ты клонишь? – размышлял Зеленцов. – Ты собралась меня кинуть?!»

– Моя философия говорит мне свести поражения к минимуму: как на льду, так и за его пределами.

– А остальные в твоей команде как к этому относятся?

– Что нам до остальных. Мы же обо мне говорим.

– Я про тренера и этого вашего дьяволенка... – пояснила Света.

«С такими разговорами у меня и под гимн не встанет», – мысленно заволновался Никита.

– ...Они наверняка рвут и мечут, – продолжила Светик.

«Давай лучше про наши любимые позы поговорим, а?!» – продолжил тираду в голове Зеленцов.

– А нам по барабану их мнение, – с ходу заявил Зеленцов. – Пусть делают, что хотят. Играем-то мы. Мы историю

творим. Благодаря нам цифры на табло меняются.

Далее Зеленцов попытался свернуть на более удобные и приземленные темы. Со Светой он флиртовал настойчиво, не позволяя завести беседу в ненужное русло. Он делал комплименты девушке, отстегивал их и себе любимому. Света ела хоккеиста глазами – он не отставал. Она кокетливо смеялась и кивала ему. Ее бдительность из-за неопытности уже давно спала сладким сном – сейчас Света готова на все ради разнообразия, новых ощущений, чего-то иного и экстремального, нежели предсказуемые отношения с Витьком. Такие экземпляры с легкостью и элегантностью танцевали под Никиткину дудку. Стоит сказать, что и присутствие Зеленцова здесь необязательно: на его месте мог быть любой из магнитогорской хоккейной братии. Уверенный в себе и своих силах Никита считал минуты до того, как безотлагательно завоюет девчонку: «Она сама должна взять меня за руку и в койку потянуть», – так ведь и просится в ловушку, так и хочет обмануться.

Глеб не сомневался, что доказательной базы для брата предостаточно. Самое время сливать голубков. Интриган уверен, что подобные ловеласы обычно продолжают обрабатывать добычу до победного: киношка, ресторан, покатушки на авто, но это выезд, отчего времени не шибко много, поэтому нужно действовать быстро.

Но внезапно возникла непредвиденная проблема.

Амира выпорхнула из столовой навеселе и помчалась в

комнату одеваться, но на первом лестничном пролете поняла, что кое-кого заметила у столовой – кое-кого мелкого и гадкого. Девушка тихонечко спустилась вниз и подошла к двум до боли знакомым низкорослым хулиганам.

В который уже раз Глеб вздрогнул от тихо подбирающихся со спины людей.

– Что это вы тут вынюхиваете?! – Амира встала в позу сахарницы, однако и пикнуть не успела, как резвый Глеб с разворота подхватил ее, оттолкнул в темный угол и плотно зажал ее рот ладонью, благоухающей дешевым табаком.

– Еще звук, и я...

– М-м-м... м-м-м-м! – что-то возмущенно пыталась сказать Амира. Крепкая рука, словно кандалы, впиалась в ее запястье. А бешеные глаза неуравновешенного Глеба, казалось, горят в полумраке как два уголька.

– Сейчас я уберу руку, и мы спокойно все обсудим. Договорились? – Амира кивнула. Глеб ослабил хватку, и девушка как ошпаренная отстранилась от нападавшего.

– Ты чудовище, – выговорила она и принялась умывать лицо, нагнувшись к умывальнику. Глеб взглядом приказал Серому прикрыть путь к выходу.

– Знаешь, что русской Варваре сделали на базаре за любопытство? – огрызнулся Глеб.

– Думаешь, если я нерусская, то полная дура, да? – защищалась Амира. – Тебе бы кое-что другое оторвать за то, как ты обращаешься с девушками.

– Мне эта штука сегодня еще понадобится.

– Чего ты задумал?

– Так я тебе и сказал. Ну чего, будешь мне конец отрывать или как? – издевательски теребил завязки на своих спортивных Глеб.

– Да на твоём противном рыле все написано.

– Ты как разговариваешь, чу... – начал было быковать Сергей.

– Заткнись, – скомандовал Глеб.

– Правильно, приструни-ка своего любовничка, Глеб. И побазарим.

– За такие намеки можно и...

– Что ты мне сделаешь?! Я закричу. Тут муравейник – люди мигом сбегутся. Ментам позвонят – я им столько всего интересного расскажу, что тебя без суда и следствия в колонию для малолеток упекут.

– А ты для бедной мигрантки быстро здесь своей-то стала... Нарывистая чересчур, правда.

– В вашей стране только так и можно выжить. Я убежала из своего захолустья, а очутилась в другом захолустье.

– Видишь, все твои страдания из-за любопытства. И не только, – Глеб загонял Амиру в угол – позади только тесные туалетные кабинки, в которых можно закрыться. – Ты обвиняешь нас в том, что мы грязные, похотливые, невоспитанные. А ты на себя посмотри. Ты приехала сюда, чтобы стать такой же – в другом месте ты и не нужна. И ты нашла, что

искала.

– Что ты...

– Я тебе объясню. Вам, телкам, ничего нельзя доверять. Вы, кроме как быть двуличными завистливыми сучками, ни на что не годитесь. Хотя нет. Есть одно занятие, в котором некоторые из вас способны обуздать мужиков. Но встать выше них – никогда... Вот, например, ты, дорогая моя: притворяешься образованной, чуткой и внимательной подругой для девушки моего брата.

– Тебе-то что? Какое отношение ты к этому имеешь?

– Самое прямое. Ты видишь, что происходит, и не делаешь ровным счетом ничего: не наставляешь соседку на путь истинный, а только толкаешь ее на растление. А сама тихо сидишь и радуешься. А мой бедный брат? Мой брат не заслужил, чтоб за его спиной...

– Тебе вдруг стало жалко брата? С каких пор тебя это задевает?

– Странно. Тебе ли не знать, что такое семья, – удивился Глеб.

– Что же ты тогда не пойдешь туда и не решишь вопрос? Почему ты прячешься здесь? Силенок маловато? – Амира начала наседать. – В таком случае, если у тебя хватает смелости только болтать и поднимать руку на девушек, я пойду сейчас туда и сама все улажу. Уйди с дороги!

Глеб не терял самообладания, хотя и не планировал вмешиваться во что-либо до прибытия брата.

– Никуда ты не пойдешь, – Глеб преградил Амире путь. – Пусть они сами друг с другом разберутся.

– Ты интриган сраный, – догадалась обо всем Амира. – Ты все рассказал брату?! Как ты посмел?!

– Это жестокий мир, детка.

– Зачем это тебе? Да плевать, – соображала вслух Амира. Она, кажется, запуталась, на чьей стороне играет. – Когда Витя придет? Я встречу его, разрыдаюсь и скажу, что ты мне угрожал и запрещал что-либо говорить.

– Что говорить?

– Что это ты все подстроил.

«Она никак не могла знать о моих намерениях. Никак!» – испугался Глеб.

– Пиздеж! Кто в это поверит? – улыбнулся он.

– А скажи на милость: кто не пользуется легкомысленностью и недальновидностью твоего родственника?! Назови хоть одно имя.

– Я не позволю...

– Брата оскорблять? Да тебе на него плевать! Плевать на всех! Кроме себя любимого – Глеба, мать его за ногу, великолепного! Жесть, что за имя дурацкое? В общем, дело было так: все произошедшее – это целиком и полностью твоя затея, – Амира явно перехватывала лидерство в словесной перепалке, – ведь такое тебе по силам. Тебе осточертело счастье брата и то, что все у него сложилось. Ты оклеветал Свету, чтобы их рассорить, сговорился с хоккеистами... Нет,

ты сам хотел ее соблазнить, чтобы вдоволь порезвиться на осколках сердца Вити, которого презираешь...

– Bravo! Ты хоть сама отдупляешь, что ты несешь? Поэзии начиталась? Толстой или Пушкин? Одно – по-русски научиться болтать, а совсем другое – понимать, что прочла.

– Даже не смей оскорблять меня. Поверь, я как раз понимаю, что читаю и что говорю – даже больше всей твоей пустоголовой своры.

– Если ты ее не ударишь, я ударю, – возмутился Серый.

«Есть идея получше», – подумал Глеб.

– Откуда тебе знать, чего хотят женщины? – продолжала Амира. – Откуда тебе знать, что такое любовь и кого Света любит, а кого не любит, с кем хочет быть, а с кем нет? Вы, мужики, привыкли решать за нас, а мы тоже имеем право...

– Не знал, что восточные женщины такие феминистки.

– Я желаю Свете только добра. Она сама в состоянии решить, с кем ей быть и когда. А хоккеисты хоть тебя, хоть твоего брата... да хоть всю твою кофлю в два счета раскидают.

– Мой брат любит ее. Но вы обе... Вы только делаете вид, что чего-то стоите, а на самом деле только ищите приключений на свои дырищи!

– Спешу тебе напомнить, что именно так она и сошлась с твоим драгоценным братом, – безуспешно попыталась прорваться к столовой Амира.

– А что же насчет тебя? – начал наступление Глеб. – Ты вот прикидываешься такой честной и благородной, хотя пре-

красно понимаешь, что о тебе-то никто не печется так, как о Светочке, Витеньке и всех остальных. И это еще как тебя испортило, – томно вещал Глеб, медленно и зловеще приближаясь к Амире, которая не нашлась, что ответить. – Я не дурак. Многое вижу и многое понимаю. Ты одна – никто тебя не любит, никто не жалеет. Так ведь нельзя, правда, Амира? – словно змея, шипел он, подойдя к ней практически вплотную. – Ты не мешай нам. Глядишь, хоккер с безнадёги и на тебя посмотрит. Вас же там много было вчера. Вот и окучивай их, сколько в тебя влезет, а со Светочкой мы сами разберемся. Хотя-я... столько к ней внимания, столько заботы – ты ведь тоже достойна всего этого, разве нет? Смысл ждать у моря погоды? Нетрудно догадаться, чего ты хочешь больше всего, – вздохнул Глеб и двумя руками прикоснулся к грудям Амиры, посмотрев ей в глаза и мигом почуввав, как участилось ее дыхание и как легкая дрожь пробежала по ее смуглому телу, которое изголодалось по мужской ласке. Кто ж ожидал, что ласка может последовать от одного из самых мерзких людей, которых только знала Амира. Мир жесток и непредсказуем. – Мы оба испорчены. Давай поможем друг другу, а не кому-то другому? – да, и на такое готов пойти Глеб, лишь бы ему не мешали. Для него не существует понятия «зайти слишком далеко», однако флирт с Амирой, несомненно, является одним из самых безбашенных его поступков.

Выждав реакцию Амиры (она в ступоре), Глеб сделал то,

отчего Серый матюгнулся вслух – поцеловал девушку в губы. Так сильно Амиру из колеи никто прежде не выбивал. Отныне она не понимала, что это всего лишь откровенный трюк самого главного трикстера Советского района города Челябинска, который готов переспать с одной, чтобы добиться расположения другой.

– Знаешь комнату Косяка? – прошептал Амире он. – Иди туда. Я буду через минуту, – сейчас его голос мало отличался от голоса Зеленцова, обольщающего Свету за стенкой.

Амира отправилась наверх как замороженная. На секунду Глеб был дезориентирован собственным же поступком.

– Ебать-копать, братух, – заскулил позади Серый, – да ты просто...

– Восхищаться будешь позже. А пока напхни номер комнаты Косяка.

– Так ты же там каждый день бываешь.

– Тебе сложно сказать?! Я захожу туда через окно чаще, чем через дверь.

До Серого все же дошло:

– Так ты пойдешь к ней? Ты ебу дал?!

– Вот если бы ты точно так же отдавался каждому делу, то не угодил бы в ту жопу, в которой сейчас находишься, – ответил Глеб. – Лучше набери Косяку и скажи, что к нему сейчас прилетит возбужденная девка.

– А если он на радостях ее жахнет? Он может.

– Поэтому скажи, чтобы погулял где-нибудь 15 минут. А

еще лучше скажи, чтобы он не в службу, а в дружбу подежурил у Светкиной комнаты. Пускай наберет тебе, когда эти голубки поднимутся туда. А ты остаешься здесь встречать моего брата и сообщишь мне о его приезде. Не раньше – я буду занят, – Глеб разминался, будто перед боксерским поединком.

– Сделаем.

– Не спускай со Светки глаз, понял? Сейчас досчитаешь до сотни и отправишь моему брату три хороших фотки со столовки. И будь на стреме. Вдруг птичка захочет вырваться из клетки. Все, я побежал.

Поднимаясь по лестнице, Глеб настраивал нотки волнения в голосе. Его захлестывало ярое желание справедливости для брата, которому наставили рога: «Ты будешь моя, Светка! Главное, не сбить настрой твоей подружкой», – решил не кончать в Амиру Глеб.

Он набрал брата и, запыхавшись, толкнул Вите речь:

– Привет, братюня! Сейчас Серый пришлет тебе фотки. На них твоя Светка... В общем, ты сам все поймешь... Приезжай в общагу скорее... пока не случилось непоправимое... Я не смогу предотвратить это без тебя. Поспеш!

Положив трубку, Глеб злорадно произнес:

– Беги, братец-кролик, беги... пока твоя птичка не снесла яички.

Остановившись у комнаты Косяка, местного рассадника курительной и нюхательной запрещенки, Глеб подумал о

брате: «Ты не представляешь, на что я иду ради тебя, чувак!»»

История десятая. «Стенка на стенку»

Со смехом и нетерпением Зеленцов и Светка в обнимку поднялись на пятый этаж и подошли к комнате, миновав сидящего на диванчике паренька с вечно стеклянными глазами, приоткрытым ртом и полнейшим отсутствием эмоций на лице, одетого в запачканную серую футболку и растянутые в коленках штаны, чем-то напоминающие трико.

– Там не будет твоей подруги? А то я ее побаиваюсь.

– Не ты один. Не переживай, ее там нет.

– А где она?

– В парикмахерской, глупенький.

«Как ты меня назвала?!» – мысленно оскорбился Зеленцов – видно, переборщил с наивностью.

– Реально? Я думал, это намек.

– Для нее это отличное побуждение к действию.

Никита смекнул, по какой причине Амира окружила себя столькими парнями вчера. А девчонки-то вообще без тормозов, раз готовы вот так сразу мутить с незнакомыми парнями. С выбором он явно не прогадал. Когда Света наконец справилась с дверью, Зеленцов растворился в своих желаниях без остатка.

Светочка витала в облаках. Опять. Когда-то она во всех деталях представляла свой первый раз на роскошной постели в объятиях галантного и обаятельного принца. Однако

жестокая реальность преподнесла ей первый секс по пьяни на вписке в заблеванной хате, а точнее на дырявом матрасе с самым неидеальным кавалером в мире. Ладно, первый блин комом. Однако судьба не намерена сдавать позиции. Она продолжает обманывать ожидания девушки, которая втрескалась в Витю и одновременно хотела убежать от него с криками о помощи. Ее идеальные отношения – те, в которых не будет Виктора. Никита должен подойти идеально. Света изучила его с ног до головы: поведение, речь, внешность. С ним не может быть связано ничего плохого, что унизило бы ее достоинство. Почему-то все забыли об ограниченности этих отношений: срок годности истекает уже завтра.

Света прошла в комнату в ожидании самого приятного и незабываемо нежного момента ее жизни, глотка свежего воздуха. Она положила раскрытую коробку конфет на тумбочку. Но когда обернулась, чтобы посмотреть на ухажера, который, как она мечтала, будет медленно и томно ласкать и ублажать ее, корабль девичьих желаний вновь разбился об скалы побережья реальности. Она не узнала Зеленцова: не было того притягательного взгляда, пленительной улыбки и располагающей манеры держаться. Парень холоден и решителен в желании завладеть телом прекрасной девушки. Гепард, готовый к стремительному броску на ничего не подозревающую жертву, ни в коем случае не намерен потакать Свете. У парня одна цель – мужская прямолинейная цель.

Никакой милоты, благородства и учтивости – хоккеист

смотрел на Свету голодными глазами, размышляя, с чего бы ему начать. Решил, что не станет церемониться и сразу же положит ее на живот, что бы она ни делала. Никита молча подошел к Свете и приобнял ее. Та не сдвинулась с места – он почувствовал ее волнение и счел это естественным. Светочка же тщетно пыталась взять себя в руки и совладать с чувствами, особенно с нарастающим страхом.

– Расслабься, все будет шикарно, – с придыханием прошептал Зеленцов. – Не бойся меня.

Ей подумалось, что именно такими фразами и общаются насильники. Она попыталась мысленно вернуть свой идеал в лице Никиты: девушка прикоснулась к его торсу, почувствовала ладонями кубики его пресса, взглянула на выступающие вены на его руках. На лице Зеленцова она надеялась встретить ту же неловкость и стеснение, но узрела лишь гримасу нетерпения.

«Да сколько можно?!» – мысленно возмущался Зеленцов и обнял Свету. Спустя мгновение она осознала, что не может отстраниться, потому что он принялся стягивать с нее одежду, тихо призывая не ломаться и не сопротивляться. Света боялась, что любое противодействие аукнется ей грубостью. Она оказалась в ловушке: ей чудилось, что спасительный выход отдалается от нее все дальше и дальше, что идеал мужчины душил ее, забирая воздух, удерживает ее, забирая свободу. Она успела тысячу раз пожалеть, что согласилась. Зеленцов продолжал что-то шептать и раздевать девушку, впив-

шпись губами в ее шею. Светлана дрожала, мотала головой и пыталась убрать от себя его похотливые, настойчивые и вездесущие руки, но Никита не останавливался. Он уже не рассчитывал на взаимность: парень столько времени потратил на Свету и ждал закономерную награду за свои труды. И чтобы в самый ответственный момент его продинамили? Ни в коем случае!

– Нет, Никита, нет... Отпусти меня... Я так не могу... Отпусти...

– Тебе так кажется, малышка. Я покажу тебе, что это не страшно, научу тебя... Не нужно меня бояться...

– Нет, я не хочу. Не трогай меня, – хваталась за его руки Светлана.

– Хочешь-хочешь... Не выдумывай... Еще как ты меня хочешь... Еще вчера хотела. Я же видел. Играешь послушную монашку, а сама вся потекла...

– Отпусти, – не унималась она, еще больше раздражая ловеласа. – Я не хотела этого с тобой.

– Поздняк метаться. Развела огонь – его надо гасить.

– Я буду кричать.

– Кричи. Это даже заводит.

– Отстань от меня, – Света сжала пальцы и поцарапала Никиту. – Ты такой же, как и все! Вам нужно только одно! Думаешь, ты идеал?! Посмотри на себя в зеркало, монстр! Ты ничто, если позволяешь себе так обращаться с...

Не успела Света как следует оскорбить Зеленцова, тот со

всего маху швырнул ее на кровать так, что девчонка слегка ударилась об стенку. Он величаво сбросил свою толстовку на пол и снял футболку, оказавшись перед ней по пояс раздетым, однако Света не обратила на сие никакого внимания. Еще секунда, и он бы схватил ее за шею, чтобы утопить в постельном белье, но она рывком схватила с тумбочки пилочку для ногтей.

И кто знает, в какую часть тела Зеленцова воткнулся бы этот незамысловатый инструмент, если бы дверь комнаты не содрогнулась от мощного стука, похожего на стройную барабанную дробь на параде. В дверь тарабанил неудачливый парень Светки – Виктор. Никита поначалу посчитал, что там какой-нибудь бугай, который сравнивает его с землей. Однако Витя даже при должном старании никогда бы в одиночку не вынес хлипкую дверь, хотя за время пути сюда он хорошенько озверел и не заметил, как взлетел на нужный этаж и наотрез отказался от помощи Серого и Косяка. Укрывшись за углом, те стали истошно трезвонить Глебу, занятому Амирой. Внешне Витя напоминал разъяренного носорога, бьющегося в ненавистную преграду, хотя на самом деле он очень переживал и не мог поверить, что его горячо любимая Света решилась ему изменить. Он стучит, а ему не открывают – неужто ей до фонаря на его чувства?!

– Света! Светочка! Открывай! Не делай глупостей. Я же люблю тебя. Я все прощу! – поначалу он вел себя мягко и снисходительно, но потом сменил пластинку на более жест-

кую и принципиальную, ведь его игнорировали аж... полминуты (для него пронеслась целая вечность). Поэтому он решил ответить на наплевательское отношение людей, которых он любил (любит), зеркально.

По другую сторону двери, служившей своеобразной дамбой, что сдерживала сильнейшее наводнение, вместо уюта и интима наступила слепая паника. Какое уж тут романтическое настроение, которое вскружило Свете голову вчера? Неужели она реально хотела так себя подставить? Слабая и безвольная и есть слабая и безвольная. А все ее волевые решения приводят к негативным последствиям. Еще пара мгновений, и их застукают.

– Кто это?

– Что же сейчас будет? – скулила Света, прикрыв рот ладонью. Ее глаза засверкали.

– Открывай, – решительно распорядился Зеленцов, накинув одежду, – я любому морду разобью.

– Это мой парень... Господи, какая же я дура...

– Какой еще парень?! Ты не говорила ни о каком парне...

А я... я к Амуре пришел.

– Ее здесь нет. На кого у тебя тогда встал?! – Светка показала пальцем на штаны Зеленцова. Парень не знал, как реагировать. – Если в тебе есть хоть капля благородства, умоляю, лезь в шкаф.

– Ты шутишь сейчас, да?! – засмеялся почти 190-сантиметровый хоккеист.

Ей сейчас точно не до шуток. Своенравный Зеленцов с секунду помялся, но подчинился, упаковавшись в гроб на ножках со скрипучими дверцами. Света вытерла слезы и отперла защелку – в комнату влетел ошарашенный и возбужденный Витек.

Света освободилась от одного морального давления и тут же угодила под другое.

– Вот, значит, какая ты на самом деле! – начал роконосец. Не дав Свете оправдаться, Витя продолжил бесноваться. – Так предать нашу любовь, так вонзить мне нож в спину! Это какой нужно быть бесчувственной и конченной змеей?! Я тебе верил, понимаешь?! Считал тебя идеалом красоты, ума, честности и невинности, а ты... крутила интрижки за моей спиной. Говори, где он?!

– Кто?

– Не придуривайся! Парень из столовки. Где он? Давно вы вместе? Он уже спал с тобой? Я хочу знать все, чтобы понять, как низко ты пала и чего ты заслуживаешь. Какой же я слепой долбоящер, что повелся на тебя, а ты... ты ничего не стоишь после этого, – разогнался он.

– Я... я... я не спала с ним.

Витя качал головой:

– Что со мной не так, Света? Ты предпочла обмануть, а не поговорить. Предпочла предать нашу любовь... И ради чего?!

– Витечка... – кинулась она к своему парню.

– Не приближайся ко мне, – он неловко оттолкнул ее, и Света, обессилев, села на пол и расплакалась еще сильнее.

– Прости меня... Прости...

– Глеб прав насчет тебя. Насчет всех вас. С вами хочешь по-хорошему, веришь в лучшее, а вы... заслуживаете другого, – сжал кулаки Витя, злобно разглядывая ревущую Свету, сидящую у батареи. – Я никогда этого не хотел, но, видимо, это единственный способ научить тебя, – злость застелила рассудок Виктора до такой степени, что он сделал следующий вывод: именно Света виновата в его патологическом невезении, провалах и прочих неудачах. Он слепо уверовал в то, что отведет свою оскорбленную душу, если ударит девушку.

В коридоре тем временем шлепал кроссовками Глеб. Буквально несколько мгновений оставалось до последнего этапа его задумки по «спасению» Светланы от необоснованной жестокости Вити. Звонок Серого застал Глеба врасплох. Не достигнув пика, кавалер Амиры впопыхах исчез из ее жизни так же стремительно, как и объявился в ней. Глебу пришлось резво спускаться вниз, пытаясь при этом не забрызгать кое-чем свои трусы. Штаны он и вовсе натягивал на ходу, отчего выглядел комично и чуть не рухнул со ступенек.

Отрепетировав воинственную гримасу, он в уме отсчитывал секунды, чтобы ворваться в комнату, где гремит скандал и, судя по голосам, находятся Витя со Светой. Где же хоккеюга? Отработав на ближайшем косяке хук правой, Глеб хо-

тел открыть дверь с ноги, как услышал за ней звуки, явно не входившие в его планы.

– Витя, ты же добрый, чуткий, ласковый и безвредный человек, – обливалась слезами Светка, умоляя парня не делать ей больно.

– Видишь, что ты сделала с этим человеком, – напирал он. Светик практически припала к полу. Она потеряла надежду донести до Вити мысль о расставании, из-за которой и затеяла этот балаган. В то же время она не способна жить с этим человеком дальше и ежедневно каяться перед ним в собственных ошибках. Вряд ли он ангел воплоти.

Витя решился наконец припадать урок суженой и даже размахнулся в ее сторону, как вдруг не стерпевший всего этого безумия Зеленцов вылетел из шкафа как черт из табакерки. Хоккеист всем телом навалился на Витю, который мгновение назад стоял перед Светой в позе солдата, желающего метнуть гранату. Никита со всей силы вывернул его руку и боднул противника по носу. Как выяснилось, за шевелюрой Зеленцова скрывался обломок чугунины, будто тот в шлеме. Припечатав рогоносца к полу в неестественной позе, Никитос почувствовал, как его лоб и волосы окропило кровью Витька. Спортсмена чуть не оглушил отчаянный крик соперника, поставленного в тупик таким поворотом событий.

Странно. Если подозреваешь измену в паре метров от себя, а потом не находишь любовника в поле зрения, то первым

делом проверяешь шкафы – не в окно же тот сиганул? Хотя в случае дома № 18 по Комсомольской улице можно через окно оказаться на пожарной лестнице и спуститься по ней.

Оглушительнее Витинового крика был только хруст его правой руки. Витя прилип к полу, изогнувшись так, что смог заполнить своим слегка тучным тельцем ломаную линию, образуемую углами шкафа, кровати и тумбочки. Он зажмурил глаза и открыл рот, но казалось, что он всего лишь натужно пытается улыбнуться. На самом деле Виктор сломал руку, поцеловался с кроватью, из его носа хлестал кровавый ручей, а раскрытый рот разгонял накопившуюся под кроватью пыль. Получается, Витек повержен всего-то благодаря двум сокрушительным приемам.

Никита Зеленцов поднялся на ноги. Вдобавок ко всему хоккеист умудрился вынести дверцу серванта и надломить своей массой его ножку, поэтому тот стал напоминать Пизанскую башню. Звон в ушах Зеленцова от крика соперника прошел так же быстро, как и наступил. Защитник в спорте и в жизни огляделся по сторонам. У койки Амиры свернулась в клубок и редела Светочка, не понимая, как ей жить дальше. Ничего толкового не мог сказать и сам Зеленцов – даже на льду его силовые приемы не имели такого эффекта. Абьюзер Витек валялся на полу, из-под кожаной куртки выглядывал его живот – он изрыгал из себя нечленораздельные фразы о том, что ему чудовищно больно, что ему сломали позвоночник и что он теперь не сможет ходить, что кровь из

носа стекает ему в рот и вкус у нее так себе.

Но страшнее всего было Глебу, который валялся бы на полу в обнимку с братом, появившись он в комнате чуть раньше. Вместо Глеба рогоносца из строя вывел Зеленцов. Но Света почему-то не кинулась на рослого спортсмена с поцелуями, следовательно, план Глеба не так уж идеален. Однако он не подозревал, что Никита из-за своего поведения достоин лежать на полу не меньше, чем Витек. В головах парней все складывалось так, будто снова виновата вертихвостка Светка – эта троица никогда бы не взяла вину на себя. И будет еще много случаев, прежде чем парни постигнут простую истину – виноваты они сами.

Глеб подумал, что Света ударила Витю шваброй в пах, из-за чего тот протяжно стонет. Пересилив себя, маленький интриган легонько отворил дверь и одним глазком увидел рыдающую Свету, лежащего Витька и воинственно стоящего над ними хоккеиста. От этой картины и ощущения того, что сейчас и ему достанется, Глеб отлетел от двери так, что чуть не проломил стену напротив. Брат повержен, девушка в слезах: «Их нужно выручать! – сообразил Глеб, поэтому со всех ног понесся вниз, чтобы позвать на выручку всю свою братию. – Этот хоккеист еще тот боец, раз загасил Витька. Здесь явно понадобятся все... абсолютно все!»

– Что ты наделал?! – плакала Света. Зеленцов безмолвно глядел на Витю.

– Он хотел ударить тебя, разве нет? Я среагировал, – сухо

ответил Никита.

– Среагировал?! Вот так это у тебя называется?! – истерично мямлила Света. – А что же тогда ты хотел сделать со мной? Разве не то же самое?! С каких пор ты стал джентльменом?!

– Какие все нежные, бля...

– Это мой парень... Пусть он делает со мной, что хочет.

– Предупреждаю, это кривая дорожка.

– Да что ты вообще можешь знать об этом?! Не стыдно тебе?! А я, – всхлипывала Света, – виновата перед ним. Зачем ты вмешался?

– Если б я не вмешался, тогда бы он загасил тебя и меня, – Никита заметил, как Витя беспомощно пялится на него, продолжая стонать и хвататься за травмированную руку, будто просит подаяния.

– Уйди же! Я ненавижу тебя! Ты только все испортил.

– Я испортил?! – изумился Зеленцов. – Бабы, вы все просто сумасшедшие! Заварите кашу, а потом нате, господа, расхлебывайте! Знаешь что?! Хорошо! Оставайся тут одна со своим сокровищем – он твой, раз так сильно хочется.

– И останусь! Как я только повелась на тебя?!

– А это вопросы к тебе, глупышка. Определись уже, чего ты хочешь и с кем.

– Как ты ее назвал, дылда вонючая?! – пытался взбрыкнуть поверженный Виктор.

– Брат, – отозвался Никита, – не надо усложнять. Твое по-

ложение и так незавидное. Но знай – она со мной не спала... Сука, о чем я только думал? – почесал затылок Зеленцов. – Ладно, исполняю вашу просьбу, мадам.

– Катись уже.

– Счастливо оставаться, – раскланялся Зеленцов.

В дверях показались Серый и Косяк, которые, мгновенно оценив обстановку, вытаращили глаза и не проронили ни слова, спокойно отошли в сторонку и позволили Никите удалиться. Умыв лицо и оперевшись об раковину, парень посмотрел на себя в зеркало, не поверив, до чего докатился. Затем он неторопливо зашагал в свой блок, попутно замечая, как из щелок практически всех дверей за ним неустанно наблюдают любопытные глаза.

– Витяй, ты в порядке? – с опаской спросил ошарашенный Косяк.

– Все пучком, – заявил валявшийся на полу Витек, пытаюсь выглядеть достойно в столь непростых обстоятельствах.

– Давай мы поможем тебе...

При попытке поднять Виктора тот снова заорал, дабы его не трогали за правую руку (даже скупую мужскую слезу пустил), отчего горе-помощники растерялись. Нужно вытаскивать горемыку, пока хоккеист ненароком не вернулся.

Никита спокойно брел по фойе пятого этажа. Позади него резко хлопнула дверь на лестницу. Не успев завернуть за

угол, хоккеист услышал, как его кто-то окликнул – противный осипший голос обозвал его мудаком. Зеленцов обернулся и узрел, как фойе заполнили где-то восемь или девять отморожков разной комплекции (им было лет по 14-16 каждому) в паленых «Найках» и «Адидасах» с китайского рынка. Гости предусмотрительно вооружились битами, кастетами и прочими атрибутами ближнего боя в рамках дворово-районного досуга наглухо отбитой современной молодежи. И все как один набычились на одиноко стоящего в другом конце помещения Зеленцова.

Оказывается, моральная слабость вахтера внизу перед подаренной Озеровым бутылкой отвлекла его от выполнения служебных обязанностей. Он усердно занимался употреблением вина, потому и не смог должным образом противостоять своре хулиганья. При этом сложно было не заметить гопников, которые на протяжении всего вечера скапливались у входа. Наверное, выходить морозиться за такую зарплату попросту неэффективно.

– Какого хера вы так вырядились, пацаны? Когда реальная братва по улицам ходила, вы еще мамкину грудь посасывали, – уверенно начал Зеленцов.

– И без этого видели, что ты фраер борзый. Ты нашего кореша и его бабу обидел. Надо порешать по-пацански.

– Я бы на вашем месте, пацаны, пошел посмотреть «Спокойной ночи, малыши!» и сжег все эти тряпки, а то несерьезно как-то... Занялись бы нормальным делом. А всякие блюд-

ки пускай сами свои проблемы решают и учатся за себя постоять. Реально, разойдемся миром, а то менты вас загребут: комендантский час ведь. Смысл в ваши личные дела еще бумажки клеивать? Места там и так нет.

– Ты нам зубы не заговаривай, а то мы тебя в два счета побреем... как барашка, – по рядам хулиганов послышались смешки.

– Я вас по-дружески прошу – лучше свалите сейчас.

– Когда это ты стал нам другом? Чего ты нам сделаешь?

– Лучше вам этого не знать, чтоб не писаться по ночам.

– Ты скажи, не стесняйся. Нам любопытно.

– Поверьте, так вас не калечили никогда.

– Тебя тоже! – из толпы выступил Глеб, предводитель банды. До этого, видимо, с Никитой общался самый старший и борзый из всех присутствующих. – Ты моего брата покалечил. Ушел, не извинился, не помог. Не по-пацански это, а по-скотски.

– Он тоже молодец. По-пацански ли баб бить и унижать? Только за то, что сморозила хрень по глупости. Он у вас кухонный боец, я смотрю. Да только без мозгов чутка, – улыбнулся Зеленцов.

– Соблазнять чужих баб ради единичного перепихона и не знать, что за это бывает – это нужно быть втройне упоротым, – парировал Глеб.

– Сучка не захочет – кобель не вскочит, – сунул руки в карманы Никита.

– Вот оно, значит, как?! Хорошо, – Глеб толкнул одного из пацанов с заточкой вперед.

– Из батиного ящика с инструментами стащил, что ли? – дразнил первого претендента на вылет Никита.

– Раз ты такой крутой, посмотрим, на что ты способен.

– Вау, а я думал, всей толпой попрете.

Пацан без страха и упрека кинулся на Зеленцова, который на удивление Глеба лишь улыбнулся и даже не высунул рук из карманов. Нападавший так сосредоточился на довольной харе хоккеиста, что не обратил внимания на правый фланг, откуда играючи выпрыгнул Артур Гайтанов и опустил клюшку парнишке на кочерыжку так, что хулиган сложился прямо на ног Зеленцова, практически поцеловав того в сланцы.

Будем честны: сам Зеленцов выкрутился бы из этой ситуации только бегством. Агрессивно настроенная компания не понимала, почему он так осмелел. Ответ прост: Зеленцова увидел стоящий на стреме Акмальдинов. Одноклубники часто понимают друг друга без слов и оценивают обстановку менее чем за секунду.

– Первый есть, – объявил Никита.

– Крепкая, – оценил свою клюшку Артур.

– Мразота, – выцедил Глеб. – Все ясно: одному-то ссыкот-но. А как руки распускать и перед чужими телками выеживаться, мы молодцы, мы мужики. Забыли, на чьей вы земле?! Сейчас мы вас научим правилам поведения в гостях. Гасим лохов! – скомандовал он, но не успела его стая сдвинуться с

места, как Зеленцов громко свистнул.

Давненько у местной братвы не было порядочной драки. У шпаны знатно чесались кулаки, хотя все они на голову ниже Зеленцова. У некоторых то и дело мелькает атрибутика хоккейного клуба «Трактор», что предает схватке символизма. Назревало грандиозное побоище, которое наверняка испортит здешнюю мебель и прикусы, зажжет новые фонари под глазами, окропит зубами и кровью окрестные стены и плинтусы. Свежевымытый пол уже успели замарать грязным снегом с рваных ботсов. Даже жаль, что такое шоу могут прервать.

После сигнала Зеленцова из коридора неторопливо и вальяжно вышла его группа поддержки – почти весь состав команды «Магнитка-95», который еле уместился на восточном фланге фойе. Хоккеры имели численное преимущество и вооружились клюшками, коньками и шлемами. Парни смотрятся втрое внушительнее своих противников – примерно как старшеклассники на фоне первоклашек, играющих в войнушку палками.

На первый план вышел Арсений Митяев, который обожал подобные минуты славы (отличная возможность затмить остальных):

– Ну теперь побазарим! – объявил он.

Ситуация накалилась до предела, когда Косяк и Серый выволокли под руку поломанного и стонущего Витю, ноги которого волочились по полу как плуг. Его помощники от

вида внушительного противника опешили, а Виктор, кажется, застонал печальнее прежнего. Здесь и произошла гоголевская немая сцена на новый лад. Все впились друг в друга взглядами: малолетки приготовили свою амуницию, а хоккеисты крепче схватились за клюшки, планируя вытеснить противника на лестницу.

– Чего стоите?! – рявкнул своим Глеб, желая в пылу сражения смыться, прикрывшись поверженным братом как щитом.

Однако первый шаг был за хоккеистами. Арсений продолжил рисоваться:

– Знаешь, я нападающий по своему амплу. Поэтому...

Он сделал шаг вперед, а Брადобреев прямо перед ним высыпал на пол горсть шайб. Лиолеум, конечно, не лед, но Арсений, ловко орудуя клюшкой, сладил с шайбами, приготовившись заряжать их одну за одной, будто расстреливая ворота. Он встал в позу и отработал нужный замах. Шпана застыла в ожидании – не жонглировать же он будет? Кстати, в этой части больше Кошкарский подходит.

Митяев ловко поднял на крюк клюшки первую шайбу и запульнул ее в сторону противника. Те увернулись от нее как от гранаты, чуть не попадав друг на друга. Через секунду на хулиганов обрушился целый град из тяжелых каучуковых снарядов – в рядах местных сразу же началось отступление. Арсен с Брადобреевым посылали шайбы в сторону челябинской гопоты, размахиваясь все сильнее: кому-то попало по

рукам и ногам, кому-то угодило в спину или живот, кому-то – по носу и зубам. Укрыться особо негде. Быковавшие минутою назад подростки напоминали солдат, которые суетятся в окопе под шквальным обстрелом. Должного сопротивления оказано не было, отчего Арса и Пашу сменили другие любители подубасить клюшкой по шайбам – таких в «Магнитке-95» предостаточно. Акмальдинов со Смуриным оперативно организовали снабжение.

– Куда вы все?! Давайте в хоккейчик зарубимся?! – кричал шпане Зеленцов.

Самые смелые, коих на стороне шпаны оказалось немного, все же решились на атаку, но перочинные ножики и кастеты были выбиты из их рук шайбами и клюшками. А один бедолага совершенно случайно, сам того не подозревая, вышел на убойную позицию, и Кошкарский, недолго думая, метко зарядил тому шайбой по лбу. Знатная будет шишка – размером с Эверест. От удара в десятку паренек навзничь грохнулся прямо в руки к своим соплеменникам, которые подхватили его и вынесли из общаги.

– Если кто-то здесь еще появится, мы заиграем в полную силу! – пригрозил Брадобреев.

– Знали бы они, что мы немного подпитые, вряд ли бы сдались так быстро, – шепнул Зеленцову Волчин.

– Когда вы успели? – удивленно спросил Никита.

– Догоняй, – пригласил его Зленко.

Последним поле боя покидал Глеб, который изо всех сил

дубасил своего брата, чтобы тот прекратил прикидываться, поднялся на ноги и эвакуировался отсюда скорее. Столь жалкую картину, помимо ржущих хоккеюг, наблюдала и Света.

– Я вас всех запомнил, – кивал в сторону хоккеистов Глеб, вытаскивая Витю на воздух в хвосте колонны ретировавшихся гопников.

– Дай пять, команда! Отличная работа! – праздновал победу Митяев. Некоторые особо шустрые уже успели обзавестись трофеями: брошенными кастетами и складными ножиками.

– И кто теперь все это соберет? – это был самый сложный вопрос того вечера. Значительных разрушений нет, но кое-где шайбы измазали пол и стены.

Хряпнувший винишка охранник, когда мимо него проскочили хулиганы, все-таки сообразил, что дело плохо – нужно вернуть всю свору назад. Поднявшись на один лестничный пролет, старик передумал и спустился: как же он, будучи безоружным, собрался выпроваживать молодчиков? Замешкался, перевернул свою коморку в поисках чего-то соразмерного битам и кастетам. А когда подобрал нужное оружие, то понял, что кто-то наверху уже потрепал незваных гостей, раз они стали пачками отваливать на улицу, схватившись кто за бока, кто за руки, а кто друг за друга. Для их банды это самое громкое фиаско за все время существования.

На пятом этаже хоккеисты всюду спорили, кому собирать шайбы, как из-за угла стремительно вылетела огорченная

Светка. В ее руках красовалась подаренная Никитой коробка конфет. Именно сладости первыми обрушились на голову Зеленцову. Далее худенькая девчушка принялась дубасить Никиту на чем свет стоит. На такое зрелище залипла вся команда. Светка почти запрыгнула на Зелю, словно обезьянка с сочинского пляжа. Она как ото сна пробудилась и все осознала. Амира, вернувшаяся навеселе, не смогла удержать разъяренную подругу и тоже стала смотреть, как та яро пытается выдрать Зеленцову волосы.

– Дебил! Дурак! Ничтожество! Скотина! – верещала она. – Вероломный кобель!

– Я же не слепой – ты сама хотела, – оправдывался Зеленцов.

– Что же ты натворил?! Его же теперь убьют! – говорила она про Витька. – Я тебя ненавижу! – у нее вовсю зарождалась очередная истерика.

– Хотела себе нервишки пощекотать? – он уже тысячу раз пожалел, что связался с ней. – Вот и будешь знать теперь! Отстань от меня, истеричка! Амира, ты хоть помоги.

– Прости, дорогой, я в парикмахерской.

– Ты-то хоть не будь такой сучкой, – не сдержался он.

Закатив глаза, Амира с большим трудом отодрала Свету от хоккеиста.

– Ничего с твоим парнем не будет, – произнес Никита. Девчонки зыркнули на него так, будто проклятие наслали – защитнику стало не по себе. – Живи теперь, как хочешь.

– Если что, я свободна, – развязно заявила Амира.

– Прости, запал пропал, – холодно ответил ей Зеленцов.

Амира ничуть не удивилась такому ответу. После сношения с Глебом ее волосы были растрепаны.

– Отличная прическа, кстати, – добавил в ее адрес Брэдобреев.

Здесь Амиру отвергли – зато сегодня она впервые в жизни испытала невероятно сильную гамму эмоций. Неуклюжий секс с местным гопником на тахте в комнате наркодилера стал для нее вознесением в рай, что в момент затмило все предыдущие лучшие моменты ее жизни.

Укладывая плачущую Свету в кровать, Амира вдруг захотела рассказать подруге об интрижке, которую замутил Глеб, но решила, что пока не стоит.

И вот она снова стояла у комнаты Косяка. Ее хозяин вместе с Серым забаррикадировались внутри, думая, что хоккеисты придут и по их души. Стук в дверь стал для пацанов чуть ли не самым сильным слабительным в жизни.

– Кто-о-о? – тонким голосочком промямлил Серый.

– Амира.

– Ты одна? – уточнил Косяк.

– А с кем я должна быть? Вы чего закрылись? У вас облава наркоконтроля, что ли?!

– Тише. Нет.

– А-а, – вспомнила она. – Все хоккеисты внизу. Им на вас насрать.

Дверь ей открыли. Она молча прошла внутрь и снова оглядела комнату, обстановка которой отпечаталась в ее памяти на всю оставшуюся жизнь. На нее глазели две пары пугливых и ошалевших мальчишеских глаз. Она спросила:

– Выпить есть?

Свора гопников вывалилась на улицу. Самые шустрые и трусливые отделались легким испугом, а самые отбитые борцы за идею – ссадинами и синяками, ибо шайбы с клюшками бьют очень больно. Особого желания возвращаться и что-то доказывать нет, хотя это неизгладимый позор, который Глеб ни за что бы не оставил без ответа – правда, к моменту, когда они залижут раны, обидчиков и след простынет. Но Глеб все равно рвал и метал:

– Я бы проник в комнаты к каждому и придушил их собственными руками!

– О-о-о, это без нас. А ты один можешь идти... хоть сейчас, – отвечали ему.

– Еще только попросите чего-нибудь у меня, трусы поганые, – пригрозил Глеб, ибо по множеству аспектов все благополучие банды и ее членов зависит от деятельного главаря, который сегодня опозорился по полной программе. Его задевало то, что он, несмотря на неподдельное желание, мало где мог справиться в одиночку – как же ему хотелось доказать обратное, но пока что это выражалось только в приду-

мывании изощренных и коварных планов. А хотелось большего. Может быть, успех сегодняшнего ночного дела подбавит уверенности?

– Хорошенький подарочек получился, да? – подошел к Глебу кто-то из его шайки. Главарь молниеносно прописал ему кулаком в подушечный пресс, чтобы тот впредь был сознательнее.

Пока пушечное мясо отходит от передряги, Витек, распластавшийся на лавочке и немного оправившийся от шока, подозвал брательника:

– Где ты был, брат? Где ты был? – вопрошал Витя.

– Не ты один угодил в нехилый переплет, – со скорбью ответил Глеб.

Мысленно он дал иной ответ: «Где я был?! Вместо одной бабы трахал другую. А сейчас я уже ничего не хочу... Ни первую, ни вторую».

– Будь ты рядом, мы бы им задали...

– Я в этом не уверен.

– Да что с тобой, Глеб? Когда это ты потерял веру в нас?

– А раньше ты с легкостью смог бы положить всех одним ударом, Витек. Знаешь, что тебя подкосило? – Виктор слушал младшего брата внимательно. – Баба. Всего одна баба.

– И как я теперь ей на глаза покажусь? – призадумался Витя, словно пропустив слова Глеба мимо ушей.

– Вить, ты вообще слышишь меня?! – возмутился Глеб. – А не думал ли ты, что все это случилось из-за нее?! Она за-

вела интрижку с хоккеистом, подговорила его, чтобы от тебя отделаться. Да и меня ввела в заблуждение. Может, отучить тебя от криминала хотела: чтобы ты на деляги не ходил, чтобы долги отдать не смог – ничего ведь не понимает, – на ходу выдумывал Глеб. – Она от тебя уйдет, а тебя порешат. Все схвачено. А они сейчас там отмечают победу... по-собачьи! А ты лежишь здесь – побитый и жалкий. Что с тобой стало? Подумай хорошенько: а та ли она единственная, что нужна тебе? Вокруг ведь столько баб...

– После сегодняшнего я уверен на все сто, что мне нужна именно она.

– Брателло, ты меня не слышишь.

– А что ты о себе возомнил, Глеб?! – стал наезжать на брата Виктор. – В кого ты такая гнида?! Я твой брат! И ты должен уважать мой выбор, помогать мне, поддерживать меня, как я всегда помогал тебе. Или ты забыл? Тебе-то что с этого бедлама?! Ты радуешься... А мне теперь не жить...

Глеб решил хладнокровно поставить точку в непростом разговоре:

– Знаешь, братец... Я бы дал тебе денег – тут намечается кое-какой движ ночью. Но ты же прекрасно знаешь, что их нужно отработать. Ты у нас спец по замкам – сегодня это нам бы пригодилось, но с твоей рукой... ты в пролете. А балласт нам не нужен, – Витя ушам своим не верил – его только что жестоко кинул самый близкий ему человек. – Ничего личного – просто бизнес, чувак, – улыбнулся Глеб.

– Ты не прав, – обидчиво произнес Витя, забыв про боль в руке. – Подавись ты своими деньгами! Когда-нибудь... ты убьешься из-за них!

– Пацаны, – позвал друзей Глеб, – оттащите этого борова в травмпункт. И пусть башку ему просветят заодно – он, кажись, успел ею где-то долбануться.

Выдав деньги на такси и раздав последние указания сопровождающим, Глеб спиной чувствовал злобещий взгляд брата, но все равно предпочел не ехать вместе с ним, а отправился готовиться к ночному делу. Он не сомневался, что после успеха следует отправиться в клуб, дабы отпраздновать день рождения, просадить заработанные честным воровством деньги на себя, а не на всяких там ненадежных и обидчивых родственников.

Поверженные расходились – по дороге домой униженные и оскорбленные встретили какого-то очкарика с одухотворенным лицом, что резко контрастировало с их угнетенными минами.

Пятеро хоккеистов «Магнитки-95» до сих пор не могли определить, кто уберет шайбы и прочие следы ожесточенного состязания с местными, в том числе размазанные по полу шоколадные конфеты.

– Я вот понять не могу – чего она так обозлилась на тебя? – вопрошал Абдуллин.

– Так мне и надо, – ответил Зеленцов. – Закрыли тему.

– Слышь, Никитос, – начал Антон Малкин, – могу я теперь называть тебя Попадос?

– Отвали.

– Чего ты прицепился к бедняге? У вас будто с сексом не обламывалось ни разу? – Кошкарский встал на защиту Зеленцова.

– У меня нет, – заявил Митяев. Следом аналогично ответил Брадобреев.

– Сказочники нашлись, – не поверил Тема Абдуллин.

– У тебя, Темыч, даже для сказок материала нет, поэтому молчи, – подтрунивал над вратарем Митяев.

– Я работаю над этим, Арс.

– У меня тоже не возникало таких проблем, – третьим стал Кошкарский.

– Подкаблучников с постоянными девушками не спрашивали, – снова отозвался Митяев.

– Никит, – обнял Зеленцова Серега Соловьев, – пойдём лучше выпьем. Полегчает. А потом ты можешь пойти в сортир и выпустить пар, – заржал Соловей.

– Тогда не будешь ли ты так добр подрочить мне, говнюк! Ты же в этом спец у нас, – злобно ответил ему Зеленцов, отправившись в комнату к остальным.

– Давайте без голубятни, лады?!

– Как думаете: будь мы на месте Зеленки, у нас бы получилось?! – задал закономерный вопрос участникам вчераш-

него спора Арсений.

Не успели парни ответить, как из-за угла появилась комендант. Ее чуткий взгляд сию секунду упал на сдвинутые диваны и кресла, разбросанные шайбы, размазанные по полу благоухающие конфеты, следы от растаявшего грязного снега там же, черные полосы на стенах и такого же цвета отпечатки на дверях. Чуть не выронив кружку, женщина вытаращила глаза на стоящих у ее комнатки Митяева, Брадобреева, Кошкарского и Абдуллина. Хитрюга Соловьев успел ретироваться.

«Да чтобы я еще раз пустила сюда хоккеистов. Никогда в жизни!» – решила бабулька.

– Батюшки! – вскрикнула она. – Вы чего тут устроили?! – если бы она пришла раньше и узрела побоище полностью, ее бы хватил инфаркт. Пацаны собирались свалить все друг на друга, как женщина спросила. – Где тут у вас тренер?!

Квартет пацанов молниеносно обступил ее: просили пожалеться, обещали сделать все, что необходимо, лишь бы об их шалости не узнали.

– Все, что угодно, говорите?

– Я не буду спать со старухой, – шепнул Митяеву на ухо Брадобреев.

– В другом месте переночевать слабо? – предложила комендант.

– Мы хоть и волшебники, но не настолько, – объявил Абдуллин. – Без крыши над головой мы пропадем.

– А вот убраться здесь сможем, – ляпнул Кошкарский.

– Разве мытьем полов не должны заниматься технички? – спросил Митяев.

– Парниша, – отреагировала Галина Степановна, – кризис на дворе. Всех сократили. Теперь этим занимаются коменданты... за ту же зарплату.

Недолго думая, старушка согласилась на предложение парней. Она пошла за ведром и тряпками, а Павлик предложил убежать восвояси. Остальные идею не одобрили, ссылаясь на то, что не хотят быть последними моральными уродами.

– Пионеры нашлись, – сложил руки на груди Паша.

– Есть идея – жребий. Пусть судьба определит, кто станет поломойкой?

Брадобреев запротестовал:

– А с какого перепуга этим должен заниматься кто-то один?! Здесь вообще-то были все.

– Если ты такой удачливый, то пронесет. Или ссыкотно?

Павлик сдался. Спустя минуту незамысловатая игра «Камень-ножницы-бумага» решила, что мыть полы предстоит...

Брадобрееву.

– Вы моральные уроды, – выцедил проигравший, – вот вы кто!

– Это не мы решили, а судьба, – объяснил Кошкарский.

– Давненько тебя судьба ударом в пах не наказывала, – злобно проговорил Пашка. – Так я ж сейчас это исправлю!

– Значит так, боец, – вальяжно объявил Митяев. – Обаяние на полную и попробуй договориться, чтобы нас отсюда тихо выпустили после отбоя.

– Каким это образом? – развел руками Пашка.

– Импровизируй, – сказал Тема, похлопав товарища по плечу.

– Мы в тебя верим. Можешь даже футболку снять.

– Фу, срамота! – фыркнул Брадобреев.

– Кто бы говорил.

Внезапно из того же самого коридора вырулил тренер Степанчук и тоже заметил беспорядок в помещении. Он бы свалил все на ужасный сервис в месте их пребывания, но, увидев собственных подопечных, сразу все понял:

– Вы чего тут устроили?! Почему шайбы валяются везде?

– Тренировка, – ляпнул Кошкарский.

– Хорошо, я учту это, когда буду распределять нагрузку в следующий раз. Тебе, кочерга, упражнений побольше и нормативы повыше. Хотя-я... горбатого только могила исправит. Убрать! Совсем уже страх потеряли, – распорядился Виталий Николаевич. – А ты, звездац, – он обратился к Митяеву, – найди мне своего дружка Елизарова. Куда он делся, мать его?!

Желавшая уточнить некоторые организационные вопросы Галина Степановна при виде коуча заголосила, отчего у хоккеистов мигом сжались сердечки, однако Степанчук в строптивости не подкачал.

– Товарищ тренер... – начала комендант.

– Чтоб меня! – затоптался на месте он. – Не хочу вас слушать. Говорите с моим помощником, – сказал он и смылся в номер, позабыв, зачем выходил.

– Вроде с виду суровый мужик, а женщин боится, – удивилась Галина Степановна, посмотрев на расстроенного прерватностями судьбы Брადобреева, ожидающего дальнейших указаний. – А где еще трое?

– Они просто уроды. Не обращайтесь внимания.

– Значит, ты остался один за всех отдуваться?

– Похоже на то, – зацепив руки в замок за спиной, закатил глазки Павлик.

– А как же команда?

– Это как раз наша командная традиция, – недовольно ответил он.

– Я и не думала...

– Новое время – новые нравы, – заявил Павлик.

Молчаливо кивнув, комендант выдала Брადобрееву ведро с вонючей тряпкой и доисторическую швабру, с устройством которой Павлуша совладать так и не сумел, отчего тряпка постоянно отцеплялась от крепления. Но он, выдерживая образ безмолвного работника, не хотел просить помощи. Также парень ненароком старался не сломать швабру: глядишь, забудется и совершит с ней по привычке какой-нибудь фокус, словно с клюшкой.

Оттерев следы от шайб на стенах и дверях, вернув дива-

ны и кресла на прежние места, парень принялся драить полы голыми руками (особенно в местах размазанного шоколада), при этом извиваясь и наклоняясь, как во время разминки, то и дело сдерживая рвотно-алкогольные массы от вида того, что тряпка порой цепляла под здешней мебелью. Он прикладывал к уборке все оставшиеся силы и все же скинул футболку, оголив самые привлекательные (по мнению дам) мышцы мужского тела, покрывшегося легкой испариной.

Краем глаза Павлик заметил, что вахтерша то и дело на него поглядывает, отчего приколист Брадобреев ради хохмы принялся еще чаще наклоняться и отжимать тряпку, стараясь не вдыхать ее запах и заставляя бицепсы напрягаться. Зрелище привлекло внимание и других проходящих мимо людей. Бывает такое, что уборка, начатая случайно, завладевает тобой на весь день – Пашка тоже в некотором роде окрылился этим занятием и принялся приплясывать, словно надел наушники и врубил любимый трек. Однако пальцы на руках уже достаточно скукожились от грязной воды, а волосы взмокли от пота. К тому же одноклубники периодически выходили в фойе, чтобы похихикать над Паханом. «Не знаю, что хуже: мыть полы как я или быть избитым девчонкой как Зеленцов? Скорее, второе», – с юмором отнесся к ситуации Брадобреев.

Бабулька-комендант оказалась стойкой и долго не прекращала наблюдать за пятой точкой и торсом Пашки. Когда она все же устала игнорировать срамоту (в ее-то годы), женщи-

на отправилась на кухню, похвалив хоккеиста за старание. А Павлик, оглядевшись по сторонам, мигом заскочил в ее комнату и припал к стенке, на которой на крючках висели ключики от здешних окон и дверей (некоторые даже в нескольких экземплярах). Изучив надписи на ключах, Пашка сунул в карманы серых шорт запасные ключи от двери на этаж, от двери на чердак и замка на оконной решетке номера хоккеистов, из которого можно выбраться на пожарную лестницу. «Все больше думают об имуществе, а не о людях, – размышлял Павлик. – План эвакуации – это подробный план, как упереться в закрытую дверь, ключ от которой давно расплавился».

Закончив дело, Пашка повернулся и увидел пожилую женщину, опустившую взгляд на пол при виде голой Пашкиной груди. «Мне 16 лет, бабушка!» – думал он, состряпав невинное личико.

– Я закончил. Куда ведро с тряпкой положить?

– В кладовку, – ответили ему. Брадобреев убрал утварь на место, а потом взял с дивана шайбу и подарил коменданту в качестве сувенира. – Спасибо, ты молодец, – выдала дежурную фразу Галина Степановна, тяжело вздохнув, и грустно отвернулась от паренька.

«Стоит, наверное, надеть футболку. А то доведу бедняжку до инфаркта», – сообразил Павлик.

– У вас одышка. Вы здоровы?

– Тяжелый выдался денек. А с вами они стал еще тяжелее.

– Вы хотели сказать «веселее»? – улыбнулся Пашка.

– Понимаешь же: если б не ваши шалости, тебе бы не пришлось тут ползать.

– Бывало и хуже, – вздохнул Паша. – Может, вам еще что-нибудь нужно?

Женщина устало прилегла на тахту:

– Оставь благородство для других. Будто я не поняла, что это все специально, чтобы меня задобрить. Ваш парень – в очках который – предупредил меня, что вам строго-настрого запрещено выходить отсюда, особенно ночью. Он просил меня посодействовать: поглядывать за вами и сообщить, чуть что будет. Но я вам не нянька, поэтому идите, куда хотите.

– Зря вы так. Я драил полы от чистого сердца.

– Парень...

– Паша.

– Паша, хочешь сделать мне хорошо?

– Простите? – не понял сего намека Пашка.

– Ну, чтобы от чистого сердца.

– Конечно.

– Сделай так, чтобы мой тяжелый вечер с вами не превратился в тяжелую ночь. Я чудовищно устала. Вы же не собираетесь здесь...

– Нет, мы будем тише воды и ниже травы, – заверил ее Брадобреев. – Сегодня мы слили игру, поэтому нам особо не до веселья. Нужно выспаться перед реваншем.

«Врешь и не краснеешь, Пашка!» – верещала где-то в гру-

ди его совесть.

– Что-то я не заметила, как вы устали.

– Есть же активный отдых, а есть и пассивный.

– Я тебя как пожилой человек прошу...

– Мы исполним вашу просьбу, – сглотнув ком в горле, выдал Павел. – Вы только не переживайте так.

– Мы, старшее поколение, тоже порой воображаем, что нам снова 20 лет, что нам еще многое по силам. А когда наберешь работы по горло, понимаешь, что силы уже не те. Когда-то мы тоже были безудержными мечтателями, как и вы сейчас. Горы хотели свернуть. Плевали на нормы и правила, которые навязывали нам глупые взрослые. Что они могли нам противопоставить? Я бы поняла вас, будь я помоложе. А с высоты прожитых лет осознаешь, что хочешь просто покоя и умиротворения, здоровья себе, детям, внукам. Главное, чтобы все было на пользу. А то по молодости столько ошибок наделать можно, что потом всю оставшуюся жизнь жалеть будешь.

– Не парьтесь так из-за нас. Мы знаем...

– Хм, я тоже так думала: мол, не учите меня жить, я все знаю, я делаю все правильно... До поры до времени... В шкафу на верхней полке плед лежит. Суставы уже не те – достань его, пожалуйста, – Паша извлек из шкафа колючий плед и укрыл им пожилую женщину. Ей нездоровится или просто устала?

Брадобреев хорошенько задумался над ее словами –

ошибки молодости и безответственность, значит? На ум сразу же пришел сегодняшний побег. Его сомнения насчет за-теи были непродолжительными: все будет хорошо, ведь они с командой проделывали подобное уже бесчисленное количество раз. Чего же фатального они могут натворить? Да ничего.

Комендант задремала. Пашка тихонько вышел из ее комнаты и прикрыл дверь.

– Бладобреев! Это еще что за стриптиз?! – рявкнул я, стоя у дверей фойе.

Павел дошел до дивана и напялил футболку.

– А где твоя псина? – спросил он.

– Обрела дом, – с гордостью ответил я.

– На небесах? Ты ее китайцам продал? Хорошо хоть, что все собаки попадают в рай.

– Я вижу, ты не очень фанатеешь от своих собратьев по разуму.

Павлик не отреагировал на оскорбление, а только произнес:

– Тебя, умник, Степанчук искал и просил передать, что открутит тебе башку за то, что ты ушел.

С глазами навывкате я кинулся к своей комнате, а Бладобреев отправился предупредить всех о моем возвращении.

– Капец, что там было?! – с удивлением осведомился Да-

нил Озеров после возвращения хоккеистов из фойе, в котором произошло неравное столкновение с челябинскими малолетними криминальными элементами.

– Я, кстати, так и не ухватил сути дела, – признался Патрушев.

– Как я понял, – пояснил Денис Акмальдинов, – до чего-то подобного доводит желание совокупиться вне коллектива.

– Да Зеленцов не совсем удачно подкатил яйца к одной дамочке.

– Это ж какая толпа ее бывших прибежала.

После этих слов в комнате очутился сам герой-любовник и молча плюхнулся на кровать, не заметив Даню Озерова, с которым они еще не пересекались.

– Страдает, – отметил Озеров.

– И чего там в итоге, Никит? – спросил Бречкин, зная, что Зеленцов врезал бы за такой бестактный вопрос, задай его кто-нибудь другой.

– Все заебись, – ответил Зеленцов.

– Одни неприятности из-за баб, – добавил поломанный Филиппов. – Давайте уже пить.

– Сначала найди себе поилку, которая тебе поможет.

– Да я и ногами могу.

– Ну-ка покажи!

– Эй, только постельное не уделайте. На нем еще спать.

– Да не твое же. Чего ты паришься?

– Ты сегодня спать собрался, Мухин?!

– Что-то меня рубит, капец.

– Паша, ты официально самое слабое звено! – объявил Толик Костицын.

В комнату вошел Серега Соловьев:

– Никита, бухни, я тебе говорю. Полегчает, – предложил он. Хмурый Зеленцов злобно глянул на веселого Соловьева, но залпом осушил пластиковый стаканчик и потребовал еще.

– Вот это по-нашему, – одобрил сидящий неподалеку Смурин.

Через пару минут в комнату вернулась неразлучная троица – Арс, Тема и Степка.

– Куда вы дели Брадобрея? – спросил Озеров.

– Он на общественных работах, – ответил Митяев. – Плесни мне малость, – попросил Соловьева Арсен. – Здорово мы их, а?! – он подсел к Зеленцову.

– Да, парни, такой прием они надолго запомнят, – прохладно воздал уважение команде Зеленцов. – Лишь бы они не заявились сюда ночью и не прирезали нас всех во сне.

– Не переживай, они сюда больше ни за что не сунутся.

– Ты, кстати, проиграл спор, – самодовольно заявил Митяев.

– Кто на что спорил? – спросил Костицын.

– Я, если подумать, ближе всех подобрался к цели, – сказал Никита.

– Но ты же не кувыркался с ней. Даже понес некоторые

потери, – уточнил Кошкарский.

– Вообще я не помню, чтоб мы спорили, – возмущенно сказал Зеленцов. – Я хоть что-то делал.

– То есть вся заваруха была из-за вашего глупого спора, кто पहले трахнет истеричку из соседнего блока? – удивился Волчин.

– В общих чертах да, – отпил из стаканчика Митяев.

– Скучно живешь, Андрюша, – отреагировал Бречкин. – А тебе, Зеленцов, так и надо. Тебе еще учиться да учиться... чувих-то правильно обрабатывать.

Вскоре в стан хоккеистов вернулся Пашка и объявил, что Елизаров снова в здании.

– Вроде повеяло свободой... да не тут-то было.

– Что будем делать?

– Продолжим по-тихому бухать, – ответил Арсений. – Все же очевидно, – произнес он и взял бутылку из-под газировки с залитым в нее вермутом. – Серега, приготовь нашу обманку. Других бутылок здесь быть не должно.

Озеров снова объявил всех присутствующих безбашенными.

– Ты только нас не сдай.

– Да, ты конкретно отвык от искусства конспирации, Дань.

– Думаю, через пару минут сюда войдет то, к чему невозможно привыкнуть, – добавил Брдобреев.

– Во, посмотришь заодно на нашего мучителя, – отметил Абдуллин, сделав очередной глоток «газированной» особой кре-

пости.

Я же помчался к Степанчуку – мое настроение, окрыленное добрым делом, сейчас гарантированно измажется дегтем с головы до ног. Кажется, Виталий Николаевич в ожидании меня просверлил взглядом солидную дыру в двери.

– Где ты ходишь?! – с ходу набросился он.

– Я...

– Головка от... сам знаешь чего!

– Так ведь...

– Ты за Брадобреевым в Магнитогорск гонял?!

Признаюсь, было неловко – меня на неприлично долгое время захватила авантюра с собачкой. Что ж, подчистил себе карму слегка.

– Ты забыл, что у тебя есть обязанности?! Ты мне здесь опять все полимеры просрал к ебням!

– Что-то случилось?

– Тебе бы уши промыть, ведь ты меня не слышишь! Вот, что случилось!

– Как раз наоборот, – я искренне не понимал, что такого важного в речи тренера я пропустил. Мне как отличнику непривычно, что меня незаслуженно (почти) отчитывают на чем свет стоит.

– Скоро отбой. Живо пошел и всех проверил. Исполнять!

С той же скоростью, с какой я бежал сюда, я семенил в соседний блок. Корсет из бинтов на груди неустанно напоминал о себе.

За дверями комнаты Митяева общались и ржали. Я резко отворил дверь и зашел внутрь, врубив подозрительность на максимум. Первое, что бросилось мне в глаза: в комнате ютится почти вся команда, а в центре сидит какой-то незнакомый мне чувак.

– Что это вы тут кучкуетесь? А это еще кто такой?

Арсений Митяев поднялся с кровати, чтобы объяснить:

– Петь, познакомься, это Данил Озеров, – незнакомец встал и, улыбнувшись, протянул мне руку. Ему явно не по себе рядом со мной – наверное, уже вдоволь небылиц наслушался. – Даня раньше играл с нами. Мы давно не виделись, вот и собрались.

– А если на твоём языке, Петя, – пояснил Волчин, – то это один из тех неумех, чьи богатые родители отдали отпрыска в хоккей, чтобы он хоть чем-то занимался, а потом ему наскучило. Без обид, Дань!

– Ты, Волчин, не изменился нисколько: до сих пор правду-матку в лицо всем мечешь. Ничего, я привык.

– Спасибо капитану, – сказал я. – Мне все понятно. А в Челябинске ты где-то играешь?

– Нет.

– Хорошо. Значит, не отбираешь места у реально талантливых ребят, которые хотят и могут играть в хоккей, – подхватил настроение Волчина я и морально готовился к хуку в табло, но его не последовало – воспитанный субъект, однако. – Позаботьтесь, чтобы к отбою вашего товарища здесь

не было.

– Само собой, – пообещал Митяев, подмигнув Дане.

Как-то все это странно, думалось мне, поэтому я решил ни в коем случае не снимать внешнего наблюдения. Уж слишком развесело-красные некоторые выдающиеся рожи.

– Хорошо. А чего пьем?

– Чай. Разве не видно? – ответил Никита Глыба – многие не разделяли сдержанного похода Митяева к общению со мной и предпочитали быть дерзкими. В данном случае это только все портило, ибо я мог стать еще злее и наблюдательнее – не в кассу горе-беглецам.

Смурин протянул мне бутылку холодного чая. Я открыл крышку, вкусив запах... холодного чая.

– Фу, химоза! Лучше настоящий на кухне попейте.

– Там не лучше, – ответил Коротков.

– Ладно. Не засиживайтесь и готовьтесь ко сну – завтра важная и тяжелая игра, которая ни в одном компоненте не должна быть похожа на то недоразумение, что вы выдали днем.

Не обнаружив фатальных нарушений режима, я удалился, желая чего-нибудь съесть из собственных запасов и проделать это на общей кухне, ведь ужинать в одном помещении со Степанчуком тяжело морально.

Хоккеры убедились, что я отдалился на достаточное расстояние.

– Жизнь изменчива, но неизменно в ней одно – хочется

дать ему по шам, – заявил Патрушев.

– Так чего не дали еще? – удивился Озеров.

– Что мы только не делали. А он как говно – не тонет и всплывает.

– Какой-то он... странный. Он адекватен? – уточнил Данил.

– Нет. Тысячу раз нет!

– Отбитый полностью, – добавил Чибриков.

– Это не совсем так, – внезапно произнес Митяев, чем вызвал волну негодования.

– Хватит его выгораживать! Это и твоя вина.

– Почему? – пожелал узнать Озеров.

– Он мой одноклассник, – ответил Арсений и обратился к остальным. – Но я никак и думать не мог, что он появится здесь из-за Степанчука и будет делать то, что делает, – в сотый раз повысил тон Митяев.

– Занятно.

– Парни, – продолжил Митяев. – Если бы вы отмотали немного назад и пораскинули мозгами, то поняли бы, что он успел помочь многим из вас... – Бречкин хотел возразить. – Давай не сейчас, Бреча, – не дал ему начать Митяев.

Но сказал Зеленцов:

– А давайте пить!

– Согласен, – Филиппов потянулся за бутылкой.

– Единственное здоровое предложение за сегодня, – поддержал Бречкин.

С острой темой благополучно съехали. Позже, когда все слегка осушили Данилов багаж, Митяев произнес:

– Чего мы все про нас да про нас? Сегодня же с нами Даня «Пять озер»!

– Блин, Арсен, меня так года два никто не называл.

– В твоей ситуации мы просто обязаны поддержать тебя и... пойти с тобой, чтобы увидеть, как ты выиграешь. И прикрыть твой зад в случае чего...

Решение поддержали.

– Как говорил Джек Воробей, я больше беспокоюсь за перед.

– Капитан! Капитан Джек Воробей! – поправил Озерова Брадобреев.

– Ребят, – продолжил Озеров, – наверное, это все же моя проблема. Я сам в нее ввязался – мне и выпутываться.

– Кажется, ты стал забывать, что такое хоккей.

– Я уже давно в него не играю.

– А мы своих не бросаем, – парировал Митяев, – даже если они живут в другом городе и уже не играют. И болеют за, мать его, «Трактор»!

Остальные неодобрительно загоготали.

– Обижаете, – произнес Озеров. – Я за Магнитогорск, за «Металлург». Приходится смотреть хоккей с отцом в разных комнатах.

– Наш же человек, ну...

– Как ни крути, это командная игра. И ты в нашей коман-

де, – подытожил Арсений.

Озерову даже стало как-то легче на душе – давно он не бывал в такой душевной компании.

– Но вы же пьяные, – огласил очевидное Данил.

– И что?! Когда это нас останавливало?! – высказался Митяев. – Успеем протрезветь. Но пока, братцы, выпьем за Данию! Хлебнем этого прекрасного... чайного напитка. Ура!

– Вздروгнули!

Кажется, после проигрыша на льду парни наконец почувствовали легкость, развязность... и неутомимое желание продолжать.

За последующие два часа до отбоя определился более-менее точный состав тех немногих, кто способен принять участие в продолжении банкета. Но внешне все должно протекать как обычно, ибо этот момент жестко контролировался помощником тренера. Но и его бдительность слегка притупилась за столь долгий и травмоопасный день, поэтому несколько обыденных приемов сделали свое дело. Во-первых, самых слабеньких и восприимчивых к алкоголю более сильные и стойкие хоккеюги разнесли по их постелям, чтобы те дрыхли до утра. Во-вторых, я пролистывал свой дневник в холле напротив умывальников и перед отбоем заметил, как кто-то из хоккеистов выполз умыться и зубы почистить, а некоторые (как, например, Митяев, Брадобреев, Кошкарский, Чибриков и Абдуллин) тщательно терлись вехотками в душевых, словно вместо сна настраивались на бодрство-

вание. Я не придавал этому особого значения. Не знал, что Чибриков посоветовал пацанам, которые собирались для вида почистить зубы, выйти втроем, чтобы они следили друг за другом: вдруг кто-нибудь уснет на толчке или перепутает зубную пасту с кремом для бритья.

«Да, тяжкий день для пацанов, – размышлял я, – и для моих костей в частности». Заблаговременно ушел и челябинский гость, однако вне моего поля зрения с ним успели переговорить Митяев и Брადобреев.

– Вряд ли все смогут поехать, – обратил внимание Озеров. – Многие уже в хлам.

– А нам все и не нужны, – сказал Арсений. – Следующий уровень для избранных, а не для слабаков.

– Не замерзнешь снаружи? – спросил Озерова Брადобреев.

– Нет, пойду по круглосуточным магазинам прогуляюсь.

– Хочешь что-то купить?

– Нет, подразнить продавцов надеждой.

– Лучше тебе далеко ночью не отлучаться, – посоветовал Пашка, опустив предположения о сидящих в засаде гопниках и историю об уборщице, которая увидела в нем погибшего мужа... или сына... или брата... или любовника.

– Я смогу за себя постоять.

– Нам понадобится полчаса максимум, – подсчитал Митяев.

– Для тебя нет невыполнимых задач, Арс.

– Его хлебом не корми, а дай найти приключений на жопу, – подтрунивал над Арсением Брадобреев.

– Ради вас стараюсь.

– А какой план, Арсен?! – Озеров крепко держал бутылку «Jack Daniel's».

– Грандиозный! – Митяева поставили в тупик.

Но Паша загадочно произнес:

– Сейчас он станет просто гениальным, – выдал он и показал пацанам украденные из комнаты коменданта ключи.

– Осталось только дожидаться, Даня, – у Арсения загорелись глаза, – только дожидаться...

Скажу сразу, что в тот ничем не примечательный зимний вечер у меня не было никаких оснований полагать, что подготовка ко сну и отбой станут лишь отправной точкой самой долгой, запоминающейся и грандиозной ночи в моей жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ДЕГЕНЕРАЦИЯ»

История одиннадцатая. «Срочное заседание клуба любителей ретроавтомобилей»

Знаете, есть в наших городах и весях целый пласт автолюбителей, которые фанатеют по ретроавтомобилям: восторгаются ими, покупают, коллекционируют, вкладывают большие средства и титанические усилия в их восстановление (принося при этом в жертву как раритетные, так и современные автомобили). Относительно итогов такого восстановления хочется сказать, что результат часто превосходит все самые смелые ожидания – меркнут все достижения нынешнего автопрома, а ретроралли процветают. Веет каким-то волшебством, когда из старой и ржавой рухляди получается сверкающая конфетка в том самом первозданном виде, будто только с конвейера. Кажется даже, что на дворе до сих пор СССР, а недоразумение 1991 года придумали западные фантасты.

Многие даже не догадываются обо всех материальных и

моральных затратах, которые несут энтузиасты, занятые восстановлением старых авто. Как и о раритетах, которые прячутся на свалках, во дворах и гаражах по всей стране. Большая часть бриллиантов советского и зарубежного автопрома медленно умирает, потеряв надежду на то, что какой-нибудь ценитель вдохнет в них новую жизнь, чтобы на счастливый экспонат глазели восторженные зрители в музеях и на торжественных мероприятиях или холили и лелеяли придворные механики в гаражах частных коллекций.

Есть ли у машин душа? Спорный вопрос. Судьба у них точно есть. Такого мнения придерживаются и члены небольшого, но гордого челябинского клуба любителей ретроавтомобилей.

Троица энтузиастов старательно рассредоточивала свои экспонаты – от «Полуторки» до «Роллс-ройса» – по всем местным гаражам и стоянкам, пока окончательно не осела в боксах городского ДОСААФ, на базе которого продолжается сбор и восстановление возрастных автомобилей. Места там хватало и для просторного выставочного зала, и для мастерской, и даже для помещения со всяким хламом. За аренду брали по-божески.

Вечером 16 декабря 2011 года в мастерской допоздна кипела кропотливая работа по наведению лоска на очередную развалюху с биографией похлестче истории какой-нибудь карликовой африканской страны. Наши автолюбители вдоволь упахались.

Идейным вдохновителем клуба был Илья – смуглый широкоплечий мужичок с орлиным носом, въедливыми карими глазами, первыми намеками на лысину, которые никоим образом не влияют на его порой бескрайнюю самоуверенность. Механик Михаил в клубе самый старший, но за лидерские позиции с высоко активным Ильей он даже не тягается, ибо несколько пассивен и немногословен (в трезвом состоянии), что не мешает ему оставаться непревзойденным мастером на все руки и, как это часто бывает с такими кадрами, любителем приложиться к бутылочке по поводу и без. Михаил невысокого роста, слегка сутулится, носит бородку со светлыми усами, порой глядит в пустоту обремененным взглядом, почесывая волосы на голове формы мяча для американского футбола. Самый молодой в команде Лев – худощавый паренек среднего роста с короткой стрижкой, большими глазами и бледным лицом. Он очень ценит то, что на досуге занимается чисто мужским делом и находится в обществе зрелых и солидных мужиков, поэтому выпитывает их опыт как губка. Закончив университет относительно недавно, парень периодически подвергается нападкам и усмешкам со стороны старших коллег, поэтому всеми силами пытается если и не выглядеть, то вести себя brutальнее.

Когда с неотложными делами было покончено, наступила более приятная часть вечера – чисто мужские посиделки. Типичная обстановка захудалого автосервиса, царившая в мастерской, никого особо не смущала. И не в таких поме-

щениях кантовались.

Праздничный стол организовали прямо на табуретках, а члены клуба расселись вокруг них на стульях и полуразвалившихся советских креслах. Мужики мирно беседовали, травили анекдоты, рассказывали истории, попутно уничтожая запасы из домашних холодильников. Прием горячительного провоцировал на задушевные разговоры.

– Мужики! – Илья поднялся с места, чтобы произнести речь. – Сегодня у нас два знаменательных повода, которые нужно обмыть. Во-первых, мы наконец-то доставили в наши пенаты легендарный автомобиль, за которым так долго гонялись. «Победа» скоро будет на ходу и станет знаковым экспонатом нашего музея – это, простите за тавтологию, заслуженная победа для нас. Работы там – непочатый край, но... Вы только вспомните, сколько ради нее было переговоров, переездов. Сколько вложено денег, чтобы не только купить, но и доставить ее сюда. Я, честно, сбился со счета, сколько сломалось эвакуаторов. Безумно хочется заняться ее преобразованием. А ведь сначала мы планировали разобрать ее на запчасти. Как же мы заблуждались. Каждое прошедшее через нас авто – это бесценный опыт и приятные воспоминания. Именно ради них мы и зависаем здесь сутки напролет. Мы в некотором роде врачи-хирурги. Мы жизни спасаем... механические жизни. И эта машина – важная веха в нашей работе. Мечта, которая никогда бы не осуществилась без вас, друзья мои!

– Когда уже можно выпить? – уточнил Михаил, будто рюмку устал держать.

– Во-вторых, я безгранично рад, что на этом поприще я познакомился с вами, мужики. Сегодня хочется особенно отметить Льва – незаменимого члена нашей немногочисленной бригады, у которого сегодня день рождения!

Миша радостно подскочил, глядя на смущенного именинника:

– С днем рождения поздравляю! И больших побед желаю! За столом и на кровати! И в карьере, и в разврате!

– Спасибо, дядя Миша, – улыбнулся Лев.

Михаил заметил недовольную гримасу Ильи, которого беспардонно перебили.

– Прости, я с тобой согласен по всем пунктам, – Миша осушил стопочку и потянулся за колбаской и помидорками. – Вот ты, Илюха, юрист и... медиатор, хотя я до сих пор не могу понять, что это такое. Лева, ты программист, сисадмин – тоже не могу понять, за что вообще можно платить на такой работе. А я инженер, механик. И мы никогда бы не пересеклись, если бы не наши автомобили. Разве не здорово?

– Так здорово, что я сюда от жены сбежал, – признался Лев.

– Она наверняка там наготовила тебе всего к празднику?

– Да, только все на завтра: родственники придут, сядем за стол и все такое. А сегодня я сказал, что хочу отметить этот праздник с друзьями.

– Еще раз выражу свою гордость, – отметил Илья, – что Лев с нами. Предприятие у нас, конечно, скромное, но зато свое, сделанное на совесть и на кровно заработанные. Не как у некоторых...

– За это надо выпить, – объявил Михаил.

Все чокнулись.

– Бывал я пару раз в гаражах – как ты сказал, «у некоторых» – у одного хапуги местного, – продолжил Михаил. – У него там вся автомобильная история Америки. И вся на ходу. Вся!

– Знаем такой гараж, знаем... Раритета там больше, чем в самой Америке, – подтвердил Илья.

– И откуда у людей столько бабок? – озадачился Лева.

На него косо посмотрели.

– Ты, малой, как будто не в России живешь.

– Уж точно не на своем хребте заработал, – не называя фамилий, ответил Илья, похлопав Льва по спине. – Но мы не хуже.

– Только у русского человека, какого бы он ни был достатка, в подкорках сидит всякое барахло хранить, – произнес Миша.

– А что в этом плохого? – начал Илья. – В любых старых вещах есть какая-то магия, эстетика... доброта, с которой эти вещи сделаны. Не то, что сейчас – производят так, чтобы сэкономить, навредить и при этом срубить побольше бабла. А в вещах из прошлого – бесценные воспоминания, особен-

но в машинах, которые делали из металла, а не из пластика и проводов, как сейчас штампуют. Мы с Михаилом Совок побольше тебя застали, Лева. Живи ты сознательно в то время, берег бы все свои вещи как зеницу ока. Тогда и помоек полных не было, ведь все в хозяйстве пригождалось. А вот нынешним продуктам прогресса самое место на свалке – плохое все, ненастоящее.

– И это он еще не выпил как следует, – шепнул Лева на ухо дядя Миша.

В присутствии коллег Илья часто придавался рассуждениям о том, что у каждой вещи есть некое подобие души, и приводил в пример автомобили. Он неоднократно рассказывал, как из-под него то и дело выпрыгивал чужой мотоцикл, как раритетный «Москвич», который Илья восстановил, неустанно глох, когда за руль садился другой водитель, а когда за руль возвращался Илюха, то машина за всю дорогу не позволила усомниться в своей надежности.

– А помните, как какой-то бухарик с Чурилово продал нам за гроши дедову «Волгу»? А потом, когда мы ее восстановили и выставили на экспозицию, попытался вернуть ее назад. Шумел еще, что мы якобы его напоили, обманули, денег не додали. Помните, что с ним приключилось?

– Мы вроде продали ему «Волгу» обратно.

– Ага. А потом?

Лева и Миша пожали плечами.

– Он нажрался в очередной раз, не поставил машину на

ручник, и она его придавила к забору. Насмерть.

Леву история впечатлила – он принялся ее обдумывать и грызть огурец.

– Так что мы не только автомеханики. Мы психологи.

– Хе-хе, типа как ветеринары для животных, только для механических, – сравнил Михаил. Подошла его очередь рассказывать. – Я вот инженер по образованию. Вся жизнь с техникой связана. И я сейчас не только про тачки. Я сам недавно осознал, почему так произошло. Я ведь родился в машине. Да-да, чистая правда – я не по пьяни это выдумал. Лето было. Я же деревенский. Мать на сносях до последнего на сенокос ходила – в поле ее схватки и настигли. Другие бабы за фельдшером в деревню побежали. Тот приехал на колхозной машине, на заднее сиденье ее и в роддом газу дал, но чувствует, что не поспекает. Так и принял роды у матери в машине. А он студентик, по распределению в деревню прибыл – всякого видел, а вот роды впервые, отчего обессилел и в обморок хлопнулся. Матери пришлось самой за руль прыгать и врача в больницу везти. Спросите: а где же был мой отец? Бухой в коровнике спал – мой день рождения отмечал, причем как после, так и до самих родов. Видимо, страсть к бутылке у меня – это наследственное.

– Ничего страшного. Как сказал один сатирик, в лечебных целях алкоголь безвреден в любом количестве, – поддержал кореша Илья. – Знаю, что из всех нас у Левушки самые напряженные отношения с автомобилями.

– Для их преодоления я, собственно, здесь и нахожусь, – отреагировал Лев.

– Коль пошла такая пьянка, расскажи-ка и ты что-нибудь, – попросил его Миша.

– Мужики, я уже немного выпил, сейчас всего и не упомяну.

– Наоборот, язык развязаться должен.

– Хорош ломаться, ну!

– Да не хочу я, чтобы вы опять ржали надо мной.

– Так если это смешно, – хохотнул Илья. – Особенно то, как ты на права сдавал. С какого там раза у тебя получилось, с десятого?

– А мне больше нравится история, как его заперли в багажнике, а замок заклинило, – посмеялся и Михаил.

– Если расскажу, отстанете?

– Конечно! Только я еще хочу знать, почему твоя очаровательная супруга водит лучше тебя?

– Так, в самом деле, это уже ни в какие...

– Все, молчим.

По водительской части Лева вечно попадал впросак. Зато отлично разбирался в электронике, компьютерах, рылся в Интернете в поисках раритетов и их владельцев. За руль он садился нехотя, в багажник старался вообще не залезать по понятным причинам.

– Я еще студентом был. Подогнали мне родители какую-то тачку поддержанную – смесь бульдога с носорогом. Просто,

чтобы до универа добираться, по делам куда-нибудь мотаться, в сад и все такое. Рухлядь страшная, а не тачка: 50 км/ч для нее – скорость света. Но какой же пацан с тачкой перед корешами не рисуется? Пересеклись как-то на выходных, выпили...

– С алкашкой, смотрю, у вас тоже любовь, – вставил Миша.

– ...Забились мы, короче, погоняться – так, забавы ради, до следующего светофора. Моя-то и не разогналась сильно, что в итоге меня и спасло. Только мы ринулись со старта, как я понимаю, что у меня тормоза отказали. Благо сильно я не разогнался и мог контролировать машину.

– И как же ты остановился?

– Благодаря стипендии. Она была настолько мала, что мне еле хватило четверть бака залить, отчего мой драндулет очень скоро заглох.

– Прямо-таки патологическая невезуха, конечно. Ты не пробовал свечку ходить поставить?

– К чему это? Я жив остался.

– Суеверия, тем более на дороге – штука очень серьезная.

– Забавы теперь в прошлом. Я человек женатый и с головой на плечах, поэтому такими глупостями не занимаюсь, – заверил хихикающих друзей Лев.

– Уж больно складно то, что супруга отпустила тебя бухать с нами, – положил в рот дольку яблочка Илья.

– Во! Выпьем еще – за Леву и за любовь, – наполнил всем

стопки Миша.

Все чокнулись. А время уже позднее.

– О, значит, мы тут ночуем?

– Пожалуй, я вызову такси, – сказал Лев.

– Эй, а зачем мы тогда тащили все сюда?! – показал на еду и напитки Илья. – Никто отсюда не выйдет, пока мы все не доедим.

– К тому же ты еще не выпил всех стопок по количеству лет, – напомнил Миша.

– Не помню такой традиции на день рождения.

– Молодой еще потому что, – вскрикнул Илья, схватив Лева за плечи и усадив обратно на место. – Мишаня, разливай по новой!

– Нет! Я именинник. И я здесь решаю...

– Мальчик, – прервал его Михаил, – ты в свои 27 лет еще не понял, что именинники на таких праздниках вообще ничего не решают?

Лев ничего не мог противопоставить настойчивым коллегам, поэтому остался бухать дальше. Так продолжалось еще некоторое время, пока всех окончательно не сморило. Лев, открыв рот, дремал в кресле. Миша, соорудив себе подушку из ладоней и накрывшись курткой, принял горизонтальное положение на кушетке. Самым стойким оказался Илья, который уничтожил все оставшееся из съедобного, с презрением взглянул на друзей, цыкнул и отправился спать прямоком в раритетный «Москвич-400», над которым они корпели вот

уже несколько месяцев, предварительно используя подъемник, чтобы опустить машину на пол гаража. Шум устройства никого из спящих не разбудил.

Ртуть в термометре за окном гаража опустилась ниже отметки в 23 градуса мороза. В холодных потемках челябинского вечера Глеб осторожно протаптывал себе дорожку вперед по глубокому и нетронутому снегу. Одет он недостаточно тепло, но, кажется, не замечает насквозь пробирающего холода. Парень покраснел; кожа на незакрытых одеждой участках высушилась, словно инеем покрылась; кроссы черпали в себя снег, словно две лопаты.

Впереди в неказистом заборе показалась дыра. Заходите, кто хотите. Там же и другое препятствие – колющие заросли, словно плети, хлеставшие по телу тех, кто через них лезет. Матерясь в голос, целеустремленный Глеб все же просочился сквозь забор. Перед ним раскинулась обширная территория челябинского ДОСААФ – на первый взгляд в округе ни души. Однако чуть поодаль стоит машина, из глушителя которой вздымается дымок – в ней-то Глеб и согреется. Он на полусогнутых засеменял к расчищенной от снега стоянке.

Бордовый «ВАЗ-21099» проскользнул на территорию еще днем и терпеливо дожидался своей миссии, как и два парня, сидящих внутри и наблюдающих за одним из ангаров, в котором, несмотря на поздний час, все еще горит свет.

Давненько Глеб так не замерзал – нужно срочно отогреться. Дрожь то и дело сотрясала его, однако он запрыгнул в машину так вальяжно, надменно и невозмутимо, будто ничего особенного не произошло. Лидер шпаны, которую пару часов назад отделили хоккеисты, прибыл на ночное дело.

– Печку врубай на всю, – потирая руки, скомандовал с заднего сиденья Глеб.

Рядом с ним сидел паренек в черной поношенной куртке и в свитере, как у Данилы Багрова. Звали его Слава, хотя из-за рыжих волос и веснушек кликуха у него – Рыжий. Знали бы вы, сколько людей замесил этот отморозок. А они всего лишь пытались продекларировать в его присутствии хотя бы полстрочки из песенки «Рыжий, рыжий, конопатый...» Парень жилистый, взрывной и неуступчивый, вечно ходит с прищуром, обветренными толстыми губами и разодранными костяшками на пальцах. Его бесстрашие и легкая гипертормозимость очень пригождались Глебу: он часто брал Рыжего на стрелки, которые гарантированно окончатся мордобоем. А Рыжий сам по себе мог начать все крушить от одного только щелчка авторучки.

Пожав руку корефану, Глеб подозрительно зыркнул на незнакомца за рулем:

– Это еще кто?!

– Руся, – представил его Рыжий. – Наш водила на сегодня.

Руслан выглядел несколько младше остальных: наверное, из-за своей худобы и низкого роста. Несмотря на это, на

его лице уже всюду произрастали усы, борода и бакенбарды (хоть и короткие), а из-под летней кепки торчали черные, как смола, волосы. Парень запоминался несколько треугольным лицом, маленьким ротиком, впалыми щеками и зомбирующими глазами бледно-золотистого оттенка. Глеб обратил внимание на его зауженные джинсы, брендовую болоньевую куртку, черную футболку с изображением какой-то рок-группы и тщательно вымытые пижонские кроссовки.

Паренек на отечественной малолитражке свободно развалился на водительском кресле, чувствуя себя хозяином положения – без его участия все запланированное сорвется. Правда, Русик недооценил комплекцию Глеба и то, что неуравновешенный бесенок мог вмиг придушить его за любое неловкое движение.

– Славик, ты последнюю извилину выкурил?! На кой хуй ты сюда левого чела притащил?! – возмутился Глеб.

– Не заводись ты. Он свой. Не подведет.

– Мне глубоко срать, чей он! Я с ним раньше не работал, в разведку не ходил и баб не трахал. Для такого дела мне нужны только надежные, проверенные пацаны, готовые прикрыть тыл, в драку броситься, на шухере не растеряться. Сколько таких вот «своих» нас предали?! Сколько «своих» сбежали, оставив нас?! Ты только вспомни, Славян! Остается только на себя рассчитывать. Не знал, что ты способен так меня подставить.

– А теперь ты меня послушай, истеричка, – перехватил

инициативу Рыжий. – Руслан – мой проверенный кореш. Он вытаскивал меня из многих передряг и не раз. Он справится, – заверил Рыжий.

Тут Руслан совершенно неуместно раскрыл рот – его хитроумная улыбочка с претензией подействовала на Глеба, словно красная тряпка на быка.

– Братан, – фамильярно произнес он, глядя на Глеба в зеркало заднего вида, – чего ты такой напряженный? Еще не увидел людей в деле, а уже быкуешь...

Не успел Русланчик сделать очередной вдох, как чуть не подавился жвачкой, когда цепкие ледяные руки Глеба обви-ли его шею подобно ядовитому плющу.

– Ты так уверен в себе, фраерок?! – шепнул на ухо Руслану Глеб. – Что ты теперь вякнешь, а?! – Руслан прекратил всякое сопротивление, когда почувствовал, как шею коснулся возникший ниоткуда маленький ножичек – пока незаостренной стороной. – Не смей пасть открывать без моего разрешения. Кивни, если уразумел, – напуганный водила с опаской закивал – успел пожалеть, что в угоду острым ощущениям согласился на эту авантюру. – Будь у меня ствол, я бы шмальнул прямо по твоей самоуверенной морде, – Глебу сегодня так и хотелось проделать это с теми, кто расстраивал его планы.

– Лучше послушай его, братиша, – посоветовал Руслану Рыжий, который не стал вмешиваться.

– Желаете знать, почему я такой злой? – спросил Глеб,

когда убрал руки с шеи Руслана. – Потому что хорошие люди – слепые. Оглянись вокруг, мудозвон. Разве можно быть добрым от всей задницы вокруг?! Что мне дал этот мир, чтобы я стал добреньким?! Ни-че-го! Хорошие просят, а я злой – я забираю без разрешения. Тот, кто шумит, тому и дают, а добрых вежливо посылают. Учись, душара! И крепче за баранку держись, – Глеб откинулся на спинку заднего сиденья. Руслан сидел молча и неподвижно. – Твоя дерзость прощается на первый раз – он же и последний. Ослушаешься сегодня кого-нибудь из нас, я твоим кадыком в футбол сыграю.

– Остынь, Глеб. Он не хотел, – произнес Рыжий в защиту своего протеже.

– Все мы не хотели. Так получилось, – вздохнул Глеб. – Мы еще кого-то ждем?

– Медвежатника не хватает.

– Ах, точно.

– Подожди, я думал, вы придете вместе.

– Чего?! Я голубь, что ли, с кем-то вместе приходиться?!

– Он же твой брат.

– А-а-а, вот ты про кого... Он не придет, – сухо ответил Глеб, ибо собственными руками вывел из строя Витька – по сути, центральное звено ночной операции. Что ж, придется справляться втроем.

– Почему? Его же подперли какие-то серьезные бандюки. Он торчит им кучу бабла. Хватается за любую возможность заработать.

Глеб заерзал на месте – нечего тыкать его в собственный просчет.

– Если коротко, он повздорил со своей девкой и вывихнул руку.

– Это все случилось одновременно?

– Да и хуй с ним! Витя – последний, с кем бы я хотел делиться деньгами.

– Это же твой брат. Он хоть и дурень, но дело свое знает.

– Знает... Как в проблемы встревать, он знает! И отлично это делает. Ты хоть лом взял?

– Конечно.

– Отлично. А теперь пошли покурим.

– Руслан? – распоясался Рыжий, желая пригласить перекурить и водителя.

– Спасибо, я не буду, – отозвался Руслан и добавил. – У забора аккуратней: я там ссу весь день.

– Спасибо за заботу, – хлопнул дверью Глеб, а Руслан продолжил наблюдение за боксами.

Машина стояла рядом с трансформаторной будкой. Рыжий с Глебом зашли за угол и закурили.

– Ну ты даешь, Рыжий! Какого-то школьника за руль посадил. А машина чья – небось, отца его?

– Под мою ответственность, Глеб.

– С каких пор ты у нас впрягаешься за кого-то?

– У нас бы ничего не получалось, если бы никто ни за что не впрягался, – ввернул Рыжий.

– Хе-хе, точно, – зубоскалил Глеб.

– Цыган не подведет?

– Думаю, нет. А если попытается, я на куски его порублю и на рынке его же землякам со скидкой загоню. Кстати, с ним наваром не делимся.

– Принято.

– И с водилой тоже.

– Почему? Я ему пообещал.

– Раз пообещал, то из своей доли отдашь. И вообще: пусть сначала себя покажет. Пока что он доказал, что умеет неуклюже выпендриваться.

– Вшивая вы порода: что ты, что Витек, – Рыжий тыкнул пальцем Глеб в грудь.

– Иначе удачи не видать. Учись.

– Поговорить бы с твоим братишкой по душам. Пацанов на бабу променять – это кидалово.

– Вот у тебя бубенцы зазвенят, и не так запоешь, – задумчиво произнес Глеб. – Не знаю. Не повезло ему в деньгах – может, повезет в любви.

– Ты о чем?

– Забей, – отмахнулся Глеб и спросил. – Рыжий, у тебя когда-нибудь был секс с иностранкой?

– Типа с негритоской?

– Нет, приземленной.

– Татарки считаются?

– Нет, это же в России. А я про СНГ, Европу... Китай там

всякий.

– Тогда нет.

– А у меня вот сегодня был.

– И как ощущения?

– Это произошло спонтанно, но понравилось.

– А чего ты тогда такой загруженный?

– Потому что понравилось!

– Угу, веселенький у тебя денек.

– Сам-то как?

– Нет в русском языке таких слов, чтобы выразить, как мне ебано, – сплюнул Рыжий.

– Ничего, когда-нибудь и на твоей улице перевернется «КамАЗ» с пряниками, – произнес Глеб без должного сочувствия – у него не было фатально безвыходных проблем, хотя он творил втрое раз больше бесчинств, нежели Витя или Рыжий.

– Я знаешь, чего хотел у тебя спросить?

– Валяй.

– Я слышал, что неплохо башляют тем, кто дурь по городу раскладывает.

– Есть такое дело.

– Ты в курсе, кто сможет подогнать такую работенку? Но чтоб без наебки.

– Не особо я варюсь в этой теме, – недоговаривал Глеб. – Без подстав, сам знаешь, никуда – тут ты прав, – подметил он.

Вообще Глебу не нравилась перспектива ухода преданного бойца на более высокооплачиваемое поприще. Тогда он не сможет использовать Рыжего в своих делах (и почему он не позвал его на стрелку с хоккеистами?), а другого преданного и исполнительного солдата отыскать очень трудно. Однако отказывать Рыжему в информации Глебу не хотелось. Зная, как сильно тот привязан к родному городу, Глеб решил предложить соратнику несколько радикальный вариант, о котором слышал вскользь. Надо дать Рыжему понять, что наилучшее решение для него – остаться в команде Глеба (пока их не загребут по-крупному).

– Есть тут в городишке южнее кент один – Трофимом зовут. Он, говорят, хорошенько там заведует всеми этими делами. Все серьезно и по-честному.

Только уставший, отчаявшийся и доведенный до ручки человек будет искренне радоваться хотя бы мизерному шансу получить грязную работу у наркоторговцев, которые и глазом не моргнут, как сдадут бегунка с потрохами, отчего тот мигом отправится в места не столь отдаленные. Если в банде Глеба еще осталось хоть немного уважения друг к другу, то в том опасном бизнесе ничего святого не было и в помине. Глеб, может, и подонок, но он не губит людей пачками, а специализируется на мелочах, в которых иногда даже сотрудники отдела по делам несовершеннолетних разбираться не хотят.

– Не понимаю, – продолжил Глеб, – зачем тебе куда-то

срываться? Тут полно непыльной работенки и город большой. И мы с тобой отлично сработались, брат.

– Рад это слышать. Но этого недостаточно.

«Да что с ним такое?» – возмущенно размышлял Глеб. Рыжий никогда не задавался подобными вопросами – его больше интересовало, что украсть, кого побить и где напиться.

– А семья, Рыжий? – на худой конец упомянул Глеб.

– Ты про предков? Отец сел опять. Мать скоро в иной мир отъедет. Воспитали так... Нечего мне тут делать – если только в детдом шмотки паковать?

– Зато получишь хату на халяву. Тебе же скоро 18 лет.

– Так просто нам из этого дерьма не выплыть, Глеб, – потушил сигарету Рыжий, рассмотрев наколки на своей руке.

– Что с тобой происходит?! Вы чего сегодня все?! Это дерьмо – жизнь твоя. А если это жизнь, то и в ней нужно стремиться к величию.

– Типа как ты?

– Можно и так сказать. А ведь у тебя всегда глаза горели и кулаки чесались. Напомнить тебе, как мы держали в страхе наш район? Как с одного удара двери выносили? Колеса снимали? От ментов удирали? А потом напивались до потери пульса? Вспомни! Рыжий, будто ты умеешь еще что-то... Ты в своей возрастной категории гроза этого города. При правильном подходе статус можно монетизировать. И скоро мы придем к этому, придем вместе... А что же жизнь других?

Будь ты каким-нибудь офисным планктоном, перекладывателем бумаг с геморроем и красным дипломом, тебя бы никто ни во что не ставил. И ты ничего не смог бы поделывать – об тебя бы ноги вытирали. А здесь ты король. И волен делать все, что душе угодно, пока остальные по своим квартиркам попрятались и боятся выходить вечером за порог. Им есть, что терять, а тебе – нет. Хочешь жить нормально?! Да многие нормальные готовы последнее отдать, чтобы жить как мы: никому не принадлежать, не ходить каждый день на работу или на учебу, не смотреть в счета за коммуналку и чеки с магазинов, не исполнять законов, придуманных толстосумами, чтобы урезонить толпу, которая жаждет мести за годы угнетения. Ты на своем месте, Слава, и берешь от жизни все! Они не смогут с нами справиться. Они не загонят нас в рамки. Им недоступно то, что можем мы. Хочешь, водилу прирежем? Ленина на площади Революции взорвем? Трамвай угоним? А?! Мы сильно заблуждаемся, когда считаем жизнь серой массы лучше своей собственной. Где же тот зверь в тебе, а?! Алло! Возвращайся – ты нам нужен, – такой вот пламенной речью Глеб желал достучаться до Рыжего.

– Наверное, я чересчур трезвый сейчас.

– Тогда пусть тебя пьянит ожидание легких денег и ночи в клубе, где мы с тобой напьемся в хлам, отвечаю! Поэтому давай уже разогревайся, закидывайся. И за дело! Надо двигаться, а то на таком морозе и околеть недолго. Это будет отличное шоу, братан!

О, ты чертовски прав, Глеб.

Оба вернулись в машину.

– Итак, – с ходу начал Глеб, – договоримся на берегу: я вам не верю, и вы мне не верьте.

– Есть одна проблемка, – заикнулся Руслан.

– Какая?

– Они еще там.

– Кто?

– Хозяева «Победы».

– Победа будет за нами – вот как надо думать, – продекларировал Глеб.

– Я весь вечер за ними наблюдаю, – излагал Русланчик, глядя на свет в боксах напротив. – У них там что-то вроде посиделок.

– Блять, чего в эту пятницу всем медом намазано группами-то собираться?! – недовольно всплеснул руками Глеб.

– Может, отменим?

– Ни в коем случае! – отрезал Глеб. – А если у кого-то есть сомнения, можете свалить прямо сейчас, но тачку с ломом вы с собой не заберете. Будем ждать до победного: пока не уйдут или не уснут.

– Еще как уснут, – уверенно заявил Руслан. – У них там на столе целый винно-водочный магазинчик.

– А ты глазастый, чертенок, – с восторгом произнес Глеб. – Бухих уделать – как два пальца об асфальт. Они даже ничего не заметят.

– Главное, не спалиться.

– Оглянись вокруг, Рыжий! Да всем насрать. Если б все было серьезно, нас бы уже давно четвертовали.

История двенадцатая.

«Деловые люди»

Во вторник, 13 декабря 2011 года, в ДОСААФ проходила очередная экскурсия – тщетная попытка школ и колледжей хоть как-то заинтересовать и окультурить весьма скверную публику с колбой играющих гормонов вместо головы. Лишь галочка в отчет по проведению воспитательной работы. Столь невыразительные потуги не вызывают у потенциальных солдат-срочников никакого интереса к армии. Особенно, когда с ними на этой же экскурсии ходят симпатичные девчонки с потока.

Да чем вообще можно заинтересовать пацанов из 9-11 классов и первых курсов челябинских шараг? Все смотрят на экспонаты с понтом и безразличием. Хоть сегодня и собралась разношерстная публика (определенной испорченности), каждый из присутствующих в едином порыве жаждал поскорее выбраться отсюда. Не обошлось и без пытливых умов, которые то и дело намеревались что-нибудь сломать, попрыгать на танках и самоходках, помочиться на колеса огромного грузовика и курнуть в укромном местечке (рядом с памятным знаком в честь погибших в боях). Души экскурсантов не трогают ни большие военные машины, ни танки, ни зенитки, ни ретроавтомобили, ни красочные плакаты, ни даже надевание противогазов и костюмов химзащиты на па-

цанов ради изящной аватарки. Одним словом, все приехали не на экскурсию, а срок отбывать под присмотром надзирателей... то есть преподавателей.

Время тянулось как жвачка. Когда шествие по экспозициям подошло к концу, все с нетерпением вывалились на улицу – до приезда автобуса всех на время заняло другое зрелище.

Эвакуатор – натужно и со скрипом – подвез к одному из гаражей бежевую «Победу», шедевр советского автопрома. В процессе выгрузки автомобиля под руководством троих мужичков эвакуатор, несмотря на подпорки, чуть коней не двинул: тросы, стрела крана и платформа стонали от непривычной тяжести. Далее хозяева машины стали комично о чем-то рядиться с эвакуаторщиком – видимо, дорога выдалась напряженной. Спустя минуту эвакуатор безразлично укатил в закат, оставив «Победу» на расчищенной площадке у гаража: справляйтесь, мол, хозяева со своим драгоценным металлоломом сами.

Пацаны рядом с Глебом, которого тоже затащили на экскурсию, замороженно смотрели, что мужички предпримут дальше – ведро явно не на ходу. Сам Глеб озадачился, как бы незаметно положить снюс под губу – с этим ему не везло: то куратор палит, то какой-то местный жирный сторож прицепился и глаз с него не сводит. С безнадеги Глеб тоже решил понаблюдать за сценкой у ангара.

– На такой тачиле Ленка тебе точно даст, – сказал он, тыкнув локтем парнишку рядом.

– Она мне и так дает.

– Если ты гасишь ее, прежде чем всунуть, то это не считается, – произнес третий паренек из их компании.

Мужики тем временем тщетно пытались сдвинуть «Победу» с места – до гаражных ворот рукой подать, но сначала требовалось преодолеть небольшой склон перед ними, а он покрылся неприятной ледяной коркой. Толкать автомобиль вскоре подбежала парочка школьников – будучи в кроссовках, они мигом попадали на лед, отчего трем взрослым вновь пришлось брать всю массу напирającego кузова «Победы» на себя. В итоге антиквариат всем миром затолкали в гараж – выходили оттуда с такими лицами, словно весь день тянули по бездорожью тяжеленный трактор.

Глеб заметил, как жадно за этим процессом наблюдали некоторые работники ДОСААФ – глаз с машины не спускали, но на выручку не кинулись.

– Сколько, интересно, такая весит? – озадачился хахаль некой Ленки.

– При полном обмундировании почти две тонны, – внезапно ответил здешний сторож, подошедший к экскурсантам.

Надменно оглядев незнакомца, Глеб запустил руку в карман куртки и принялся лузгать семечки оттуда.

– Да, тяжела коробочка.

– Все из-за стали. Металла на нее не жалели. На совесть сделана. Любые полупластиковые игрушки влегкую со-

мнет, – махнул рукой мужичок.

Местного всезнающего и всевидящего (когда ему это нужно) вахтера прозвали Цыганом. Конечно же, из-за внешности. Комплекция Цыгана такова, будто тот проглотил огромную юлу, а потом еще и надел на себя спасательные круги разных размеров, укрыв все это дешевым спортивным костюмом, который напоминает наспех сшитый парашют. Вдобавок мужик в годах: седая щетина на морщинистом лице смахивает на сорняки в огороде; нос картошкой, глаза вечно навывкате, фуражка, прикрывающая засаленные остатки черных волос, набекрень.

Цыган шлялся всюду без дела. В перерывах между такими прогулками он спал. Он имеет привычку частенько присоединяться к экскурсиям, дабы поглазеть на людей и блеснуть своими знаниями, которые находятся на уровне таблицы умножения. Некоторые верили.

Шоу с заталкиванием «Победы» в гараж, словно та была неподъемным танком, натолкнуло Цыгана на мысли о том, как бы свиснуть и впоследствии сбыть столь лакомый кусок металла. Явно Илья, Лев и Михаил притащили ее сюда в качестве донора запчастей – будет им уроком, что не нужно игнорировать предложения Цыгана пристальней глядеть за их помещениями за определенную плату.

Вороватый интеллект Цыгана закоптил на полную катушку. В координации процессов разворовывания местного имущества он – главное действующее лицо. Делал это по

большей части от скуки и жажды легких денег. Его ручонки не добрались лишь до того, что заперто за несколькими замками и подключено к сигнализации. А тут в слабозащищенное помещение, продуваемое всеми ветрами, приехал очередной экспонат – выручка гарантированная. Конечно же, для Цыгана «Победа» не представляет культурно-эстетической ценности, чего не скажешь о ее владельцах.

В деле есть и потенциальные риски. Взвесив все «за» и «против», Цыган смекнул, что один не потянет – необходимы юркие помощники, деятельные и недалекие одновременно. А чужими руками и планы амбициознее. Через мгновение Цыган осознал, что кандидатов в его компаньоны сюда целым автобусом привезли. Побродив с ребятами по залам, опытный ворюга мигом вычислил самых отбитых – кажется, сейчас они стоят в паре метров от него. Можно рискнуть, пока схема кражи из головы не вылетела.

А что ему будет за это? Да ничего. Кто ж еще пойдет сюда работать за гроши? К тому же это имущество частников, а не ДОСААФ. Ретроавтомобилисты сотрудничать с ним не хотят, поэтому он не при делах. Пусть охраняют лучше. Цыган умудряется упускать и то, за что ему платят. Вычеты из зарплаты с лихвой возмещаются его долей от украденного. При его работе в ДОСААФ фонды учреждения (и без того мизерные) сократились до размеров ушка иголки.

– Это предложение? – сплевывая шелуху, напрямую спросил Глеб – такие намеки он выкупал за секунду.

Цыган не ожидал такой сверхзвуковой скорости вербовки. Он улыбнулся – золотые зубы засверкали на декабрьском солнце.

– Хе-хе, деловой человек видит себе подобного издалека.

– Да-да-да, – Глеб строил из себя востребованного сотрудника. – У вас и идеи имеются?

– Обижаешь, пацан. Бери и реализуй. А сдюжишь ли ты?

– Обижаешь, дед, – вернул фразочку Глеб и хитро улыбнулся.

– Раз так, обсудим детали в моем офисе, – Цыган показал пальцем на сторожку у ворот, в которые как раз въезжал запоздалый автобус.

Не успели сподвижники Глеба смекнуть, что к чему, как предварительные переговоры с Цыганом о предстоящей деланке завершились, а они и сути толком не уловили. До Глеба им как до Марса пешком.

– Глеб, автобус!

– Скажи, что я убежал, – крикнул Глеб в ответ.

– Куда?!

– Добровольцем в армию записываться!

Две родственные души, Цыган и Глеб, не замечая никого, отправились обсуждать план.

– А разве твои друзья не присоединятся к нам? – невзначай спросил Цыган.

– Не друзья они мне.

– Дело ведь непростое. Одному тут не...

– Я все понимаю, дед, – прервал сторожа Глеб. – Все авто угоняют – только «Оку» уносят. По таким делам я работаю с другой командой.

– Профи, – оценил рвение Глеба Цыган – теперь от парня просто так не отделаешься.

– Все деловые люди – профессионалы, не так ли? – при других обстоятельствах такие фразы из уст человека его наружности выглядели бы неуместно. – Обсудим денежный вопрос.

«А паренек – не промах», – подумал Цыган.

– Может, сначала выработаем стратегию?

– Тут все предельно ясно. Всегда нужно начинать с денег, дед. Только от них зависит, покоряем ли мы Луну на ракете или на ржавом «Москвиче». Я доходчиво объясняю?

– Метко излагаешь, – поджав губы, выдал Цыган.

Кажется, после такого диалога цели собеседников немного видоизменились: один возжелал научить молодежь не задирать нос слишком высоко; другой – указать старику на почетное место в зрительном зале среди прочих ни на что не способных динозавров.

– Не дай бог, дед, ты нас нагреешь.

– Чего ты так сразу? – обидчиво молвил Цыган. – Мы же деловые люди.

– Вот именно, дед, вот именно.

Не привык Цыган к такому молодецкому напору. Обычно всякие тонкости бомзам, алкашам и торчкам до фени, а

Цыган только таких и нанимал себе в помощники. Здесь же все иначе. Но и молодняк нужно учить жизни, потому пасовать Цыган не собирался. В голову даже залетали мысли подставить несовершеннолетних преступников: поймать их на месте преступления, заслужить похвалу начальства и оправдать занимаемое здесь место. Глеб тоже размышлял, как бы эффективней нагреть сторожа. Однако на словах они друг с другом доброжелательны и дело называют плевым. Выручку договорились поделить поровну (на последнем пункте каждый скрестил пальцы за спиной). Цыган обещал оказать партнеру всяческое содействие и предупредить о возможных опасностях. О множестве трудностей, которые могут возникнуть на пути у Глеба, сторож предпочел умолчать, дабы не провоцировать пересмотр процентов от прибыли. Глебу же не терпелось поскорее осуществить задуманное – руки чесались, а карман горел так, что возникало желание сдать на металлолом челябинскую телебашню. Цыган же выгодно продал информацию, особо не пачкая рук, что у него и получалось лучше всего.

Но Цыган действительно лучший на свете несколько в иной стезе, ибо в ночь с пятницы на субботу он спал без задних ног. Глеб просто не предупредил его.

История тринадцатая. «Отвертка»

Общага мирно погружалась в сон.

Уцелевшие после начального этапа распития горячительных напитков хоккеисты собирались улепетывать. Однако для начала заговорщики, не подавая вида, покорно легли в кровати, в чем я, собственно, и убедился, когда совершал обход перед отбоем. Законопослушность обычно строптивых хоккеистов я опять-таки объяснил тяжелым днем и обидным поражением – все это стоило поскорее оставить позади и забыться сном. Меня даже не смутило наличие в одном номере с Митяевым Паши Брадобреева.

В темноте комнаты лишь телефон Кошкарского освещал лицо владельца – форвард изучал список челябинских увеселительных заведений.

– Я бы в бордель поехал, – мечтательно вещал Митяев.

– Не-е-е, – запротестовал Брадобреев, – посмотрел я на сегодняшние успехи Зеленцова, и мне как-то расхотелось.

– Ты, небось, там и не был ни разу, – подколот друга Арс.

– Бывал! Еще как бывал, – ответил Пашка, имитируя половой акт с подушкой на протяжении пары секунд.

– Вот, тебя на две секунды и хватило, – не унимался Сеня.

– К тому же ты больше на озабоченного ребенка похож, чем на альфа-самца, – поддержал Арсения Кошкарский. – А как вам вот такой вариант: сауна «Семейная»? Совсем неда-

леко отсюда.

– Название вообще противоречит здравому смыслу, – рассуждал Брадобреев. – Кто из нормальных мужиков с семьей будет по саунам расхаживать? Они должны в таких местах совершенно другим заниматься.

– Абдуллин, а ты что думаешь?

Ответа от вратаря не последовало.

– Земля вызывает Абдуллу!

– Шухер, – шикнул Тема, прислушиваясь к шагам в коридоре.

Все постояльцы мигом – как в детском саду – рухнули на койки, укрывшись по шею одеялами, отвернувшись к стенкам и зажмурив глаза.

– В кой-то веке, – шепнул себе под нос я, оглядывая их номер. – Не забудьте щеколду задвинуть.

Только я отдалился на приличное расстояние, как от Митяева последовала ключевая фраза:

– Полундра, guys!

Он, Тема, Степа и Пашка одновременно соскочили с постелей, обнажив тот факт, что уже нарядно оделись. Осталось лишь обуться, накинуть куртки и как можно тише слить – при этом для наглядности накидать на постели формы из баулов и прикрыть их одеялами, имитируя человеческие силуэты.

Все шло по плану. За дверями их поджидал еще один заговорщик – Чибриков.

– Стоп.

– Чего ты?

– А как же остальные?

– Надо же. У Чибрикова совесть проснулась? – восклицал

Абдуллин.

– Вы можете тише базарить?

– Мы их оставим? – не унимался Богдан.

– Чик-чирик, ты же практичный поц. Все мы ни в какой транспорт не влезем.

– Кроме трамвая, – хохотнул Брэдобреев.

– К тому же все в хламину, сечешь? – объяснял Арсен. –

Хотя... я позову одного.

Очутившись в нужной комнате, Арсений Митяев увидел, что все вокруг дрыхнут и лишь один Леха Бречкин, не смыкая глаз, сверлит Митяева злобно-подозрительным взглядом.

– Мы тут с пацанами...

– Ха, – зловеще оскалился Бречкин (кажется, имел место и беззвучный мат).

– Ты с нами? – внезапно предложил Арсен.

Такой неожиданный поворот поставил Бречкина в тупик: верзила совершенно не привык к тому, что после многочисленного зла, которое он сотворил, все не обходят его стороной, а дружно зовут бухать. Леша затаил бы злобу на всю жизнь, а Митяев оказался выше этого (даже несмотря на смачный плевок в лицо).

– Ты прикалываешься сейчас?

– Вспоминаю твои слова, – ответил Митяев. – Мы столько всего прошли бок-о-бок. Мы не бабы, чтобы обижаться.

– Гребаный ниггер. Это то, что я и хотел услышать, – улыбнулся Бречкин – теперь уже по-компанейски. – Вот и прежний Арс вернулся.

– Одевайся. Пора сваливать, – похлопал кореша по плечу Арсений.

Здесь Митяев впервые за много лет заметил, что у друга на шее висит не какая-нибудь банальная золотая цепочка, как он раньше думал, а целый кулон с образком.

– Леха, – тихо заговорил Сеня, стараясь не разбудить окружающих, – давно хотел спросить.

– Почему я такой урод?

– Нет, это я знаю. Про медальон.

Леша машинально прикоснулся к вещице. «Рассказать ему? – думал он. – А что мешает?» Выяснилось, что Бречкин носит на своей массивной груди семейную реликвию. Образок передается из поколения в поколение по мужской линии – ценнейшая ручная работа чуть ли не начала прошлого века. По семейной легенде медальон символизирует продолжателя рода, оберегает его, дабы династия не прерывалась.

– ...Немного погодя я должен буду передать его своему сыну, – поведал Леха.

Митяев присвистнул:

– Не мешает тебе такая вещь бесчинства творить?

– Жизнь одна. И я хочу попробовать ее на вкус – всю без исключения. А сейчас я бы хотел оттянуться по полной. С местом определились?

Но я был бы не я, если б мгновенно отправился на боковую. Я опустился на диванчик в фойе неподалеку от входных дверей и решил немного покараулить нежелательное движение. Вскоре, устало кивнув мне, укутанная в плед комендант прошаркала к дверям и щелкнула замком, вернулась к себе и вновь улеглась на свою кушетку, оставив гореть настольную лампу. Диван подо мной столь мягок, что подниматься с него не хочется, даже несмотря на зевоту: «Я должен твердо знать, что никаких шалостей не замышляется».

– Какого хуя он тут дежурит? – вереница беглецов скопилась в коридоре и не могла пройти дальше. – Пидор Пэн воюющий.

– Приучили мы его к фокусам нашим, – сказал Арсений, – вот и не уходит.

– Сука, все пропало, – взялся за голову Абдуллин.

– Предлагаю вернуться к варианту вырубить его, – предложил Чибриков.

– Нашли, кого бояться, – сложил руки на груди Бречкин.

– А чего тогда с нами стоишь? – задал закономерный вопрос Брадобреев.

– Да без вопросов, – Бречкин хотел выйти и набить мне морду, но Митяев остановил его. – Я просто хотел побазарить с ним, – обманывал Леша.

Степа Кошкарский припомнил предложение Смурин:

– Если только... взять его с собой, – все посмотрели на Степу как на полоумного. – Иначе Озеров там зачоченеет совсем, – напомнил о времени он.

Шушуканья продолжились.

– Пахан, какие ты там ключи скоμμуниздил?

Не успел Брадобреев достать из кармана добычу, как в фойе наметилось движение: я все же встал с дивана, решив закончить бесполезное бдение, потянулся и неторопливо побрел в комнату, ощупывая повязку под футболкой.

– Путь свободен.

– Ждем, – не торопился Митяев, – нужно убедиться...

Конечно же, долго хоккеюги не вытерпели и на цыпочках подобрались-таки к входной двери, тихонечко отворили ее и так же защелкнули снаружи.

Опасность миновала (вроде как).

– Воображаю, что будет, если он узнает.

– Глаза нам на задницу натянет – к гадалке не ходи. Плюс огромная истерика с вздутыми венами и брызгами слюны гарантируется, – предполагал Богдан.

– Нет, – твердо произнес Арсений, – он ничего не заметит. Мы вернемся раньше, чем он глазницы продерет.

– Да будет так, – тихо прошептал Степан, словно это молитва, и устремился вниз по лестнице за остальными.

«Хорошо бы и ночью им визит нанести, – размышлял я. – Пусть только попробуют что-нибудь выкинуть – четвертую!»

На соответствующие мысли я настраивал себя не просто так – хотел иметь воинственный вид, продемонстрировать тренеру свой решительный настрой. С суровой миной отворив дверь, я узрел картину маслом: Степанчук, укрывшись двумя одеялами, уже вовсю дрых, отвернувшись к стенке и похрапывая. Свет в комнате несколько ему не мешал.

Вроде бы хотелось поскорее заснуть, но мало того, что раздеваться до трусов было прохладненько, так еще и умудриться заснуть на спине для меня задача сложная (еще и лежать при этом аккуратно, без резких движений). В грудак еще отдавало, периодически пульсировало и горело с правой стороны, но терпимо.

Для стимуляции падения в царство Морфея я решил вновь открыть дневник на случайной страничке – глядишь, убаюкает. На открывшихся моему взору листочках – помимо написанного синей пастой основного текста – поля пестрили намалеванными красной ручкой фразами: *«Поспешишь – людей насмешишь!»* С другого края тоже начертано: *«Не спеши наверх карабкаться, забывая, откуда пришел, и мосты сжигая. Чем выше заберешься, тем больше будет падать. А упадешь ты туда, откуда пришел. И больно тебе будет не только от падения, но и оттого, что когда-то недооценил то место, откуда начал карабкаться...»*

Я понял, на каком эпизоде открыл дневник:

«...Схватив Кошкарского, словно лев добычу, я потащил его в раздевалку чуть ли не за уши – он подчинялся с весьма и весьма удрученным видом. Но ослаблять хватку я не собирался: «Ага, еще чего?! – думал я, глядя на это убожество в хоккейной форме. – А несколько минут назад он считал себя самым лучшим, стоял на вершине мира, и никто ему в подметки не годился! Но ведь масочник... масочник же! Сейчас-то он наверняка понимает, что ему грозит, и осознает свою неправоту».

В раздевалке молодежной команды «Стальные лисы» было так много вещей, что мне на секунду показалось, что я в комиссионном магазине.

– За что?! Что я сделал?! – бурчал Степа как наказанный ребенок.

– Ты еще и спрашиваешь?! – возмутился я. – А я тебе объясню, что ты сделал. Как только стало известно, что тебя хотят пригласить на просмотр в «Лисы», тебе снесло башку, на место которой водрузилась большая такая корона. Хотя это всего лишь сраный просмотр. Дальше ты принял-ся хвалиться этим налево и направо, разбрасываться фразочками, что хоккейная школа – это помойка, а твои одноклубники – криворукие лузеры. Причем сам-то ты далеко не внебрачный сын Малкина и Овечкина. Не нашего Малкина – другого Малкина. Так ты еще и умудрился поссориться на этой почве со всеми и прогулять несколько тренировок. И ради чего?! Чтобы с молодежкой на льду постоять... в сто-

ронке. Вот увидишь: за тобой пойдут другие... и они будут ничуть не хуже. Не думал ли ты своей пустой башкой, чего ж тебя до сих пор КХЛ-то с руками и ногами не оторвала, раз ты так талантлив?! – агрессивовал я, разгуливая по раздевалке. – Как бы там ни было, я пришел сюда в первую очередь из-за тебя, потому что мне больно смотреть, как ты нагло и несправедливо вознес себя до небес. Тьфу! – я частично винил и себя, потому что недооценил первые симптомы звездной болезни. – Где твои вещи?!

– Вон там, – безынциативно указал мне на сумку Кошкарский.

– Переодевайся. Мы уходим.

– Дай мне хотя бы души принять.

– Нет! Примешь души в родной хоккейной школе, где «зажигаются звезды»?! Понял намек?! Одевайся – минута тебе! Я в коридоре подожду. И не испытывай мое терпение – поторопись! Можешь, конечно, и на помощь позвать, но сто раз подумай, – я сунул руки в карманы и вышел.

Минута пролетела незаметно. Я отвлекся от разглядывания символики «Металлурга» (магнитогорской команды мастеров) и снова заглянул в раздевалку. Кошкарский не сдвинулся с места: сидел на скамейке, смотрел на свой шлем и... плакал. Я ни разу такого не видел, чтобы из глаз сильного, стойкого и мужественного хоккеиста ручьем бежали слезы.

– Какого лешего ты плачешь?!

– Знаешь, Петь, в последнее время я заметил кое-что... Я долго-долго чего-то ждду, тщательнo этого желаю, готовлюсь к тому, что оно вот-вот наступит, из кожи вон лезу... Но все, чего я ждду, когда приходит время, разваливается, перестает быть, – шмыгая носом, говорил Степа. – А вдвойне обидно, когда... когда это случается с заветной мечтой всей жизни... Ты представить себе не можешь, чего я лишился, чтобы пробиться... чтобы играть здесь... чтобы меня заметили... Да откуда тебе знать! Я с детства грезил хоккеем. В моем городе профессиональной хоккейной школы нет. Но горы свернешь, когда чего-то очень сильно хочешь. Так я и оказался в Магнитогорске – за тысячу километров от родины, от дома, семьи, друзей. Я должен был находиться здесь один и выживать, учиться, тренироваться – все ради мечты! Нужно было не ударить в грязь лицом в хоккейной школе – меня приняли вроде бы без проблем, но я тренировался до седьмого пота и потери пульса, чтобы держать планку. Нужно было учиться в этой сраной школе – зубрить алгебру, физику... лишь бы не выперли, а это еще тот ебаный ад! Нужно было одному жить в общаге на копейки, где ты предоставлен самому себе, где никто за тобой не приглядывает и не страхует – нужно жрать, убирать, стирать, гладить, развлекаться как-то, а если чего сломается или испортится, то дыра в бюджете. Каково же мне было смотреть, как тут обхаживают некоторых: на машинах привозят и увозят, экипировку покупают дорогу-

щуюю... А я все в охапку и пешочком. Порой стены моей комнатушки будто надвигаются и сдавливают меня – мне не хватает отцовского совета, маминой заботы, безграничного оптимизма маленькой сестренки. По телефону с ними не наговорись – не то это. Но я не отчаивался, терпел – ради них, ради себя... И вот я в двух шагах от настоящей профессиональной команды – моему счастью нет предела... Снесло мне башню знатно, дел наворотил – сам разберусь. Но... я хочу идти дальше, в Молодежку, в Вышку, в Континенталку. Приехать домой героем, ибо я достиг всего, чего хотел, выполнил обещание, которое дал отцу... Хочу обнять маму и сестру, проснуться в родном доме, быть знаменитым, пробиться... не за счет денег, которые я не заработал, а за счет веры и старания, понимаешь? А ты просто приходишь и...

Я молча сел рядом с ним.

– Хм, самое сложное – это долго ждать и в самом конце узнать, что все напрасно. Жизнь диктует множество жестких рамок и препятствий, иначе она не была бы жизнью. Но в ней не бывает непосильных задач – в любой ситуации, что бы ни поставлено на карту, помни, что ты можешь все. К слову, о препятствиях, которые, как ты говоришь, возникают на твоем пути... Да не существует их, как не существует абсолютной тьмы и абсолютной истины. Да, препятствия – это пугающие вещи, которые ты видишь, когда отрываешь взгляд от цели. Жизнь такая штука

ка – привыкай, Кошкарский, не ждать, а идти к своей цели и добиваться ее, несмотря ни на что! – будто цитировал какого-то мудреца я. – Ты этого хотел от меня услышать?! Но опустишь уже с небес на землю и послушай. Все мы чем-то жертвуем. Но ты ведь нормальный человек – сам прикинь. Не спорю, что приглашение на тренировку «Лисов» – это признание твоего таланта и перспективности. И наблюдают за многими, не только за тобой. В конечном счете в молодежку из «Металлурга-95» и «Магнитки-95» попадет костяк сильных и достойных игроков. А недалёковидное и глупое поведение может сыграть с тобой злую шутку, ибо трудиться и преодолевать проблемы тебе придется вместе с хоккеистами, которых ты оскорбил. И еще не факт, что тебе повезет больше остальных. С ними тебе придется доиграть и здесь. Ты лучше меня знаком с этой системой. Нельзя же кидаться на первое попавшееся. Почему ты так уверен, что ты пригодишься именно здесь? Почему ты так уверен, что магнитогорская молодежка – это предел твоих мечтаний? Всех ведь в одночасье может разнести по разным клубам. Почему же после такого тернистого пути, о котором ты здесь распинаешься, ты так не уверен в собственной способности побороться за что-то лучшее? Тренировки – это ведь еще не контракт. Как поматростят, так и бросят. Но пока что твоя команда не здесь, а через одну остановку на север. Сейчас ты нужнее там. Все вы рано или поздно найдете себе место во взрослом хоккее:

кто-то станет звездой, кто-то бросит, кто-то будет тихонечко играть и особо не отвечивать. Но то место, где вы все начинали, вы не забудете никогда. Это те самые медные трубы, Степка, – я поднялся с лавки. – И вообще: мальчишка делают мужчиной не только гормоны – взрослый хоккей требует не только одаренности, но и зрелости. Слишком ранний шанс многих сокрушил. Мы сделаем следующим образом... Я верну тебя в хоккейную школу, назад в команду, и ты будешь играть, как играл раньше... до конца соревнований. А вот потом можешь спокойно убежать хоть в МХЛ, хоть в КХЛ, ВХЛ, АХЛ... НХЛ, прости Господи!

– Легко тебе говорить. Я так позорно ушел, а сейчас ты велишь мне возвращаться. Я там со всеми пересрался. Чего они подумают, когда меня увидят – что я трус и слабак, – не без оснований предполагал он. – Я не пойду.

– Главное не в том, что подумают остальные: они ничего не решают. Главное – это то, какого ты мнения о самом себе. А ты играй лучше, чем остальные – все и заткнутся. Вы же команда, как ни крути – разберетесь! Но в дальнейшем ты лучше от нее не отрывайся – это чревато... Ты, конечно, нос задрал преждевременно – вскружили тебе голову эти «Лисы». На твоём месте мог оказаться, кто угодно, но первого выбрали тебя. Спорю, что на следующей неделе могут забрать пробовать Митяева или еще кого-нибудь, но первопроходцем будешь ты. А назад вернуться все. Вам еще полгода играть. Обязательства перед школой прежде всего

– даже когда она кончится и вы пойдете дальше. Надо ценить то, что у тебя есть. Это твоя синица в руках, Степан... Рано или поздно все придет.

– Вернуться самому и вернуть все, как было, очень трудно. Особенно после той каши, которую я заварил. Проще говоря, невозможно.

– Да хорош уже себя грузить! Да, сложно. Но вернуться придется. И это куда сложнее, чем пробежать марафон, – говорил я. – Делай что хочешь, решай – ответ я приму в таком виде: либо на хоккее у тебя крест, и ты не решаешься возвратиться в этот коллектив, – сурово отрезал я, – и, следовательно, ты нигде не нужен и никуда не попадаешь – лишние телодвижения по переводу сейчас нецелесообразны в принципе. Либо завтра ты как штык в четыре часа на тренировке и решаешь все свои неурядицы. И еще, Кошкарский: на этот раз будь объективен и благоразумен, ибо второго шанса все исправить не будет. Я лично добьюсь, чтобы его не было. Ночь тебе на подумать. И давай уже переодевайся!

Степан принялся за дело. Он поражен, что его таким вот позорным и жестким образом утащили с тренировки – такого он не ожидал даже от меня. Испытание еще серьезнее предстоит завтра на другой тренировке с командой, которую он поспешил оставить, забыв, что с молодежкой может и не выгореть. Парень надел носки на разные ноги, шиворот-навыворот напялил футболку и с незастегнутой курткой вышел в коридор. Я молча рассмотрел его и устре-

мился к выходу. Он пошел следом.

Как и ожидалось, за стенами Арены «Металлург» уже давно опустились сумерки, зажглись огни, затрепещал ноябрьский морозец. Но кромешная темнота еще не наступила; ближайшие окрестности постепенно тонули в белом снегу и темно-синем небе. Я шел впереди, провинившийся Степан брел за мной. Мы шли в Детский ледовый. Я тяжело дышал, вдыхая холодный воздух вечера. Кошкарскому было зябко и некомфортно, он шагал по тротуару и ничего не говорил, задумчиво понутив голову...»

Я благополучно заснул.

После отбоя все ранее употребленное подействовало на Никиту Зеленцова крайне специфическим образом. Пока все вокруг спали без задних ног, он, если и закрывал глаза, то попадал в подсвеченную красным светом проявочную комнату, в которой перед его взором на веревочках висели живые фото всех неоднозначных поступков, совершенных им за последнее время. Если же он открывал глаза, то возвращался в антураж места, которое только и делает, что напоминает об инциденте со Светой и ее хахалем. Никита не знал, куда ему деться от этих мыслей: противоречия раздирали на части. В каких-то моментах он вел себя смело и нагло на радость собственным низменным потребностям, но тут же обзывал себя гнидой за подобные поступки. Такого он боль-

ше допускать не желает – кривая дорожка должна смениться прямым и ровным шоссе к определенной цели без всяких необязательных ответвлений, свойственных слабакам. Хоккеист горел желанием покончить с прошлым и зажечь новой жизнью, поступать по совести, ибо все плохое словно оседало в нем и отравляло нутро, превращая приветливого и добродушного паренька в отъявленного мерзавца. И все решения Зеленцова говорили об этом открытым текстом. Совесть все же мучила, и он решился.

На тумбочке завибрировал мобильник: «Арина», – высветилось на дисплее. У Зеленцова из головы мигом стерлась способность говорить, в горле застрял ком, во рту пересохло, а язык будто окаменел. Никитос протянул руку к телефону и долго глядел на экран, остерегаясь касаться зеленой клавиши. Его удивляло, что он, такой дерзкий и решительный, сейчас больше всего боится услышать голос собственной девушки.

Взяв волю в кулак, он прикоснулся к нужной кнопке и поднес трубку к уху.

– Приветик, кудряш!

– Привет, – отрывисто ответил Никита, слово заточил ящик хурмы.

– Чего ты так тихо?

– Спим.

– Не рано? А-а, поняла, там этот ваш Песель Елизаров зверствует опять.

– Вроде того.

– Что-то ты долго не звонил.

– Были причины.

– Ясно все, деловой ты мой. А чего такой грустный?

Никита вдруг осознал, что эти расспросы жутко вымораживают, как и его нелепая кличка, да и тон девушки раздражает вместе с недостаточным количеством извилин при избытке макияжа. Собственно, зачем он с ней дружит? Из-за секса, наверное, и еще там несколько незначительных причин. Однако, переосмысливая прошедший день, Зеленцов понял, что ему претило притворство, особенно с его стороны, когда он терпел вычурно извилистый голос пассии и навязчивые вопросы ради неограниченного количества зажиманий ее груди и безудержных оральных ласк. Во всех его отношениях, оказывается, большой, чистой и искренней любовью и не пахло.

– Проиграли.

– М-м-м, – протянула Ариночка, раздумывая, чего же дельного сказать в поддержку. Она не нашла ничего лучше, чем спросить, а как дела в прочих (неспортивных) сферах.

– Бывало и лучше, – удрученно ответил Зеленцов.

До Арины, кажется, стало доходить:

– Никит, ты какой-то невеселый, – ему противно от каждого ее слова – понятно, что она не виновата в этом, хотя в полной мере пользуется всеми выгодами отношений с хоккеистом. – Что с тобой случилось?

– Ничего.

– Ты не заболел?

– Говорю же, нет.

– Дорогой, я же чувствую.

– Да что ты можешь чувствовать! – в сердцах выкрикнул он так, что спящий неподалеку Малкин аж подпрыгнул во сне.

– Что, прости? – будто не расслышала Арина. – С тобой все в порядке?

Никита, чувствуя, что вновь невольно обижает слабый пол, попытался дать заднюю:

– Не обращай внимания. Я... просто...

– Знаешь, – вдруг сказала девушка, – я заметила, что в последнее время ты заметно охолодел ко мне.

– Арина, просто я...

– У тебя другая? – решилась спросить в лоб она.

– Арина... Я... я изменил тебе, – Зеленцов отключился, не дождавшись реакции, отбросил телефон куда-то в сторону и ударил кулаком по душежке кровати.

Закрыв лицо ладонями, Зеленцов от злости чуть ли не кусал пальцы на руках. От постоянной дрожи те стали касаться спадавших на лицо золотистых волос. Никита принялся хвататься за них и оттягивать в сторону, будто пытаясь содрать с себя зловещую клоунскую маску. Внезапно он придумал первый шаг к преобразению: «Хватит с меня!» – парень соскочил с кровати и принялся действовать.

Спустя пять минут Никита стоял у кровати Толика Костицына. В руках он держал ножницы и бритву. Толян, узрев спросонья эту картину, ни на шутку струхнул:

– Зея, ты чего?!

– Ты, Толик, частенько мою прическу упоминал.

– Блин, Никитос, дружище, – трусливо заелозил на постели Костицын, приготавливаясь отбиваться в случае чего, – я же любя. Это же просто шутки. Ты только... без резких движений, братух!

– Да я спокоен, – пояснил Зеленцов, еще не отошедший от алкоголя.

Он пояснил Толику задачу. Фасе Костицына сделался задумчиво-серьезным:

– Ты уверен?

– На миллион процентов.

– Мне понадобится помощник, – заявил Толя.

Спящий без задних ног Антон Малкин молчаливо отказался участвовать, поэтому ассистента для Толика удалось обнаружить лишь в соседней комнате.

Вскоре Никита Зеленцов, укрытый по шею белоснежной простыней, сидел на табуретке у умывальника, глядя в зеркало на себя и ошарашенные, но боеспособные лица Костицына и Богатырева.

– Ты где их взял? – парни смотрели на ножницы и станок.

– Где взял, там уже их нет, – заявил Никита. – Приступайте.

– Зеля, а стоит ли это делать? – спросил Сергей. – У меня твои кудряшки в глазах двоются.

– Потому что их до фи́га много.

Анатолий хлебнул воды из крана, дабы взбодриться и сосредоточиться:

– Мы же тебя прирежем.

– Много трепитесь. Вы больше всех остальных слали меня к парикмахеру. Давайте, вперед!

Оглянувшись по сторонам, Серега Богатырев вздохнул, взял в охапку несколько локонов Зеленцова и отрезал их ножницами практически под корень.

– Будешь другим человеком, – поражался Толик, наблюдая, как Богатырев орудует ножницами над головой Никиты.

– И не только на словах, но и на деле. Вот увидишь. Брей!

Добравшись до первого этажа, шестерка беглецов обнаружила, что дед-вахтер в отключке, причина которой валяется рядом – осушенная бутылка винца. Сам по себе престарелый сторож надежности охране и не прибавлял, однако даже подшофе не забыл запереть входные двери, надежно припрятав ключи.

Все тут же посмотрели на Брадобреева:

– От этой двери у нее ключей не было, – пояснил он.

– Блять, все накрылось, – запричитал Артем Абдуллин.

– Есть варик обшарить деда, – предложил Чибриков.

– А если ты опоздал, тебе, что ли, до утра на морозе помирать? – задался вопросом Кошкарский.

– Не будем сдаваться раньше времени, – заявил Пашка и стал прицеливаться кулаком в дверь, желая одним ударом вынести стекло – парни еле его удержали.

Рассмотрев связку ключей, Арсений объявил:

– Если не через низ, то через верх.

Проникнуть на крышу общежития оказалось легче, чем покинуть здание через основные двери. По протоптанной в снегу тропинке ясно, что дорога пользуется большим спросом среди тех, кто не желает светиться на входе. Сюда с обеих сторон здания ведут две пожарные лестницы: с самой крыши до девятого этажа они отвесные, а ниже дополняются обыкновенными пролетами из прутьев со ступеньками, перилами и площадками, которые размещаются как раз напротив чьих-то окон, напоминая балконы.

Наверху гуляют все ветра и темно, словно на затерянном острове среди черной поверхности бескрайнего океана. Правда, то тут, то там в оконцах виднеются огоньки, а где-то во всю мощь сияют подсвеченные городские достопримечательности вроде бизнес-центра на Кировке, ЮУрГУ, железнодорожного вокзала и торгового центра «Синегорье».

Спуск на южную лестницу нашли практически на ощупь, пару раз чуть не перекинув ноги в бездну. Первый по отвесной лестнице стал спускаться Митяев и вскоре осознал, что холодное железо на морозе при соприкосновении с оголен-

ной кожей сродни жидкому азоту. Некоторое подобие перчаток было только у Абдуллина – следующие претенденты на спуск надевали их, а, оказавшись на первой площадке, пытались кинуть перчатки следующим. В итоге обе безвозвратно утеряны – их обладателю пришлось спускаться с голыми руками. Дальше же парни побежали вниз по скользким пролетам, устроив что-то вроде гонки, позабыв о конспирации и осторожности. Пытались даже бортовать и обгонять друг друга, пока Брадобреев чуть не сорвался вниз, а Кошкарский чуть не плюхнулся в чужую постель напрямик через окно. Знатно раззадорившись, хоккеисты играючи достигли твердой земли. Однако, чтобы вернуться тем же путем, нужно зацепиться за урезанную на уровне первого этажа лестницу и подтянуться: при наличии элементарной физической подготовки – раз плюнуть.

Парни решили напугать Данила Озерова, прыгающего на месте и растирающего ладони от холода, подойдя к нему сзади. Однако ржание и дружеские возгласы испортили внезапность момента.

– Чего, Дэнчик, кокушки замерзли?!

– Могли бы и поскорее шевелиться, – фыркнул Озеров, зажимая за пазухой бутылку «Джека».

– Возникли трудности с имбецилом в очках.

– Я вообще ждал вас с главного входа.

– С этим тоже возникли проблемы.

– Не многовато ли у вас сегодня проблем?

– Не кипишуй. Зато у тебя их не будет, – ответил Бречкин, наличие которого в компании пугало Данила, ибо он помнил, во что превращается подвыпивший Леха.

– Знаешь, Бреча, одно только твое участие уже говорит о...

– Чего ты базарнул?! – стал быковать Алексей.

– Тихо, тихо, – Лешку под руку взяли Артем со Степкой.

– Даня, – обратился к Озерову Митяев, – настоятельно тебе рекомендую не начинать вечер с мордобоя.

– Чего? – напугался Озеров.

– Бреча сегодня слегка расстроен.

– Кто же это посмел его расстроить? И жив ли этот человек?

– Длинная история. Расскажу как-нибудь потом.

– Да, потому что нам уже пора выдвигаться.

– И на чем же мы поедем? – поинтересовался Богдан Чибриков.

– Где твоя машина? – спросил Даню Брадобреев.

– Чувак, мне вообще-то только 17, – отметил абсурдность вопроса Озеров.

– А торгуешь алкоголем как совершеннолетний, – парировал Абдуллин. – А как же налоговая?!

– И как только папаша тебе еще не всыпал за твои делишки? – рассуждал Бречкин.

– Арсен вон с 15-ти лет на отцовской «Приоре» рассекает. И ничего! – отметил Кошкарский.

– Я думал, мы вызовем такси, – сказал Озеров.

– Не поместимся.

– Конечно, Чибриков же у нас жиртрест, е-мое!

– Иди ты в баню!

– Хорошая идея про баню, кстати, – оценил Бречкин.

– Такси – это не солидно. Надо что-нибудь покруче.

– Лимузин?

– Это очень заметно.

– А что, кто-то женится?!

– Нас в таком состоянии мало кто к себе посадит.

– Только самый упоротый таксист посадит. Я таких не знаю, – говорил Даня. – И вообще: не лучшая это идея ездить на машине в полупьяном состоянии в пятницу вечером... еще и по незнакомому городу.

– Тем более на воображаемой машине.

– Да мне Челик как родной.

– Какой же ты до тошноты законопослушный, Озеров! Алкоголь таким внутрь и не лезет, – продолжил наезжать на Даню Бречкин.

– Вот спасибо. Утешил так утешил, – обиделся Озеров.

– Не благодари, – махнул рукой Леха.

– Решайте уже скорее, чего мы делаем. Или я полезу обратно греться, – выдал Абдуллин.

– Меньше в Турции будешь зад свой греть, – и для голкипера у Бречкина нашлось красное словцо.

– Кто бы говорил, – сложил руки на груди Абдуллин.

Тут Чибриков подал первую сумасшедшую идею вечера:

– Я тут давно хотел попробовать кое-что...

– Лучше пылесосом себе член не увеличивать – бесполезно это, – пытался шутить Кошкарский.

– А ты пробовал?!

– Не то чтобы пробовал...

– Да я не о том! У меня есть идейка, где надыбать тачку, – произнес Чибриков и показал пальцем на близлежащий пустырь, на котором жители окрестных домов устроили стихийную стоянку.

– Ты рехнулся? – мигом поставил диагноз Озеров.

– А чего?! Мы же только покататься возьмем.

– Пацаны, вы-то хоть ему скажите.

– Что сказать? Это твое пойло на его мозг так действует, – отметил Митяев, считая, что Чибриков над всеми потешается и всерьез ничего не задумывает. – Если Богдаша что-то и сможет сделать, то почему бы и нет, – одобрил Арсений. – Даже если и не получится, то одна попытка чего только стоит. Бля, так и тянет шороху навести, не могу, – улыбнулся Митяев.

«Я немало выпил – теперь я пьян. А когда я пьян, я хочу творить всякие непотребства. Но одновременно я еще достаточно трезв, чтобы контролировать эти непотребства», – подобную сумятицу обычно твердил Арсен.

– Хватит прикалываться – это уже не смешно.

– Что тебе для этого понадобится? – обратился к Чибри-

кову Митяев, чтобы позлить Озерова.

– Сначала надо взглянуть на то, что там есть, – ответил Богдан.

– Действуй.

– Вы упоролись?! – почти визжал Даня.

– У Чибрикова есть яйца, а у тебя, Озеров, их нет, – заключил Павел. – Поэтому тебя никто и не уважает. Поэтому ты и ушел из хоккея...

– Но в тюрьгу я не хочу.

– Да какая тюрьга, ты чего? Лучше бы молчал, а то со-
участником пойдешь, – предупредил Чибриков.

– Как же так?!

– Даня, – вешал Арсений, – пора уже брать ответственность на себя, а не бутылки залпом пить. Мы приедем туда и начистим морду хмырю, который тебя обидел. И ничего тебе делать не придется. План – огонь, как по мне.

– Вы, блин, сумасшедшие.

– Ха-ха, это же просто детская игра!

– Со взрослыми последствиями, Арс!

– Мы еще ничего не сделали, Даня.

– И не надо.

– Ладно. Если у Богдана не получится, соглашаемся на такси.

– Ну чего, я на стоянку?! – у Богдана горели глаза и чесались руки.

– Иди, – распорядился Митяев. – Но... чтобы ты ручки

там не стал откусывать, возьми вон Степу с собой. А мы тут за Дэнчиком приглядим.

– Не нужно за мной приглядывать, – чутье Озерова махало красными флажками, предупреждая об опасности.

– Расслабься, веселье только начинается.

– Вы меня пугаете, – молвил Озеров.

– Ага, а я уже пальцев на ногах не чувствую, – дрожал Абдуллин.

– Бро, да ты как на воротах-то стоишь?! – не понимал Бречкин.

– Мы вообще-то тебя поддерживать идем, – напомнил Данилу Брадобреев.

– Что-то я уже боюсь такой поддержки.

– Оставь это! Пусть твои враги трепещут. Магнитогорск идет войной на челябинские клубы! Карамба! – раскинул руки Митяев, сгорая от нетерпения.

«Почему, когда я оказываюсь в компании хоккеистов, это обязательно хреново заканчивается?!» – думал Данил.

– У вас же завтра игра, – пытался подобрать вразумительные аргументы Даня. – Вам не будет плохо?

– Все слабаки наверху остались, – ответил Паша. – После таких безумных ночей столько воспоминаний – даже играет-ся лучше, развязнее.

– Ты за нас не переживай – мы завтра «Мечел» под ручки вынесем, – заверил Бречкин.

– Но ведь режим...

– Немного встряски для мозгов и смена обстановки только на пользу.

Озерову оставалось лишь покачать головой и всем сердцем желать, чтобы затея Чибрикова провалилась.

Тем временем на стоянке Богдан мелочиться не стал и приглядел нужный автомобиль.

– «BMW X5»?! – по буквам озвучил Кошкарский.

– Всегда мечтал, – облизнулся Чибриков.

– Чего ты пил, Чибриков?

– То же, что и ты.

– Мне вот в голову ударило. А тебе ее снесло... с корнем.

– Да я отвечаю за свои действия. Не дрейфь!

– По-моему, как раз наоборот.

– Хочешь, я тебе объясню?

– Попробуй.

Парни выглядывали на парковку из-за голых кустов, словно охотник-новичок и охотник-профессионал, выслеживающие дичь.

– Видишь, бумажки только висят, а номеров нет. Она новая.

– Так, и что?

– Спорю, что в ней штатная сигналка без наворотов, которая отключается в два счета.

– И что дальше?

– Степа! Собери ты уже в кучу свое желе вместо мозгов.

– Я сейчас тебе втащу.

– Ты только представь. Новая «Бэха». Только из салона. Без номеров. Стоит... тупо... на неохраняемой стоянке, – неторопливо разложил Чибриков. – Бери – не хочу. Это самый угоняемый автомобиль в России.

– И?!

– Ее хозяин – полный дебил.

– Но сигналка же есть?

– Есть. Если не получится, мы смоемся. А если сделать все четко и быстро...

– Что сделать?

– Смотри. Раз хозяин дебил, к тому же еще и жадный, то спору на косарь: внутри машины все еще лежат все документы и запасные ключи с чипом.

– Вероятность – один на миллион. Это как Акмальдинов будет играть в КХЛ.

– Выигрывают же миллионы долларов в лотерею.

– Так это ж за бугром.

– Все равно. Земля круглая.

– Ладно, отчаянный ты наш. Как ты собираешься ее открыть?

– Выкрутить личинку замка.

– А потом?

– Найти вторые ключи и завести тачку.

– Как у тебя все просто, – скептически реагировал Степка. – Отличный план! Надежный, блять, как швейцарские часы!

– «Большой Лебовски», да, брат?

– Больше походит на большой попадос.

– Не помню такого фильма.

– Придется разбудить Петю, чтобы он вытащил тебя из мусарни.

– Был бы тут Арс и остальные мужики, им бы тоже приглянулся «Бумер».

– Ты себя слышишь вообще?!

– Степа, когда ты стал такой тряпкой? Мы же только попробуем.

– Я бы охотнее согласился вскрыть «Жигули» стальной линейкой.

– Российский автопром мертв. Я хочу эту!

– Все! Если ты хочешь, теперь желаемое обязательно должно лечь к твоим ногам?! Не бывает так. Это же преступление.

– Ты сосался с Озеровым, признавайся?

– Да пошел ты!

– Не ссы, я в Инете видел миллион видео на эту тему.

Здесь делов-то на минуту – зато какая машина будет в нашем распоряжении.

– Но какой ценой?

– А я думал, Степан, у нас команда. «Один за всех и все за одного». «Трус не играет в хоккей». Теперь ясно, чего ты в тот раз с «Лисами» так резво жопой-то к нам повернулся! – решил надавить на больное Богдан. Получилось.

Степа тихо спросил, что же Чибрикову потребуется для угона.

– Всего ничего – отвертка. А лучше шуруповерт.

– И где ты их собрался брать? Ночь на дворе!

Чибриков, недолго думая, обвел рукой вокруг, показав Кошкарскому дома со светом в окнах:

– Твой дом – вот этот. Мой – тот.

«У Богдана есть идея. Но нужно подождать», – SMS с таким текстом получил Митяев, когда два хоккеиста отправились на поиски инструментов.

Спустя менее четверти часа Богдан и Степа встретились на стоянке.

– Это же Россия, чувак! Помощь ближнему у нас в крови. И никогда американцы не высосут из нас коллективизм с помощью всяких там анализов, прививок и прочей фигни. А ты откуда там, напомни? Из-под Киева, хлопчик?!

– На свое отчество в паспорте глянь, иммигрант, – огрызнулся Кошкарский.

Оба стояли с добычей.

– Рассказывай, где дрель взял? – спросил Степан.

– Шуруповерт это. Труды, что ли, не посещаешь?! Классно, что с аккумулятором, да? Еще вон саморезики, винтики разные подогнали... на первой же хате. Мужик хозяйственный там – сразу видно.

– Прямо взял и дал?

– Мужик – нет. А вот его жена – да.

– Дай уточнить, ты ее... это самое?

– Фу, как некультурно.

– Тогда что?

– Ничего. Просто сказал, что маленький брат закрылся в ванной и нужно высверлить ручку с замком. Вот женщина и надавила на мужа, мол, вдруг с ребенком что-то случится плохое и так далее. Изначально он сопротивлялся.

– Удачно ты поохотился. Еще и в первой квартире.

– Ну не в первой, а в нужной, – уточнил Богдан. – Я придумал про брата и стал искать, у кого в тамбуре всякие детские примочки валяются: коляски там, велики. В таких домах есть дети, и в моей ситуации мне не откажут. Проверено.

– Да ты прям Остап Бендер, когда нажрешься.

– Сам себя боюсь. А у тебя какая история?

– У меня типа кошка в вентиляции застряла – решетку открутить надо.

Богдан улыбнулся.

– И перчатки, смотрю, дали. Чтобы не куснула с испуга?

– Ага. А на самом деле, чтобы пальчики на тачке не оставить.

– Ты же не хотел в этом участвовать?

– Я и не стану. Дело за тобой.

– Ну и пожалуйста!

Богдан и Степа, словно диверсанты, на полусогнутых подобрались к «BMW». Чибриков тщательно осмотрел ручку водительской двери, в которую вставлялся ключ – туда же

смотрел и Степан.

– Удод, лучше по сторонам смотри, чтобы не было никого, – сделал замечание Чибриков. Кошкарский принялся опасливо выглядывать из строя близко стоящих машин то влево, то вправо.

Богдан стал вслух припоминать нужный порядок действий из видео:

– Так. Нужно в обратную сторону выкрутить болт, на который крепится личинка замка. Вытащить всю конструкцию. Отвернуть затвор отверткой. И внутрь. На словах все просто, – он вздохнул, насадил на шуруповерт нужное сверло и принялся за дело.

Только он хотел нажать на пуск, как заметил, что Степа вновь уставился на него.

– Степа, я же сказал тебе быть на шухере.

– А почему ты целишься не в само отверстие?

– Потому что болт, который держит весь замок, чуть в стороне. Поэтому нужно длинное сверло, чтобы его открутить. Оно и зарешает.

– А мне кажется, что в этом деле умение важнее, чем размер.

– Ты о чем?

– А ты о чем? – горе-угонщики переглянулись.

На улице достаточно морозно, а с Чибрикова льется пот.

– Надо же, я так сосредоточен, что протрезвел.

– Не ты один. Я вообще как стекло, – согласился Степа.

– Ха-ха, на белку похоже!

– Сверли уже.

– Тогда захлопнись. Мне нужна тишина.

Надавив на инструмент, Богдан принялся сверлить. Сверло стремительно погружалось внутрь ручки и, кажется, угодило точно в цель. Вскоре механизм замка зашатался и покорно вылез вместе со внутренностями. Передав замок и шуруповерт Степе, Чибриков погрузил в дырку отвертку, нашел нужный паз и, приложив усилие, отогнул его в сторону.

Потянув за ручку, Богдан спокойно открыл дверь. В этот момент базовая сигнализация тихо и лениво заулюлюкала. Оранжевые огни заморгали.

До таких размеров глаза Кошкарского прежде еще не раскрывались.

– Валим, валим, – защебетал он, оглядываясь по сторонам.

– Замолкни. Я почти у цели.

– Богдан, пожалуйста, пошли.

– Отлезь! – Чибрикова уже не остановить. Он настолько уверовал в собственную теорию, что готов идти до конца, даже если там его поджидает оглушительное фиаско. Паренек мигом запрыгнул в салон и, понимая, что сейчас они легко могут привлечь нежелательное внимание, стал истошно обследовать кожаный салон. – Где же вы, родные? Где же? – приговаривал он.

За бортом сердце Кошкарского готовилось отправиться

покорять Юпитер. Собравшись с силами, Степан попытался вытянуть Чибрикова из салона за капюшон. Но тот, будучи на полторы головы ниже своего визави, дал ему достаточно жесткий отпор, ударив форварда ногой в живот. Кошкарский плюхнулся на припорошенную снегом щебенку.

– Ах ты... Ну сейчас тебе образумят, Мамай! – пригрозил он и понесся за пацанами.

– Ты куда, баклан?! Сейчас все влипнем!

Вернувшись к поискам, Богдан кинулся к бардачку. И почему он не влез в него сразу? Внутри он наткнулся на заветную папочку: документы на машину, страховка и запасные ключи. Чик-чирик на седьмом небе от счастья:

– Попались, мои хорошие!

Медлить нельзя. Он вытряхнул ключ из папки, всунул его в отверстие справа от руля и взглянул на кнопку «START/STOP»:

– Давай же, моя прелесть.

Зажмурив глаза, паренек коснулся кнопки.

«Бумер» завелся, сигналка замолкла. Мерное рычание движка стало эффективным релаксантом для Богдана, которого напрочь пристегнул к рулю адреналиновый скачок. Он рассмеялся от неожиданного успеха и принялся гладить руль, любоваться салоном, даже настраивать под себя кресло и зеркала.

– Теперь я понимаю, что чувствуют угонщики, когда на раз-два вскрывают такие аппараты. Ха-ха, Николас Кейдж

сосет! – Чибриков глянул на документы. – И сегодняшняя наша жертва... та-а-а-к... Игорь Лопушанский. Лопух ты, Игорь!

Не успел Степа добежать до хоккеистов, как Богдан уже мчал к ним на баварском железном коне.

– Пацаны, там... – задыхался Степа.

– Чего? Папа Римский срет в кустах?!

Рев «Бэхи» не дал Степану закончить фразу. Чибриков с величавым видом посигналил друзьям. Блестящее авто довело хоккеюг до экстаза. Озеров невольно вскинул руки к небу, не понимая, почему его пожелание не было услышано.

– Добро пожаловать на борт! – объявил Богдан.

Все стали разглядывать машину и восторгаться ей. Вопросов не последовало... почти:

– Э-э-э, стоп! – запротестовал Даня. – Чья это машина?!

За чей счет этот банкет?! – парень сразу предположил, что тачка арендована – почему же тогда без номеров?

Кошкарский хотел рассказать правду, но его грубо прервали:

– Только раскрой свой рот, Степа! Я тебе язык в жопу засуну, – внезапно осмелел Чибриков, понимая, что именно он является героем вечера. Озерову Богдан ответил. – Она наша, Дэнчик. На эту ночь.

– Красава, Богдан!

– Чик-чирик, – невзначай поинтересовался Митяев, – где ты умудрился поблизости аренду тачек раскопать? И сколько

мы тебе должны?

– Нисколько, – летал в облаках Богдан.

– Вы кого-то грабанили, что ли? – предположил Артем, подслушав диалог.

– Блин, парень, – обнял Богдана Брадобреев, – тебе надо почаще нажираться.

– Какая разница, откуда она – поехали уже, – требовал Бречкин.

Чибриков без устали подавал Кошкарскому сигналы держать язык за зубами. Высоченный Степан, казалось, заинтригован сыграть в молчанку, дабы не разрушать идиллию. Но это ведь так опасно. За него будто говорил сам Озеров:

– Остановитесь! – он ни в какую не хотел садиться в машину к полупьяным сверстникам. Те с большим интересом лезли в тачку и толкались, пытаясь отвоевать себе местечко получше.

– Огонь! Новье! – восклицали все.

– Я вам говорю! – отсвечивал с земли Даня. Даже Степа наплевал на условности – лишь бы подальше умотать с места преступления.

– Может, ну его? – косо поглядывая на Озерова, шепнул Митяеву Леха.

– Сейчас разберемся, – ответил Арсен, спрыгнул с подножки переднего пассажирского сиденья и с важным видом побрел навстречу Данилу.

– Я не сяду туда.

– Дань, кто не рискует, тот...

– Я не пью.

– Но ты стараешься. Бля, ты живое доказательство того, что трезвенники никогда не почувствуют настоящий вкус этой жизни. Из-за этого они чаще остальных лезут в петлю.

– И это мне говорит спортсмен?!

– А я говорю с барыгой, от которого слышать такое втройне странно. К тому же я не в запое и контролирую себя.

– Сеня, это же как забыть вовремя вытащить. Одно неловкое движение, и ты отец. А здесь...

– Чего ты тогда свое бухло притащил, коммерсант?! – наседавал Митяев. – Хотел нам его загнать? Своей команде? За бабки? А потом стремно стало? Вот... Вот, что ты сеешь в людях – смотри, жуй с маслом. Знай свой рынок. Заварил кашу – учись разгребать последствия. В себе только разберись сначала. Прими уже решение – глядишь, половину твоих псевдопроблем как рукой снимет.

– Со мной все в порядке. Помощь нужна вам. Вы перешли всякие границы.

– Нет, наоборот. Ты же у нас так крут. Толкать алкашку всем подряд и дистанцироваться от клиентов – нехорошо это. Бояться коллектива – сдохнуть в одиночестве. Ничего, мы сделаем из тебя мужика, – говорил Арсений. – Я, может, и не бизнесмен, но, видимо, шарю больше тебя. Мы поступим так: или ты сейчас тащишь свою тощую задницу в машину, или мы едем на встречу с тем кентом без тебя и во

всеуслышание заявляем, что ты струсил и не придешь, поэтому все в этом городе могут считать тебя сыклом.

– Ты не посмеешь.

– Тогда будь мужиком и прыгай в тачку. Или ты сыкло?! – они сошлись нос к носу как бойцы UFC на взвешивании.

Даня понял, что спор перестал быть его личным мероприятием. Теперь это достояние общественности. Так что в случае проигрыша он обделается не только перед Челиком, но и перед Магниткой. И тут, и там только и делают, что на «слабо» берут. И вообще: все это низко, и он идет туда не из-за понтов...

Через минуту «BMW» мчал в центр Челябинска, а Озеров выглядывал в салон к остальным прямоком из багажника.

– Что ты ему такое сказал, что он согласился ехать? – спросил у Арсения Богдан.

Ответ был придуман молниеносно:

– Пригрозил, что расскажу всем о том, что произошло с ним в 2008 году за школой.

– А что было в 2008-м за школой?

– В душе не ебу, – улыбнулся Митяев, раскинувшись на кресле.

– Классная тачка, – восторгался Брэдобреев. – Вот заиграю в КХЛ, подниму бабла и такую же себе возьму.

– Говорят, большие автомобили берут те, у кого конец маленький, – отметил Артем Абдуллин. Пашка попытался набить тому рыло за намеки, но не смог дотянуться до вратаря

через весь салон и прочих в нем сидящих.

Закинувшись очередной порцией снюса и отряхнув руки, Арсен обратил внимание на лежащую на коврике отвертку.

– Что это она тут валяется? – поднял ее Арс.

– Ой, дай-ка ее мне, пожалуйста, – попросил Степан.

– Тебе-то она на кой хуй? – вертел инструмент в руках Митяев.

– Отдай ее, Арс, – вступился Чибриков.

– А тебе-то чего с этого? На дорогу смотри, маршрутчик!

– Отдай! – ни с того ни с сего Богдан кинулся выхватывать у Митяева отвертку, оставив руль.

«Бэха» на скользкой дороге мигом вылетела из колеи, подпрыгнула на снежном буераке и развернулась на 90 градусов, перегородив дорогу. Благо рядом не было машин.

– Чибриков, ты совсем ошпаренный?! – ругнулся Бречкин.

– Аж голова закружилась, – пожаловался Абдуллин.

Митяев с отверткой в руках громко спросил:

– Что за хрень сейчас была?! – в ответ тишина. – Вы в уши, что ли, долбитесь?! – снова тишина. – Ладно, паркуйся, гоблин. Я поведу.

– А почему ты? – спросил Павлик.

– Потому что у меня в руках холодное оружие. А Богдан у нас наказан. Пересаживаемся.

С недовольной физиономией Чибриков выплыл из-за руля и пересел на пассажирское сиденье. А Митяев сначала

несколько задержался у капота, обратив наконец внимание на отсутствие номера, а затем и у водительской двери со вскрытым замком, постепенно оценивая масштаб навалившегося бедствия. Наконец он сел за руль, но с места тачка не тронулась.

– Как ты тут сидел, черт?! – Арсений отодвинул кресло и прижал Абдуллину его длинные ноги.

– Бля, внимательнее там.

– Во дела, при Богдане машина хотя бы ехала, – сделал замечание Брадобреев.

– Мы не поедem, пока не проясним один момент, – уточнил Арсений. – Вы куда дели замок?

– Я не понимаю, о чем ты, – отнекивался Чибриков.

– Мы тоже, – слышались возгласы сзади.

Митяев продолжил задавать неудобные вопросы:

– Откуда машина? Где вы ее взяли?

– Так, в чем прикол? – насторожился в багажнике Данил.

– Богдан!

– Ну-у, как сказать... – мялся Чибриков, опустив глаза.

– Говори как есть, – требовал Арсений. – Угнали?

– Но ты же разрешил.

– Я думал, вы залупаетесь!

Позади заиграла волнующая симфония трехэтажных матов.

– Недоценили мы тебя, Богдан. Ой как недоценили, – молвил Паша.

– Да он издевается над нами! Не слушайте пиздабола, – махнул рукой Бречкин.

– Леха, на замок глянь! Там вместо него дыра, как у проститутки после воинской части.

– Выпустите меня! – как муха бился об стекла и потолок Озеров.

– Не угнали, а взяли на время, – Чибриков продолжил себя топить.

– Очнись! – разозлился Митяев. – Это не кино тебе. В жизни такая отмазка не катит!

– Мы пропали, – схватился за голову Абдуллин.

– И весело, и страшно, – с дрожью в голосе сказал Паша. Ему внезапно вспомнились слова старухи-коменданта о непоправимом поступке.

– Я же сказал тебе следить за ним, Степа. И чтоб без глупостей, – наехал на Кошкарского Арсений.

– Не совершал я глупостей.

– Ага, как же, – усмехнулся Чибриков.

– Кто за то, чтобы пойти пешком?!

– Так, никто никуда не идет, – заявил Митяев.

– А ты нас останови, – рыпнулся Бречкин.

– Будем ждать автозака? – спросил Кошкарский.

– Может, вернуть на место? – предложил Абдуллин.

– Исключено, – отрезал Арсений. – Там могут спохватиться.

– Тогда что?

– Точно не выходить из нее посреди города, – Митяев стал думать. – Богдан, тут нет приبلуды, которая шлет на телефон владельцу сообщения, что двери машины открыты?

– Вроде нет.

– А когда вскрывал, так уверен был. А сейчас «вроде», – наезжал на него Арсений.

– Давайте решать проблему, – предложил Озеров.

– Ладно. Сейчас без паники и резких движений доедем до клуба. Вернее, не доедем до него пару кварталов. Оставим машину где-нибудь в тихом месте без камер. А назад, так уж и быть, на такси.

– Кто-то еще хочет в клуб?

– Да. Еще больше, чем прежде.

– Но точно не в объятия к мамочке, – добавил Бречкин.

– Так, я пристегнусь. Сидим тихо. Нам нельзя отсвечивать. Озеров скажет, как до клуба доехать так, чтобы не по центральным улицам, о'кей?

– Верно. Иначе нас на такой машине в два счета заметут, – озвучил Степан. – Бля, мы еще ж без номеров.

– Спасибо, что напомнил.

– А мы постараемся не думать об этом, – пристегнулся Митяев, взявшись за баранку.

– Хотели острых ощущений – получите, распишитесь, – пристегнулся Чибриков.

– Ничего. Отдохнем в клубе и забудем об этом недоразумении. И, пожалуйста, без фокусов, парни. Проблеваться

тоже желательно там, чтобы салон не испортить, – произнес Арсений Митяев, переключил рычаг коробки в положение «D» и плавно нажал на газ.

В комнате Бречкина, Смурина, Богатырева и Глыбы все чинно спали, укрывшись несколькими слоями одеял. Все нашли удобные для сна позы, ибо ворочаться чревато скрипом и скрежетом кроватей, а высунутая наружу нога к утру могла покрыться инеем.

В самый тихий и темный час в номер кто-то просочился. Черный силуэт замер у дверей, сжимая в руке нечто острое, на секунду сверкнувшее металлическим блеском. Черный человек, прижимая к груди одну из рук, надменно оглядел спящих. Его взгляд остановился на койке справа от окна, где почивал и видел сны ныне безоружный, беспомощный и ничего не подозревающий Алексей Бречкин – хоккеист, издавна напоминающий медведя в человеческом облики. Но даже такой грозный и сильный зверь уязвим во сне.

Человек предвкушал свою месть, наслаждался тем, что мог визуализировать ее во всех красках, а потом проделать вживую. Тогда никто не сможет назвать его слабаком, трусом и аутсайдером. Все боятся Бречкина: он их раздражает, но ни у кого не хватает духу к нему подступить, дать ему отпор. А человек, униженный и оскорбленный, усмирит этого зверя... навсегда. Стоит шагнуть вперед и дать волю рукам.

Подумаешь и остановишься – клеймо труса повиснет на тебе до конца жизни. Рука не должна дрожать, когда вершит суд и справедливое возмездие. У черного человека она не дрожала. Солидные габариты соперника не смущают таинственного гостя: они ничтожны перед желанием поквитаться. Человек готов наделать дырок в любом, кто посмеет воспротивиться. Ярость подпитывает его – сила и рвение переливаются через край.

Силуэт двинулся к постели Бречкина и занес над собой припасенное оружие. Всем весом человек навалился на лежащего противника, блокировал его и принялся дырявить ножом крахмаленный пододеяльник. Нож, кажется, мог с легкостью разрезать и лист металла. Одеяло и простыня окрасились в бурый цвет, словно после выстрелов. Спящий захрипел и закашлялся от поступающей изнутри вперемешку со слюной и желчью крови. Леша пытался брыкаться, но Антон давил гипсом на его шею, вынимая и снова вгоняя нож в тело соперника, чувствуя железный привкус крови и понимая, что сам готов откинуть коньки от перевозбуждения. Парень будто вершил величайшее благо, лишая кого-то воздуха, крови и впоследствии жизни.

«Моли! Моли, проси меня о пощаде, сука! – рычал Филиппов. У Бречкина изо рта вырвалось нечленораздельное бульканье. Его голова была утоплена в бордовую от крови подушку. – Ну, чего?! Кто здесь теперь сильнее всех, а?! Не ожидал такого поворота, мразь?! На еще, получи!» – Филип-

пов упивался собственной силой и величием.

Изрешетив Алексея, Антон не унимался. Позабыв о травмированной руке, он со стеклянными глазами и дьявольским оскалом дернул за ручки оконные ставни – от безграничной силы все защелки слетели, окна распахнулись, по стеклам поплыли трещины, а от ледяного ветра зашелестели занавески. Но прохлада несколько не остудила сошедшего с ума мстителя. Антон толком и не понял, как смог одной рукой поднять Бречкина с кровати и усадить его на подоконник, забитый древней паутиной и тельцами покойных жирных мух. Опухший и окровавленный тафгай напоследок получил пару мощных хуков по челюсти так, что его лицо стало напоминать перекошенную мордочку мопса, который уделался в свекольном салате. В это кровавое месиво и рассмеялся Филиппов так, что чуть не сорвал голос.

«И что ты сейчас сделаешь, а-а?! Давай дерись, тряпка!» – глумился Антон и толкнул Алексея в окно. Тот, кувыркнувшись в воздухе, с растопыренными руками и ногами впечатался в сугроб.

Филиппов невозмутимо стоял у окна, глядя на хладный труп самого сильного и борзого игрока команды. Позади убийца никто даже не шевельнулся. И что же это за команда? Одни трусы, эгоисты и лицемеры! Но даже они, по убеждению Антона, солидарны с его «героическим» поступком: «Он заслужил, парни! Да-да, лежите, не смотрите. Продолжайте ничего не делать, ничего не хотеть, а тупо бояться. Ну

и кто теперь ваш хозяин?! Кто теперь ваш бог?!»

В порыве самонадеянности и мнимого величия Филиппов внезапно почувствовал движение за спиной. Не успел он обернуться, как две сильные руки толкнули его в спину и отправили в полет вслед за Бречкиным...

Филиппов проснулся.

Когда он умудрился заснуть?! Ведь в последние несколько часов он без устали думал: ничего кроме подлой мести не приходило на ум, отсутствовали даже малейшие мыслишки побыть всепрощающим идиотом. Ох, этот сон – он будто перемешался с реальностью. В нем так ярко и детально все показано, что реализация фантазий не заставила себя ждать.

С приходом Данила Антон старался заглушить обиду и грусть алкоголем: пил он за троих с беспристрастным и каменным лицом. Вся ситуация бесила его тем, что пострадавшим и неотомщенным оказался именно он – как же тут веселиться и вообще продолжать спокойно жить: один только перелом как минимум на месяц выбил его из строя в столь ответственный год. От этого возмущенный парень не мог заснуть, когда всех вокруг сморил алкоголь. Бездействие казалось ему лежанием на иголках – он чувствовал каждую, чувствовал ее силу, глубину проникновения, чувствовал постоянно. И боль только нарастала. Что он там обещал пацанам в столовке? Так к черту страх, к черту стеснение, неуверенность и все последствия туда же! Сколько ж можно его унижать?! При этом обидчики Тохи постоянно выходят по-

бедителями из любого замеса – их нужно наказать, заставить врасплох. Пора и ему выходить в лидеры и не быть разменной монетой в играх всяких там Бречкиных и Митяевых. Последний так вообще повел кучку «избранных» отдыхать втихаря от остальных «людей второго сорта»: видел Филиппов, как из их номера выпорхнул Чибриков. Богдан даже не заметил, как Тоха спалил его.

Назойливую идею нельзя унять сном или крепким напитком – только делом.

Изошренные и жестокие варианты мести Бречкину сменялись в голове с ошеломительной скоростью. Вскоре все предохранители в травмированном защитнике сгорели окончательно, жилки на лбу вздулись, мышцы напряглись, по гипсу чуть ли трещины не пошли. Антон готов мстить одной рукой, ногами, зубами, лбом – честь свою он отстоит и пустит крови бесчестным и наглым лицемерам, которые вечно вытирали об него ноги, заставит их ощутить, каково быть в его шкуре. Осталось только размахнуться и опустить...

Короткие волосы. Массивный затылок. Широкие плечи. Это он, Леша Бречкин. Филиппов не отдавал себе отчета... Он стоял у кровати своего врага и занес над его головой не что иное, как лезвие собственного конька.

Как только мозг решил отдать мышцам приказ опустить импровизированный нож на шею лежащего, будто стрелу гильотины, пелену бреда внезапно прорезал резкий желтый свет из коридора, ослепивший Филиппова. Через мгновение

его руку схватили и больно отдернули назад. Лезвие вывалилось из рук. Спящий пробудился.

Антон попытался выместить ярость от сорванного нападения на того, кто ему помешал – Диму Короткова, который, выйдя посреди ночи в сортир, узрел идущего по коридору Филиппова. Тот, словно в трансе, брел в их комнату. Позабыв о нужде, Коротков кинулся за ним. Оказавшись у дверей, Дима опешил от увиденного, но вовремя опомнился и предотвратил-таки нападение, отчего удостоился града ударов от однорукого неадекватата Филиппова – словно лунатика, одержимого бесами. Коротков, припомнив дневной анонс этой атаки, принялся грамотно обороняться.

Возня меж кроватями разбудила и Никиту Глыбу, который подумал, что ему все снится: в частности и эпизод, когда Дмитрий с разбегу подхватил за пояс неуправляемого Филиппова, припечатал его в угол, мигом схлопотал в глаз и в ответ больно заломил Тохе оставшуюся руку, что поставило психа на колени.

– Никитос! Ремни! Ремни тащи! Вяжем его! Помешался, – кричал Коротков. Глыба спросонья засуетился и принялся сдергивать ремни со всех штанов, висящих на кроватях и брошенных на стулья. – Лямки! От сумок и баулов тоже! Живее! А-а-а!!! – взвыл Дима – Антон впился зубами в его голенище, отчего Коротков на секунду ослабил хватку.

Филиппов вырвался, но, увидев на Лешиной кровати Зеленцова (да еще и со стрижкой под ноль), замер с вытаращен-

ными глазами, не понимая, что же случилось. Затишьем воспользовался другой обитатель палаты. Словно белка-летяга, на Филиппова напрыгнул мелкий и бойкий Серега Смури́н, закрыв агрессору рот и глаза. Одновременно Антона зажали в тиски укушенный Коротков и полусонный Глыба. Зеленцов с удивлением наблюдал за представлением. Филиппов бился в иступлении. Коротков командовал:

– Зе́ля, дверь закрой. А то всех сейчас перебудим. Никита, ремни на него накидывай. Резче! Крепче затягивай. Мы держим его. Быстрее только.

Глыба стал затягивать ремни, чтобы окончательно обездвигить Филиппова, и начал с ног – Смури́н и Коротков сдерживали сумасшедшие потуги Антона. Вдобавок он изрыгал из себя то плевки, то проклятия, то неразборчивый вой, не осознавая, что чуть не прирезал Зеленцова вместо Бречкина.

И снова у Антона провал. Ну и кто здесь бездарность после этого? А как же он себя вознес – от таких перепадов и с катушек слететь можно.

– Отпустите меня, твари! Я его найду, слышите? Найду! Он заслужил! Они все заслужили! Я... я это сделаю! Я ждал, планировал! Я должен! Должен это сделать! Должен видеть, как эта свинья подохнет! Он унизил меня – унизит и вас. А вы меня вяжете! Хуесосы! Вредители! – кричал Филиппов. – Вы все пресмыкаетесь перед ними! А они над вами ржут...

– Заткнись, демон! Всю общагу перебудишь! – Смури́н

дотянулся до тумбочки, схватил свои носки, связанные узлом, чтобы не смешались с другими похожими, и сунул их Филиппову прямо в пасть в качестве кляпа. – Жри, бес!

– Смотри только, чтоб пальцы не откусил.

Теперь шизанутый Тоха стал что-то мычать и вертеть головой. Никита сработал оперативно – три ремня крепко стянули Филиппова по рукам и ногам.

– Чего с ним?! – спросил наконец удивленный Смурин. – Я думал, Леха будет ночью бузить, а никак не это чудо в перьях.

– Перепил, – ответил Коротков, не став выдавать всю подноготную.

– Впервые такое.

Зеленцов поднялся с постели, подошел к Антону, которого обступили со всех сторон, и вынул кляп из его рта:

– Какого хера ты меня резать хотел, червь?!

– Леха где?! Его хотел. Не тебя.

– Ясно. Проспись, мудила!

– А ты, реально, чего на его постели-то? – спросил Глыба. – И что с твоими...

– Нет их и не будет, – заявил Зеленцов. – А комнату перепутал. Каюсь. Свободная же постель. Вот и подумал, что моя.

– Ха-ха, – принялся стелить Филиппов. – Видите, видите, опять обставили нас, унизили. Обещали вечеринку и смылись... лидеры-то наши! А мы тут остались, потому что сла-

бье, недостойные...

– Вот ведь его штырит, а?! – оценил Смурич.

– ...Дрались они в холле. Ха-ха-ха, как же! Все это показуха была. Митяев взял Бречкина с собой бухать. Но они еще увидят. Еще узнают. Я не успокоюсь! Вот сейчас как заору, все проснутся и... порешат их за побег, – только он набрал полную грудь воздуха, как кляп вернулся на место.

Смурич с Коротковым положили Филиппова на свободное место, а Глыба обвязал лямки баулов вокруг кровати, хорошенько приковав к ней Антона, словно тот в психушке.

– Отдыхай, дятел.

– Парни, лезвия-то тупые совсем, – проверил Зеленцов.

– При любом раскладе тебе бы мало не показалось, – ответил Коротков, ожидая благодарности от преобразившегося до неузнаваемости Зеленцова.

– Ты прям Флэш.

– Тренируюсь.

– А чего с ним? Белка, что ли? Или таблеток где-то достал?

– Все гораздо проще, – ответил Глыба. – Черная полоса в жизни.

Филиппов не переставал дергаться, проверяя ремни на прочность, но вскоре выдохся: «Если черная полоса – это расплата за счастливые дни, – думал он, – то где же я столько счастья получить успел?»

– Прямо чернее черного, епть.

– Короче, парни, мы с Глыбой ляжем здесь его караулить. Зея, пройди к себе. Сергей, найди свободное место.

– Если что случится, стучите, – сказал Зеленцов напоследок.

– Чего стряслось? – только сейчас пробудился Богатырев.

– Ничего. Спи дальше.

– Как знаете, – вернулся ко сну Богатырев.

– Знатно его переклинило, – сказал Короткову Никита.

– У меня только и звенят в ушах его слова со столовки, – признался Дима. – Он меня еще и куснул, дьявол.

– Надеюсь, он не бешеный, – хохотнул Никитос.

– Как знать.

– Он не задохнется?

– Нет, дышит.

– Выпил лишнего. И понеслось. К утру вся дурь выйдет и ему стыдно станет. Либо вообще ничего не вспомнит. А вот за укус я бы ему вторую руку сломал.

– Получается, нас всех усыпили аперитивом, а сами смотрелись? – поставил вопрос ребром Глыба с обидой в голосе.

– Получается, что так.

– Хе-хе, реально несправедливо. А Филя-то прав. Я, может, тоже хочу зажечь в каком-нибудь клубе.

– Может, этот придурок все нафантазировал?

– Пошли проверим.

Пройдя в номер Митяева, Кошкарского, Брдобреева и Абдуллина, ночные визитеры обнаружили, что все постели

заняты. Однако при ближайшем рассмотрении...

– Ты только посмотри, а! – удивленно заглядывал под одеяла Никита. – Не отличить.

– Я еще думал, чего они баулы наверх затащили, а не в автобусе оставили.

– Это разводняк, однозначно.

Коротков заключил:

– Даже если побег вскрыется, за пьянку всем попадет. Поэтому будет лучше, если никто ни о каких инцидентах не узнает. А в следующий раз мы повеселимся. Скажем, что тогда в Челябинске никого не сдали, а стукача нейтрализовали.

– И даже Елизарова не разбудили, – добавил Глыба.

– О, за это вообще нужно отдельную премию давать, – зевнул Коротков. – Пора харю топить. Надоело уже суетиться.

– Согласен. Надеюсь, никто больше не полезет убивать или калечить.

– Если только та девушка не собирается кастрировать Зеленцова маникюрными ножничками.

– Вряд ли.

– Всякое может быть. Они ведь такие непредсказуемые. А для Филиппова сон – единственный шанс позабыть все, что произошло. Благо, что этот позор видели только мы четверо. Вообрази, если б этот цирк случился у всех на виду. Он бы одними ремнями и носками не отделался.

История четырнадцатая. «Хамелеон»

– Угораздило же вас так вляпаться, придурки! – раздраженно вещал Арсений Митяев, покидая припаркованный «BMW».

– Ага, а за рулем-то успел посидеть, – обиженноотреагировал Брадобреев.

– Меньше умничай, Павлик!

Тем временем Чибриков и Кошкарский направились к пункту назначения резвее остальных.

– Куда это ты лыжи наострил?! – злобно кинул Митяев в сторону Богдана. – Соизволь-ка засунуть замок на место.

Беззвучно припомнив самые лаконичные маты, Чибриков развернулся.

– Что должно произойти, чтобы до тебя уже дошло?! – замахнулся на товарища Арсений.

– Я не могу за него ручаться, – начал Абдуллин, – но мне кажется, что рукоблуд не сможет себя долго контролировать, поэтому предлагаю надеть на него наручники.

– И где ты их возьмешь? – спросил Бречкин.

– В секс-шопе можно, – подал идею Брадобреев.

– Бессмысленно это. Там продаются наручники, которые не предусматривают ключей, – поведал Алексей. Все удивленно взглянули на знатока.

– Лучше по сторонам зырьте, умники, – потребовал недо-

вольный Чибриков – с болью в сердце он вернул скрупулезно выкрученную личинку замка на место.

– Ключи тоже, – напомнил Митяев. – Туда же.

– Капец, вот мы наследили, – теперь за голову вместо Артема схватился Озеров.

– Не переживай. Со скоростью местных мусоров они разыщут тачку как раз к началу весны.

Бросив прощальный взгляд на «Бумер», хоккеисты спешно двинулись по темным челябинским дворикам к нужному заведению.

Спустя время Чибриков прервал молчание:

– Дэн, в пизду твой спор – дай вискарика хряпнуть, – Богдану нужно было срочно устранить подавленное состояние, в коем он пребывал.

– Нам тоже, – присоединились остальные.

– Ни в коем случае! Ничего у меня не отменяется.

– Ясно. Обиделся.

– Просто я не одобряю подобных выкрутасов.

– Челябинск тебя подрасслабил, братан, определенно, – констатировал Арсен. – Расскажи лучше, куда мы путь держим.

– Через пару кварталов есть клуб. «Хамелеон» называется. Туда нам и надо.

– Что за название такое?

– Оно-то как раз в полной мере соответствует тому, что творится внутри.

– Мы точно не на выставку рептилий идем? – усомнился Кошкарский. – А то я как-то фоткался в детстве с питоном – мерзкое существо.

– Чего там только не замаскировано, – продолжил Данил. – Все челябинские воротилы выкачивают бабло тоннами из каждого сантиметра этих стен. Все, что пожелает любая заблудшая душа с деньгами в кармане и ветром в башке. Там и спорт-бар, и ночной клуб, и стриптиз, и бордель. Говорят, есть даже подпольный швейный цех с вьетнамками и нелегальное казино. Насчет последних двух не знаю: не видел.

– А бордель, значит, видел? – подловил Озерова Пашка.

– Там долгая история, – покраснел Даня.

– Да не переживай ты так, – приобнял его Брэдобреев. – Нечего стесняться. Все свои. Надо ведь взрослеть уже.

– Вот ведь как, – удивился Чибриков. – Это ж каким нужно быть великим организатором, чтобы держать в порядке такую мешанину.

– Есть такой человек. С ним-то я и поспорил, – с сожалением произнес Озеров.

Шествие остановилось.

– Озеров, ты не перестаешь удивлять.

– Скажем проще: ты хорошенько попал, парень.

– Собственно, я в свое время был слегка самонадеян и затеял все это...

– Да кто из нас не ошибался, – прервал Озерова Кошкар-

ский. – Надо думать, как решить проблему, а не убиваться, что она есть.

– Конкретно в этом случае решать проблему – это как играть в войнушку палкой против министра обороны с целой армией.

– Наверное, – согласился Даня. – Этот человек больше напоминает паука, который сидит в самом центре паутины и дергает за ниточки. У него, кстати, татуировка с тарантулом на всю спину.

– Фанат Человека-паука? – улыбнулся Паша.

– Опасный тип. Олегом зовут.

– С твоей удачей, если попадешь в армейку, в саперы лучше не идти.

– Его деды в первый же день до смерти забьют, – включился Бречкин.

– Значит, этот самый Олег в «Хамелеоне» главный?

– И не только в нем. Много где еще. Это лишь вход. Его сеть обширна, как кровеносная система у человека. Клубы, рестораны, рынки, наркота, шлюхи – вот его вотчина. А «Хамелеон» – это его логово... обитель зла.

– Он один за всем этим стоит?

– Нет. За ним еще полно мерзких отбросов. Но один выделяется больше всех... Артур. Скользкий тип. Он по факту и отвечает за клуб и прочие развлечения своего шефа. Но сам по себе он сутенер, типа владелец агентства эскорт-услуг, – пальцами закавычил Озеров.

– Да уж. Нашел ты, с кем тягаться. Надо адекватно оценивать свои силы.

– Очень надеюсь, что нас случайно не грохнут, – сказал Абдуллин.

– Да не бзди ты, Темыч! И не таких раскалывали, – Бречкин даже бровью не повел от весьма скверной перспективы.

– Твоя самоуверенность, Леха, тут не сработает. Не тот уровень.

– Как насчет варианта по-быстрому найти другое место? – предложил Тема.

– Парни, – Озеров беспомощно опустился на детские качели, – если я сегодня там не появлюсь и все не улажу, для меня наступит апокалипсис. Не бросайте меня.

– Только не реви, ладно? – бессердечно выдал Бречкин. – Глаза заморозишь на такой-то стуже.

– Как-то это не по-братски, мужики, заднюю давать, – объявил остальным Митяев. – Разве вам не интересно взглянуть на все это великолепие хотя бы одним глазком?

– А тебе мамочка разрешает так делать? – спросил Бречкин.

– Ты мою маму не трогай, а то по щам получишь!

– Тебе, я смотрю, вечера не хватило!

– Так, парни, брейк! – Брадобреев расцепил Арсения и Алексея. – Думаю, нам стоит пойти туда и подстраховать Дэнчика.

– И выйти оттуда через месяц в гробах?! Или в банках

из-под собачьих консервов? Может, там и мясной цех имеется? – выдал Абдуллин. – Думаете, нас оставят в покое после такого якобы спора?!

– Персонально ты, Артем, можешь остаться здесь, – предложил Митяев. – Я пойду с Данилом. А если чего произойдет, мы будем отбиваться... вдвоем... как команда. Кто еще желает с нами? Прошу с решением не медлить, ведь, сука, холодно, – Арс подал руку Озерову и помог ему подняться.

Через мгновение за ними пошли и остальные. Кошкарский с Абдуллиным переглянулись – им ничего не оставалось, как догонять.

– Напомни, как там говорится?

– «Для вас – команда...»

– «...А для нас – братья!» Действует, разрази меня гром, – усмехнулся Степа.

Вскоре, выйдя из арки одной из панельных многоэтажек, пацаны узрели трехэтажный пристрой темно-серого цвета. Украшает его переливающаяся разноцветными неоновыми огоньками вывеска клуба. В широких и плотно зашторенных окнах и витражах горит приглушенный свет. Из дверей долетают отголоски ритмичной музыки и возгласы толпы. У входа ошиваются те, кто не прошел face-контроль, и прочие посетители, вышедшие покурить или пообжиматься – 20-градусный мороз им не по чем.

Визитеры остановились неподалеку от входа.

– Говоришь, месяцами можно оттуда не вылезать?

– А оборону держать – и того больше, – прокомментировал Озеров. – Вдруг конкуренты нападут. Или менты.

– Никогда мы клубов не пугались, верно? – ухмыльнулся Арсен. – С каждой секундой мне все занятнее. Ну, ни пуха! Айда!

Больше остальных коробило Озерова – еще бы, ведь в его складной истории, которую он поведал парням, не нашлось места некоторым весомым вещам.

– Ничего кроме пинка мы тут не получим, – сквозь зубы твердил Тема.

– Заткни фонтан, – произнес Арсений, – и выгляди прилично. Решим вопрос.

– Уже решили вопрос с машиной. Что дальше? – напомнил Чибриков.

– Пора бы уже забыть и расслабиться.

На face-контроле один из вышибал, заметив Озерова, обратился к нему:

– Тебя уже ждут, Данил. Велено приготовить фартук с подносом.

– Фартук? – озадачился Митяев, взглянув на Данила.

– Да, – грустно подтвердил он, – кроме позора морального мне уготован еще и позор физический.

Пропускной режим здесь на уровне: проходящих шмонают тщательнее, чем в аэропорту, изучают не только внешний вид, но еще и досматривают, а также водят вокруг тебя ручным металлоискателем. А вот буянивших гостей выкидыва-

ют на мороз со скоростью света без всяких процедур.

– Немудрено, – размышлял вслух Абдуллин, – что здесь такие меры безопасности. Явно не для благополучия гостей, – заключил голкипер, пристально посмотрев на стоящую в стороне девушку в форме и с рацией. Сложив руки на груди, она со строгим выражением лица наблюдала за процессом досмотра посетителей. Вся служба безопасности облачена в строгие (ближе к официальным) брюки, пиджаки и футболки. На последних, помимо надписи «Security», изображена эмблема клуба, которая переливалась на свету: мордочка хамелеона в профиль с высунутым изогнутым языком и зомбирующим глазом.

Хоккеисты шли по просторному коридору, который ведет прямым к бару, столикам, ложам и танцполу, где уже долгое время царит неистовый праздник, а у барной стойки не протолкнуться.

– Добро пожаловать в «Хамелеон», мальчики! – загадочно бросила в их сторону девушка-охранник с заплетенным хвостом. Абдуллин успел глянуть на ее бейдж – начальник службы безопасности. Вот те раз! Натальей зовут.

«Озеров идет по коридору», – зашипела рация.

Гости из Магнитогорска зачарованы заведением – они не отдыхали здесь прежде. Но музыка, безудержные танцы, располагающая к веселью и легкому забвению атмосфера не радуют только Данила Озерова, которого пропустили без особого досмотра (даже со своей выпивкой). Остальные стали

пробираться к бару, желая поскорее влиться в пьющую и веселящуюся толпу, облитую красно-сине-зеленым лазерным шоу.

За центральной ложей в обнимку с двумя писаными (благодаря центнеру косметики и тонне ботокса) красавицами сидел босс (точь-в-точь как из VHS-боевика) – Олег. Черная водолазка под серым пиджачком облегла гору его мышц – явно бывший боец или профессиональный боксер. На вид ему 30-35 лет. Его внешность, крупные и грубые черты лица при встрече в темном переулке не сулят ничего хорошего: массивный череп, напоминающий непробиваемое ядро, свирепый взгляд исподлобья, неоднократно сломанный нос, искромсанные уши, короткая стрижка, легкая белесая небри-тость, мясистый нос и размашистая пасть с выбитыми зубами. И два неприметных телохранителя позади, готовых в две секунды нейтрализовать потенциальную угрозу и за одну секунду обнажить заряженные стволы.

По залу шнырял чересчур вежливый и вечно коварно улыбающийся щеголь – заместитель Олега, сутенер Артурчик. Вот он кардинально отличается от шефа. Всегда статный, элегантный, холеный смуглый паренек лет так 28-30 с несколько треугольным телосложением, ближе к худощавому, на которое идеально ложатся зауженные брючки, пижонские приталенные пиджачки, летние рубашки, остроносые ботинки из крокодиловой кожи да котлы за баснословные суммы – все преимущественно светлое, даже в самую мерзо-

пакостную погоду. Подобный метросексуал не может представлять опасности – правда, первое впечатление в случае Арчи крайне обманчиво.

Парень с изящной прической, маленьким носиком, крупными карими глазами, острыми скулами, пухлым подбородком и миниатюрным ртом с ухоженными усиками и бородкой легко обставит самого кардинала Ришелье. Артур является чуть ли не главным интриганом Челябинска. Деньги и специфический род деятельности в свое время знатно вскружили ему голову, и он зазнался так, что практически не признавал авторитетов или равных себе, подчиненных строго контролировал и унижал при первом удобном случае, не упускал ни копейки. Если Олег предпочитает открытые противостояния, то Артур орудует преимущественно подковерной борьбой, черным пиаром, интрижками и подставами, в частности его любимыми «медовыми ловушками». Его частенько нанимают топить конкурентов и прочих нежелательных людей, особенно во время избирательной кампании в областные или городские органы власти. Внешний вид миллионера, шоумена и плейбоя обманчив: если Олег – это паук, то Артур – его обаятельная приманка, на которую ведутся недалёковидные двукрылые насекомые. Особую изобретательность Артур проявляет в управлении клубом и борделем, где пойдут на все, чтобы обмануть и вытрясти из твоего желания расслабиться все до копейки, а ты умудришься еще и кредит взять под это дело.

Что Олег, что Артур – это самые настоящие хамелеоны. Идеальный тандем – самое популярное и прибыльное развлекательное заведение города. Подпольный бизнес процветает.

– Хорошо, амиго, мы в логове льва. Каков план? – спросил у Озерова Брадобреев.

– Все тот же: мне приносят мою «особенную» бутылку, я ее выпиваю и добиваюсь того, за чем пришел.

– До сих пор в толк не могу взять, что мы тут делаем? Пошли бухать, – требовал Бречкин.

– Мы здесь для уверенности Данила, – ответил Кошкарский.

– Степка, ты когда свою Алинку долбишь, рядом ведь не стоит ее одноклассник и свечку не держит... для уверенности, – воскликнул Леша.

– А что там с барменом? – вспомнил Митяев.

– Здрасьте!

Рядом с компанией хоккеистов по ту сторону барной стойки материализовался невысокий паренек в футболке с пальмами, с накаченной в меру бицухой, солидными бакенбардами на прямоугольном лице, обстриженными висками и услужливыми глазами.

– Знакомьтесь, парни. Это Славик, – Даня представил бармена друзьям. – Он притащит мне нужную бутылку. В свое время я помог ему закрыть недостачу алкашки.

– Когда ты успел передать ему бутылку? – опомнился Ми-

тяев и из-за громкой музыки выкрикнул вопрос прямо в ухо Озерову.

– Надеюсь, что мой оппонент будет так же невнимателен.

– Сделаю вид, что не заметил оскорбления, – ответил Арсен и повернулся к Славiku. – Братан, нальешь чего-нибудь для начала?!

– Конечно, – ответил Славик, приняв заказ у Арсения.

– Настоящий профи своего дела, – нахваливал бармена Озеров, – хотя ему только 18 лет на днях стукнуло, – судя по виртуозным действиям Славика, решившего устроить пацанам небольшое показательное выступление, он недурно управляется с бутылками, шейкерами, стаканами и прочей барной утварью.

Слухи о смельчаке, который бросил вызов сильным мира сего, доползли и до ложи руководства. К тому же появление Озерова заметила и местная звезда – Елизавета – обворожительная блондинка с размалеванным округлым личиком, изящным станом и на его фоне весьма выразительными грудями; любимица (любовница) Олега и верная соратница (любовница) Артура, оставшаяся желанной девушкой для многих VIP-клиентов местного дома терпимости; кобра-искусительница и соблазнительница, от которой нужно рвать когти тут же, однако ее формы и природный магнетизм еще не упустили ни одной жертвы, даже самой искушенной в интимных предпочтениях. Она стабильно привлекает в заведение все новых и новых клиентов. Ни одна девчонка Артура до уров-

ня Лизы так и не доросла. Та же все чаще стала капризничать, вставать в позу и твердить без устали, что в Челябинске ей тесно. Оттого она и искала себе всяческие развлечения, в том числе участвуя в аферах Артура, который когда-то подстелил ее под Олега, посему девушка косвенно стала причиной знакомства двух закадычных друзей (партнеров): обслуживая сразу двух мужиков, она жила как королева.

Лизонька оглядела зал взором опытной охотницы – новых людей от еженедельного сброда она отделила за миг. Тем более среди новичков потенциальный герой сегодняшней ночи – Даня Озеров.

Подойдя к бару, Лиза в роскошном вечернем платье напала сразу на неподготовленных к столь ослепительной красоте школьников. Заметив ее, официанты и кальящики в зале засуетились, а бармены, включая Славика, опустили глаза и, резко оборвав сторонние разговоры, принялись обслуживать клиентов молча.

Слегка вульгарная Лизочка подплыла к Озерову, коснулась его спины и посмотрела растерявшемуся парню прямо в глаза:

- Привет, Данил, – ласково и загадочно пропела она.
- Здравствуйте, Лиза, – стараясь не глядеть на нее, серьезно ответил Озеров с некоторым презрением, будто утратил способность видеть женскую красоту (особенно женские груди), чего не скажешь о его друзьях. Хоккеюг заморозила местная дива с весьма сомнительной репутацией, о которой

вроде бы знали все, но одновременно точно не знал никто.

– Что ж ты так грубо? Я, наоборот, восхищена твоим мужским поступком – не каждый влиятельный папик способен бросить вызов этому мужлану.

– Негоже так выражаться о человеке, который оплачивает все ваши капризы.

– Кто же он тогда, раз тягается не с ровней себе, а со школьниками?

– Я вообще-то в университете учусь, – поправил ее Данил. – Да, это не красит твоего мужчину № 1, но сделка есть сделка, – уверенно заявил он, допив безалкогольный коктейль.

– Как поживает твой папаша?

– Зачем ты спрашиваешь? – передернуло Данила. Заметно, что ему не в удовольствие общаться с ней. А вопрос и вовсе вызвал легкую дрожь в его руках.

– Из вежливости.

– Мне известно не понаслышке: мораль и вежливость тебе несвойственны.

– Прибереги оскорбления для Олега, – уже не так благосклонно реагировала Лиза.

– Я думал, ты привыкла.

«Как же он развязно общается с этой дамочкой, – подумал Митяев. – Однозначно, она в тысячу раз круче тех студенточек с общаги. Продолжай хамить, Озеров. Одним конкурентом меньше. Хотя все равно странно. Не в его стиле

такое поведение», – у Арсения стали закрадываться некие подозрения.

– Тебя так общаться с девушками отец учил?

– Ты моего отца не трогай. Даже не упоминай о нем.

– Но ты же здесь из-за него? – сказала Лиза. Митяев прислушался и сквозь громкую музыку четко расслышал эту фразу.

– Я здесь из-за семьи, поняла? С-е-м-ь-и! Хотя откуда тебе знать, – девушка явно больше не желала терпеть такого отношения от сопляка. – Передай Олегу, что я пришел и хочу говорить с ним.

– Как пожелаешь.

– И могу ли я взять с собой друзей? – уже не так грубо решил уточнить он.

Елизавета с интересом развернулась:

– Вот, значит, кто это, – она будто забыла грубость Данила. – Может, представишь меня?

– Это необязательно.

– Очень сомневаюсь, – по глазам парней Лиза сразу определяла, кто на что горазд и кого она зацепила особенно.

Данил, обернувшись в сторону магнитогорских друзей, осознал, что хоккеисты (все до единого) запали на красотку. Выходит, только он один знает, что это всего лишь изящная приманка.

Только Елизавета махнула ручкой в сторону Арсения, как от очарованного 17-го номера последовала мгновенная ре-

акция:

– Бармен! – выкрикнул Митяев. – Налей-ка даме выпить, чего она пожелает.

– За мой счет! – продолжил за него Бречкин. Из-за такой неслыханной наглости, которую он точно так же проявил бы на месте Бречкина, Митяев готов был умертвить Лешу прямо здесь.

– «Отвертку», – попросила Елизавета.

Бармен Славик, собравшись с силами, извинился:

– Прошу прощения, Елизавета Дмитриевна. Артур Тимурович запретил подавать вам алкоголь.

«Ничего себе тяночка! Она здесь явно не последнюю роль играет – к ней прям как к хозяйке обращаются», – поймал себя на мысли Митяев.

В разговор включился Абдуллин:

– Парень, это его заказ, – он показал пальцем на Арса, – и это его личное дело. Пулей давай! – взгляд Лизы мигом переместился в сторону рослого вратаря – прежде она с интересом изучала Митяева и Бречкина. Подростковая дуэль (кто кого переборет) забавляла ее.

– Меня же... уволят, – Слава беспомощно взглянул на Озерова.

– Не переживай, дорогой, – заявила Лиза. – Я знаю, что любит Артур Тимурович, и уговорю его не увольнять тебя в случае чего, – он стукнула ладонью по стойке в ожидании коктейля.

Слава вновь взглянул на Даню – последний кивнул, и молодой бармен принялся исполнять заказ: схватил хайбол, наполнил его прозрачными кубиками льда, влил в него водку и апельсиновый сок в нужных пропорциях, отрезал ломтик апельсина. И, конечно, только сегодня этот с виду обычный коктейль содержал дополнительный эксклюзивный (секретный) ингредиент.

– Радуется, когда интересы девушки так яростно отстаивают, – Елизавета намекала на парней-хоккеистов.

Брадобреев хлопнул Озерова по плечу – без слов понятно, что парни требуют их представить. Даня сделал это бегло:

– Это Арсений, Степан, Леха, Артем, Паша и Богдан. Они...

Не дожидаясь пояснений, Елизавета улыбнулась и подмигнула спортсменам. Со стороны показалось, что она загипнотизировала пацанов, напрочь отключив их бдительность.

– Рада нашему знакомству. Надеюсь, вам здесь понравится... и вы получите несказанное удовольствие.

Каждый из пацанов представил, в какой форме он желал бы получить вышеупомянутое удовольствие – везде фигурировала Лиза (лежа и без одежды).

– Одно твоё присутствие делает это место лучшим на свете, – выдал Пашка, продвинувшись вперед в неофициальном соревновании по привлечению внимания Елизаветы.

Девушка повернулась к Озерову и хотела задать уточняю-

щий вопрос относительно пацанов, но Данил был холоден:

– Это все, что тебе нужно знать, – с одной стороны, он не хотел подвергать корешей опасности, но, с другой стороны, надежда (расчет) только на их участие.

– Но я не против познакомиться поближе, – промурлыкала Лиза.

Дождавшись коктейля, Елизавета с наслаждением сделала несколько глотков, словно мучилась от жажды. Давненько она не пила алкоголь.

– Я пойду спрошу, сможет ли Олег принять вас, мальчики. Не прощаемся.

– Обязательно возвращайся, – попросил Митяев, и Лиза элегантно кивнула ему, отчего последний просиял, словно прожектор на футбольном стадионе.

– Озеров! Кто учил тебя так общаться с девушками?! – возмутился Богдан, когда Лиза удалилась.

– От стыда хотелось провалиться.

– Мы еле как выправили положение.

– Это было необязательно, – прокомментировал Озеров. – Потому что она...

– Ты позоришь всех нас, дубина! Бармен! Налей каждому за счет этого дрочера, – потребовал Бречкин.

Слава снова взглянул на Данила – тот отрицательно качнул головой.

«Опять! – щелкнуло в голове у Митяева. – Что он замышляет?!»

– Сука! – не выдержал Арсений, вскочил со стула и прижал Озерова к стойке. – Говори, мудака, что у вас за переглядки с барменом?! Что за терки с Лизой?! Почему ты здесь из-за отца?! Чего ты задумал?! Во что нас хочешь впутать?!

– Остынь, – Даня с честью выдержал внезапный наезд и даже не изменился в лице. Он ждал подобных вопросов, ведь спор из-за чести и достоинства актуален разве что в XIX веке, но точно не в век эгоизма и подстав.

– Сколько он выпил?

– А он разве пил?

– Сеня, чего с тобой?! – подскочил к другу Брэдобреев.

– Мы кое-чего не знаем, Пашка! – ответил он, не спуская глаз с Данила. – Давай выкладывай!

– Не здесь. Люди услышат.

– А где-е-е?! – чуть ли не кричал прямолинейный Митяев. Он не переносит вранья и недосказанности. – За дурака меня держать не надо!

– Ты... только успокойся.

– Мы тут за него, а он...

– Досчитай до десяти!

– Не хуй меня тут успокаивать. Идем! – прорычал Митяев.

Мужской туалет в «Хамелеоне» подозрительно чист и практически пуст. Митяев швырнул Озерова к раковинам – тот чуть не уселся на пол, поскользнувшись на кафеле.

«Нельзя, чтобы нас слышали!» – только подумал Даня, как Арсений, возмущенный интригами знакомого, стал бить

кулаками по дверцам туалетных кабинок, которые мигом распахивались. В одной из кабинок внезапно обнаружился паренек, игравший со своей обдолбанной девчушкой в наездников.

– Ты припух?! – спросил пацан, чью приватность грубо нарушили.

– А ну-ка смотались на хуй отсюда! – Арсен с набухшей на лбу жилкой указал влюбленным на дверь.

– Слы-ы-ы-шь!

Митяев не желал церемониться. Только незнакомец принялся закатывать рукава рубашки, Арсений сделал так, что любители экстремального секса в общественных местах, натягивая штаны, спешно покинули уборную.

– Паша, Степа! Не впускать никого! – распорядился Митяев. Брадобреев с Кошкарским встали у дверей снаружи, словно часовые.

– Я слушаю! – раскинул руки Арсений.

– Завязывай психовать, Митяев. Давай поговорим спокойно.

– Я тебя урою! – хоккеист размахнулся на Озерова массивным кулаком – ему обидно, что их заманили в опасное место и недосказали много чего важного, тем самым испортив вечер. – Ты, значит, нам навешал в общаге слезной лапши на уши, а сам-то чего затеял, урод?!

– Да чего ты так взбеленился?!

– Обидно мне! За себя и за пацанов. И за тебя, кстати. Ты

лживая свинья, которая побоялась нам правду рассказать, что вообще не вяжется с...

– Утрись ты своими командными принципами, – чуть сам не размазался по зеркалу без посторонней помощи Озеров. – Да, я попал в беду. Но вы можете сваливать! Сам разберусь!

– А мне вот мои принципы советуют вытрясти из тебя всю сраную правду и только тогда решить, уходить нам или остаться.

– Хочешь правду, Арс?! Пожалуйста...

История пятнадцатая. «Усни, но не сейчас»

На кнопку звонка, что справа от калитки, нажали. Данил Озеров неторопливо подошел к маленькому экранчику домофона, что у входных дверей, и глянул, кого там нелегкая принесла на ночь глядя: «Неужто заблудшая душа вернулась? Передумала? Прости, дорогая, но на тебя уже не встанет сегодня», – думал он. Но нет. За высоченным забором стоял Славик – бармен из «Хамелеона».

– Заходи, – сработала автоматика, и калитка отворилась – невысокий пацанчик оказался на обширном дворе перед особняком Озеровых.

Особо не стесняясь своего полугололого вида, Даня запустил Славу в дом.

– Сейчас Ленку видел. Стоит на остановке. Расстроенная какая-то, – разуваясь, поведал Славик. – Что у вас произошло?

– Вот именно, что ничего.

– То есть ты хочешь сказать, что ты ее не...

– Даже не спрашивай.

– Да ладно?! Какой надо быть самовлюбленной чиксой, чтобы не купиться на все это? – Слава задался закономерным вопросом, следуя за Данилом по его хоромам.

– Знаешь, они все чего-то хотят от меня. А кому я нужен

как человек, а не как прожигатель бабла?

– Кому-нибудь да нужен. У меня вот, может, и нет всего этого, но девушка есть. У нас все вроде бы как более-менее складывается.

– У меня же на одну нормальную 20 продажных прилипал.

– Так и пользуйся ими. Чего жалуешься?

– Я бы с удовольствием. Только сегодня у меня вновь случился... приступ, – с сожалением признался Данил, когда они прошли в гостиную, где все и произошло.

– Вот оно что! – прикусил губу Славик. – Ну и напасть, а? Ты же прекрасно знаешь, что тебе надо быть аккуратнее с этим делом.

– Да я подумал: может, сегодня тот самый день, когда мне повезет?

– Но ты и не в полной жопе, согласишься. Можно? – Славик очень любит бывать за здешней барной стойкой.

– Конечно-конечно, – разрешил Озеров.

– Коктейльчик тебе не предлагаю.

– Ты хоть не сыпь мне соль на рану! Остаток дня я дружу с минералочкой. А ты холодненький чай попробуй.

– Нет, я лучше себе что-нибудь свое сварганю. У вас тут прям клондайк – хоть сейчас конкурс барменов устраивай, – восхищался местными условиями Славян.

– Попробуй чай. Я настаиваю.

Слава улыбнулся каламбуру и долго ломаться не стал. Однако, открутив крышку, сразу понял, что пластиковая бутыл-

ка из-под чая явно содержит в себе кое-что покрепче.

– Мать моя, это же... Ты чего сделал?

– Потом расскажу. Попробовал? А теперь делай, чего ты там хотел.

– Если ты считаешь, что от смены бутылки твой организм перестанет отторгать алкоголь, то ты заблуждаешься. Я же считаю, что все это у тебя явно психосоматическое.

– Намекаешь, что у меня крыша протекает?

– Нужно рассматривать все варианты. Ты обращался по этому поводу к врачу?

– Да. Диагноз: здоров.

Славик передал бутылку «чая» определенной крепости Дане, а сам принялся создавать очередной шедевр барменского искусства в кристально чистом бокале. Данил никак не мог взять в толк, для чего Славик жонглирует, танцует и всячески извивается в процессе, но зрелище залипательное.

– Будь у меня нечто такое дома, – говорил бармен, – я бы давно уже стал гуру своего дела.

– Ты и сейчас вполне неплох, – похвалил кореша Данил.

– Ха, неплох? На моей совести битого стекла на целый мусоровоз.

– Если б не этот мусоровоз, мы бы с тобой не подружились.

– Согласен. Но я сюда пришел не навыки демонстрировать.

– Да ладно тебе. Мне нравится за всем этим наблюдать.

Выпрут из клуба – пойдешь в цирк, – засмеялся Озеров.

– Кстати, о работе, – заговорил Слава. – Я уже какую неделю пасу эту шлюху Лизу. Ну и жизнь у нее, конечно. Скоро она подумает, что я какой-нибудь маньяк или что втюрился в нее.

– Побойся бога. Какой из тебя маньяк? Максимум рядовой дровича, а-ха-ха!

– Скоро ты им станешь! С твоим-то рвотным синдромом.

– Да ты чего, я же пошутил, – продолжал ржать Озеров.

– Дело в том, что за этот месяц ни единого намека на то, что ты ищешь. Клубы, бары, рестораны, бутики, салоны красоты, сауны, хата, третий этаж «Хамелеона», а на следующий день все по новой. А у меня ведь пары еще.

– Надо продолжать, – настаивал Озеров. – Она не может быть ангелочком с крылышками. Где-то проколется, с кем-то встретится, что-нибудь передаст.

– Знаешь, я ведь иногда как по лезвию бритвы хожу. Меня и спалить могут.

– Скажи прямо: тебе не хватает финансов, что я даю?

– Нет, дело совсем не в этом.

– А в чем тогда?

– Не надо всех мерить по собственным продажным шкарам.

– А кому надо еще что-то кроме бабла? – спросил Озеров.

– Ботанам нужно внимание, поэтому они и решают двоичникам контрольные. А мне нужны ответы, ведь все это ты

устроил не от простого безделья. У тебя явно проблема. И я хочу помочь.

Даня недоверчиво взглянул на друга.

– Какой ты благородный, Славик. Это вы так резво в своем медучилище клятву Гиппократы дали? Хочешь помочь ближнему? Знаешь, я вот свою блевотину после неудачных попыток набухаться задолбался вытирать – может, сможешь? Что там об этом говорит Гиппократ?

– Зря ты так... Ладно, мы продолжим играть по принципу «принеси то, не знаю что». Ты же оплачиваешь весь этот банкет, а я человек подневольный – мне мысли богемы не понять. Я же с АМЗ.

– Прости, Славка, – искренне извинился Озеров. – Я не хотел тебя задеть. Просто мне реально хреново... очень...

– Оно и понятно: когда с аппетитом ешь, а потом все это на полу, ощущения так себе. Похоже на то, как добрая половина мужиков чувствует опустошение после полового акта, задумываясь о бренности бытия. Я не держу на тебя зла, но, если бы ты приоткрыл завесу тайны над тем, что тебя гложет и что я должен найти, я смог бы тебе как следует помочь. А пока все впустую.

Даня молчал, опустив голову.

– Я, пожалуй, пойду.

– Наверное, это последний раз, когда ты прошел сюда через калитку. Наверняка в твой следующий визит на каждом сантиметре будет по пять охранников.

– Что?

– Видишь этот дом, да? – заговорил Данил. – Здравому смыслу не поддается то, на что шел мой отец в 90-е годы и позже, чтобы заработать на него, чтобы бизнес функционировал четко и слаженно, чтобы моя мать и я... чтобы мы ни в чем не нуждались и были под надежной защитой. Сам батя не помнит уже, сколько раз его магазины грабили, жгли, разносили в щепки, сколько раз отцу забивали стрелки, на счетчик ставили, вымогали деньги за крышу, совали пистолет в рот. Но он жив. Потому что он не сдался. Тогда всюду, куда не плюнь, были бандюки. А с недавнего времени они сменили малиновые пиджаки на строгие костюмы, закрылись в огромных кабинетах с секретаршами и десятью постами охраны и стали топ-менеджерами, председателями советов директоров крупных компаний или просто крепко засели во власти. Но их мотивы с тех пор не изменились. Видел же новости? Люди это чувствуют. Для народа вся эта шушера – сильный и ненасытный враг.

– Согласен.

– Если кратко: от того, что мы обнаружим у Лизы, зависит, останется ли мой отец на плаву... И останемся ли мы семьей вообще...

– Одним словом, от дела зависит, пойдете ли вы по миру или нет.

– Можно и так сказать, – на Данила было больно смотреть, когда он обрекал наболевшее в словесную форму. Он готов

излить товарищу душу – кажется, Славику можно доверять: он искренний, в отличие от прочих меркантильных гадов, наводнивших его жизнь в последние годы. Такие видят в Даче только выгодное знакомство, средство обогащения, которое неспособно испытывать человеческих чувств. – Пообещай, что не сознаешься даже под пытками.

– Торжественно клянусь, – с должной серьезностью объявил Слава.

– Славик, вся эта затея – дело чести. Не только моей, но и всей моей семьи. Не так давно в нашем доме возникли некоторые проблемы, которые стали мне заметны: отец, который постоянно на взводе, какие-то разборки на стороне, разговоры в закрытом кабинете на повышенных тонах, непонятные разъезды, бардак в бумагах или их сжигание в мангале, перепрыгивание записок туда-сюда, мамины переживания из-за всего этого. Я даже одно время был представлен самому себе, пока предки ссорились и не разговаривали друг с другом. Такое положение дел мне, конечно же, не нравилось, поэтому я решил разобраться во всей ситуации досконально – ясно, что дело в отцовском бизнесе. Я долго копался в этом дерьме и разузнал, кто же желает зла моему бате. Им оказался наш общий знакомый – Олег. Возможно, за ним стоит еще кто-то попомощественнее, но поступает мудро и не вляпывается в эту войну раньше времени. Люди из «Хамелеона» давненько хотели отправить моего отца на покой и подмять его бизнес под себя. Нечто подобное уже случилось.

Тогда стороны вроде бы как заключили зыбкий мир, а ныне стрельба и драки не в моде. В ходу демпинг и доносы – и без того проблем хватает, в том числе с этими вездесущими сетями. А места у наших магазинов и киосков очень хорошие. Думаю, те, кто имеет на них виды, давят на Олега и требуют враждовать с Озеровым-старшим, делить имущество, искать новые способы нагнуть моего отца. Всем очевидно, что, если конфликтовать открыто, пострадают обе стороны, а тот, кто это затеял наверху, все оттяпает себе. Вот Олег и не торопится. Правда, есть в его рядах крыса одна, которая явно не в восторге от позиции шефа – Артур. Эта гнида изобрела банальнейший план – подложить Лизочку под моего бату. Под любым удачным предлогом. Долго его обрабатывали. В итоге, он все же поддался... Я ненавижу его за это. Но в случае с Лизой даже у внуха что-нибудь да зашевелится в штанах. Всякое бывает, но... он ведь не только поимел дорожную проститутку, но еще и изменил моей маме. Они ведь так долго жили душа в душу. А эта нервозность отца, наверное, из-за угрызений совести заложила приличную трещину в их браке. Еще и это противостояние с «Хамелеоном»... Но если измену тяжело, но еще можно простить, то с компроматом дела обстоят куда сложнее.

– А есть и компромат?

– Лиза умудрилась зафиксировать не только весь процесс, но и проникнуть к отцу в офис и прошерстить все бумаги, подложив ему на стол написанное заявление об изнасилова-

нии якобы с неопровержимыми доказательствами, которые очень хорошо припрятаны. Самое непредсказуемое то, что документ не спешат отправлять в органы и придавать огласке. А вот юристы конкурентов уже вдоль и поперек изучили отцовскую документацию и теперь знают все условия и суммы договоров, всех арендодателей, поставщиков, все места, всю финансовую отчетность и паспортные данные работников вплоть до грузчиков и уборщиц. Теперь они готовы шантажировать, переманивать, предлагать лучшие условия и выпячивать недостатки во всеуслышание. Ладно, может быть, тут отец допустил просчет, но смешивать его репутацию с грязью никак нельзя: просто так ее не восстановить, это тебе не бумажки с текстом... Э-э-х, мы в тисках со всех сторон. Если отец будет замешан в уголовном деле, то оперативное управление будет возложено на маму, а она обязательно подаст на развод. И в лучшем случае половина бизнеса и всего нажитого станет принадлежать ей по праву. Зная ее, она с радостью избавится от наследия мужа, как бы я ее ни отговаривал. Пока что батю обрабатывают шантажисты и переговорщики, угрожая судом и отъемом бизнеса. Пока все усердно думали, что предпринять, я не стал просто сидеть сложа руки. Я встретился с Лизой и разложил все по полочкам: что им не одолеть отца, сил не хватит, что лучше объединиться против всех этих тайных заказчиков, ибо те, когда придет время, доберутся и до «Хамелеона», сделают из него продуктовый гипермаркет для всей семьи. Прав-

да, вскоре стало ясно, что разговаривать с ней о бизнесе бессмысленно – ее часть дела исключительно в соблазнении и краже документов. А я ведь столько сделал, чтобы добраться до нее... Ты знал, что в борделе она принимает в «красной комнате»? Ты не представляешь, как трудно сосредоточиться, когда вокруг тебя висят все эти БДСМ-штучки. Я решил сменить тактику: стал напирать, мол, мой отец – уважаемый человек и на суде за него поручатся, а его юристы с легкостью докажут, что все это клевета и фикция. Но тогда, кажется, она даже не думала об этом, лишь изредка кивала и разглядывала меня. Стоит сказать, что эта тварь, с какой стороны на нее не глянь, чертовски привлекательна. В ее роду явно были ведьмы, ведь я толком до сих пор не могу объяснить, как оказался в ее постели. Можно обвинить ее в принуждении, но я же сам пришел туда – мои угрозы только пощекотали ее и не более. Кажись, она мне предложила переспать с ней взамен на компромат. Шептала о том, что обожает таких милых простачков-подростков. В конце концов я остался у разбитого корыта и с пустыми яйцами. М-да... но я не отчаивался, напряг все свои связи – клиентов, которым регулярно подгоняю алкашку. Они-то и вывели меня на Олега. Вот с ним-то уже можно говорить о бизнесе. Но он знал все мои ходы и аргументы наперед – явно заслуга Лизочки. Он похвалил меня за смелость и самоотверженность, сказал, что сам не особо горит желанием портить отношения, поэтому готов поделить все честно за столом переговоров без всяких

судов и публикации компромата. Но теперь я понимаю, что, прежде чем уничтожить моего отца, они подвергнут показательной порке меня – наглеца, который залез в их дела без спроса вместо того, чтобы сидеть в сторонке и помалкивать, сосочку сосать. Вот мне и предстоит выдуть бутылку виски и желательно при этом не сдохнуть.

– Не иди, – предложил Славик.

– Не могу. Тогда точно станет хуже. Отец может узнать. А что скажет мама, я даже и думать не хочу. В споре с Олегом есть мизерная, но надежда все уладить.

– Постой-ка, а со мной ты подружился случайно не из-за того, что я работаю в «Хамелеоне»?

– Нет, Слава. Как ты мог о таком подумать? Тогда я еще не предполагал, что такая заварушка вообще возможна. Я жил обыкновенной и беспечной жизнью, продолжал подворовывать с отцовских складов, а теперь понимаю, что каждая единица товара – на вес золота. Сейчас реально не до шуток. И мне нужно на кого-то положиться. Поэтому я очень надеюсь, что ты не шпион и не побежишь после этого на ковер к Олегу или к Артуру.

– Можешь не беспокоиться насчет этого, брательник.

– Это радует.

– М-да-а, – Слава стал бродить по комнате, – ты знатно влип. Тебе не приходило в голову, что они могли бы сами во всем разобраться? А теперь у Олега мутки не только с твоим батей, но и с тобой.

– Пока они разберутся, Славик, все уже давно развалится. Не в чем будет разбираться. К тому же я член этой семьи и имею право голоса. И если я хочу защитить родителей, то сделаю все возможное. Даже в фартуке с голым задом буду обслуживать клиентов в вашем клубе, но честь отца отстаю...

– Ценой своей собственной?

– Глядишь, до нормальных людей дойдет, что я делаю это во благо.

– Эх, знал бы твой отец...

– Да можно книгу написать из того, чего не знает мой отец.

– Немудрено, что у твоей мамы бессонница. Понятно, зачем ты просил меня принести то лекарство. Оно помогло? – вспомнил Слава.

– Напомни мне, пожалуйста, откуда взялась эта штучка для сна?

– Это что-то вроде сборной солянки из самых популярных успокоительных средств, действующие вещества которых синтезировали в нашем училище несколько научных работников. Получился весьма сносный препарат, даже прошел все испытания, получил все разрешения, но местные аптеки не стали его покупать – дорогой, мол, и спроса не будет из-за нераскрученного бренда. Вот и стоит без дела на складах изготовленная на продажу партия. Я посоветовался с преподавателями – они мне достали немного. И рецепта не нужно. А что, не помог?

– Ну, Ленка, как видишь, удрала от меня бодрячком.

– Чего-о?! – застыл на месте Слава – у него буквально отстегнулась челюсть. – Ты его Ленке давал?! Боюсь спросить зачем?!

– Чисто испытать твоё снадобье.

– Ты рехнулся! А как же мама?!

– Мама предпочитает народные средства от бессонницы.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – в голову Славе лезли всякие мысли.

– Слава, открытие ваших ученых – это тоже часть плана, – заявил Озеров.

– О чем ты говоришь?!

– Я продумал все варианты развития событий вплоть до самых негативных. Все думают, что я долбанулся...

– Похоже на то.

– ...Никто на трезвую башку не вступает в конфликт с Олегом. А вот не тут-то было! – щелкнул пальцами Данил.

– И-и? – Слава уже пожалел, что вписался в эту авантюру.

– Ответь мне на вопрос: почему Ленка не уснула, а смогла уйти? Прошло очень много времени с тех пор, как она приняла средство.

– А сколько ты ей дал?

– Немного. Вперемешку с абсентом.

– Да ты... ты... – взялся за голову Славик. – Ты смешал его с тем абсентом, что у твоего отца наверху?!

– Она была так заморожена папиным кабинетом, что не

заметила, как я...

– Даня, ты в своем уме?! Алкоголь категорически запрещено мешать со снотворным! Потрудись изучить инструкцию!

– А она разве там была?

– Благо, что доза невелика.

– Но ты же говорил, что все это легкое и натуральное. К тому же сам препод его выдал... без рецепта, – аргументировал Озеров. – И кому? Студенту. А, может быть, ты травануть кого-то решил?!

– Я на хорошем счету в колледже.

– А самые отбитые маньяки всегда прилежные и тихие.

– Послушай меня, Данил: если мешать этиловый спирт с такими препаратами постоянно и в больших количествах, то это чревато не только психическим расстройством и привыканием... но и смертью. Да ты хоть знаешь, что такое сон под препаратами?

– Сон как сон.

– А вот и нет. Он искусственный и не приносит тебе сил и энергии. В большинстве случаев даже наоборот.

– Что же это за лекарства тогда такие? В чем их толк?

– Каждое снотворное индивидуально.

– Ладно, раз ты так беспокоишься, уверяю тебя, что мы сделаем это всего лишь раз и с одним-единственным человеком. Но нужно, чтобы сработало.

– Ты издеваешься?

– Нет. Ты успокоишься, если я скажу фразу «чисто теоретически»?

– Чисто теоретически можно рассчитать, какие компоненты и как сохраняют свои свойства в алкоголе, подсчитать примерное время их активного действия, увеличить их долю в исходном препарате с учетом массы человека и...

– У меня, кстати, где-то завалился наборчик «Юный химик».

– Даже не смей предлагать. Я не стану этого делать.

– Почему? Как же это классно, когда твоя мама – заведующая аптекой, а ты в школе кончал от уроков химии.

– Нет!

– Даже ради науки?

– Я, черт тебя дери, только на втором курсе!

– Но ты же сам сказал, что ты одаренный ученик.

– Я не куплюсь на лесть. Ты заходишь слишком далеко!

– Говоришь фразочками девчонки-карлика, которая долбится с негром.

– А ты сам случаем не обкуренный?!

– Ввиду твоего активного противодействия я буду пользоваться тем, что у меня осталось. Этого как раз хватит.

– Давай-ка я лучше заберу остатки назад.

– Еще чего, разбежался! Или ты сможешь сделать зелье получше?

Славик молчал.

– Ладно, может, я и перебарщиваю, – заявил Озеров, – но

дело серьезное, жизненно важное для меня и моей семьи. Ты ведь так рвался помочь.

– Уже жалею.

– Я тебя услышал. Тогда просто просвети меня, дабы я не натворил дел: через сколько эта штука может подействовать?

– У всех по-разному. И зависит от дозы.

– Побочка?

– Раздражительность, сонливость, тошнота, помутнение рассудка, красочные сны, обострение болезней печени, сердца...

– Можешь дальше не продолжать. Привыкание?

– Будет, если вливать десять дней без остановки.

– Не беспокойся, Слава. Лиза это заслужила.

– Сдалась она тебе...

– Если Олег не выполнит свою часть сделки или я проиграю, то мы усыпим Лизоньку и передадим ее людям отца. Они-то выбьют из нее все, что есть на папу. Я буду отстаивать интересы отца так, что в «Хамелеоне» всем мало не покажется.

– Тебе бы вздремнуть.

– Нет, сейчас я бодр как никогда.

– Неужели есть вариант выиграть спор? С твоими-то приступами?

– Шансы есть. Ты, дорогой мой друг, принесешь нам вот это, – Озеров потряс бутылку из-под холодного сладкого чая.

– А если будет заварушка?

– Я буду не один. Тут намечается шумная компания. В ней есть хорошие ребята, которые за меня горой.

– Кто же эти смельчаки?

– Хоккеисты из Магнитогорска. «Магнитка» 1995 года выпуска.

– Всей командой? Сильно.

– Необязательно всей. Нужны лишь самые стойкие и безбашенные. Думаю, несколько бутылочек с первоклассным алкоголем таких сразу же определяют. Главное, мне не влипнуть с ними в какую-нибудь историю и сделать так, чтобы мы в целостности и сохранности добрались до «Хамелеона».

– Они прямо возьмут и пойдут за тобой? – засомневался Слава.

– Славик, не знаю, как принято у вас, будущих медиков, а в хоккее одноклубники, даже бывшие – это в тысячу раз больше, чем просто знакомые или коллеги. За своих там бьют морды без разбора. Глянь как-нибудь хоккей на досуге – отличное зрелище.

– Поведутся ли они на твою историю?

– Нужно поведать им все с несколько иной стороны – с моей, а не с отцовской. Что ущемлены не его, а лично мои интересы.

– Ну ты и сказочник. И этого будет достаточно? Они так доверчивы?

– Их не стоит недооценивать. Конечно, можно и все им рассказать, но в таком случае они предпочтут не грузиться и

только удачи пожелают. А здесь они пойдут со мной и прикроют в случае чего. Вместе мы во всем разберемся – если не с Олегом, то с Лизой.

– Смею тебе напомнить, что это не стрелка за школой. Все очень серьезно. Зачем тебе ворошить осиное гнездо?

– Для этого везде нужны свои люди, – Озеров подмигнул бармену.

– Ты явно до конца не понимаешь, кто такой Олег и его шобла.

– Вот ты и выяснишь. Может, говорят в клубе чего-нибудь про него эдакого, что может нагнуть козла. Война компроматов – тоже хороший сценарий.

– Не будем заигрывать.

– Не переживай, Славик. Думаю, до крайностей не дойдет.

– Не думаю, что это легко будет реализовать. Что же станет с твоей группой поддержки, когда вся правда вскроется?

– Я верю в лучшее. Они помогут мне. А если запахнет жареным, плесканешь им своего зелья, чтобы уснули.

– Думаю, что все свои остатки ты истратишь на Лизу.

– Хоккеры – отличная приманка для этой гадины. Эта змея подколотная любит лакомиться молоденькими парнишками. Но там есть такие, кто способен дать отпор. Так или иначе, они покинут этот дрянной городишко, и ищи их свищи. А мне проигрывать и пускать все на самотек никак нельзя.

– У меня в голове не укладывается...

– Все предельно просто – все беды из-за баб и алкоголя. А мы только и делаем, что без остановки чередуем эти напасти. Итак, час уже поздний, – Данил чувствовал некое воодушевление, потому что выговорился, однако теперь серьезно загрузился Славик. Лучше бы он ничего об этом не знал. – Может, хочешь в бассейне искупаться?

– Нет, я лучше чего-нибудь выпью, – ответил Слава.

– Тоже хорошо. Закончи уже коктейль, который начал.

Даня захотел глотнуть минералочки, но вдруг понял, что бутылка пуста и даже деформировалась от постоянно сжимающих ее пальцев.

Всех деталей того диалога Данил Озеров, конечно же, раскрывать не стал.

– Честное слово, Арс, ты страшен в гневе. Тебе не мешало бы посетить мозгоправа.

– Меня бесит, когда меня хотят наколоть. А ты целый вечер, получается, комедию ломал. Я ведь тебе поверил и других за собой повел.

– А сами вы, значит, можете обманывать других?

– Я понял, на кого ты намекаешь. Поверь, это другое.

– Рассказал я тебе правду. И что теперь ты сделаешь? Уйдешь? Вломишь мне? Скажи, а то мне нужно планировать, что делать дальше.

– Мы остаемся, – решил Арсений. – Помогаем тебе как

можем. Я, в принципе, не прочь заняться этой Лизой.

– Догадываюсь, чего ты задумал. Очень не рекомендую.

– Да что ты понимаешь?!

«Впрочем, пусть творит с этой оторвой, что заблагорассудится», – подумал Данил.

– А если ты выиграешь? – спросил Митяев.

– Это априори невозможно.

– Что такое «априори»?

– Арсен, слушай, мне очень стыдно за то, что я не был до конца откровенен с вами. Вряд ли мой фокус пройдет даром.

– Проехали. Нужно верить в лучшее.

– Если фортуна повернется ко мне чем-то кроме жопы, мне отдадут компромат на отца. Я не хочу, чтобы предки разводились. Пусть с отцом воюет, кто хочет, но моя семья не должна развалиться из-за какой-то шлюхи.

Митяеву на секунду подумалось, что Озеров лишь оттягивает неизбежный родительский развод: «Повзрослей уже, бизнесмен херов!»

– Каковы гарантии, что он сдержит обещание?

– Одна миллионная процента.

– Что ты тогда тут делаешь?!

– Стараюсь не пробить дно, которого достиг.

– М-да, ты не просто дурачок – ты еще и наивный дурачок!

– Тогда помогите мне не просрать это дело окончательно, – молил Данил.

– Просто взять и разобраться с козырями из челябинской мафии?! Ха-ха, конечно, мы же практикуемся каждый день, – вскинул руки Митяев. – Здесь тебе не «Убойная сила»!

– Нет, это не сериал – это моя никчемная жизнь и мои личные проблемы.

– Они отныне типа и наши тоже?

– Думаешь, вас теперь просто так отсюда отпустят? – намекнул Данил.

«Считаешь, что некоторые ваши по мановению волшебной палочки так быстро отрубались? – хотел вдобавок произнести Озеров, но не стал. – Кому-то приснятся убойные сны».

– Ты гребаный манипулятор, Озеров! – сказал Арсений. Двумя лицам Дане показалось, что его сейчас разящим ударом припечатают к стенке.

– Мы выберемся, – заверил форварда Даня.

– Так себе обещание. Тем более от тебя! Так что засунь его знаешь куда?!

– В кой-то веке у вас будет нормальное дело, а не вечный бессмысленный и беспощадный бухач!

– А ты вот побатрачь на тренировках как ненормальный, по льду целый день побегай, в качалке веса пожми и только тогда говори, что имеет смысл, а что нет. Да откуда тебе знать – тебя же выворачивает.

В дверь постучал Брэдобреев:

– Парни, вы там скоро?! Тут люди срать хотят!

– Все! – выкрикнул Митяев, злобно озираясь на Озерова.

Секунду спустя в туалете образовалась очередь: по большому, по маленькому, умыться, нюхнуть, проблеваться и так далее.

За дверями уже заждалась Лиза:

– Ах, вот вы где! Что ж, пойдем, рыцари печального образа, – девушка повела их в ложу хозяина клуба.

– Надо же. Озеров! Ты все-таки пришел, – воскликнул Олег.

– Здравствуй, Олег.

– А ты не такой уж и жалкий, как я думал. Но тебе от этого не легче, – злорадно вещал Олег в качестве полноправного хозяина положения. – Лучше б ты зашкерился, – он поднялся с места и объявил. – Дамы и господа! Все сюда! Сейчас отпрыск алкогольного короля Челябинска будет доказывать, достоин ли он своей фамилии. Подходите все! Не стесняйтесь! Это нужно видеть! Лиза, дорогая, сходи-ка к бару за бутылкой «Джека» для нашего героя.

– Прошу повторить условия сделки, – заявил Озеров, стараясь держаться с Олегом на равных.

– В жопу этот официоз! Мы же честные... деловые люди, – театрально говорил Олег.

– Я должен быть уверен в...

– Хорошо. Повторим для тупых, трусливых и неуверенных в себе птенчиков. В случае твоей победы – твоя честь не поругана, я признаю тебя своим, признаю тебя достойным.

– А также?

– А также сажусь за стол переговоров, и мы решаем все проблемы с твоим отцом исключительно мирным путем, – плутовской все же у него тон.

– И?

– И без выноса пикантного сора из избы, – проговорил Олег и обратился к подошедшей с бутылкой виски «Jack Daniel's» Елизавете. – Верно же, Лизок? – Олег смачно хлопнул ее по заднице.

– Надеюсь, твое слово еще что-то стоит в этом городе, Олег.

– Стоит, еще как стоит, поверь.

– Посмотрю-ка я на твое лицо через минуту. Будь мужиком и сдержи обещание. Не станут же все считать тебя треплом? Ты же важная шишка.

– Через минуту я буду отмечать свою победу. Впрочем, как и всегда. А ты соизволишь раздеться, натянуть официантский фартук и обслуживать гостей до закрытия голышом. А потом, поджав хвост, побежишь к папочке с предложением скорее собирать вещички... Куда именно, я еще не решил.

Даня Озеров от ярости сжал кулаки и насупился: «Какой же он самоуверенный и самовлюбленный ишак!» – подумал

он.

– А это еще что за стадо прыщавых подростков с тобой?

– Мои секунданты.

Олег не понял диковинного слова и вопросительно глянул на Лизу.

– Пускай останутся, – произнес объявившийся ниоткуда Артур. – Еще лучше, если Озеров сядет в лужу на глазах у своей же группы поддержки.

Арчи вальяжно подошел к столу, не спуская глаз с Дани. Заместитель Олега взял заветную бутылку в руки и бегло оглядел ее на предмет повреждений и посторонних манипуляций. У Данила внутри тем временем все сжалось, но внешне он держался молодцом и с презрением наблюдал за королем интриг и шантажа, который порой напоминал самого настоящего голубого.

– Вся домашка нашей прекрасной Лизочки и твоего папаши здесь, – Артур вынул из внутреннего кармана пиджака маленькую черную флеш-карту и положил ее на центр стола – прямо между Даней и Олегом.

– Итак, ребята, – хлопнул в ладоши Олег, когда вокруг скопилось достаточно любопытных глаз, перешептывающихся и делающих ставки, – кто из вас двинется в сторону флешки, – смуглый телохранитель Олега приготовил пистолет – лишь немногие в толпе ахнули от этого факта, – пристрелим вон того мордатого, – он указал на Бречкина. – Уж больно мне его рожа не нравится, – телохранитель Карен на-

вел ствол на Леху.

– Спокойно, Леша, спокойно, – сквозь зубы твердил Митяев.

– Легко тебе говорить, – Бречкин не из робкого десятка, однако внезапно понял, что руки как-то машинально приподнимаются, а постоянно сопровождающую его развязность как ветром сдуло.

– Давай, Даня, приступай! Видишь, люди ждут.

Ради такого случая даже музыка замолкла. Будто планета остановилась в ожидании решительных действий Данила. Все его внутренние ресурсы сосредоточились на выполнении простой операции: взять бутылку, откупорить ее и осушить до последней капли. И нечего бояться – сосуд тщательно подготовлен к сегодняшнему представлению. Будь там настоящий алкоголь, такая доза точно бы вывернула кишечник Озерова-младшего наизнанку. Сейчас нужно уверенно и rispetабельно симитировать, что внутри бутылки все, что угодно, только не сладкий чай – его нужно пить, словно алкоголь, что в пух и прах раздавит Олега.

Все взгляды сосредоточились на Даниле.

– Давай, братишка, – шепнул ему кто-то из хоккеистов – кажется, Даня в упор не замечал пистолета.

С легкой дрожью в руках Озеров схватил бутылку – как бы из рук не выскользнула (она, как мы знаем, может) – сдернул обертку, открутил крышку (на славу он все приклеил) и торжественно объявил:

– За процветание бизнеса Владимира Аполлоновича Озерова!

Олег ухмыльнулся, сложив руки на груди. Даня же был уверен в себе как никогда: обвил губами горлышко бутылки и залпом залил себе в рот первую порцию жидкости.

Буквально через долю секунды Озеров всеми вкусовыми рецепторами почувствовал, что в его спасительной бутылке холодный чай волшебным образом превратился в виски «Jack Daniel's». Осознание приближающейся катастрофы молниеносно стерло в пыль всю систему координат, которая сформировалась в его сознании относительно этого вечера.

Почему? Почему все так несправедливо? Почему здесь? Почему сейчас?

Реакция не заставила себя ждать. Уж лучше прекратить этот цирк немедленно и действовать по ситуации, чем потом обниматься с унитазом у всех на глазах, выbleывая остатки собственной гордости в городскую канализацию. Осознав, что дело пахнет керосином, Митяев хотел что есть силы толкнуть Чибрикова, дабы тот сбил с ног Озерова, однако Богдан будто врос в пол, не спуская глаз с пистолета. Через мгновение вискарик фонтаном выплеснулся изо рта Данила: на него самого, на стол, на пол.

Wasted! Mission failed!

Спор с треском проигран.

Помещение клуба «Хамелеон» затрещало от волны безудержного и неконтролируемого хохота, сквозь который еле-

еле прорывались нотки печали и разочарования. Вот как по-настоящему звучит поражение. Отныне для большинства тех, кто знал Озерова, он стал подкидышем. А ведь здесь важна именно победа, а не участие.

Завсегдатаи «Хамелеона» стали на убой комментировать исход пари:

- Даже и капли не проглотил, слабак!
- Не повезло с алкоголем – повезет в любви!
- Гони сотку, лузер!
- Зря только собирались! Пошли отсюда.

Воспользовавшись моментом, Елизавета взяла флешку и припрятала ее в своем откровенном вечернем наряде.

– Bravo, Озеров! Ха-ха-ха! Bravo! – восторженно аплодировал Олег. – Что и требовалось доказать! Трепло! Все было ясно и без этого. Эй, верните музыку! А Данилу фартук принесите. Да убери ты ствол – сдурел, что ли, мать твою?! – хозяин клуба ударил телохранителя по руке с пистолетом. – Я же пошутил.

У Данила тем временем прорезался голос, осипший и невыразительный:

- Я поперхнулся...
- Что-что?
- Реванш. Требую реванша!
- Уверен?
- Главное – желание, даже если оно пьяное, – хохотнул

Артур.

– Нечестно.

– Заплачь еще.

– В бутылке уже и четверти нет.

– Конечно, нет, Озеров! Виски либо на полу, либо на столе. Так что кончай ломать комедию. Нюни разводить не нужно, иначе я заставлю тебя все здесь насухо вылизать. Ты сел в лужу: и буквально, и фигурально. Смирись. И не забудь про фартук.

Даня хотел прибегнуть к крайнему варианту – встать на колени и просить за отца, но неожиданно на передний план вылез несносный Митяев:

– Ты явно трусил?! – предъявил Олегу он. – Боишься, что Даня тебя уделает.

– Кто это здесь такой борзый?! Озеров, твой мальчик?! – недружелюбно спросил Олег, показав на Арсения пальцем.

Даня никак не ожидал, что Арсен заступится за него.

– Мальчик здесь ты! – многих передернуло от развязности Митяева. – Боишься же по-мужски вопросы решать! – Сеню несло вперед, но нужно вовремя затормозить у пропасти.

– Боюсь в решении подобных вопросов кого-нибудь случайно покалечить, – ответил Олег. – Но, глядя на твое самоуверенное рыло, этот страх стремительно меня покидает. Напомни-ка, когда это мы успели перейти на «ты»?!

«Пожалуйста, остановись! – мысленно зондировал друга Озеров. – Будет только хуже».

– Я так решил, – продолжил напирать Митяев. – Будет

меньше неловкости, когда мы уделаем тебя, – в свите Олега слышались смешки.

– Озеров, немедленно убери своего болванчика с глаз моих долой. А то я мокрого места от него не оставлю! – раздраженно рявкнул Олег.

– Угомонись, Арс. Ты представить себе не можешь, с кем ты связываешься, – шептал тому Даня. – Бога ради, пошли, – Арсения пытались увести и остальные (им хватило ума молчать в тряпочку).

Митяев не сдавался:

– Раз ты так крут, давай посоревнуемся. Мордобой – это для дикарей. Или ты боишься принимать чужие условия? Особенно от тех, кто способен тебя обставить? – Арсений, сам того не понимая, грамотно расставил акценты. Злобная физиономия Олега несколько не смущала 16-летнего хоккеиста. – Ты только и выводишь на невыполнимых задачах. Кто вообще видел, как ты сам что-нибудь делаешь и с кем-то тягаешься?! – отныне Олег не мог просто так вышвырнуть Митяева из заведения.

– Ответ тебе не понравится, парень. Но ты явно не из трусливых, я смотрю. Умудрился ни на шутку меня раззадорить. Такое в последний раз удавалось одному авторитету – Борьке Шершневному. Светлая ему память! Хороший был противник.

Под вытаращенные глазенки Озерова Арсен продолжил играть с огнем:

– Давай. Подними свой зад с дивана, и поиграем! – Арсений в разы ниже и мельче нагромождения мышц в лице Олега, который еще и старше Митяева.

Очевидно, что 17-й номер «Магнитки-95» взял пошедший под откос план Озерова в свои руки – он хотел отвлечь Олега и его помощников, чтобы Озеров занялся флешкой. Правда, Даня еще об этом не догнал.

– У тебя явно есть яйца, пацан! Но знаешь, они тоже разные бывают.

– Ты знаток, я смотрю, – Арс продолжил провоцировать Олега.

– Не нужно злоупотреблять моим радушием.

– Так что же нам может предложить твой клуб?

– Все, что душе угодно. Каков бюджет – таков сюжет.

– Предпочитаю командный спорт.

– Какой же?

– Хоккей. Здесь как раз моя команда.

– Вот оно что, великолепная пятерка и вратарь? Часто ваши сюда захаживают – они еще те балагуры. Много чего знают и много чего умеют.

– Мы не хуже. И примем любой вызов.

– Опомнитесь, парни! Вы соглашаетесь на такое ради вот этого недоразумения?! – Олег указал на Данила.

– Да, все так.

– Что ж, как будет угодно нашим гостям, – хозяин клуба демонстративно снял пиджак.

– Условие: ты сдержишь слово, данное этому недоразумению. Сделаешь то, о чем он тебя просил.

– Вы не по годам смелые ребята, – удивлялся Олег. – Я же сотру вас в порошок!

– Придется попотеть, здоровяк, – неожиданно включился Брэдобреев.

– Лучше бы уносили отсюда ноги, хоккеисты. Глядишь, кататься вы больше не сможете. А клюшками размахивать и подавно, – угрожал мафиозник. – Мои дела с бате́й Данила никого из вас не должны касаться.

– Неужели там что-то жутко серьезное, что тебе не по силам выполнить? Мы слышали, что ты здесь чуть ли не самый могущественный человек. Или это все бред? Если это и есть твое слово, то оно и яйца выеденного не стоит!

– Хочешь проверить?!

– С удовольствием. С чего начнем?

История шестнадцатая. **«Холодный чай... 40 градусов»**

Домработница Озеровых Гульназ с завидной регулярностью стала замечать, что пятницы у нее не задались. И ведь знаешь свое дело, скрупулезно выполняешь работу, соблюдая все жесточайшие требования хозяина дома, который может выкинуть тебя на мороз из-за любой пылинки или пятнышка. За солидную зарплату грех допускать оплошности. Но в последнее время женщина, распечатавшая шестой десяток, словно выступала под сводами цирка, балансируя на шаткой конструкции из стальных цилиндров.

Так, в прошлую пятницу неприметно стоящий в кадке цветок внезапно решил прилечь, при этом шлепнув Гульназ по заднице, отчего домработница с испугу огрела шваброй ни в чем не повинное растение. Зеленый гад умудрился запачкать ковер и сломать себе ветку. Промахнись Гульназ по безмолвному агрессору, то нанизанная на швабру тряпка шарахнула бы по стеклянному стеллажу, который она мгновение назад натирала до кристального блеска. А на днях еще и злополучная бутылка весьма недешевого вискаря попросилась в полет с полки холодильника. Ни перекись, ни какая-нибудь минералка, ни сок, а именно виски. И что он вообще делал в холодильнике? Также в преддверии прошлых выходных полы в коридоре первого этажа покрылись еле ви-

димыми липкими разводами неизвестного происхождения с неприятным запахом.

И вот в эту пятницу после легкого нажатия на кнопку смыва унитаза на втором этаже будто взбесился, нараспашку открыл все свои шлюзы и не смог их закрыть. Только кажется, что бачок унитаза является простейшим в мире механизмом. Такого мнения придерживаются лишь те, кто никогда не заглядывал внутрь горшка. Там такая хрупкая система выстроена, что нужна просто хирургическая точность в ее починке: сломать – пара пустяков, а вот чинить умаешься.

Чертыхаясь, Гульназ перекрыла воду, стараясь не касаться фарфорофаянсового предмета первой необходимости.

– Что ж ты за напасть такая? – обратилась к сортиру домработница. Если аппарат не починить, то ее мигом поставят к стенке. В таком случае она, положив руки на сердце, взглядом сымитирует того кота из второй части «Шрека».

Сейчас же она достала свой кнопочный мобильник и принялась звонить знакомому слесарю-сантехнику – мужику с золотыми руками и, как обычно бывает в таких ситуациях, со стальной печенью:

– Григорьевич, выручай! – воскликнула она. На него одна надежда.

Гульназ очень обрадовалась, узнав, что слесарь в данный момент не в запое. Михаил Григорьевич часто выручал ее за весьма скромные барыши. И сейчас его обещание прийти успокоило домработницу – кажется, у того как раз заканчи-

вается смена.

Завершив разговор, Гульназ чуть не выронила из рук свой телефон, когда напугалась хозяйки дома, которая появилась в уборной. Мама Дани Озерова – барышня добродушная. Проживание в большом доме с богатым мужем, по ее мнению, не дает никому права вести себя по-царски с людьми статусом ниже. Скорее, эта привилегия главы семейства, которого сейчас дома не было. Кстати, Гульназ заметила, что в последнее время обычно снисходительную хозяйку стало беспокоить нечто неизвестное, отчего женщина часто пребывала в подавленном состоянии. Домработница никак не могла понять, как можно жить в таком роскошном доме и беспокоиться о чем-либо.

– Что-то случилось, Гульназ? – спросила Озерова.

– Унитаз сломался.

– Он давно собирался, – вздохнула хозяйка.

– Я уже позвонила сантехнику.

– Отлично. Оладушки хочешь?

Предложение Озеровой удивило Гульназ – обычно жены обеспеченных мужиков понятия не имеют, как выглядит плита, но только не в этой семье.

В одном из темных и зланных подвальчиков на другом конце города ютились слесари местной управляющей компании. Среди них сидел и вышеупомянутый Михаил Григо-

рьевич в грязных сапогах и грубой фуфайке, разглядывая экран толстого допотопного телевизора. Черные стены, запах сырости, покосившиеся шкафы для одежды, просиженные кресла и верстаки со всяким барахлом – такой антураж навел бы на неподготовленного человека страх и отчаяние. Мужик с раннего утра ходил по окрестным пятиэтажкам на заявки и сейчас наслаждался минуткой отдыха. Его не смущают ни интерьер каптерки, ни его вонючая спецовка, ни дырявые рукавицы. После изнурительной смены вприпрыжку с проволокой, газовыми ключами, огрызками труб и вантузом – из подвала в подвал, из подъезда в подъезд, из хаты в хату – особо не хотелось ничего. Помои, грязь, ржавчина, машинное масло – вот из чего состояла жизнь 50-летнего мужичка. В начале заката собственной жизни (особенно в минуты тишины и одиночества) он стал ловить себя на мысли: в какой же момент он свернул не туда, когда же его фрегат получил пробоину и пошел ко дну? Бездна, грязная работа за гроши, прозябание в нечистотах в постоянном аврале что зимой, что летом, что с водой, что с отоплением, что с канализацией. За какие заслуги?

Начала болеть голова, что-то подступало к груди.

Хлопнули входной дверью, постучали обувью о коврик на входе.

– Прохлаждаемся?! – спросил другой слесарь – такой же неудачник и алкаш.

– Я с шести утра на участке. Вот только присел, – потирал

лоб Григорьевич.

– Хочешь обрадую тебя?

– Как-то мне не очень хочется знать...

– В 46-м доме прорыв.

– Вот говно... – расстроился Михаил Григорьевич.

– Оно самое, Григорьевич. Поднимайся, нас уже заждались.

Негативные мысли, уничтожающие даже минимальный настрой трудиться, с новой силой захлестнули голову – точь-в-точь как тот самый подвал, который стремительно наполнялся нечистотами, что произвели сами жители. А теперь они, видите ли, нос воротят. Телефон диспетчера управляющей компании уже раскалился, но даже он не мог обогреть то дерьмо, что уже вылилось на улицу и замерзло.

– Ну и как твое настроение? – злорадствовал напарник Григорьевича.

– Честно? – ответил тот, запрыгивая в «Буханку». – Хочется взять и сдохнуть.

– Когда слышишь о таких авариях, всегда так. Хуй ты выберешься из этого замкнутого круга: влип и барахтаешься. Мы бы все ушли отсюда к чертовой бабушке, будь у нас другие варианты. А их нет, Григорьевич. Не получится выплыть из здешнего болота. Даже если сыграть в ящик, клеймо останется. И запахок, – хохотнул напарник.

– Посмотрим.

– Погано на душе, понимаю. Можем хряпнуть после сме-

ны.

– Я в завязке, и ты это знаешь.

– А тебе ли не все равно? Какой смысл себя ограничивать, если хреново – все равно сорвешься.

– Постараюсь не сорваться.

– Ну-ну.

Естественно, из головы слесаря совершенно вылетела просьба Гульназ.

Когда самозабвенно занят делами, время летит незаметно. Домработница Озеровых переделала, кажется, все, что только можно, и вскоре начала дергаться. У Григорьевича, должно быть, адским пламенем горели уши. Однако в подвале, по пояс залитом канализационными стоками, явно не до ушей, икания, телефонов и летящего со скоростью света времени за пределами оплачиваемого рабочего дня.

Ближе к вечеру со скрипом на сердце Даня Озеров посетил несколько отцовских магазинов, где отпрыска владельца сети хорошо знали. Парнишка, не привлекая внимания, искусно повытаскивал со складов несколько бутылочек – кто ж его станет обыскивать? Озерова-младшего нисколько не интересовали наказанные за недостачу кладовщики или продавцы. Все его мысли заняты сохранением собственной семьи.

Уже с готовой алкогольной картой, которая зайдет хокке-

истам, Даня обосновался в отцовском гараже. Там, прежде чем сформировать ту самую коробочку, пацан дополнительно поколдовал над бутылками, разбавив их содержимое остатками экспериментального препарата, некогда предложенного ему Славиком. Легкая дрожь пробивала Данила от одной лишь мысли о предстоящей ночи.

Его мать обычно несется через весь дом встречать своего студента, якобы уставшего после лекций, семинаров и консультаций, но в последние недели из-за недомолвок в семье ритуал прекратился. Поэтому Озерову не составило труда тихонечко проникнуть в дом, разуться, на цыпочках подойти к холодильнику и изъять оттуда бутылку «Jack Daniel's». Причем Данил чуть не выронил ее, когда заметил метавшуюся по дому Гульназ, которая уже давно должна уйти. Спрятав виски за пазуху, Даня хотел проскочить в свою комнату, но все же столкнулся с домработницей лицом к лицу. Оба обменялись подозрительными взглядами: она – что пацан что-то прячет под курткой, он – что она увидела, что у него под курткой что-то спрятано. Через секунду молодой человек и женщина предпочли безмолвно разминуться.

Работы в зловонном подвале было непочатый край – сантехник, которого так ждала Гульназ, еле держался на ногах, но все же нашел силы влезть в более-менее сносные потертые джинсы и вязаный свитер, а также прихватить с каптерки чемоданчик с необходимыми инструментами. В таком виде Михаил Григорьевич – невысокий и узкоплечий мужи-

чок с приплюснутым черепом, редкими волосенками на голове, щетиной на изрешеченном морщинами лице и колким взглядом – появился на пороге дома Озеровых. Слесарь похож на полярника, который вернулся в пустующую квартиру после длительного отсутствия. Мужик старался не подавать признаков усталости (от работы и от жизни в целом): аварии на сетях водоснабжения и водоотведения участились, отчего объем работы давно пробил седьмое небо, а зарплата как была ниже плинтуса, так там и осталась; количество положительных событий в жизни ушло в минус настолько, что никаких перспектив существовать дальше не было и в помине.

– Прошу прощения за опоздание, – начал Григорьевич. – Нас снова бросили устранять аварию.

– Что же случилось? – из вежливости спросила хозяйка дома.

– Канализация, – вздохнул слесарь, зарывшись в потрепанный воротник свитера. – А на улице мороз. Когда мы добрались до места, все это дело уже было во льду...

Дабы минимизировать дальнейшие подробности нелегкой работы слесаря, Гульназ утащила гостя в уборную.

– Я уже почти разуверилась, что ты придешь.

– Ну я же обещал.

– Надеюсь, ты справишься быстрее того времени, что тащился сюда.

– А что?

– Скоро Озеров-старший приедет. А он по вечерам накру-

ченный и не желает видеть в доме посторонних.

– Может, ему вообще людей не показывать по вечерам, коль раздражается? Мы вообще можем считаться его близкими, коль моем и чиним его трон.

– Тише. Услышат ведь.

– Да не трясись ты так. Пусть слышат. Как-то мне уже совсем осточертела эта работа. А тут еще и изволь-ка ее делать молча.

– Ишь ты какой, – шептала Гульназ. – Скажи спасибо, что у нас с тобой хоть такой заработок имеется. Куда ж еще податься в нашем возрасте и с нашим образованием? На самое необходимое хватает, и хорошо.

– А кто-то, Гульназ, позволяет себе не только самое необходимое, но и самое желаемое. Еще и сдача остается. Отпуск на море, машина, квартира с евроремонтом, дом с тремя туалетами.

– Ты прекратишь или нет, негодяй?

– И те, кто себя этим обеспечил, поверь мне, вряд ли когда-либо прибирали в доме у богатых или прочищали трубы в стояке, куда более образованные граждане кидают все, что в мусорку не помещается.

– Мы хоть работаем. Кто-то вон лишился работы... в кризис-то.

– Ой, – махнул рукой Григорьевич, – в нашей стране уже 2011 лет кризис.

– Прощу тебя, займись делом, – Гульназ выглядывала в

коридор. Слесарь принялся копаться в ящике с инструментами. – Видимо, механизм смыва сломался.

– Да, частая напасть, – приговаривал слесарь, соблюдая осторожность и чистоту в выдраенной и благоухающей ванной комнате.

Гульназ пробыла в доме Озеровых сверх оговоренного времени, оттого нервничала и топталась на месте. Не дай бог, ее увидит Владимир Аполлонович.

Туалетных дел мастер ухватился за крышку бачка:

– Гуль, будь другом. Принеси чего-нибудь жажду утолить. С утра во рту ни капли.

– Воды?

– Или чего-нибудь еще...

– Ты вообще-то в завязке, забыл?

– Я не это имел в виду, но спасибо, что напомнила. Мне бы чего-нибудь освежающего и сладенького.

– Сейчас принесу.

Гульназ стала искать, что бы такого принести слесарю. Торопилась, ибо не хотела оставлять его в одиночестве: настроение у него больно бунтовское – как бы чего не выкинул.

– Это для мастера? – вмешалась хозяйка. – Может, чайник поставить?

Она засуетилась вместе с Гульназ, открыв холодильник. На глаза попала бутылка со сладким холодным чаем, который так любит Даня. Однако его мама считала такой напиток сущей химией, посему под должным предлогом втюхну-

ла бутылку Гульназ.

– Но такие любит Данил, – вспомнила домработница.

– Перебьется, лучше человеку предложи. Сладкое и освежает. Он ведь такое просил? – Гульназ подчинилась. – И стаканчик возьми.

Вернувшись к слесарю, Гуля застала его в неподвижной позе – мужик зачарованно глядел в загадочные глубины унитаза бачка.

– Вот тебе жажду утолить, – произнесла Гульназ и поставила бутылку на ящик. – Чего там интересного?

Михаил Григорьевич жестом остановил домработницу, которая хотела подойти к унитазу. Женщину такой знак насторожил. И неспроста.

Григорьевич выудил из бачка герметично заклеенный прозрачный пакет, взяв его за намокшие уголки. Внутри пакета – тяжелый черный пистолет Макарова. Настоящий, заряженный. Гульназ слегка отстранилась от сантехника, глубоко вдохнула от изумления и, прикрыв рот кулаком, так и не выдохнула, застыв посреди ванной комнаты в такой позе.

Немая сцена как раскатом грома прервалась пролетевшим по коридору Данилом. От неожиданности намокший пакет выскользнул из пальцев Григорьевича. Упакованный пистолет с грохотом рухнул на пол. Гульназ тут же представила реакцию домочадцев и так ужаснулась грядущими последствиями, что вся жизнь пролетела перед глазами. Она мигом скинула свой фартук на оружие, зажмурилась. Однако Данил,

прошедший мимо, совершенно не заметил суеты в туалете.

– Выходи за дверь и стой на стреме, – хладнокровно произнес слесарь, словно готовился обезвредить бомбу. Гульназ, проглотив язык, повиновалась.

Тем временем внизу к спешащему куда-то Дане подошла мама. Сколько б не было Данилу лет, она всегда беспокоилась о сыне.

– Ты куда?

– Встречусь с друзьями из Магнитогорска. По хоккею которые. Помнишь их? – не получив благословения матери, Даня уже всю обувався у выхода.

– А ты уроки сделал?

– Мам, ну какие уроки? Я ж в универе.

– Но там ведь тоже есть...

Даня, почти накинув пальто, подошел к маме и чмокнул ее в щечку:

– Не переживай за меня. Я тебя очень люблю. Впереди целые выходные – я все сделаю.

– Я знаю, сынок, – прошептала она. – Передавай всем привет, – парень кивнул и вылетел на улицу. – Только недолго, – произнесла мама, но, видимо, уже самой себе.

Найденный пистолет не покидал голову слесаря, отчего хитрый сливной механизм толчка никак не хотел чиниться – пришлось повозиться. На прежнее место смертоносное ору-

жие не вернешь: будет мешаться – и без того в бачке тесновато.

Пробыв в неудобном положении с десяток минут, мастер внезапно почувствовал колкий удар подвалившей усталости: заныла спина, загудели руки, захрустела шея, слегка потемнело в глазах. Еще бы, весь день на корячках: ни продохнуть, ни выпрямиться, ни прилечь, ни пернуть. Нужно срочно перевести дух, а не сгибаться над фарфорофаянсовой скульптурой в три погибели. Слесарь спиной прислонился к стенке, высматривая вентиляцию в потолке, чтобы без палева покурить – это успокаивает.

«Доползу до дома и спать. Так себя насиловать нельзя», – подумал Григорьевич. Его тревожило и то, что в груди снова начались подозрительные покалывания, которые часто перерастали в болезненный неровный стук, словно внутри живет пьяный кузнец, который частенько промахивается по наковальне.

Закрыв глаза и сделав глубокий вдох, Григорьевич тихо сполз на пол. Тут любопытная Гульназ отворила дверь:

– Чего тут у тебя?

– Отдышаться надо. Ничего такого.

– Ты бледный какой-то.

– Обыкновенный я.

– Вы, мужики, никогда не признаетесь в слабости. Только когда конкретно прихватит, – сказала она, а Григорьевич состряпал недовольную гримасу. – У тебя же сердце? Сколько

ты сегодня на ногах?

– Будто тебе есть разница.

– Еще какая.

«Любите вы, бабы, когда плохо, поднасрать в мозги так, чтоб совсем невыносимо стало», – подумал слесарь, поднявшись с пола.

– Закончить надо, – сказал он и достал сигаретку из пачки, отчего глаза Гульназ расширились до размера двух столовых тарелок.

– Миш, ты совсем сбрендил?! Даже не думай, – Гульназ выхватила сигарету прямо из его рта. – Так ты отдышаться собрался?!

– Да никто не учует.

– Любой посторонний запах – вычет из моей зарплаты, – предупредила она. – Ты, честное слово, какой-то странный сегодня. И выглядишь нехорошо.

– Конечно, – взбеленился он. – Я же пью, курю как паровоз, мотор шалит, печень на последнем издыхании, вожусь в грязи целыми днями. Как я еще не подох, не понимаю?!

– Я совсем не то хотела сказать.

«Если он тут задумает крякнуть, – подумала Гульназ, – меня точно попросят».

– Все вы так думаете. Иди за дверь, а то твой холеный шеф придет и захочет свой пестик проверить.

– Типун тебе на язык!

– Отличное оружие, кстати, – не затыкался Григорьевич. –

Твой хозяин, видимо, не прочь пострелять.

– Он начнет палить по людям, если узнает, – нагнетала Гульназ.

– Сейчас все починим и вернем его на место.

– Хватит лясы точить. А то как текло, так и течет.

– Просто я равнодушен к таким штукам. Ты не пове-
ришь, но я же в прошлом серьезно охотой увлекался. А в
детстве стрелковую секцию посещал.

– Ты с ружьем – не поверю никогда, – сложила руки на
груди Гульназ. – У тебя с гаечным ключом-то руки вон тря-
сутся.

– Ну это сейчас, а вот тогда-а... Зря ты так. У меня вооб-
ще-то разряд имеется.

– Ладно, стрелок, я верю тебе. Хлебни чаю и успокойся.

– Смотри мне, – подмигнул он, и Гуля снова вышла в ко-
ридор.

То ли в сердце, то ли в душу мужику воткнули кол и кру-
тили его, предварительно обезболив, – фантомный диском-
форт только нарастал на протяжении всего вечера, что едва
ли беспокоило слесаря, ибо гробить здоровье уже вошло в
привычку. Что еще остается делать?

Григорьевич открыл бутылку с холодным чаем, чтобы сде-
лать глоток и вернуться к работе. От соприкосновения губ и
языка с содержимым бутылки он подумал, что его обоняние
жестoko смеется над ним, ведь он в завязке, а чай будто и не
чай, а что-то покрепче, не из листьев. Сделав глоток, мужи-

чок чуть не разлил все от неожиданности:

– Ни хрена себе чаек! – поразился слесарь, в два счета распробовав вискарь.

Его одолели смешанные чувства: с одной стороны, все это плохо, порочно, глупо, бесполезно, вредно и принесет в конечном счете много бед и страданий. Он уже наступал на эти грабли, и зеленый змий чуть было до смерти не ужалил его, поэтому даже с каплей яда опасно соприкасаться. Но, с другой стороны... Какое же это наслаждение: ощущать этот вкус, смаковать его, когда капли божественного напитка приятно согревают, а не нещадно обжигают как водка и прочее огнеопасное пойло, которое он перепробовал.

Хватило одной искры, чтобы разжечь былое пламя, старательно затушенное врачами, целителями и собственной силой воли. Выпивка способна в одночасье сделать из бывалого мужика, потрепанного жизнью, слабую и беспомощную биомассу. Вроде бы что-то нашептывает совесть, слышны вопли жизненно важных органов, только начавших восстанавливаться от предыдущего сожжения паленкой. А ведь слесарь хотел употребить всего лишь глоточек, чтобы жажду утолить. Вместо этого пришлось выпустить ожидавшее своего часа неукротимое и сумасшедшее влечение, отныне взывавшее внутри новыми красками и захлестнувшее ничего не подозревающего мужичка с головой. Забытый вкус алкоголя вновь приласкал рот и горло, живот, сердце – бальзамом обволок все, до чего добрался и во что впитался. Но этого

чарующего и успокоительного действия, которое позволяет абстрагироваться от серости окружающего мира, надолго не хватит – наступит сильнейшая жажда, и рука сама потянется за добавкой. Ее не остановить, ведь в сотый раз забудется истина, которая гласит, что за прекрасным и пленительным занавесом скрываются смертельные муки, страдания, боли, разрушающие не только тело и душу, но и все вокруг.

Тем не менее Григорьевич вместо того, чтобы неподвижно стоять на усыпанном граблями поле, потирая шишку на лбу, сделал второй уверенный шаг вперед. Снова-здорово! Он припал к бутылке. Сделал глоток. Потом еще. И еще. И еще. И еще. Когда дышалки не хватило, он остановился, ибо в голову стукнуло. Прилетело осознание непоправимой ошибки: а если он вновь погрузится в этот мрак и уже не сможет из него вырваться? Мастер ужаснулся, отпрянул от горлышка пластиковой бутылки, убрал «чай» подальше в ящик. Однако и это минутное отторжение скоро будет убито алкогольной змеей, проникшей внутрь и желающей отравить совесть и здравый смысл, а после просто и легко овладеть расслабленным телом. Однако прежде здоровое и трезвое внутри будет до последнего противиться возвращению темных (пьяных) времен, подкидывая кардинальные способы решения возникших жизненных проблем. Например, с помощью бутылки, пистолета или тяжелого газового ключа.

Периоды загулов и запоев у Григорьевича, которые в итоге ничего хорошего не приносили, часто начинались с малого.

Прям как сейчас. А потом? Что говорят алкаши, когда их спрашиваешь, зачем они пьют и не просыхают? Ух, вопрос для них сложнее вопроса о смысле жизни. Они обжигаются, но все равно продолжают лезть в огонь, пока окончательно не сгорают.

Физическому здоровью хорошего мастера наносился невосполнимый вред, но никак не его моральной стороне... пока. Вот сейчас мир вокруг слесаря стал пробуждаться, заиграл новыми яркими красками, словно природа весной, убивающая на корню нуарную серость и холод зимы. Жизнь этого человека действительно напоминает позднюю осень. Давно он не лицезрел ее через разноцветное стекло из ассортимента винно-водочного магазина – это как последнее резкое потепление в октябре, после которого подморозит окончательно. Чем дальше отдаляешься от последней стопочки по случайному поводу, тем хуже и поганее себя чувствуешь, тем тягостнее и жестче реальность вокруг: люди, работа, семья, долги, проблемы, подорванное здоровье.

А ведь от негатива можно легко уйти, забыться. Есть средство. Оно легальное и продается практически на каждом шагу, ибо является самым ходовым товаром (что в кризис, что в праздник), на котором и поднялся владелец дома, где нынче сломался сортир. Именно алкашка и провоцирует те проблемы, от которых все бегут, потребляя ее же в больших и больших количествах. Замкнутый круг вырисовывается. Озеров-старший, выходит, зарабатывает на чужих страдани-

ях, которые сам и провоцирует. Чем больше горестей и проблем, тем радикальнее последствия и тем солиднее прибыль этого толстосума. Все же очевидно – как раньше Григорьевич до этого не додумался?

Пистолет лежал в пакете на полу – аккурат под фартуком Гульназ.

Размышляя о круговороте проблем, вызванных чрезмерным употреблением спиртных напитков, Григорьевич вновь залез в бачок унитаза. Но разного рода мысли не покидали его, продолжая блицкриг в дебри подсознания.

«Что же я делаю? Разве я заслужил такой вот рабский труд на исходе жизни? Сам виноват? Где же я оступился? Где я свернул не туда? Отчего моя семья еле сводит концы с концами, а кто-то жирует? А? А ты вспомни! Ты сам во всем виноват, сам пустил жизнь под откос. Кто ты? Никто! – про себя бормотал сантехник. – Кто я? Я никчемный слабак. Из-за меня мы все и оказались в жопе, упали ниже некуда. Сам перед бутылкой не устоял, и жена вместе со мной. И вроде бы решили бесповоротно – хватит бухать. Ради сына. Мы уже не поднимемся со дна, но сопротивляться будем до последнего. Правда, силы уже на исходе. Но он-то, мальчик мой, еще все может, у него все впереди, – Григорьевич посмотрел в сторону ящика. – Получается, это пошло для меня дороже собственного сына?! Эту тягу... это бесконечное падение... эти мучения... эти боли – их можно заглушить только одним способом. Быстро и наотмашь. Мы жестоко под-

сели. А все эти трезвяки, врачи, кодирования – полумеры просто. Легче от них не становится. Хоть что-то бы изменилось. Ни хуя не изменилось! Стало только хуже, а выпить нельзя. Или нет? Или можно? Какая вообще разница?! Чего себя ограничивать, коли нечего терять? Боль и жажду не унять – она здорово укоренилась внутри, она твоя навсегда. С ней ничего не сделаешь, так? – Григорьевич снова оставил инструмент и потянулся за бутылкой холодного «чая». – Давай еще раз... Кто виновен во всем? Я? А кто подталкивает? Каждый день и час. Они, – он осмотрелся вокруг, – они все. По телеку, по радио, в газетах и журналах, на всех стенах и столбах. Всюду! Показывают, как это хорошо, как это здорово – добро пожаловать в наши ларьки, наши магазины, кафешки, забегаловки. Добро пожаловать с денежками, последними кровными. Пиво, вино, водка! Это бизнес на костях! И мы – жертвы этих угнетателей. И я сейчас чиню им унитаз! – откинув фартук, мужик притянул к себе мокрый пакет с пестиком. – Сколько крови, горя и невинных жизней на этих дельцах. Мужчины и женщины, подростки и старики, здоровые и больные. Их зомбировали, обманули, некоторых убили, а остальных только собираются убить. А сами живут припеваючи и не подозревают, каково это. Они снюхались с продажными политиками и кучкой бандитов – вместе они устроили массированную атаку на население: якобы поощряют, соблазняют, а на самом деле выманивают из нас деньги и здоровье, дурят по полной программе, опускают, унижа-

ют, чтобы простой люд никогда до них не добрался и дальше позволял кучке зажавшихся козлов грызть все новые и новые поколения. Неужели никто так этого и не понял?! Кажется, я понял и созрел, чтобы действовать. Он скоро придет, говоришь? Запахи не любит, говоришь? Посторонних, значит, не терпит? Жирная избалованная свинья! А что ты скажешь на пулю промеж глаз?! За всех тобой погубленных! За меня, за супругу, за сына... с испорченной жизнью. За все твои злодеяния, за все, что твой товар отнял у людей! Миссия священная, ага! Терять мне нечего – у меня ничего и не было, – Григорьевич вскрыл пакет и сжал пистолет в руках, пытаясь вспомнить навыки точной стрельбы, которыми щеголял в стародавние времена. – Кто виноват? Озеров? Его жена, его сын-оболтус? А кто смыл в унитаз свою жизнь? Кто ходил покупать, а потом займы выпрашивал водку? Кто поддался на их уловку? Кто думал, что ничего не будет, что все это временно? Кто? Я! Сам виноват! Я и только я! Кто я?! Никто! Почему? Сам виноват! – вот и ответ, очевидный и закономерный, в мире, где каждый сам за себя. – Только в тебе все и дело. Никто толком не оценит твой поступок. Никто толком и не заметит твоего исчезновения. Кому есть дело до никчемного слесаря? Убьюсь, и никто глазом не моргнет. Кому я сдался, кому я дорог? Ничего не имею – полвека прожил и ничего не добился, – пригорюнившись, мужик понял, что все свои проблемы он может только запить, залить, утопить в алкоголе. И это все, на что он способен: перечислять

трудности жизни, обвиняя в них сильных мира сего и идти к ним за выпивкой. – Ничтожество! Без меня уж точно будет легче и лучше всем, раз я ни на что не годен. Будет лучше и мне, – указательный палец уверенно опустился на спусковой крючок, дуло медленно повернулось ко лбу. – Когда же еще представится возможность? Быстро и наповал – тогда-то эти богатенькие подскочат: труп пролетария в ванной опустит их на землю. Вот ведь история будет. Так, а что же семья? – на этом вопросе в дверь постучала Гульназ, что заставило Григорьевича кинуть пистолет в ящик и вернуться к ремонту, который пошел как по маслу, несмотря на раздрай в голове. Непременно дилемму нужно разрешить сегодня – выносить эту каторгу больше нет сил.

Обуваясь у выхода, Григорьевич засмотрелся на фотографии, висевшие на стене. В центре коллажа располагалась большая и явно постановочная фотография «счастливого» семейства Озеровых: тучноватый Озеров-старший сидит в кресле, с левой стороны его обнимает сын Данил, ослепительно улыбаясь, а с правой – стоит по струнке жена, словно стесняясь фотографа. Сантехник натужно попытался представить собственную семью на этом фото – не получилось.

Отойдя буквально пару метров от шикарного поместья Озеровых, слесарь и домработница узрели картину возвращения домой Озерова-старшего на внушительных размеров

«Джипе». Супруга всегда встречает его у входа и нежно целует. Сейчас Владимир Аполлонович лишь возбужденно влетел в дом, проигнорировав стоящую в дверях жену.

– Вижу, не все в семье идеально, раз пистолет в унитазе заныкан, – констатировал Михаил.

– И сын у отца алкашку тащит, – продолжила домработница. – С другой стороны, такие люди должны иметь оружие: врагов хватает, – произнесла она, а слесарь вспомнил, как мимолетно хотел застрелить беспощадного дельца Озерова (он наверняка не одинок в своем стремлении).

– У меня тоже сын, – отметил мастер, не став развивать тему оружия.

– Вот. По сути, эта семья в сухом остатке ничем не отличается от твоей, – сморозила Гульназ, чем вызвала безудержный хохот Михаила Григорьевича. О сказанном она пожалела – к сожалению, слово не воробей.

– О, ты глубоко заблуждаешься! – слесарь переборол смех и высказался. – Мы кардинально отличаемся от них.

– Прости, я не подумала.

– Ха-ха, не подумала она, – вошел в раш взвинченный дальше некуда мужичок. – А хоть раз поднять крышку бачка во время уборки ты тоже не подумала?

– Да какая муха тебя укусила сегодня, Миша?!

– Понял кое-что важное.

Гульназ с колкостями в свой адрес мириться не собиралась:

– Хорошо. Раз у нас с тобой сегодня вырисовывается откровенный разговор – я тоже кое-что скажу.

– Ну-ка, – забыл о всяком приличии слесарь.

– Я считаю, что можно жить и радоваться жизни хоть в особняке с тремя спальнями, хоть в тесной коммуналке. Это зависит не от условий, а от человека, который сам выбирает, как свою жизнь построить и как приоритеты расставить. Ты вот себя очень плохо ведешь.

– А ты мне мать родная, чтоб меня отчитывать?!

– От твоих собственных решений и поступков зависит твое будущее – ты сам себя привел туда, где сейчас находишься.

– Гульназ, ты замужем? Дети есть?

– В разводе, – ответила она. – Муж оставил на меня двух дочерей и исчез, – ей внезапно взгрустнулось.

– Так вот и оно. Сама до такого докатилась. Такая у тебя, выходит, логика?

– И ты тоже, – не сдавалась она. – Ты отец. У тебя сын. И где он сейчас? Что делает? А? Не знаешь?! А если бы знал и проявил элементарную заботу – у тебя все было б по-другому. А ты что сделал? Подумай. Относился бы нормально к себе и к своей семье, к работе – не жаловался бы на жизнь. Чего в зеркало плевать, коль у самого рожа крива? Надо ценить, что дано... то, что имеешь.

– То есть ты серьезно считаешь, что можно полюбить вот эту работу? – показал на свою грязную робу слесарь. – Со-

мневаюсь, что тебе, дорогуша, нравится вылизывать жилище ленивых буржуев.

– Такова уж наша участь. Знал бы ты, какой был конкурс на это место.

– Опомнись?! Что ты такое говоришь, Гуля?

– Это все, что мы имеем. И на деньги можно рассчитывать – лучше, чем ничего.

– Вот именно! Что же это за великие деньги? Что на них купишь? Это просто жалкая подачка, чтобы не сдохнуть, жить впроголодь, чтобы не думать о возвышенном, а только о том, как себя прокормить. Нас научили так жить. Жить и не мечтать... Вот эти самые... богачи!

– Смирись уже.

– Нет уж.

– Сыну отдай свой гонорар тогда. Невеликие деньги, но все же...

– Сыну?

– Ему нужнее. Глядишь, в дело вложит, верный путь изберет – не к бутылке и не в плохую компанию. Ему нужен отец, который скажет, что нужно делать, дабы не кончить как мы с тобой. У детей все впереди. Или жене подарок сделай...

Слесарь молчал.

– Поверь, – прикоснулась к нему Гульназ, – не у тебя одного такие мысли. Но все терпят, и ты терпи. Ты все равно ничего не изменишь. В конце обязательно станет легче – будет награда, даже самая простая. Надо надеяться...

Успокоения в их диалоге никак не наступало.

– Ты дура! – отстранился слесарь. – Оглянись вокруг: мы в глубокой жопе, и нет из нее выхода. Золотая слеза не выкажется. Мажоры в торговых центрах деньги раздавать не будут. Клады на дне унитаза тебе не спрячут. Домой иди и там подумай, что я прав, – Гульназ обидчиво хмыкнула в ответ на хамство. Продолжить вразумлять сантехника – окоченеть на морозе.

– Вот кто дурак, так это ты! И явно не со зла. Может, тебя проводить, чтобы ты делов не натворил? Выглядишь неважно.

– О себе позаботься. Иди же. Дочки, наверное, тебя уже заждались.

Со всех сторон оранжевым светом горели городские огни. Гульназ и Михаил Григорьевич отдалялись друг от друга, выбрав два противоположных пути. Когда расстояние между ними увеличилось достаточно, слесарь остановился, поставил ящик на землю, достал из него бутылку с этикеткой холодного чая и стал жадно лакать из нее. И как, черт возьми, в ней оказался виски?

Когда насытился, то убедился, что еще осталось немного – как раз согреться для прогулки по городу. Куда глаза глядят. Он опустил взгляд на ящик – среди ключей, отверток, веревок, герметика и прочего инструмента лежал пистолет.

История семнадцатая. «Разговор с совестью»

Михаил Григорьевич потерял счет времени, заблудился, пропал – в своих мыслях, думках, сомнениях, в своем городе. Попивая остатки виски, слесарь, будто управляемый ветром, сигналами светофоров и людским потоком, бродил по городским улицам.

В центре Челябинска горожане счастливо и беззаботно гуляли, общались, готовились к наступающим праздникам, выбегали и забегали в магазины, сидели в кафешках. Михаил Григорьевич сильно контрастировал на их фоне – кто-то вопросительно озирался ему вслед, кто-то посмеивался, кто-то отстранялся, а большинство просто не замечало слесаря. Есть заботы и поважнее какого-то грустного и бедно одетого незнакомца.

Тот в свою очередь думал, что у остальных есть хоть какой-то смысл жить (даже самый простенький), раз они куда-то идут и что-то делают. Либо эта суета обусловлена приверженностью к современному обществу. Наверное, в жизни нет никакого смысла, когда приходится влачить жалкое существование, мучиться от бедственного положения, на которое ты уже не в силах повлиять.

Осознание сего факта подталкивает к единственному варианту развития событий. Алкоголь только подогревает ин-

терес и выворачивает категоричность на максимум, обращая в пыль все аргументы здравого смысла в пользу борьбы и жизни наперекор никчемности. Поселившийся внутри змий внезапно научился талдычить по-русски (с легким шипением): «Пистолет тебе попался не просто так, друг. Чтобы покончить со всем этим. Чтобы перестать мучиться. Нужно всего лишь применить его по назначению. Это единственный выход – всем станет только лучше от такого исхода. Страданий не будет. Больше ничего не будет... Ни стыда, ни боли, ни угрызений совести. Всего лишь одно простое движение...»

Из-за излишнего телесного тепла, которое генерировалось сочным виски, Григорьевич не мог замерзнуть. Его ублаживало еще в центре города, правда, пешеходы вокруг, яркие вывески и летящие по улицам машины не давали упасть и захрапеть. Слесарь смог задремать только в пустом гремющем трамвае. Но на конечной, где-то у черта на куличиках, его выкинули из вагона. Еле волоча отяжелевшие ноги по обледенелым тротуарам и тропинкам, мужичок набрел на заброшенный безлюдный парк с полуразрушенными строениями, покосившимися беседками, разбомбленными ларьками, четвертованными и обезглавленными скульптурами и непролазными зарослями. «Прекрасное олицетворение моей жизни. Отличное место, где ее можно прекратить», – подумал он.

На возвышении располагается нечто вроде смотровой

площадки. Ее бетонные ограждения исцарапаны и изрисованы. Ограда поломана – из нее торчит арматура. Утоптаный кое-где снег перемешался со стеклом от разбитых бутылок и собачьими экскрементами. За ограждением внизу – припорошенный снегом нетронутый овражек глубиной в пару-тройку метров. Если встать на бетонный помост и пустить себе пулю в висок, брэнное тело полетит напрямиком в овраг, который не просматривается с дороги, и пролежит там черт знает сколько. По сути, идеальный вариант. Хотя после выстрела особой разницы не будет.

Михаил Григорьевич бросил ящик с инструментами на землю, забрался на парапет, слегка покачиваясь и сжимая в руках оружие. Пистолет в окоченевших трясущихся руках казался неподъемным. Еще труднее удержаться на ограждении и не полететь камнем вниз раньше времени – шею сворачивать нельзя, иначе зачем дан пистолет, если удушиться можно в любой другой день. «А может, все же для чего-то другого?» – раздумывал мужик, глядя на пестик. Пришло время совершить роковой выстрел. Ощущаешь себя вонючей выжатой тряпкой, которая, помимо своего непотребного вида, еще и изорвалась, а грязь пропитала каждую ее ниточку. Однако эту тряпку никак не оставляют в покое: лишь упорно пихают в вонючую черную воду, выжимают и продолжают возить по полу.

К чему эти церемонии? Остатки виски слесарь выдул и бросил бутылку рядом. Кажется, боль в груди немного при-

тупилась, но, имея огромный опыт отношений с алкоголем, он знал, что она лишь копит силы, чтобы ударить в самый неподходящий момент и задушить его насмерть. Не успеет, заключил он.

Напоследок Михаил Григорьевич решил попрощаться:

– Знаю, что это была наша чудовищная ошибка. В итоге все привело к тому, что мы имеем сейчас. Печально... но я начал первый и уйду первый, чтобы ты опомнилась и постаралась все исправить, ведь я уже не в состоянии. Целую и люблю... Прощай, – он обратился к жене. Далее последовало обращение к сыну. – Сынок, я был отвратительным отцом. Знаю, что ты презираешь меня, но, несмотря на наши недомолвки, ты всегда был рядом, помогал нам с мамой, терпел наши пьяные загулы, – внезапно у него пересохло во рту, а глаза застелили слезы. – Мы не давали тебе расправить крылья, вдохнуть свежего воздуха полной грудью. Мы стали позорным клеймом для тебя. Сейчас я облегчу твою ношу... А уж с мамой тебе будет полегче. Ты береги ее, пожалуйста. Она не такой пропащий человек, как я. Надеюсь, что твое время еще наступит и ты сможешь реализовать себя, освободиться из этой клетки. Ты смысленый и талантливый мальчишка и обязательно всего добьешься. Не суди меня строго – я был слаб в те моменты, когда нужно было стоять на своем и сопротивляться. Не повторяй наших ошибок и живи, как мы с мамой не жили. Ты достоин лучшего. Как же только ты получился у нас – мы не ровня тебе... Как же...

– Как-как?! Жопой об косяк! – выкрикнул кто-то у правого уха мужика так громко, что слесарь чуть не свалился в полный мусора овраг.

Михаил огляделся. Всюду темнота, никого нет.

– Я отвечу на твой вопрос, – вещал Голос, словно из воздуха. – Ребенок у вас получился нормальный, потому что и вы с женой когда-то были нормальными людьми. И сын твой – прямое доказательство того, что и в тебе еще осталось зернышко здравого смысла. Как и желание жить, чтобы взрастить его снова. Не все еще отравлено, слышишь?!

– Что еще такое? Кто здесь?! – крикнул в пустоту Михаил Григорьевич.

Ответа не было.

«Ясно все. Паленка. Нормальный виски в чай бы не залили», – подумал он.

– Я – это ты! А ты – это я! – из пустоты вновь раздался неизвестный Голос. – Забыл, правда, кто поет эту песню.

Как-то раз слесарь сталкивался с глюками, но это уже чересчур.

– Не хватало мне еще сдвинуться напоследок.

– Никуда ты не двигался, идиот! Просто это единственный способ остановить тебя.

– А не надо меня останавливать! Я хочу этого. Я уже твердо решил...

– Как и твердо решил не употреблять. От одной капли расклеился, слабак!

– Пошел ты в баню! Кто бы ты ни был.

– Было прекрасное время, когда ты еще не алкашил конкретно, но слабинку проявлял. С кем не бывает. Но вот эгоистом ты не был никогда, Миша. Даже в самых затяжных за-
поях. Сердечко, небось, от этого ой как пошаливает.

– Где связь?

– Самоубийство – наивысшая степень эгоизма, ты так не считаешь? А это твое пафосное прощание. Слушать тошно. Ты серьезно?! А ты не думал, что будет после того, как ты отдашь богу душу?

– Лучше будет.

– Сомневаюсь. Ты только представь, что произойдет с теми, кто как ни крути, но любит тебя, каким бы мудозвоном ты ни был. Я поведаю тебе, что их ждет. Твоя семья разрушится. Супруга не перенесет твоей смерти и с ее-то болячками долго не протянет. Страдания пошатнут ее здоровье получше адской бормотухи, которую вы с ней потребляете. Какое право ты имеешь обрекать женщину на смерть от хроники или от протекшей крыши?! Легче ей без тебя не станет. Надеешься на сына? Ха, твой сынок... Думаешь, он освободится? Как бы не так. Он просто не вытянет двух похорон подряд, поседет на глазах, и никто ему не поможет, ведь все от вас отвернулись давным-давно... вашими же стараниями. Мальчик будет винить себя в произошедшем, хотя он вообще ни при чем. Скорее, наоборот. Он из кожи вон лезет ради вас двоих... себе же во вред. И это тоже не конец, пред-

ставляешь: он наберет долгов, будет сутками пахать как раб, но денег не прибавится ни капли. Вот тогда он свяжется с плохими людьми и натворит неопишуемых бед. Жизнь пойдет по наклонной: он станет эком, за которым жирный такой кровавый след. А даже если пролетит мимо тюряги, то от одиночества и безнадёги превратится в тебя: просыхать не будет либо пристрастится к чему-нибудь посерьезнее. Сдохнет в грязи от интоксикации или сидя на вашей же поросшей мхом кухне в обнимку с бутылкой. Ты этого хочешь?! Ладно. Давай. Стреляй уже! – от этих слов слесарю внезапно стало так страшно, что его ноги подогнулись и он слетел с ограды. Но в совершенно другую от оврага сторону – напрямик в сугроб. – Иди отсюда! Не дай сбыться этому сценарию. Сын уже готов совершить...

– Что за дьявольщина, мать твою?! – воскликнул слесарь, поднялся с земли и еще раз осмотрелся. Никого. – К чему сын готов? Что совершить? Объясни! Он хочет что-то плохое сделать?! Скажи! Эй!!!

Ответа не поступило. Таинственный Голос замолк, оставив после себя уверенность в том, что Григорьевич свихнулся. Однако в его голове все пульсировало и шумело исключительно от последствий выпитого и пройденного пешком. Зная, какие перспективы сулят его родным, он больше не мог взять и покончить с собой.

На свой же вопрос он сам и ответил: «Сынок! Андрюша. Вот моя главная цель и надежда в жизни. Если не наладить

отношения с ним, то все будет безвозвратно утеряно. Срочно нужно загладить вину перед ним. Сложно, но необходимо. Нужно заслужить его прощение. Не будет мне тогда покоя. Иначе не смоешь с себя позор отца, не признанного собственным сыном. Так и умрешь... Так и положат тебя чужие сыновья в могилу... с табличкой с номером вместо креста».

– Я не эгоист. Я ослеп. Но сейчас прозрел. Мои родные не должны страдать. Я должен подать им правильный пример. Не слабак я, слышишь?! Не слепец.

Мужик засобирался в обратный путь. Странно, но к рукам и ногам вернулись силы и тонус, словно и не пил совсем, но легкая расхлябанность все равно присутствует, однако Михаил Григорьевич ее не замечал, ибо настроен взять себя в руки и привести жизнь в полный порядок, чтобы предсказанное неким Голосом ни в коем случае не сбылось. Бросить жену и ребенка – это несусветная глупость, за которую стыдно.

– Все из-за тебя! – сквозь зубы произнес он, схватил бутылку из-под чая, поставил ее на парапет и трижды пальнул по ней из пистолета.

Выстрелы эхом разнеслись по округе – в ушах зазвенело. Присмотревшись к цели, мужик понял, что ни одна из пуль даже не задела ненавистную бутылку. Тогда-то он вновь решил вспомнить, чему его учили в стрелковой секции.

«За семью, – подумал он. – Отныне и впредь я не поддамся».

Прозвучал еще один оглушительный выстрел. Бутылка подскочила и свалилась в овраг. С дрянью, которая ее наполняла, покончено. Пора заботиться о себе и близких. Правда, вяло тархтевший в груди мотор намеревался выдать сегодня свою последнюю барабанную дробь.

История восемнадцатая. «Бегство»

Душераздирающий вопль из нутра приведенного в действие пресса превратился в крик пробудившегося ото сна паренька по имени Андрей, 17-ти лет отроду. Он упал со старого деревянного стула; во рту пересохло, дрожь прошлась по телу, а сердце долбило в груди, словно дембель, дорвавшийся до первой доступной девчухи. В душном вагончике нечем дышать. Поднявшись с пола, паренек толкнул дверь и вышел на улицу – на отрезвляющий морозец.

Надо отдышаться. Приснится же такое.

Пока не начало знобить от холода, Андрей не заходил в осточертевший вагончик. Парень еще раз окинул взглядом унылые окрестности: вокруг тихо, лишь издалека доносятся брехание собак и перестукивание вагонных колес на железной дороге; с черно-серого неба медленно падают редкие снежинки, там же простирается шлейф дыма от заводских труб неподалеку. Куда ни глянь, всюду возвышаются кучи еще не отработанного лома, словно горы брошенного хвороста, над которыми нависают стрелы гусеничных кранов и погрузчиков с клешнями и манипуляторами. Чуть поодаль лежит уже спрессованный конструктор, в том числе горы сдавленных автомобилей, сложенных друг на друга, будто слоеный пирог. Снова вспомнился гигантский пресс, который беспощадно мнет металл. Жуть. Побывай Андрей внутри по-

настоящему, от него бы мокрого места не осталось. Молодой человек оглядел горы лома, простирающиеся до самого небосвода. Может показаться, что всюду полный хаос, но впечатление обманчиво: в каждом закутке здесь доживают свои дни определенные разновидности стальных отходов.

Андрюха огляделся и свистнул:

– Гаврик! Ты где, чертяга?

Из-под вагончика вынырнула дворняжка с бело-серой шерсткой и дружелюбной мордашкой и, виляя хвостом, подлетела к пареньку, принялась ластиться. Пес с такой звучной кличкой давненько отбился от бродячих по округе собачьих стай: на скупке его прикормили, отчего он практически не убегал отсюда, охранял здешнюю территорию как свою, отгоняя незваных гостей лаем и рычанием. Погладив Гаврика, паренек немного успокоился и даже улыбнулся.

Чинно и спокойно и внутри вагончика, из которого Андрей осуществлял ночное бдение за вверенной ему обширной территорией металлобазы. Горит свет. На столе, накрытом клеенкой, валяется всякий хлам, в углу бренчит холодильник, на него водружен древний ламповый телевизор, напротив стоит выдавшая всякое тахта, прикрытая накидкой с ковровым узором. Она свисает практически до пола, прикрывая собой и без того не очень заметный сейф на полу. Посреди вагончика валяется стул, сидя на котором и задремал Андрей, как только заступил на дежурство. Хотя, учитывая бушующее в нем возбуждение, он никак не думал, что

сможет хоть на секунду сомкнуть глаза:

– Нервишки так себе, – прошептал он, уселся на стул, закрыв лицо ладонями и окунувшись в думы, которые вот уже несколько месяцев терзают его. – Куда ночь – туда и сон, – без устали твердил он. Впервые в жизни это не помогало – он словно потерял сознание и не помнил, как выбрался из смертельного аппарата и куда делись недоброжелатели. Каким-то образом необходимо взять себя в руки: как реализовать запланированное в реальности, если банальный сон способен так сильно выбить из колеи. – Это сон. Всего лишь сон. Но ведь какой правдоподобный! Да уж. Как говорится, с четверга на пятницу... Постой-ка, нет, сейчас, должно быть, уже суббота. Но все равно стремно. Я просто устал и загнался, – у Андрея выдался тяжелый денек, а ведь на дворе только самое начало ночной смены – впереди еще много томных часов взаперти. Однако все это актуально в любой другой день – кроме сегодняшнего.

Собравшись с силами, Андрей выдохнул, пошарил в куртке и достал оттуда неприметный ключик. Ему вспомнилось, какую спецоперацию он провел, чтобы стащить его у Тиграна, изготовить копию и подкинуть неповоротливому шефу обратно. Андрюха перевел взгляд с ключа на ранец. Внезапно паренька осенило – он опустился на колени, запустил руку под стол, где отворил очередной тайник и достал оттуда травматический пистолет. Сколько же усилий потребовалось, чтобы помощник Тиграна, туповатый и недалекий Гор-

дей, забыл про него. Магазин травмата пуст – пришлось перерыть полвагончика, чтобы найти заветную коробочку.

Пичкая магазин патронами, Андрей внезапно подумал: «От греха подальше надо бы сломать напоследок этот пресс... Стоп, да что я вообще творю?!» – этот вопрос он задавал себе уже бесчисленное количество раз. Сон спровоцировал очередной раунд раздумий. Еще несколько минут пришлось бродить по вагончику туда-сюда, прокручивая в голове аргументы «за» и «против» предстоящих действий.

А что, собственно, за аргументы? Если кратко, то это несправедливость – вот из чего состоит его жизнь. Несправедливость и пренебрежение – на работе, на учебе и дома.

Во-первых, работа. Из-за возраста и несерьезного по многим аспектам вида приходилось бороться за самую грязную и неблагодарную работу (преимущественно вечером или ночью). В случае Андрея деньги действительно не пахнут. Парень брался за все, что подворачивалось под руку. Чего только он не посмотрелся. Частенько работодатели не воспринимали его всерьез, недооценивали, увидев голубоглазого, белобрысого и невысокого парнишку среди прочих соискателей – в большинстве случаев суровых мужиков. На первых порах все было по-школьному: доставлял пиццу, расклеивал объявления, разносил почту, прятался под ростовой фигурой и раздавал листовки.

Чем старше Андрей становился, тем больше сил и желания обретал, тем сильнее нужда выбраться из бедственного

положения заставляла идти в грузчики и разнорабочие. Трудолюбия ему не занимать, однако повсеместно его стремились обделить, обмануть, всячески задеть. Однажды Андрею приходилось подрабатывать грузчиком на железной дороге – вагоны разгружать. Мужики в очереди за зарплатой бесцеремонно отодвинули мальчика назад, хоть и понимали, что паренек пришел сюда не из-за хорошей жизни. Когда Андрей наконец добрался до работодателя, наличности у нанимателей якобы не осталось. В другой раз заплатили меньше оговоренного, аргументируя тем, что Андрей как самый мелкий в коллективе потенциально брал груза меньше остальных и вообще несовершеннолетним полагается платить только за четыре часа, несмотря на то, что Андрюха отпахал на вонючем перроне всю ночь. Конечно же, парень запротестовал – ему ответили, что никто не просил его перерабатывать, мол, сам инициативу проявил, а она, как известно, штука наказуемая и неоплачиваемая: «В России инициатива ебет инициатора, мальчик». На почте посыльного то и дело заваливали корреспонденцией с адресами на городских отшибах или с неадекватными получателями, к которым не хотели или просто боялись идти другие почтальоны. С курьерской и прочей доставкой тоже не везло: словно по наводке, его бесчисленное количество раз прессовали, грабили или пытались грабить – удавалось отбиваться, но либо груз портился, либо время доставки истекало, либо из строя выводили самого Андрея.

Первые мысли кардинально покончить со всем этим воз-

никли, когда, как ни странно, образовалось некое постоянство с работой: по востребованию, где не гнали, исправно платили (не шибко большие, зато стабильные деньги). К труду паренек, кажется, привык, и произошло это на скупке и переработке лома у тучного кавказца Тиграна. Здесь Андрею удалось применить в нужном ключе накопленный на предыдущих работах опыт и не попадаться на типичные уловки – он быстро обтерся, не позволял собой помыкать, умел огрызаться, слегка даже очерствел. Суровые работяги признали его. Правда, нервы стали так себе, отчего наглость и гнев часто сменялись слезами и внезапными паническими атаками, особенно в замкнутых пространствах. Сначала на скупке он бегал на подхвате, но позже уже стоял на приемке, а иногда ему доверяли, кажется, невозможное – сторожить базу ночью, причем начальство нисколько не смущало, что парню еще нет 18-ти лет и что ночью может произойти всякое. Тиграна мало заботило благополучие работников – раз уж назвался груздем, полезай в лукошко – мужика интересовал исключительно конечный результат. Поэтому сортир располагался прямо за вагончиком, электроплитка внутри дышала на ладан, телек с помехами показывал только «Первый канал», а нормальный душ находился дома.

Такой бизнес приносил солидные деньги, которые собирались в руках Тиграна. Делиться прибылью он ни с кем не желал. За порядком у него следил Гордей, высокий и наглухо отмороженный каратист (бывший), как тень ходив-

ший за Тиграном. Прочими процессами на скупке занимались несколько прорабов, а также бухгалтер откуда-то извне. Инкассацию производили какие-то неговорчивые типы – неучтенные доходы (весьма большого объема) тихо вывозились ими с базы в место, известное одному Тиграну. Сам бизнесмен страдал манией преследования, считая, что, если он соприкоснется со своими богатствами на людях, его мигом заметут не только финансовые, но и правоохранительные органы (со всеми он старался договориться).

Тигран – влиятельный игрок на челябинском рынке вторсырья (и не только). Порядки там – как в расцвет 1990-х годов. Нечто подобное Тигран развел и в своей зоне влияния. Однако в первую очередь мужик терроризировал собственных работников. Позволишь себе что-нибудь прикарманить – ты везунчик, если тебя просто выгнали, не отоварив при этом огрызком трубы. При дневном свете разрешалось проводить лишь легальные сделки. А вот в ночное время происходило все самое незаконное и одновременно самое прибыльное, что особо не афишировалось и согласовывалось только с хозяином. Вот тогда притаскивали действительно объемное или ценное. С предприятиями, которые сдавали лом оптом, работали сотрудники поопытнее, прочих бросали на малолетнюю шпану и бомжей, которые притаскивали все, что плохо лежало, часто не догадываясь об истинной цене обнаруженного. Здесь каждый учился виртуозно и незаметно обвешивать или посылать подальше. Кошмарили

и проверяли и самих работяг. Не дай бог, ты дал за лом больше, чем полагается. Или, допустим, катят бочку истинные владельцы якобы украденного кем-то товара с требованием его вернуть. Еще нужно следить, чтобы особо изобретательные кадры не крали на задворках базы и не перепродавали уже переработанное сырье. В конце дня досматривали карманы и ручную кладь. За любые поломки или простой спросят не со старой и небезопасной техники, а с тебя. И неважно, кто был на посту, кто за рулем, кто сортировал, принимал, считал или охранял, старик ты или молокосос, трус или бывалый – ты заступил на работу, претендуешь на денежное вознаграждение, поэтому будь добр сделать ее качественно. О больничных, отпусках и отгулах даже говорить не будем, ведь все ясно и без слов. На этом странности не кончаются.

Как-то раз Андрей во время перекура подслушал местных разговорчиков: мужики травили байки относительно базы, благодаря которой «земля пропиталась ржавчиной на десятки километров». Одна из историй, больше прочих засевавшая в голове Андрея, касалась ночных приемок. Оказывается, таковые – за редкими исключениями – не связаны со скупкой или переплавкой чего-то ценного и украденного. Дела обстоят хуже – якобы на бескрайней территории базы любят устраивать стрелки челябинские криминальные элементы, а также умертвлять здесь своих противников, жертв, должников и прочих неудобных. Местное оборудование способно в один момент превратить бедняг в груды перемолонного мяса

и костей. Глядишь, где-то среди скелетов бывших автомобилей скрываются и человеческие останки: «А чем, по-вашему, тут собаки питаются?» – аргументировал рассказчик. Кажется, процесс такой казни явился Андрею в сегодняшнем сне – не хотелось бы ему дежурить в одну из таких ночей.

Благо сегодня о тайных сделках Андрея не уведомляли – их и не планируется. И без того проблем хватает – мало кто вообще соглашается на ночное дежурство: стремно само по себе, к тому же надо отбиваться от всякой шпаны и воров, которые только и делают, что хотят тебя ограбить или, наоборот, загнать что-то дешевое и затребовать тройную цену. А что же вы хотели? Время нынче тяжелое – люди обеднели и отчаялись: ищут, где бы подзаработать, днем и ночью ходят, вынюхивают, ломают, тащат, юлят, наезжают, запугивают. Поэтому для особо навязчивых и буйных здесь и завели травмат, невзирая на то, что местные работяги могут применить оружие далеко не для собственной обороны. Наличие оружия как никогда актуально для Андрея, поскольку парень, по мнению большинства, менее всех остальных способен постоять за себя, хотя и без пистолета все вокруг усыпано потенциальным холодным оружием вроде прутьев и арматуры. А по ночам действительно случались истории – чего только не насмотришься, с кем только не общаешься. Почему Андрей соглашался оставаться на ночь? Все просто – платили больше.

Где-то позади у нас был первый пункт, поэтому... Во-вто-

рых, работа занимала Андрюху ближе к вечеру и по выходным, а днем у него был колледж, в котором пареньку покой опять же только снился. Многие относились к Андрею с неким пренебрежением и отторжением, словно на нем черная метка человека второго сорта, словно от него несет всем тем, что происходит у него дома, что денег не хватает, что он в свои годы уже горит на неблагодарной работе, но еще старается хоть как-то успевать по учебе. И все это делает в одной и той же курточке, в той же кофте, в полудырявых кедах, иногда нечесаный и несвежий, словно дни напролет ошивается с бездомными. А ведь в профессиональном плане в нем неплохие задатки. Не многие преподаватели такое замечают – большинство смотрит на одежду и личное дело с пометкой «малоимущая семья в социально опасном положении», что мигом расценивается как элемент неблагонадежности, беспризорности, склонности к преступлениям и что таких лучше обходить стороной, нежели с ними общаться и вкладывать в них какие-то дополнительные знания. Его даже успели поставить на всевозможные учеты.

Ярлык этот Андрей никак не мог отклеить, даже несмотря на то, что человек он добрый, отзывчивый, открытый. Временами он отстаивал свою честь и на кулаках. Однако из-за происхождения и семейных трудностей виноватым всегда делали его – особенно когда его нарочно провоцировали и задевали. Прodelывали такое все, кому не лень – даже те, кого тоже особо не жаловали в учебном сообществе. Осо-

бую изобретательность проявляли отбросы из команды Глеба, «звезды» колледжа, в котором учился Андрей. Глеб будто поставил цель довести неблагополучного паренька до ручки: обзывал, задирали, раздавал тумаки, не давал прохода, всячески унижал. Причем макание в унитаз вниз башкой и пенки под зад при каждой встрече – просто цветочки в арсенале Глеба, а вот ягодки Андрею больно вспоминать.

Так или иначе, не понимает народ, что непотребный вид Андрея, как и манера держаться – это не из-за неполноценности или болезни, а из-за нужды и безнадёги. Его истинный характер могут разглядеть единицы. У остальных же в голове не укладывается, как этот отброс вообще может надевать одни и те же вещи, работать на скупке металлолома, терпеть пьющих предков, еще и публично защищая их. Просто обществу нужен изгой, чтобы казаться сильнее. Такого в колледже явно нашли.

А ведь он тоже человек и тоже хочет нормального к себе отношения, хоть толику радости и обыкновенной поддержки, любви... хотя бы от кого-нибудь. И неожиданно-негаданно Андрей получил желаемое.

Ее зовут Вика. И она плевала на клише, предрассудки и запреты. Конечно, такой патовой ситуации, как у Андрея, у девушки нет. Но есть недосказанность и недопонимание с обществом, родителями и сверстниками. Девчонка мыслит нестандартно и делает все наперекор чужим ожиданиям. Будучи слегка неформалкой, в коллективе она выделяется, но

не отторгает, а, наоборот, вызывает интерес. Вика – одна из немногих – рассмотрела в Андрюхе не объект насмешек и издевательств, а объект теплых чувств, любви, уважения к его выбору и стойкости. Влюбленные обожают друг друга и кладут болт на чужое мнение. При виде девушки многие вертят пальцем у виска: кого же она выбрала?! Тем не менее Вика поддерживала Андрея и восхищалась им. Сам парень при одном ее виде обретал уверенность, а хандра покидала его. У девчонки тоже свои тараканы в голове, но у кого их сейчас нет?

Отношения с девушкой – кажется, единственное светлое пятно в жизни Андрея. Также все перечисленное выше было б не так трагично, если бы дома, в теплоте и уюте, Андрей забывал обо всех проблемах и невзгодах. К сожалению, с самого детства родители стали для Андрея главной болевой точкой. Его семья, некогда крепкая и дружная, за достаточно короткое время стала источником той безвыходной жизненной ситуации, в которой барахтался паренек. Будучи самым ответственным, деятельным, сознательным и стойким, он никак не мог выправить положение, очень-очень непростое.

Андрей практически ежедневно наблюдает в зашарпанной квартире одну и ту же картину: родители прикладываются к бутылке, что с каждым днем отдаляет их от хотя бы минимальной перспективы на возвращение к прежней жизни. По этой причине парень очень рано повзрослел и стал само-

стоятельным. При всех ужасах, творящихся дома, он до последнего издыхания старался изменить все к лучшему, стоял за дом и родителей горой. Ценили ли это пьяницы-родители? Вряд ли. За последние несколько лет трезвые времена и двух декад бы не заполнили. По мнению Андрея, его родичи просто-напросто не могут осознать свое падение и возблагодарить сына за усилия, направленные на латание пробоин в их семейном судне.

Почему же возникла работа на скупке? Чтобы хоть как-то обеспечить существование семьи. Зачем нужна учеба? Чтобы пойти работать куда-нибудь посолиднее скупки, иметь хоть какой-нибудь документ об образовании. Непутевая семейка уже давно бы развалилась, если б не Андрей, оставшийся единственным кормильцем двух непросыхающих взрослых, пожертвовавший своей беспечной и веселой молодостью – только бы за отцом и матерью не хлопнули двери психушки или крышки гробов.

Многие из ровесников Андрея и представить не могут, что в свои годы пережил этот парнишка. Важно, что он сам не поддался пагубному влиянию алкоголя, сигарет и синтетики с улиц. Андрюха ненавидел эти вредные привычки в первую очередь за вечную нужду и разрушенную жизнь, что они несут.

Кремень Андрей не оставлял попыток вытащить мать с отцом из состояния постоянного запоя. Когда-то они были вполне адекватными людьми с тяжелой и низкооплачиваемой

мой, но все же работой, со своими планами и устремлениями. В мечтах Андрей то и дело возвращался в прошлое, где не мог не нарадоваться, когда видел родителей прежними. Они сами, кажется, уже забыли, что когда-то не квасили. Отец, Михаил Григорьевич, был мастером на все руки. Мать, Варвара Петровна, в свое время трудилась поваром. Но бутылка сгубила обоих – родителей Андрея нынче не узнать. Михаил Григорьевич служил в одной из управляющих компаний, мать – контролером на автовокзале. Удивительно, как их по сей день не поперли? Работа для его предков – хоть какая-то причина оторваться от бутылки и проветриться. Деньги небольшие, но все же деньги.

Сыну, словно бдительному надзирателю (в глазах родителей), нужно успеть вовремя отнять хотя бы часть их заработка, чтоб не пропили. Тут даже не до сведения дебета с кредитом: ежедневно жизнь, словно с издевкой, выставляет Андрею новые счета вроде питания, коммуналки, одежды, лекарств. Сколько же всего узнал и сколько перепробовал Андрей, чтобы вытащить предков из этой трясины и хотя бы на немного сократить негативное влияние алкоголя на их здоровье. Парень стал знатоком всевозможных средств отрезвления и лечения различных травм. Наркоконтроль и таможня нервно курят в сторонке от его дотошности в поиске заначек, а также отъема и уничтожения алкоголя. Однако нет предела разочарованию, когда после очередного рабочего дня возвращаешься домой и понимаешь: пропало что-то

из вещей... его вещей. Просто продано за пойло. Казалось, что скоро предки начнут хату по кирпичам выносить, а Андрею придется, чтобы всех прокормить, готовить кашу из штукатурки, которую он соскребал бы со стен в подъезде. А ведь он готов недоедать, ходить в рваном, лишь бы его предки в периоды трезвости выглядели прилично и не голодали. Парень сам все покупал, готовил, стирал, мыл, убирался – одним словом, наводил красоту на свалке и не мог ею налюбоваться. Часто результаты его трудов кончали так же, как и трепетно создававшийся шедевр живописи, измазанный по неосторожности чернилами. Такими чернилами в их семье стали пьянки, дебоши, драки с участием родителей, а также прочих подозрительных лиц, тусовавшихся в их квартире и регулярно в ней же крадущих то, что плохо лежит, пока хозяйка валяется в отключке, а их отпрыск ломает позвоночник на заработках. Последнему приходилось вновь и вновь разгребать последствия посиделок, глядя на стыд и стеснение на опухших лицах отца и матери. Временами стыд сменялся яростью: тогда в лицо Андрея летели плевки, маты, посуда, продукты. Так происходило, когда мальчишка пытался в миллионных раз воззвать к здравому смыслу или читал проповеди на прокуренной кухоньке. Либо выливал выпивку в раковину.

Кодирование не помогало, прочие бесполезные примочки и средства тоже должного эффекта не приносили. Андрей пробовал одно и то же десятки раз, снова и снова, ибо

мать с отцом старели на глазах, скатывались, плохели. Рано или поздно могло случиться непоправимое, но двое упертых взрослых не хотели этого признавать и лечиться, сыновью заботу не ценили, бросались на него с кулаками, обзывали, потом каялись, просили прощения, а на следующий день все повторялось вновь – так день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Андрей никак не мог вырваться из замкнутого круга, часто забывая о самом себе, оставляя последние силы на работе и дома. Какая уж тут личная жизнь.

Неизменным оставалась уверенность Андрея в собственной правоте и в том, что он добьется результата. Им двигал постулат уважения и заботы по отношению к родителям, какими бы они ни были. Долгое время хотелось бороться, искать решение, не бросать пропавших людей, которые когда-то умудрились подарить тебе жизнь – тяжелую, но все-таки жизнь. Это впечатление из далекого детства – кажется, только на заре всего этого безвылазного бреда – времени, которое уже не вернуть.

Однажды Андрей просто не знал, куда деться от буйных родителей, и просто сбежал, долго шастал по городу и ближе к сумеркам набрел на храм. Мальчишка, встретив внутри батюшку в рясе, расплакался и вывалил ему все наболевшее. Тот оказался человеком светлым и праведным – мальчику глубоко в душу запало его наставление беречь предков и не давать их в обиду. Батюшка, кажется, рассказал какую-то древнюю притчу. Ее центральная мысль – святость

родителей, что бы они ни делали. По этой христианской истине вот уже долгие годы наносили сокрушительные удары сами родители Андрея, а также судьба и прочие связанные с ней обстоятельства: большинство окружающих ни во что не ставят Андрея, презирают его, несправедливость вокруг крепчает – сильнейшие в мире орудия стреляют по нему бедами и лишениями без устали. И все из-за того, что он строго следует завету священнослужителя – за что же Господь так карает его?

Просветов не наступало, энергии сопротивляться тискам судьбы не хватало. Долги по коммуналке росли в геометрической прогрессии, на скупке жмотились с зарплатой, в колледже копились прогулы и долги, из всех щелей полезли сотрудники соцслужб, судебные приставы, потом сотрудники каких-то финансовых контор, связанных с займами, а после и коллекторы с участковыми. В квартиру будто выстроилась очередь, а держать удар приходилось Андрею. Ситуация вынуждала его заложить последние трусы. И то этого чудовищно мало, чтобы отсрочить наступление полнейшего мрака, что так явственно маячит впереди. А если еще и опека засобирается их навестить, то вообще капут.

Парень не уподоблялся слепой ненависти, ибо верил, что она только разрушит плоды его труда. Но все чаще он стал задумываться об обратном. Вот ему скоро стукнет 18 лет, а что он, собственно, увидел в жизни? Один день усмиряешь с матерью где-то нажравшегося папашу, что ворвался в

квартиру и принялся ее крушить. На другой день совместно с отцом лечишь пьяную мать, чья хандра сменяется острыми болями в животе, а после и сильнейшими нервными припадками, что хоть смирительную рубашку накидывай. И совсем виселица, когда графики заскоков у отца и матери совпадают. И как только они дорогу домой в таком состоянии находят? При этом Андрей очень боялся их смерти где-нибудь в подворотне. Мать сдавала быстрее отца – ей требовалось серьезное лечение. В этой части Андрей постиг все тонкости болячек алкашей при помощи одного врача, с которым мальчишка познакомился, когда прокапывал отца, а позже и мать в больнице неподалеку. Медик советовал, какие лекарства давать и какие меры предпринимать в разных ситуациях. Естественно, просто так в лечебницу родителей не загнать – удерут, хоть ремнями их пристегивай. Родители относились к своим болячкам нейтрально – «полежу и пройдет» – это очень беспокоило Андрея. Тайком от всех он молился, как бы ни случилось непоправимого.

Юноше хотелось пожить для себя, освободиться от забот, расслабиться, начать уже строить собственную жизнь. От нынешней пока что хотелось только сесть и выпить, не закусывая. Он ведь света белого не видит, как птица в клетке мучается и не может расправить крылья, пока его сверстники вкушают плоды подростковой беспечности и вседозволенности. Кажется, Вика может помочь ему все это наверстать, но...

Андрей решил действовать после одного на первый взгляд заурядного случая, который довел молодого человека до неистовства. Отец после тяжелого дня на работе внезапно заявил, что больше не вернется «в эту преисподнюю», вытащив флакон из-за пазухи и принявшись лакать из него. Андрюха запротестовал, забрал бутылку у отца и хотел было вылить ее содержимое в раковину, как батя, словно копивший силы все эти годы, зарядил отпрыску наотмашь по лицу. У парня хлынула кровь из носа. Мать вскочила и запричитала, хотя сама слабо стояла на ногах. Инстинкты захлестнули ее, и женщина кинулась защищать сына от бесновавшегося отца, ищущего в горячке, чем бы тяжелым огреть отбившегося от рук парнишку, залившего кровью всю столешницу.

Вот тут Андрей впервые не посмотрел на то, что перед ним родной отец. Мужик реально взбесился и не мог решить, что научит сына уважать старших лучше: нож, скалка, сковородка или разделочная доска. Паренек мгновенно кинулся на отца, повалил его на пол – сил у того хватило только на то, чтобы расквасить сыну нос. Андрей осерчал: принялся со всей силы бить нерадивого прародителя – вымещал всю накопленную годами злость. Провокатор толком не мог защититься, будто разохшаяся боксерская груша, от которой несло перегаром за версту.

Мать тщетно пыталась остановить теперь уже сына. Он неловко оттолкнул ее – женщина рухнула на пол, разбив голову об батарею и тихо всхлипнув. Громко рыдая, она неук-

люже поползла по коридору к входной двери:

– Помогите!!! Убивают!!!

Понимая, что крики матери могут выставить ситуацию слегка не в том свете, что закончится плачевно в первую очередь для родителей, Андрей опомнился и прекратил избивание бати, увидев перед собой окровавленного, опухшего и бессознательно раскрывшего рот мужика. «Что же я натворил?» – спросил сам себя Андрей, принявшись приводить папашу в чувство. В противном случае за свой срыв он мог оказаться в местах не столь отдаленных.

Тем временем привыкшие к вечным пирушкам и шуму соседи на удивление быстро скопились в тамбуре – большинство слыли родительскими собутыльниками, наркоманами и прочими отбросами, желавшими вынести из их берлоги все, что еще не вынесли.

– Изверг! Изверг! – вопила мать Андрея, сидя на полу.

Именно так Андрей чуть не отправил отца на тот свет. Такое «вразумление» в следующий раз могло кончиться серьезнее. «И нужно тебе все это? Не хватит ли с тебя?» – спрашивал самого себя Андрей, волоча отца в травмпункт. Благо тот самый врач с ситуацией знаком и заявлять на отчаявшегося пацана не стал (хотя положено). Тот действительно переживал и места себе не находил из-за срыва.

Участники потасовки на кухне твердо решили тогда: Андрей – что нужно собирать манатки и валить из Челябинска, а его отец – что ему явно не поздоровится, если он вновь за-

пьет, и что, если есть хотя бы один шанс бросить пить, нужно его использовать, ибо не по годам великодушный и ответственный Андрей либо замучает его, либо замучается сам. Оба развернулись в нужные себе стороны, но это движение нельзя назвать встречным.

Андрей некоторое время не хотел видеть родителей и не появлялся дома: мысли о побеге захватили его с головой. Принять окончательное решение ему помог случай: он совершенно случайно набрел на храм, где когда-то встретил того батюшку. Какие бы слова священнослужитель нашел для паренька сейчас? Неизвестно, ведь батюшка «почил несколько месяцев назад». «Что ж, не успел», – подумал Андрей. Отныне никто не способен разубедить его. В первую очередь он поделился планом побега с Викой и предложил ей сбежать с ним. Она согласилась.

Тем временем родителей Андрея словно подменили. Паренек уже подумал, что ему чудится. Те как сговорились: не колдырят, посещают работу без пропусков, чужих в доме не привечают, по ночам и выходным не пропадают. Но Андрею не верилось, что они просто так взяли и встали на путь исправления – много чего он натерпелся, чтобы быть столь наивным. Они ведь обязательно сорвутся. «Тут уже без меня. Бог им судья», – решил Андрей.

Молодой человек усердно занимался подготовкой побега. Нужно поднакопить денег, заготовить нужными вещами, найти жилье и заработок на первое время и в одну из но-

чей улизнуть на поезде в столицу. Нужны ли они в Москве? На этот счет Андрей даже не раздумывал. Были еще детали: беспощадно сжечь все мосты, вынуть SIM'ки из телефонов, исчезнуть из жизни, никого не предупреждая и не прощаясь, ни в коем случае не припоминать ничего плохого, что с ними происходило в Челябинске. Взяться за руки и пойти навстречу новой жизни, где никто не будет знать, кто ты, что тебя побудило на побег, кем ты был в родном городе. В меру эмансипированная Виктория разделяла взгляды Андрея. Они бежали вместе; каждый должен надыбать половину их будущего бюджета. Билеты достали на раннее утро субботы, 17 декабря 2011 года – к этому времени нужно полностью укомплектоваться.

Подготовка шла штатно, но с деньгами было напряженно, поэтому влюбленные дотянули с решением финансового вопроса до последнего и втайне друг от друга решили добыть средства рискованными и по большей части незаконными путями.

Близится к завершению 16-й день декабря 2011 года. До заветного поезда в Москву остается пережить ночь. Условились встретиться у часовни на перроне. Андрей намеревался во что бы то ни стало свалить как можно скорее, прихватив наличные из сейфа Тиграна. Начать все заново, оставить позади неблагодарных родичей и жизнь изгоя.

Собрав волю в кулак, Андрей опустился на колени, залез под тахту и отпер сейф, который должен был стеречь как зеницу ока. От содержимого стального ящика паренек обомлел. Долго кормушку не опустошали, но чтоб настолько... Внутри лежат аккуратно сложенные и перевязанные резинками стопки купюр. Российских рублей. В большом количестве. В неестественно большом количестве. Такое сосредоточение денег Андрей не видел никогда в жизни. Причем он ни на секунду не задумался о том, почему наличность хранится здесь, а не в банке или в другом тайнике под боком у Тиграна. Небольшой сейф на славу утыкан деньгами и готов разойтись по швам. Неужели здесь вся выручка со скупки за неделю... нет, за месяц... нет, за год?!

Наличность зачаровала мальчишку. Он протянул ручонки к цветным бумажкам, чтобы проверить, не мираж ли это. Как только он ощутил шершавую бумагу, уже через мгновение принялся жадно выгребать деньги из сейфа. Ему бы и 30-ти процентов хватило на побег, однако Андрей решил нахлобучить эту шарашкину контору по-крупному. И плевать на последствия – они никогда не найдут его. Зная расторопность Тиграна и его подручного Гордея, пацанчик прикинул, что пропажа обнаружится только в понедельник, а к тому времени Андрей будет далеко отсюда. Да уж, привлекательный вид денежной массы напрочь оглушил аналитическую часть его разума, которая справедливо считала, что расстояние порой не тождественно безнаказанности.

– Этот горный козел у меня за все ответит, – приговаривал Андрей, выгребая бабло. – Знаем мы, как вы наши кровно заработанные деньги пилите. Это наши деньги! Ваша черная бухгалтерия и букет нарушений не дадут заявить о пропаже – самим дороже выйдет.

Паренек так увлекся процессом, что сорвал резинки с пачки пачек наличности и подбросил хрустящие рубли к потолку, организовав небольшой денежный дождь (всегда мечтал так сделать). Купюры разлетелись в разные стороны и обласкали лицо и плечи Андрея. Наконец-таки он прикоснулся к деньгам, которые недополучил за свою жизнь. В Москве он оторвется. Кажется, сейчас он понял, что значит быть счастливым – впервые за долгое время Андрей улыбался во все зубы и с надеждой смотрел в будущее.

Деньги разлетелись по вагончику – сейчас бы их собрать, сосчитать ради интереса, поразглядывать, ощутить их запах. Радостный и счастливый паренек уселся за стол, усыпанный денежными бумажками. А в деньгах ли счастье? Хватит ли скромному мальчугану фантазии, чтобы с умом потратить такую большую сумму денег? И можно ли ее вообще в целостности и сохранности переправить в столицу?

За окнами вагончика мелькнул отблеск фар.

Сила всемирного тяготения внезапно овладела Андреем пуще обычного. Он снова упал со стула на пол, принявшись истошно замечать следы бурного празднования столь неожиданной и крупной находки.

«Это Тигран? Или Гордей? Или оба приехали проверить?! А здесь такое... Я пропал! Я пропал! – мысли крутились в голове Андрея как пленка со скоростью 24 кадра в секунду. – Они же порешат меня, засунут в пресс и расплющат. Не оставят же они на меня этот золотой запас?! Это была проверка? Я ее завалил. О чем я только думал?! Идиот, идиот!» – парень метался по вагончику, теряя самообладание.

Приметив на столе травмат, Андрей подумал: «А что я теряю? С таким аргументом эти двое точно дадут мне уйти. Бегаю я быстро. А если догонят... Ствол заряжен, и они узнают об этом... Ха-ха, испарюсь, и пускай поминают, как звали: у них ни паспорта, ни договора – все на честном слове, и я держал его очень долго. М-да, попал я, конечно. Классно у тебя начинается новая жизнь, Андрей!» – разговаривал сам с собой он, собираясь с силами, дабы лицом к лицу встретиться с людьми из сна, правда, на дворе реальность, и проснуться ему не дадут.

Конечно, ночными проверками работников скупки пугали, но редко когда начальство могло проснуться и куда-то выдвинуться в столь поздний час. Андрей готов смириться с любой причиной визита – хуже уже быть не может, а ему терять нечего, поэтому он готов бороться с чем угодно. Пусть руки говорят за него.

Андрей неторопливо отодвинул занавеску. По занесенному снегом пути меж грудями металла старая «Лада» на последнем издыхании тянула на тресе бежевую «Победу».

– Чего их принесло так поздно?! – чертыхнулся Андрюха, выдохнув от облегчения, ведь это явно не его работодатели, которые почувствовали неладное и решили экстренно эвакуировать деньги из сейфа.

Паренек спрятал пистолет за пояс и протянул руку к куртке. Нужно сплавить незваных гостей. Как известно, ночные сделки здесь не сулят ничего хорошего.

История девятнадцатая. «История с «Победой»

– Гляди! Свет потушили, – с придыханием произнес Руслан.

С каждой минутой паренька все больше заботило то, что он вписался в авантюру, которая ему не по плечу. Зато она вполне обыденна для его напарников. В ожидании действия Глеб и Рыжий ничем не могли себя занять, отчего, вдоволь наигравшись в телефонах, попросту задремали. Руслан же не прекращал наблюдение.

– Заебись! Наконец-то! – воодушевился Глеб.

– Чего? Идем? – рвался в бой Рыжий.

– Погодь, – остановил его Глеб, – подождем, пожалуй, минут десять, чтоб наверняка, – Рыжий не желал медлить, однако Глеб предпочитал холодный расчет.

По истечении четырех минут терпение лопнуло и у Глеба.

– Выдвигаемся! – скомандовал он. Руслан вздрогнул: он здорово очковал помогать шпане, что Глеб мигом почуял. – И ты тоже с нами пойдешь, водила. Чтобы соблазна свалить не было.

– Будет надежнее, если я вас здесь подожду.

– Ты чего, гондон, в сказку попал?! Тебя никто не спрашивает! Живо пошел, – Глеб выгнал Руслана из его же тачки.

«Все, я пропал», – подумал Руслан, в красках воображая

предстоящие нары и лишение его анальной невинности в тюрьме. А он всего лишь хотел пощекотать себе нервишки плевым делом и денжат немного поднять.

Троица на полусогнутых пересекла расчищенную разворотную площадку, подобравшись к торцу нужного здания. Загасились за ближайшим сугробом.

– «Победа» где? – спросил Глеб.

– Там, – Рыжий указал в сторону черного хода в мастерскую клуба любителей ретроавтомобилей.

Глеб осторожно привстал, оглядев окрестности, кое-где освещаемые фонарями. Всюду полнейшее безразличие ко всему происходящему.

– Сейчас мы ее в два счета...

Глеб готовился совершить блицкриг к боковому выходу, дверца которого могла поддаться даже самому маленькому лому, против которого, как известно, нет приема. Он протянул ломик Рыжему, больше предпочитавшему мордобой, чем вскрытие дверей.

– С чего я?!

– Давай без разговоров – кишки простудишь. За дело! Я не хочу превратиться в эскимо из-за твоей медлительности.

Рыжий выхватил лом у Глеба, недовольно харкнул в сторону и осторожно побрел в сторону нужной двери. Руслан тем временем изучал Глеба. Тот готов к любому развитию событий: сейчас он невозмутим, чтобы командовать и почиывать на лаврах в случае победы, а если их застукают, то Глеб

первое всех смоеется отсюда, предварительно отжав ключи от тачки у Руслана.

– Хорош так на меня пялиться, дитя Чингисхана, – внезапно выдал Глеб. – Я б тебя давно уже прибил, но искренне надеюсь, что ты неплохо управляешься с машиной и вытащишь нас отсюда.

– А потом?

– А потом посмотрим.

Рыжий, очутившись у двери, напряг память: он неоднократно ходил с Витьком на кражи и сейчас пытался восстановить последовательность действий медвежатника. Не припомнив чего-то конкретного, парень, заложив лом между дверью и стальным косяком, как следует уцепился за его рукоятку, как внезапно понял, что замок стал щелкать. И щелкают им явно изнутри.

– Сука, не в ту сторону, – ругался Лев, прокручивая задвижку замка на двери черного входа.

Лева проснулся от тянущей боли в нижней части живота – это порядком наполнился мочевой пузырь, требующий немедленного опорожнения. Но не так все просто. Пьяного в дым Льва будто приклеивало всем телом к ровным и холодным поверхностям вроде пола или стола, словно он разучился ходить. При попытках встать прямо, для чего нужно совершить недюжинные усилия и дать бой земному притя-

жению, выяснилось, что при резких движениях мочевого пузыря грозился невольно выпустить все накопившееся.

В нетрезвом виде чертовски трудно соблюсти баланс между осторожностью и попытками добраться до отхожего места. Неприспособленного к таким испытаниям Льва штормит и бросает в разные стороны, будто он весь день катался на американских горках и закусил эти развлечения соленьями вперемешку с кефиром и пивом. «Больше никогда не буду пить!» – промелькнуло в голове у Левы – он не знал, что именно так и говорят выпивохи после каждой пьянки.

Вокруг темень. В помещении стоит затхлый бензиновый запах. Лев практически на ощупь нашел путь из мастерской в гараж. В нем прохладнее. Там же и спасительный унитаз. Неловкий шаг влево – «Победа» больно ударила в бок, все жидкости внутри коварно забулькали, а с конца закапало. Лев чуть не допустил наводнения в Желтом море. Неуклюжий шаг вправо – что-то попало под ноги и забренчало. Как в российском футболе: угодил мяч в ноги – к чему эти проблемы, избавься от него срочно (неважно, в какую сторону пинать). Лев так и сделал. На пол опрокинулось ведро. Судя по ненавязчивому запаху, ведро и есть здешний ночной сортир. Отныне можно испражниться и на пол, однако даже в состоянии алкогольного опьянения Лева оставался человеком цивилизованным.

«Так, ну это уже слишком, – думал он, покачиваясь посреди гаража. – Пора домой... к жене... в кроватку», – Лев

при помощи рук еле как выудил из кармана мобильник, чтобы набрать номер благоверной, а позже и номер такси. Внезапно телефон зазвонил сам, что испугало Льва, и он уронил трубку на бетонный пол. Та разбилась и вдобавок утопилась в луже. Кажется, добраться до дома с ватными ногами и ансамблем песен и плясок в голове молодой человек не в состоянии. Окончательно он осознал сей факт, когда долго пытался совладать с замком двери на улицу, который никак не хотел его выпускать.

Когда замок поддался, Леве стало совсем невмоготу. Он перепрыгнул через порог и вдохнул полной грудью дымный челябинский воздух, который показался ему кристально чистым. Парень вообразил, что он на пикничке, а там вопрос туалета всегда решается за ближайшим деревцем. Вокруг лишь нетронутые сугробы. Подойдя к одному из таких, Лев, не расстегивая, а буквально разрывая пуговицы на джинсах, вывалил свой инструмент и запрокинул голову от наслаждения, чтобы наконец облегчиться. Голова закружилась так, что он чуть не грохнулся на спину. Так бы и уснул.

За всем процессом с другой стороны сугроба наблюдали «деловые люди».

– Что это он делает? – прошептал Руслан.

– То же, что и ты сейчас. Сыт.

Еле успевший отбежать от двери Рыжий спросил, сжимая в руках лом:

– Ну что, в расход его?

– Нет, – Глеб запретил Рыжему глушить Льва. Безумец мог и не рассчитывать.

Рыжий вдруг вспомнил:

– Я тоже как-то с пацанами перебухал в деревне и в невмесе хорошенько слил своего в поилку для коров.

Глеб никак не отреагировал на слова Рыжего, наблюдая за Львом из засады.

Когда Лева укутал мужское хозяйство в штаны, с ним стали твориться всякие метаморфозы: страшно кружилась голова, а ноги словно в землю вросли, отчего Леву шатало как Киану Ривза в «Матрице», когда тот уклонялся от пуль. От такой карусели желудок мог и наизнанку вывернуться. Как в таком виде показываться жене? Нужно как можно скорее занять горизонтальное положение. Будто воздушный гимнаст, Лева, неуклюже балансируя на невидимом тросе, побрел назад, раскинув руки в стороны. Напоминает перфоманс уличного мима. Перед пожарным выходом коленки согнулись, и Лева чуть не сел на корточки. Ноги дрожали и не слушались. Парня снова придавила к полу неизвестная ему прежде, но чертовски могучая сила.

Захлопнув дверь и позабыв про замок, Лев попытался преодолеть гараж ползком, но уперся в стоящий там автомобиль. Понимая, что силы на исходе, Лева дотянулся до ручки задней двери «Победы» и затащил себя внутрь. Кажется, фары «Победы» от такого представления еще больше округлились. Лев свернулся калачиком на заднем сиденье. А чтоб

не было зябко, накрылся теплым зудящим одеялом, служившим накидкой для задних кресел, и мгновенно погрузился в сон.

Снаружи решились перейти в нападение и подобрались к черному входу. Рыжий, просунув мизинец в щелку и отворив незапертую дверь, коварно улыбнулся. Попасть внутрь оказалось легче, чем планировалось.

Свора Глеба, очутившись в помещении, мигом оценила масштаб будущего заработка: «Победа» выглядела внушительно. Довольные морды пацанов, кажется, добавили освещенности полутьме гаража, предназначенного для машин покрупнее. Хозяева раритета толком по-настоящему и не пили, но этого с лихвой хватило, чтобы не заметить лазутчиков.

Руслан запнулся об какой-то хлам – сложенные в угол реечки рухнули на пол. Все застыли на месте. В ответ на небольшой шум из мастерской послышался лишь грозный храп Ильи, что позабавило парней. Правда, через секунду им пришлось растянуться на полу, ибо в гараже возник Михаил. Состояние механика мало отличается от кондиции его собутыльника Льва. Сквозь узенькие щелки заспанных глаз дядя Миша в полурастегнутых штанах пытался разыскать пресловутое ведро с водой. Когда емкость все же обнаружилась, мужик поставил ее как положено, долго и старательно целился. Сделав дело, он зашаркал обратно спать на кушетку, не заметив ничего подозрительного.

– Да что они пили такое? – шептал Рыжий, нюхая пробензиненный пол.

– Эффект как от арбуза.

– Руслан, сколько их? – решил уточнить Глеб.

– Вроде трое.

– Вот засада. А если сейчас третьему приспичит?

– А мы его... примем, – ответил жаждущий крови Рыжий.

– Нет, – не разрешил Глеб.

– Да хорош уже командовать.

– Надо все сделать тихо и быстро. А ты тут собрался танк угонять.

– Я не против, – как ребенок развеселился Рыжий.

– А ты служил? Умеешь танком управлять?

– Да тут мозгов особо не надо.

– Так говорят те, у кого их нет.

– Эх, будь у меня танк, я бы такого шороху навел...

– Цыц!

– Затихли вроде, – прошептал Руслан, отвлекая напарников от перепалки.

Пора приниматься за дело.

– Зачем нам Цыган? Здесь и без него проходной двор, – поднялся с пола Рыжий.

Цыган, которого не удосужился предупредить Глеб, дрых в своей сторожке без задних ног, заперев центральные ворота и оставив камеры на них включенными. Лидер шайки сейчас только и думал над тем, как не делиться наваром с

остальными, не говоря уже о Цыгане.

Об осторожности забывать не стоит. К тому же неучтенные ранее детали и русский авось заставляли ребят рисковать (порой необоснованно). Уверенность притупляла бдительность. В гараже пацаны стали вести себя как полноправные хозяева – без всякого стеснения – тем временем багаж проблем и неожиданностей только возрастал. А у Глеба, помимо крыльев, выросла еще одна корона: вел он себя вальяжно и надменно, повелевал и распоряжался друзьями, будто помещик крепостными. Даже сигаретку в зубы воткнул. Холопы же, по его разумению, подобрались безмозглые. Глеб старался не работать с теми, кто умнее, хитрее и сообразительнее, ибо такие обойдутся с ним так же, как и он обходится со своими поделщиками, отчего наличие Руслана настораживало главаря. Однако он все равно считал, что его подопечные трудятся за бухло, еду и признание – труда не составит обвести таких вокруг пальца.

Удача сопровождала парней только во время проникновения в гараж. Затем она резко их покинула. Так, обнаружилось, что задние колеса «Победы» практически спущены. Неприятность заботила всех кроме Глеба, уверенного в том, что он свою умственную часть операции выполнил, а физическую пусть реализовывают другие. Он распорядился, чтобы Рустик сбегал в машину за насосом. В наличии был только ручной, что вызвало уйму неудобств и возмущения – попробуй-ка тихо и оперативно накачать колеса таким спосо-

бом, но Глеба детали не интересовали, ибо он уже смотрел дальше.

– Забей ты болт на тишину! – Глеб считал, что алкогольный угар хозяев «Победы» воспрепятствует их мгновенному пробуждению.

Процедура накачивания колес скрипучим насосом отняла у холопов много времени и сил. Глеба же забавляло то, как другие трудятся, а он отдыхает. Запыхавшийся Руслан закончил с колесами. Глеб с долей злорадства приказал ему бежать обратно и подогнуть машину прямиком к воротам гаража.

– А...

– Хуй на! Пулей давай! И трос не забудь.

«Это еще легче, чем я думал», – мысленно ликовал Глеб.

Будь работники ДОСААФ расторопнее и ответственнее, то за полминуты пресекли бы откровенный и неуклюжий грабеж.

«ВАЗ-21099» Руслана с шумом завелся и стал разворачиваться на площадке в самом центре территории ДОСААФ.

– Водит как бабка старая. Где ты его откопал? – ругался на Рыжего Глеб.

Как бы отечественный движок ни старался, машину на обледенелый пригорок перед гаражом он так и не загнал. Именно по нему «Победу» в гараж и заталкивали в начале недели. Вскоре стало очевидно, что Руслан сделал правильно и не стал вплотную прижиматься к воротам, ведь Рыжий, стара-

ьясь проверить все как можно тише и нежнее, поскользнулся на льду и не смог удержать их за ручки. Одна из створок распахнулась и смачно шлепнула «Ладу» по заднице. Ее правые задние огни раскрошились. Вылетев из-за руля, Руслан схватился за голову и принялся чертыхаться по-татарски:

– Кутак баш! Бля-я-я...

– А-ха-ха, – засмеялся Глеб. – Ясно теперь, на что навар потратишь.

– Шишиб сегтем, – тихонечко ответил Руслан и кинулся к багажнику, чтобы рассмотреть повреждение, однако его машина ни с того ни с сего покатила вниз. Рустик еле успел запрыгнуть за руль и дернуть за ручник.

– Клоун! – покачал головой Глеб.

Руслан все равно не смог загнать машину в гараж – даже с разгона. Движок протестующе застучал. Далее выяснилось, что длины хлипкого троса не хватит, чтобы дотянуться до «Победы».

– Короткий, – разочарованно констатировал Руслан.

– Как твой член! – прорычал Глеб.

Рыжий с Русланом растерянно переглянулись, когда Глеб, засучив рукава, гордо побрел к «Победе».

– Чего застыли?! Предлагаете толкать ее одному?!

Оставалась пара-тройка метров, чтобы зацепить буксировочный трос и утащить советский кусок металла из укрытия. Однако с первого же приложенного усилия горе-бандиты осознали, почему силачи ставят рекорды на грузовиках,

а не на «Победе». Потому что неподъемная – тем более для субтильных пацанов. Так и надорваться недолго – отталкиваясь от мокрого пола, Глеб, Рыжий и Руслан всей массой прикладывались к «Победе» с такими физиономиями, будто сидят на акушерском кресле и рожают. А та прилипла – как в болоте увязла. После нескольких минут пыхания «Победа» нехотя поползла вперед.

– А кто-то не хотел колеса качать.

– Я думал, она сама поедет.

– И с колесами как-то легче не стало, – рвал жилы от напряжения Руслан. – Тяжелая дуреха! Словно «КамАЗ» щебня в салоне.

– Представьте, – подбадривал Глеб, – сколько в ней металла. Озолотимся, – ненадолго мотивация сработала, но вскоре скепсис продолжился.

– Трос не сдюжит.

– Будешь вести так, чтоб сдюжил, чайник!

От толкача у парней еще долго будут гудеть ноги и руки, но мысль отказаться от кражи и дать деру никого не посетила. Хотя о скрытности речи уже не шло.

Титаническими усилиями злосчастный трос все же пристегнули к «Победе». Присутствовало желание перевести дух и даже вздремнуть. Все подумали, что сизифов труд на сегодня окончен, но не тут-то было. Отныне «Победа» стала огромным якорем, который волочится по дну за кораблем. Такие транспортные средства нужно перемещать только на

жесткой сцепке и с буксиром помощнее «ВАЗа», который уже успел растерять лошадиные силы, в чем шайка и убедилась, когда автомобиль не смог сдвинуть раритет с места. Так старались, что «Победа» чуть вал с колесами у «Лады» не вырвала.

Руслан надавил на газ. Трос натянулся как тетива лука. «Победа» все же покинула гараж, аккуратно преодолела порог и покатила по скользкому склону, устремившись за буксиром. Руслан собирался повернуть налево, в сторону основного выезда. Внезапно его автомобиль почувствовал некое облегчение: «Победа», уверенно съехав с горки, догнала своего механического внука и уткнулась тому в зад. Отделались разбитым подфарником (теперь с левой стороны) и отошедшей краской на багажнике. На самой «Победе» ни царапинки.

– Ты что, забыл, как баранку крутить, баклан?!

– Нет!

– Рыжий, ну-ка сядь в «Победу» – не дай замылить дело. А ты, очи черные, жми на педали сильнее. Не мне тебя учить! – руководил процессом Глеб.

– Буксовать придется. Глушитель зашумит. Движок будет кипеть. С этим надо осторожно. Мы тут не скорость замеряем.

– Оставь осторожность для своей бабы! Займись делом! Пора линять отсюда, – Глеба не радовал подобный расклад сил.

Деваться некуда. Приоткрыв водительскую дверцу, Руслан выглядывал наружу, чтобы хоть как-то контролировать процесс. Его машина скрипела и грохотала как последняя исправная турбина древнего самолета перед жесткой посадкой. Трос вновь натянулся как струна – импровизированный кортеж продолжил вяло пробираться к выезду. «Победа» стала практически неподъемной ношей для железного коня Руслана за всю его механическую жизнь – даже тяжелее, чем секс того же Руслана с толстухой из кулинарного училища на заднем сиденье однажды. Машина дрожала от страха и отдавала всю свою мощь, чтобы тянуть «Победу» прочь из ДОСААФ, словно плугом вскапывая почищенную спустя рукава дорогу. Бешеными глазами глядел вперед и Рыжий за рулем «Победы» – нужно продержаться парочку километров до нужной скупки металлов. Путь неблизкий в таких-то условиях. А неловкий старт и неуклюжее движение делает всю процессию отличной добычей для гаишников или прочих преследователей. И как они раньше справлялись? Правильно «Победой» нелегко: руль слушается плохо, а сам Рыжий зачарован рычагом коробки передач, что располагается не между креслами, а позади руля.

Глеб уселся рядом с Русланом и подгонял его, словно кучер.

– Я так сцепление сожгу. Резина и без того лысая.

– Запарил нить! Нас же сейчас накроют из-за твоей тупости. Не нравится?! Сдадим и твое бесполезное корыто вме-

сте с «Победой».

– Ни за что!

– Тогда завали хлебало и поддай газу.

– С таким грузом это все.

– В смысле?!

– В коромысле! «Победа» тяжелая. А у меня движок уже на ладан дышит. Если я прибавлю, мы либо перегреемся и заглохнем, либо я трос порву, либо... – сейчас из-под колес машины Рустика вылетал свежесвыпавший снежок, а сами колеса шлифовали ледяную корку под ним, формируя следы, по которым можно легко их отследить. За ними медленно катится «Победа», в которой Рыжий будто на качелях раскачивается взад и вперед, чтобы хоть как-то ускорить ход.

Все так погрузились в процесс бегства, что не заметили мирно спящего в «Победе» пассажира, укрытого одеялком. Будь скорость поприличнее, Лева бы проснулся. А сейчас его просто увозят в неизвестность.

Вот колонна достигла центральных ворот: «99-я» остановилась, «Победа» снова ударила ее по багажнику, на котором уже проглядывали вмятины (неглубокие... пока).

– Цыга-а-а-н! – орал Рыжий, упершись в закрытые ворота, считая, что вахтер их подставил.

– Не ори! – заткнул его Глеб.

– Как это понимать?! Ворота заперты – вон цепь висит.

– Сам вижу. Не слепой.

– Вшивый старик нас кинул?! – плечи Рыжего дергались

от ярости.

– Не совсем, – ответил Глеб, спешно пытаясь найти выход из западни.

– Что значит «не совсем»?! – не врубался Рыжий. – Ты же предупреждал его? Предупреждал?!

– Нет, – выдал Глеб.

– Чего?!

– А ты хотел заплатить этому фрукту сполна только за сраную наводку? Больно жирно. Без его помощи управимся.

– Как?! – вмешался Руслан.

– А вот как! – определился Глеб. – Рустик, попробуй растянуть цепь на воротах, – паренек покинул водительское сиденье и, чтобы поскорее отсюда сбежать, принялся голыми руками колдовать над цепью.

– Там снаружи еще что-то вроде пломбы.

– Сука...

Последующие решительные действия жоака никто не смог предугадать: Глеб, отцепив трос, запрыгнул за руль «Лады» и, переключив передачу, повернул руль и дал по газам. Передачу он поставил заднюю, отчего дверца багажника «Лады» конкретно вогнулась сама в себя от непробиваемого капота «Победы». Рыжий еле успел отпрыгнуть от места удара, а Русланчик тупо вылупился на Глеба.

– Прости! – выкрикнул главарь. – И отойди!

Лидер банды нашел верную передачу и погнал назад к гаражу, чтобы развернуться. Умудрившись войти в легкий

управляемый занос на отечественной таратайке, Глеб набрал скорость и устремился в сторону главных ворот. Даже отбитый Рыжий не мог до конца поверить в то, что именно задумал Глеб. Зато он вовремя сориентировался и кинулся к Руслану, чтобы оттолкнуть кореша от ворот. Паренек уже морально попрощался с машиной и не мог даже представить, что ждет его дома – он готов запрыгнуть на капот «Лады», лишь бы Глеб передумал таранить ворота.

Чуть не зацепив «Победу», Глеб в последний момент натянул на себя ремень безопасности, чтоб ненароком не вылететь в атмосферу через лобовое стекло.

Со свистом и скрежетом центральные ворота распахнулись, выпустив на свободу «ВАЗ», помявший капот. Автомобиль смог замедлиться только у проезжей части. Хорошо, что других машин там не было. Сдавая назад, Глеб умудрился разбить и левую фару. От такого шоу Руслан был на грани нервного срыва, а Рыжий открыл для себя новые грани безумия Глеба и поставил цель переплюнуть неадекват.

Подогнав тачку обратно к «Победе», Глеб как ни в чем не бывало спросил:

– Чего стоим? Трос цепляйте.

Рыжий с восхищенным взглядом схватил трос, а Руслан молча смотрел на свою покоренную машину, с ненавистью зыряка на Глеба, который усаживался на пассажирское сиденье.

– Ничего страшного. Починишь.

– Ты... Ты... Да ты...

– Не беспокойся, Русланчик. Я цел, – от такого выплеска безбашенности Глебу стало спокойнее на душе (даже с учетом того, что он мог пострадать). – А будешь жестянку жалеть, удачи тебе не видать. Помяни мое слово.

Выкрутасы воров и потуги отечественного седана наконец-таки пробудили Цыгана, который никак не ожидал, что его пособники решат действовать скоропалительно и украдут «Победу» без его ведома. Продрав глаза, мужик лицезрел всю картину маслом из своей сторожевой будки на возвышении. Как вахтер с солидным стажем, он обязан знать, что предпринять в данной ситуации, но инструкций он не помнит, ибо ни разу их не применял. Подумал сначала, что «Победу» утаскивает кто-то другой. Однако наглую морду Глеба Цыган признал сразу же: «Почему меня не предупредил, поганец мелкий?!»

Сам Глеб, заметив в окне сторожки недовольно скрюченную физиономию Цыгана, показал тому средний палец. Караульщик в ответ продемонстрировал мальчишке грузный кулак, напоминающий уродливый корнеплод.

– Засунь его себе в задницу, падла! – выкрикнул ему развеселившийся Глебушка и принялся метать в сторону Цыгана снежки, отчего тот расхотел выходить и ловить проказников, которые накололи его на бабки.

Не жалея транспорта, шпана успешно выбралась в город и с черепашьей скоростью двинулась по пустым и скользким

улицам. «Победа» катилась медленно и невозмутимо. Раненый «ВАЗ-21099» пыжился из последних сил: двигатель гудел, в глушителе будто развели костер, колеса буксовали, шуршали и царапали ледяную корку. На поворотах «Победу» тащило в противоположную движению «Лады» сторону. А если ехали с горки, то советский антиквариат догонял буксир и беспощадно бился об его багажник, который стремительно превращался в мятую стальную инсталляцию. Руслан даже не надеялся, что его автомобиль переживет еще хотя бы полчаса такой пытки. От каждого скрипа, стука и удара парень злился, матерился, но ничего не мог поделать, ведь угодил в лапы фанатиков, которые сознательно сделали криминал смыслом своей жизни (и это в своем-то возрасте).

Хорошо, что уже поздно и на этих окольных путях безлюдно. Здесь только оранжевый свет от фонарей у дороги, глубокая колея, сменяющаяся ровным катком, грязный снег на обочинах и всеми забытые развалины вокруг. Руслан что-то неразборчиво нашептывал мусульманскому богу, чтобы он помог им благополучно добраться до места, чтобы его не порешили подельники, чтобы не бросать добычу посреди дороги и не бежать врассыпную от гайцов или еще кого похуже. Каждый раз, когда локомотив колонны глох, всех будто микроинфаркт поражал. «Ладу» заводили, и машина доблестно продолжала тащить «Победу» за собой, жадно сжирая бензин. Трос натягивался так, что мог лопнуть от одного неловкого движения. Расстояние до финишной прямой медленно

сокращалось. Скорей бы.

Странное грохотание сквозь пелену сна сначала было отдаленным. Однако с каждой минутой беспокоило все больше, щекотало, отвлекало, а вскоре и вовсе перекрыло то прекрасное и неизведанное, что обычно творится с человеком во сне. К тому же в мастерскую клуба любителей ретроавтомобилей стал проникать холодок, ведь ворота гаража остались распахнуты.

Прохлада обволакивала спящего в «Москвиче» Илью и вкупе с суматохой по близости и отблесками от света фар заставила мужичка поежиться. Пока Илья боролся с внешними раздражителями и ленью подниматься, возня за окнами стихла. И кого там приспичило возиться ночью? Забыли, что утром призывников в армию торжественно должны отправлять? Бывало такое. Но как руководитель клуба не старался, подходящая поза для сна не находилась: спину как-то неприятно свело, во рту пересохло. Пришлось вставать. Он пошарился по бутылкам и тарелкам – все выпито и съедено. Миша лежит на том же месте. Левы нигде нет. Неужели смылся?

Илье захотелось отлить. Выйдя в соседнее помещение, мужичок обомлел от увиденного – нужда исчезла сама собой. Ворота открыты, пожарная дверь тоже – добро пожаловать. И «Победа» исчезла, что сильно ударило по серд-

цу Ильи и сдернула алкогольную дремоту: «Неужели Лева увел?! Уехал домой? Или за добавкой? С учетом его стиля вождения, он должен утопить машину в ближайшем сугробе. Хотя... как можно? Он не мог. Ключи-то у меня. Да она вообще не на ходу. Надо бы ему набрать», – Илья поплелся назад и наткнулся на разбитый телефон собутыльника.

Первые признаки похмелья уходили с такой же скоростью, с какой Илья понимал, что неизвестные увели у них «Победу». А Лева, судя по всему, хотел ворам помешать и поплатился... пока что разбитым телефоном. Версии лезли в голову одна за другой. Неуклюже накинув верхнюю одежду, Илья оббежал мастерскую и осмотрел прилегающую территорию – следов Льва не найдено, оклики кореша тоже не помогали. Зато Илья по следам протекторов мигом вычислил, что экспонат у них вытащили прямо из-под носа, но реализовали все непрофессионально. Воришкам явно досталась непосильная ноша – их еще можно изловить. Еще больше Илью удивило, что злоумышленники смылись через главные ворота (ныне открытые) – следовательно, в деле замешан набивший оскомину вахтер-проходимец Цыган, который вечно что-то вынюхивает, а потом открыто тащит, стоит хозяевам зазеваться.

– Засранца давно пора отправить в горы овец пасти. Я выведу его на чистую воду, – грозился Илья и мигом побежал будить Михаила, что оказалось не так просто, ибо тот провалился словно не в один, а сразу в три сна. Пощечины ед-

ва помогали. – Мишаня, вставай! У нас «Победу» украли! – будил друга Илья. Председателя клуба задели за живое, поэтому он как можно скорее желал поставить к стенке сначала Цыгана, а после и самих воришек-дилетантов.

Отличительная черта характера Ильи: он теперь глаз не сомкнет, пока не изловит и не накажет проходимцев, которые даже пыли с приборной панели советского авто не заслужили. И будь среди воров даже сам президент, Илья, предварительно попросив прощения, начистил бы ему харю.

– Ты, что ли, глянул ту игру «Трактора»? – спросонья заявил механик. – А я говорил, не смотри. Не игра, а разочарование, – дядя Миша очень хотел плюхнуться спать дальше, но Илья был чересчур настойчив.

– Нет. Не ту победу, а другую. Нашу! – Илья метался по мастерской, пытаясь найти объяснение. – Кто они такие? На чем они приехали? Что сможет утащить нашу ласточку? Поднимайся же!

– Что ты несешь вообще? Мне бы похмелиться. Да и ночь на дворе. Пожар, что ли? Куда ты намылился?

– А вот тебе факт на опохмелку: в нашу вотчину вторглись воры!

– Чего ты удивляешься? Они у власти с незапамятных времен.

– Да я не о том! – не унимался Илья, вывалив на Михаила все факты и догадки относительно кражи.

– Иди ты?! «Ford» 27-го года сперли?! – округлились глаза

у Михаила.

– Ага, я б от такой новости на месте представился. «Победу» свистнули!

– Мы же ее на металлолом пустить хотели и на запчасти, разве нет?

– Нет, ты путаешь. Были... были надежды поставить ее в основную экспозицию, – настаивал Илья.

– Разве это возможно?

– Попытка – не пытка.

– Так теперь ее сдаст на металлолом кто-нибудь другой, а мы прошляпили.

– Надо вернуть.

– Я нынче не в силах.

– Кажись, «Победу» сперли вместе с нашим Левой.

Глаза дяди Миши округлились вдвое больше прежнего:

– Иди ты? Брешешь?! Может, он решил опохмелиться?

Ха-ха, а говорил, что не пьет и не шарит, что там к чему.

– Ты здесь вообще, Миша?! Давай уж соберись, а то я мигом переведу тебя из спящего режима в режим завершения работы.

– Только вот быковать не надо.

– Ты только представь: машина с мертвым движком, пустым баком, почти без тормозов и со спущенными колесами. А Лева без прав. Они хранятся в его борсетке, которая вон там валяется.

– Согласен, на нашего щегла не похоже. Хотя все нормаль-

ные, когда выпьют, на себя не похожи.

– Хватит рассуждать. Одевайся. Мы еще успеем.

– Чего успеем?

– Догнать воров и забрать «Победу».

– Ты явно перепил, молодой человек. Мы чего, менты или супергерои? Что мы можем сделать? Мы не знаем, кто это был и куда они отправились. Сейчас не тот случай, когда следует героизировать...

– Да?! По нашему совместному предприятию катком проехали, а ты предлагаешь так все и оставить?! – негодовал Илья. – Тут и младенец разберется: алкаши или школота местная сперла. Явно на металлолом. Здесь же проходной двор. Учитывая, что «Победа» неподъемная, дотянут они только до ближайшей скупки. И мы прекрасно знаем, где она и кто там хозяин.

– Ментам надо звонить.

– Ты же сам сказал, что ночь на дворе. До утра никто ничего не предпримет. А мы с тобой только время теряем на бесполезную болтовню.

– Боюсь, я не совсем в тонусе. Может, проедем мимо круглосуточного?

– А если я тебя в сугроб сейчас опущу, ты очухаешься?!

Осознав, что Илья настроен бороться, Михаил больше не искал причин отлынивать. Нужная кондиция нашлась сама собой. Механик как заправский Доктор Ватсон шел по пятам за Шерлоком Холмсом – к сторожке Цыгана, чтобы вы-

трясти из того правду и заодно дать по щам за неисполнение служебных обязанностей.

Они нисколько не удивились, когда встретили ушлого вахтера бодрствующим. Цыган в тусклом свете фонаря всем своим весом пытался выправить вмятину на воротах. Он никак не ожидал, что на территории еще кто-то остался. Выглядит он глупо: его горе-подельники, умыкнув ценность, оставили Цыгана разгребать последствия. Его испуг и последующую ложь Илья выкупил на раз-два – адвокат одновременно должен быть и первоклассным психологом.

– Эй, почему вы не уехали?! – Цыган начал с нападения. – Посторонним ночью на территории находиться запрещено.

– А вора сюда залезать по ночам, значит, разрешено, так?! – толкнул его Илья.

– О чем ты говоришь?

– Через твою охранную сеть и кит проскочит!

– Нашел время потешаться, – обиженно бросил вахтер (косит под дурачка). – Что-то случилось?

– Да, блять, случилось!

– О-о, как неприятно. Но я ничего не видел.

– Ты же сторож. Разве ты не должен, епрст, сторожить?!

– Послушай, Илюша, дорогой. Ваш ангар в аренде, так? Его охрана силами ДОСААФ в вашем договоре не прописана. Я гляжу только за имуществом учреждения – оно на месте. Какие ко мне претензии? Лучше надо свое хозяйство охранять. Давно вам об этом талдычат.

Илья вскипел как чайник. Заспанный Михаил не успел вовремя удержать друга – Илья бросился на Цыгана и взял толстяка за грудки:

– Хорош меня лечить! У тебя тут проходной двор! А ты стрелки на нас вздумал переводить?! Прекращай дурака валять!

– Да что ты себе позволяешь?! – пытался отцепиться Цыган. – Кто тебе разрешил здесь дебоширить? – термины российского законодательства Цыган произносил с кавказским говором, придавая сказанному комичности. – Так от тебя еще и спиртным несет, – раскричался Цыган. – Все, я больше не намерен вас здесь терпеть. Об инциденте мне придется доложить Риму Мухтаровичу. Тогда вы со своим старьем вылетите отсюда уже утром.

– Да хоть Маоцзедуну Виссарионовичу докладывай! Это ты отсюда вылетишь.

– Я свою работу выполняю без нареканий. Мне нечего бояться, – хвастливо заявил Цыган.

– От души, Цыган. Хорошая шутка. Если б ты реально работал, территория вокруг не была бы так пустынна.

– Хватит меня оскорблять. Я вообще-то...

– Я чувствую: твоих рук дело, – твердил, стиснув зубы, Илья. – Ты не отвертись. Камеры показывай.

Цыган внезапно понял, что оставил их включенными, ведь молодчики не оповестили его. Что ж, пускай посмотрят и бегут ловить, смекнул он, решив сделать все, чтобы снять

с себя всяческие подозрения и немного поломаться, якобы соблюдая условности:

– Не положено. А если у вас там что-то угнали, то...

– Вот ты и попался, кусок дерьма! Говорил же, что ни хрена не видел?

– Я... я...

– За язык тебя никто не тянул, Цыган, – подловил сторожа Илья. – Из гаража, который даже в аренде является собственностью твоего работодателя, угнали нашу «Победу», причем сделали это неаккуратно. У нас кража со взломом, в которой ты соучастник, о чем сейчас же будет сообщено в дежурную часть. Статья 158-я Уголовного кодекса. Нет гарантий, что твои сообщники увели только авто. Они еще и прихватили с собой нашего Льва. Статья 126-я Уголовного кодекса. Десятка светит. Минимум. Ты кого-то прям к виселице подвел. И сам хорошенько вляпался. Чего скажешь? – обложил Цыгана Илья.

Сторож молчал. Если бы Илья стал перечислять все санкции, предусмотренные названными статьями, словно судья, зачитывающий приговор, Цыган хлопнулся бы в обморок либо бросился бы бежать наутек. Никогда вахтер не был так близок к провалу.

– Прежде чем сообщить в уполномоченные органы о случившемся, я постараюсь вернуть наше имущество. Но если ты не прекратишь отпираться и не будешь сотрудничать, я сдам тебя с потрохами. Позвоню знакомым в органы, и они

поднимут все висяки, связанные с кражами здесь. И тогда твоей жопе мало не покажется. Я сейчас пойду к дороге и буду ждать полицию. Она цацкаться не будет. Еще я позвоню здешнему начальнику и расскажу, какой рецидивист у него на охране сидит, – напирал на Цыгана Илья. – Но я могу ничего не делать, если дашь наводку, где может быть наша машина и кто ее украл. Поверь, обойдется малой кровью. Ну что? Камера писала изображение на твой видак? Или ты все предварительно вырубил, за что тебя расстрелять мало?

Такой тирадой Цыгана зажали в угол. Вот, оказывается, что бывает, когда позаришься на частную собственность. Бюджетникам ведь наплевать на казенное имущество, чем Цыган безнаказанно пользовался все эти годы. Он насупился и проводил Илью в сторожку к пузатому телевизору с древним видеомагнитофоном, куда записывалась картинка с камер на главных воротах.

– Мудрое решение, – прокомментировал Илья.

Цыган перемотал пленку до нужного момента. Он сам толком не представлял, что кража по факту шла долго и муторно. Мужик даже прикрыл лицо ладонью, ибо не мог поверить, что не пресек на корню эту клоунаду. Илья же во время просмотра записи ржал и плакал, то и дело приговаривая:

– Вот чудики, блин, а-ха-ха-ха! Наследили как могли. Ну кто ж... кто ж так делает?! Ребятишки явно недалекие. Точнее, совсем без мозгов... «99-я» и «Победа»... Еще и на этой ниточке?! Они выжили из ума! Трос у них, наверно, уже по-

рвался давно. Во сколько, интересно, оценят ваше преступление века, добры-молодцы? Тысяч в пять? И довольными ведь останетесь, пойдете и нажретесь. Я херею, а-а... И ты еще утверждаешь, что ничего не заметил?! – Илья взглянул на Цыгана. Тот сидит чернее тучи, вернее, краснее перезрелого помидора. Непонятно, что одолевает его больше: стыд за молодое поколение или за собственную глупость.

– Набить бы тебе рыло, – сказал Илья, – да только хочу поскорее вернуть машину и в кровать. Будь я потрезвее, мало бы тебе не показалось. От алкоголя я добрею. Так бы ты у меня сел – далеко и надолго.

Преисполненный решимости Илья подхватил Михаила за руки. Пока «KIA Sportage» руководителя клуба прогревался, механик заговорил:

– Звонила жена Левы.

– Черт! Что ты ей сказал?

– Что не стоит беспокоиться.

– О чем?

– Что Лева с нами. И все нормально.

– А он разве не у нее?

– Какой смысл тогда звонить нам?

– Зашибись.

– Там было еще кое-что...

– Что?

– Она попросила позвать его к телефону.

– А ты?

– Я сказал, что он спит.

– Хорошо.

– Она сказала, разбуди.

– Плохо.

– Короче: она ждет его, спать не ложится. Просит скорее привезти Леву для серьезного разговора.

– Да, нашел же себе бабу. Амазонка и тюфяк. Ладно, дождется она своего суженого. Думаю, в ближайшее время мы его отыщем.

Следы пробуксовки колес «Лады» отчетливо видны на проезжей части.

– Понтов-то на нормальную резину не хватило.

– Не понтов, а мозгов. Порву гадов, – крепко сжал баранку Илья.

Металлобаза казалась недостижимой. Прделанный путь не стоит никаких убеждений и золотых гор. Попробуйте пройти до ближайшего продуктового с привязанным к ноге роялем.

Покончить с этим недоразумением и получить награду – вот что двигало Глебом, Рыжим и Русланом. Как ни старался последний, нежно и аккуратно вести машину не получалось, особенно под вопли и маты Глеба. От разбитого вхлам багажника и кипящего движка у Руслана слезы на глаза наворачивались. «Победа» мяла «Ладу» беспощадно – Рыжий

сидел в раритете, видимо, для красоты: тормоза ведь неисправны. Здесь нужна концентрация, а чаша терпения у всех почти опустела. Конечно же, больше остальных теряет Руслан: «Единственное, что греет... – думал он до очередного стука «Победы» по его багажнику. – Бля, уже ничего...»

Челябинские пейзажи за окном сменялись резко: то пустыри, то промзона, то жилые районы – сам город и есть сплошные вкрапления всего перечисленного друг в друга без какой-либо логики. Тяжеленный кусок металла под названием «Победа» уже толком всем надоел – дорога, по которой они едут, кажется бесконечной. До первого поста ДПС. Руслан периодически нащупывал дверную ручку, чтобы в случае чего резво десантироваться. Занятную картину наблюдали бы блюстители дорожного порядка, если бы находились поблизости: троица пацанов воровато-быдловатого вида ночью натужно тащит на буксире «Победу», отчего на всю округу тарахтит движок «Лады», отчаянно шипят ее донельзя истончившиеся покрышки, теряющие сцепление с дорогой, слышатся трехэтажные матюги, когда груз соприкасается с «Ладой» либо когда та глохнет, взбираясь на пригорок и тут же скатываясь к «Победе».

Еще чуть-чуть, и «ВАЗ-21099» встал бы мертвым грузом, раскалившись до предела. Но машину обогнал трос, с треском лопнувший прямо на подъезде к базе. Через минуту выяснилось, что крюк у «Лады», к которому крепится трос, держится на честном слове. Но осталось всего лишь собрать

волю в кулак: цель ведь на расстоянии вытянутой руки – где-то за горами металлолома, наполовину украденного такими же умельцами, как и они.

В столь ответственный момент Андрею не очень хотелось отсвечивать. С незваными гостями он хотел уладить дела мирно, «по инструкции». Если б Андрей планировал и дальше прозябать на работе у Тиграна, то, увидев «Победу», паренек бы сразу смекнул, что подобный кусок металла лишним не будет – можно поломаться, занизить цену, ибо и так отдадут, деваться некуда. При таком сценарии процедуры отняли бы уйму драгоценного времени. Тачки без документов брали только по договоренности с Тиграном; к тому же без одобрения хозяина не разрешалось возиться с неизвестными подозрительными личностями (кроме постоянных и проверенных несунув). Вдруг проходит очередная полицейская операция – скупку могут прикрыть за подобные махинации. А если приключится случай со жмурами, о которых упоминали старожилы скупки? Андрюха настроен избавиться от посетителей, тащивших груз на завязанном тросе – нечего им тут ловить, пускай обломаются.

До вагончика, в котором горит свет – считанные метры. Рыжий не смог их вытерпеть и выскочил из-за руля «Победы».

– Ты куда сиганул?! – всполошился Глеб.

– Отлить!

– Стручок не отвалится на морозе?!

– Нет.

– Ясное дело. Чего нет, того нет, – произнес Глеб. – Ладно.

Руслан, тормози. Кажись, приехали.

Кортеж остановился у вагончика. Глеб вылез из машины и потянулся как ни в чем не бывало, а Руслан пошел поглядеть на жуткую картину: багажник его автомобиля всмятку, а «Победа» будто ехидно улыбается блестящей решеткой радиатора: мол, моя работа. Руслик стал что-то беззвучно говорить и охать, хватаясь за голову. Глеб тем временем деловито обогнул «Ладу», громко свистнув:

– Хозяева! Выходите! Гляньте, чего мы вам подогнали, – он пару раз нажал на клаксон, отчего в округе забрехали собаки. Глебу не терпится поскорее сдать «Победу» и получить заслуженное вознаграждение.

Противный гонор показался Андрею до боли знакомым. До следующей сцены парень был уверен в себе и в том, что сможет запросто отправить полуночных посетителей восвояси. Все перевернулось с ног на голову, и дрожь одолела Андрюху, когда он, чуть отодвинув занавеску, увидел Глеба собственной персоной.

Именно сегодня. Именно сейчас.

Андрей готов тягаться с кем угодно, только не с Глебом, руками которого его и без того кошмарная жизнь временами превращалась в крошечный ад. Также Дрон не понаслышке знал, на что способен этот персонаж. Да он еще и не один.

Андрей чувствовал, как бьется сердце и дрожат руки – он начинает терять контроль над собой и всей ситуацией. Но не жертвует же он мечтами из-за какого-то двинутого уroda, который присядет в тюрьму через пару лет.

А может быть, стоит дать бой? Все козыри ведь у Андрея. Пора посмотреть в глаза своему страху и смачно плюнуть ему в харю. Эх, зачем же он разбросал в вагончике деньги? А пистолет? У него же есть травматический пистолет. Однако позиция не совсем выгодная – взаперти, в ловушке. Нужно собраться: «Ты планируешь украсть сотни штук из сейфа, а заурядного задиру послать не можешь? – спрашивал себя парень. – Вот бы потыкать пистолетом в морду Глеба. Как он тогда запоет? Нужно стоять на своем и держать оборону, не пускать их».

Андрей схватился за щеколду на двери. Все равно страшно. Что пойдет не так, и всему побегу крышка. Однако напоследок можно и поиздеваться над Глебом, щегольнуть возможностями.

Смотритель распахнул дверцу и предстал перед гостями. У предводителя неудачливых воров при виде скупщика зыграли те же чувства. Неожиданно. Как следует присмотревшись, Глеб узнал Андрея – чмошника, над которым издевается весь колледж. А сейчас на нем вполне сносный спортивный костюм, уверенная выправка, надменный взгляд. И стоит он выше самого Глеба, словно последний пришел на аудиенцию к смотрящему по району. Такая перемена мест

слагаемых не укладывалась у хулигана в голове. В последнее время Глеб стал загоняться еще и из-за того, что имел виды на Вику, а она вдруг предпочла Андрея (солидный удар по самолюбию). Список причин его ненависти к Андрюхе переполнен. А теперь от него зависит выгода Глеба.

Предводитель шпаны ухмыльнулся – ни в коем случае не приветливо, а разочарованно.

– Ха-ха, вот ведь как в жизни бывает, да, Андрюша?

– Представь себе, – сложил руки на груди Андрей.

– Вот мы с тобой и встретились.

– Чего ты здесь забыл, Глеб?

– Для начала я попросил бы тебя сменить тон.

– Не дождешься, – Андрею внезапно захотелось схватить травмат и выстрелить подонку по коленям за все хорошее.

– Позови-ка лучше старших. Тигран где?

– Нет его. Я здесь за главного.

– Не похоже на Тиграна. Он бы никогда не оставил таких сопляков сторожить его драгоценную землю.

– Ты всегда меня недооценивал.

– Что ж, тогда придется говорить с тобой.

– Ты вроде бы уже говоришь. Я слушаю. Давай ближе к делу, – Андрей держался стойко, но одновременно готовился забаррикадироваться в вагончике.

– Я договаривался с твоим шефом вчера, что пригоню ему машину. Мы сторговались на солидный ценник. Вот, «Победа» здесь. Теперь я хочу забрать свои деньги.

– Ночью мы ничего не принимаем и выплаты не производим, – строго ответил Андрей. – Не положено.

У еле пережившего адский путь сюда Руслана сдали нервы:

– Сука! Да ты хоть знаешь, через что мы прошли?!

Взамен Рустик увидел некое подобие улыбки. Глебу подумалось: «Я знаю ребят, которые тебе эту ухмылочку навечно припечатают, Андрюха».

– Тормозни, Русланчик, и сопли подотри. Разберемся, – жестом утихомирил беспокойного Руслана Глеб. Он не хотел, чтобы в их разговор с Андреем вмешивались посторонние: он намеревается заставить скупщика пожалеть о бесцеремонном отказе.

– Мне о тебе не сообщали, Глеб. Ничем не могу помочь.

– Э-э, погоди-ка, так дела не делаются. Меня не ебет, в курсе ты или нет. Я выполнил свою часть сделки и с тебя причитается. Я хочу свои деньги!

Андрею нравилось обламывать врага:

– Ты что, Глеб, оглох? Я же русским языком сказал, что ничем не могу помочь.

– А ты часом не припух?!

– Если тебя что-то не устраивает, можешь тащить свою рухлядь в другое место. Ближайшая скупка металлолома где-то в шести-семи километрах отсюда... по прямой. До утра доберешься. Бывай!

Глеба чуть не разорвало от злости. Никогда еще на его

пути не вставал какой-то лох:

– Нет, Андрей, все в Челябинске знают, что я всегда получаю то, что хочу!

– В таком случае поздравляю тебя с первым обломом.

– Чего ты стоишь? – снова вмешался осмелевший Руслан. – Гаси его!

Глеб же продолжил устрашение:

– Ты, беспризорник, явно рамсы попутал.

– Что, не привык к отказам, свинья избалованная?

– Ты забыл, кто я такой и что могу с тобой сделать?! Я же тебе жить не дам. Живого места на тебе не оставлю. Подошвы мне целовать будешь, ничтожество. Ты же обожаешь это делать. Напомнить тебе, уебище?

– Какие идиоты ведутся на твой треп?

– Кто не ведется, быстро меняет свое мнение.

– Думаешь, я удивлюсь чему-то из твоего арсенала? Как бы не так! Ты уже достаточно меня опустил и не остановишься. Но сейчас настало время, когда я поднимусь, а ты захлебнешься в собственном дерьме. Помяни мое слово.

– Больно ты самоуверенный! Еще слово, и тебе не на чем будет подниматься!

– Так чего же ты стоишь, говноед кривоногий?! Пробуй, нападай! Ты не в колледже и не у себя дома! Сейчас ты бессилен.

– Явно тебе не хватило в колледже! А это отличное тихое местечко, чтобы завершить наши разборки. Гарантирую, ты

пожалеешь, что не стал дауном раньше.

– Счастливо оставаться, Глеб. Посмотрю я, сколько вы протянете на этом морозе.

– Я тебя достану! Я заберу у тебя все! – Глеб обнажил ножик, словно тот все время прятался в его рукаве.

– Благодаря тебе, мне уже нечего терять. Я не боюсь, – произнес Андрей, прикоснувшись к травмату.

Вдруг около «Победы» послышалась возня...

Чуть раньше звук клаксона пробудил от спячки еще одного невольного участника угона – Льва. Поскольку напивался он очень-очень редко (никогда), большую часть пути на заднем сиденье «Победы» ему казалось, что тряска, качка, дрожь, шорохи и голоса – это последствия выпитого, невнятный сон в горячке, от которой еще неделю будет трещать голова. Очнувшись в машине, которая явно не в гараже, Лева боялся даже шелохнуться – он затаил дыхание, словно ребенок, который до смерти боится темноты и слышит в ней подозрительные шорохи.

Под одеялом тепло и нестрашно. Лева поначалу побаивался из-под него вылезать. Страх родом из детства парализовал молодого человека – оставалось только прислушиваться и гадать. В некоторые предположения трудно поверить спроне, но очевидно, что рядом с ним не его друзья, а чужие люди, которые явно не догадываются о его присутствии.

Когда «Победа» наконец остановилась, Лев стал соображать, как незаметно ретироваться из машины при условии абсолютного неведения, где находишься и куда бежать. Пришлось пересилить себя и краем глаза выглянуть в окошко: вагончик, какие-то жестяные сопки со всех сторон, малолетки о чем-то напряженно базарят. Для надежности он вновь накрылся одеялом с головой, осознав, что положение незавидное. Поразмыслив с минуту, он принял решение выбираться, пока незнакомцы выясняют отношения снаружи. Лев хотел вылезти из машины как питон из ванны, но суставы от длительного неудобного лежания скрипели, словно створки старого серванта, а голова кружилась как Земля вокруг своей оси.

Все сразу же пошло не так: дверца издала протяжный скрип, корпус машины оказался холодным и скользким, поэтому найти опору и тихо сползти на землю не вышло. Удалось лишь навзничь свалиться на снег вниз головой в обнимку с одеялом, в котором Лева еще и запутался, потому что неловко крутился в попытках уйти. Естественно, его пируэты состоялись публично.

Такого поворота не ожидал никто: Руслан чуть в штаны не наложил, а Глеб со стеклянными глазами уставился на лазутчика. Но быстрее всех сработала логика Андрея. Все же точь-в-точь совпадает с рассказами: на базу по ночам приезжают убивать людей и утилизировать их машины. Сейчас Андрей целиком и полностью поверил байкам. Глеб, види-

мо, или не добил, или только собирается укокошить беднягу. Теперь-то его угрозы не кажутся Андрею пустым звуком – Глеб и убивать не гнушается. Андрюха вструхнул.

Оглядев всех испуганным взглядом, Лев бросился бежать куда глаза глядят. Вокруг крошечная тьма и какие-то завалы, будто на свалке. Бежал так, что аж один ботинок слетел. В носках, кстати, лучше: холод подстегивает уносить ноги скорее, однако отравленное алкоголем тело слушается плохо.

– Чего ты вылупился, угод?! Не дай ему уйти! – крикнул Руслану Глеб. – Он нас видел. С нас шкуру сдерут, если он смоемся.

Растерявшийся Руслан пустился вдогонку залевой – следы беглеца образовали извилистую тропинку, ведь программиста качало от ночного ветерка и головокружения. Сам Руслан не знал, почему он вообще слушается Глеба. Ему хотелось убежать отсюда за компанию с этим неизвестным. Но это же свидетель целой груды их противоправных деяний. Руслана внезапно охватила ненависть к нему: беглец ведь обязательно настучит на них. На ходу озверевший Руся подхватил торчавший из земли кусок ржавой трубы небольшого диаметра и, будто олимпиец, метнул его в сторону Льва. Тому больно прилетело не в спину, куда целил Рустик, а прямоком в затылок – картинка в глазах потемнела окончательно, и Лев нырнул в сугроб. Руслан припал на колени рядом с телом, не понимая, зачем он так сделал: он ведь не такой,

как Глеб и Рыжий – их общество портит даже самого благочестивого человека. Крови не видно – Руслан растерянно глянул в сторону Глеба.

– Тащи его сюда! Если очнется, скажи, что под пресс засунем, если будет брыкаться, – махнул ножиком Глеб. После этой реплики Андрей еще пуще уверовал в байки. – А теперь с тобой... – Глеб повернулся к скупщику.

Глеб хотел разорвать Андрея в клочья, как тот во всю глотку крикнул:

– Гаврик! Фас!

Откуда ни возьмись из-под вагончика вынырнула крупная дворняжка и, оскалившись, набросилась на Глеба и куснула его за запястье. Парень выронил ножик. На этом внезапные появления не закончились. Из темноты возник Рыжий и со всех сил огрел пса ломом по загривку. Гаврик взвизгнул и расцепил пасть – матерящийся Глеб освободил руку. Собака, рыча, исчезла в темноте. А разъяренный Рыжий замахнулся теперь уже на Андрея, стоящего в дверях вагончика. Тот, отходя назад, споткнулся об порог и рухнул на пол, нехило ударившись затылком. Рыжий практически взлетел по ступенькам к двери, но нечеловеческим усилием Андрюха захлопнул ее, решив заблокировать вход внушительным брусом (дополнительно к хлипкой щеколде), положив его на два крюка по обе стороны проема. Рыжий вlepился носом в запертую дверь.

Руслан тем временем дотащил Льва до машины. Беглец

до сих пор в отключке. А Глеб корчится от боли, сжимая окровавленное место укуса:

– Рустик, шельма! Аптечку тащи, сука! Быстрее!

– А как же...

– Да брось его! – отменил предыдущий приказ Глеб. – Перекись, бинт давай, живо! – водила кинулся в салон «Лады» за аптечкой, а Глеб приговаривал, лишь бы пес был не бешеный.

Рыжий не прекращал попыток попасть в вагончик, свет в котором потух.

– Твои шавки нам не страшны, мразь! – кричал он, еле заглушая лай окрестных собак, которые услышали визг Гаврика, заработавшего удар ломом.

Андрей же сидел на полу, опершись спиной об верстак и пытаясь стерпеть острую боль в затылке и статику, застилавшую глаза. Он в западне.

Руслан заботливо обработал перекисью ранки от собачьих зубов на руке Глеба – от боли главарь сыпал матами и пытался оттолкнуть лекаря, будто капризный ребенок.

– Больно, сука!

– Потерпи!

– Иди на хуй!

– Могу подуть, – предложил Руслан, на что Глеб отреагировал такой кислой физиономией, словно тот предложил ему засос поставить. Рустик заткнулся и продолжил бинтовать.

– Гони наши бабки! – не унимался Рыжий, нарезая круги

вокруг вагончика.

– Будь ты рядом во время нашего разговора, – принялся катить бочку на напарника Глеб, – мы бы его взяли. Где ты пропадал?

– Где я пропадал? – недовольный обвинениями Рыжий подлетел к Глебу. – Я скажу тебе. Заглянул в окно вагончика, пока вы тут петушились.

– И что ты там увидел? Свою тупую физиономию?!

– Нет, Глеб. Деньги.

– Какие еще деньги?

– Российские. По всему вагончику разбросаны.

– Может, это бумажки какие-нибудь с картинками, – засомневался Рустик.

– Нет, малой. Я деньги от «билетов банка приколов» различать умею. И их там не только на «Победу» – там на целую телебашню валяется. Хоть сейчас тащи ее на металлолом.

– Ты явно башкой долбанулся.

– Не веришь мне? Давай забьемся. Если я выкурю его оттуда, все бабки мои.

– Размечтался! – отдернул больную руку Глеб, когда Руслан прекратил над ней колдовать. – Я не намерен сдаваться. Этот бомжара у меня за все ответит.

Глеб решил предпринять новую попытку морально задавить Андрея. Очень вовремя: сторожа хорошенько пришибло, а его самоуверенность как водой смыло. Вожак шпаны вновь подошел к вагончику:

– Андрюша! Братец, последнее предупреждение! Открываешь двери, и мы отпускаем тебя, живого и невредимого. Иначе мы силой достанем тебя оттуда. И я прикажу отрезать тебе нос. Его с удовольствием сожрет твоя псина, если она еще не скопытилась в канаве. Я очень зол: многие сегодня испытывали мое терпение на прочность – милосердия на всех не хватит, – пока Глеб толкал речь, Рыжий сквозь грязные стекла и решетки пытался разглядеть, где сидит Андрей и где валяется больше всего денежных бумажек. – Так что ты нам скажешь, друг мой?!

– Глеб! – выкрикнул Андрей – боль в голове взыграла новыми красками.

– Что, Андрей?!

– Пошел ты!

– Я тебя предупреждал.

– Вам мало не покажется, парни, если вы хоть что-нибудь мне сделаете. Даже если порог перешагнете, – вещал Андрюха, но никак не мог собрать мысли в кучу. Сфокусироваться на чем-то долго не получалось – желток в голове сотрясся хорошенько.

– Ясно! По-хорошему ты не хочешь. Тогда будет по-плохому, – приговаривал Глеб, сжимая кулаки.

– Тварь ты мелкая! – выкрикивал в стекла Рыжий. – Я тебя укокошу! – в подобном ключе вещал он, пока Глеб не придумал, что делать.

– Рустик, бензин есть? – Глеб схватил валявшийся непо-

далеку кусок арматуры.

– В канистре есть немного, – испуганно ответил Руслан. – В багажнике.

– Да ты чего так стушевался-то? Обычное дело. Принеси-ка канистрочку. И бинты оставшиеся захвати, – Руслан просьбу исполнил. – Молодец. Знаешь, нам часто не хватает таких вот хозяйственных, как ты. Бля, – оглянулся Глеб, – затащи ты его в тачку. Чего он на снегу валяется.

Пока Глеб пояснял задачу Рыжему, Руслан затаскивал Льва в свою машину.

Мучительное затишье снаружи изводило напуганного Андрея. Еще недавно он ликовал от несказанной удачи с наличием, а теперь сидит на полу в темноте и ждет, что с ним сделают психопаты из прошлой жизни, с которой он все никак не может покончить. Банда Глеба просто так не отстанет. Нужно думать, как противостоять нападавшим и выбираться. Единственный способ – пистолет, однако Андрей не уверен, сможет ли он взять на себя такую...

Звон разбившегося стекла заставил паренька вздрогнуть. Рыжий выбил стекло ломом – отверстие получилось небольшое, рука пролезет. Спустя секунду Глеб протолкнул в зияющую дыру клубок полыхающего оранжевым огоньком бинта, который предварительно смочили бензином. От такого Андрюха невольно подпрыгнул как ошпаренный. Вокруг

ведь одно старье: шторы, мебель, бумажки, деньги – все вспыхнет за считанные секунды. Андрей принялся искать, чем потушить огонек, способный создать в вагончике солидную дымовую завесу, от которой легко задохнуться. Отыскав толстые перчатки, он потушил тлеющий клубок бинтов. Не успел отдышаться, как очередной кусок стекла вылетел с другой стороны – жадная рука принялась шарить по верстаку и выгребать лежащие там купюры. Андрей хотел пресечь разграбление, как арматура пробила третью дыру в стекле – очередной огненный клубок влетел в комнатку и свалился прямиком на покрытый ковром пол. Пока Андрей стучал ногами по огоньку, деньги хапали из двух отверстий сразу и тянулись дальше. Андрей мигом скинул с верстака все, что только можно, но источники огня продолжали появляться то здесь, то там. Задыхаясь от едкого дыма, Андрей стал теряться в пространстве. Пустить свежего воздуха можно через дверь – так его и сцапают тепленького. Горящие бинты прожигали потрескавшуюся краску на столе и чуть ли не поглотили пламенем старенькие занавески. Андрей еле успевал все тушить, бегая из стороны в сторону. Глаза слезились от дыма, в голове стучала теперь уже тупая боль.

– Вылезай, сука, вылезай! – кричали ему извне, раскладывая по карманам деньги, которые удалось достать.

Андрею ничего больше не оставалось, как взять тяжелую совковую лопату, стоявшую в углу. Схватив ее, как хоккеист хватает клюшку, Андрей принялся караулить очередную ру-

ку в разбитых окнах. Как только такая появилась, паренек со свистом опустил заостренную часть ковша лопаты на чью-то алчную кисть, чуть ли не поделив ее надвое.

Снаружи взвыл Рыжий, отдернув руку так, что вдобавок разодрал себе запястье и рукав кофты об осколки стекла.

– Кто еще хочет?! Милости прошу за добавкой! – крикнул Андрей. И без того расшатанная нервная система паренька дала о себе знать и причем очень сильно. От захлестнувших его эмоций Андрей выронил окровавленную лопату и хлопнулся на пол. Из последних сил он нащупал пистолет за поясом.

– Он мне руку разрубил! – вопил Рыжий, опустив поверженную кисть в ближайший сугроб.

– Руслан, сделай что-нибудь! – скомандовал Глеб.

– Что-о-о?!

– Забинтуй ему руку... или рот!

– Бинты кончились.

– В натуре?!

– В аптечке толком ничего и не было. Йод только остался.

– Зашибись!

– Помажь им свои яйца тогда! – кричал Рыжий. – Дай хоть тряпку! Я весь в крови! – Руслан испуганно метался между машиной и Рыжим.

Глеб, раз поджигать больше нечего, схватил лом и попытался отогнуть входную дверь, как из вагончика донесся бешеный крик, словно клич камикадзе:

– СДОХНИТЕ, ТВАРИ!!!

Прозвучал оглушительный выстрел, вслед за которым слышался треск. Не совладав с курком, Андрей произвел выстрел из травмата. Пуля раскрошила лампочку на потолке. Ее раскаленные осколки усыпали пол и Андрея заодно. В ушах у него звенело, в глазах все окончательно поплыло, утопая в разноцветных волнах. Стены и без того тесного помещения стали сжиматься и сдавливать несчастного парнишку – точь-в-точь как пресс из недавнего сна. Кошмар превратился в реальность. Теперь не только тело Андрея пытались превратить в фарш: его воспаленное и травмированное сознание душило личность как черная дыра, оставляя лишь пустоту и тишину. Тяжело дышать...

За пределами вагончика все сравнялись с землей. Троица пролежала без движения больше минуты, прислушиваясь к окружающим звукам. Ни один денег из рук не выпустил. Прибыль беспокоит пацанов больше собственных шкур.

– Я надеюсь, бабло, которое мы достали, этого стоит.

– Можешь не сомневаться.

– Твою ж мать...

– Рыжий, а ну-ка глянь, чего там.

– Ага, чтобы мне в рожу шмальнули. Сам смотри.

– Рус, тогда ты глянь.

– Нет, твою мать... Никогда... Ни за что... Твою ж мать...

– Я сейчас доползу до тебя и оторву твой мерзкий язык, гнида!

Руслану в который раз пришлось подчиниться. Черноволосый паренек медленно поднялся и глянул в окно вагончика и тут же, сморщив лицо, опустился на снег.

– Чего там, ну?!

– Твою ж мать... Там... там...

– Псих убился? – предположил Рыжий.

– Он на полу лежит и не двигается. Он... реально... все...

Возможная кончина Андрея ничуть не смутила Глеба:

– Да и хуй с ним, – поднялся он. – Я вот ножик свой посеял. И не надо на меня так смотреть, Руслан. Привыкай. Мы с братвой, бывало, говорили с этим козлом по душам на пустыре – он точно так же вырубался. Симулянт. Суслик.

– Так обычно не суслики, а опоссумы делают, – поправил его Руслан.

– Не суть. Очнется, мразота.

– Не задохнется? Там же дымище.

– Достаточно мы дырок понаделали – ничего с ним не будет. И вообще, Руслан: какого хрена ты его защищаешь? Если б не он, мы бы уже давно получили свое бабло по-хорошему. Не пришлось бы разводить это огненное шоу.

– Крови он нам пустил, гнида, – вспомнил о ранении Рыжий.

– И не в такие передряги попадали, Славик. До свадьбы заживет. Эх, я б вернулся сюда, когда этот отброс оклемается. Но планы другие. А теперь, ребятки, – хлопнул в ладоши Глеб, – гоните все добытые денежки на базу. И по карманам

прошу не тырить, – он поднял свой ножик, лежащий на дорожке, и продемонстрировал его остальным. Недвусмысленный намек.

Подопечные не стали противодействовать. Добычу в итоге признали приемлемой.

– Нам бы, – переживал Руслан, – поскорее уехать отсюда.

– А чего так?

– Мне домой пора.

– Чего-чего?! – не верил ушам Глеб. – Повтори.

– Ты прекрасно слышал, что я сказал.

– Нет, никуда ты сегодня не пойдешь. У меня к вам другое предложение. М-да, как же меня задолбала эта бляхомудия... «Победа». Сколько ж крови она у нас попила.

– Чего с ней-то будет? – спросил Рыжий.

– Бросим ее здесь. Пусть теперь кто-нибудь другой с ней мудохается. В конце концов деньги за нее мы получили. Андрюха, конечно, был слегка против, но мы урезонили его.

– Здорово ты придумал с огнем. Он реально до усрачки тебя боится.

– Годы тренировок, Рыжий, – похвастался Глеб. – Таких, как он, только и остается дрессировать. Ничего, в шараге с ним обязательно свидимся – он получит добавки.

– А-а...

– Русланчик, даже не стоит тебе запариваться на этот счет, ангелочек ты наш. Неужели ты ни разу не видал, как район на район месятся? Поверь, там еще хлестче последствия, чем

здесь... Нет, вы чего оба такие невеселые, словно говна наелись? – Руслан пребывал в шоке от происходящего. Рыжий поглаживал раненную руку, которую подручными материалами забинтовал Руслан. Только Глеб пребывал в приподнятом настроении и сжимал в руках пачку мятых купюр. – Cash в наличии – пора развлечься, мужики! К тому же наверняка уже за полночь, да? У меня же сегодня днюха! Я именинник и имею право оттянуться по полной. И выбрать гостей на вечеринку.

– Вечеринку?

– С удовольствием набухаюсь, – признался Рыжий. – Но где?

– Тут мне один хмырь за одно плевое дельце обещал проходку в «Хамелеон».

– «Хамелеон»? Тот самый?

– Да, Руслан, ты не ослышался. И тебе несказанно повезло. Я приглашаю тебя разделить праздник вместе со мной. Посмотришь заодно, как отдыхает элита. Мы сейчас в ее числе, мужики. Реально.

– Чего будем делать с ним? – Рыжий напомнил про заложника.

– Бля, я и забыл.

– Здесь оставим?

– Нет. Что мы, звери какие-то? – небывалый сарказм от Глеба, предвкушающего веселую ночь. – Он же видел нас. Сможет опознать в случае чего. Выходит, мы его похитили...

случайно. Поэтому придется взять его с собой.

– Нет-нет, правильно ли это?

– Мой кореш из «Хамелеона» – асс в таких щекотливых делах. Он подскажет, как быть. Разберемся и с этим недоразумением. По информации из надежных источников, в клубе есть отдельная комнатка для подобных разговоров по душам... Ебать, неужели только мне одному интересно, как он тут оказался и чего слышал? Я бы поговорил с ним о том, что трепаться не стоит, – злобно отметил Глеб. – Надеюсь, на вас можно положиться? Руслан...

– А! Да? – Руслан испугался высокой вероятности того, что Глеб сейчас может с легкостью оглушить новичка как самого ненадежного участника операции.

– Ты поведешь, – закончил фразу Глеб.

– А этот?

– Советую вам, друзья мои, связать его покрепче и кляп в рот всунуть, чтобы не орал и не сбежал, – распорядился Глеб и уселся на переднее пассажирское кресло «Лады». – А кто против, может прямо сейчас лезть в вагончик к Андрюше и ждать моего возвращения. Гарантирую – пощады не будет.

История двадцатая. «Противостояние»

Данилу Озерову чудилось, что люди Олега давно окружили клуб «Хамелеон» плотным кольцом, чтобы не выпустить наглецов на волю и устроить им хорошую взбучку, противостоять которой отважная семерка не в состоянии.

А Арсений Митяев идет ва-банк. Рискует он часто – не всегда оправданно. Вообще парни не терпят наглости в свой адрес. Арсен не мог просто сидеть и молчать, глядя на явную несправедливость – о том, что хоккеисты на этой почве периодически получают по зубам, они, естественно, не распространяются. Сейчас Митяев поставил на кон не только интересы Данила, но и благополучие своих людей, за которых он несет ответственность как инициатор ночной вылазки.

Все окружили Арсения. Для противостояния припасена парочка идей.

– Так, Пахан, давай-ка вспоминай фокусы свои: с монетами, картами, спичками.

– Так это ж просто забава была.

– Забава? Вспомни, что ты вытворял перед проводницами в поезде?

– Когда?

– Когда отвлекал их, чтоб наши предки успели алкоголь перед казахской таможней перепрятать.

– Почему я не знаю об этой истории? – спросил Кошкарский.

– Давно это было, – отметил Брадобреев.

– Вспоминай. Сегодня у тебя показательное выступление. Ты, Степка, у нас трюкач – тебе бы клюшку с шайбой.

– Где ж их тут взять?

– Найдем. В спорт-баре, думаю, и мячи, и клюшки, и шайбы найдутся. Что нам еще могут предложить? Армрестлинг? Танцы? Ах да, Темыч, с тебя зажигательный танец, если до него дойдет.

– Почему я?

– А кто в Турции хвастался, что в конкурсе танцев выиграл?! Не отвертисься.

Абдуллин пожал плечами от безысходности.

– Так, а теперь выпивка. Кто у нас спец по алкоголю? Леха, выручай! – Бречкин после того, как в него на протяжении нескольких минут целились из огнестрельного оружия, сурово молчал. – Леха, ты в порядке?

– Я пиздец как не в порядке, – Бречкин очень хотел залить переживания алкоголем и как можно скорее.

– Без тебя мы не справимся, Бреча, – приобнял Лешу Митяев.

– Все эти люди, – внезапно начал Богдан Чибриков, – почему они даже не дрогнули при виде пистолета?

– Разве он не игрушечный?

– Ты игрушечные от настоящих отличить не можешь?

– Валить надо, – произнес Артем. – Иначе нас завалят.

Прощай, карьера в НХЛ.

– Ха-ха, размечтался!

– Валить будем мы, а не нас, – уверенно заявил Арсений. – Леша, у тебя желудок без дна – никто кроме тебя...

– Валить их буду, но только с тобой, – поставил условие Бречкин.

– Парни, – подал голос Даня Озеров, – может, хватит на сегодня? Вы не знаете, против кого идете. Вы на их территории, они будут жульничать.

– Да что бы там ни было, мы тоже будем жульничать.

– Но...

– Завали пасть, Озеров! – наехал на него Арс. – Нужно действовать, а ты тут нюни распустил. Ищи флешку. Компромат ищи. Делай что-нибудь, спасай свою задницу, пока мы их отвлекаем. Действуй!

Озеров не произнес ни слова и медленно отошел от компании хоккеистов. Мошенник, бесхребетный и жалкий, подумалось Митяеву.

– Парни, вспомните, во скольких переделках мы побывали. И живы-здоровы. И из этого дерьма выплывем. Сделаем этих козлов. Инициатива за нами. Покажем все, что мы умеем. Явно они серьезно не настраиваются, – Арсен толкал речь, словно тренер во время тайм-аута. – Не тушуемся и тихонечко побеждаем.

– Еще бы, мы же команда.

– Конкретно сейчас мы банда, а против нас самые главные гады Челябинска.

– Ну так пусть лососнут тунца!

– Погнали, «Магнитка»! – 16-летние хоккеисты дали друг другу пять и разошлись из круга, в котором стояли – каждый на свою позицию, словно на льду: вратарь на последнем рубеже, защитники на подстраховке, нападающие на острие атаки и в зоне вбрасывания.

Компания хоккеистов направилась к бару, где их ожидал Олег со своей свитой – создавалось ощущение, что готовится грандиозная драка.

– Сделаешь все, чтобы они просрали, – сказал Артуру Олег. – Иначе пеняй на себя.

Давно Артуру не создавали проблем на ровном месте – тем более какие-то школьники.

– Как же это по-детски, – распростер руки Олег, встречая соперников на поле боя, – будто в футбол со старшаками собрались рубиться.

– Начнем? – предложил насупившийся Митяев.

Весь спектр эмоций Озеров смог выплеснуть только в присутствии Славика в подсобке за баром.

– Вот, значит, как ты решил отговорить меня от всей затеи, – с укором говорил Даня. – Извиниться не хочешь для начала?

– Мне не за что извиняться. Я подал Лизе ту бутылку, которую ты мне принес.

– Не прикидывайся! В той был чай. А на выходе что?! Где моя бутылка? Куда ты ее дел?!

– Ты не мог бы истерить потише? Заложить нас по полной программе.

– Мы и так пропали.

– Не все еще потеряно, – в отличие от приятеля Славян сохранял хладнокровие.

– Я в тупике. Я сожгу... сожгу это треклятое место. Олег лишится всего. И компромата в том числе, где бы он ни был.

– Ты не станешь этого делать.

– А ты мне кто, чтобы указывать?!

– Я твой друг.

– Так скажи мне, друг: почему эта шлюха до сих пор не заснула?!

– Не знаю.

– Да все ты знаешь. Лей ей еще! Последнее лей!

– Это небезопасно.

– Да и пусть сдохнет, отравится, кукухой поедет или что там от этого бывает?!

Славик в тысячный раз пожалел, что вообще заикнулся о существовании лекарства.

Озеров жутко бесился из-за своего фиаско.

– Придумал. Надо твоим снадобьем Олега напоить. Чтоб на убой прям. Иначе... иначе...

– Хватит чушь нести. На него нужно вдвое больше. У нас столько нет.

– Я не могу этого вынести. Он же унизил меня, сделал из меня посмешище. Как я туда выйду?! – от стыда Озеров вскопал ладонями волосы, напоминая душевнобольного.

– Друзья вон как впряглись за тебя. А ты тут расплылся. Жалкое зрелище. Не помню, чтобы в твоём грандиозном плане был пункт сидеть на кафеле и рыдать. Даня, – Славик присел на корточки и взглянул другу в глаза, – бой еще не проигран. Втяни свои сопли обратно и не спускай глаз с Лизы. Флешка ведь у нее.

– Наверняка есть копии.

– Это вряд ли.

– С чего ты так уверен?

– По твоему поручению я много чего разнюхал. Флешка – это и ее защита тоже. Ей грош цена, если бы существовали копии.

– И ты в это веришь?

– Пока ты тут сидишь, она может спрятать флешку или вообще исчезнуть из клуба. И плакал твой план. Ты можешь пасти ее, пока твои друзья отвлекают остальных. Парней вряд ли хватит надолго.

– Я и перед ними виноват.

– Живо иди за Лизой, придурок! Я помогу твоим корешам как смогу.

– Спасибо... друг.

– Иди же скорее, – Славик поднял Озерова с пола и указал на служебный выход. – Если надумаешь сжечь тут все, меня не забудь предупредить.

Как только Озеров исчез в служебном коридоре, кто-то позади Славика спросил:

– Кто это?

Слава вздрогнул от неожиданности.

В любом коллективе есть ходячий раздражитель, которого ненавидят абсолютно все, а начальство держит его только из-за того, что блатной или хорошо делает свою работу. Среди рядового персонала «Хамелеона» таким был Иван Бережной. Кстати, как стало известно Славику, это его настоящее имя – на бейджке и в документах начертано «Василий Иванов». И без слухов, которые ходят об Иване, ясно, что его следует избегать. А ошивается он всюду. Вечно что-то вынюхивает.

Бережной в меру подтянут и начитан, имеет заурядную внешность, которая никак не выдает в нем плута и хитреца. А замешан он во многих делах, темных по большей части. К примеру, он неоднократно давал наводки на подвыпивших посетителей клуба и подпольного казино, у которых гарантированно водятся деньги – большинство из них грабили в ту же ночь. Также Иван крышует шулеров, которые захажируют в казино. Одним словом, Бережной – редкостная крыса и стукач.

Говорить с ним Славе, естественно, не хочется:

– Не делай вид, что не знаешь.

– В отличие от тебя я не по сторонам смотрю, а работаю.

– Только лечить меня не нужно. Я за стойку.

В соседнем помещении раздался грохот – кто-то уронил посуду. Бережной сразу помчался туда и обложил матом официанта за неаккуратность так, что не оставил тому шансов объясниться. Иван почему-то решил, что именно ему вменено следить здесь за порядком. Никто толком не понимает, чего он о себе возомнил. Неужто серый кардинал? Или хочет выслужиться?

– Вася, кто тебе дал право так с людьми разговаривать? – заступилась официантка, приобнявшая чуть ли не ревущего от стыда провинившегося коллегу.

– Тебе лучше об этом не знать, милочка.

Чем закончилась стычка, бармен не видел. Славик вернулся к своим обязанностям, попутно размышляя, что делать, если вся ситуация выйдет из-под контроля. Он понимал, что медлить нельзя – нужно что-либо предпринять в первую очередь для того, чтобы успокоить расстроенного Озерова (вряд ли он добьется успеха сегодня), отвлечь его. Набухать, конечно, не вариант? Случайный секс с какой-нибудь давалкой? Маловероятно. Остатки снотворного? Как раз совсем чуть-чуть осталось. Неужели для него?

Даня вновь попытался взять себя в руки – не каждый день

рушатся такие грандиозные планы. Нужно срочно разыскать Лизу, что очень тяжело, учитывая произошедшее. Однако в тот момент внимание общественности сфокусировалось на противостоянии хоккеистов с хозяином «Хамелеона» Олегом.

В стенах заведения Озеров-младший чувствовал себя некомфортно, но поиски продолжил. Застенки клуба напоминают лабиринт. Всюду слышатся отзвуки музыки. Данил блуждал по залам и коридорам, выйдя из задних дверей бара, соединенного с кухней и продовольственным складом.

Неширокие коридоры не поражают излишеством – со всех сторон одни только двери, будто в общежитии. Озеров с опаской продвигался из одной части здания в другую. Странно, почему его до сих пор не шугнули отсюда – тут же так сильно следят за порядком, а камеры чуть ли не в стены вмонтированы. По пути встречались грузчики и технический персонал. По близости кто-то отчитывал кого-то с применением непечатной лексики; несколько дальше охранники общались о чем-то своем с подсобными рабочими – все без исключения курили в вентиляцию.

Вскоре Озеров понял, что потерялся. Он ходил по кругу, ибо наткнулся на тех же охранников. Теперь они не курили, а равнодушно держали за обе руки молодежь из здешнего подпольного казино. Его изобретательно и с большим удовольствием избивал другой молодой человек, кажется, с кухни, которого мельком заметил Озеров, когда

оставил Славика. Менеджер, когда окончил экзекуцию, совершенно спокойно произнес:

– Сходи умойся. А потом не отсвечивай и вставай обратно за стол. И помни: покер – это нечестная игра. Нельзя, чтобы в твою смену кто-то постоянно выигрывал. Особенно, если это не мой человек, усек? Допустишь подобное снова – я тебе хребет переломаю.

У Данила мороз по коже пробежал. Отдалившись от места избиения, он принялся ненавязчиво изучать то, что находится за многочисленными дверями. Паренек первым делом наткнулся на раздевалку: в тесной комнатухе переодевались танцовщицы гоу-гоу – некоторые были голые и нисколько не стеснялись остальных. Изяществом их молодых и красивых тел Озеров был заворожен, но вскоре опомнился, ведь среди них нет Елизаветы. Нельзя подолгу задерживаться в одном месте. Чего дальше только не было: и приватные комнаты, в которых миниатюрные девицы вертелись на шесте перед мужиками с толстыми кошельками; в одной из комнат беспристрастно пересчитывали и сортировали наличность, объему которой мог бы позавидовать местечковый банк. Деньги и упругие оголенные груди околдовали Данила вновь. Но он продолжил искать и верить, что приблизится к заветной цели.

После нескольких выходов на балконы и пустующие ложи на верхнем ярусе (над танцевальным залом и сценой) Озеров обнаружил неприметную винтовую лестницу. Опустившись

до самого низа, Озеров не успел сделать шаг, как в полутьме кто-то невысокий резко пронесся в паре метров от него. Прислушиваясь к тишине около полуминуты, Даня высунул голову в коридор, как к нему на руки упала маленькая, почти что карликовая женщина в помятой и грязной робе. Ее лицо сморщено, словно гнилое яблоко. Вместо глаз – две узкие черные полосочки, волосы растрепаны, дрожащие костлявые руки покрыты какой-то белесой пылью, которая застилает и множественные ожоги (явно химического происхождения).

– Спаси. Спаси. Спаси, – жалобно пищала азиатка.

– Чего? От кого? – не мог сообразить Озеров, после чего услышал речь женщины, будто в ускоренной перемотке: то ли на китайском, то ли на вьетнамском языке. Без слов понятно, что она в полнейшем отчаянии, еле держится на ногах и, кажется, плачет, но слезы уже давно кончились.

– Я... я тебя не понимаю, – отвечал ей Даня, озираясь по сторонам.

Он хотел отвести ее в тихое место, но мгновенно схлопотал холодной рукой по щеке. Азиатка подумала, что незнакомец желает вернуть ее назад. Озеров схватился за лицо, а иностранка скрылась за поворотом. Здесь-то паренька и осеңило:

– Так это правда...

На полу он разглядел следы женщины: если пойти по ним в обратную сторону, то, возможно, удастся обнаружить объект, о котором знают немногие, но судачат все. Судя по на-

личию белой пыли неизвестного происхождения, речь идет о чем-то посерьезнее швейного цеха, в котором круглые сутки трудятся нелегалы.

– Вот оно. Можно же все поднять, и организаторы приедут далеко и надолго. Не мог же Олег не знать, что под его клубом работает целая нарко...

– Охрана! – Даня тотчас узнал голос Лизы, за которой охотился. Раздался он как раз оттуда, куда убежала китаянка... или кто она там? – Из цеха сбежала китаеза! Я ее держу здесь. Куда вы вообще смотрите?! Немедленно пришлите людей! – вещала в мобильник первая леди клуба, заламывая беглянке руку (судя по стонам). – Подержи пока клиента наверху, дорогая. У нас небольшая проблемка, – Елизавета, видимо, набрала другой номер. – Когда с комнатой все будет хорошо, я дам тебе знать.

Через 30 секунд на винтовой лестнице послышалась беготня – зазевавшиеся security. Сейчас заодно и Озерова с полочным загребут. Пареньку ничего не оставалось, как юркнуть в первую попавшуюся комнату. В ней он испытал очередной прилив ненужных сейчас чувств, ведь очутился как раз в той самой комнате, где впервые встретился с Елизаветой. Красное помещение давило на Озерова режущим глаз освещением, антуражем и воспоминаниями.

– А это еще кто такой?! – Озерова заметил парень, торчавший в темной и тесной комнатке у множества экранов, на которые выводятся изображения с бесчисленных камер ви-

деонаблюдения, в том числе и скрытых. Последние установлены даже там, где их не должно быть в помине.

Обычно дежурство в рубке – это занятие нудное и вредное в первую очередь для глаз. Но только не по пятницам, когда можно и за представлением на сцене следить, и в декольте девок на баре заглянуть, и бесплатное порно прямиком из борделя посмотреть (причем разных жанров). Дежурный по камерам, собственно, и собирался лицезреть что-либо из приведенного выше списка, но в комнату заявила начальница охраны с проверкой и кайф подпортила – пришлось пялиться на картинки из одинаковых коридоров, как в одном из них промелькнул Данил. Китайянку почему-то никто толком и не заметил.

– Живо туда! – скомандовала Наталья.

Два обитателя комнатки, которые сегодня не хотели отсвечивать, отправились в злополучный коридор.

– И где вы ходите?! – ругалась Елизавета Дмитриевна на охранников, принявших обессиленную азиатку из подвала. – Чего встали?! Верните мерзавку на место! – два бугая повиновались и поволокли беглянку прочь.

Лиза, возмущенная некомпетентностью охраны, побрела по коридору и, глядя в висящую под потолком камеру, резко завернула в свою любимую и одновременно ненавистную «красную комнату». Озерова спасло то, что он подслушивал монолог девушки, прислонившись к двери, и по мере ее приближения заполз под кровать размером с вертолетную пло-

щадку.

Жрица любви неторопливо процокала каблуками по комнате элитных и нестандартных любовных утех, по-хозяйски что-то расставляя и поправляя. Затем подошла к прикроватной тумбочке, выдвинула верхний ящик и пошарилась внутри. Неожиданно в комнату с шумом ворвались дозорные – Лиза аж на месте от испуга подпрыгнула, но вовремя оправилась:

– Вы что тут забыли?!

– Посторонний здесь, Елизавета Дмитриевна, – заявили смотрители, не сдвигаясь с места и глядя на даму как замороженные.

– Никого здесь нет. А китаянку я схватила сама.

– Какую китаянку?

– Ох, – покачала головой Лиза, – вы сегодня просто в ударе, мальчишки. Почему я должна делать вашу работу? Так, ладно, – она схватилась за виски, собираясь с мыслями, – идите отсюда. Сейчас сюда придет VIP-клиент. Давайте, шагом марш.

Охранники побрели обратно.

– Да уж, – произнес надсмотрщик, заметивший на экране Данила, – без одежды она выглядит гораздо лучше, чем в платье.

– Угу.

Девушка же решила подняться в танцевальный зал. Ей так осточертело здешнее чиновничество, что она даже хотела

поболеть за отважных хоккеистов. Ради разнообразия.

Когда Елизавета удалилась, Данил выбрался из-под кровати и стал нервно шарить в тумбочке, к которой прикасалась Лиза – наверняка она оставила флешку там. Отличная тактика – спрятать на видном месте. Однако ни в одном из ящичков намека на флешку он не обнаружил, поэтому мигом перекинулся на другие шкафчики, стеллажи и комоды. Он ведь буквально в считанных сантиметрах от цели – от спасения отцовского имени и семейного бизнеса. Даня рылся в ящиках, рыскал на полках, совершенно не замечая, что откидывает в сторону кружевное белье и какие-то латексные штучки, перебирает коробки с контрацептивами всех цветов и вкусов, отодвигает от себя фаллосы, вибраторы и все такое прочее.

С каждой секундой безрезультатных поисков Озеров все сильнее отчаивался. Ему хотелось догнать Лизу и придушить ее на месте, предварительно выяснив, куда она дела компромат на отца. «Надо же, мы с ним спали с одной и той же шлюхой», – осенило его. Флеш-карта явно еще у нее. А если она припрятала ее, когда он плакался в жилетку Славику? Тогда все пропало.

Ситуация усугубилась, когда дверь в «красную комнату» распахнулась и внутрь вошли двое: пошло одетая девица с выразительными бедрами и ее спутник 35-40 лет, вокруг которого та извивалась как хула-хуп.

Озеров вновь очутился под кроватью: чуть не всплакнул

от обиды и легонько ударил ладошкой об пол.

– Божечки, что за беспорядок, – театрально всплеснула руками шалава, рой которых порхал по всему «Хамелеону» круглосуточно.

– Наплевать, – склонный к полноте мужичок лобызал ее шею, словно вампир, выискивающий подходящее место для укуса. – Я хочу тебя!

– Стоять! – грозно скомандовала проститутка – ее клиент в одночасье застыл. – Мне говорили, что ты, дорогой, любишь женщин сильных?

«Что еще за хрень? – подумалось Озерову. – Кто-нибудь, отключите звук!»

– Да-да-да, – давясь слюной, отчеканил клиент.

– Женщин воинственных?

– Да-да!

– Женщин... строгих? – с придыханием произнесла она.

– О да!

«О нет!» – то и дело повторял про себя Даня.

Хорошо, что все происходящее не находится в пределах его поля зрения. Он лицезрел всего лишь кусок пола. Сначала туда отправилась наспех снятая одежда, а у изголовья постели защелкнулись наручники. Затем Даня узрел две изящные ножки в блестящих латексных сапожках. Через секунду слышались удары плетью, сильные и профессиональные.

Давненко в клубе «Хамелеон» не видели такого разнопланового и искрометного шоу. Противоборствующие стороны схлестнулись ни на шутку – на удивление многих преимущество за счет юмора, энтузиазма, находчивости и грамотно выстроенных в самом начале условий было на стороне магнитогорской дружины, которая в некоторых аспектах оказалась расторопнее, хитрее и быстрее неповоротливых и примитивных противников. Челябинская мафия, если бы дело дошло до драки, расправилась бы со школьниками в два счета. Отчего хоккеисты старались грань дозволенного не переходить и искусно создавали видимость, что их грозные противники отстают всего на полшага и в любой момент могут отыграться.

Чего там только не происходило. Парни мигом вошли в раш и принялись генерировать идеи разной степени сложности и оригинальности. В помещении нужных приспособлений нашлось в достатке. Игроки «Магнитки-95» блеснули множеством умений и не ударили в грязь лицом, будучи несколько поддатыми и уставшими. Ребята решили уровнять шансы и напоить добрую половину телохранителей Олега и его самого при помощи банальных инициатив вроде «кто кого перепьет» и «кто что быстрее съест».

Люди Олега оказались весьма подкованы в части выпивки, поэтому Арсений предложил хозяину клуба следующее: – Я выпью три кружки пива быстрее, чем ты – три рюмки водки.

– Если хочешь так тупо все проебать, – ухмыльнулся

Олег, – милости просим.

– Но с одним условием.

– Чтобы я тебе поддался?

– Посуду друг друга трогать нельзя.

– Да пожалуйста.

– Я надеюсь, условие услышали все?

– Бармен! Разлей-ка все, как он сказал, – к делу подключился Славик и уже не отходил от соревнующихся.

«Ты сделаешь милость, если усыпишь Олега», – глядел на бармена Сеня, но ожидаемого телекинеза не случилось.

– Чего он задумал? Это ведь нереально, – заключил Бречкин.

– А я, кажется, догадываюсь, чего Арс хочет, – успокоил его Чибриков.

Как и предполагалось, Арсен стал жадно давиться пивом, а Олег вальяжно и неторопливо опускал в себя водочку, с ехидной улыбочкой глядя по сторонам, мол, посмотрите-ка на него, что за посмешище, на что он только рассчитывает и так далее. Когда две из трех рюмок были осушены, Олег остановился, показывая публике, какой он благородный и как он дает сопернику фору, чтобы за секунду его размазать. Правда, как только Олег отвлекся, Арсений, прикончив первую кружку пива, перевернул ее и ловко опустил на третью рюмку.

– Условие, – напомнил он ошалевшему Олегу, продолжив

уничтожить пиво. – Коснешься – проиграешь.

Олег был вне себя от ярости, поэтому, когда Арс осушил все пивные кружки, хозяин «Хамелеона» разбил их.

Последующие поединки показали, как аналогично можно: вытащить купюру из-под лежащей на ней стопки монет, когда данная конструкция водружена на горлышко бутылки; или как можно открыть бутылку при помощи обыкновенного листа бумаги; или как задуть пивную крышку внутрь бутылки, чего законы физики обычно не позволяют.

Пока Леха с Арсом испытывали на прочность печень, Брандубреев тренировался на Богдане, вспоминая карточные фокусы, которыми когда-то овладел. Приемы эти, в сущности, мало отличимы от манипуляций с монетками и купюрами. Ловкость рук и никакого мошенничества. В ту декабрьскую ночь Пахан оправдал ожидания, угадывая карты в руках соперников, вытаскивая валетов, дам и королей из-за ушей, волос и карманов опеших подручных Олега. А на купюрах и монетках начинающий иллюзионист, выпивший для храбрости, смог не только поразить посетителей, но и ненавязчиво обобрать некоторых на пару сотен рублей. Как Олег не старался, разоблачить Пашку не получалось.

Чудеса выдержки и гибкости продемонстрировал Богдан Чибриков, съевший собаку на статике и балансе: на голове хоккеиста удерживалось все, что только туда не водружали, даже если он сам стоял на руках или сидел на шпагате. Богдан не разбил ничего, хотя временами был близок к этому.

Элегантное сальто в конце заставило болельщиков зааплодировать. Его визави умудрился разбить пару бутылок с алко-голем на кругленькую сумму, отчего схлопотал подзатыль-ник от Олега. Богдану не было равных и в демонстрации на-выков владения футбольным мячиком, словно он упражнял-ся с ним ежедневно с самого рождения.

Продолжил программу жонглирования и акробатики Сте-па Кошкарский.

– Ростом с елку, да что-то мало толку! – дразнил форварда Олег.

Степан запросил клюшку с шайбой. Из спорт-бара при-несли выставочный экземпляр клюшки. Пока искали шай-бу, Степка довольствовался пепельницей, которая не хуже каучукового диска ложилась на крюк клюшки и поддава-лась всем манипуляциям. Кошкарский заворожил публику чистотой исполнения трюков – многие взялись за телефоны.

– Повторишь? – спросил он Олега.

– Хм, особого ума здесь не надо, – он толкнул вперед сво-его человека, которому отыскивали шайбу (с чьим-то автогра-фом).

Доброволец смог только подбрасывать шайбу невысоко вверх и ловить ее на крюк клюшки, отчего вокруг поднялся неодобрительный свист. А при попытке сделать финт клюш-ка и вовсе спикировала за барную стойку.

Хоккейная тема задела Олега за живое, что вылилось в решающее состязание на улице. Бармену пришлось срочно

выставлять в ряд перед стенкой пустые бутылки и в качестве ассистента подавать игрокам единственную шайбу, которая в ту ночь знатно полетала по двору. Соперники по очереди, отправляя каучуковый снаряд в полет, пытались разбить им хоть одну бутылку. Меткость была за хоккеистами, но коварные бутылки падали, звенели, но не бились. Неведомым образом свезло Олегу, отчего он своим победным кличем разбудил жителей всех окрестных домов. Именно тогда на выручку друзьям Озерова подоспел Славик, начав подставлять на их мишени тару со стеклом потоньше, после чего паритет восстановился. Раздосадованный Олег расстрелял оставшиеся бутылки из пистолета, как говорится, без суда и следствия. Стрельба ничуть не смутила нетерпеливых зрителей, а полиция, когда им сообщали о выстрелах в районе клуба «Хамелеон», обычно реагировала на данные сигналы с задержкой в месяц.

Долго на морозе продержались только двое – смельчаки из противоборствующих лагерей. В итоге горячий Бречкин по продолжительности стояния в сугробе голыми ногами уделал соперника, в срочном порядке запросившего у коллег тазик с горячей водой.

Пока Богдан растирал стопы Бречкина, пытаясь их обогреть, тот усиленно заливал в себя горячительное. А длинноногий и худощавый голкипер «Магнитки-95» Абдуллин, судя по реакции публики, в пух и прах уделывал конкурента в танцевальной битве на сцене, утопая в лазерных отблесках

и двигаясь в такт музыке. Из портера танцора поддерживали коллеги, отчего Тема раскрепостился так, что полез к девчонкам гоу-гоу. Еле сняли.

Затем последовали банальные подтягивания, отжимания, армрестлинг, где болванчики Олега немного сократили отставание от великолепной пятерки и вратаря, продолжающего пританцовывать.

За всем этим глупым, по его мнению, шоу наблюдал Артур – он с недовольной миной восседал в кресле чуть в отдалении:

– Что за дети, в самом деле? – Артур недоумевал, как Олег согласился на это.

– Завидно? – бросила откуда-то сбоку Лиза. Она-то и нужна Артуру. Ее способности помогут Олегу выйти победителем из противостояния и не ударить в грязь лицом окончательно.

Помощник Олега решил изложить любимице суть дела, но заметил резкую перемену в Лизочке. Ни с того ни с сего она вдруг уставилась в одну точку как кошка, узревшая собаку. Разговор с ним она вела холодно, но после взгляда в толпу (Артур не смог вычислить, на кого именно он направлен) резко переменялась. Лиза послушно уселась к Артуру на колени – как в старые добрые времена – и заключила его в объятия. Такая перемена импонировала – какой мужик устоит? Ему жутко захотелось ее, однако сейчас нужно срочно вытаскивать из трясины своенравного и неудачливого шефа.

Да и не совсем эротичный зевок Лизы отбил все желание.

Внизу к тому времени решили спеть в караоке: что Митяев, что Олег выбрали «Владимирский централ». Особо умные (с подачи Вани Бережного) устроили тотализатор. Как ни старались поклонники творчества Михаила Круга, бездушная караоке-машина победителя по очкам не выявила.

Под всем известные строчки Лиза спросила:

– Давненько у нас таких не было, да?

– Угу.

– Шеф наверняка нервничает? – она поглаживала своего бывшего сутенера по груди, неторопливо расстегивая его рубашку. Артур нежно водил рукой по ее оголенной в разрезе вечернего платья ножке.

– У-у-у, не то слово.

– Но это же просто школьники, милый.

– Не такие они простые оказались.

– Почему же всесильный Олег не может решить такую несущественную проблему? – продолжала она. – Припугнуть их для начала. Или он способен только языком чесать? Он перессорился со всеми в этом городе. Чем же он собрался отвечать в случае...

– Даже не начинай эту тему.

– Почему?

– Сейчас есть проблемы поважнее.

– В отличие от Олега у тебя всегда есть решение.

– Я понял, на что ты намекаешь.

– Ты хотя бы будь мужиком. . .

– Я хочу сейчас просто разогнать цирк, который тут творится.

– Цирк очень даже к месту.

– Лиза.

– Что, милый?

– Вместо того чтобы лезть не в свое дело, помоги мне отфутболить этих хоккеров отсюда. Что ты думаешь по этому поводу?

Елизавета вздохнула:

– Думаю, что вы, мужики, ни на что не способны. Что бы вы делали без женщин?

– Вижу, – он протянул ладонь к ее грудям, – ты сможешь нам помочь.

– Когда вас, бунтарей, приласкать как следует, – она схватила Артура за затылок и практически вплотную утопила его лицо в своем декольте (он и не против), – вы становитесь слепыми и послушными, будто только что родившиеся щеночки.

– Осторожно, а то присядешь за соращение несовершеннолетних, – Артур раскусил задумку Лизы и принялся щекотать ее буфера своими усиками и бородкой.

– Какой нормальный мужик будет заявлять? И вообще: своими стручками, которые они считают членами, эти молокососы даже не дотронутся до меня.

– Ах, дорогая, – Артурчик с упоением вдыхал аромат ее

духов, словно афродизиак, – именно поэтому ты у меня самая дорогая и желанная из всех. Обожаю тебя.

– Повтори еще раз, – серьезнее попросила она.

Арчи простонал что-то невнятное. Неправдоподобная лесть задела девушку: «Я самая дорогая, самая лучшая, говоришь? А почему ты не со мной, а с этой... сукой?! – возмущенно думала она. – Ты был мой. И сейчас ты мой. Я сделаю все, чтобы ты опомнился, дурачок. Она тебя не стоит. Смотри сюда. Смотри, глаз не спускай», – Елизавета вновь посмотрела в зал, где встретилась взглядом с невестой Артура – Татьяной, которая глазам своим поверить не могла.

– Наши гости из Магнитогорска, – продолжил Артур, – запомнят этот день навсегда, если ты займешься ими.

– С удовольствием, – не спуская глаз с соперницы, Лиза двумя руками откинула голову Арчи от своей груди, поднялась с его колен и воинственно зашагала прочь. Она видела, как Таню захлестывают рыдания.

Артур чувствовал себя так, будто совершил прыжок с парашютом. Он не мог объяснить магнетизма Елизаветы, но она на минуту заморозила его – он позабыл обо всем, стал тем самым щенком, как и говорила Лиза.

Будь она несколько настойчивее с Олегом в этом направлении, весь город упал бы к ее ногам. Но сегодня у тигрицы иные планы. Она намеревалась взять в охапку рекордное количество щенков – аж шестерых.

Очень скоро магнитогорских хоккеистов в «Хамелеоне» зауважали все – даже ярые болельщики челябинского «Трактора». Ведь так по зубам Олегу и его команде еще никто не давал. А ведь пьяная толпа всегда самая искренняя.

Вскоре настал момент, когда обе стороны выдохлись и нуждались в антракте.

– Ну что, сдаешься? – Арсений Митяев не робел перед Олегом.

– Русские не сдаются.

– Ты держался молодцом, но признай, что мы лучше.

– Лучше не зли меня, парень, иначе будем играть взрослому, – он сложил пальцы на правой руке так, что получился пистолет.

– Понимаю твои чувства, – старался сгладить углы Арс, – но мы же в XXI веке живем. Лихие 90-е уже прошли.

– Тебе так кажется, малой. Когда ты еще пешком под стол ходил, я такое в этом районе вытворял. Ничего не поменялось: что тогда, что сейчас.

– Раз уж ты такой принципиальный, что у нас с Озеровым? Слово свое сдержишь?

– А где твой прохвост Озеров, а? Вы тут впрягаетесь за него, а он, небось, уже усвистел отсюда?

– Ничего, найдется, – Митяев до последнего верил в порядочность Данила, даже несмотря на его признание.

– Шеф, – позади атлетичного Олега появилась Наташа, –

к вам пришли.

– Шли всех к хуям!

– Площадь Революции, дом 4, – произнесла она, указывая антенной рации на выход.

– Как не вовремя.

– Ты намерен слиться?

Олег взглянул на Арсения:

– А ты мне нравишься, пацан. Ты поступил по-мужски, когда вступился за Озерова. По твоему смазливому рыльцу так и не скажешь наверняка. И на что только надеялась эта размазня?! Даня не может и не умеет решать дела. А вот мы с тобой... – Олег сделал Славику жест подлить ему еще спиртного. Бармен среагировал – мафиозник закинул в себя очередную порцию коньячка и даже не поморщился. – Хорошо, – стукнул он по барной стойке, – мы все уладим, но только по-взрослому, с глазу на глаз. И только с его отцом. Передай сопливному голодранцу, чтоб его папаша пересекся со мной. Мы перетрем. И без грязи. Флешку я отдам только ему... лично.

– Верится с трудом.

– Уж поверь. Вы с братвой, так уж и быть, можете остаться, – объявил Олег.

– Надо же. С барского плеча, – оценил Митяев, считая, что враг свое поражение признал, но бдительности лучше не терять. – А в глазах вижу желание нас отсюда выкинуть.

– Я бы с удовольствием, но у меня встреча.

– И все в твоём клубе болели за нас, – самодовольно добавил Арсений, не подумав. Ну не мог он не упиваться победой над столь влиятельным господином.

– Со стороны они явно ошиблись.

– А ты выводы сделай. Работу проведи, кадры почисти.

– Разберусь без твоих советов, пацан, – ответил Олег и пошел к выходу, отдав какое-то распоряжение администратору и жестом пригласив с собой парня из охраны. – Пойдем покурим.

Только сейчас Арсений позволил себе чуточку расслабиться. Он посмотрел в сторону Славы и подмигнул ему. Тот кивнул хоккеисту, протирая бокалы.

– Чего он сказал? – к Арсению подошли одноклубники.

– Не убил – уже хорошо.

– Мы сделали все, что смогли.

– Думаешь, он выполнит обещание? – спросил Чибриков.

– Хотелось бы верить.

– И что же делать теперь?

– Валить надо, – не унимался Абдуллин.

К Митяеву учтиво подошел администратор и объявил, что Олег Валентинович распорядился посадить всех шестерых на лучшие места и обслужить по высшему классу за счет заведения. Парни обомлели от новости, а Сеня, выпрямив спину, по-барски прыгнул со стула и ответил на вопрос:

– Что делать, говоришь? Пить!

– А до этого мы, по-твоему, что делали?

– До этого мы выпивали.

Усевшись на мягкие диваны ложи для высокопоставленных гостей, хоккеюги поназаказывали всякой всячины. Их прихоти выполнялись беспрекословно. Хотелось отпраздновать удачно выигранное состязание (про проигрыш «Мечелу» все забыли): выпить да покушать, ибо аппетит разыгрался жуткий.

– Парни, а где Даня?

– Интересно, у него что-нибудь получилось?

– Если нет, то у меня в закромах остался последний вариант, – начал было Арсений, как все за столом замолкли: к их ложе подошла Елизавета, обворожительная и манящая.

– Могу я к вам присоединиться, мальчики? – каждый хотел, чтобы она села поближе именно к нему; наиболее испорченные желали посадить ее на колени, а самые отбитые – пустить по кругу.

Глаза у каждого загорелись. И это невзирая на возраст. Хоккеисты заметили, как Лиза с интересом поглядывала на них – каждый воспринял это в свой адрес.

Алкоголь (в который уже раз) पहले всех ударил в голову Митяеву, подкинув ему воистину «гениальную» идею: «Все это только показуха, Олег. Все это слова. Ты говно и капитулянт! Что ж, бычара со своими прихвостнями считает, что мы... что я... я ни на что не гожусь, что я куплюсь на этот спектакль?! Думает, что легко от нас отделался? Как бы не так! Посмотрим, как он запоеет, когда я вдую его девчонке!»

Кажется, кое-что понеслось по кочкам...

Эх, вовремя Славик вышел на улицу, чтобы вынести мусор.

– Ты собираешься все так и оставить? – спросили Олега.

Тот, настраиваясь на предстоящую встречу, кажется, докуривал уже третью сигарету кряду. Затушив ее носком ботинка, владелец «Хамелеона» ответил:

– Значит так. Хватку мы пока ослабим. Пусть набухают. После чего в охапку их и в багажник. И на наш любимый пустырь, где мы по душам базарим. Ха, вот там-то я и отыграюсь. Обязательно отрежу яйца этому выскочке – который у них там главный.

– А что же Озеров?

– Озеров? Гаденыш. Он притащил их сюда. Пусть разделит их участь. Глаз с утырка не спускать.

– А его отец?

– Пусть считает это объявлением войны.

Бармен не донес мусор до бачков.

История двадцать первая. «Две полоски»

Татьяна Строймилова, миловидная блондинка модельной внешности, проснулась поутру от не то чтобы резкой, но некомфортной тянущей боли в животе. Что случилось? Перина мягкая, почти царская. Неужто поправилась? Исключено. Неприемлемо так себя запускать. Что же подумают окружающие? Сразу же заметят лишние граммы, будут тыкать пальцами. А жених и вовсе разлюбит. Еще слегка шумит в голове. Наверное, она слегка простудилась. Опять-таки ей абсолютно некогда болеть: иначе она пропустит шейпинг, аквааэробику, маникюр, шопинг и общение с подругами на высокие темы. Тем не менее все ее занятия позволяют поваляться в постели до полудня. Нет, все-таки где-то замерзла. Порой лень надевать сто портков, чтобы выглядеть как луковица: нужна всего-то минута, чтобы добежать от подъезда до своего нового «Порше», что преподнес галантный жених в качестве подарка на грядущую свадьбу. Может себе позволить: трудится днями и ночами.

Так все же почему она нехорошо себя чувствует с утра? Валяясь на белоснежной постели в огромной квартире, Таня стала размышлять: может быть, перетрудилась в фитнес-клубе, не до конца высушилась после бассейна, продуло в салоне красоты? Вариантов в ее беззаботной жизни выше

крыши.

Чувствуешь себя дискомфортно: голова немного кружится, в животе творится явно что-то необычное, даже слегка подташнивает. Нет, продолжила поиск ответа она: скорее всего, отравилась. Чем там она ужинала вчера? Неужели в том ресторане подают несвежее? Быть такого не может. И тут Татьяна, всегда по-детски непосредственная и слегка недалекая, поняла, что не знает, какие препараты следует принять и где вообще лежит аптечка?

Маникюр сегодня следовало бы отменить. Нужно оклеветаться. Голова еще больше заболела от предположений относительно лекарств, аптечки, меню ресторана и температуры в бассейне. В итоге решила, что само пройдет, и включила плазму на полстены. Далее все стало конкретно подсказывать и намекать: навязчивая реклама подгузников и детского питания с изображением милых младенцев и веселых детишек повзрослее; на другом канале медицинское шоу и бесчисленное количество молодых мамочек в студии; потом новости – репортаж из роддома, счастливые родители с укутанными малышами робеют перед камерами. Ой, да ну этот телевизор!

Все же просто: Татьяна всего-навсего голодна. Где-то на кухне должно быть что-то съестное. И кофемашину надо бы зарядить на напиток покрепче. День не задался – в любимую кофейню не съездишь. Пока кофеек медленно капал в чашечку, а в микроволновке разогревалось блюдо с допусти-

мым числом калорий, Таня, закутавшись в плед, вышла на балкон. За окном морозно и безмятежно. Не успела она закутить тоненькую дамскую сигаретку, как увидела, что внизу, на территории детского сада, вышли гулять ребятишки – они весело кричали, бегали, игрались. Во дворе то здесь, то там неторопливо прохаживались мамочки с колясками, останавливаясь, чтобы трепетно поправить одежду на спящих малютках. Если дите беспокоилось и покачивания коляски эффекта не возымели, то внимание ребенка можно быстренько занять какой-нибудь проезжающей мимо бибикой или птичками, клюющими хлеб и семечки в кормушке, за которыми из теплого подвала наблюдала голодная киска. Мяу-мяу.

Именно сейчас пелена с воспоминаний о маминых рассказах, посвященных предохранению и случайной беременности, сошла-таки на нет. Или от холодного воздуха, или от столь неожиданного осознания стало не по себе. Это же первые симптомы... этой... этой самой? И задержка. Беременность как сверхзвуковой истребитель подлетела к ней так близко, что худенькая девушка в шелковом белье и пледе отстранилась от сигаретки и в состоянии шока вернулась в спальню. Нет, не звонить маме, не искать литературу, не истошно бежать к врачам, а рыскать в смартфоне. Страницы браузера грузятся томительно долго. Таня отбросила трубку и схватилась за планшет – он-то порезвее будет.

Ничего обнадеживающего для себя она на просторах глобальной сети не обнаружила. Только подтверждения. Стра-

ница за страницей вкупе с контекстной рекламой колясок, одежды для малышей, частных роддомов и полезных детских смесей. Однозначно, несколько недель назад с высокой долей вероятности они с Артуром зашли слишком далеко и были, мягко говоря, неаккуратны. Поэтому сейчас в ее чреве активно формируется новая жизнь, которая вот уж точно перевернет быт с ног на голову, заставит забыть о свободе, беззаботности, вседозволенности. Себе принадлежать ты уже не будешь. А какие были планы, какие были мечты у Тани – неужели теперь им не суждено воплотиться в жизнь... никогда? И она превратится в вечно хмурую, растрепанную, заспанную домохозяйку, которая не желает ничего, кроме как нескольких более-менее спокойных часов, пока ребенок спит? А что же придется делать, чем заниматься? Она ведь не умеет ничего, даже не представляет, что ждет ее в столь интересном положении. Она же еще так молода, красива и деятельна – она не может допустить, что через девять месяцев не узнает себя и не сможет радоваться тем приятным мелочам, коими наслаждается сейчас.

А что же скажет Артур? Воспримет весть в штыки? Вспылит и бросит ее? Найдет себе другую: получше, помоложе и без прицепа в виде ребенка? Она ведь точно так же покорила сердце Арчи пару лет назад, после чего он ушел от своей фаворитки – вертихвостки Лизы. Оказывается, и такую стерву можно понять. Вокруг него так много соблазнов, так много девушек – он вправе выбрать любую. Он их повелитель,

их авторитет. Наверное, Арчи что-то предчувствовал, когда заявлялся домой хмурый и принимался рефлексировать на тему его рода деятельности, семьи и прочих вечных ценностей. Таня охотно пресекала сложные философские разговоры, которые из-за неопытности и наивности поддержать не могла, и делала это довольно просто – раздвигала ноги. Они ведь и познакомились благодаря эскорт-услугам. Дораздвигалась?! И что же сейчас? Какой, к черту, эскорт? Куда же Таня пойдет одна? Только к матери в Копейск или на операционный стол? Как же так, Таня, как же так?

«Нет, невозможно, не сходится», – убеждала она себя, решив для надежности посмотреть симптомы простуды и отравления. Выяснилось, что однозначно нельзя сказать, что стоит за ее недомоганием и болью в животе.

Накрутила себя знатно. Скандалы, обиды и томительные игры в молчанку она любила. Но их эффект на себе она прежде не ощущала. Может быть, зря разнервничалась? Исходя из собранной информации, она отравилась, простудилась, практикует сидячий образ жизни и вообще немножко беременна – все с разной степенью вероятности, а подтвердить и опровергнуть доводы может только специалист. Давно она не обращалась к врачам. Бывало, по прежнему месту работы направляли на медосмотр, но так, кажется, с пристрастием симпатичных дам разглядывал только гинеколог, дружить с которым не очень хотелось. А еще она часто посещает стоматолога. Но он же тоже врач. Может, подскажет, должен

ведь знать – зачем тогда он медицинский вуз кончал?

Таня решила исключить самое главное предположение – беременность. Есть же проверенные способы выяснить. Она засобиравалась в аптеку. Нынче они на каждом шагу. Но она была столь ветреной особой, что через минуту засомневалась, а сможет ли морально перенести подтверждение беременности. Пришлось неуверенно расхаживать по апартаментам, будто перед дебютом на театральной сцене. За порог тоже вышла с трудом: одолевают приступы неуверенности и страха, а также желание развернуться обратно, лечь на живот и часок полежать (всегда помогает). Метания продолжились на улице – она не верила, что от ее действий может зависеть будущее: оно либо прекрасное, либо пугающе неизвестное.

В окошко к фармацевту она глядела как в лабиринт Минотавра. Потоптавшись на месте, она со стеснением выдала просьбу продать ей тест на беременность.

– Вам какой? – внезапно поступил вопрос, поставивший девицу в тупик.

«А они разные бывают? Или показывают как-то по-особенному?» – подумала Таня, не зная тонкостей. Она ведь прежде с подобным не сталкивалась. Дамочка искренне не понимала, как остальные женщины с достоинством преодолевают такие тяготы. А у кого-то ведь не один, не два и даже не три ребенка, а больше. Да как так вообще?!

– Самый точный, – ответила Таня.

Бледную дамочку, одетую в шикарную шубку, сразу же

заприметили две сморщенные бабки. Они как раз добрались до аптеки после утреннего рейда по поликлиникам, центрам оплаты коммунальных платежей, базарам и общественному транспорту. Представители старшего поколения принялись тихо шушукаться позади Тани, обсуждая каждое ее действие, бездействие и внешний вид, на ходу придумывая ей характер и биографию: мол, сами раньше умели определять, обрюхатили или нет; как же она будет рожать – худая как тростинка, наверняка вегетарианка; судя по одежке, поедет рожать в Америку, а раньше в поле рожали и дальше шли работать, а что же сейчас – ничего хорошего, ибо для женщины иметь детей является делом десятым, все строят карьеры или строят из себя таких куколок, что мужикам нужно знатно извернуться, чтобы оплодотворить таких вот особ с претензией. Фразы пенсионерок Таня слышала отчетливо, отчето ей стало втройне неловко. Еще и фармацевт долго копается. Сейчас еще скажет, что хороших нет, вот тебе плохой и неточный – и будет она в неведении все девять месяцев.

Таня мужественно стерпела старческий треп и сделала все, чтобы поскорее удалиться.

– Женщины, – произнесла фармацевт в аптеке после того, как Таня ушла, – скажите спасибо, что она покупает тест, а не контрацептивы. Главное, чтобы правильное решение приняла.

– Но, если придет за контрацептивами, – попросила одна из бабок, – ты нам скажи, голубушка.

Невеста Артура робостью не славилась – в обычной ситуации она бы обязательно вступила в конфронтацию с бабульками и вышла бы из этой схватки победительницей. Либо проблему бы решил Артур, который всегда подсказывает, если Татьяна захочет с кем-нибудь поконфликтовать – с гаишниками так всегда, поэтому она соблюдает ПДД только тогда, когда настроение подходящее.

Нынче ситуация экстраординарная. Все-таки она впервые в жизни готовится стать мамочкой. Какого еще качества матерью она будет? Няни? Да, интересно, а со скольких детских лет можно привлечь няню? Надо это выяснить. Хоть бы поскорее. Хотя подождите-ка: тягот и томительных ожиданий можно легко избежать, ибо проблема нежелательной беременности решается хирургическим путем. Наверняка Артур не захочет брать на себя такой балласт. «Наверняка он любит меня, поэтому не бросит, а предложит такой выход, – рассуждала по дороге назад Таня. – Смогу ли я быть хорошей матерью, если одно только предположение заставило меня пропустить маникюр? – на пути снова встретились детишки – на этот раз их вели за ручку либо папа, либо мама, либо оба сразу. В их глазах только радость, а на лицах сдержанная, но улыбка. Таня задумалась. – А ведь с другой стороны... Дети – это же такое чудо, это же послание свыше, святое дело, к которому сознательно и бессознательно идет любой нормальный человек. Он стремится к счастью, а не к одиночеству, даже если оно подкреплено иллюзорным об-

ществом или безвылазным трудом, – кажется, Таня невольно вспоминала одну из лекций по саморазвитию, которые посещала. Спикер там уж больно хорош. Плата за вход еще лучше. – Что же лучше? Бессонные ночи или первые шаги? Грязные пеленки или первое слово, первая школьная оценка, первая любовь? Благодарное чадо, которое не оставит пожилых родителей помирать в одиночестве? А какую же нестерпимую боль испытывают пары, – Таня вспомнила телевизионную передачу на данную тему, – у которых не получается завести детей. Они наверняка стали бы лучшими родителями на свете. Но детишки почему-то стопками появляются в тех семьях, где всю жизнь мучаются, не доедают и издеваются над отпрысками. Ладно, если те еще и доживают до самостоятельности, сохраняя рассудок и здоровье. Есть и родители больных детишек, которые не отказались от них, несмотря ни на что. Почему? Потому что ждали, потому что хотели, потому что любят! Поэтому борются. Так что нельзя отказываться от шанса. Я смогу убедить в этом Артура, смогу... Я не могла полюбить беспощадного и бессердечного дельца, не могла! Нет, все же... А если...», – в мыслях «за» и «против» девушка нарезала немало кругов вокруг дома, взвешивая ценность прежнего образа жизни и нового вороха забот. Но вопрос в том, какие они: лишние или приятные?

Она опомнилась, стоя у подъезда и сжимая в руках коробочку с тестами на беременность. Она готова узнать приговор... то есть решение о благосклонности судьбы или ее злой

шутке с целью пожурить. Незамысловатое устройство знает ответ.

Девушка не помнила, как оказалась у зеркала в ванной комнате с распакованной пачкой тестов и инструкцией, которую ей пришлось прочесть несколько раз, ибо в голове царил невообразимый кавардак. Вроде бы ничего сложного...

Ожидание результата стало самым тяжелым моментом в ее не такой уж и длинной жизни. Казалось, что она не узнает правду никогда. Так волновалась, что чуть не плюхнулась в обморок в ванной.

Две полоски.

Танюша опомнилась, кажется, только под вечер.

– Надо сообщить Артуру. И как можно скорее.

Счастлива ли она? Скорее всего, да.

История двадцать вторая. «Меж двух огней»

Не успел Слава ретироваться обратно в теплое помещение, как голос Олега, схожий с рыком голодного медведя, заставил каждую мышцу бармена сжаться:

– Ты! Как там тебя? Венцеслав! Подойди!

– Олег Валентинович, я Вячеслав, – еле двигая ватными ногами, Славик подошел к хозяину клуба, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Какая, на хуй, разница?! Принеси-ка мне «Сазерак», – распорядился Олег.

– Прямо сюда? – осмелился уточнить бармен.

– Ты чего такой непонятливый? Уши давно мыл? Да, прямо сюда. И давай мухой! У меня важная встреча – хочу горло промочить, – произнес Олег, закуривая очередную сигарету.

Выбранный шефом коктейль достаточно крепок. «Что же у него там за встреча такая? – думал Славик. – Волнительная, наверное, раз нужно бахнуть».

Бармен отправился исполнять приказ. Представилась отличная и одновременно опасная возможность вывести Олега из игры. Последние капли снотворного в помощь. Хотя нет гарантии, что его вырубят сейчас, а не утром. К тому же, если начнут копать, в два счета выйдут на Славика – прихвостники Олега умеют выбивать нужные показания. «Воображаю,

как они озлоблены на хоккеистов», – размышлял бармен.

Но нужно и о себе подумать. Стоит ли дружба с Данилом таких жертв?

Вскоре Олег получил свой коктейль, осушил рокс и, пошатываясь (он и до этого прилично в себя влил), отправился на встречу.

– Какие напитки предпочитаете? – спросил услужливый официант.

– Вино или женщин? – передернул смазливого официантика Абдуллин.

– Зависит от года выпуска, – ответил Брадобреев – настоящий ценитель и того, и другого.

– Принеси хоть что-нибудь! – Леше Бречкину до сих пор мерещится направленный на него пистолет.

– Лиза, – начал Кошкарский, – вы ослепительны!

– Благодарю, – улыбнулась она, несмотря на заезженный комплимент.

– Елизавета, а как вы относитесь к хоккею? – поинтересовался Чибриков.

«Кто еще у кого в ловушке», – раздумывала она. Очевидно, что с этой компанией будет легко разделаться – заманить куда-нибудь и натравить на пацанов кровожадного Олега. Однако они ведь еще совсем дети. А смотрят на нее так, будто состоявшиеся мужики: кто-то на словах, а кто-то на деле,

и абсолютно все – чисто физиологически. Девушку съедали глазами – больше остальных ей приглянулся важный и подтянутый Арсений Митяев. Лиза решила сосредоточиться на нем. Она нарочно смотрела исключительно на 17-го номера, пока остальные пытались занять ее банальным разговором.

– Нейтрально, – она отпила вино из бокала. – Но после вашего представления я, честно говоря, приятно удивлена. Такие молодые... И так во всем подкованы.

– Ага, мы такие, – поддакивал Брადобреев, поедая закуски.

– Меня всегда восхищали спортсмены, – продолжила петь дифирамбы Лизочка. – Спорт – это же такой большой труд, такие сложности, испытания, тренировки. Профессионально спортом занимаются лишь достойные, избранные люди, смелые и сильные. Особенно столь опасным видом спорта. Поэтому вы, ребята, большие молодцы. Вы вызываете восхищение и уважение.

– Мы сильны не только в спорте, уверяю тебя, – строил глазки Лизе Степа Кошкарский.

– Я в этом убедилась.

– Это далеко не все.

Решив перехватить инициативу, Абдуллин задал вопрос:

– Лизонька, а вы сами чем занимаетесь по жизни?

На сарказм явно не смахивает, но вопрос очень некстати. Лиза слегка растерялась: у нее прежде не спрашивали, кто она, откуда, какое у нее образование и чем она зарабатывает.

тывает на жизнь. Дежурного ответа у нее не заготовлено. Все и так на лице написано. Говорить об этом публично как-то не принято. Ей обычно кидают денег либо на шмот, либо за присутствие, либо за секс – вопросов не задают. У ее целевой аудитории обычно разговор короткий. Бывали, конечно, халтурки (когда вызывают, дабы поговорить), но редко.

Чувиху выручил тот, на кого она, собственно, и возлагает надежды:

– Абдулла! – жестко выступил Митяев. – Что за бестактные вопросы?! Не нужно Лизу утомлять. Мы на отдыхе, а не на допросе.

Арте́м злобно зыркнул на развалившегося с важным видом Арсения.

– Тост! – подмигнув Елизавете, поднял бокал Митяев. – За Лизу, королеву вечера, которая не дает нам скучать, – все поддержали и чокнулись.

Таким образом Арс из отстающего сделался лидером гонки за внимание Лизочки, которая поспешила сменить тему и спровоцировать спортсменов на самовосхваление и пространные рассуждения.

– Парни, – произнесла она, – почему вы в хоккей пошли? А не в футбол, например?

– Футбол – это шляпа, – ответил Чибриков.

Пока каждый высказывался на этот счет, Лиза внимательно изучала собеседников: кто как одет, как себя ведет, в какой телефон поглядывает, какие кольца, цепочки и печатки

носит. Оказалось, что есть, чем поживиться.

– ...Хоккей доставляет взвездное удовольствие от голов, силовых приемов и побед. Один раз банку закатаишь и уже не можешь остановиться. Со льдом ведь еще совладать нужно – на коньках все же. И себя надо в форме держать, чтобы быть быстрым, пробивным и техничным, – комментировал Степан. – Я вот...

– Чего говорить, – поднялся Арсений. – Я вам покажу идеальную форму! – паренек сбросил толстовку, затем футболку и оголил торс, грудь, плечи, массивные руки. Митяев застыл как бодибилдер – будто любовался собой в зеркале.

«Он не из робкого десятка», – подумала Лиза. Перфоманс Митяева на этом не закончился:

– Не стесняйся, – давненько она не слышала подобного призыва. – Можешь потрогать.

– Смело, – ухмыльнулся Бречкин.

Подошедший официант увиденному очень удивился: Елизавета Дмитриевна как будто впервые в жизни гладит упругие мышцы мужского пресса, вознося глаза в сторону довольной физиономии Митяева. В довесок Арсен продемонстрировал упругий бицепс на правой руке, который Лиза легонечко сжала, после чего ее изнеженная кремами ручка проскользнула дальше: на шею, а оттуда на грудь, где как бы невзначай дотронулась до цепочки с крестом.

– Чего, братан, – сказал Митяев тощему официанту, – завидно? Иди и дальше посуду разноси.

– Мы вам не мешаем? – громко спросил Степа.

Действительно, стриптиз слегка затянулся.

– Да, – замешкался Арсений, натягивая футболку обратно, – так чего ты там хотел сказать, Степа?

– Что я высокий, а на коньках я еще выше, ведь люблю быть сверху, – фраза не произвела должного впечатления.

– Ясно.

– Какая у тебя цепочка, – обратила внимание Лиза. – И у всех такие, я смотрю.

– Да, это что-то вроде оберега. Опасный же спорт.

– Так, мальчики, я тут подумала... Выпьем за то, чтобы без травм.

– Вот это правильно, – поддержал Бречкин.

«Дай бог, чтобы Олежек вас несильно покалечил, – подумала Лиза. Она не отказывалась от плана усыпить бдительность парней, зачаровать их как можно скорее – особенно Митяева, который раздевал ее глазами, при этом самодовольно ухмыляясь. Вскоре до девушки дошло, что остальные тоже не намерены сдаваться – на любые попытки подкатить, шутить, флиртовать и ухаживать она реагировала благосклонно, попутно облизывая губки или поправляя декольте, дабы платье еще пуще подчеркивало ее грудь, на которой кто-нибудь хоть раз в минуту да останавливал взгляд. – Господи, они же еще мальчишки! Что я делаю?»

Какими только способами ее не пытались обаять, однако опытная львица считывала любые ходы. Не растерялась, ко-

гда Митяев положил ладонь на ее покрытое подолом платья бедро. Когда Лиза, не отрываясь от беседы, водрузила ладонь на его запястье, Арсений чуть не поперхнулся, осознав, что она и не собирается откидывать его клешню. Елизавета вцепилась в руку форварда и стала настойчиво пододвигать ее все ближе к животу, что заставило Сеню охнуть.

– От девушек у вас, наверное, отбоя нет, – произнесла она, не отпуская руки Митяева с собственной ляжки, а затем освободилась от туфли и протянула носочек своей правой ножки к коленке Кошкарского. Степан сначала вздрогнул от прикосновения, а потом, переборов волну чувств, пустил в ход пальцы, которые принялись нежно массировать Лизе ступню и голень. – Наверняка это вам очень льстит. У кого есть девушки, признавайтесь.

Хоккеисты принялись отрицательно качать головами, дабы не отпугнуть Лизу.

– Да ладно?! Быть такого не может. У таких симпатичных парней и нет спутниц? Я думала, мы будем откровенны друг с другом, – Лизочка ущипнула Брэдобреева за бок – тот резко подскочил и объявил тост за любовь.

– Она разная бывает, – философски заявил Абдуллин.

– За ту, от которой голову теряют. И за ту, которой занимаются. За всю, короче. Вздрогнули!

Чокнулись.

– Что ж, шифруетесь вы неслучайно, – продолжила Елизавета. – Наверное, из-за строгого тренера. Прямо как в старом

фильме: «первым делом – самолеты, ну а девушки – потом».

– Да, есть такое.

– Хорошо, раз сут... начальник...

– Тренер.

– Раз тренер так вас строжит, почему же вы, молодые спортсмены, сейчас в клубе бухаете?

– Лиза, – отвлекся от еды Пашка, – а ты вообще любишь побеждать? Без разницы в чем.

– Кто ж не любит.

– Иногда и проигрывать нужно. Проигрыш подстегивает к самосовершенствованию, – вмешался Богдан.

– Богдан! Избавь меня от этой мути. Мы не о том сейчас толкуем, – эмоционировал Брэдобреев. – Так вот, зайка моя, нас отвлекли. На льду ты носишься за шайбой из стороны в сторону 60 минут, пытаешься ее догнать, отобрать, сохранить, а потом еще и попасть по воротам, до которых нужно добежать так, чтоб тебя не сбили с ног. Оттого любая победа – это всегда боль, всегда преодоление. Не только непосредственно игра важна, но и настрой, стратегия и тактика, оптимальная форма, которая, кстати, у меня тоже имеется, – Паша с укором глянул на Арсения. – Это годы подготовки, шлифовки всех спортивных качеств до идеала. Практически без перерыва. Да, это деньги, большие деньги, но это еще и равнозначный им труд, нагрузки... Шоу, поднимающее на дыбы крупнейшие стадионы мира, Лиза. Нельзя ничего добиться, если ты не умеешь вовремя остановиться,

расслабиться и восстановиться. Помнишь, я сказал, что мы в процессе «практически без перерыва»? Так вот: чуток до «постоянно» – сейчас.

– Не убавить, не прибавить, Пашка.

– Алкоголь, клубы и девушки?

– Чистая правда.

– Как на это смотрит тренер?

– Знаешь, Лиза, – подключился Чибриков, – в нашем случае мы делаем все это не «для», а, скорее, «вопреки».

– Наверное, я уже слегка пьяна и не понимаю. Честно, мне интересно – я стараюсь...

Митяев вызвался объяснить, как бы случайно закинув руку ей за спину:

– У нас в команде непростая схема.

– Кто бы говорил, – Бречкин понял, о чем собирается вещать Арсен.

– У нас не один тренер, а почти что два.

– Почему? – спросила Елизавета.

– Один – основной, а второй... приставлен за дисциплиной следить и типа делать из нас команду.

– Что же в этом необычного?

– Просто второму столько же лет, сколько и нам.

– Подождите, – призадумалась Лизок. – Я, может, слабо разбираюсь, но тренеры должны быть опытные, взрослые, играть там когда-то где-то и...

– Все верно.

– А у вас получается тренеру...

– Помощнику.

– Помощнику тренера... столько же лет, сколько и вам?

А сколько вам?

– Достаточно, чтобы заходить на недетские сайты, – соврал Бречкин.

– Наверное, он какой-нибудь мастер спорта, гуру, вундеркинд?

– Нет, как раз наоборот, – ответил Абдуллин. – Он у нас особенный.

– Большой?

– В точку! – заржал Леха.

– Скорее, странный.

– В Магнитогорске могут, умеют и практикуют.

– Как там говорил этот... как его? Фамилия его, словно морда грязная. Мол, «у нас такого никогда не было и вот случилось вновь», – все заметно приуныли.

– Я как-то была в Магнитогорске проездом. Одни трубы и только. Но вы умеете заинтриговать, парни. Увидеть бы вашего уникама.

– Лучше не надо.

– Как-то плохо он за дисциплиной-то следит, раз вы тут прохлаждаетесь.

– Это да, – ответил Арсений, – поэтому предлагаю и дальше нарушать дисциплину.

– Поддерживаю, – произнес Бречкин. – Нашли, о ком бе-

седы вести. Погнали танцевать!

– Ты какой-то напряженный весь вечер, – Елизавета поддвинулась к Алексею.

– Спрашиваешь еще. Не каждый день в тебя пистолетом тыкают.

– В меня каждый день чем-то тыкают, – прошептала Лиза. – Ты расслабься, – он ухватила Лешу за плечи и принялась их массировать, отчего тот мигом раздобрел, а другие покраснели от зависти. Да так, что не обратили внимания на скромно подошедшего к их ложе Славика, который не ожидал увидеть здесь Лизу.

– Здорова, Славян! – поприветствовал бармена Митяев. – Чего хотел?

– Да так, предупредить кое о чем.

– О чем?

– Вячеслав, – строго произнесла Лиза, почуяв неладное, – прекращай по пустякам отвлекать гостей. Будь добр, вернись на рабочее место.

Бармен ничего не мог ей противопоставить, посему раскланялся и удалился – переговорить с Арсом об опасности, которая их поджидает, не удалось. Все из-за этой шлюхи, которая взяла пацанов в заложники. Да и воспримут ли они слова Славика всерьез? Солидно ведь выпили. Вячеслав принял решение спасти ближний круг, а именно Даню, который до сих пор не объявился.

– На танцы, говоришь? – спросил Митяев и подхватил на

руки Лизу, оторвав ее от Лешиных плеч.

Процессия направилась к танцполу. Там ни на секунду не прекращалось хаотичное движение.

В эскорт-опыте Елизаветы такого прежде не было. Особи мужского пола не хотели групповухи и не хотели иметь ее по очереди, а просто устроили соревнование, кому же она, собственно, достанется. Хоккеюги поровну поделили танцевальное время с Лизой. Танцуй и обольщай на здоровье. Каждый предлагал свой стиль танца, извиваясь вокруг девушки изящно либо как получится. А мальчишечьи речи не состояли из чего-либо выше грязных намеков и тупых подкатов.

Хоккеисты твердили Лизе примерно одно и то же: что персоны, стоявшие поодаль, абсолютно ни о чем и как хоккеисты, и как потенциальные любовники. Позже следовало перечисление причин, объясняющих, почему именно этот человек достоин ее внимания больше остальных. Самым нескромным ей показался Паша Брадобреев. Между ними произошел диалог следующего содержания:

– Знаешь, Лизочка, чем схожи коты и мой член?

– Страшно даже предположить.

– Оба трутся об мою лодыжку! – девушка не знала, что на это ответить.

Остальные попутно дрыгались в сторонке и как в типичной мужской компании обсуждали результаты:

– Она что-то шепнула тебе на ухо. Колись!

– Сказала, что у нее отсутствует рвотный рефлекс.

– Очень ценная информация, очень...

Все изменилось, когда к Лизе подошел Арсений Митяев. Тогда-то девушка почувствовала себя начинающей танцовщицей в руках опытного наставника, практикующего страстные и откровенные танцы. Так проникновенно и чувственно она прежде не танцевала – Лиза могла полностью довериться рукам партнера. Трек попался подходящий. Митяев импровизировал, а она гадала, где спортсмен успел такому научиться, ведь все хоккеисты обычно деревянные и неказистые. Но только не он. Парень вновь удивил Лизу. В завершении танца он, не произнеся ни слова, прильнул к ее лицу почти вплотную, но развязного поцелуя не случилось, что заинтриговало Лизу еще больше.

– А ты умеешь обращаться с дамами, – шепнула ему Елизавета – сама опустилась до намеков. – И явно не только в танцах. Ты прямо раздвинул мои горизонты, Арс, – эротично вздохнула она.

Митяев для пущей таинственности никак не отреагировал на провокационную фразу. И не прогадал. Изящность и загадка только сильнее влекли дамочку.

Персонал «Хамелеона» диву давался, наблюдая, как недоступная для рядовых посетителей Лиза танцевала с хоккеистами-малолетками. Она ведь птица высокого полета, а ее клиентура в пьяном угаре на танцполе не зажигает.

С балкона за представлением наблюдал Артур. Он обду-

мывал сказанное Лизой ранее и испытывал смешанные чувства: «Тебе ли не знать, Артурчик: если у женщины горят глаза, следовательно, тараканы в ее голове что-то празднуют, – размышлял сутенер. Он умел общаться с самыми разными женщинами, включая девиц с пониженной социальной ответственностью и завышенной самооценкой. Артур стремился проникнуть в их разум. Правда, нескольких девчонок ему так и не удалось обуздать в полной мере: он просто не понимал их, отчего уделял таким больше времени – речь о Лизе и Тане. – Нет, так нельзя. Опасно. Она ведь таких дел натворить может. Ее нельзя отпускать. Ей нельзя доверять. Она же, считая, что помогает, с легкостью навредит моим планам. Ее дело – под нужных мужиков ложиться, а не богатеев шантажировать и компроматом распоряжаться. Нужно отобрать у нее флешку. Позже я займусь Олегом сам», – заключил Артур, решив спуститься к Лизе и отозвать ее.

Тем временем местная звезда в обнимку с хоккеистами вернулась в ложу. Все вновь набросились на спиртное. Однако сейчас внимание Лизы сосредоточилось на Сене, который безмолвно демонстрировал свое превосходство над остальными: «Завидуйте молча, дилетанты!»

Чуть в отдалении появился Артур и подал Лизе знак подойти.

– Я отлучусь на минуточку, ребята. Переведу дух и припудрю носик, – взяв сумочку, она поднялась и зашагала в сторону дамской уборной, разыскивая в толпе Татьяну

Строймилову.

– Пацаны, предлагаю набить выскочке ебальник, – предложил Брадобреев.

– За то, что отрывается от коллектива, – добавил Степа.

– Типичная шлюха. И чего вы в нее так вцепились? – произнес Бречкин.

– Вы ничего не понимаете...

– То, что ты охуел, Арс, мы поняли!

– Сколько раз тебе в еблет прилетало за выпендрож, напомни? Сейчас еще одну галочку поставишь.

– Я бы не торопился с выводами, мужики. Вы явно забыли одну важную вещь, ради которой мы здесь.

– Поясни.

– А вон тот субъект вам пояснит, – Арсений показал пальцем на Данила Озерова.

Слава соорудил любимый коктейль босса быстро. А вот в раздумьях, добавлять ли в «Сазерак» секретный ингредиент, бармен пребывал целую вечность. За такую задержку шеф и уволить может. Славик пытался просчитать последствия – безопасные варианты отсутствовали. На переднем плане маячат слова Олега о войне, об опасности, которая нависла над Даней и его друзьями-хоккеистами. Ну и уснет сейчас Олег. И что дальше? Спасет ли положение такой шаг? Есть же Артур. Есть Лиза, которая, кстати, до сих пор бодрa и весела.

Видимо, снотворное не работает, как бы ему следовало работать – с уверенностью и не скажешь, подействует или нет. Тем не менее вот уже целую минуту Слава стоял над роксом Олега с открытой склянкой, в которой оставалось несколько капель – как раз на одного человека. Только вылить в стакан. Извлечь препарат обратно не выйдет. А если потратить его на Артура или еще раз на Лизу? Даня ведь ее не жалует – можно же попробовать еще раз. А кто орал как резаный, что так нельзя? Сам же Славик. К тому же какой безумец позволит украсть Лизу из клуба, как первоначально планировал Озеров. Слава толком не уверен, договаривался ли Даня с кем-то из отцовской охранки. Будь так, они бы мигом поставили в известность Озерова-старшего, а тот запер бы отпрыска дома. А теперь уже поздно. Чем дольше они медлят, тем сильнее растет неизвестность, а вместе с ней и непредсказуемость. Затеянику Дане нужно срочно искать выход и удирать отсюда. Но как это сделать, если за ним следят?

Бармен взглянул на бутылек снотворного в руках, словно видел его впервые в жизни. Кажется, есть еще одна идеяка.

– Чего ты тут застыл? – словно гром среди ясного неба прозвучало неподалеку – заветная склянка чуть не выскользнула из рук Славы. Он чудом удержал ее: помогли навыки, выработанные при работе за барной стойкой.

Снова в дверях стоял Ваня Бережной – тот, который Вася.
– Делаю коктейль для шефа, – Славик закупорил склянку, которая как по мановению волшебной палочки растворилась

в его руках, оказавшись в кармане фартука.

– И чего ты его взглядом зомбируешь? Давно уже пора отнести. Все вы с бара только и делаете, что наслаждаетесь своими жидкостями, словно это произведения искусства. Я вот ничего особенного не вижу.

– Тут не только искусство, но и химия.

– Что?

– Послушай, бар – моя зона ответственности. Если хочешь кого-то строить, иди на кухню.

– Я тебя уму-разуму учу, а ты выделываешься. Пока ты чахнешь над водичкой с газом, твое отсутствие за стойкой – это упущенная прибыль заведения. Помножь ее на все твои сегодняшние отлучения и...

– Я понес напиток Олегу Валентиновичу. Отойди, – попросил Бережного Славик, не обращая внимания на его фразы.

У Вани зазвонила мобила.

– Телефон?! Да на рабочем месте. Как не стыдно?! – театрально выкрикнул Слава.

– Мы квиты, Слава. Алло...

По дороге на улицу бармен размышлял, что бы случилось, если б внезапно клуб накрыла облава и отряд специального реагирования поинтересовался бы, кто здесь главный, чтобы отделать его за нарушения. Все бы показали пальцем на человека, который всегда хотел казаться начальником – на Бережного.

Неподалеку от клуба «Хамелеон» остановился тонированный черный «Мерседес» представительского класса последней модели. В кожаном салоне, на водительском сиденье, в расстегнутом драповом пальтишке, под которым скрывалась рубашка элитного бренда с галстуком, сидит невысокий утонченный мужчина 35-ти лет. Его голова чем-то наминает луковицу; волосы приглажены и слегка завиваются на кончиках. Лицо конкретно обременено интеллектом и серьезностью: несильная бледность, тонкие губы, серо-голубые глаза.

Человек говорит по телефону:

– ...Ваня, послушай меня. Ты отлично справляешься. Я очень надеюсь, что все удастся провести сегодня. Не могу пока обещать – не знаю, на что мы сейчас договоримся с этим старым пердуном. Но я тебя прошу – позаботься, чтобы все нужные улики были на месте. Да... Не может быть? Раньше времени убежала? Ее китайскую задницу засунули обратно? Что-то подозревают? Главное, что не тебя, дружок. Так, он идет, я отключаюсь, братишка. Будь на связи.

К «Мерседесу» вразвалочку подошел Олег.

Сидящий в машине человек состряпал важный и пренебрежительный вид. Хозяин «Хамелеона» с добротным амбре уселся на переднее пассажирское кресло. «Сазерак» от Славика сделал свое дело. Олег, что остро желает распра-

вы над хоккеистами, недоволен поздним визитом чиновника, отчего настроился на непримиримый и развязный лад. Власть имущий в свою очередь желает обсудить с Олегом весьма важные и животрепещущие вопросы, сохраняя при этом надменную выправку.

– Может, мне, как и вам, во власть податься, а? – с ходу начал Олег. – Вон на каких тачках, оказывается, у нас городская администрация катается.

– Для начала здравствуйте, Олег, – недовольно произнес уважаемый мужчина, вальяжно взглянув на положение стрелок на наручных часах и поморщив нос от алкогольных паров, исходящих от Олега. – Хотелось бы вам напомнить, что у вас есть внедорожник, который стоит несколько дороже моего автомобиля. И я, между прочим, заработал на него честным путем.

– Как и я, – не без сарказма парировал Олег. – Вот как хорошо на нашем примере работает сцепка бизнеса и власти. А какие же она машины приносит всем участникам. У-у-у, закачаешься. Хорошо нынче башляют сетевики, хотя заходишь к ним в магазины, а там цены как цены.

– Вы, Олег Валентинович, к сожалению, не мыслите в масштабах государства. Ваши личные интересы и интересы вашего бизнеса ограничены этим городом. Но вы все равно добились впечатляющих результатов.

– Не припомню, когда меня так хвалили за размах дел, которые преследуются по закону. Даже как-то неловко. Вы

тоже преуспели, как мне известно. Явно вы мыслите шире, чем я.

– Я не хотел оскорбить вас.

– В новостях периодически показывают ваших – «мыслящих в государственных масштабах». У них там все масштаб-но: виллы, самолеты, яхты, машины, даже унита-зы, мать вашу в душу. И любой хочет расширить зону своих интересов. Вот я и говорю, что вы для городского масштаба весьма преуспели.

– Вы выбрали неподходящее время для обсуждения во-просов такого рода, мой друг.

– Настроение такое.

– Да, я чувствую, – чиновник приоткрыл окошко.

– Так зачем пожаловали? – спросил Олег.

– Вы и сами прекрасно знаете, на какую тему мы ведем переговоры столь длительное время. Относительно нашего общего знакомого...

– А поподробнее?

– Олег, вы паясничаете или записываете меня на диктофон, чтобы сдать нашим друзьям в полицию? Поверьте, у них уже папок не хватает для материалов дела, которое они собирают на нас, но не запускают в производство... сами знаете, чьими усилиями.

– Я не делаю ни то и ни другое.

– Это радует.

– Чего вы так напряглись? Вы же тертый калач – давно

вертитесь в этом дерьме.

– Все это, как вы выразились, дерьмо предполагает серьезность переговоров и неукоснительное выполнение взятых на себя обязательств.

– Ладно, валяйте. Что там у вас? – соизволил выслушать гостя Олег.

– Меня каждый день беспокоят люди из нескольких сетевых ритейлеров, с которыми мы заключили некое соглашение...

– Не мы, а вы.

– Но ваше участие в сделке, по сути, преследует те же цели, что и у наших партнеров – убрать конкурентов и расширить рынок. Глупо отрицать очевидное. Мы с вами в одной лодке.

– Получается, исходя из ваших образов, веслами в лодке больше всех гребу я?

– Почему же? Я зря времени не теряю. Вот хочу с вами поделиться, что и администрация, и полиция, и коллеги из налоговой, Роспотребнадзора и пожарной охраны намерены как следует прошерстить бумаги и объекты господина Озерова и найти нарушения. Вскоре переговорю и с начальником трудовой инспекции. А администрация так вообще с ним судится вдобавок ко всему. Думаете, откуда все берется – не из воздуха же! Я тащу это на своем горбу...

– Но все основные риски на мне.

– Я думал, что вы, Олег, сам по себе парень рискованный. Вас

никогда не смущало подобное. Иначе коллеги по цеху вас бы так не уважали...

– И не боялись.

– Знаю я, что говорят о вас в этой среде: вам раз плюнуть сделать то, что нам нужно. А дивидендов вагон и маленькая тележка. Или вы выманиваете у меня больше денег?

– Уверен, что в вашей стерильной практике, которой вы божитесь, не было случаев, когда вы самолично били стекла в магазинах, поджигали ларьки, грабили фуры, обносили склады, тайно или в открытую. А нарушения, по которым работают ваши структуры, обнаружены моими людьми. Будь моя воля, я бы не стал терпеть и стер бы всех этих коррупционеров с лица земли, а вас... вас придушил бы... вот этими руками.

– Вы мне угрожаете?

– Нет.

– Или все же выманиваете больший процент от нашего общего вознаграждения?

– Нет, я паясничаю, – натужно улыбнулся Олег.

– Никто и никогда не принижал ваших заслуг в этом деле. Считаю вашим огромным достижением наличие компрометирующего видео на господина Озерова. Как я понимаю, это ваша инициатива – сугубо из личной неприязни к Владимиру Аполлоновичу.

– Но вашим говнюкам из сетей этого мало, не так ли? Чего еще хотят наши партнеры? Говорите, не томите.

– Они интересуются, когда будет закрыт вопрос с неговорчивым Озеровым и когда его торговые площади будут выставлены на продажу?

– Работа ведется.

– Они хотят быстрее.

– А strapon в жопу они не хотят?!

– Не горячитесь. Поймите, сети уже не могут ждать – они ежедневно теряют кругленькую сумму из-за таких, как вы.

– Ебанный в рот! Я еще и виноват. Какого рожна тогда все инстанции еще не раздели Озерова до трусов?!

– Сношения такого уровня требуют времени, тактичности и секретности. Я работаю над этим ежечасно. А вы устраиваете какие-то непонятные игрища с несовершеннолетними родственниками вашего конкурента.

«Откуда ему известно об этом?» – подумалось Олегу. Не любил он находится под колпаком, тем более у чинуши.

– Вот это уже мое личное дело, как злорадствовать над собственными врагами.

– Знаете, иногда личное очень вредит полезному, – произнес чиновник. – Нужно праздновать победу, когда есть твердая уверенность, что соперник полностью повержен.

– Он уже при смерти.

– Вы так уверены, Олег? Господин Озеров ведет бизнес с 90-х годов. Он умудрился сохранить его от начала и до конца. И думаю, что сейчас он в состоянии преподнести нам неприятный сюрприз.

– Можете не утруждать себя этими мыслями. На днях мы закроем вопрос. Поэтому наши партнеры смогут отметить Новый год в любом из объектов Озерова по всему Челябинску. Хотя, зная ваших коллег-бюрократов, они устроят волокиту из самого простого.

– Вы понимаете всю серьезность того, что мы затеяли, сколько людей на этом завязано и какие деньги на кону? Понимаете, что будет, если надежды и желания тех, кто стоит за ними, не оправдаются?

Олег пристально взглянул на собеседника.

– Олег, вы видели свое дело, которое хранится в органах?

– В моем понимании, архаровцев интересуют не бумаги с черными буквами, а разноцветные фантики с изображениями российских городов, коими они снабжаются исправно.

– А я видел ваше дело.

– Как интересно. А я смогу сходить и ваше дело полистать, раз пошла такая пьянка?

– У вас там, – продолжал человек за рулем, – материалов на три пожизненных срока без права на УДО. Если бы сняли мораторий на расстрел, вас бы изрешетили первого.

– Именно поэтому мне никто не смеет указывать, что и как надо делать. Небезосновательно, верно?

– Но задумайтесь, Олег, что будет, если у вас в одночасье отнимут все ниточки и ресурсы бизнеса, официального и подпольного. А этот уродливый и, кстати, незаконный пристрой, – он указал в сторону клуба, – быстренько снесут. Или

нет. Откроют в нем супермаркет. Заодно мы избавимся от нескончаемого потока жалоб жителей на ваше заведение.

– Знаете, чем схожи власть и криминал? – неожиданно спросил Олег.

– Чем же?

– У нас с вами одни и те же методы воздействия. Только у вас они закреплены в законах, в которых черт ногу сломит. И трепитесь вы больно много вместо того, что взять и сделать.

– Занятная у вас теория.

– Именно поэтому многие бывшие братки сейчас во власти. Без нас не будет вас. Вам же нужна подпитка извне. Нужна мнимая угроза для бесконечного трепа и угнетения людей. Кризис, война, нефть, террористы, птичий грипп! Я хоть не рвусь во власть – в моих руках ее достаточно. Правда, у меня есть парочка соображений на этот счет. Поделиться?

– Мне даже интересно. Валяйте.

– Вот, допустим, вы. Всеми силами тут намекаете, что меня могут посадить.

– Нет-нет...

– Вы как истинный представитель власти не только трепитесь, но еще и врете. Не перебивайте меня.

– Олег, вы явно пьяны. Как я только еще...

– Так даже лучше. Так вот... Вам всегда нужна причина, отмазка, прикрытие, чтобы существовать. Поэтому во все времена была власть и были бандиты. И обе стороны находились в вечном противостоянии, ведь стремились искоренить

друг друга и декларировали это народу, который хавал и вот уже тысячу лет хакает. Вы или кто-то там еще хотите убрать меня? Заметано – пожалуйста! Меня нет, мой клуб снесен. Одной могущественной силы, в руках которой Челябинск с миллионом жителей, больше нет. И знаете, чего вы хапните? Народного бунта.

– Почему? За снос «Хамелеона» жители нас только отблагодарят. Намекаете, что на ваше место придут другие?

– Нет, это будет потом. Вас бы поблагодарили где-нибудь за бугром, в Европе, но никак не в Челябинске. Будет восстание. По двум причинам: все остались без бухла, карт, шлюх, наркоты и танцев, а власть лишилась главного оппонента, против которого публично боролась. Раз такового нет, следовательно, зачем народу власть, которая достигла цели? Кормить ее налогами просто так? Нет, увольте. Поэтому мы и работаем слаженно вместе, чтобы сохранить друг друга. Вот шумят там люди на какой-то площади в Москве, потому что нынче все обленились даже делать вид, что чем-то занимаются. Движение – жизнь. Шевелись и завоюешь место под солнцем. Можно шевелиться, но медленнее, и народного гнева не будет, а так... бабки на скамейке поносят местную власть и не более.

– Как у вас просто все...

– Относительно сноса. Вам ли не знать, что люди никогда не будут довольны хорошими делами властей – только так можно хоть чем-нибудь отвлечь народ, чтобы он не стал

в ваши черные делишки сильно вникать. Знаете, что хорошо отвлекает от того беспредела, что сейчас творится? Мой клуб. Его посетители не позволят закрыть такую лакомую приманку, которую они посещают каждый раз вместо того, чтобы администрацию штурмовать. Лучше бухнуть и забыть про свержение власти, верно? Так что муниципалы еще долго будут со мной якобы бороться – так же долго, как и сотрудничать.

– Ваша теория весьма занимательна, Олег, и имеет право на существование. Но я бы хотел вернуться к нашему делу.

– Что вы заладили?!

– Настоятельно прошу вас поторопиться.

– Сделаю все, что от меня зависит.

– Хорошо. Озеров должен как можно скорее отказаться от своего имущества. А то, чувствую, промедление отразится на нашем с вами вознаграждении.

– Ну вы скажите что-нибудь этим сетевым мудилам, найдите нужные слова. Вы умеете.

– Переживаете за выручку? Предоставьте это мне.

– Может, заглянете на партию в покер?

– Нет, я поеду домой: мне нужно выспаться. У меня завтра с утра...

– Надо же, вы еще и спите?! Я-то думал, совесть вам не дает.

– Как и вам. Мы оба плохие люди. Но, кажется, только так можно чего-нибудь добиться в жизни.

Олег собирался покинуть «Мерседес», но внезапно передумал и спросил:

– Всегда хотел вас спросить, Валер. А у вас семья-то есть?

– Вам зачем?

– Не переживайте так. Чисто из интереса. Никакого криминала, угроз, шантажа и заложников, поверьте.

– Слабо верится.

– Мы же деловые люди и должны друг другу доверять, разве нет? От наших действий столько зависит.

– Давайте без имен.

– Давайте.

– У меня есть жена, маленькая дочь, младший брат, пожилые родители.

– И вы для них наверняка лучший муж, отец, сын, брат, да? Добытчик, пример для подражания?

– А как же. К чему вы клоните?

– Только представьте, что бы они сказали, если б узнали, какой их Валерий Юрьевич Бережной на самом деле коррупционер и интриган.

Бережной кисло улыбнулся:

– Была бы у вас семья, Олег, вы бы еще сильнее развели всю вашу нелегальную деятельность.

– Откуда вам знать, что у меня ее нет?

– Элитная шалава, которую вы периодически трахаете, семьей не считается. Задумайтесь, что вы после себя оставите, ведь вам уже четвертый десяток, а все ваши учителя, рэке-

тиры-борцы, уже давно на зоне или в могиле. А вы пока так, в мафию играете.

– Откуда вы...

– У меня есть одна полезная привычка. Я всегда проверяю своих контрагентов.

– Контр... кого?

– Олег, чтоб вы понимали серьезность моего настроя. Лучше со мной вести беседы на равных.

– Вас что-то задело, Валера?

– Вряд ли вы бы разговаривали столь развязно с персонажем вашего уровня. Зря вы меня недооцениваете. Я тоже обладаю некоторыми знаниями и связями. Я ведь тоже часть большой системы подобно вашей. А кто в ней законам не следует – не тем, что принимаются и публикуются, – тот заменяется на другого со скоростью света, более гибкого и сговорчивого. Но вот уже долгое время я не просто исполнитель, шестеренка – я большая красная кнопка, рубильник, который способен запустить или остановить очень многое. Часто именно мне решать, что сделать и как. От того или иного решения может зависеть, кто сядет, кто разбогатеет, кому полегчает, а кто огребет. И за эти взвешенные решения и создание нужных для них условий мне платят. Я даже могу выбирать. А люди... люди только и умеют, что ругать, а потом слезно выпрашивать, мол, вы обязаны. Быстро народ привыкает к хорошему. Ему периодически нужно напоминать, что он тоже кое-чем обязан. А вы, коммерсанты, знае-

те собственную цену, привыкли оперировать экономическими категориями, прекрасно осознавая, что из воздуха ничего материального не возникает, что все продается и покупается. Посмотрите на меня и на себя, Олег. Вы действительно мало чем от меня отличаетесь: вы тоже в центре принятия решений и тоже монетизируете место, которое занимаете. Мы, может, из разных ветвей власти, но мы из одной системы, которая при всем ее несовершенстве сделала из меня важную шишку, а из вас – местного полулегального царька. Я не хуже вас знаком с этим.

– Со мной-то все ясно. Я в тени. Но ведь у вас все официально. Как же вы лицо-то держите?

– Да уж, выпившие всегда задаются вопросами морального толка. Вы мой давний партнер, поэтому я вам отвечу. Я делаю все, что позволяет мой статус. А работать на благо города или на благо себя – каждый решает самостоятельно. Кто и какое решение принял, легко увидеть: подойдите к мэрии в конце рабочего дня и взгляните, кто в какие машины садится, а кто на остановку идет. Предпочтительнее, конечно, работать на себя, ибо выправить в этом городе плачевное состояние вообще всего – куда ни плюнь – нереально даже за 100 лет. Можно, конечно, попытаться, но это пойдет в разрез некоторым принципам системы – все равно где-то проколешься и уйдешь... или уберут. Вот многие и сидят на двух стульях сразу – не пытаются, а имитируют. Нет смысла особо упираться. Сами же сказали: люди все равно не

будут довольны. Главное, опять же, чтобы избиратели были хоть немного удовлетворены и только в определенное время – под выборы. Или чтобы они с нетерпением ждали выполнения грандиозных планов и обещаний. А к тому времени уже придут другие и нового пообещают – все рычаги и шестеренки переменятся, и система «шикарного будущего» запустится снова, а сроки сдвинутся. И вы, и я пускаем пыль в глаза, чтобы только избранные поняли, что мы делаем. Наша роль в том, чтобы хоть как-то регулировать беспредел во круг. Иначе полная анархия и вседозволенность. Элементарного смысла просто бы не существовало. Любой мог бы решать: без квалификации, навыков, опыта, полномочий. Все мы знаем природу человека. Решали бы все чисто для себя, чего я избегаю. Тогда в мире воцарился бы полнейший бардак. А регулирование существующего хаоса должно хорошо оплачиваться. Что же это за жизнь такая – в ней нет смысла, когда все у всех выходит, все получают, чего хотят и как хотят. Это не свобода, не демократия, не равенство – это стремительная деградация. Таким путем никаких ресурсов не хватит. Неизбежно возникнут конфликты, недовольство – если есть пирог, обязательно найдутся те, кто его разделит. Доступ к благам, к пирогу, нужно строго ограничивать, брать под свой контроль и дозировать – не многие способны на такое, не все могут искать варианты, отдавать одним и не давать другим, делая при этом так, чтобы довольны были все. Все ради порядка, Олег Валентинович. Наша цель –

это не идеал. Идеал не позволяет развиваться. Чего не скажешь о хаосе, который можно систематизировать и приводить в порядок вечно, особенно в нашем турбулентном мире: где-то латать, а где-то ломать, получая при этом те же самые деньги. Вот вроде бы как всех все устраивает, и бах – грянул кризис. Всем нечего жрать, негде работать. А ведь на сцены и флаги в Москве деньги нашлись. Хорошая жизнь еще никому не приносила успокоения. И зачем только все так к ней стремятся? Простому обывателю не понять. Вам ли не знать, Олег, ведь «Хамелеон» – это же царство похоти и разврата, сознательного убийства самого себя. И к вам ходят. Я смотрю, у вас каждую пятницу аншлаг. Космические прибыли. А будь везде вседозволенность, вы бы по миру пошли. Поэтому во всех развитых странах удовольствие ограничивают. И здесь тоже: говорят, опомнись, твои гроши закончились, иди-ка на завод и заработай, а потом приходи опять. Труд тоже полезен. Будь у нас вседозволенность, никто бы не гробил свое здоровье на заводах и в полях. И тогда наступил бы тупик, ибо жрать-то все хотят, надо на чем-то спать, на чем-то передвигаться, на что-то жить – все блага станут недоступны, а быт станет невозможным, раз никто не хочет трудиться. Какой же противоречивый этот идеальный мир, верно? И зачем бороться с проблемами, если они все равно породят новые? Всегда будут те, кто внизу, а кто наверху. Хотите потрясений? Они лишь поменяют стороны. А от перемены мест слагаемых, как известно...

– Ну-у-у, Валера, дали вы жару.

– Что-то я увлекся. Прошу прощения. Я не должен был вас грузить.

– Нечего извиняться. Я не против. Я же первый начал. И многие в вашем кругу согласны с таким подходом?

Бережной стал осторожничать:

– Не имею ни малейшего понятия. Вы не найдете меня ни на площади Революции, ни на Кировке, ни на Цвиллинга. Я не сотрудник этих организаций. Я всего лишь представляю определенные интересы: порой власти, а порой и частного капитала.

– Точно нет желания выпить?

– Точно. Мне, пожалуй, пора. Мы же правильно поняли друг друга?

– Еще бы.

– Не будем распространяться о содержании данного разговора.

Олег обнял себя двумя руками, чтобы хоть как-то не закоченеть на морозе по дороге назад. Вслед ему с неприязнью смотрел посредник Валерий Бережной. Далее он принялся искать в памяти телефона нужный номер.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Прошу прощения, что поздно.

– Ничего страшного, Валерий. Благодаря известным событиям, сон нам только снится. Вот такая нынче тавтология. Я так понимаю, вы звоните насчет нашей договоренности?

– Да, я только что встретился с Олегом Валентиновичем.

– И как он жив-здоров? – с сарказмом поинтересовался полковник.

– Честно говоря, не очень.

– Все настолько серьезно?

– К сожалению, да. Открытые призывы к свержению действующей власти, угрозы насилия по отношению к официальным лицам и сотрудникам правоохранительных органов.

И все в таком духе.

– Зачем только вы с ним связались?

– Как зачем, товарищ полковник? Если бы не наши совместные усилия, он бы уже давно положил конец покою в городе. Нельзя снимать намордник с такого опасного пса – боюсь, он со дня на день его полностью сгрызет. Считаю, что в такое время опасно давать волю такому неадекватному чудовищу. Ладно, если только слова... Но он, тварь, еще и нажрался. Грозится выдать... всех.

– Выдать меня... мне же?

– Откуда мне знать, что он не завязан с кем-то повыше вас?

– Для чего ты тогда там трешься, Валера?

– Контроль и надзор, Виктор Борисович. Как и было оговорено.

– Нестабилен наш Олег, говоришь?

– Так точно.

– Он заигрался, конечно. Но и у вас рыльце в пушку, Ва-

лерий.

«Что же сегодня за день угроз? – подумал Бережной. – Все и всюду то ли проверяют, то ли взаправду нужно пестик брать».

– Все мы грешники, товарищ полковник, но все во благо. Мы берем грехи других на себя, несем ответственность за тех, кто сам собой правильно управить не в состоянии, кто только звериный язык понимает. Такой подоплеки Олег не поймет и никогда по достоинству не оценит. Только мы... вернее, вы имеете возможность его угомонить, чтобы не натворил лишнего.

– То есть ты предлагаешь...

– Провести операцию. Сегодня же.

«Хорошо же придумал этот трус, а, – размышлял полковник. – Весь личный состав по паркам и площадям рассредоточен и застыл в ожидании людского гнева. А тут всех на какой-то клуб бросать. Там должны быть грандиозные залежи наркоты, контрабанды, заложников и предателей Родины, чтобы хоть один взвод туда направить».

– Не забывайся, я тут решаю.

– Виноват, товарищ полковник.

«Я в этом городе за порядком слежу, выскочка, а не ты!» – вновь подумал полковник, сидя в своем кабинете и закуривая очередную сигарету.

– Я подумаю.

– У Олега под рукой целая орда, – продолжал Бережной, –

которая в любом случае подчинится ему, каким бы сумасшедшим ни был его приказ. Хватит ли сил городской полиции? Может быть, следует привлечь...

– Валера, это уже мне решать. Тебе необязательно сюда лезть, – отчитал Бережного полковник. – А чего ты так меня торопишь? Неужели за столько лет тебе впервые боязно за собственную шкуру? – решил кольнуть чиновника полковник, чтоб неповадно было.

– С чего вы взяли? – у Бережного аж дыхание перехватило – он расслабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

Полковник продолжил с улыбкой:

– По голосу слышу. Думаешь, кто-то сольет хамелеонам, что это ты наводку дал? Олег и из тюрьмы тебя достанет.

– Ваш юмор, товарищ полковник, здесь не уместен. Я ведь тоже могу...

– Что ты можешь?!

– Ничего.

– Не бойся. Не сольют тебя.

– Надеюсь на ваше положительное решение по поставленному вопросу. Знаю, что у местного СОБРа только самая передовая и современная техника – помнится, я лично принимал участие в ее приобретении. Цена вопроса была очень высока, а по некоторым позициям даже чересчур. Верно, господин полковник?

– Тебе пора на боковую.

– И вам доброй ночи.

После окончания разговора оба собеседника обозвали друг друга бранными словами: кто-то – по-граждански, а кто-то – по-военному. Далее полковник совершил еще несколько звонков по защищенной линии, в том числе в ФСБ, а также доложил о соблюдении общественного порядка вышестоящему руководству.

Таня Строймилова, прикрыв лицо ладонью, тихо плакала в коридоре, как откуда-то из-за угла (кажется, из служебного коридора) появился Данил Озеров, совершенно дезориентированный.

– Девушка, – он вдруг обратился к Татьяне, – не плачьте, пожалуйста. Все будет хорошо! Я ни за что не поверю, что у кого-то жизнь хуже, чем у меня.

Озеров побрел дальше. Парень подавлен и похож на уличного алкаша, ноги которого вот-вот надломятся. Прежде Озеров не испытывал подобного: дают о себе знать унижительное поражение, а также садомазохит в «красной комнате», которое он слушал. Данил готов хоть всю неделю включать в наушниках тяжелый рок, лишь бы заглушить звуки, что до сих пор в голове аукаются.

Даня не знал, чем кончилось противостояние хоккеистов с Олегом. Озеров-младший боялся высываться, но верил, что позора хуже его собственного сегодня повториться не

может. Чутье не подвело – по крайней мере, с друзьями, которые вступились за Данила. И вот он узрел своих заступников, весело сидящих в ложе – разочарованием там не пахнет. Неужели они обставили Олега или хотя бы смотрелись достойно, за что и заполучили ложу? Он хотел радостно кинуться к ребятам, но в голову стали забредать негативные мысли, мол, компромат все еще у врагов, поэтому те неспроста оставили парней в клубе. С одной стороны, хочется вывести их отсюда, а с другой стороны – просто выпить, забыться и наплевать на все.

– А вот и наш стеклянный Озеров! – всплеснул руками Абдуллин.

– Поздравляю, чувак, – важно объявил Митяев. – Ты сегодня без фартука. Жопу не простудишь.

– В смысле? – буркнул Озеров.

– В коромысле! – передернул его Кошкарский. – Где ты пропал?

– Ревел в подсобке, – предположил Алексей.

– Нет, пытался сделать кое-что поважнее.

– Успешно?

– Пока нет.

– Я так и думал, – Арсений прикусил губу, обдумывая дальнейшие действия.

– Ничего, держи хуй бодрее, Даня, – подбодрил его Чибриков. – Мы прижали твоего Олега к стенке.

– Еще никому не удавалось прижать Олега к стенке по-

настоящему, – недоверчиво произнес Данил и взглянул на Арсена. – На чем вы сошлись?

– Мне пообещали, что все делишки будут решены полюбовно, но только с твоим отцом лично.

– И ты поверил? – с разочарованием спросил Озеров.

– Кончай хандрить, Даня, – включился в беседу Брэдобреев. – Взгляни на это с другой стороны.

– С какой еще стороны, Паша?! – огрызнулся Озеров. – Откуда тебе знать, каково это, когда тебя втаптывают в грязь, что не отмоешься потом?!

– Воу! Успокойся, кент!

– Значит, – сделал вывод Митяев, – нам вообще не нужно было вмешиваться, так?!

Все уставились на Данила.

– Я не хотел подвергать сомнению ваши заслуги, парни, – опустил глаза Данил. – Я ценю то, что вы сделали, и благодарю вас за усилия. Каждого. Только...

– Что?

– Думаю, что это далеко не все. Здесь так просто не сдаются.

– Ты конкретно загоняешься, – Степа не воспринял всерьез опасения Данила. В отличие от Митяева.

– Лучше уходите, пока дают.

– Ну уж нет. Здесь мне столько нервов помотали, что я не уйду, поджав хвост, пока не нагну этот клуб по полной, – стукнул кулаком по столу Бречкин.

– Принесите Дане выпить, – попросил Богдан. – Тьфу, я ж совсем забыл...

– Напротив. Настроение у меня как раз подходящее, – отметил Озеров.

– Правильно, – одобрил Брадобреев, – ты напряжен. Выпей – полегчает. Только блюй в сторонку, ладно?

– Хуй с вами. Спаивайте! – Озеров начинал понимать, при каких условиях люди хотят ужраться в хлам.

Парни оживились.

– Ты не бойся так. Алкоголизмом не страдают – им наслаждаются, – изрек Абдуллин, потянувшись за бутылкой.

– Что в ней?

– Общая анестезия, Дэн, – ответил Брадобреев.

– Так, стоп! – Арсен жестом прервал поток традиционных ритуалов спаивания новичка. – Своим рвением вы угрожите Даню. Сначала мы с ним сгоняем до Славика, чтобы начать постепенно, понимаете?

Арсений увел Озерова еще и по другой причине.

– Если вернется Лиза и предпочтет кого-то другого вместо тебя, то ты не серчай, браток, – крикнули Митяеву вслед.

– Кто-о-о?! – у Озерова округлились глаза.

– Иди, – Сеня толкнул Даню, желая переговорить с ним с глазу на глаз.

В сторонке и произошел диалог.

– Выкладывай: ты что-нибудь нашел или нет?

– Нет, – вновь погрузился Озеров, а Арсений сложил руки

на груди и стал ходить из стороны в сторону с недовольной миной.

– Чего ты тогда делал все это время, пока мы тут потели по твоей милости?

– Слушал трах извращенцев.

– Ты издеваешься надо мной?! Я же помочь хочу.

– А смысл? Я элементарного сделать не могу. Я никчемный и конченный балбес. Я единственное, что хочу, так это выпиться до вертолетиков. Глядишь, весь этот ад кончится.

– Конченный и никчемный – это как раз тот, кто раньше времени руки опускает. Не бывает безвыходных ситуаций. Не бывает, слышишь?! Еще есть варианты.

– Ты заблуждаешься. Неужели гордыня не дает тебе понять, что мы в ловушке?! Завязывай геройствовать, Арс – только хуже будет. Помню, я три года назад тоже решил по-геройствовать на льду... Мне такую травму сделали, из-за которой, – у него пересохло в горле, – я не смог вернуться в хоккей. Я не хотел бы подвергать вас опасности – вы и так достаточно сделали. Здесь может быть гораздо хуже – ты не знаешь этих людей... Олег... он же чистое зло. Никто не станет поддаваться: никаких скидок на возраст и тупость. Речь идет не просто о чести, а о деньгах, огромных деньгах моего отца. А мы взяли и разворошили улей – теперь Олег не отступит. Странно, что мы еще на ногах стоим. Арсен, при всем уважении к тебе...

– Знаешь, мы с ним похожи. Я тоже не переносу, когда

меня задевают за живое. А он это сделал, – насупился Арсений.

– Сеня, по сравнению с ним ты никто и звать тебя никак. Счастье, если мы выберемся отсюда целыми.

– Нет, мы только проявим слабость, если отступим, а со слабаками разговор короткий.

– Арс, ты себя слышишь?! Это не компьютерная игра с тремя жизнями. И не хоккейный матч: пободались, а потом руки пожали. Чего ты задумал?

– Он нас еще запомнит, Даня.

– Арсен!

– Мы выберемся. И еще как выберемся. А ты можешь сидеть тут и убухаться. Но прежде всего скажи мне: где флешка с компроматом?

– А не все ли равно?

– Отвечай на вопрос.

– Тебя когда-нибудь погубит твоя самоуверенность.

– Отвечай на мой вопрос!

– Судя по всему, до сих пор у Лизы.

– Отлично. Есть тут у меня один вариант, как ее добыть.

– Нет, это невозможно. Лиза – еще та змея подколодная.

Она таких, как ты, на завтрак ест.

– Кто еще кого съест, Озеров. Я отомщу Олегу.

– Как?

– Поимею его Лизу.

– Ты... ты... ты нормальный?!

– Они оба поймут, чего стоят на самом деле.

– Ты ебнулся с крыльца, Арсений?

– Нет, я в двух шагах от успеха. И от твоей флешки, кста-

ти.

– Завязывай немедленно.

– Спасибо тебе, Данька, – Митяев положил руки ему на плечи.

– Брось уже мне помогать.

– Вспомни, дурачок: «для вас – команда, для нас...»

– Братья! Но...

– Вот так-то лучше. Повторяй это почаще, а то превратишься в эгоиста.

– Бля, я добра вам хочу, как ты не поймешь!

– Противостояние с Олегом – это уже мое личное дело. Я и тебе помогу. Не люблю уходить со льда проигравшим.

– Ты не сможешь.

– У тебя секунда, чтобы изменить свое мнение.

– Я тоже так думал. Трахнуть ее – не выход.

– Да, не выход, но тогда Олег поймет, что не с тем он связался. А пока до него дойдет, мы уже будем далеко отсюда.

– Либо они дотянутся до нас быстрее.

– Ты говорил, что на низком старте отцовские друганы, чтобы украсть Лизу.

– Я тут осознал, что из меня херовый планировщик.

– Слушай, если я ничего не найду, то привезу ее вам на блюдечке. И делайте с ней что хотите. Зато Олег будет с вами

считаться. Ты, главное, людей заряди, понял?

– Сколько же бедолаг пыталось хотя бы прикоснуться к ней...

– Ничего страшного, Данька. Мы нагнем их всех, вот увидишь, – Митяев потрепал друга по плечу. – Сильно не напивайся и будь на связи. И прошу тебя: не мешай.

– Но...

– И никаких возражений.

– С каждой секундой хочется выпить все больше и больше.

– В твоем случае это вполне естественно.

– И ты много не нажирайся, а то не встанет.

– Встанет-встанет, а вот дойдет ли до конца – спорный вопрос.

– Знаешь, Арс, сегодня я открываю всех вас с совершенно другой стороны.

– Вряд ли. Мы всегда такими были – ты просто отвык.

– Мне явно нужно поменять круг общения.

– Учти: чем больше у тебя друзей, тем больше посажена твоя печень.

– Думаю, друзья созданы не только для того, чтобы с ними пить.

– Разумеется. Вот я сегодня помог тебе. Глядишь, завтра ты поможешь мне.

– Что ж, видимо, запрещать тебе что-либо смысла нет.

– Произнесешь еще хоть слово, я тебя придушу, – Арсе-

ний подошел к барной стойке. – Славик! Ты наверняка давно мечтал кое о чем. Радуйся, сегодня воистину уникальный день. Принеси-ка выпить вот этому кадру – чего-нибудь легкого для начала.

– Вау, – Вячеслав такого не ожидал ни при каких условиях. – Подожди-ка, ему ж нельзя, – одновременно он обрадовался появлению Дани в поле зрения. – Потом еще и убирать за ним.

– Не поверишь, но он просит сам. Очень надо.

– Все так плохо?

– Не каждый день все идет слегка по пизде. Но я считаю, что падать духом не стоит. У нас еще есть туз в рукаве.

– Я бы хотел тебя предупредить...

– Знаю я, – Арс не дал Славе договорить, – что ты хочешь сказать. Знаю, что здесь затевается. Мы слегка... в опасности. Но я же говорю: у нас есть туз в рукаве.

– Осторожнее.

– Не будь как Озеров, Славян! Видишь, он и то решился набухаться.

– Как бы это решение не стало главной ошибкой моей молодости, – очнулся Озеров.

– Не переживай, Даня, – ответил Митяев, – на ошибках молодости не учатся – на них женятся. А здесь как в хоккее – можно и три шайбы за минуту заколотить, если соперник расслабился.

– Мне бы твоего оптимизма, Арс.

– Погодь, сейчас тебе Слава оптимизма в жидком виде нальет.

Через пару секунд заветный флакончик из фартука Вячеслава опустел окончательно.

По прошествии определенного времени специалист по пьянкам Брадобреев, наблюдая за Озеровым, произнес:

– А чувака-то реально понесло.

– Зажигает паренек. Что ж еще можно сказать?

– Надеюсь, у Славика есть тазик.

– Сами сильно не увлекайтесь, – предупредил парней Арсений. – Отличники, на хуй. И на минуту вас оставить нельзя – тут же мордобой устроили. Чего не поделили? – он обратился к Степе и Богдану. – Лизу?! – те сидели молча, с ненавистью поглядывая друг на друга. Они сцепились пару минут назад.

Кого действительно ничего отныне не волновало, так это Данила Озерова, который с каждым выпитым граммом все больше воображал себя учеником у доски, который старательно мочит тряпку и нещадно стирает написанные мелом проблемы и заботы. Причем улетел он в сие незатейливое и прекрасное путешествие буквально с трех рюмок – видимо, давненько хотел послать все за горизонт и снять накопившееся напряжение, что развязало его как никогда. Хотелось всего и сразу.

От ложи с пацанами Озеров плавно переместился к бару, потом к совершенно чужим столам, где пробовал на вкус

все, что плохо лежит. Вскоре Данил добрался и до танцпола. Происходящее наяву мелькало в его сознании выборочно, словно ребенок-шалунишка в голове баловался с выключателем света, щелкая его туда-сюда.

Яркий и продолжительный всплеск света застал его в тот момент, когда он умудрился столкнуться спиной с какой-то девчонкой на танцполе. Та ниже его ростом и с его точки зрения представляет собой одно большое цветастое пятно, будто персонаж аниме. Озерову пришлось как следует протереть глаза, чтобы рассмотреть внешность бунтарки: крашенные в оранжево-бело-розовый цвет волосы, две девчачьи косички, очки в роговой оправе (явно без диоптрий), пирсинг на ушах, бровях, языке и в носу, брекеты, ярко разукрашенные помадой губы и выразительные глаза на маленьком, утонченном и любознательном личике. На ней светло-джинсовый костюм, состоящий из курточки и коротеньких шортиков, увешанный всякими медальками и значками, розовая футболка, цветастые кроссовки и гольфы практически до колен. И как ей не холодно?

Данил невольно остановил взгляд на столь красочном объекте. Девушка тоже изучала его с улыбкой.

– Я тебя узнала, – начала она.

– Будешь издеваться и злорадствовать?

– Почему?

– Потому что я парень с местной доски позора.

– С чего ты взял, что я считаю твою историю позором?

– В ней не предполагается другого варианта. А если хочешь настоящих героев, то они там, – Даня показал рукой в сторону хоккеистов. – Мне остается только танцевать и не отвечивать. Не грузи меня. Танцуй или уходи.

Девушка осталась и продолжила двигаться в такт музыке. Озеров не собирался сегодня с кем-либо знакомиться. Наверное.

– Хочешь узнать настоящую причину, почему ты заинтересовал меня?! – выкрикнула сквозь музыку она.

– Валяй, говори.

– Ты сильный и волевой человек.

– Занятое предположение. Я себя таким не ощущаю.

– У тебя есть девушка?

– Вопрос ребром, хе-хе. А ты напористая.

– Чем природа и родители наделили, так сказать.

– Нет, девушки нет.

– Почему?

– Я урод.

– А если серьезно?

– Девушки часто парням мозги поласкают, – намекнул Даня, продолжая танцевать как ни в чем не бывало.

– Хорошо, я поняла, – пригорюнилась девчонка.

– Вообще, – вернулся в беседу Даня, – они все постоянно чего-то от меня хотят и ничего не дают взамен. Но это больше второе, чем первое...

– Что первое?

– Большой я.

– Хорош. Кроме шуток.

– Серьезно.

– Выглядишь вполне здоровым, если не считать некоторую степень алкогольного опьянения.

– Я болен... внутри.

– Тю-ю-ю! Да если так ставить вопрос, то все люди чем-то больны. Меня, кстати, Аней зовут.

– Будем знакомы. Я... Хотя ты знаешь, сто пудов. А теперь расскажи, чем я так тебя впечатлил? Только честно.

– Я считаю, что только уверенный и отчаянный человек способен бросить вызов хозяину этого клуба. Одно дело – поспорить, другое дело – прийти и...

– Опозориться! Спасибо, напомним!

– Нет! Сохранить лицо и потом безмятежно танцевать. Распоряжаться целой гильдией друзей, которые готовы прикрыть тыл. Игра стоит свеч.

– В итоге я толком и не добился, чего хотел.

– По-моему, наоборот – ты многого добился. Только подумай.

– Нет, все гораздо сложнее.

– Вот мы и подобрались к симптомам твоего недуга. Тебе нужно выговориться.

– А я сейчас что делаю?! Нет, стандартные подходы здесь бессильны. А наводить контакты при помощи алкоголя у меня ни психологически, ни физиологически не выходит.

– В лечении таких ран алкоголь – не панацея.

– Да? Стоило мне впервые за несколько лет насвинячиться, как со мной уже знакомится девушка. Что ты скажешь на это?!

– Останусь при своем мнении. Алкоголь – далеко не единственное средство.

– Что же тогда способно помочь мне излечить душевную хворь?

– Ты сильный. Перебори ее! – старалась перекричать музыку Анна.

– Отличный совет, доктор!

– Тогда еще два средства.

– Спасибо, я не колюсь. А второе какое?

– Показать? – Аня приблизилась к Озерову.

– Конечно!

Сейчас же Данила напрочь оглушило развязным поцелуем в губы. Он оказался приятным и сладким, будто леденец на палочке из детства. И даже железяками во рту не отдает.

От нахлынувших чувств у парня помутнело в голове, а по телу побежали мурашки. Однако Данилу внезапно захотелось... спать.

Чем дальше Артур с Лизой отдалялись от хоккеистов в сторону уборной, тем развязнее и резче сутенер обращался со своей подопечной... бывшей... почти. Артур затолкнул

Елизавету в туалет, сжав ее запястье до красных отметин на коже.

– Отпусти, мне больно!

– Молчи.

– Да что на тебя нашло?! Я же только взяла в разработку этих...

– Не о том речь.

– Со своими шлюшками малолетними в таком тоне разговаривай, усек?! – Лиза отвернулась к зеркалу, чтобы подправить макияж. Артура вымораживала подобная линия ее поведения. Да что она о себе возомнила?! – Со мной в таком ключе прошу не говорить.

– Здесь я решаю, как и в каком тоне говорить, – разозлился Артур, все больше убеждаясь, что Лизе нельзя доверять серьезные дела и делегировать важные решения, ведь она всегда идет своей извилистой дорожкой. А самоуправство сейчас недопустимо. Несомненно, она многое сделала в борьбе против Озерова-старшего, но ходы крупными фигурами явно должны делать мужчины, которые все затеяли изначально и у которых есть собственное видение дальнейших действий.

– Чего ты так распетушился, Артурчик?

– Заткнись, – стиснул зубы он.

– Если ты способен только на дам покрикивать, это не означает, что ты хороший мужик.

– Предпочитаешь хоккеистов, да?

– Что ж ты так взъелся-то? – она хотела приобнять Артура, но тот отстранился. – Все это яйца выеденного не стоит.

– Зря ты так оцениваешь приказы... мои приказы.

– Что за муха тебя укусила?!

– Я тут поразмыслил: будет лучше, если ты сосредоточишься на целях, которые ближе к тебе, а не...

– Ты решил усомниться во мне?! Сколько же я делаю для тебя! Или ты боишься, правильно я поняла?

– Гони флешку на базу, – напирал Артур.

– Ах, вот в чем сыр-бор!

– Мне не до шуток.

– С каких пор ты стал таким самостоятельным?!

– Для дела будет лучше, если home video Озерова будет у меня.

– Для нашего общего дела? Или для твоего и моего дела, без Олега?

Флеш-карта, так необходимая и Олегу, и Артуру, для Лизы превыше всего – это аргументы ее причастности, ее защита, а также действенный способ манипулировать всеми сторонами конфликта. Мужиков пугает, что своевольная Елизавета вырвется из-под контроля и сольет компромат в прессу, продаст другим группировкам, уничтожит. Любое спонтанное действие Лизы может навредить, а она ведь и вспылить может на ровном месте: из-за злости, ненависти, жадности... или ревности.

– Для того самого дела.

– Ты ведь не притворяешься, Артур? Тогда ответь, дорогой, мне нужно знать: если все получится, я же всегда буду твоей единственной и неповторимой? Мы же столько прошли вместе. Я столько сделала, чтобы ты поднялся так высоко. А ты... ты меня предал, клюнул на Таню, наивную, бездарную, третьесортную овцу, которая никого, кроме смазливых скорострелов-школьников, не интересуется. Не думала, что ты можешь так подло поступить по отношению ко мне, – обидчиво твердила Лиза. – И что я должна чувствовать?

– Флешку.

– Чем она лучше меня?! – воскликнула Елизавета.

– Флешку давай.

– Что Танюша сделала в войне против Озерова? Наглаживала твой пенис, чтобы тебе легче думалось?! Она не ложилась на амбразуру как я. Не понимаю.

– Детка...

– Раз флешка так сильно тебе нужна, пусть Татьяна придет и уладит все проблемы со мной: просит, умоляет. Или... Я могу исполнить твою просьбу, если услышу обещание, что все будет как раньше – только ты и я.

– Как раньше уже не будет.

– А ведь на этой флешке весь твой гениальный план. Оружие, которое сделает вас единоличными владельцами этого города, – флешка появилась в ее ладони. – Вот ты меня расстраиваешь, а я ведь могу сделать так, что все у вас провалится... легко и просто. Смыть эту вещицу в унитаз, напри-

мер.

– У тебя же есть копии, деточка.

– Нет, их нет. И у тебя их тоже нет. Ибо зачем ты так ко мне пристаешь с этой флешкой?

– Ты так уверена?

– А ты давно проверял свою технику, дорогой?

– Ты хочешь сказать, что...

– Все твои охранники, помощники, адвокаты, компьютерщики – они же все мужчины. Сексуально неудовлетворенные, как выяснилось. Думаешь, я позволю так вольно распоряжаться данными, которые я с таким трудом достала?

– Ты блефуешь!

– Можешь продолжать так думать.

– Что именно ты хочешь от меня услышать? – дал заднюю

Артур.

– Не услышать, а увидеть. Исполнение обещания, что будешь со мной. Все предельно просто.

– Олег этого не одобрит.

– Хрен с этим Олегом, Артур! Ты же мне говорил, что рано или поздно скинешь его. Твои слова хоть что-то стоят?!

– Я работаю над этим, – выцедил Артур.

– Так я тебе и поверила. Ты уверен, что сможешь распорядиться видео на флешке правильно?

– Не сомневайся.

– А как ты работаешь над тем, чтобы быть со мной и выгнать Таньку на мороз? Тогда ты был зол на меня и решил пе-

ребеситься на стороне – с кем не бывает. Тогда-то эта пафосная шкура и прыгнула в твою койку. Разуи же глаза! Неужели ты настолько безвольный каблук, что продолжишь унижаться и обманывать себя? Или ты просто боишься сильных женщин? Артур, если это так, то ты просто тюфяк!

Артур не выдержал. Он выхватил у Лизы флешку и смачно заехал ладонью ей по щеке. Удар сбил девушку с ног. Ревностный настрой Лизы мгновенно сменился слезами уставшей, подавленной и никому не нужной женщины, которая цепляется за любые шансы получить мужское внимание.

– Я сам с этим разберусь! – взревел он. – И не смей давить на меня!

Девушка, рыдая, опустилась на пол, где от отчаяния и трясущихся рук долго не могла выловить в сумочке небольшой пакетик, наполненный запрещенным белым порошком.

– Что ты делаешь?

– Не подходи ко мне, – Лиза раскидывала в разные стороны содержимое сумочки. Она тщетно пыталась вскрыть пакетик и вычерпать из него порошок, всунуть его в рот, в нос и забыться.

– Не смей, Лиза! Наша дурь не для твоего утонченного носика!

– Вот смеху будет, если я передознусь в сортире... на твоих глазах. Будешь меня спасать?

– Хватит! – Артур резко схватился за ее руку, ноготок девушки зацепился за пакетик и вспорол его. Хмурый высы-

пался в сумку, на Лизино платье и частично на пол.

– Твою мать! Ты... ты только портишь все!

– У тебя минута, чтобы привести себя в порядок, – сурово произнес Артур, глянув на себя в зеркало и поправив прическу.

– Ты пожалеешь, – Лиза неторопливо собрала вещи с пола, поднялась, поймав равновесие на каблуках, оперлась об раковину и посмотрела на свое отражение. От собственной физиономии тошно. Да пропади оно все пропадом! Пусть самоуверенный гад поймет, что значит недооценивать Лизу – они оба просто взвоют без нее.

– Развратили мы тебя, Лизок, – высокомерно отметил Артур, припрятав флешку во внутренний карман пиджака. – Рассыпала на пол месячную зарплату металлурга.

– Китайки тебе еще нафасуют, подонок!

– Ты совсем страх потеряла вслух такое произносить?! Если б я не уважал тебя, то мигом бы приказал зашить тебе губы. Ох, ты бы взвыла!

– Ничего. Я привыкла выживать. Два отверстия у меня бы осталось – не пропаду.

– Не обессудь, конечно, но твоя миссия сегодня – разобраться с нашими магнитогорскими гостями. И не более. Мы не можем все так просто оставить. Делай с ними что хочешь.

– Мало никому не покажется, обещаю.

– Вот это моя девочка. А сейчас выходим отсюда так, будто никаких недоразумений между нами не произошло.

– Самим-то не судьба с пацанами разобраться – общественность не поймет.

– Лиза, я тебя прошу...

– Идем, чего стоишь? – оправилась она. – Надеюсь, Арчи, тебе прям поперет сейчас.

– Ничего, зайка, ждать осталось недолго.

Так долго и скрупулезно рассуждать, а после и мечтать Татьяне Строймиловой ранее не приходилось. К концу пятницы ее охватила приятная эйфория предвкушения – видно, что гормоны действовали то на боль в животе, то на мозговой центр бурного воображения Танечки, которая будто застряла в радужном и наивном детстве. Приятные внешние данные всегда обеспечивали владелице отсутствие каких-либо серьезных проблем и переживаний – напоминает нежную рассаду, круглый год проживающую в парнике, а высади ее в открытый грунт, то она и дня не протянет в обществе сорняков, дождя, холодных ветров и палящего солнца. Если кто-то и смотрит на мир через розовые очки, то у Строймиловой их семь – на каждый день недели.

Ближе к ночи Танюша уже не испытывала дискомфорта от своего интересного положения, а вприпрыжку передвигалась по квартире, за весь день нафантазировав себе всякого. Сценаристы самых сопливых мыльных опер в мире никогда бы не додумались до такого счастливого конца для

влюбленных, в котором присутствует буквально все: тихая и богатая жизнь, пышная свадьба, медовый месяц и, конечно же, самый красивый и милый младенец, который не будет знать никаких забот, ибо любящие родители создадут для него райские условия. С самого рождения Танечке все доставалось легко, отчего она напридумывала себе такого, что невозможно удовлетворить даже с солидным капиталом за плечами. Хорошо, что она вовремя опомнилась и остановилась в собственных желаниях.

Чувства переполняли ее – Строймилова желала как можно скорее поделиться радостной новостью с женихом, который с самого утра трудится на работе, куда она и решила съездить, дабы сделать сюрприз. Таня улыбалась, напевала какую-то песенку, постукивала пальчиками по рулю своего «Порше». Необыкновенные чувства захлестывали ее с головой. И как она только посмела сторониться их поначалу? Казалось, что негативного сценария в ее счастливой истории быть не может. Наверняка очень больно, когда светлые и безмятежные представления о беременности и материнстве могут разбиться об острые камни реальности в виде мокрых пеленок и раздраженного мужа, привыкшего к тишине, комфорту и регулярной половой жизни. Таня не верила, что такое возможно. Не может всегда благосклонная судьба так с ней поступить.

Очень суетливый денек для новости о беременности – пятница, хлебное время для «Хамелеона». Уйма народа,

всюду шум, гам, визг, движение. Строймилова растерялась в клубной суете, разыскивая взглядом Артура. По дороге девушка даже отрепетировала свою речь, но все равно дрожала от волнения.

И вот она увидела его – Артур словно восседал на троне, наблюдая за своими владениями: ответственный и важный, слегка задумчивый. Татьяна вертела головой, вспоминая, где находится лестница на балкон, как вдруг заметила, что к жёниху стремительно подползает противная и наглая тварь Лиза, которую Строймилова на дух не переносит. Обе находятся на противоположных полосах спектра мужской любви: недалекая и ласковая против строптивой и неугомной соответственно.

«Может, пройдет мимо? – наблюдала Таня, стоя внизу. – Уходи, дура. Дальше, дальше. Даже не смотри на него, – Артур рассказал невесте, что у него некогда была интрижка с Лизой, но когда он встретил Таню, то разорвал отношения с местной звездой, переменив их на сугубо рабочие. – Нет-нет-нет, – качала головой Строймилова. Лиза будто учуяла соперницу и начала ластиться к Артуру как кошечка. – Не смей. Не смей. Артур, ты же любишь меня, меня! Нет, Господи! Что же творится?! Не поддавайся, милый. Она же...» – внезапно Танюша оцепенела от того, как Елизавета в два счета одурманила Артура и он припал к ее груди. Тане будто вбили кол в сердце – такого она раньше точно не испытывала (хотела ведь незабываемых ощущений – получите, распи-

шиться).

Все ее мысли и желания горели и рассыпались в прах. Стремительно подступали рыдания, ведь отношения с Артуром, которым она посвящала всю себя, с самого начала строились на лжи. Теперь Танюша не может верить этому чужаку и лицемеру, который утверждал, что она – его единственная. Ложь. Все ложь. Красивые ухаживания, свидания и подарки. Ложь, ложь. Помолвка. Ложь, искусная ложь. Ее обманули и использовали, а затем выбросили за ненадобностью. Она почувствовала холод и одиночество. Она не знала, куда деться – перед лестницей на балкон возник невидимый барьер. Таня, будто маленькая девочка, оказалась ночью в густом непролазном лесу – вот кем она стала на самом деле, ибо совершенно не приспособлена к таким масштабным разочарованиям.

Танин мир перевернулся: не перенес такого потрясения. Строился он сначала на жизни с мамой, затем вокруг влиятельных дядь, а после на одном Артуре. Больше ей не за что держаться. Прикоснувшись к лицу, Таня ощутила солоноватую влагу на ладонях. А ведь всюду куча людей, и им совершенно безразлично ее горе, как безразлично и Артуру. Они все очерствели. Ей некуда идти, не на чем ехать, не в чем выходить из клуба: дом, машина, одежда – все приобретено на средства предателей и моральных уродов. Она не знала, как следует добывать деньги помимо нескольких проверенных способов, после которых она и угодила в «Хаме-

леон». Оттуда ее буквально приютил Артур. Но отныне следует помнить, что все это обман, фикция. Вся ее безмятежная жизнь – это игра. Сама Таня – это разменная монета, не бесценный товар, а товар, который ничего не стоит. Стало очевидно, что и новая жизнь, которая зарождается в ее нутре, является самой большой ошибкой, не желанным плодом искренней любви, а побочным эффектом от грандиозного спектакля. И вот он завершился – с реквизитом можно расправляться, правда, главная актриса чересчур сильно вжилась в роль. Кто ж возьмет ее на прежний заработок с таким-то балластом?

Раньше они с Лизой цапались как кошка с собакой – хорошенько попили кровушки друг у друга. Как злорадствовала Таня, когда Артур ушел от Лизы. Но мстительная сука обставила Строймилову по всем фронтам. И забрала у нее все. Одна пустота внутри.

Таня прислонилась к стенке и зарыдала с новой силой. Ее до сих пор никто не замечал. Почти.

– ...Все будет хорошо! – сказал кто-то.

Слезы застилали глаза – Таня толком никого не разглядела. Девушка глубоко вздохнула и немного постояла у стенки, чтобы собраться с мыслями, прийти в себя. Жуткий раздрай. Что бы сделала сильная женщина на ее месте? Разбила бы подаренную машину? Спалила бы квартиру? Изрезала бы его вещи в лоскуты? Сняла бы все деньги с его карты? Свалила бы к маме в Копейск? Нет, его нужно кольнуть по-

сильнее.

А вот, кстати, и сладкая парочка. Артур куда-то упорно ведет Елизавету. Сколько же времени Таня проплакала? Далее последовал еще один удар, ибо она самолично увидела, как Арчи с нетерпением зачихнул Лизу в туалет и зашел следом. Минутное облегчение подошло к концу – Татьяну вновь захлестнула истерика. Ее крик заглушила музыка. Арчи продолжает втоптывать в грязь свою невесту – трахает соперницу, где только придется. И целыми днями, судя по всему. Он вечно на работе, на работе, на работе! Вот она какая, его работа. Неужели Строймилова не догадывалась об этом?

Таню пытали, но она держалась до последнего. Сейчас они выйдут, и она им выскажет – последнее слово будет за ней. С непримиримым выражением лица, потекшей косметикой и взъерошенными волосами она стала ждать.

Вышли. Ну каков же говнюк! Поправляет Лизе платье, открывает перед ней дверь, что-то шепчет на ухо. «Лиза. Выщарапать бы ей глаза. Получила все-таки свое. Зная ее огромный опыт с мужиками, удовольствие от секса она получает только моральное, – думала Таня. – Во-первых, ей льстит, что кто-то еще хочет ее не за деньги; во-вторых, она наверняка шлет сопернице пламенный привет, когда спит с Артуром – явно это придает ей жизненных сил. Чертовка еще и губки вытирает!» – терять Тане нечего – от омерзения дрожь пробежала по телу.

– Веселее, – нашептывал Артур Лизе, – ты должна выгля-

деть как обычно. Никто ничего не должен заподозрить.

Но тут оба застыли. Перед ними как на дуэли стояла заплаканная, но разъяренная Татьяна.

Скандал.

– Здравствуй, Артур.

– Таня? – Артура передернуло – он хорошенько так растерялся. – Зайка! Какими судьбами? Почему ты не дома? Почему без звонка? Что-то случилось, любимая?

И как он только смеет произносить столь ласковые слова, думала Таня, – минуты ведь не прошло, как он спустил в рот этой твари. Соперницы сверлили друг друга презрительными взглядами.

– Случилось, – разочарованно твердила Татьяна. – Не ожидала я, что ты падешь так низко.

– О чем ты? – продолжал играть в непонимание Артур.

– Не придуривайся!

– Ты не подумай – у нас ничего не было.

– Так я тебе и поверила. Выглядишь жалко.

– Мы всего лишь решали деловые вопросы.

– О-о, теперь это так называется?! Ты что, свой микрочлен на помойке нашел, что тыкаешь им во все грязные дырки?!

– Откуда ты таких словечек понабралась?

И не такое придумаешь, когда любовь и счастье до гроба сменяются на пустоту, неопределенность и перспективы экстренного переезда в Копейск.

– Ты чего вякнула, коза?! Кто тебе разрешал рот откры-

вать?! – выступила Лиза и резко повернулась к Артуру. – А ты чего перед ней оправдываешься?!

– Помолчи, – Арчи попытался утихомирить Елизавету, не зная, какие слова подобрать для Тани.

– Да как ты вообще дверь из квартиры открыла без посторонней помощи, содержанка?! – оскорбляла конкурентку Лиза.

– Вот такие у вас с ней рабочие отношения, да? Почему ты не прикажешь этой шалаве заткнуться и занять рот членами клиентов? – тонкий голосок Тани сейчас звучал грозно.

– Думаешь, – начала Лиза, – что если живешь с сутенером, то перестаешь быть его товаром. Ты получила, что хотела, и сидишь на жопе ровно. Решила, что этот рай навсегда?! Такая, как ты, не сдалась никому. Какая тебе красивая жизнь?! Ты бездарность, пылесос для мужских денег. Что ты дала Артуру взамен?!

– Всю себя. Свою душу и свои мечты. Тебе это незнакомо.

– И ты называешь это жертвой?! Да что ты знаешь о страданиях?! – пальма первенства в перепалке перешла Елизавете. – На что ты рассчитываешь? Назови хоть одно свое достоинство. Ты же только потребляешь. Ты ни к чему не приспособлена – только на все готовенькое. Тебе нечего ловить здесь. Такие, как ты – постные и неинтересные. Тебе, наверное, трудно понять, девочка, но я тебе объясню: ты же вылезла из дерьма, благодаря Артуру. Не нужно было садиться ему на шею. Он обратил на тебя внимание, чтобы меня за-

деть, понимаешь?!

– Лиза... – попытался прервать ее Артур.

– Не нужно тут богиню из себя изображать! Ты здесь случайно, ясно? Это Артур должен прощать тебя. Вспомни, откуда ты возникла, наберись смелости и просто уйди. Так будет правильно, потому что ты бесполезна.

– Артур, что она говорит? – Тане от обилия обвинений было тяжело сосредоточиться.

– Заткнись, Лиза! Таня, не слушай ее. Ты не так все поняла. Только не переживай.

– И не стыдно тебе? – Татьяна медленно отходила от жениха, который хотел ее утешить. – Как здорово она манипулирует тобой. Я целый час наблюдаю, как вы воркуете. И часто у вас так, когда меня нет рядом? Хотя... чего я спрашиваю? Ты дома-то не бываешь. В клубе-то веселее.

Лиза хотела задеть соперницу посильнее:

– Как же ты столько слов выучила за раз? Репетировала?

– Таня, это моя работа, – пытался оправдаться Артур. – Я здесь зарабатываю деньги и решаю вопросы, чтобы мы с тобой...

– Какой же вопрос вы решали с этой шваброй в туалете?! Как сделать так, чтобы избавиться от меня?! – предположила Татьяна.

– Как с языка сняла, овца! Артур давно хотел тебя послать. Ты еще долго продержалась.

– Лиза! Ну-ка скройся с глаз моих! – не выдержал Артур.

– Наконец-то тебя жизнь побьет, коза, – произнесла Лиза, грациозно проплыв мимо Тани.

– Это правда? Так ты и хотел все обставить?

– Да кого ты слушаешь, милая. Давай я тебе все объясню.

– Лизочка явно права – я дура, раз повелась. Я боготворила и ублажала тебя, а ты в это время... Как же я могла так ошибиться?

– Таня, у меня ничего с ней не было. Клянусь!

– Клятва для тебя ничего не значит. Ты больше времени проводишь с ней. Хотя ты обещал быть со мной, любить только меня, защищать меня... жениться. Каждый вечер, – всхлипывала Таня, – ты повторял это. Что же тогда творилось в твоей голове? Ты о своих шлюхах думал, да?

– Таня, ты не понимаешь...

– Ты подарил мне чудо, Артур. И сам же отнял его. Я готова была любить и боготворить тебя вечно. Как никто на свете. А ты мне постоянно врал, – всхлипы душили ее. – А сейчас ты разрушаешь мою жизнь. И говоришь, что так и должно быть. Час назад я была безгранично счастлива. А сейчас...

– Таня... – казалось, он впервые в жизни утратил дар речи.

– Да, я не идеальна...

– Это все Лиза, – так себе, конечно, объяснение.

– Я, пожалуй, пойду. Я здесь лишняя.

– Нет, не говори так.

– Ты лучше подумай... нужным местом. Член с яйцами у тебя за Лизу, голова – за Олега и его деньги, а вот сердце... Даже не знаю теперь, есть ли оно у тебя. Скажи, ты еще спал с кем-нибудь?

– Нет.

– Хотя кого я спрашиваю? Лжеца, лицемера, труса, который отрицает очевидное. Я ненавижу тебя! Ты моральный урод! Ты жестокий делец – все живое в тебе умерло! Ты никогда не был честен со мной. Ты высох. Тебе не интересно ничего кроме денег. Ты живешь в этом гиблом месте. У тебя никогда не получится построить нормальную семью, потому что ты всегда будешь думать только о себе и предашь любого, кто не входит в твои мерзкие планы – даже тех, кто любит тебя. Тебе плевать на таких... Ты же упиваешься своей властью. А ты не думал, что есть кое-что важнее власти и денег? Я вот поняла сегодня, что это...

– Пожалуйста, позволь мне объяснить.

– Ты не заслуживаешь любви, – подытожила Таня, еле сдерживая слезы. – Ты мне противен. Видеть тебя не хочу. Не иди за мной, – девушка устремилась к выходу.

Артур остался в коридоре один. Он опомнился только спустя полминуты и кинулся за Таней.

– Что там случилось? – спросили Лизу у барной стойки.

– Ничего такого. Одна капризная истеричка сцену устроила, – по щелчку пальца ей налили выпить. – Не бойсь. Артур Тимурович разрешил. Лей, не жалеЙ.

Сам Артур пробежал мимо, посмотрев на нее с упреком:
– Что же ты за мразь?!

– Упс! – победоносно улыбнулась Лиза, довольная таким стечением обстоятельств.

Несомненно, отношения с Таней – слабое место Артура. Парень не мог объяснить природу своего влечения. Чувства были чем-то больше, нежели просто симпатией. Наверное, это любовь, в наличии которой Артур, обычно расчетливый и хладнокровный, боялся признаться самому себе. Ведь в таком случае проявление слабости может навредить его имиджу и делам: как же можно угрожать или плести интриги, когда тебя самого могут легко и просто достать, сотворив что-нибудь плохое с твоей любимой. Рабочая схема – он сам нередко ей применяет. Любовь в его понимании – это уязвимость.

К Лизе, которая может дать фору любому мужику, Арчи относился по-особенному – они в тандеме с незапамятных времен. Конечно, Лиза не могла не ревновать к Тане. По многим аспектам Татьяна уступает ей. Да и обидно, что молодой мужик, с которым у тебя так много общего, выскальзывает из рук.

После столь эмоциональной сцены Елизавета хотела проучить Артура, дабы он обратил на нее внимание – плохо, что он устремился за своей пассией на улицу. Может, он просто боится иметь дело с упертой и волевой девицей, которая с легкостью может приструнить его, поэтому и предпочел пре-

данную, но недалекую Татьяну. Но и она сегодня умудрилась выдать проникновенную речь ему в лицо, озвучив те самые мысли, которые занимали Артура в последнее время. Управляющий заведения никак не мог решить, что важнее: строить карьеру в полуплегальном бизнесе или обустраивать личную жизнь, семью и все, что в дальнейшем из этого вытекает.

Таню он настиг на парковке у клуба:

– Таня!

– Вали к ней!

– С ней мы позже разберемся.

– Замечательно! Могу приготовить вам нашу кровать.

Артур не выдержал:

– Ну куда же ты пойдешь, Таня?! Ты ведь пропадешь одна.

– Мог бы и промолчать, скотина! Ты сам-то чего добился?! – возилась с сумочкой у машины она. – Четвертый десяток. Семью разрушил, не успев построить. Жены нет. Детей нет. Нормальной работы тоже.

– Что же ты тогда нашла во мне?!

– Думала, что подарю тебе семью, детей... любовь. Но не судьба.

– Тебе нельзя за руль в таком состоянии.

– Спасибо за заботу. А ты мне кто, муж?

– Я тебя прошу, не уезжай, – Артур взялся за водительскую дверцу.

– Не подходи! – она внезапно пригрозила ему электрошокером – Артур чуть не свалился в сугроб. – Ты во всем ви-

новат, – выглянула из окошка Таня. – Наши мечты могли сбыться. С одним только не знаю, что делать... С собой.

– Таня... – горе-жених хотел вновь прислониться к машине.

– Я беременна, Артур, – призналась она, надавила на педаль газа и угнала прочь от клуба, оставив бойфренда в полнейшем недоумении.

До Артура дошло одно: он умудрился потерять гораздо больше, чем рассчитывал – свое будущее.

Таким разъяренным и расстроенным одновременно Артур не был никогда. Он возвращался в клуб, посылая в пустоту проклятия и сбивая мокасинами гребни сугробов вокруг. Глядя на него, зеваки у входа ухмылялись.

– Чего пялитесь, уроды?! – огрызнулся Арчи.

Садиться в машину и гнаться за ней? Звонить? Ехать домой? Или вернуться и оборвать Лизе волосы?

Лиза. Она видела Таню. Она знала, все знала, знала.

Управляющий «Хамелеона» подошел к начальнице охраны – Наталье.

– Почему не сказали, что сюда пришла Таня? – сухо спросил он.

– Хотели, Артур...

– Артур Тимурович. Не забывайся.

Девушка сглотнула слюну:

– Хотели, Артур Тимурович, но она сказала, что сюрприз. Сутенер злобно захихикал:

– Сюрприз? Удался сюрприз... Вы, бабы, разрушите этот мир.

Влив в себя пару бокалов на баре, Артур принялся искать Лизу. Нашел.

– Да ты прям герой-любовник, Арчи, – девушка в отличном настроении. – Озеров и то достойнее тебя выглядел.

– Злорадствуешь? – выцедил Артур, глядя на свою фаворитку с ненавистью. – Забавно тебе?

– А чего печалиться?

– Ну почему... почему ты такая бессердечная тварь?!

– Потому что в нашей профессии, Артур, будь ты чувствительней, чем обычно, то полезешь в петлю после первого же клиента, который заставит тебя сначала лизать его немые волосатые яйца, потом изнасилует и избьет вдобавок только из-за того, что не смог кончить. То же самое относится и к твоему делу.

– Как же мне надоело это все.

– Смотри, Олегу не ляпни, – предостерегла она. – Что тебя так подкосило? Нашел, из-за кого страдать.

– Да как ты вообще могла?!

– Что именно?

– Лиза!

– Ладно, не горячись так, дорогой, – нежно заговорила она. – Не кисни.

– Ты все подстроила. Ты все знала.

– Забудь ты ее. Так уж и быть, я прощу тебе эту ошибку.

Я же тебя люблю... особой любовью.

– Кажется, это по-другому называется.

– Ты еще молод и ничего не понимаешь.

– В этот раз ты зашла слишком далеко.

– Хватит уже так убиваться. Скажи лучше, когда можно вещи к тебе перевезти?

– Даже не надейся, – ответил Артур. – Таня беременна, – сутенер спокойно взял очередную рюмочку и чокнулся с Лизой, которая потеряла дар речи и едва не выронила свой бокал. – Какие теперь у тебя предложения, дорогая?

Елизавета нашла в себе силы съязвить:

– Аборт пусть делает. Тебе еще и шантажистки не хватало, – она понимала, что ребенок на стороне – это огромная преграда для возобновления ее отношений с Арчи. – Алименты еще всякие.

– Ты сдурела?! Это же мой ребенок.

– Какова вероятность, что она ни с кем не спала на стороне?

– Исключено.

– Когда была беременна я, тебя это не остановило.

– Чего?! У нас не было такого!

Лиза промолчала.

– Мне пора к хоккеистам, – она метнулась к нужной ложе, будучи на грани сильнейшей истерики, которую еле сдержи-

вала.

– Стоять! – бросил вдогонку Артур.

Хоккеисты уже проводили Данила на танцпол и всерьез разволновались из-за долгого отсутствия Лизы.

– А вот и королева вечера! – всплеснул руками Артем, однако его смутило то, что Лиза чем-то сильно обеспокоена, хоть и пытается это скрыть.

– Что случилось?

Елизавета оперлась об стол двумя руками, схватила первую попавшуюся бутылку и солидно отпила из нее – новость о беременности Тани потрясла ее.

– Ребята, – объявила она, – ради бога, предохраняйтесь... всегда!

– На счет этого можешь не беспокоиться, – заверил ее Брандубреев, приняв фразу за недвусмысленный намек, побуждение к действию.

Из обеспокоенного выражение лица Лизы вновь стало приятным и непринужденным – располагающим к продолжению тесного общения с пацанами из Магнитогорска. Дамочка вернулась в объятия хоккеистов: руку Митяева она водрузила себе на плечи, а сама со всей силы сжала коленку Бречкина, который к тому времени созрел поразвлекаться.

– Пацаны, у вас есть тачка? – спросила она.

– Ага, еще какая, – брякнул Чибриков.

– Очень крутая, – подтвердил Арсений.

Лиза, судя по всему, собиралась проучить всех окружаю-

щих ее мужиков – не только Артура.

– Покажете? Очень хочу прокатиться.

Не успел Митяев ответить, как к столу подошел хмурый, будто туча, Артур и с презрением покосился на хоккеистов и Лизу. Арс почувял, как девушка нервно дернула плечами.

– Мы с тобой не закончили, – объявил сутенер, желая протянуть ей руку.

– Пацаны, а хотите стриптиз? – игриво заявила Лиза, принавившись расстегивать молнию на платье.

У Артура аж глаза на затылок полезли от такого игнора:

– Не вздумай! – Арчи резко потянулся к ней, но грузный Леха плавным движением руки отодвинул его, словно смел ладонью крошки со стола.

– Если хочет, пускай делает, – заявил он.

Желваки Артура запульсировали.

– Лиза! Последнее предупреждение.

– Как ты с ней разговариваешь, мудила?! – соскочил с места Арсений. Именно на такую реакцию и рассчитывала интриганка.

– Завали хлебало, малолетка! Не твое дело.

– Ты кого малолеткой назвал, педик?!

– Тебя! Ты явно глуховат. Лучше отвалите по-хорошему – девка очень дорого стоит. За 100 лет не расплатитесь.

– Я сама так решила, – опомнилась Лиза.

– Пусть делает, что хочет, – угрожающе повторил Бречкин.

– Она что, твоя? – спросил Артура Абдуллин.

– Допустим.

– Я сама по себе, Артурчик. Сейчас хочу быть с ними.

– О'кей. Ты можешь идти хоть на все четыре стороны, но сначала я хотел бы закончить наш разговор.

– Ладно. Давай, заканчивай здесь, – Лиза приобняла Митяева и положила руку ему на грудь, уставившись на Артура, желающего выговориться.

– Хорошо, – Артур набрал воздуха в грудь. – За твой поступок я хотел бы тебе от всей души сказать... Ты мерзкая, гадкая, мстительная и неуступчивая сука!!!

– Э-э-э!!! – неодобительно крикнули пацаны.

– И знаешь почему? Много куражишься, потому что не нужна никому. Такую тварь, как ты, никто и никогда не любит.

– Ты просто боишься сильных женщин, тюфяк! – сказанное Артуром задело Лизу за живое.

Дальнейшие действия произошли как-то сами собой – молниеносно. Лиза схватила со стола бутылку за горлышко и со всей силы опустила ее на голову Артуру. Тот без чувств рухнул прямо на руки Кошкарскому, а бутылка раскрошилась, окропив шампанским и осколками все вокруг.

Хоккеисты удивленно вытаращили глаза, а Елизавета с облегчением выдохнула. Музыка успешно все заглушила.

– Твою мать! – Степка держал Артура за подмышки.

– Ты убила его?

Лиза действовала решительно и без промедления:

– Бутылка разбилась – значит, черепушка в порядке. Это физика, двоечник! – она мигом залезла к Артуру в пиджак и достала флешку. Хоккеисты переглянулись. – Все, брось ублюдка на пол.

– Может, лучше на диванчик? Типа уснул?

– Ну посади на диванчик, милосердная душа. Итак, мальчики, у нас не так много времени, чтобы отсюда убраться. Кто там говорил про крутую тачку?

– Я, – промямлил Чибриков.

– Показывай.

– Так, коней придержите, – опомнился Митяев. – Не все так просто.

– Почему?

– Она в паре кварталов отсюда.

– Почему так далеко? – Лизе не терпится уехать.

– Были причины. Да и не выпустят нас отсюда. Олег ведь...

– М-да, я и забыла.

– И нам нужен Озеров.

– Он-то вам зачем? Это он вас втянул.

– Тем не менее.

Бречкин опустил на корточки перед Артуром:

– Здорово ты его. Давно обиду копила?

– Да, было за что.

– Вроде дышит.

– Ничего с ним не сделается, – Лиза рассуждала вслух. – Так, мальчики... Со мной вы сумеете сбежать отсюда. Я знаю путь к черному входу – там безлюдно как в местном оперном театре. Но если до машины далеко, нас заметят и поймают. Нужно пригнать тачку сюда.

– Как?

– Пораскиньте мозгами, парни.

– А не то ты их вышибешь?

– Вряд ли. Вы мне нравитесь. О, знаю: в туалете недавно меняли окна и точно не поставили решетки обратно.

– И?

– Пусть здоровяк подсадит мелкого. Тот вылезет отсюда и пригонит машину, – Лиза показала на Лешу и Богдана.

– С чего это я мелкий?

– Тебя успокоит, если я скажу, что у парней низкого роста член больше, чем у высоких? Поверь моему опыту.

– Ага, – удовлетворился Чибриков и посмотрел на Арсения: взгляд Богдана выразил сомнение в затее. Митяев понял партнера по команде без слов.

– Как же мы без верхней одежды?

– Кто-нибудь неприметный до гардероба сгоняет. И мою шубку тоже заберет. А ты, кудрявый, найдешь вашего дружка, – распределила роли Лиза.

– Справишься за десять минут? – спросил Пашку Арсений.

– Что-то я очкую, – открыл рот Степа.

– Тогда остальные попадут в такое очко, что тебе даже не снилось, – объяснила Лиза. – Ну так что, капитан? – она посмотрела на Митяева.

– Я не капитан, – пояснил он.

– Странно. Если выберетесь, смените в команде кэпа, пацаны, – произнесла она. – Но все девочки явно твои.

– Чему быть, того...

– Давайте уже займемся делом! – вмешался Алексей.

Митяев кивнул, и все отправились выполнять поставленные задачи, а оставшиеся в ложе тусовщики стали имитировать непринужденность и молиться, чтобы никто не обратил внимания на обездвиженного Артура.

– Ничего, Артюша, не все еще потеряно, – Митяев похлопал голкипера по плечу.

– Я с самого начала говорил, что идти за Озеровым – плохая затея. Придушу его при встрече.

– Раз так, то можешь и меня заодно – моя же была идея сбежать и устроить пьянку... Слабо? Нет? Тогда сиди и помалкивай.

– Странно, – произнесла Лиза, – почему Олег медлит?

– В смысле?

– Почему он не отделал вас сразу?

– Потому что в нем еще осталось немного чести, – ответил Арсений, вспоминая диалог с хозяином клуба. – Не одной тебе мы пришлось по вкусу.

В кармане брюк Артура завибрировал телефон.

– Вспомнишь говно – вот и оно, – запаниковал Артем.

Лизочка без стеснения вынула трубку из штанов сутенера.

И как можно что-то расслышать при такой громкой музыке?

– Ох, Наталка звонит.

– Кто это?

– Баба.

– Это я понял.

– Охрану тут возглавляет.

– И справляется?

– С переменным успехом. Надеюсь, нам повезет и ее люди все конкретно завалят, – Лиза поднесла телефон к уху. – Алло! Нет, это Елизавета Дмитриевна! Артур занят... А какая тебе разница чем?! Чем еще мужик и баба могут заниматься в «красной комнате»?! Еще час не звони! И другим скажи! Молодец! Прости, не могу больше говорить – кажись, этот мудака закончил с куни, – она бросила трубку. – Пускай обзавидуется. Мужик в юбке.

Арсений не спускал глаз с Лизы. Бабенок такого типажа и возраста он любит.

Тем временем в уборной Бречкин привалился к стене, сел на корточки и велел Чибрикову взбираться на его плечи.

– Ты уверен?

– Конечно, это ж как на тренажере.

– Нет, – тянул время Богдан, – я о другом.

– Богдан, меня хотели застрелить. Из пистолета. Настоящего. У тебя, блять, еще остались сомнения?!

– Нет.

– Тогда какого хуя ты болтаешь?! Я в такое узкое окно не пролезу.

– Леха, а если там уже нет машины?

– Угони другую.

– Я не смогу во второй раз, – скулил Чибриков.

– Придется, Богдаша! Ты наша единственная надежда выбраться отсюда, – от Лехи разит перегаром, но даже в таком состоянии он понимает больше, чем Чибриков.

– Леша, эти слова будут вертеться в моей башке до конца жизни... Как мы умудрились так...

– Теперь уже без разницы. Беги за помощью. Любой помощью.

– Даже за Елизаровым?

– Даже за ним.

Богдан встал Бречкину на плечи, и тот, несмотря на дрожащие ноги, поднял его, словно штангу. Чик-чирик дотянулся до ручки и отворил окно. Леша подпрыгнул – так Богдан и очутился на воле.

– Живой?! – крикнул ему Леха.

– Ага! – Богдан благополучно приземлился на снег.

– Куртки лови! И беги, Форест, беги!

Чибриков представил, что сдает тест Купера, и понесся изо всех сил в сторону, где они бросили «BMW», с надеждой, что машина все еще там.

Паша Брадобреев вернулся несколько позднее Бречкина

и распростер руки в стороны: Озерова нигде нет.

– Может, его уже... приняли?

– В таком случае, – не согласилась Лиза, – вас бы уже давно вынесли отсюда в черных мешках.

– Спасибо, утешила.

– Тема, может, тебе выпить?

Тот кивнул, налил и принял.

– Сколько ему нужно времени? – речь про Богдана.

– Думаю, немного. 5-10 минут, – ответили Елизавете.

– Это максимум. Нужно сваливать, пока герой-любовник не очухался.

– А чего переживать? – произнес Бречкин. – У нас вон сколько бутылок. Лиза, ты же сможешь еще пару качков уложить?

– Этот меня выбесил больше остальных, – ответила она и повернулась к Арсению. – А у этого мелкого...

– Богдана?

– Да. У него, что ли, права есть?

– Ни у кого нет.

– Ах, прелестно, – девушка дотянулась до бокала и приняла для успокоения, как и Артем ранее.

По истечении пяти минут Елизавета объявила:

– Если... э-м-м... Богдан не приехал, нам всем кранты.

– Не нужно нас недооценивать.

– Возьмите выпивку. Кажется, мои пути с «Хамелеоном» разошлись окончательно. Хочу это отметить по дороге.

Путь по общественному пространству до служебного коридора был коротким, однако беглецам казалось, что все взгляды устремлены только на них. Лиза держалась увереннее остальных – все следовали за ней.

– А если она нас обманывает? – предположил Степан.

– Вряд ли проломить башку управляющему входило в их планы, – не поддержал его Бречкин.

В служебных коридорах, коими пронизано здание, легко заплутать без проводника. И Лиза кое-где останавливалась, пытаясь припомнить, как правильно идти к черному входу.

– Если Чибриков на месте, я буду уважать этого парня по-новому, – заявил Пахан.

– Он уже отличился сегодня, – припомнил Артем.

– Парни, я думал, что выбраться отсюда будет труднее.

– Ты бы заткнул свою пасть, пока мы...

Завернув за угол, Лиза резко остановилась. Выглянув из-за нее, хоккеюги увидели идущего в сторону выхода парня в форме здешних security.

– Накаркал, Степа, бля, – Митяев наградил Кошкарского оплеухой.

– Ну-ка тихо, – шикнула девушка, сунув руку в сумочку. – Быстро за угол, – колонна пацанов сложилась за углом как гармошка.

Охранник обернулся, увидев в паре-тройке метров от себя любовницу Олега:

– Елизавета Дмитриевна, что-то случилось? – он напра-

вился к ней.

– С чего ты взял?

– Куда же вы собрались в самый разгар ночи? – нагло спросил он.

– Подожди секунду, – учтиво попросила она, когда он приблизился к ней на расстояние вытянутой руки.

Лиза напоминала Арсению хищный цветок, красивый и пленительный. Однако растение, когда к нему в пасть залетает ничего не подозревающее насекомое, молниеносно захлопывает пасть, и жертва погибает в мучениях.

Дамочка сегодня явно в ударе. Как и с Артуром ранее, она демонстрировала бешеную скорость принятия решений. Вот и сейчас она достала из сумочки газовый баллончик, содержимое которого выплеснула охраннику в лицо. Паренек стал корчиться и материться, закрыв лицо ладонями. Бессердечная проститутка только поманила пальчиком, как хоккеюги набросились на охранника и отмудохали его ногами и руками, что тот уже не надеялся встать на ноги. Бречкина вообще пришлось втроем оттаскивать от жертвы женской хитрости. Сама героиня вечера показала в сторону камеры средний палец.

Более преград не наблюдалось.

– Для столь неприступного места, каким описывал его Озеров, охрана «на уровне».

Дернув задвижку, парни пропустили даму:

– Девушки вперед.

Дверь ведет на задний двор с гаражами, служебной парковкой и разгрузочной площадкой. Аккурат напротив входа вальяжно стоят трое, курят. Охрана. Вот где она.

Хлопнувшая дверь заставила всех троих обернуться – они ждали четвертого, а никак не пацанов, за которыми указано наблюдать и ни в коем случае не выпускать наружу.

– Гляди-ка!

– Опа, – свистнул еще один, расстегнув кобуру.

– Случаем, не те ли это мудаки, которые тут шоу устроили?

– Они самые.

– Новогодняя премия нам обеспечена, мужики.

– Только двиньтесь, суки!

– Елизавета, почему вы с ними?

– Я... я... не смейте стрелять! – театрально изобразила заложницу она.

– Попали, – констатировал Тема.

– Медленно руки показали и на колени! Вас отсюда никто не отпускал, – трио охранников приближалось к двери, в которой стояли поникшие от неудачного побега хоккеисты.

– Гениальные идеи есть? – шепнул Кошкарский.

– Только надеяться, что они болеют за «Металлург».

Еще немного, и их сдадут с поличным.

– Я никогда в тебя не верил, Боже, но помоги нам, прошу...

Вышибал, которые отрезали беглецам путь отхода, вне-

запно осветил яркий свет фар. С ревом на задний двор ворвался уже знакомый хоккеистам «BMW X5». Ошарашенные стражники разлетелись в противоположные стороны двора, будто кегли, не желающие быть заживо задавленными или припечатанными к стенке.

– Прыгайте! – скомандовал Чибриков из-за руля.

– Давайте! Бегом! – толкал остальных Митяев.

Все кинулись к вовремя подоспевшей машине. Бегущего Брადобреева схватил за пятку лежащий караульщик – Пашка устоял на ногах, и охранник получил ногой по подбородку с разворота.

Богдан переключил рычаг коробки передач и дал по газам задним ходом. Бодигарды достаточно резво поднялись с земли: один бросился вдогонку на своих двоих, а другие прыгнули в припаркованную рядом тонированную «Приору».

– Далеко не уйдут. Заводи!

Отечественный автомусор завелся с пол-оборота, правда, прокатившись три метра, заглох.

– Что за?!

– Как же без прогрева. На улице дубак!

– Теперь нам кабзда! – самое время передать о бегстве по радиации.

Не прошло 15-ти секунд, как Богдан избавился и от третьего преследователя, резко затормозив так, что тот, развив солидную скорость, будто бегун на Олимпиаде, врезался в капот «Бэхи» и навзничь упал на обледенелый проулок.

Пытаясь сквозь пятерых человек сзади рассмотреть, куда рулить, Богдан махнул через арку напрямиком на проспект, где на всех парах дал газу – подальше от клуба «Хамелеон» под радостные визги и возгласы пассажиров, которые принялись поздравлять и добродушно хлопать руками спасителя. Даже Лиза дотянулась до щеки Чибрикова, чтобы смачно поцеловать.

– Чик-чирик, ты монстр-р-р!

– Красава, Богдаша!

– Еще бы секунда...

Наконец-то его оценили – Богдан светился от счастья, гнав «BMW» без номеров на солидной скорости по пустому городу.

– Ребята, Челябинск – удивительный город. Старый телек с помойки сопрут за минуту, а открытую «Бэxu» с парковки не трогают.

– Кажется, будет хвост, не?

– С нашими мощами они за щеку возьмут, – заверил Богдан.

– Ебать, меня аж трясет всего.

– Адреналин, мать его!

Лиза сидела на коленях Степы Кошкарского и пила шампанское из горла, а после завизжала как сумасшедшая – от драйва и вожделения:

– И-и-и-х-х-х-у-у-у! Да-а-а! Свобода! Гони! Гони! – она всплеснула руками так, что игристое разлилось на всех сидя-

щих. – Люк, люк! Хочу вылезти! Открой, прошу, открой! – Чибриков нажал на кнопку, чтобы на скорости Лизок в мороз в одном платье высунулась в люк и раскинула руки как на носу у «Титаника». Елизавета словно сбросила с себя многолетние оковы, расправила крылья, летела и до потери голоса кричала что-то невнятное осточертевшему городу.

Кошкарский, глядя на ее упругий зад в салоне, заявил:

– Не знаю, как у вас, мужики, но мне после такого экстрима не хватает только голого женского тела.

– Мы из одного теста, братан, – подтвердил Брадобреев.

Митяев не собирался отказываться от своих планов. Кажется, и Лиза готова на все. А конкурентов следует изящно устранить.

– Что делаем теперь? – спросил Богдан.

– Я хочу жрать!

– А я хочу ее.

– Вряд ли птичка куда-нибудь от нас упорхнет. Вы только гляньте, как ее накрыло, – произнес Бречкин. – Порубаем, а потом дружно накормим ее. Как в той порнушке.

Парни понимающе заржали.

– Дельное предложение.

– Как в той, где бейсболисты были?

– Именно.

– Почему нет таких фильмов с хоккеистами, а?

– Потому что, пока ты разуешься, развяжешься и снимешь трусы, всякие там футболисты поймеют твою телку. Да и сам

ты спустишь без рук.

– Есть отличная возможность исправить это недоразумение.

– Решено, – заявил Арс. – Богдан, притормози у ближайшего «Макдака», если у кого-то остались деньги.

– Сейчас по карманам пошарим. Или все только кондомы с собой взяли?

– Неподалеку вроде был круглосуточный, – решил свернуть на другую улицу Богдан. – Она там не простудится?

– Пусть опустится – мы ее согреем.

– Э-э, без меня не начинайте.

Ветер в лицо, мысли о бегстве из клуба-борделя и отмщении на фоне пары граммов наркоты и пережитого экстрима нехило так снесли Елизавете башню. Она летела над проспектом как Снежная королева, расправив руки, – все плохие мысли выветрились. Ей все равно, осуждают ее или нет, преследуют или хотят застрелить. Плевать на плату, приличие, уговоры обидевшего ее Артура. Она потеряла голову и хотела раствориться без остатка, переспав с молодыми и зелеными хоккеистами – эту ночь они точно не забудут, как она и обещала. Лизу одурманила практически безграничная власть над пресмыкающимися мужиками, которые во всех делах полагаются на нее, а лавры забирают себе и не подпускают к принятию важных решений. Именно так угнетено большинство женщин по всей стране, по всему миру. Но она готова воевать: Олега с Артуром она может шантажировать

не только компроматом, но и бесценными свидетельскими показаниями, а хоккеисты будут наказаны в назидание. Она задумала грандиозную месть и кайфовала от каждой секунды свободы.

Опустившись обратно в салон, она укрылась чьей-то курткой, уселась на коленки к одному, строила глазки второму, а поглаживала третьего, попутно пытаясь обнаружить деньги или ценности. Сказать, что она завела пацанов – ничего не сказать.

Голод – не тетка, что особенно актуально для организма мужчины в самом расцвете сил, которому необходимо периодически поглощать определенные вещества, чтобы чувствовать себя хорошо и заниматься различными делами, будь это спорт или секс.

Все вновь, как и ранее в общаге, играет на руку Митяеву.

Прибыв к ресторану быстрого питания, Чибриков, Абдуллин и Кошкарский быстрее всех полетели внутрь делать заказ, желая поскорее всунуть в себя жратву, а потом всунуть кое-что иное в Лизу, несмотря на тесноту в «BMW».

«Свалили жрать. Все-таки не умеете вы с бабами обращаться, друзья! – думал довольный Митяев. – Такое мясо в машине пропадает. Закачаешься».

Брадобреев тоже хотел пойти следом, но Арсений ухватил его за шкирку:

– Ты-то куда?

– Я тоже хавать хочу.

– Потом похаваешь. Ты нам нужен.

– Зачем?

– Очнись, Пашка! Как же мы оставим такое сокровище без внимания, а?! Бречкин там сейчас все за нас сделает.

До Паши стало доходить, о чем толкует друган:

– Не уверен, что после всего у меня встанет. Блин, она же в дрова пьяная.

– Когда тебе это мешало? А вот у меня встанет.

– Нет, я могу тыкать в бревно, только когда трезвый.

– А ты сейчас и не пьян... почти.

– Суровые челябинские мужики не занимаются сексом – они дрочат женщиной. Боюсь не впечатлить ее.

– Поверь, ей уже без разницы.

– А как же остальные?

– В таком деле чем меньше участников, тем больше достается каждому по отдельности. Они взрослые мальчишки – не пропадут. Мы вернемся за ними, когда закончим.

– Ты серьезно сейчас?

– Ты чего как девственница?! Я уже устал тебя уламывать.

– Вспомни, что происходило полчаса назад.

– Ну и что? Лучше быть королем одну ночь, чем чмошником всю жизнь. Сегодня та самая ночь.

– Нас чуть не покалечили.

– Но не покалечили же. Блять, Паша, где ты посеял свои яйца?!

– Они при мне... вроде, – потрогал штаны Брадобреев.

Арсений пригнулся, чтобы произнести:

– Ты заблуждаешься, если считаешь, что все закончилось.

– Как так? – наострил слух Павлик.

– Павлуха, я ведь могу положиться только на тебя. В наших руках судьба Данила, понимаешь?

– Пока не очень.

– Помнишь флешку, которой дразнили Озерова? Она решает все его проблемы. И она как раз у нашей неадекватной шилохвостки: в платье либо в сумочке. Мы еще можем закончить начатое. Мы дадим Олегу под дых.

– Куда тебя несет, Арс?

– Обычно тебя несет туда же, куда и меня, напарник. С тачилой справишься?

– Хе-хе, фигня вопрос, шеф, – Пашка всегда легок на подъем.

– Прыгай за руль. И подальше от центральных улиц. Тут легко нарваться на пост.

– Заметано! Только мне оставьте кусочек.

– Не переживай, кудряш. И ты присунешь.

Когда парни освободили салон, Лиза воскликнула, глядя на манерно раскинувшегося на сиденье Бречкина:

– Куда все ушли?

– Просто они дебилы – вот и все.

Елизавета приступила к выполнению задуманного, по достоинству оценив цепочку с медальоном на Лешинной шее. Хоккеист толком и позабыл о семейной реликвии.

- Что, здоровяк, – пошла напралом она, – хочешь меня?
- Меня все мучил вопрос: трахаешься ли ты за деньги?
- Я не такая.
- Отлично, потому что денег у меня нет.

Бречкин и Лиза слились в страстных объятиях, благодаря которым профессиональной обольстительнице удалось стащить с шеи Лехи заветный образок так, что он даже не почувствовал. Не успел Бречкин и половины одежды с себя сбросить, как к ним с улицы запрыгнул Арсений, а за рулем очутился пронырливый Павел.

- Мы вынуждены украсть вас у этих остолопов, мадам!
- По газам, курва!

Умчавшийся «BMW» проводили взглядами трое голодных неудачников:

- Мне чудится, или нас кинули?
- Еще и обокрали.
- А что пропало?
- Секс пропал.

– Иди в уборную – выпусти пар, пока заказ готовится.

– Кажется, нам надо определиться, кто пойдет первым, –

угрюмо заявил Абдуллин.

- А что потом?
- Суп с котом.
- От супа я бы не отказался.

– Нам только и остается, что жрать. Что ж еще делать в непонятной ситуации.

Брадобреев на первых же секундах полюбил педаль газа.

– А вы отчаянные ребята, – произнесла Лизочка.

– Твой босс нас явно недооценил, – заявил Митяев, присоединившись к Лехе, который уже всю ласкал Лизу.

Пашка уводил машину в городские дебри, жадно глядя в зеркало заднего вида и давясь слюной.

Добраться до Лизиной груди сквозь тонкое платье – секундное дело. Она поняла, что попала в руки хоть и к молодым, но умелым пацанам, однако истинного мастерства им все равно не достает, дабы наповал сразить проститутку со стажем. Школьницы на ее месте уже бы давно потекли. В ходу тот же прием, что и у нее: Арсен совместил приятное с полезным и не только облапал Лизу, не отлипая от ее шеи, но и выяснил, что заветная флеш-карта скорее всего прячется в сумочке, дотянуться до которой не давала Лизавета, через штаны растирая нечто выпуклое в районе паха 17-го номера «Магнитки-95».

– Хм, а вам не маловато лет, мальчики? – она задала сугубо риторический вопрос, не отвлекаясь от телячьих нежностей. – В суд на меня не подадите за растление? – хихикнула проститутка.

– Кто кого еще растлевать собирается, – заявил искушенный в интимных делах Бречкин.

– Ты так в себе уверен? – Елизавета внезапно обхватила Митяева руками и поцеловала его в засос так, словно хотела откусить ему голову – это был самый сладкий поцелуй в

жизни Арсения. Предпочтения Лизы разозлили Бречкина. Леша легонечко шлепнул негодницу по заднице как раз в тот момент, когда она почти стянула с Арса золотой крестик – цепочка с ним канула куда-то в темноту салона.

– Какая ты борзая! Тебя спортсмены когда-нибудь имели по-грубому? – спросил Бречкин, напоминающий медведя в человеческом обличи.

– Дорогой, может, ты задашь вопрос посложнее? – спросила Арсения она, тем самым желая указать на крепколобость Бречкина.

17-й номер «Магнитки-95» поразил ее:

– Где флешка, Лиза?

Вот сейчас девица реально испугалась. Она хотела расцарапать лицо Митяеву и кинуться к сумочке с газовым баллончиком, однако Леша схватил ее за руку, будто в кандалы заковал.

– Леха, проверь сумку.

– Значит, вы тут в теме все? Маленький ублюдок не умеет держать язык за зубами, – начала Лиза и непроизвольно зевнула, словно ей безразлично происходящее.

– Есть, – Бречкин отыскал флешку.

– Если вы хотели меня задеть, то ничего не вышло.

– Мы уже поняли, что ты крепкий орешек, Лизок.

– Мне самой уже поперек горла эти интрижки. Да нет... нет никакого компромата. Все это придумано, чтобы манипулировать отцом Данила. Олег действует через пацана. По-

тому что Озеров-старший, чтобы уберечь семью, пойдет на любые условия. Либо эти скоты его задавят. Так-то он хороший мужик. Если не станет надеяться на одного лишь себя, то отстоит бизнес.

Такой исход событий поразил Митяева: неужели они пошли по ложному пути, оставив Даню в клубе?

– Какая же ты дрянь, Лизочка. Ты всех обманула?

– Да она блефует, Арс, – не поверил Бречкин. – Что ты тогда скажешь на это, стерва?! – Алексей опустил стекло и выкинул флешку в зияющую пустоту, расположенную непонятно где в большом городе.

Выражение лица у девушки не поменялось: ни одна складка не дрогнула. Но появилась слабость.

– Убедился? – обратилась к Арсению она.

– Они же придут в ярость, когда узнают, что компромата нет.

– Для этого вы и были мне нужны.

– Нас сегодня пользуют все, кому не лень, – воскликнул

Пашка.

– Как хорошо ты все спланировала.

– Ты прав, но я хороша еще и в кое-чем другом, – она принялась бесцеремонно расстегивать ширинку на Митяевских джинсах.

«Простачок. Что ты знаешь о женщинах? 16 лет. Тебе сиську покажи, и ты горы свернешь. Правда, нужно отдать тебе должное за смекалку и находчивость – старался, пыхтел

ведь», – ее мысли затухли сами собой.

Снотворное, влитое давным-давно, наконец соизволило подействовать.

Лиза, закрыв глаза, отключилась. Ее голова припала Арсу аккуратно в зону ширилки. Тот, предвкушая внезапное удовольствие, зажмурил глаза, запрокинул голову и приоткрыл рот, однако понял, что минета не будет. Лиза будто бы уснула... или нет?

– Чего с ней такое? Трусы хоть поменял, бабник?! – фыркнул Леша.

– Обижает, Бреча.

– Что там у вас? – спросил Паша.

– Повернись и посмотри.

– Не хочу я на твоё хозяйство глядеть!

– Боишься, что комплексы одолеют?

– Вот и сказочке конец. Убери ты её уже от себя. Смотреть не могу.

– Паша, тормозни где-нибудь... Пульс вроде есть. Странно.

– Так есть или нет?! – занервничал Павел.

– Есть.

– Дышит?

– Не паникуй. Дышит.

– Я подписывался на потрахушки, а не на похороны. А ведь нас видели с ней последними.

– А вот и ответ, – Бречкин порылся в её сумочке, обна-

ружив мятый пакетик с содержимым, хранение, продажа и оборот которого преследуются по закону.

– Передоз, что ли?

– Пеной штаны тебе уделала?

– С пеной вроде бешенство, а не передоз, не?!

– Наверняка побочка какая-нибудь. Отключилась. Столько алкоголя выжрала вдобавок. Здорово покувыркались, бляха-муха!

– Что будем делать? В больницу ее?

– По-хорошему надо бы...

– Вы оба сдурели?! – воскликнул Бречкин. – Чтобы нас там за какую-то суку взяли тепленьких.

– Прощай, свобода, – произнес Брадобреев.

– Вот именно! Про карьеру молчу. Хуй с ней. Она дышит, сердце бьется? Вот и все! Надо валить. Она заслужила такого обращения, – раздраженно заявил лишенный секса Бречкин.

– Она ведь живой человек.

– Тебе перечислить, что она натворила за пару часов? Мы достаточно насмотрелись. Это еще без учета рассказов Озерова. Чтоб его, говнюка!

– Бедный Даня. Как он там? – распереживался Брадобреев.

– Он все это заварил! Предлагаю к нему больше не возвращаться, – декларировал Алексей. – Без флешки он им на хуй не сдался.

– Будем надеяться, что бармен вытащит его оттуда.

- Да чтобы я еще куда-то с вами пошел по синьке – ни за что! – нервно мял обивку руля Брэдобреев.
- Я валю, – достал телефон Бречкин.
- Куда ты звонишь?
- В такси.
- Выясни адрес для начала.
- Давайте выйдем и осмотримся.
- А с ней что?
- Одни проблемы от нее – таких только драть и бросать, – агрессивировал Леша.
- А тачка? – сыпал вопросами Пашка.
- Бреча прав, – заговорил Митяев. – Хватит на сегодня судьбу испытывать.
- У «Макдака» ты иначе говорил.
- Я пойду адрес поищу, – Леха вышел из машины, а Арсений пересадил спящую Лизу на место Леша – та только клюнула носом.
- Она точно живая?
- Точно.
- Мы ее оставим?
- Придется. И машину тоже.
- Не замерзнет?
- Не глуши мотор.
- А если...
- Хорош грузить. Самому тошно.
- Хуево, когда секс обламывается, верно?

– Много умничаешь, Паша.

– Кто ж знал, что все выйдет из-под контроля.

– Даня знал, – бросил Арс. – Он все знал. Изначально.

– Шутишь?! – удивился Пашка. – Вот пиздюк! Вот почему ты прижал его у бара в самом начале.

– Я пожалел его, поверил ему, Пахан. А все оказалось серьезнее, чем я думал, – вздохнул Арсений. – Озеров остался, и его сцапают в два счета. Вместе с ним и мы солидно вляпались: разозлили местного бандюгана, на угнанной тачке похитили самую дорогую шлюху из клуба, которая потеряла сознание, выкинули флешку с компроматом на крупного челябинского воротилу, а компромата, оказывается, и не было вовсе, – Митяеву осталось только выругаться.

– Кому расскажешь – не поверят.

– Вот к чему приводят излишняя доверчивость, алкоголь и безалаберность. Бля-я, помогли другу.

– Как ты там говорил? Не покалечили нас, и ладно...

– А если б кончилось по-другому?! Надо завязывать с этим, определенно.

– Сейчас или вообще?

– И сейчас, и вообще. Сука, хочу подышать, – Арсений выпрыгнул с заднего сиденья на воздух.

Брадобреев завез их к черту на куличики. Узкая и плохо освещенная дорога идет вдоль нескончаемого, местами разрушенного бетонного забора с колючей проволокой. По другую сторону от нее простирается обочина, изрешечен-

ная голыми ветками какого-то непролазного леска, за которым виднеются желто-серые стены двухэтажных домишек под снос. Ни души вокруг.

«BMW» стоял в небольшом кармашке у забора. Мороз покалывал оголенное лицо и руки Арсения. Под ногами хрустел свеженький снежок.

Хоккеюгам жутко хотелось вернуться обратно в общагу и забыть эти безудержные ночные приключения. Лишь бы вновь оказаться в кровати, почувствовать вечно следящий глаз тренерского штаба, втыкать в потолок, но быть хоккеистами, школьниками, 16-летними мальчишками, а не заклетыми врагами челябинского криминалитета или пешками в руках злых взрослых дяденек.

К Митяеву, смотревшему в черно-серое ночное небо, с которого то и дело падают редкие снежинки, подошел Павел Брадобреев:

– Знаешь, Арсен, а ведь мне говорили, что лучше сегодня никуда не ходить.

– Да? И кто же? Степанчук или Елизаров?

– Нет, бабка-комендант.

– Что, прям так и сказала? – не поверил Арсений.

– Нет, как-то иносказательно. А я не прислушался. Ключи у нее спер.

– Вернемся – отдашь, извинишься.

– И скажу, что она была права.

– Мужики! Сейчас будет такси! – вылез из-за угла Леша.

– Хоть одна хорошая новость.

– Как же завтра играть-то будем?

– Уже сегодня. Да как обычно. Придумаем что-нибудь.

Спустя некоторое время в эту тмутаракань приехало такси – старый серебристый «Мерседес» (точь-в-точь как из первой части франшизы «Такси»). Бомбила внутри чересчур бодр для середины ночи.

Все молча побрели садиться, однако Пашка напоследок оглянулся на «BMW».

– Паша, – крикнул Бречкин, – идешь?!

– Может, ей помощь нужна? А машина? Там же отпечатки наши... Неправильно это... Нельзя просто взять и бросить...

– Тряпка! – схватил его за плечи Бречкин. – Что с тобой такое?! На меня смотри! В глаза, в глаза мне смотри! Вот так! Молодец! Нечего переживать! Скажи мне, ну-ка... Телка чья?!

– Мы должны...

– Телка, говорю, чья?!

– Не наша.

– Верно! А тачка чья?!

– Тоже не наша.

– Отлично, браток. Молодца. Так что же нас, по-твоему, здесь держит?!

– Ничего, – ответил Брадобреев.

– Правильно. Поехали обратно. Пускай сами разбираются.

– А если... они нас найдут?

– Пускай попробуют. Это будет проблематично. У них ничего на нас нет. Им нужнее шалава и обманщик Данил.

К ним присоединился Митяев:

– Я бы сейчас больше переживал, не хватились ли нас в общаге?

– Посуди сам: без нашей троицы можно смело распускать команду. Мы столько всего пережили, что мне глубоко на-срать, потеряли нас или нет, – объявил Леха.

– Зря ты так, Бреча. Наша жизнь – она как раз там, а не здесь. Я хотел бы забыть эту ночь как страшный сон.

– Ребятки! – крикнул таксист. – Мы едем или как?

– Идем, шеф, погодь!

– И как вас только занесло в такую глушь? – пытался начать разговор бомбила.

– Неважно. Вы, главное, вывезете нас отсюда.

– Это мы можем.

– А по дороге мы еще кое за кем заедем.

– За кем?

– За такими же заблудшими душами.

– Как скажете.

Сев в потрепанное такси, Митяев достал телефон, который вот-вот вырубится, и настрочил Данилу SMS: *«Компромата больше нет. Расслабься!»* Ценность информации увеличивается в разы, если она хранится в единственном экземпляре – здорово Лиза придумала все-таки.

Этой декабрьской ночью Даня тоже был заблудшей душой, как и его друзья-хоккеисты. Он тоже заслуживал прощения и благополучного исхода всех событий, которые запустил – так же, как и его друзья, участники столь напряженной и судьбоносной ночной вылазки.

Данилу казалось, что он попал в гигантскую центрифугу, в которой все с бешеной скоростью куда-то летит, в которой все вокруг смешалось в какую-то неясную мазню с бликами яркого света. На деле все гораздо проще и прозаичнее: сумасшедшая и бесстрашная Анка из анекдотов про Чапаева тащит его лечиться, будто он раненый солдат, истекающий кровью. А предполагаемая операционная находится в кабинке злосчастного туалета клуба «Хамелеон».

Озеров одновременно понимал и не понимал, что с ним сотворят дальше (будет, что пацанам рассказать). Ужасная из-за своей неотвратимости сонливость побеждает, несмотря на интерес к событиям наяву. Сознание и оставшаяся энергия будто высыпаются из него как из разбитых песочных часов. Он вот-вот свалится без сил и распластается по грязному полу. Странный эффект у алкоголя – кажется, он вот-вот подарит Озерову, наверное, самый легкий секс в его жизни и тут же презент отберет. Впрочем, как и всегда.

Парочка, что заперлась в кабинке, состоит из озабоченной секс-террористки и изнеможенной жертвы, которая, чтоб не

провалиться в сон раньше времени, уперлась об дверцу спиной. Аня ловко опустила крышку унитаза, уселась на нее, вынув жвачку изо рта. На мгновение она задумалась, словно спросила себя, что же такое она творит, но потом посмотрела на чуть ли не зевавшего Даню со словами:

– Думаю, ты уже знаком с этим методом лечения, – она ловко (с хирургической выправкой) орудовала с ремнем и молнией на ширинке Озерова.

– Аня... Ты... Я...

Данил не смог сформулировать чего-то вразумительного. Он закатил глаза; стан расслабился и стал слишком тяжел для ног, которые подкосились, и Даня без чувств рухнул на пол прямо между стенкой и клозетом, чуть не повалив за собой Аннушку. От неожиданности та вскрикнула и закрылась руками – будь у нее во рту жвачка, точно бы проглотила.

Аня жадно хватала воздух ртом и почти расплакалась, как некто в черных патрулях возник у дверей кабинки:

– Он отключился? – спросил голос извне.

– Кто вы? Что здесь...

– Отвечай на вопрос.

– Да.

– Он не ударился при падении?

– Трудно сказать.

– Крови нет?

– Вроде нет. А...

– Он там без трусов у тебя?

– Нет.

– Что «нет»?

– С трусами.

– Тогда штаны ему натяни и застегни, как было, – Аня выполнила требование неизвестного. – Готово?

– Ага.

– Дверь открой.

Отодвинув хлипкую щеколду, она отворила дверцу бармену Славе.

– Слева по коридору подсобка. Берем его за ноги – и потащили, – Вячеслав медлить не собирался.

Аня вытаращила глаза. Девчонка не из робкого десятка, но все равно немного стушевалась:

– Скажи, я принимаю участие в чем-то незаконном?

– Нет, скорее, наоборот. Давай, взяли... Ты чего? – Славик увидел, что девушка плачет.

– Я что, настолько некрасивая и отвратительная, что от меня в обморок падают? – она жалобно взглянула на бармена в ожидании ответа.

– Поверь, дело не в тебе. Как бы сказать, он... болен... И вообще: что ты с ним собиралась делать? Обычно таким бабам в подобных местах предьяв к красоте не кидают.

– За кого ты меня принимаешь?! Я не шлюха.

– Улики против тебя.

– Это психологический эксперимент.

– Чего-о? – не поверил своим ушам Слава.

– Ну типа опыт. По доказательству тезиса, что мужикам просто надо помочь поверить в себя и...

– Лучше помоги его унести.

Мелкими перебежками Вячеслав и Анна донесли Даню до подсобки и посадили у стенки, привалив бочком к инвентарю.

– Отлично, – прокомментировал Славик, – не упадет, не задохнется, рвотой не захлебнется. И никто не найдет.

– Чем не захлебнется?

– Спасибо тебе за помощь. Пожалуйста, никому не сообщай об этом.

– Что же с ним будет дальше?

– Тебя это не должно заботить.

– И все же, – настояла девчонка.

– После смены я утащу его домой. Можешь не беспокоиться.

– Вы живете вместе?

– Нет. К нему домой. Мы не эти...

– Ясно.

– И я не каннибал.

– Я поняла. Где я могу снова его увидеть?

– Зачем тебе?

– Он мне понравился.

– Вот оно что! В качестве объекта эксперимента?

– Нет, в качестве человека. Искренний он. Сейчас это редкость.

– Зашибись, – Слава явно спешил, чтобы какой-нибудь

Бережной его не хватился.

– Так что же мне делать?

– Могу налить бесплатно.

– Нет, я про Данила.

– Ждать снаружи, – экспромтом выдал Славик, – и твое счастье обязательно к тебе придет, – бармен не знал, что Аня воспримет фразу буквально (как намек).

– Скажи: на твой взгляд, я привлекательная?

– Прости, ты не в моем вкусе. Всего доброго.

Славик пошел по коридору, вертя в руках мобильник Озерова. Следующий пункт плана на миллион – звонок Озерову-старшему.

– Сынок, – уставшим голосом произнесли на том конце провода, – ты видел, который час? – точно нельзя было определить, спал отец Данила или нет.

Вячеслав стал говорить:

– Владимир Аполлонович...

– Кто это? – напряженно спросили в трубке.

– Меня зовут Вячеслав. Я друг вашего сына.

– Почему ты звонишь с его телефона?

– Сейчас это не так важно.

– А что же тогда важно?

– Я работаю в «Хамелеоне».

– Вот оно что!

– Ваш сын в опасности. Выслушайте меня.

– Говори, – сосредоточился Владимир Озеров. – Если ты выдвинешь требования ко мне, сопляк, знай, что ты труп.

– Нет-нет. Я... я не с ними. Данил успел ввести меня в курс дела. Он долгое время прорабатывал варианты, как разрешить ваш конфликт с Олегом. И сегодня Даня пришел сюда, чтобы все уладить. Но все пошло немного не по плану и...

– Что случилось? Что с моим сыном?

– С ним все в порядке. Не беспокойтесь. Я спрятал его в надежном месте, но люди Олега будут искать его. Я просто не знал, кому позвонить...

– Как же я недооценил моего мальчишка. Думал, что он ни на что не годится. А он решился самостоятельно все утрясти. Я же раздумываю больше года...

– Не сдавайте меня. Он не хотел, чтобы вы знали.

– Он не представляет, с какими людьми связался.

– Я отговаривал его, честно. Но он не хотел, чтобы его семья разрушилась.

– Ты поступил правильно, Слава. Надежно ли ты укрыл Данила?

– Думаю, что да, но обстановка накаляется.

– Могу себе представить. Слушай, парень, держитесь там. Я сделаю все возможное. А когда начнется заварушка, а она начнется, сделай так, чтобы вы не пострадали.

– Конечно.

– Как можно попасть к вам, чтобы никто не заметил?

– Со служебного входа. Хотя есть еще одно место. Старая

бойлерная у детского сада напротив – там тоннель. Все руководство в случае опасности точно сбежит через него.

– Я тебя понял. Ты хороший парень, Слава. Увольняйся к чертовой бабушке – я найду тебе работу поприличнее.

Естественно, Владимир Озеров в ту ночь был ни в одном глазу. Он сидел в кабинете и раздумывал над способами выкрутиться из своего незавидного положения. Но тот факт, что Даня обогнал его и теперь находится в руках врагов, заставил Озерова-старшего действовать незамедлительно, невзирая ни на какие опасности. А если это подстава? Да и все равно! Ради сына он действительно готов на все.

В кабинет к мужу зашла супруга, завернувшись в халат:

– Кто звонил?

– Даня.

– И где же он? Уже за полночь.

– Сказал, что заночует у друзей.

– И ты так спокоен? Разве тебя не волнует, что он звонит посреди ночи и сообщает, что заночует неясно где и непонятно у кого?

– У Славы. Знаешь такого?

– Да, кажется, припоминаю. Приходил пару раз.

– Даня у него. Причин для беспокойства нет. Тебя это устраивает? Он уже взрослый парень. Иди спать.

– С недавнего времени я почти утратила способность спать.

Женщина удалилась. Владимира Аполлоновича устроило,

что жена знает о существовании Славика. Частично, но основания доверять ему есть. Правда, в такие темные времена доверия нет даже к знакомым. Создается впечатление, что друзья сейчас существуют просто для вида. В отличие от дружбы с клеймом старой закалки, особенно если клеймо армейское. У Владимира есть такой друг.

– Товарищ полковник, – набрал номер Озеров-старший. – Не поздно?

– А мы целыми сутками на чеку, Вова, – ответил ему полковник. – Зная тебя, могу сказать, что в такое позднее время ты бы звонил только по серьезному и безотлагательному поводу. Так что я весь внимание.

– Вить, ты же знаком с моей незавидной ситуацией?

– Не будем портить себе настроение снова. В чем дело, Вова?

Владимир Озеров осекся – только сейчас он сообразил, как высоки ставки:

– Они зашли слишком далеко...

– Что сделала эта мразь? – боевой друг Озерова сразу понял, о ком идет речь.

– Они похитили моего сына, – у Владимира Аполлоновича ком в горле встал.

– Как ты узнал?

– Мне сообщили.

– Кто? При каких обстоятельствах?

– Данин друг. Он там работает.

– Ты видел его раньше? Знаешь его?

– Нет.

– Это может быть приманкой.

– Я так больше не могу, Вить...

– Вова, только не делай глупостей. Мы же договаривались.

– Его видела моя жена. Кажется, парень действительно знаком с Даней, причем близко. Он сказал, что Данил пошел к Олегу просить за меня.

– Во дела!

– Вить, ты же поможешь мне? Я редко что-либо у тебя прошу, но... сколько еще это может продолжаться? Ты же на короткой ноге с областью, с ФСБ, с СОБРОм. Вы же давно собирались...

Полковник получил еще один весомый повод инициировать крупномасштабную операцию против логова банды «Хамелеона».

– Вова, ты только не волнуйся.

– Если не ты, то я собственноручно порублю их в капусту.

Пусть меня судят, пусть я сяду, все потеряю, но...

– А вот этого не надо! Садиться на закате жизни из-за каких-то скотов?

– Витя, у них мой сын! Это уже все границы переходит. Мы и сами могли разобраться.

– Хорошо, – полковник стукнул ладонью по столу. – Сделаю все, чтобы Олег присел, надежно и надолго. Гарантирую.

Попрощавшись с другом, полковник полиции Виктор

Меркурьев подумал с минуту, взвесив всю информацию от Бережного и Озерова, прикинул все риски и потери, ибо Олега не позволяли закрывать многие и по весомым причинам. Дело «Хамелеона» терпеливо дожидается своего часа, но может вызвать нежелательную реакцию (даже задеть самого полковника). Меркурьеву пришлось совершить несколько тяжелых и неприятных звонков, разбудить многих высокопоставленных субъектов, рассказать, убедить, согласовать, а также собрать своих заместителей, чтобы те подняли нужное число личного состава, и без того накрученного из-за положения с митингами. Подготовка, конечно же, занимает некоторое время.

Полковник также набрал еще один номер по древнему телефонному аппарату с диском:

– Полковник Меркурьев говорит. Скажи, сколько времени уйдет оторвать «Хамелеону» язык? Отлично! Приказываю немедленно исполнять. Меня в курсе держать ежеминутно, – распорядился полковник.

«Надеюсь, полетят только нужные головы», – размышлял он, желая, чтобы Озеров-старший не проявлял самостоятельности. У Меркурьева тоже дети, отчего он прекрасно понимает, что Вова не будет ждать у моря погоды.

Начальник городской полиции оказался прав: Озеров не собирается сидеть просто так – у него еще оставались преданные бойцы.

– Алло, Коля! Срочно собирай всех наших. Момент на-

стал. Пора содрать кожу с «Хамелеона»... Да, я уверен. Встречаемся через час недалеко от клуба. Там у детского сада есть что-то вроде бойлерной... Да потом объясню! При полном вооружении. Все до единого. Почему сейчас? Сын убедил. Отбой!

Владимир Аполлонович собирался на долгожданные и судьбоносные разборки. Он зашел в уборную и аккуратно отодвинул крышку унитазного бачка, чтобы достать пистолет, ожидавший своего часа. Оружия на месте не оказалось.

История двадцать третья.

«Разговор о счастье и деньгах»

Пятница, 16 декабря 2011 года, час-пик на автодороге «Меридиан».

Артур постукивает по рулю, вглядываясь в багажник впереди стоящей машины, в ее красные задние огни, в струйку дыма из глушителя, отравляющего и без того непригодный для дыхания челябинский воздух. Даже слегка нервничая, управляющий «Хамелеона» выглядит rispetтабельно. Весь день он носится по делам, а сумерки зимой наступают рано, поэтому нужно успеть вернуться в клуб. Немного побаливает голова, которая и так пухнет от множества мыслей – одна оригинальнее другой. Такое состояние чаще всего навеивает на Артура иной вопрос: правильно ли он поступает, когда затевает то, что затевает (обычно не очень хорошее)? Относится это прежде всего к идее свержения Олега. Остальное приносит авторитет и деньги, много денег. Но верна ли подобная дорожка? Он управляет крутейшим в городе клубом и делами крупнейшего в городе авторитета. У него под рукой целый взвод отменных девушек, которые по щелчку пальца могут неделю ублажать хоть его, хоть работягу с ЧТЗ, хоть арабского шейха. У него солидная квартира, новый «Audi A8», шикарный костюм, сшитый индивидуально, а также уйма прочих забот по поддержанию образа и сохранению соб-

ственного здоровья от россыпи недоброжелателей.

По радио вещают что-то про школу и одиннадцати-классников. Артур ухмыльнулся – перед глазами всплыли несколько сохранившихся в памяти эпизодов из тех времен. Он ведь с детства хотел людьми управлять, не изобретая при этом ничего гениального. Хитрый маленький бизнесмен и манипулятор превратился в большого и состоявшегося. Не будь у него задатков, кем бы он стал? Закончил бы школу ни так ни сяк; пошел бы в институт на какую-нибудь «востребованную» профессию, которая после нескольких лет обучения никому не будет нужна; потом – невзрачная и монотонная или грязная работа за пару жалких тысяч без перспектив и с сатрапом-начальником; попутно нашел бы себе жену средней паршивости, взвалил бы на свой горб миллионную ипотеку, родили бы детей для «полного счастья», а единственное утешение – акры картошки на тещином огороде и купание на Шершнях по выходным. Скука смертная! Разве можно так жить? Уму непостижимо.

Что могло быть и что есть сейчас – просто небо и земля. Не задуши он еще в школе собственную совесть, не видать ему сейчас столь привилегированного положения (даже по масштабам дымного Челябинска). Однако, когда желаемое было достигнуто, что-то внутри Артура (а именно в душе) время от времени беспокоило – видимо, недобитая совесть или генетическая память: так и тянет на обеды в общественной столовке, волонтерство или просто в очереди постоять;

порой пробивает жалость к клубным штучкам на шпильках, что ищут подходящий член с деньгами, да к пацанам, раздувающим пузо пивом или расширяющим зрачки наркотой. Неправильно все это, вещает большинство, дико, но он лично работает над тем, чтобы люди клевали на наживку, шли и платили, в том числе и в его личный карман. Он все равно жесток с подчиненными: угрожает, принуждает пахать через боль и отвращение. Минуты хандры он старается скрывать, ибо его могут не так понять, а потом и вовсе задвинуть. Слабость проходит, и он продолжает упиваться собственным величием и красотой. Однако нечто неведомое заставило его вытащить из эскорта Таню и поселить ее у себя дома, проникнуться к ней так, что скоро свадьба, в которую ни Олег, ни Лиза никак не могут поверить. Разве Артур, которого они знают, способен на такой шаг? Это только с виду он манерный и кажется нюней. На самом деле он бесчувственный и вероломный интриган, беспощадный руководитель, который не остановится ни перед какой подлостью. А тут любовь! Разве Артур ради успеха не закрыл на 100 замков соответствующий уголок души, считая, что проиграет, если поддастся чувствам. Да, теперь он на коне, но счастья, которое проникало бы в каждую клеточку организма, не наблюдается. Хотя он и достиг того, чего лелеял всю жизнь. Он пошел против себя и своей природы – свадьба. А что потом? Быт, дети, бессонные ночи, опала – вот он уже и забыл, как грести баблос лопатой, покупать брендовые шмотки и играть на стра-

стях и пороках толпы. Уход от багажа типичного россиянина вознес его – ему кажется, что он подпишет себе смертный приговор, если проникнется любовью к простым житейским радостям. Они же бесполезные, они отвлекают от цели... Но делают тебя человеком. А кто ты сейчас, Арчи? Человек или машина? Верен ли твой путь? Артур боялся себе признаться, что в нем есть слабые места, что он устал – следовательно, он не может быть влиятельным и успешным; следовательно, на его место придет кто-нибудь другой; следовательно, раз он больше не у дел, с учетом огромного багажа знаний его можно убрать. А ведь внутри он хочет простых человеческих радостей. Получается, что для него настоящая жизнь без интриг и криминала – это верная смерть.

Его выкинуло из думок обратно в пробку – на приборной панели загорелся индикатор нехватки бензина.

– Вот чего еще не хватало, – недовольно произнес Артур.

Пришлось перестраиваться из крайнего ряда, чтобы захватить на нужную заправку. Серый «Audi», видимо, из зависти пропускают неохотно. В итоге Артуру удалось пристроиться в очередь. За окном дует легкий ветерок, то и дело пролетают снежинки. Артуру не хочется покидать салон – на нем лишь серое пальтишко и зауженные брючки, шапкой и не пахнет. Впереди, завернувшись в теплые куртки и накинув капюшоны, трудятся заправщики.

– Ну и работенка, конечно. И в жару, и в стужу.

Через пару минут Арчи все же подобрался к колонке.

– Друг, – позвал заправщика Артур, открыв окно. – Накину тебе еще пятачку, если сбегаешь на кассу и за бензин заплатишь.

– Вам какой? – спросил по инерции заправщик, не слышав слов водителя.

Артур еще больше высунулся из машины и пристально взглянул на укутанного в брендованную телогрейку и вонючие рукавицы заправщика. Тот невысокого роста, худощавого телосложения. На черепе формы страусинового яйца нанизано вытянутое лицо, слегка усеянное щетиной, с выпуклым носом, впалыми щеками, уставшими карими глазами и пышными бровями. Из-под шапки набекрень виднеются черные короткие волосы с залысиной у лба.

– Леха? – удивился Артур.

– Артур? – узнал мажора на «Audi» заправщик.

– Глазам не верю. Леха! – Арчи выскочил из машины и распростер руки, чтобы обнять знакомого. – Мы же лет десять не виделись, братишка! Как ты? Что ты? Где ты? – неожиданная встреча с другом, с которым просидели за одной партой всю школу, мгновенно сдула у Артура хандру.

– Около того, – подсчитал в уме Алексей, смущенно отведив корешу, параллельно оглядываясь на шикарную тачку Артура и на свою грязную робу, которая к тому же продувается, а до конца смены еще далеко. – Надо же, увидел тебя и понял, как давно мы со школой попрощались. Не верится даже, – Леша старался не прикасаться к Артуру, боясь запач-

кать его, а тот так обрадовался встрече, что на первых порах и не заметил огромной разницы между ними.

– Думаешь, мне верится? Я просто в шоке. Как хорошо, что я тебя встретил. Как же мы умудрились потеряться, а? Как?!

– Сам не знаю, – Леша смутился ликованием Артура. – Но, я смотрю, за эти годы ты солидно поднялся.

– А ты... – Артур запнулся. Хотелось сказать «тоже», но это чудовищно неуместно, – давно тут работаешь? – выкрутился он.

– Недолго.

– Эй! – выкрикнул водила из машины позади «Audi». – Долго еще обниматься собираетесь?!

– Да погоди ты! – махнул в его сторону Арчи. – Леха, такую встречу надо отметить. Столько нужно обсудить с тобой.

– Но...

– Даже не спорь со мной.

– Я же на работе. У меня смена, – ответил заправщик.

– Не проблема. Где твоё начальство прячется?

– Там, – Лешу поразил напор старого друга.

– Принято, – Артур бодро направился в сторону мини-маркета при заправке. – Жди здесь, Леха! – нетерпеливый водитель в очереди побибикал. – В уши себе побибикай, сука! – выкрикнул Артурчик. Алексей же на возмущение автолюбителей лишь пожал плечами.

На кураже Арчи ворвался в помещение, бесцеремонно

обошел очередь на кассе и попросил кассира-оператора пригласить сюда главного. Девушка только хотела открыть рот, чтобы узнать причину, но Артур ее обогнал:

– Дорогуша, лучше не зли меня. Ты обязана позвать менеджера при первом же требовании и без лишних разговоров. Поэтому не трать мое время и исполни пожелание клиента.

Решительный тон Артура убедил девушку не припираться. Возмущаться стали уже в очереди к кассе, на что Артур не обращал никакого внимания. Вскоре в зал вышел одетый с иголочки менеджер – образцовый продавец пылесосов, подумал Артур. Он предложил начальнику отойти в сторонку.

– Что-то случилось? – деловито начал администратор.

– Давай без церемоний, друг, – сказал Артур. – У меня мало времени. Видишь вон того заправщика, Алексей который?

– Да. Он сделал что-то не так? Простите, он не так давно работает и...

– Постой, куда тебя понесло? Не нужно додумывать. Лучше скажи: сколько ему осталось до конца рабочего дня там торчать?

– Я не понимаю, с какой целью вы интересуетесь? У вас конкретная жалоба?

– Нет, я просто хочу украсть этого чувака и изнасиловать.

– Что, простите?

– Просто ответь на вопрос. Алексей – мой друг детства. Мы с ним не виделись целую вечность. Я хочу срочно с ним

поговорить и точно не на этой грязной заправке.

– Ему работать еще пять часов, – взглянул на наручные часы менеджер.

– Сколько?! На таком морозе?!

– Не переживайте. Предусмотрены перерывы.

– А вы, сдастся мне, в тепле целый день сидите?

– Не имеет значения.

– Тогда сделаем вот как. Сколько рублей из зарплаты ему осталось отработать до конца смены? Хотя нет, не так. Я тебе дам три тысячи, и ты отпускаешь его сегодня с работы, понял?

– Но я... Это...

– Не мои проблемы, начальник, – хрустящие купюры мигом нарисовались в руках Артура. – Хоть сам батрачить выходи.

– Я не могу просто так взять и отпустить сотрудника.

– А если у твоей матери случится инфаркт, ты, весь такой принципиальный, сам себя якобы не отпустишь с работы, да?!

– Сегодня пятница, самый разгар смены.

– Как изящно ты вымогаешь деньги, педрила. Пять тысяч. Я не видел кореша десять лет, мать твою!

– А вы точно...

– Ты хочешь знать, кто я? Меня зовут Артур, я правая рука Олега Валентиновича из клуба «Хамелеон». Знаешь такого?

Судя по лицу главного по заправке, он наслышан.

– По рукам?

Менеджер мялся с ответом, поглядывая на купюры.

– Что же ты за начальник такой, раз решение быстро принять не можешь?! Если я уйду отсюда расстроенным, то завтра твоя сраная заправка взлетит на воздух вместе с тобой. Несчастный случай, напишут в СМИ. Чего скажешь? Повторять не буду.

Кассир с нетерпением ждала окончания разговора. В итоге Артур пошел к выходу довольный, перекладывая деньги в клатче.

– Ах да, девушка, – Артур подошел к кассе, – будьте любезны: 98-й бензин до полного, третья колоночка. И... и... и... пачку вон тех презервативов. Они же XXL, верно? Спасибо, сдачи не надо. С наступающим!

Выйдя на улицу, Артур объявил Леше:

– Я договорился. На сегодня ты свободен. Думаю, и с отгулами у тебя тоже проблем не будет. А если вдруг задерживают зарплату или заставляют перерабатывать, звони мне.

– Ты знаком с менеджером?

– Нет, только сейчас познакомились. Милейший паренек.

– Что ты ему сказал? – с дрожью в голосе спросил заправщик.

– Тебя не должно волновать, что я ему сказал, Леха. А вот для него это были, пожалуй, самые важные слова в жизни, – Артур продемонстрировал свою белоснежную улыбку.

ку. – Ладно, вылезай из тряпья, и поехали посидим где-нибудь.

– Ну, я надеваю форму еще дома и еду в ней на работу.

– О, вот как? – не ожидал Артур, мигом оценив незавидные перспективы для кожаного салона «Audi». – Хорошо. Где же мы тогда сможем посидеть поблизости? Где ты обедаешь?

Алексей показал на стилизованный под американское бистро (с кавказским антуражем) вагончик рядом с заправкой и предложил пойти туда. Управляющий «Хамелеона» согласился, правда, в таких забегаловках не питался, кажется, с института. Невольно, пока парковал машину, Артур глядел на робкого Лешу, шагающего к кафешке и оттряхивающего ботинки перед входом. В Артуре разгорался интерес спросить друга обо всем.

Внутри обстановка более чем приемлемая: высокая стойка, небольшая раздача, столы на одной ножке, напоминающие грибы, столы пониже со стульями, а вдоль окон – столики с мягкими диванчиками. Туда и уселись Артур и Леша. Тут же принесли меню и протерли слегка засаленный стол, на который Арчи долго не решался поставить локти. Будто не в своей тарелке пребывал и Леха. Его товарищ, как образцовый актер, начал весело:

– Леха, ты чего как неродной? Классно же, что мы встретились, братуха!

– Как-то неловко получилось... с работой.

– Даже и думать о ней не смей. У нас с тобой дружеская встреча. Не парься.

– Но ты же куда-то ехал?

– Мои сотрудницы меня подождут, – произнес Артур. – Расслабься уже. Вон, выбери себе, чего хочешь. Я заплачу. И без возражений. Ух ты, 100 лет шашлыка нормального не ел. Хм, странно, а почему на винах и пиве не написано название – просто «Пиво»?

– Это лишнее.

– Что именно, шашлык или пиво? – изучал меню Артур.

– Нет, плата за еду.

– Леш, знаешь, тебе бы водочки заказать, чтобы ты перестал нудить и смущаться. Это же я, Артур. Не узнал?

– Я, наверно, еще не могу в себя прийти, что мы встретились вот так...

– А ты хотел бы искупать меня в снегу от радости? – изучив местный перечень алкоголя, Артур рискнул заказать просто чай, ибо от приема внутрь чего-либо другого может открыться язва (которой не было), ведь нутро от подобной выпивки отвыкло (хотя и подозрительный чай гарантий тоже не дает). – Ты только вспомни, как мы вместе зажигали.

– Ага, было время.

– Помнишь, как яблоки воровали, а потом их продавали на том же рынке? Подписи учителей с оценками подделывали. Натравливали местных гопников друг на друга, чтобы к нам не цеплялись. Как в ледовый мимо охраны проникали,

помнишь? А еще у старшаков «Москвич» угнали покататься. А кассеты... кассеты с порнухой до дыр затирали на отцовском видеке, а одну в нем зажевало, помнишь?!

– А что творилось, когда старше стали...

– Да-а. Бухали, траву курили. А девах-то как трахали, помнишь? Днями напролет.

– Ха-ха-ха, как кролики, реально.

– Четвертый десяток подобрался незаметно.

– Точно.

– Вот, Леха, ты и расслабился немного. А то хмурый сидишь – на себя не похож. Мы же столько с тобой прошли. Блин, десять лет. Столько всего произошло...

– Не то слово.

– Прямо охота выпить за встречу.

– Тут лучше не пить. Ты еще и за рулем.

– Ладно, но хоть пятаюню отбей, – Леша подставил кулак к кулаку Артура.

Заказанное подносили частями. Как бы Артур ни уговаривал друга, Леша заказал себе скромненько.

– Знаешь, – признался Арчи, – мне как раз не хватало такого человека, как ты, Леха. Чтоб вот все как на духу рассказать: что беспокоит, что наболело.

– А тебя еще что-то беспокоит? – удивился заправщик. – С виду и не скажешь.

– Хотел бы я посмотреть на человека, у которого нет проблем. Они же у всех есть.

– Но далеко не у всех достаточно средств, чтобы их решить.

– Ты тоже можешь выговориться, если хочешь. Я выслушаю.

– Я за прошедшие десять лет столько пережил, что научился к любым проблемам и трудностям относиться... философски, что ли – как к данности, которая закаляет.

– Что, так все просто?

– Зачем делать трагедию из обыденности – это мешает радоваться жизни, какой бы она ни была. Радоваться, что она у тебя есть.

– Мне б твой оптимизм, Леша. Не может быть, что тебя ничего не беспокоит.

– Может, что-то и беспокоит... немного. А может, и нет. Второсортное все это. Я не замечаю просто, ведь в жизни есть более важные дела.

– По-философски, ничего не скажешь.

– Знаешь, работает.

– Если я тебе расскажу, что меня гложет, ты научишь меня этого не замечать?

– Я очень удивлен, что у тебя вообще есть проблемы. И проблемы ли это? Суть – в понимании.

– Ха-ха, кажись, я понял, как это работает, – ухмыльнулся Артур. – Порой бывают дилеммы, которых не видно за безупречной оболочкой.

– Расскажи мне лучше, что нового?

– Ясно, продолжаем не замечать.

– Может, коль у нас не выходит начать откровенный разговор, я смогу как-то тебе помочь. Но для начала нужно разобраться. Вот кем ты работаешь?

– Моя глянцевая обложка сработала, да? – Артур тянул время, чтобы дать корректный ответ. – Я...

– Не хочешь – не говори.

– Нет, Лех, будет невежливо в первую очередь к тебе, если я промолчу.

– Конечно, ты же первый увидел мой позор, – покраснел заправщик.

– Я не говорил, что это позор – каждая работа что-нибудь да значит.

– К тому же она у меня не основная.

– Так, а разве есть еще?

– Да, семью же надо как-то кормить...

– Семью?!

– ...И детей поднимать.

– Детей?!

– Знатно тебя перекосило, – с улыбкой заметил Леша. – Да, Артурчик, у меня жена и трое детей.

– С ума сойти. Трое?!

– Да, – вздохнул Леша, – прямо как в сказке: два сыночка и лапочка-дочка.

– Мужик, Леха, мужик! Ты у нас уже заслуженный папаша, получается.

– Вроде того.

– Тяжело, наверное?

– А когда мы хорошо жили, Артур? Только если в школе, и то спорно, – собеседник ничего не ответил. – Жену сократили еще в начале кризиса. Мне урезали зарплату, чуть пенек под зад не получил. Пришлось устроиться на заправку дополнительно. Супруга дома с детьми и по хозяйству. Я пашу на двух работах целыми днями.

– Вот незадача, – призадумался Артур. – Надеюсь, вам хватает.

Леша ответил, что хватает еле-еле и назвал свою зарплату в месяц. Артур прикинул, что он зарабатывает столько же за полночи функционирования клуба «Хамелеон». Он даже тихонечко присвистнул от удивления. «И у этого парня нет проблем?» – подумал Арчи.

– Работать на заправке, чтобы обеспечивать семью – это не позор, – выдал Артур.

– Ладно тебе, парень в брендовом... всем. А ты как кормишь свою семью?

Случайный вопрос бил Артуру сразу в два больных места.

– Я управляющий клуба «Хамелеон».

– Да ладно? Того самого?

– Того самого.

– Здорово.

– Тебе так кажется.

– Наверняка это очень интересное занятие. Все, как ты и

мечтал. Состоялся, ничего не скажешь. М-да, с детства пред-
приимчивым был.

– Скорее, хитрожопым. Ты ведь так хотел сказать?

– Учти, не я это сказал. И девки к тебе тоже липли.

– Но сейчас у меня толком нет семьи.

– А девушка? Девушка-то есть?

– Ну как сказать... То есть, то нет. Там все сложно, в об-
щем. Я и сам толком не знаю.

– Получается, ты с кем-то встречаешься, живешь, спишь,
но не знаешь, как это назвать?

– Вот мы с тобой, кажись, и нашли первую проблему. Ты
сам ее сформулировал.

– Не припомню, чтобы ты прежде был таким чувствитель-
ным в любовных вопросах.

– А я не помню, чтобы ты доводил себя до бедственного
положения и так загонялся.

Алексей взглянул на Артура с укором:

– С чего ты взял, что я себя загнал?

– Просто ты мне поведал, что у тебя есть семья, дети, две
работы. Я бы уже подох давно.

– Вряд ли.

– Леш, а ты сам себя не обманываешь? – невольно шел
на обострение Артур, ибо хотел выведать, каково это иметь
то, чего недостает ему самому при достойном заработке и
прочих понтах.

– Нет. Никогда в жизни.

«А вот ты себя обманываешь», – подумал труженик Леша, глядя на буржуя Артура.

– Как у вас с женой в интимном плане?

– Она сильно устает – не особо часто хочет.

– Тебя не беспокоит этот момент, не выводит из себя? Ты же мужчина.

– Нет. Как только – так сразу. Может, будет один разок, но... смотря, какой он, этот разочек. Чаще всего он волшебный.

– Хочешь я прям сейчас организую тебе качественный трах с самой красивой девчонкой этого города, а?

– Спасибо, конечно, но к таким вещам я отношусь резко отрицательно.

Артур от разочарования откинулся на спинку дивана.

– Я тебя не узнаю, Леха. Ты обычно легок на подъем. Был.

– Прошло много лет, Артур. Кое-что поменялось. Я многое осознал. И сейчас я понимаю, чего ты добиваешься.

– Если ты хочешь сказать, что я завидую, то прости – ты промазал, – Арчи постарался выглядеть достойно, хотя очень сильно завидовал Лехе, причем сам не мог сформулировать, чему именно.

– Я расскажу тебе, как обхожу стороной те вещи, которые остальные называют проблемами. От которых вешаются, залезают в долги, сбегают, спиваются, идут на преступления. Ты же хочешь послушать?

– Я заинтригован. Что же это может быть? Секта? Рели-

гия? Наркота?

– Ха-ха, все гораздо проще, чем кажется.

Артур уселся поудобнее, чтобы сосредоточиться. Алексей заговорил:

– Знаешь, мне насрать на деньги, кризисы, работу, грязную форму. А постороннее мнение меня совершенно не интересует. От всего дерьма, конечно, никуда не денешься, но мне оно не по чем – я справлюсь, потому что несколько лет назад, кажется, понял, что счастлив.

– Чего? – не поверил ушам Артур.

– Да-да, Артурчик. Может, звучит примитивно, но так и есть. Когда пашешь на первой работе в тепле, но с говеным коллективом и требовательным начальником, а потом на морозе, вдыхая пары бензина и выхлопных газов с такими же оборванными мужиками и с шефом, который не терпит жалоб клиентов, хочется просто замертво упасть в канаве и сдохнуть. Но надо получить сокращенную донельзя зарплату в первой инстанции и еще одну копеечную здесь, доехать до дома на другом конце города, купить пожрать, оплатить счета, отложить излишки на ремонт, одежду, садик, школу, на скромный подарок жене и прочее. В итоге бюджет в дефиците, хата ипотечная, а тачка, на которой можно таксовать ночью, отдала богу душу еще осенью. Но когда ты наконец переступаешь родной порог небогатой, но уютной квартиры, то понимаешь, что в твоей жизни все не так уж и плохо. Ты жив и здоров, а завтра будет новый день, который обязатель-

но даст тебе шанс, надежду. Дома тебя встречает верная и любящая жена, которая очень устала за день, но продолжает чем-то заниматься по дому, поддерживая семейный очаг. К тебе подбегают сыновья: старшенький без остановки твердит о школе, а младшенький не выпускает из рук любимую игрушечную машинку. И все здоровы, улыбаются, познают мир – куда же им до взрослых и их проблем? Мы ведь живем с супругой ради них. А в комнате, в колыбельке, лежит моя младшенькая дочка – я очень люблю глазеть на нее, когда она спит: наверное, ей снятся сны, маленькие ручки и ножки легонечко дергаются. А если она не спит, я беру ее на руки, прижимаю к себе, говорю с ней, играюсь, качаю, а она улыбается, агукает, глаз с меня не сводит. Потом мы садимся ужинать – все вместе, за общим столом – чем бог послал. Стараемся экономить, но жена – не знаю как – умудряется сварганить много, вкусно и сытно. За столом обсуждаем день, строим планы, совместно принимаем решения. Вместе со стола убираем, потом занимаемся с детьми: домашнее задание у первого, просто игры у второго – в одиночестве никто не остается. Можно и телевизор глянуть, а лучше куда-нибудь сходить, что-нибудь почитать или просто полениться. А потом спать – завтра рано вставать на работу, нужно успеть восстановиться. Я работаю много, чтобы мои близкие не считали себя в чем-то ущемленными. Мы затянули пояса. И осознание того, что мои родные нуждаются во мне, избавляет от усталости, боли, депрессии. Я, когда вижу

жену и детей, забываю обо всем и невольно улыбаюсь – силы сами собой приливают. Хочется жить и бороться дальше. Опускать руки для меня – непозволительная роскошь. Чему научатся мои дети, если у них будет все, чего они хотят – ничему полезному, я думаю. Моя семья движет моим сердцем. И я живу, а не существую, даже если кто-то считает это небылицей. Я счастье обрел, Артур. Оно в семье, в детях, в доме. Может, где-то я несильно преуспел, но точно нашел то, что ищут все – оно прямо под носом.

– Хм, как же до банальности просто, – прошептал Артур, понимая, что он катастрофически далеко от обыкновенного счастья, хотя с виду несчастлив и беден как раз Леша. А у Артура есть все, о чем только можно мечтать, но одновременно нет ничего. Своими поступками он только отдаляется от истинной цели своего существования – обрести счастье. От осознания сего факта Артуру стало невмоготу.

– А чего добился ты? Расскажи, – попросил Алексей.

– Хорошо. Но сначала уточню: правильно ли я понял, что обретение счастья – это твой смысл жизни? Просто мой жизненный путь доказал мне, что в жизни вообще нет никакого смысла. А все остальные просто боятся себе в этом признаться. Поэтому не имеет значения, что ты делаешь и какие цели себе ставишь.

– Смысл есть во всем. Иначе нельзя ничего добиться, ведь, по сути, делать что-либо абсолютно незачем.

– Либо я просто плохой человек.

– Все мы не без греха.

– Сомневаюсь, что ты делал то, что делаю я. Ты же прям святой, Лешка!

– Кажется, десять лет назад мы с тобой пошли разными дорожками, – с сожалением констатировал Алексей, примечая, как смотрит на него Артур. – Смысл и его отсутствие нас и разделили.

– Определенно, – Артур не знал, чем именно огорошить Лешу из своего огромного перечня злодеяний. – Знал бы ты, что такое «Хамелеон», Лешка. Это филиал ада на земле. И я в нем Люцифер. Делаю все, чтобы обольщать грешников, и одновременно создаю условия, чтобы они за эти грехи заплатились. Я поставил на конвейер шантаж, угрозы и интриги – ко мне обращаются все, кто озлоблен и обижен, кто хочет поиметь денег... или поиметь кого-то. Мотивация заказчиков мне безразлична. Мне платят – я изобретаю ловушки. Гениальные планы обмана – мой конек. Но больше всего я обожаю, когда девчонки, которым нечем заняться либо у которых просто нет выхода, готовы унижаться и эксплуатировать самое дорогое, что у них есть – невинность. И кто рождается у таких? Если рождается... Мне нравится, когда они ошибочно считают, что управляют мужчиной, насаживаясь на его член. А потом их унижают, бьют, насилуют. Такие бабы имеют сущие копейки. Мне же капают десятки, сотни тысяч за их безалаберность и тупость. А еще за безотказных девушек, за шантаж бизнесмена-семьянина, который по одно-

му моему щелчку может лишиться всего, за реки алкоголя, которые потребляют гости клуба: от школьников до похотливых стариков с похоронными деньгами в карманах. О каком смысле жизни ты толкуешь, если все мои клиенты только и делают, что хотят ее уничтожить?! И все это организовал я. И все работает, не останавливается. Своих врагов мы убираем, быстро и беспощадно – даже пикнуть не успевают, как получают пулю, отправляются в черный мешок или превращаются в фарш в своей же тачке под гигантским прессом. Кровь... Сколько крови на моих руках... Крови и слез тех, кому я оказал услугу – сущее зло, которое они взяли себе на душу и за которое заплатились... А еще, Леха, я торгую наркотой, пара-тройка доз которой, если загнать ее нарикам, школьникам, студентам, мажорам, может закрыть все твои долги раз и навсегда. А ведь ты будешь обслуживать их до конца своей жизни, горбатиться на какого-то там толстосума-банкира. Но зато с улыбкой во все табло, потому что ты, блять, счастлив!

– Пожалуй, мне лучше забыть все, что ты здесь сказал, верно? – исповедь друга до глубины души поразила Лешу.

– Как тебе угодно, – махнул рукой Арчи.

– Ты не пробовал завязать с этим дерьмом?

– Судя по всему, вот он – мой смысл жизни, – помрачнел Артур.

– Такой смысл не приведет ни к чему хорошему.

– Кто тебе сказал, что твой путь приведет к чему-то хоро-

шему?

– Зачем мне говорить, если я и так знаю, что приведет.

– Ты знаешь наверняка? В будущее заглядывал?

– Нет, просто у меня уже есть то, чего я хотел – я вижу и чувствую это... Тебе бы хоть немного ощутить то же самое.

«Я почувствую что-то, если прямо здесь придушу тебя, счастливец!» – в Артуре кипела неистовая ярость – он знал, что Леха обладает несколько другим богатством, нежели он сам. Арчи ощущал себя неполноценным – это обидно и неприятно.

– Леха, поехали со мной в клуб бухать?

– Не могу, Артур. Я лучше вернусь на работу.

– Сегодня можешь не возвращаться – я договорился с твоим начальником.

– Я извинюсь перед ним и доработаю смену.

– Для чего?! Ты же можешь провести один вечерок в свое удовольствие. Я всем тебя обеспечу. Чего твоей душе угодно.

– Мне это не нужно.

– Всем это нужно!

– Тогда я лучше пойду домой, к семье.

– Что же ты заладил? Дом, семья! Ты специально меня травмишь?! – Артур зверел. При этом в его глазах, помимо бешенства, виднелись слезы. – Хотя валяй! Почему бы тебе не поехать и не трахнуть наконец свою жену? Уверен, что она давно завела себе любовника, с которым кувыркается, пока ты батрачишь день и ночь. Он еще и подарочки детям

дарит, какие папа купить не может. Из твоих отпрысков в таких условиях не выйдет ничего дельного – они только смеют тебя на твоей никчемной работе!

– Зря ты так.

– Я ни при чем. Это жизнь такая.

– Я, пожалуй, пойду, Артур, – Леша чуть не прописал бывшему однокласснику в торец.

– Признайся, ты же лицемер! Все же не так радужно, как ты говоришь. Ты все придумал. Ты одержим.

– Одержим как раз ты, друг. Взгляни на свою жизнь по-другому. Задумайся, для чего тебе все это? Может, ты всегда заблуждался? Куча бабок и иномарка не сделают тебя счастливым.

– Я могу дать тебе денег. Хочешь? Они точно облегчат твои трудности.

– Свои грехи так не смоешь. И подачек я не беру.

– Упертый, как и в школе. От меня не убудет. Возьми.

– Нет, не возьму, – вскочил Леша, чтобы уйти.

– Какой же ты идеальный! Прямо тошно!

– Искупи свои грехи, Артур, пока не поздно. И пойми уже, что ты...

– Иди ты к черту!

– Я уже рядом с ним. И теперь ухожу. Бывай, друг. Надеюсь, ты разберешься.

Арчи не мог вынести нахлынувшей обиды. Вся жизнь, весь путь к звездам ничего особо и не значат, получается? У

парня раскалывается голова. Встреча с давним другом дала понять, насколько он заблуждается.

Отпустив Таню Строймилову в никуда, он лишил себя шанса на простое человеческое счастье – не поддельное, не покупное, а настоящее, вечное. Без него он не обретет успокоения – боль продолжит терзать его.

Кто-то трясет его за плечи.

Пахнет шампанским и женскими духами. Всюду, будто изумруды, сверкают осколки от бутылки. Без устали орет музыка – аж в ушах звенит. Темные силуэты, парящие в ярком лазерном шоу, то и дело проплывают рядом. На плечи и рукава пиджака как будто варенье капает – невкусное, с железным привкусом.

Только бутылка, опущенная на голову Артуру, заставила его посмотреть на эту жизнь иначе. Подумать о вечном, пока еще не поздно.

Пятница, 9 декабря 2011 года, кафе у заправки на автодороге «Меридиан».

– Я не понимаю, – недоумевал тучный кавказец, сидящий на мягком диване у окна. – Объясните еще раз.

– Тигран Хасанович, образована межведомственная комиссия для обследования земельного участка, который ныне занимает ваше предприятие. Поступают жалобы.

– Что изменилось, ответьте мне?! Они и до этого посту-

пали. Мы их с вами отлично обрабатывали, – подмигнул чиновнику Тигран.

– На этот раз все сложнее, – сдержанно вещал Валерий Бережной. – Землей заинтересовалась одна крупная компания, чтобы в перспективе разместить на ней свое производство. Место подходящее. Для города нужны инвестиции, налоги и рабочие места. Одно лишь «но» – на этом участке вы.

– Я уже много лет плачу городу арендную плату и сверх того плачу вам лично.

– Потише говорите.

– Плачу вам лично, – понизил тон хозяин скупки. – А вы так со мной поступаете?

– Ничего не могу поделать, – развел руками Бережной, – у меня практически связаны руки.

– Когда вы тут жрали тортик, то орудовали двумя руками совершенно свободно, – возмутился Тигран.

– То, что я с вами встречаюсь вне протокола, уже не по закону. Это моя личная инициатива – только из уважения к вам. Проявите уважение и вы. Либо я сейчас уйду, и уже завтра на вашем участке обнаружат трупы...

– Извиняюсь.

– У инвесторов большие завязки наверху – с меня требуют решить вопрос с вашим предприятием.

– Произвол! Так бизнес даже в 90-х не ущемляли! Хорошо. Я готов выкупить участок в собственность.

– Не получится. Состоится аукцион – вы не дадите больше

тех, кто желает вашу землю.

– Кто вам такое сказал?

– Ваши скромные налоговые декларации. Все мы знаем, что ваше рыльце в пушку – многие давно хотят вас прикрыть. И старых связей вам будет недостаточно: ваши дружки все как один давно пенсионеры и ничего не решают.

– На чьей вы стороне?

– Пока на вашей. Но есть одно «но».

– Что вы мне нокаете постоянно? Я что, лошадь?!

– Напоминаю, что я могу встать и уйти, – мужчина в деловом костюме самообладания не терял.

– Извиняюсь.

– Есть другой похожий участок. Оба практически идентичны и различаются по незначительным параметрам.

– Интересно. И что дальше?

– Мы можем предложить инвесторам тот участок вместо вашего.

– Что же мешает сделать это прямо сейчас?

– Ваша подмоченная репутация, дорогой друг. Видите ли, ваши недоброжелатели – назовем их так – настояли на создании комиссии, чтобы...

– Засудить меня?! И вы пришли сюда, чтобы мне об этом сказать?!

– Меня пригласили для того, чтобы в комиссии были и независимые эксперты. И для вас очень хорошо, что этот эксперт я.

– Пока дело дрянь.

– Из любого положения можно найти выход. Если комиссия создана, она при обследовании может найти на территории участка некоторые изъяны и заковырки, вменить вам их исправить и предложить промышленникам другой участок, а вы останетесь при своем. У них явно поджимают сроки, поэтому они согласятся на второй вариант, где изъянов не будет. Это лучше, чем ждать, пока вы разродитесь все исправить, закрыться и убрать за собой горы мусора. А дальше нужно будет инициировать еще одну комиссию, чтобы она установила факт выполнения требований первой комиссии. А свой хлам вы и за 50 лет не разгребете. Но...

– Что «но»?! – терял терпение Тигран.

– Комиссия может счесть, что недостатков нет. Я не скажу своего слова о втором участке, а вы будете стоять до конца. Тогда на вас беспрепятственно натравят органы, придет аудит, прочие проверки. Вся ваша черная касса вскрыется, и вам крышка.

– Надо отпугнуть хапуг от моего бизнеса и моего участка, – прорычал Тигран.

– Не просто отпугнуть, а оформить как можно больше изъянов официальным решением комиссии. Люди там собираются адекватные. Они понимают, что без вас на участке будет куда лучше. Все обычно занимают сторону инвестора. Но...

– Пожалуйста, давайте ближе к делу.

– Комиссия может принять решение и в вашу пользу – дать вам и дальше барахтаться в вашем жестяном дерьме.

– Что для этого нужно?

– Вы прекрасно знаете ответ на этот вопрос, – фронт из мэрии достал из портфеля красивую шариковую ручку, черкнул некоторое число на салфетке и показал ее Тиграну, который тяжело вздохнул и растерянно глянул на собеседника, нервно потирая пальцы рук.

– А если я не смогу найти... там много?

– На данный момент это и есть стоимость вашего бизнеса. Цена его существования. Неофициальная, конечно. Если вы хотите его потерять, то все пройдет быстро и без проволочек – органы повыше и посильнее в момент вас прикроют, и уже через год на вашем месте будут открывать новый современный завод. А вас еще и посадят.

– Как же так?

– Представили? А теперь решайте. В моих руках повернуть комиссию в нужном направлении: что найдет, то и напишет.

– Что-то у меня барашек не тем горлом пошел. Извиняюсь. Я отойду в туалет, – спрыгнул с нагретого места Тигран.

– Думайте скорее. Мне пора ехать по делам, – недовольно кинул вслед Тиграну Бережной.

Хозяин скупки вприпрыжку забежал в тесную уборную, закрыл хлипкую дверь и принялся набирать номер телефона.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Это Тигран. Да, он

вышел на меня. Вымогает взятку.

– Сколько? – спросил уверенным голосом полковник Меркурьев.

Тигран назвал сумму.

– Как-то невероятно много для него.

– Там межвед.

– Тогда все с ними ясно. Где ты находишься?

– В кафешке на «Меридиане».

– Разговор записал?

– Не успел.

– Почему?

– Когда я пришел, он уже сидел в обозначенном месте.

Телефон бы его смутил.

– Плохо. Как в школе опаздывал, так и здесь обоссался!

– Но я сел под камерой.

– Мало толку от размытого изображения без слов. Ты же прекрасно знаешь, как я хочу прижучить этого козла и тыкнуть солидным делом прямо главе в лицо.

– Конечно, я в курсе, – озирался на дверь Тигран.

– Так если ты в курсе, чего тогда портишь дело?

– Испорчу дело, если буду сидеть на толчке целый час.

– В общем, слушай внимательно: сейчас идешь к нему и на все соглашаешься. Пусть скажет дату обследования участка.

О нем же идет речь? Тогда-то мы всех и возьмем с личным. При передаче.

– То есть я должен буду передать ему взятку на своей тер-

ритории?

– Отличное место – без лишних глаз. Мы там установим наблюдение и оцепим все предварительно. Не уйдет.

– А если...

– Ладно, скажешь, что и где. Бывай!

– Пойдите, Виктор Борисович! А где я деньги возьму?

– Чего?

– Деньги.

– У тебя же их полно! Ха-ха, шучу. У меня целый склад меченых. Всю сумму привезут мои люди. Твое дело заманить и передать. А дальше мы всех мордой в пол.

– Тогда меня точно закроют.

– Слушай, никто тебя не закрое. Ты же говоришь с человеком, который решает подобные вопросы. Пешки из администрации не смогут такое провернуть. У них понтов больно много.

– Но там какая-то большая компания. Инвестор, – заскулил Тигран.

– Старая песня о главном! Ты под моей защитой, понял? Только не спались. Мы с тобой еще многих коррупционеров поймаем. А теперь возвращайся.

– Передать от вас привет?

– Ты совсем сдурел, идиот?!

Тигран с испугу чуть не утопил телефон в ржавом толчке. Спустив воду для вида, хозяин металлобазы вернулся в обеденный зал кафе. Однозначно, у Тиграна сегодня передози-

ровка общения с коррупционерами различных мастей.

Удовлетворенный согласием Тиграна Валерий Бережной вышел из замшелого бистро. Нашел же кавказец место для встречи, хотя в ресторан, куда обычно ездит обедать чиновник, Тиграна точно не пустят.

В кармане пальто завибрировал телефон. На экране светилось: «*Артур Хамелеон*».

– Приветствую вас, Артур Тимурович! Ну, что вы мне скажете?

– Я согласен, – буркнул в трубку Артур.

– Уточните, на что именно? – Валерий усаживался в свой «Мерседес».

– Я готов платить вам больше, чем Олег, – сухо объявил Артур.

– Замечательно.

– Еще бы вас это не радовало.

– Есть одна важная деталь: придется платить не больше, а вдвое больше.

– С какой стати?

– Понимаете, Артур, ваш шеф – очень могущественный человек. Чтобы его скинуть, мне понадобятся серьезные ресурсы и серьезные доводы, чтобы эти ресурсы использовать. Я прошу об услуге определенных людей в органах, которые готовы содействовать – естественно, не за бесплатно.

– Постоянно у вас находятся причины завысить цену.

– Артур, если предложенные условия неподъемны для

вас, то все останется как прежде. Мы все будем сотрудничать с Олегом, а вы продолжите перед ним пресмыкаться и не вылезать из своего борделя. Если вас это устраивает и платы не будет, то разговор окончен.

– А может...

– Предлагайте своих сифозных телок каким-нибудь прыщавым школотронам! Сделка отменяется, – отрезал Бережной.

– Подождите. Будут вам деньги.

– Вот и чудно. Давайте отныне и впредь так не поступать друг с другом. Мы же деловые люди.

– И куда вам столько бабла?

– Деньги здесь не главное, друг мой. В наше время истинную ценность обретают связи и информация. Цены нет тем, кто может сопоставлять определенную информацию с теми или иными событиями в городе, а также грамотно применять ее в решении проблем. Полезный навык. Но я позволил себе его осметить. Я рад, что мы договорились. Подготовка потребует некоторого времени. Поверьте, вашему шефу осталось недолго... Простите, Артур, мне звонят, – Бережной вырулил на заправку. – Да, господин мэр... Да, конечно, скоро буду у вас... Прошу прощения, – Бережной прикрыл микрофон телефона и сказал заправщику с бейджем «Алексей». – Голубчик, мне до полного.

История двадцать четвертая. «Преступление и наказание»

Ночь – чарующее и таинственное время суток.

Если вас мучает навязчивая мысль или утром планирует-ся важное событие, знайте – вы не будете нормально спать (если, конечно, вы не бесчувственный сухарь). Либо сделается так, как со мной – что-то просто разбудит вас посреди ночи. Просто так.

Я подскочил на кровати. Резко отдало болью в правом подреберье, но уже не так сильно, как вечером – явно хороший знак. В номере темно и прохладно; ненавязчиво гудит вентиляция, сквозь оконные щели проникает холодный воздух вперемешку с запахом курева. Степанчук храпит уже не так оглушительно, как прежде, когда я пролистывал дневник. Вот, кстати, и он – валяется открытый на моих коленках. Несколько листочков слегка помялись.

Я решил освободиться от одеяла – по ощущениям получилось мгновенное перемещение из Африки на Северный полюс. По дороге в сортир захотелось проверить, как там проживают мои подопечные. На дворе то самое время, когда все гарантированно спят – именно так и рассуждает человек, который не работает в ночную смену и не посещает всякого рода ночные клубы, бары, бани.

Сделав все дела в клозете, на двери которого не защелки-

вается засов, я побрел в соседнее крыло с надеждой в скором времени возвратиться под одеялко. Жаль, что к тому времени постель остынет. Как и ожидалось, всюду тихо и безлюдно; в коридоре горит несколько приглушенный свет, как и в центральном холле, а линолеум все так же издает щелкающие звуки под ногами. Дверь на лестницу, как и оговаривалось, заперта – я подергал ручку на всякий случай.

Заглядывать в широкие замочные скважины номеров я начал с конца коридора. В незанавешенных комнатах прекрасно просматриваются спальные места и постояльцы: «Спите, – я глядел на укутанных в одеяла либо, наоборот, раскрывшихся, распластавшихся на панцирных койках пацанов, – храпите, смотрите сны, пускайте слюни. А ведь кто-то, друзья мои, мнит вас мечтой всей своей жизни».

Я мысленно ставил галочки напротив фамилий игроков в командном списке. Все дрыхнут без задних ног, что не может не радовать. Однако, чем ближе я подходил к комнате постоянных возмутителей спокойствия в лице Митяева, Брандобреева, Кошкарского и Абдуллина, наметились некоторые расхождения. К примеру, в одном из номеров свободна кровать – на ней должен спать, кажется, Зеленцов. А внутри замка следующей двери и вовсе торчит ключ, поэтому заглянуть внутрь нереально. Подобные препятствия плодят скверные мысли.

Не успел я склониться перед очередным номером, как вставленный в предыдущую дверь ключ зашумел в замке. Я

замер, глядя в ту сторону. Со скрипом дверь отворилась – из темноты показался Вова Шабашкин, похожий на зомби: неопрятный, помятый и сонный. С его появлением по моему носу будто кулаком ударил резкий запах спиртного. «Начались в деревне танцы», – подумал я, преградив габаритному защитнику путь. Тот, видимо, грозного помощника тренера не признал, ибо улыбнулся и фамильярно похлопал меня по плечу.

– Здорова, братан, – выдал Шабашкин. Язык у него заплетался.

– Доброй ночи, Вова. Скажи мне, что происходит?

– Понимаешь, – покачиваясь на месте, секретничал он, – мы вечерком немного выпили, ну... расслабиться решили чутка... в общем, – Вова отодвинул меня к стеночке, чтобы проследовать в уборную, но внезапно остановился, оперся рукой об угол и повернулся в мою сторону. – Только тихо. Петьке не говори, лады? – попросил он и неуверенно зашаркал дальше, пытаясь развязать шнурки на шортах.

Я опешил от Вовкиного вида (от амбре особенно). Шабашкин тем временем тщетно толкал и бортовал всем своим телом дверь в туалет, будто она была хоккеистом другой команды. Притом та открывалась наружу, а не вовнутрь. Потянуть ручку на себя Вован не догадался – допился парень, что называется. Я наблюдал за ним из холла с открытым ртом. Неужели у меня на руках целых четыре звена таких кадров? Когда до Вовы наконец дошло, что попасть в комнату разду-

мий ему не суждено, он прислонился к раковине, оттопырил резинку шорт и оголил свое междуножное хозяйство, чтобы помочиться прямиком в умывальник. Невольно я отвернулся от такого срама.

Шабашкин от долгожданного облегчения аж голову запрокинул. Я же пытался сообразить, что предпринять: первой мыслью было побежать и разбудить Степанчука, однако данный вариант так себе, ибо крайним сделают меня – мол, не углядел, распустил (дилетант, короче). Дальнейшие рассуждения прервались звуком столкновения мешка с мясом и костями об коричневый кафель. Я обернулся. Черноволосый Вовка валялся на полу. Я кинулся к хоккеюге, натянул на него трусы с шортами, а также проверил, дышит ли он.

– Что ж вы натворили, придурки? – приговаривал я, когда волоком тащил Шабашкина по коридору. Сланцы, зацепившись за дверной порог, слетели, посему оголенные Вовкины пятки подняли на дыбы коврик в номере. Неимоверным усилием всех мышц тела я водрузил тяжелую часть Вовы на койку, напоследок кинув туда же его немытые ноги. Усевшись на край кровати, я легонечко пошлепал его по щекам. Тот вроде сморщился и что-то промычал – значит, жив и здоров, только ужрался в хлам. Надо бы пойти и воду в раковине открыть хоть на полминутки.

Пока возился с Шабашкиным, заметил в номере еще несколько деталей: странный беспорядок, объедки на всех более-менее ровных поверхностях, пустые бутылки от сока

и газировки, а также отсутствие на соседней постели Чибрикова.

– Вова, куча ты навозная, где Богдан? – я еще сильнее хлопнул Шабашкина по щеке. Ответа, впрочем, не прозвучало. – Дело пахнет керосином, – пройдя мимо остальных спящих, которых не смущает ни шорох, ни свет из коридора, я отворил дверцы шифоньера, в котором насчитал только три куртки вместо четырех. – Твою ж мать, сбежал, – чертыхнулся я. Хотя еще мельтешил вариант, что Богдан уснул где-нибудь в другом номере. У кого там было общее собрание?

Я направился к номеру Митяева и Ко. С каждым шагом в моей голове плодились версии – одна абсурднее другой, отчего волосы вставали дыбом, а глаза вываливались из орбит, сердце стучало, ушиб под повязкой принялся ныть. Если все произошло именно так, как я предполагал, то это грандиознейшее фиаско Петра Елизарова в истории – миссия, ради которой меня сюда взяли, с треском провалена.

Я встал столбом у заветной двери, слегка приоткрытой:

– Даже не закрыли, – будет полнейший атас, если внутри ни души.

Я осторожно просунул голову внутрь – все четыре кровати заняты крупными фигурами, укрытыми одеялами с головой и странно поджавшими ноги. Я выдохнул, однако пьяный Шабашкин все равно не давал покоя – не мог же он нажраться в одиночку? Чую, утром грядет серьезный разговор

и виновные получают по шапке. Как же спать после такого? Или это только цветочки?

Здесь явно что-то не так. Если и пресекать источник разложения и неповиновения, то на корню. Я смачно ударил по двери – ни одной складки на одеялах не дрогнуло. В следующие секунды я легкими движениями руки смахнул одеяла со всех кроватей. Прятавшиеся под ними сумки и баулы предстали передо мной во всей красе. Волна эмоций захлестнула меня так, что я стал ругаться матом, сбрасывая вещи на пол, срывая простыни с матрасов, раздавая пенки тумбочкам и избивая подушки.

Провал.

Их нет. Они сбежали. Ярости моей просто не было предела.

Усевшись на пол в компании одежды, баулов, ключек и постельного белья, я попытался обрести духовное равновесие, однако злость и волнение не позволили. Я намеревался изжить со свету беглецов, наказать их по всей строгости. Видимо, прав Степанчук: в последнее время я размяк, пустил ситуацию на самотек. Самое время возвращаться к истокам. Самое время сорваться, как никогда не срывался: без суда и следствия. Ибо такого акта непослушания я еще не видел.

Решил приберечь силы для встречи с дезертирами, которые явно решили продолжить банкет в городе. Ох, они поплачутся, даже если мне придется торчать в номере до самого утра.

В темноте я разыскал табурет и уселся на него в центре комнаты, взглядом просверливая дверь. Номер напоминал гнездовье бакланов – я не желал быть единственным бакланом в этих стенах, которого можно так легко и безнаказанно водить за нос.

От учащенного дыхания и выплеска эмоций на всем, что попадалось под руку, хотелось промочить горло. Я заметил бутылку на полу – холодный чай, судя по этикетке. Открыв крышку, я принялся жадно вливать в себя содержимое, которое внезапно обожгло мне рот и глотку так, как может проделать только крепкий алкоголь. Вместо чая в бутылке виски!

«Вот, значит, какой чаек вы лакали! Надеюсь, ребята, вы застраховали свои жизни, – злился я, сидя в темноте. На полу лежал ремень – видимо, от штанов Митяева. – Что же теперь будет? Спортсмены. Да еще и поддатые. В чужом городе. Они же натворят дел – таких, что не отмоются и будут жалеть. До первого мента. Или еще кого похуже», – переживал я.

Время шло. Вокруг ни шороха, ни стука. До тех пор, пока в холле не послышались шаги шестерых полуночников. Они всеми силами старались быть тихими и незаметными, но алкоголь в крови и ветер в голове не позволили. Пол скрипел под весом ежесекундно тяжелевших ног, желающих донести остальное, что выше пояса, до коек, дабы окунуться в такой сон, что с оркестром не разбудишь. Смешки и разговорчики слышались все явственнее.

Я очнулся. Вот-вот откроется дверь и в комнату залетят виновники моего ночного бодрствования. Я настроен встретить их подобающе. Схватив ремень, я поднялся с табуретки и прижался спиной к стенке прямо между шкафом и дверью. Негодники зайдут в номер и оставят меня позади, а там... Я пристроил ладонь к выключателю.

Со свистом распахнулась деревянная дверь, и гурьба хоккеистов в верхней одежде ввалилась в помещение, придерживая друг друга. Внимание возвращенцев приковал беспорядок.

– Что за поебота?! – произнес кто-то.

– Особо обидчивые отомстили. Хули ты хотел?

Я толкнул дверь. Она захлопнулась, потушив единственный источник света.

Абдуллин потянулся к выключателю – я вцепился пальцами в его запястье.

– Ай, бяя!!! – испугался он и машинально прописал хук по стенке в паре сантиметров от моей головы. Из темноты стенка ответила Артему разящим и обжигающим ударом по животу. То ли хлыстом, то ли ремнем. Голкипер взвыл и рухнул на руки к собутыльникам, которые не успели сообразить, что к чему.

Включившийся свет полоснул нарушителям режима по зрачкам. Напротив хоккеистов с воинственным видом и с ремнем наперевес стоял я. На лицах беглецов нарисовался удивленный испуг. Еще бы, их раскрыли.

– Зря вы вернулись, – злобно выщедил я. – Если ищете легкой смерти, то вам в окно! КАКОГО ХРЕНА????!! – вскричал я, вырубил свет и кинулся на квартет дезертиров, хаотично размахивая ремнем.

Кому прилетело по рукам, кому – по ногам, кому – по спине, по плечам, по попе. Все, не ориентируясь в темноте, стучались друг об друга, спотыкались об одеяла и одежду на полу, ударялись об шкафы, тумбочки, табуретку, прыгали на кровати, лишь бы не получить удар импровизированной плетью. Мой звериный оскал (вкупе с бешеными глазами) словно светился во мраке. Я представил себя вооружившимся лассо ковбоем, хлеставшим непослушных и строптивых лошадей.

– Ну что, твари, задрожали?! Думали, Петька не узнает?! – размахивал ремнем я, не желая мириться с мыслью, что меня перехитрили. – Меня напоить легче, чем из равновесия вывести. А вам удалось! – хоккеисты боязливо рассредоточились по комнате.

– Успокойся, псих! – крикнул Кошкарский – в сторону источника звука последовал удар ремнем – Степку шлепнуло по ногам так, что он чуть не шмякнулся на постель, на которой стоял.

– Предупреждали же вас! Одна такая выходка – коньки на гвоздь! А вы что сделали?! – кричал я, совершенно позабыв о конспирации – возня и возгласы могут привлечь ненужное внимание. – Доигрались?! Вас же вышвырнут из команды! –

я всматривался в лица каждого из игроков, пытаюсь отыскать хоть каплю сожаления и раскаяния. – Чем вы думали, когда сбежали?! Вы не только карьерой... вы жизнью своей рискуете.

– Хорош надрываться, придурок. Всю общагу перебудишь!

– Плевал я на всех! Ваши спят глубоким сном, ведь нажрались как свиньи! Отчего к вам, товарищи, еще больше вопросов. Вы не то что на хоккеистов... вы на людей непохожи! – продолжил агрессивировать я. – Да я вас... в унитаз спущу!

Пашка Брадобреев решил прикинуться, что ему поплохело – он театрально схватился за живот:

– Только не надо про унитаз! – он спрыгнул с кровати и направился к выходу, но я со всех сил огрел кудрявого по спине – тот споткнулся и распластался у порога. – Куда ты собрался?! Я никого не отпускал. Отвечай, бестолочь, где еще двое?! – я схватил Брадобреева за кофту.

– Откуда ты...

– Чибриков где, говори?! Зеленцов где?!

– Бречкин, – поправил меня Митяев.

– Бречкин?! По нему вообще тюряга плачет. Где они?! – в тот момент я был на таких шарнирах, что напоминал буйно помешанного.

– К себе пошли, – ответил Брадобреев, который боялся подниматься с пола.

– Чудно! – завладев ключами от номера возмутителей порядка, я объявил. – Я сейчас вернусь. Из номера носа не высовывать. Будем решать, что с вами делать.

– А в туалет? – уточнил Степа.

– В бутылку сходишь, Кошкарский. Благо их тут целое море.

Я скрылся в коридоре.

– Блять, что это было? – спросил Абдуллин, потирая костяшки пальцев после встречи со стенкой.

Остальные восприняли вопрос как риторический.

Богдан Чибриков уже успел скинуть с себя верхнюю одежду, передвигаясь по номеру на цыпочках. Он как на раскаленных углях подпрыгнул, когда я ворвался в помещение. Проныра знатно матюгнулся: пришли по его душу.

– Догадался, да? – разочарованно спросил Чибриков.

– А как же, – ответил я. – Не вы одни здесь умные.

– На чем мы спалились?

– Марш за мной. Объясню.

– Выбора у меня, похоже, нет, – Богдан покосился на ремень в моих руках.

– Ты догадлив. Прошу.

– Зачем вы меня разбудили? – сквозь сон вещал Малкин. – Мне снились бабы.

– Это видно, – заметил чуть приподнятое одеяло я. – Смотри, пистолет свой не сломай, – ввернул я напоследок, выводя Богдана из номера, словно заключенного из камеры.

Вскоре вся компашка собралась в дальней комнате. Пацаны, уставшие и понурые, расселись на кроватях. Я садиться не стал, а только зацепил руки в замок за спиной и вещал стоя:

– Дорогие мои, вам известно, который час? Учтите, это была самая длинная и бессонная ночь в моей жизни. Так что хорошенько подумайте, прежде чем отвечать на мои вопросы.

– Да мы... – начал Абдуллин.

– Не раздражай меня, Абдуллин. Лучше сядь, – жестом усадил голкипера я. – Как это понимать? Я вас что, развлекаться отпустил?

– Кто ты такой, чтобы... – начал Бречкин.

– Е-мое! У вас на носу ответственная игра, а вы угашенные как бичи! Нас же завтра всех четвертуют за это!

– Тебе-то что? – открыл рот Чибриков. – Это не твоя проблема.

– Ошибаешься, Чибриков.

– Петь, давай без нотаций, – Арсений всеми силами желал съехать с беседы, иначе всплывет уйма всего интересного, что заставило бы меня застрелиться на месте, прежде порубив остальных на куски. – Не очкуй так. С утра будем как новенькие.

– Будто на утро ваша синька исчезнет. Меня интересует сам факт...

– И не такое бывало. Будем в форме, – присоединился к

другу Пашка. – Одна же игра всего.

– Одна игра?! О чем ты говоришь?! В вашей жизни каждая игра должна быть важна, будто она последняя. С таким отношением профессионалом не станешь. Вот кто вы после этого?! – все молчали. – А в ответ тишина! Я так этого не оставлю... К гадалке не ходи, Митяев, это ты придумал.

– А почему сразу я?!

– Это задачка для первоклассника. Я чувствую, что вы многое от меня скрываете. А эти храпящие овощи в комнатах – это только вершина айсберга. Я жду объяснений, – в ответ вновь тишина. – Хорошо, сделаем по-другому. Сейчас все по очереди пройдут ко мне на кухню, и, если вы мне соворете, пеняйте на себя. В таком случае я с самого утра выложу все Степанчуку, и уже через секунду станут известны имена тех, для кого хоккей в Магнитогорске официально закончится.

– Дай лучше водички попить.

– А вон у вас чаек в бутылке. Или уже не хочется?

– И дружка своего тоже выдашь? – в лоб спросил Бречкин.

– Обязательно, – без колебаний ответил я, глядя на Митяева. – Наконец-таки учебой займется.

– Смотри, Арсен, не расколись, – произнес Бречкин и загадочно улыбнулся.

– Минуту вам на размышления, – объявил я и отправился на кухню.

– Что будет, если все ему рассказать? – озадачился Сте-

пан. – Все, что случилось.

– А если он сейчас подслушивает за дверью?

– Да что он сделает? У него нет никаких полномочий!

– Ты его не знаешь, – с задумчивым видом сказал Митяев.

– Не-е-т, нам об этой гниде известно все, – не согласился

Леха.

– Бля, никогда в жизни так не ждал утра. Самая темная ночь перед рассветом.

– Вряд ли нам полегчает с утра, Степа.

– Кто пойдет первым? – поставил вопрос ребром Богдан.

– Только не я, – отстранился Брэдобреев. – Врать я совсем не умею. Вот и тренируюсь постоянно.

Я зажег свет на кухне. Тишину в ней нарушал лишь гудящий светильник. Иногда к нему присоединялся тарахтящий, словно трактор, холодильник. Дробь отбивают капли, летящие время от времени из крана в ржавую раковину. За грязными стеклами деревянного окна с отлетевшей наполовину краской на рамах ничего кроме крошечной темноты. На веревке в углу висит чье-то белье. Кривые шкафы и допотопные плиты на ножках уныло глядели, как я подставил к общему столу две табуретки.

Первым на кухне объявился надменный Леша Бречкин. Он, не спуская с меня глаз, уселся напротив. Видимо, считает, что я должен бояться его после инцидента на раскатке. Я вертел коробок спичек в левой руке.

– Не мог бы ты убрать эту мину со своего лица? – начал

я. – Меня поражает твоя наглость, Бречкин. Хоть бы толику смущения изобразил.

– А то что? Подождешь меня? Как твой бок, кстати?

– Немного побаливает. Но уже лучше.

– Если будешь перегибать палку, я ударю тебя так, что раскрошишься.

– В твоих же интересах мне все рассказать.

– У нас с тобой нет общих интересов.

– Неправда. А как же хоккей?

– Тебе здесь нет места, неужели ты не догоняешь? Ты у нас проездом. Если ты думаешь, что ты здесь бог и все решаешь, то хуй там плавал!

– Может, я хочу помочь вам? Помочь лично тебе?

– Не-е-е-т, мы в помощи поехавших ботанов не нуждаемся. Ты больше себе помогаешь: тебя греет карт-бланш, который тебе выдали, но он всего лишь фикция. Сам по себе ты чмошник и задрот. Тебя просто-напросто используют.

– У меня несколько другое видение ситуации.

– Да что ты?

– Да-да, мы ведь оба хотим остаться в хоккее, так?

– Мне ничего не грозит. Я не остановлюсь, пока не выкину тебя из команды. И плевать на Митяева, который тебя защищает.

– Вспомни, Леша, сколько щекотливых ситуаций с вашим участием благополучно разрешалось благодаря моим решениям.

– Больше помню, что по твоей вине Вольский теперь на трибуне.

– Он сам виноват. Повел себя самонадеянно.

– Неужели?

– А ты так ведешь себя постоянно.

– Учишь меня жизни?

– Нет, предостерегаю. Пойми, сейчас очень опасная ситуация. Я могу ничего не делать, отпустить тебя восвояси, взять попкорн и наслаждаться представлением. Вернее, его тяжелыми последствиями.

– Валяй, кто ж не дает?

– Чутье.

– Не смей меня.

– Вы послушались тренера. Рано или поздно он об этом узнает. А благодаря твоим усилиям меня здесь не будет – я не смогу повлиять на ситуацию заочно.

– Хм, мы не много потеряем.

– Нет, ты не понимаешь. Я лишь хочу, чтобы ты мне поведал, что вы учудили. И вместе мы сделаем так, что ни одна живая душа в хоккейной школе об этом не прознает.

– Поздно ты решил сделаться своим, Елизаров.

– Я всегда им был.

– Вмазать бы тебе.

– Валяй. Но представь сначала, что бывает за нарушение режима и пьянку.

– Пожурят и все.

– Ни в этот раз, Леша. Будут кадровые решения. Своим уходом ты здорово поможешь местным бездарям. На следующую стадию и без того пройдут не все, сам понимаешь. А дисциплина – это показатель надежности человека. Скажи, у вас ведь не только пьянка была, да?

– Пошел ты! – сложил руки на груди Бречкин.

– Думал ли ты когда-нибудь, что будешь делать, если хоккей уйдет из твоей жизни?

– Не пропаду. Есть вариант найти девчонку с богатыми предками и поебывать ее периодически.

– Хм, нестандартно для тебя.

– Половина Рублевки так живет.

– Знаешь, Бречкин, мне видится иной сценарий. Ты у нас хоккеист силовой – в твоих подкорках привычка каждый день выходить на лед и пахать, людей месить, голы забивать и с размахом победы праздновать. Целая зависимость. А в один момент все перечисленное возьмет и попросту исчезнет. Что тогда ты будешь делать? – что-то подобное промелькнуло в голове у Бречкина, когда в «Хамелеоне» на него направили пистолет. – Ты толком не учишься, интереса к знаниям не проявляешь. Ты продолжишь людей месить. И начнешь с собственной жены. Она не сможет долго тебя сдерживать. И бокс тебе не поможет. Кулаки в итоге тебя доведут: сначала до личика супруги, потом до условки, затем до бутылки, а там и уголовка. И будешь ты пахать на шпингалетном заводе при колонии. Может, тебя и тюремная пси-

хушка дождется.

– Психушка как раз по тебе плачет.

– Только после тебя, Алексей, – я достал спичку из коробка. – Сотрудничать будешь?

– Ты несешь ахинею, Елизаров!

– Тебе ли не знать, что разрушенные по глупости судьбы хоккеистов – это не сказки, а практика.

– Мне это не грозит.

– Уверен? Я забыл упомянуть твой скверный характер, непризнание авторитетов, маниакальная...

– Неплохо ты нас изучил за два месяца.

– Я и не на такое способен. Все для вашего же блага.

– Нет, все это лишь иллюзии для твоей надобности, чтоб не ощущать себя никчемной сутулой ерундой. Твоя общественная работа кончится быстрее моей блистательной карьеры.

– Твоя карьера будет не дольше моей, – я чиркнул спичкой. Зажегся оранжевый огонек. – Знаешь, почему постоянно прошу всех вас смотреть мне прямо в глаза? Потому что только в них правда, – я поднял руку со спичкой на уровень глаз – как раз между мной и Бречкиным. – Смотри на огонь и отвечай: где вы были?

– Воздухом выходили подышать.

– На огонь смотри, – я не спускал взгляда с безразличных Лешиних глаз, пытаюсь заглянуть в душу тафгаю и разгадать, во что вляпались хоккеисты. – Где вы были и что делали?

– Я тебе уже сказал, – его спокойствие выводит меня из равновесия.

– Ты врешь, а я хочу правду, – пламя на спичке медленно пожирает древесину. – Что у вас там стряслось?

– Ничего!

– Врешь, партизан! Почему вы ослушались тренера? Это как-то связано с пацаном, который приходил?

Бречкин дунул на спичку – огонь погас.

– Надоело мне!

– Ты пил.

– Нет.

– То, что это вранье, я и без спички чувствую.

– Прекращай уже свои нелепые игры, – Бречкин собрался уходить.

– Позови следующего.

– Надеюсь, тебе сломают нос, – Леша исчез в коридоре.

Пацанам Бречкин заявил, что «доминировал в разговоре и не позволил очкарику ничего разузнать», а также рекомендовал всем «ровняться на лидера». Правда, остальные, впечатленные пережитыми событиями, прекрасно понимали: произошедшее просто так от них не отлипнет.

Довольный Бречкин потянулся и похлопал себя любимого по груди. И тут его сердце замерло. Семейный медальон исчез. Тафгай с выпученными глазами вылетел из номера и побежал к себе. Заперто. Неча принялся изо всех сил барабанить в дверь. Вскоре ему открыл заспанный Богатырев. Леха

отодвинул Серегу и в прыжке подлетел к своей кровати.

– Вернулись? – успел спросить Богатырев.

Вместо ответа Алексей принялся переворачивать свои вещи в темноте, причем так, что не сразу заметил Глыбу, который спал на Лешиной кровати.

– Серега, епрст, что здесь этот истукан забыл?! Пусть съезжает отсюда!

Богатырев уже перешел в горизонт и не ответил, видимо, силясь вспомнить.

Леша сильно разозлился оттого, что так и не нашел семейную ценность. Сразу же вспомнилось, что он сегодня поведал о ней Арсению.

– Да, Арсен, это подло, – прошептал Леша.

– Чего?

– Мне-то где спать, Серега?

– Могу предположить, что лежак Никитоса свободен.

– Ясно. Но сначала одно дельце, – Бречкин желал поговорить с Арсом по душам, предполагая, что пропажа медальона – что-то вроде мести за вечерний плевок в лицо.

Не успел Леха выйти из комнаты, как разглядел на койке у двери спящего с разинутой пастью Филиппова, связанного ремнями по рукам и ногам.

– Серега, – недоумевал Бречкин, – а что тут делает этот нытик?

– Леха, – не отрываясь от подушки, ответил Богатырев, – я не в курсе, так что даже не спрашивай. Вали спать.

– Пойду, только сначала сломаю позвоночник одному скоту.

– Удачи, – Сергей не расслышал, что именно произнес Бреча.

Чуть ранее на кухню зашел мой одноклассник Арсений Митяев. Я предположил, что сейчас разговор станет более конструктивным, нежели с Бречкиным. Арс так же уселся напротив меня.

– Я тебя внимательно слушаю, Арсений. Что случилось?

– Петь, ничего особенного.

– Вы там все сговорились?!

– С чего ты взял?

– Врать – это искусство, которым вы не владеете. Поэтому я спрашиваю тебя вторично... Думаете, я ваше бегство просто так оставлю?

– Просто смирись, Петь. Тебе незачем в это лезть.

– А вам, значит, все дозволено, да?!

– Я спать хочу, старый. Завтра игра. Если я буду плох на льду, то скажу Николаевичу, что ты разбудил нас посреди ночи и устроил бессмысленный допрос.

– Даже не вздумай.

– Что, страшно стало?

– Нет, я-то найду аргументы. Я... я тут во все вникаю, ясно? Ох, Арсен, расскажи мне все, а? По-братски.

– Как ты не поймешь, братиша... Не было ничего.

– Ничего не было, говоришь? – тогда я решил предполо-

жить. – А баня?!

– Какая еще баня?

– Обыкновенная, русская, Сеня. Чего ж ты тогда свой крестик-то снял?

Форвард прикоснулся к груди и изменился в лице – креста и золотой цепочки, всегда и везде его сопровождающих, на месте не было.

– Чего язык проглотил? Ответить нечем?

Митяев взглянул на меня виновато-растерянными глазами. Я вновь задал вопрос – спокойно и без наезда:

– Что стряслось, Арс? Вы натворили глупостей?

– Да.

Я стукнул ладонями по столу так, что вся утварь на нем подпрыгнула.

Этого я и боялся.

– Приехали!!! – соскочил с табуретки я.

– Мы угнали машину, – робко продолжил Митяев.

– Что?! – повернулся к другу я.

– Мы угнали машину, – отчетливей проговорил 17-й номер.

– Что, я не ослышался?! – меня всего затрясло. – Я думал, вы просто бухали в клубе... или в бане...

– В клубе мы тоже побывали. Но с машиной я ни при чем.

– А кто при чем?! Что еще произошло?!

– Успокойся.

– Ты понимаешь, что, если все вскрыется, вам всем ко-

нец? – взялся за голову я.

Не успел я закончить фразу, как на плечи Арсения упали жилистые руки Бречкина. Арсен толком ничего не успел понять, как его рывком столкнули с табуретки. Митяев рухнул на пол. На него всей массой навалился красный, как помидор, Бреча. Тафгай принялся трясти Сеню, чуть ли не отрывая куски мяса с груди противника:

– Медальон! Где мой медальон, сука?!

– Остынь, Леха!

– А ну-ка оба прекратили! – я набросился на Лешу, но отодвинуть его от Арсена так же сложно, как поднять бетонную балку голыми руками. Спина Бречкина напоминает черепаший панцирь – трудно его пробить. Мне досталось локтем по больному боку, поэтому я отцепился от агрессора, корчась от боли.

– Куда ты его дел?!

– Нет у меня твоего медальона! – пытался объясниться Митяев. – У меня самого крест пропал. Сам смотри.

Алексей схватился пальцами за разрез футболки Митяева и оттянул его, чуть не распоров посередине. В этот момент Арсений высвободил руки и с обеих сторон шлепнул Бречкину ладошками по ушам, обезвредив неуравновешенного нападающего. Тот на секунду потерялся, и Митяев сбросил с себя его тушу.

Теперь над Бречкиным нависал сам Арсений:

– Они в машине, Леха, – тяжело дыша, произнес Митя-

ев. – Если все ему расскажем, он нас поймет. В глубине души поймет... и поможет. Никуда от этого не денешься. Часики тикают, – убедительную историю выдумывать некогда.

– А если наше золото у нее, м-м? – парировал Бречкин. Арсений молчал. – Кто кому тогда присунул, а?! – Арсений Митяев поднялся на ноги и подал руку Бречкину. Тот поднялся вслед.

– Ну теперь, пацаны, – держался за бок я, опираясь об стол, – вы выложите мне все, – я заключил, что потасовка есть наглядный показатель того, что с бегством и пьянкой все не так однозначно.

Кажется, горе-бойцы остыли.

– Значит, речь идет о потере двух безделушек? – уточнил я.

– Это у Арса безделушка, а у меня – семейная реликвия.

– А обращаешься с ней как с безделушкой с китайского рынка, Бречкин. Ну? И что это за тачка такая?

Бречкин озадаченно глянул на Арсения.

– «BMW X5».

От удивления меня чуть не парализовало.

– Не могли найти машину попроще? Так, ладно. Полагаю, остальные тоже в ней что-нибудь оставили, что потенциально может на вас вывести?

– Давайте карманы вывернем. Как в том фильме, – осенило Митяева.

– Потом. Сначала важное: как вы умудрились ее угнать и

откуда? – задал вопрос я.

– С соседнего двора. Ее владелец – идиот.

– Вы недалеко от него ушли.

– Говорю же, владелец даже не заметил. Чибриков ее за минуту вскрыл.

– Ты так в этом уверен, Арс? А если пропажу обнаружат, а внутри ваши вещи, ваши пальчики? – масштаб проблемы разрастался с каждой секундой. – Я гляжу, вы прям экстрасенсы. А почему не можете предугадать, куда полетит шайба, как себя поведет соперник, с каким счетом кончится матч? Столько бы на ставках подняли, столько бы матчей выиграла, что пять таких машин себе с легкостью бы купили, чтоб по саунам и шлюхам кататься. Знаете, я тоже немного экстрасенс и скажу, что вас ждет: хозяин заявит о пропаже, машину найдут, а вас по горячим следам вычислят, ибо вы наследили, судя по всему, в половине Челябинска. Вас наверняка видела куча народа. И все! Ваши жизни разрушены по глупости... из-за бутылки. А ваши грезы о МХЛ, КХЛ, НХЛ... До свидания! На помойку! О чем вы только думали?

– Хоккеистов из Магнитогорска просто так не сломать, – заявил Леша.

– Алкоголь и не таких ломал.

– Мы не думали об этом, – произнес Арсений.

– Тогда скажи ради богов всех времен, ради всех святынь мира, ради всех взорвавшихся вулканов, ради всех правд и неправд, ради всех, кто воевал и пал, что вами двигало,

Арс?!

– Мы просто хотели отдохнуть, провести ночь на полную катушку. Можно ведь и на взлете погибнуть. И что в таком случае будет у тебя за душой? Ничего.

– Знаете, чем опасна такая жизнь? Наверно, вы уже начали понимать... Никогда не знаешь, что за этим последует. Твой самолет может упасть, у машины могут отказать тормоза, а бесценная золотая цепочка может просто взять и кануть в лету. Вы знатно попали. Поздравляю.

– А ведь все начиналось как самая лучшая ночь в нашей гребаной жизни...

– Обычно после таких ночей следуют самые ужасные в жизни дни, – сказал я, однако нижеследующие реплики побудили меня к радикальным действиям.

– Тут и твоя вина есть, – выдал Бреча.

– Я, что ли, вам в рот наливал?! – восклицал я.

– Плохо следил.

– Тебе ли об этом рассуждать, Бречкин?!

Поддел он меня знатно.

– Надеюсь, теперь ясно, для чего я нахожусь рядом с вами. Интересно, закрывают ли целые команды из-за коллективного помешательства?

– Что, все так серьезно?

– А ты как думал?! Давайте-ка мне всю историю с самого начала, – попросил я. – И без тайн мадридского двора.

Мне бегло пересказали ход ночных событий (как я понял

позднее, в сокращенном виде): бухнули, угнали тачку, потушили в клубе, поехали кататься, бросили «BMW» черт знает где и вернулись обратно на такси. Во время рассказа я периодически вскакивал, вскрикивал, размахивал руками, хватался за голову, перебирая как ругательства, так и различные способы спасти положение. Как только рассказ кончился, мне хотелось убить парней за то, что они учинили, но идея навести порядок в царящем хаосе не казалась мне такой уж невыполнимой, учитывая, с какой непринужденностью шайка, к примеру, выбралась из гостиницы и вскрыла машину.

– Да-а-а, ребята, – подытожил я. – Я от вас такого не ожидал. Хотя нет. Я ожидал от вас именно этого, – в голове не укладывалось, как я умудрился допустить все это великолепиие. – Лес горит от своих же деревьев.

– Я думал, – произнес Арсений, – после такого ты нас убьешь на месте.

– Еще не вечер, Арс, еще не вечер, – приговаривал я, расхаживая по кухне. Мне стало душно. – Не в моих правилах сообщать вам об опасностях, ведь большинство из них создаю я. Но тем не менее... Арсен! Леша-то наглухо отбитый, но ты... ты-то куда?! У тебя вообще есть мозги, я понять не могу?! Или твоего размера на складе не осталось? Что же с твоей карьерой станет, черт? Ты не имеешь никакого права рисковать смыслом всей своей жизни! Один неловкий шаг, и будущее уже не столь безоблачно. Путь к цели – это

дорожка, ведущая в гору, переполненная перевалами и серпантинами. Чтобы спуститься с горы, особого ума не нужно, усилия не понадобятся, тебя самого несет в пропасть. А вот чтобы вскарабкаться на вершину, нужно каждый день преодолевать себя и воздерживаться от искушений – это надрыв, напряжение, испытание. Ты в теме с самого детства. И ты готов обнулить полжизни из-за какой-то параша? А если бы ты получил травму? А о родителях ты подумал? Сколько они отдали, чтобы ты встал на коньки и на каждом углу гордо сообщал всем, что хоккеист?! А ты берешь и обесцениваешь их труды, просто плюешь в их сторону, растаптываешь их наследие. Что вы еще можете делать?! Только клюшку с шайбой гонять. Лишиться хоккея – пиши пропало.

Сеня с Лехой стояли рядом. Надеюсь, хоть что-то до них дошло.

– Петь, что-нибудь еще можно сделать? – виновато произнес Митяев.

– Вы уже все сделали!

– Придумай что-нибудь. Ты же мозг.

– Почему все говорят мне об этом только тогда, когда им что-то нужно? – обидчиво отметил я. – Плоды вашего веселья, если за них не взяться, в скором времени превратятся в трагедию. А спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Ты сливаешься?

– Если бы. Ваш побег и мне выйдет боком. Так что теоре-

тически я с вами в одной упряжке.

– Что ты хочешь предпринять?

– Собственно, как и всегда – пойду исправлять ваши косяки. Есть один план. Если все получится, то никто ни о чем не узнает: мой авторитет не пострадает, вас не уволят и не посадят – вы будете играть и уверенно глядеть в будущее. Да будет так. Аминь, – решил я и направился в комнату к остальным возмутителям порядка. Леша и Арс плелись за мной.

– Нам что делать? – спросил Митяев, когда мы зашли в номер, где тем временем не находили себе места Кошкарский, Брдобреев, Чибриков и Абдуллин.

– Идти спать. И не вставать, пока я не скажу.

– Ага, уснешь тут, – произнес Степан.

– А ты баранов посчитай – их тут много, – я поднял с пола ремень и протянул его Арсению. – Возьми, это твое.

– Не знал, что он еще способен так больно бить.

– В умелых руках и швабра стреляет. Итак, – хлопнул в ладоши я, приблизившись к Чибрикову, – Богдаша, напряги свои воробьиные извилины и вспомни, где взял машину? – тот посмотрел на Митяева, который ему кивнул, что означает «можно говорить».

Чибриков указал точное место.

– Хорошо. Бречкин, говори адрес, где вы бросили тачку? – Леша ответил. – И номер здешнего такси дай.

– Погодь, – усомнился Абдуллин, – ты хочешь сказать,

что...

– Да, именно так, – я предвосхитил его вопрос. – Я верну на место машину, которую вы взяли. И все будет как прежде. Сделаем вид, что ничего не было. А все, кто вас видел, подумают, что это коллективная галлюцинация. Сеня, это точно все места, где вы наследили? – тот уверенно кивнул, поймав непонимающий взгляд Брადобреева. – Так, – продолжил я, – мало ли что станется со мной, поэтому гоните на бочку все деньги, что у вас остались.

– С чего это?!

– В ближайшее время они вам точно не понадобятся, – заверил я, собирая дань. – А это еще что за гадость? – спросил я Абдуллина, когда он протянул мне мятую купюру, измазанную в чем-то красном.

Тема ответить не успел – помешал Павлик:

– Твою ж мать, кошелька нет, – выдал Брადобреев. – Я и шапку где-то посеял, дебил.

– Запомни последнее слово, Пашка. Оно очень емкое – замечательно тебя характеризует. Шапка, говоришь? Которая с эмблемой клуба?

– Она самая.

– Кто еще что потерял? – с недовольством спросил я. После беглых поисков мне огласили примерный перечень потерь. – Ясно. Брადобреев, надеюсь, ключи от чердака ты не посеял?

– Какие ключи? – сыграл непонимание Пашка. – От како-

го чердака?

– Боже, выйди уже из режима идиота.

– Если бы я их потерял, мы бы давно отморозили яйца снаружи.

– Вам полезно. Гони сюда, – я протянул руку за связкой ключей.

– Постой, ты реально туда собрался? – спросил Брэдобреев.

– Чего только не сделаешь ради команды. У вас же так принято? – оглядел хоккеистов я. – Хоть вы все и неуправляемые засранцы, но я бы не хотел, чтобы банальный выезд обрушил ваши карьеры.

– А если тебя поймают?

– Буду импровизировать, – я старался не думать об опасностях и осложнениях, коими полнился мой рискованный план.

– Смысл подрываться? Давай на чистоту, очконавт: ты не сможешь.

– Если не веришь в мои способности, Леша, то не веришь и в свои. В тюряге с тобой церемониться не станут.

В разговор вступил Арсений:

– Подожди. В школе ты говорил, что водить не умеешь.

– Нынешние проблемы явно не школьного уровня, ведь так, Арсен?

– Я с тобой пойду, – произнес Митяев.

– Ты на ногах еле стоишь. Зачем ты мне сдался? Ты уже

свою часть сделал, герой. И тебе известно, что я работаю один, – огласил собственное кредо я.

– В этом и проблема.

– Меня сейчас больше беспокоит другая проблема. Как спасти ваши жопы. Как спасти твою жопу, Арс. И мне будет сподручнее одному, а не с балластом в виде поддатого и самонадеянного хоккеюги, который все никак не может успокоиться и хочет кому-то что-то доказать.

– Не трещи, Петь. Башка и без тебя ватная.

– А ты уверен, что тебе тоже нужно что-то нам доказывать? – спросил Митяев.

«Ты даже не представляешь, насколько я уверен. Это мой последний шанс – другого не представится», – подумал я, глядя на близкого друга.

– Проспитесь, – сказал я. – Утро вечера мудренее.

– Как можно уснуть, когда мы здесь, а ты там?

– Степа, ты просто-напросто вспомни все гадости, что я тебе сделал, и переживания исчезнут сами собой.

– Почему ты всегда видишь в людях только плохое?

– Чтобы знать наперед и не расстраиваться, если ошибся в человеке.

– Удачи, – без сарказма произнес Брადобреев.

– Спасибо, – искренне ответил я. – Я-то справлюсь.

– А как же бинты?

– Сделаю вид, что их просто нет. И утеплюсь хорошенько.

А вам, парни, надо поспать – самое то после пьянки.

«Откуда мне это известно?» – задался вопросом я.

– Если б это просто пьянка была, – выдал Кошкарский.

– Будем расстраиваться, если я не смогу все исправить.

Ладно, хорош трепаться. Пора в путь.

Я не успел выйти за порог, как Арсений окликнул меня:

– Петь.

– Чего?

– Спасибо.

– Пока не за что.

– Мы всегда знали, что ты... четкий пацан, – выдавил из себя любезность Богдан.

– Видимо, осознание столь очевидной истины спрятано где-то очень глубоко в ваших головах. Думаю, один лишь Арсений был ближе всего к правде... И все равно умудрялся меня провоцировать.

– Куда ж я без команды, – ответил Митяев, глядя на партнеров.

– Ладно, не о том сейчас речь. Если не вернусь утром, можете сдаваться.

– У тебя получится, – заверил Кошкарский.

– Если вам удалось заварить кашу, я смогу вернуть все назад. Не впервой.

– Миссия невыполнима, – стоял на своем Бречкин, явно выбиваясь из коллектива: остальные только сейчас осознали всю глубину проблемы и поняли, что все решить смогу лишь я.

– Спорное заявление, – сжал кулаки я, намереваясь встретиться лицом к лицу с неизвестностью, холодом и следами непреднамеренного нарушения парочки законов Российской Федерации. До сих пор не могу понять, что мной двигало тогда. – Всем спать.

Еще долго в первой комнате лежали ни в одном глазу.

– Знаете, мужики, – вещал Паша Брадобреев, глядя в потолок. – Я только сейчас понимать начинаю...

– Что Земля круглая? – не терял позитивного настроения Митяев.

– Нет, блять! Что на самом деле означает выражение «похмелье временно, а истории с пьянок вечны».

– Во что мы ввязались, парни? – спросил Абдуллин.

– Меня больше возмущает, почему вы нас бросили в «Макдаке»? – решил поднять другой вопрос Кошкарский.

– Пораскинь мозгами, Степа, – ответил Арсений.

– Да все ясно с вами. Чтобы Лизу на кочедык насадить.

– Раз ты все знаешь, что за привычка вопросы задавать?

– Так что в итоге с Лизой? – спросил Степка.

– Сейчас фотку покажу, – взялся за мобильник Арс и протянул его Степе, к которому мигом подпрыгнул Абдуллин.

– Тут просто черный фон.

– Конечно, в машине же темно, – заржал Митяев, отдав пять Брадобреву.

– Как я рад, что тебя обломали, юморист, – злорадно выдал Степан.

– Надо было в сауну идти, – произнес Брадобреев, – а Озерова гнать отсюда ссаными тряпками. Типок всегда был скользким.

– Пусть сам свои проблемы решает, – согласился Тема.

– Еще бы. У него же нет Пети.

– Кстати, о нем. Арс, ему можно доверять? Сколько мы его терпим уже? Два месяца? Больше?

– Разве ты не знаешь ответ? – спросил Митяев.

– Для каждого он свой, судя по всему, – отметил Пашка.

– Я вот понял, что он собой представляет на самом деле.

Он совсем не тот, кем так хочет казаться.

– Считаешь, что он... нормальный? Свой?

– Как-то раз, – заговорил Арсений, – вышло так, что на днюхе у хмыря одного зимой я по синьке выбежал на улицу, чтобы догнать козла одного. Мне казалось это очень важным. Пока остальные ржали и продолжали бухать, Елизаров схватил чью-то куртку и понесся за мной. А я был в таком состоянии, когда вообще не отдупляешь, что творишь. И холода не чувствуешь... до поры до времени. Я в неадеквате – не подпускаю Петю к себе, а он упорно идет за мной по улице. Когда я вдруг понимаю, что конкретно закоченел, этот крендель тут как тут с курткой и чекушкой, представляете? Он не дал мне окончательно окочуриться на морозе и довел меня до дома. Я же знатно нажрался тогда. Прикол в том, что

я даже не простудился. Нечто подобное этот парень выдал и сегодня – теперь уже с нами. Думаю, если попросить его сдать ЕГЭ за меня, он это сделает. Не знаю как, но сделает.

– Хм, занятная история.

– Ничего, что мы умолчали про ту часть ночи, где нас чуть не пристрелили? – спросил Кошкарский.

– Если бы я рассказал Пете еще и об этом, он бы точно стружку с нас снял.

– А если вдруг он наткнется на...

– Вряд ли. Машину всего-то нужно перегнать с одного места на другое. С «Хамелеоном» она ведь никак не связана.

– Хоть бы она осталась на месте.

– А девка из нее исчезла.

– С другой стороны, нам на руку, если ее угонят, – предложил Паша.

– Что же делать с вещами, которые мы в ней забыли?

– Точно, блять. Тогда вариант не канает.

– Мне даже страшно представить, что там у вас произошло, – произнес Степа, – если вы не вернули тачку обратно.

– Вот и бойся дальше.

– Арсен, – воскликнул Пахан.

– Чего?

– Ты хоть понимаешь, каким другом, мать его в душу, располагаешь? Мне до этой ночи казалось, что демон-очкарик люто нас ненавидит, только и ждет, чтобы вместе с тренером знатно над нами позалупаться. А тут он берет и самоотвер-

женно уходит исправлять наши ошибки, решать наши проблемы. Благополучие команды и каждого из нас сейчас зависит от этого чудика.

– Я знаю, Пашка. В том весь Петя – человек непредсказуемый и контрастный. Я обязательно отплачу ему... добром на добро – даже не обсуждается.

– Правильно ли было отпустить его одного?

– Справится.

– Он сам-то хоть понял, что делает?

– Одно известно точно, – констатировал Арсений, – он делает все это для нас. И всегда все делал для нас – мы просто не понимали этого.

– До меня сейчас только начинает доходить... Впервые в жизни болею за этого парня, – сказал Степа. – Мы в заднице, если он вернется ни с чем.

– Есть небольшая, но вероятность, что все выгорит.

– По факту у нас незавидная картина вырисовывается: мы засветились, где только могли. На нас угон, хулиганство, дебош и похищение. А нарушение режима – это теперь вообще ни о чем.

– Не нагнетай, Абдуллин. И без того тошно.

– Я хочу завязать с такими попойками. Нет в них ничего хорошего.

– Только истории, чтобы внукам рассказывать.

– Хоть бы обошлось.

– А чего тебе беспокоиться, Пашка? У тебя же папка тре-

нер.

- Это ничего не значит.
- Ага, лечи кого-нибудь другого.
- А если нас все же найдут и повяжут?
- Бречкин-старший всех нас выкупит.
- Дело ваше, – произнес Арсений, – а я спать.

Продолжение следует...